А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

5

А.Н.ОСТРОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
5

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1975

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

5

ПЬЕСЫ

(1878—1884)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1975

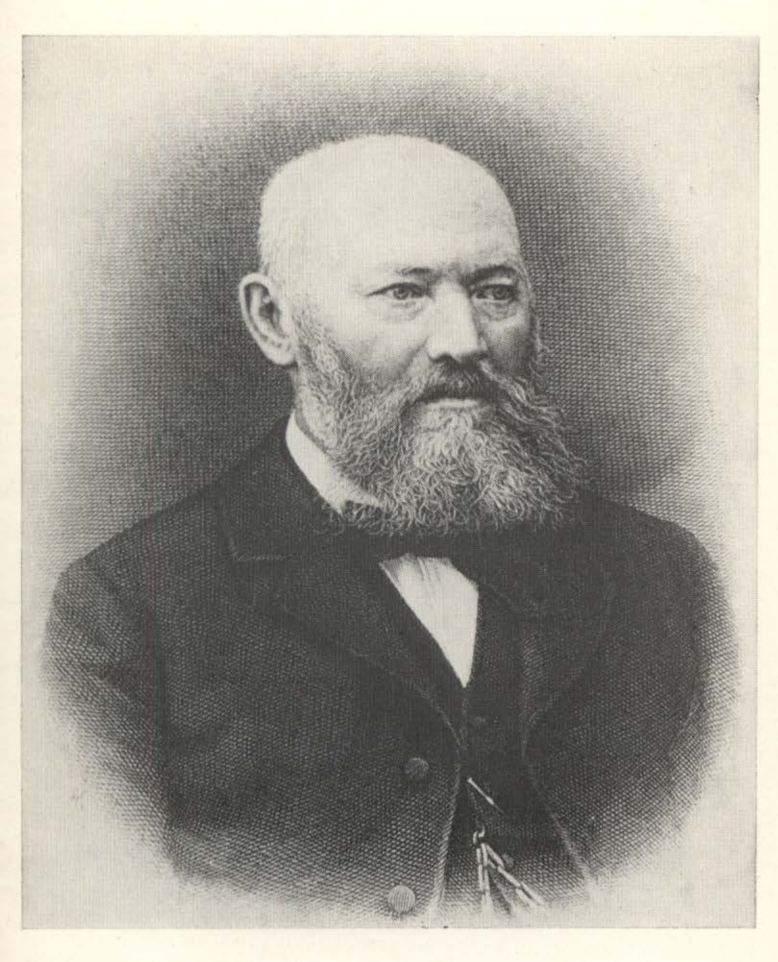
Подготовка текста
и комментарий
Е. И. Прохорова

Редактор тома
В. Я. Лакшин

Оформление
Т. П. Винокуровой
Л. И. Орловой

В оформлении переплета использованы литографии русских художников второй половины XIX века.

О $\frac{70600\text{-}153}{025(01)\text{-}75}$ подписное

Гравированный портрет с фотографии
М. Панова. 1884 г.

ПЬЕСЫ

БЕСПРИДАННИЦА

Драма
в четырех
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ХАРИТА ИГНАТЬЕВНА ОГУДАЛОВА,
вдова средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

ЛАРИСА ДМИТРИЕВНА,
ее дочь, девица; одета богато, но скромно.

МОКИЙ ПАРМЕНЫЧ КНУРОВ,
из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием.

ВАСИЛИЙ ДАНИЛЫЧ ВОЖЕВАТОВ,
очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец.

ЮЛИЙ КАПИТОНЫЧ КАРАНДЫШЕВ,
молодой человек, небогатый чиновник.

СЕРГЕЙ СЕРГЕИЧ ПАРАТОВ,
блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

РОБИНЗОН.

ГАВРИЛО,
клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

ИВАН,
слуга в кофейной.

Действие происходит в настоящее время, в большом городе Бряхимове на Волге.

Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной; направо от актеров вход в кофейную, налево — деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу, на большое пространство: леса, села и проч.; на площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой — на левой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гаврило стоит в дверях кофейной, Иван приводит в порядок мебель на площадке.

Иван. Никого народу-то нет на бульваре.

Гаврило. По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых.

Иван. Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Гаврило. А вот около вечерен проснутся, попьют чайку до третьей тоски...

Иван. До тоски! Об чем тосковать-то?

Гаврило. Посиди за самоваром поплотнее, поглотай часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает... Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

Иван. Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он так себя утруждает?

Гаврило. Для моциону.

Иван. А моцион-то для чего?

Гаврило. Для аппетиту. А аппетит нужен ему для обеду. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь?

Иван. Отчего это он все молчит?

Гаврило. «Молчит»! Чудак ты. Как же ты хочешь, чтобы он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

Иван. А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговорчив.

Гаврило. Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; еще мало себя понимает; а в лета войдет, такой же идол будет.

Слева выходит Кнуров и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кнуров, Вожеватов, Гаврило и Иван.

Вожеватов *(почтительно кланяясь)*. Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

Кнуров. А! Василий Данилыч! *(Подает руку.)* Откуда?

Вожеватов. С пристани. *(Садится.)*

Гаврило подходит ближе.

К н у р о в. Встречали кого-нибудь?

В о ж е в а т о в. Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Г а в р и л о. Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

В о ж е в а т о в. Да, «Ласточку». А что?

Г а в р и л о. Резво бегает, сильный пароход.

В о ж е в а т о в. Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Г а в р и л о. Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

И в а н. Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит сверху.

В о ж е в а т о в. Мало ль их по Волге бегает.

И в а н. Это Сергей Сергеич едут.

В о ж е в а т о в. Ты думаешь?

И в а н. Да похоже, что они-с... Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

В о ж е в а т о в. Разберешь ты кожухи за семь верст!

И в а н. За десять разобрать можно-с... Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

В о ж е в а т о в. А далеко?

И в а н. Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Г а в р и л о. Ты говоришь, выстилает?

И в а н. Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Г а в р и л о. Они едут-с.

В о ж е в а т о в *(Ивану)*. Так ты скажи, как приставать станут.

И в а н. Слушаю-с... Чай, из пушки выпалят.

Г а в р и л о. Беспременно.

В о ж е в а т о в. Из какой пушки?

Г а в р и л о. У них тут свои баржи серёд Волги на якоре.

В о ж е в а т о в. Знаю.

Г а в р и л о. Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, всегда палят. *(Взглянув в сторону за кофейную.)* Вон и коляска за ними едет, извозчицкая, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин, Чирков, на козлах.— Это за ними-с.

В о ж е в а т о в. Да почем ты знаешь, что за ними?

Г а в р и л о. Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это

ужасти смотреть... как львы... все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! — За ними-с.

Иван. И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того и гляди, переломится.

Гаврило. Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

Кнуров. С шиком живет Паратов.

Вожеватов. Уж чего другого, а шику довольно.

Кнуров. Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов. Дешево, Мокий Парменыч.

Кнуров. Да, разумеется; а то, что за расчет покупать. Зачем он продает?

Вожеватов. Знать, выгоды не находит.

Кнуров. Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, особенно коли дешево-то купите.

Вожеватов. Нам кстати: у нас на низу грузу много.

Кнуров. Не деньги ль понадобились? Он ведь мотоват.

Вожеватов. Его дело. Деньги у нас готовы.

Кнуров. Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов. Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

Кнуров. Знаю, Василий Данилыч, знаю.

Вожеватов. Не выпить ли холодненького, Мокий Парменыч?

Кнуров. Что вы, утром-то! Я еще не завтракал.

Вожеватов. Ничего-с. Мне один англичанин — он директор на фабрике — говорил, что от насморка хорошо шампанское натощак пить. А я вчера простудился немного.

Кнуров. Каким образом? Такое тепло стоит.

Вожеватов. Да все им же и простудился: холодно очень подали.

Кнуров. Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря — шампанское пьют.

Вожеватов. А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

Кнуров. Ну, чай — другое дело.

Вожеватов *(Гавриле)*. Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврило. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Кнуров. Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов. Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

Кнуров. Остроумно.

Вожеватов. Нужда всему научит, Мокий Парменыч.

Кнуров. Едете в Париж-то на выставку?

Вожеватов. Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

Кнуров. И я на днях, уж меня ждут.

Гаврило приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

Вожеватов *(наливая)*. Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

Кнуров. Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов. За Карандышева.

Кнуров. Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч.

Вожеватов. Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

Кнуров. Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

Вожеватов. Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов в самый обрез: сколько приданых, столько и женихов, лишних нет — бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

Кнуров. Бойкая женщина.

Вожеватов. Она, должно быть, не русская.

Кнуров. Отчего?

Вожеватов. Уж очень проворна.

Кнуров. Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная; и вдруг за какого-то Карандышева!.. Да с ее-то ловкостью... всегда полон дом холостых!..

Вожеватов. Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет. Ну, а жениться-то надо подумавши.

К н у р о в. Ведь выдала же она двух.

В о ж е в а т о в. Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-то была! Как увидал, затрясся, заплакал даже — так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

К н у р о в. Огудалова разочла не глупо: состояние небольшое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

В о ж е в а т о в. Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает...

К н у р о в. Где ж она берет?

В о ж е в а т о в. Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, тот и раскошеливайся. Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

К н у р о в. Ну, я думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

В о ж е в а т о в. Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что ж делать! За удовольствия платить надо, они даром не даются, а бывать у них в доме — большое удовольствие.

К н у р о в. Действительно удовольствие — это вы правду говорите.

В о ж е в а т о в. А сами почти никогда не бываете.

К н у р о в. Да неловко; много у них всякого сброду бывает; потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут. Вот, например, Карандышев,— ну что за знакомство для меня!

В о ж е в а т о в. Да, у них в доме на базар похоже.

К н у р о в. Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слова сказать. Приятно с ней одной почаще видеться, без помехи.

В о ж е в а т о в. Жениться надо.

К н у р о в. Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

В о ж е в а т о в. Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

К н у р о в. Вы думаете?

В о ж е в а т о в. Видимое дело. Не таких правил люди: мало ли случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

К н у р о в. А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

В о ж е в а т о в. Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

В о ж е в а т о в. Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

К н у р о в. Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость — великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

В о ж е в а т о в. Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я очень молод, а не зарвусь, лишнего не передам.

К н у р о в. Не ручáйтесь! Долго ли в ваши лета влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

В о ж е в а т о в. Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

К н у р о в. Чего?

В о ж е в а т о в. А вот, что любовью-то называют.

К н у р о в. Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы к ней гораздо ближе, чем другие.

В о ж е в а т о в. Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которых девушкам читать не дают.

К н у р о в. Развращаете, значит, понемножку.

В о ж е в а т о в. Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей — не опекун.

К н у р о в. Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, совсем женихов не было?

В о ж е в а т о в. Были, да ведь она простовата.

К н у р о в. Как простовата? То есть глупа?

Вожеватов. Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

Кнуров. То есть правду?

Вожеватов. Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году появился, наглядеться на него не могла; а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез, неизвестно куда.

Кнуров. Что с ним сделалось?

Вожеватов. Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

Кнуров. А после Паратова были женихи?

Вожеватов. Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе и не до них, а любезничать надо было, маменька приказывает.

Кнуров. Однако положение ее незавидное.

Вожеватов. Да, смешно даже. У ней иногда слезинки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг проявился этот кассир... Вот бросал деньги-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, говорит, с нас сраму-то: за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли — разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

Кнуров. Откуда взялся этот Карандышев?

Вожеватов. Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда перемежка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набежит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгры-

вает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех. А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником, взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

Кнуров. И что же?

Вожеватов. Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

Кнуров. Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

Вожеватов. Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именьишко, пока разговоры утихнут,— так и Огудаловым хотелось,— а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того и гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется — едва кивает; тон какой взял: прежде и не слыхать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуров. Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломается, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать.

Вожеватов. Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуров. Бедная девушка! как она страдает, на него глядя, я думаю.

Вожеватов. Квартиру свою вздумал отделывать,— вот чудит-то. В кабинете ковер грошевый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь: человек самолюбивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысаках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров. Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.

Вожеватов. Что это вы очень жалостливы стали?

Кнуров. Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов. И хорошего ювелира.

Кнуров. Совершенную правду вы сказали. Ювелир — не простой мастеровой: он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опошлится.

Вожеватов. А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она, как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он... *(Тихо.)* Вот они, легки на помине-то.

Входят Карандышев, Огудалова, Лариса. Вожеватов встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кнуров, Вожеватов, Карандышев, Огудалова; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу; Гаврило и Иван.

Огудалова *(подходя к столу)*. Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов подает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты.

Вожеватов. Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

Огудалова. Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватов. Иван, подай чашку да прибавь кипяточку!

Иван берет чайник и уходит.

Карандышев. Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов. Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить не знаю. Посоветуйте — буду очень благодарен.

К а р а н д ы ш е в *(смотрит на часы)*. Теперь — полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего. Я всегда так завтракаю.

В о ж е в а т о в *(Огудаловой)*. Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь. *(Карандышеву.)* Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки да винца! Нам так нельзя-с, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свете, у нас дела очень велики; так нам разума-то терять и нельзя.

И в а н подает чайник и чашки.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! *(Наливает и подает чашку.)* Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

О г у д а л о в а. Чай-то холодный, только, Вася, ты мне крепко налил.

В о ж е в а т о в. Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

К а р а н д ы ш е в *(Ивану)*. Приходи ко мне сегодня служить за обедом!

И в а н. Слушаю-с, Юлий Капитоныч.

К а р а н д ы ш е в. Ты, братец, почище оденься!

И в а н. Известное дело — фрак; нешто не понимаем-с!

К а р а н д ы ш е в. Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ка вы ко мне обедать сегодня!

В о ж е в а т о в. Покорно благодарю. Мне тоже во фраке прикажете?

К а р а н д ы ш е в. Как вам угодно: не стесняйтесь. Однако дамы будут.

В о ж е в а т о в *(кланяясь)*. Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

К а р а н д ы ш е в *(подходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

К н у р о в *(с удивлением оглядывает его)*. У вас?

О г у д а л о в а. Мокий Парменыч, это все равно, что у нас,— этот обед для Ларисы.

К н у р о в. Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

К а р а н д ы ш е в. Так уж я буду надеяться.

К н у р о в. Уж я сказал, что приеду. *(Читает газету.)*

Огудалова. Юлий Капитоныч — мой будущий зять: я выдаю за него Ларису.

Кнуров *(продолжая читать)*. Это ваше дело.

Карандышев. Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я и вообще всегда был выше предрассудков.

Кнуров закрывается газетой.

Вожеватов *(Огудаловой)*. Мокий Парменыч строг.

Карандышев *(отходя от Кнурова к Вожеватову)*. Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

Вожеватов. Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. *(Гавриле.)* Гаврило, сколько с меня за чай?

Гаврило. Две порции изволили спрашивать?

Вожеватов. Да, две порции.

Гаврило. Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз... Тринадцать рублей-с.

Вожеватов. То-то, я думал, что подешевле стало.

Гаврило. С чего дешевле-то быть! Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватов. Да ведь я не спорю с тобой: что ты пристаешь! Получай деньги и отстань! *(Отдает деньги.)*

Карандышев. За что же так дорого? Я не понимаю.

Гаврило. Кому дорого, а кому нет. Вы такого чаю не кушаете.

Огудалова *(Карандышеву)*. Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

Иван. Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

Вожеватов. Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит; не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

Кнуров. Пойдемте. Любопытно. *(Встает.)*

Огудалова. Вася, я доеду на твоей лошади.

Вожеватов. Поезжайте, только пришлите поскорей! *(Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)*

Огудалова *(подходит к Кнурову)*. Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот.

Кнуров. Да.

Огудалова. И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать... Вот завтра рожденье Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить.

Кнуров. Хорошо; я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Лариса *(Вожеватову)*. До свиданья, Вася!

Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Карандышев и Лариса.

Лариса. Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев. Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса. Ничего, так,— пустяки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес... *(Задумчиво.)* Уедемте, уедемте отсюда!

Карандышев. Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Лариса. Ах, да об чем бы он ни говорил,— что вам за дело!

Карандышев. Называете его Васей. Что за фамилиарность с молодым человеком!

Лариса. Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе — ну, я и привыкла.

Карандышев. Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком! Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Лариса *(обидясь)*. У нас ничего дурного не было.

Карандышев. Был цыганский табор-с — вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем же вы обиделись, помилуйте!

Лариса. Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере, весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

Карандышев. Уж конечно.

Лариса. Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке; значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь. Колоть беспрестанно мне глаза цыган-

ской жизнью или глупо, или безжалостно. Если бы я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей — разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутии; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их!

Карандышев. Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел вас обидеть, это я сказал так...

Лариса. Что значит «так»? То есть не подумавши? Вы не понимали, что в ваших словах обида, так, что ли?

Карандышев. Конечно, я без умыслу.

Лариса. Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно? Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев. В таком случае я прошу извинить меня.

Лариса. Да бог с вами, только вперед будьте осторожны! *(Задумчиво.)* Цыганский табор... Да, это, пожалуй, правда... но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди.

Карандышев. Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Лариса. Нет, я прошу вас, вы не говорите о нем!

Карандышев. Да почему же-с?

Лариса. Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так... извините, не вам о нем судить.

Карандышев. Об людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами?

Лариса. Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

Карандышев. Лариса Дмитриевна, скажите мне, только, прошу вас, говорите откровенно!

Лариса. Что вам угодно?

Карандышев. Ну чем я хуже Паратова?

Лариса. Ах, нет, оставьте!

Карандышев. Позвольте, отчего же?

Л а р и с а. Не надо! не надо! Что за сравнения!

К а р а н д ы ш е в. А мне бы интересно было слышать от вас.

Л а р и с а. Не спрашивайте, не нужно!

К а р а н д ы ш е в. Да почему же?

Л а р и с а. Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите, вы хороший, честный человек; но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

К а р а н д ы ш е в. Ведь это только слова: нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько!

Л а р и с а. С кем вы равняетесь! Возможно ли такое ослепление! Сергей Сергеич... это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя, оно умрет со мной.

К а р а н д ы ш е в. Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость... Да это всякий может, если захочет.

Л а р и с а. Да вы знаете, какая это смелость?

К а р а н д ы ш е в. Да какая ж такая, что тут необыкновенного? Сто́ит только напустить на себя.

Л а р и с а. А вот какая, я вам расскажу один случай. Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас. Сергей Сергеич и говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете».— «Да, недурно»,— говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте»,— говорит.

К а р а н д ы ш е в. И он стрелял?

Л а р и с а. Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее.

К а р а н д ы ш е в. И вы послушали его?

Л а р и с а. Да разве можно его не послушать?

К а р а н д ы ш е в. Разве уж вы были так уверены в нем?

Л а р и с а. Что вы! Да разве можно быть в нем неуверенной?

Карандышев. Сердца нет, оттого он так и смел.

Лариса. Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

Карандышев. Ну, положим, Паратов имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере, в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Лариса. Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте! Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышев. А если б явился Паратов?

Лариса. Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его взгляда... Успокойтесь, он не явится, а теперь хоть и явится, так уж поздно... Вероятно, мы никогда и не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

Карандышев. Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Лариса. Ах, как я испугалась!

Карандышев. Чего, помилуйте?

Лариса. У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

Карандышев. Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Лариса. Пойдемте домой, пора!

Карандышев. Да и мне нужно, у меня ведь обед.

Лариса *(подойдя к решетке)*. Подождите немного. *(Смотрит вниз.)* Ай, ай! держите меня!

Карандышев *(берет Ларису за руку)*. Пойдемте, что за ребячество!

Уходят.

Гаврило и Иван выходят из кофейной.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гаврило и Иван.

Иван. Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Г а в р и л о. Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

И в а н. Коляска пустая в гору едет, значит, господа пешком идут. Да вон они! *(Убегает в кофейную.)*

Г а в р и л о. Милости просим. Чем только их попотчевать-то, не сообразишь.

Входят П а р а т о в (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), Р о б и н з о н (в плаще, правая пола закинута на левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок), К н у р о в, В о ж е в а т о в; И в а н выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать Паратова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П а р а т о в, Р о б и н з о н, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Г а в р и л о и И в а н.

П а р а т о в *(Ивану)*. Да что ты! Я с воды, на Волге-то не пыльно.

И в а н. Все-таки, сударь, нельзя же... порядок требует. Целый год вас не видали, да чтобы... с приездом, сударь.

П а р а т о в. Ну, хорошо, спасибо! На! *(Дает рублевую бумажку.)*

И в а н. Покорнейше благодарим-с. *(Отходит.)*

П а р а т о в. Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

В о ж е в а т о в. Да ведь я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

П а р а т о в. Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет»; да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!», а он у них дрова отнимает. Вылез из своей мурьи: «Если вы, говорит, хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом. Мокий Парменыч, Василий Данилыч! Рекомендую: Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову и Вожеватову.

Вожеватов. А как их по имени и отчеству?
Паратов. Так, просто, Робинзон, без имени и отчества.
Робинзон *(Паратову)*. Серж!
Паратов. Что тебе?
Робинзон. Полдень, мой друг, я страждю.
Паратов. А вот погоди, в гостиницу приедем.
Робинзон *(показывая на кофейную)*. Voilà![1]
Паратов. Ну, ступай, черт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; он характера непокойного.
Робинзон *(пожимая плечами)*. Серж! *(Уходит в кофейную, Гаврило за ним.)*
Паратов. Это, господа, провинциальный актер, Счастливцев Аркадий.
Вожеватов. Почему же он Робинзон?
Паратов. А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым; разумеется, оба пьяные до последней возможности. Творили они, что только им в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, разрезали подушку, вывалялись в пуху и начали изображать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то взывает, поднявши руки кверху. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счастливцева. Взял его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам... Вот почему он Робинзон.
Вожеватов. А Непутевый на острове остался?
Паратов. Да на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.
Кнуров. Еще бы, конечно.
Вожеватов. Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!
Кнуров. Одно только неприятно, пьянством одолеет.
Паратов. Нет, со мной, господа, нельзя: я строг на

[1] Вот! *(франц.)*.

этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так я ему в руки французские разговоры — на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам. Ну, и учит, сидит. Как старается!

Вожеватов. Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

Паратов. Ну, нет, какой хороший! Он все амплуа прошел и в суфлерах был; а теперь в оперетках играет. Ничего, так себе, смешит.

Вожеватов. Значит, веселый?

Паратов. Потешный господин.

Вожеватов. И пошутить с ним можно?

Паратов. Ничего, он не обидчив. Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов. Очень благодарен. Коли придет по нраву, так не останется в накладе.

Кнуров. Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов. Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты. Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов. Приданое хорошее.

Паратов. Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни.

Вожеватов. Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

Паратов. Отец моей невесты важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и parlez français![1] Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он, для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня «ля-Серж», а не просто «Серж». Умора!

На крыльце кофейной показывается Робинзон, что-то жует, за ним — Гаврило.

---

[1] Говорите по-французски! *(франц.)*.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов, Робинзон, Гаврило и Иван.

Паратов *(Робинзону)*. Que faites-vous là? Venez![1]

Робинзон *(с важностью)*. Comment?[2]

Паратов. Что за прелесть! Каков тон, господа! *(Робинзону.)* Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира!

Вожеватов. Да, это за ними водится.

Робинзон. Ля-Серж, ты уж успел... Очень нужно было.

Паратов. Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

Вожеватов. Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

Робинзон. Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафта не пили.

Вожеватов. Это все равно... Что за церемонии!

Робинзон. Но я фамилиарности не терплю и не дозволяю всякому...

Вожеватов. Да я не всякий.

Робинзон. А кто же вы?

Вожеватов. Купец.

Робинзон. Богатый?

Вожеватов. Богатый.

Робинзон. И тароватый?

Вожеватов. И тароватый.

Робинзон. Вот это в моем вкусе. *(Подает руку Вожеватову.)* Очень приятно! Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

Вожеватов. Значит, приятели: два тела — одна душа.

Робинзон. И один карман. Имя-отчество? То есть одно имя, отчества не надо.

Вожеватов. Василий Данилыч.

Робинзон. Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня!

Вожеватов. Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Гаврило. А у меня, Сергей Сергеич, два ананасика

---

[1] Что вы там делаете? Идите сюда! *(франц.)*.

[2] Как? *(франц.)*.

давно вас дожидаются; надо их нарушить для вашего приезда.

П а р а т о в *(Гавриле)*. Хорошо, срежь! *(Вожеватову.)* Делайте, господа, со мной, что хотите!

Г а в р и л о. Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких оказий; уж я и своих людей с вами отпущу.

В о ж е в а т о в. Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет; а за недостачу ответишь.

Г а в р и л о. Понимаем-с.

В о ж е в а т о в. А назад поедем, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Р о б и н з о н. Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

П а р а т о в. Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откушать сегодня, господа, прошу ко мне.

В о ж е в а т о в. Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич.

К н у р о в. Отозваны мы.

П а р а т о в. Откажитесь, господа.

В о ж е в а т о в. Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

П а р а т о в. Лариса выходит замуж! *(Задумывается.)* Что ж... Бог с ней! Это даже лучше... Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счеты покончены, и я могу опять явиться поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну для краткости тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе,— вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит... Это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня немного полегче... и дай ей бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

В о ж е в а т о в. Уж наверное и вас пригласят.

П а р а т о в. Само собой, как же можно без меня!

К н у р о в. Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

В о ж е в а т о в. Там и потолкуем, как нам повеселее время провести, может быть, и еще что придумаем.

П а р а т о в. Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться. N'est ce pas[1], Робинзон?

Р о б и н з о н. Вуй, ля-Серж.

В о ж е в а т о в. Постараемся; скучать не будете: на том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

П а р а т о в. До свидания, господа! Я в гостиницу. Марш, Робинзон!

Р о б и н з о н *(поднимая шляпу)*.

Да здравствует веселье!
Да здравствует Услад!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ОГУДАЛОВА.
ЛАРИСА.
КАРАНДЫШЕВ.
ПАРАТОВ.
КНУРОВ.
ВОЖЕВАТОВ.
РОБИНЗОН.
ИЛЬЯ-ЦЫГАН.
ЛАКЕЙ ОГУДАЛОВОЙ.

Комната в доме Огудаловой; две двери: одна, в глубине, входная; другая налево от актеров; направо окно; мебель приличная, фортепьяно, на нем лежит гитара.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О г у д а л о в а одна. Подходит к двери налево, с коробочкой в руках.

О г у д а л о в а. Лариса, Лариса!

Лариса за сценой: «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой: «После погляжу!»

---

[1] Не правда ли? *(франц.)*.

Огудалова. Какие вещи — рублей пятьсот стоят. «Положите, говорит, завтра поутру в ее комнату и не говорите, от кого». А ведь знает, плутишка, что я не утерплю, скажу. Я его просила посидеть, не остался, с каким-то иностранцем ездит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду. «Надо, говорит, этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать». Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит Кнуров.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Огудалова и Кнуров.

Кнуров *(в дверях)*. У вас никого нет?

Огудалова. Никого, Мокий Парменыч.

Кнуров *(входит)*. Ну, и прекрасно.

Огудалова. На чем записать такое счастье! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право... не знаю, где и посадить вас.

Кнуров. Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова. А Ларису извините, она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

Кнуров. Нет, зачем беспокоить!

Огудалова. Как это вы вздумали?

Кнуров. Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну, вот и зашел.

Огудалова. Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

Кнуров. Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова. Да, замуж, Мокий Парменыч.

Кнуров. Нашелся жених, который берет без денег?

Огудалова. Без денег, Мокий Парменыч, где ж нам взять денег-то.

Кнуров. Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

Огудалова. Какие средства! Самые ограниченные.

Кнуров. Да... А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

Огудалова. Не знаю, Мокий Парменыч. Я тут ни при чем, ее воля была.

Кнуров. Ну, а этот молодой человек, как, по-вашему: хорошо поступает?

Огудалова. Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

Кнуров. Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп. Что он такое, кто его знал, кто на него обращал внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например... Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует.

Огудалова. Сделайте одолжение, Мокий Парменыч!

Кнуров. Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова. Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

Кнуров. Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни.

Огудалова. Ничего нет, ничего.

Кнуров. Ведь это эфир.

Огудалова. Эфир, Мокий Парменыч.

Кнуров. Она создана для блеску.

Огудалова. Для блеску, Мокий Парменыч.

Кнуров. Ну, а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

Огудалова. Нет, где же!

Кнуров. Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Зачахнуть, а потом, как водится,— чахотка.

Огудалова. Ах, что вы, что вы! Сохрани бог!

Кнуров. Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

Огудалова. Опять беда, Мокий Парменыч: чем нам жить с дочерью!

Кнуров. Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека...

Огудалова. Хорошо, как найдется это участие.

Кнуров. Надо постараться приобресть. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного иметь необходимо.

О г у д а л о в а. Уж как необходимо-то.
К н у р о в. Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтоб вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею. Что вы улыбаетесь?
О г у д а л о в а. Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.
К н у р о в. Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?
О г у д а л о в а. Ах, Мокий Парменыч!
К н у р о в. Обижайтесь, если угодно, прогоните меня.
О г у д а л о в а *(конфузясь)*. Ах, Мокий Парменыч!
К н у р о в. Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать, не найдете. Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?
О г у д а л о в а. Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать.
К н у р о в *(рассматривая вещи)*. Да...
О г у д а л о в а. Да дорого, не по карману.
К н у р о в *(отдает коробочку)*. Ну, это пустяки; есть дело поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное платье, ну, и все там, что следует.
О г у д а л о в а. Да, да, Мокий Парменыч.
К н у р о в. Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте, не копейничайте! А счеты пришлите ко мне, я заплачу.
О г у д а л о в а. Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас!
К н у р о в. Вот зачем собственно я зашел к вам. *(Встает.)*
О г у д а л о в а. А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете...
К н у р о в *(берет коробочку)*. Ну, что там такое? Что это стоит?
О г у д а л о в а. Оцените, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Что тут ценить! Пустое дело! Триста рублей это стоит. *(Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.)* До свиданья! Я пойду еще побродить, я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. *(Идет к двери.)*

О г у д а л о в а. Очень, очень вам благодарна за все, Мокий Парменыч, за все!

К н у р о в уходит. Входит Л а р и с а с корзинкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

О г у д а л о в а и Л а р и с а.

Л а р и с а *(ставит корзинку на столик и рассматривает вещи в коробочке)*. Это Вася-то подарил? Недурно. Какой милый!

О г у д а л о в а. Недурно. Это очень дорогие вещи. Будто ты и не рада?

Л а р и с а. Никакой особенной радости не чувствую.

О г у д а л о в а. Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: «благодарю, мол». И Кнурову тоже.

Л а р и с а. А Кнурову за что?

О г у д а л о в а. Уж так надо, я знаю, за что.

Л а р и с а. Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

О г у д а л о в а. Ну, ну, хитрости! Без хитрости на свете не проживешь.

Л а р и с а *(берет гитару, садится к окну и запевает)*.

Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитятко твое!

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

О г у д а л о в а. Ну, вот и прекрасно. В какой уезд?

Л а р и с а. В Заболотье!

О г у д а л о в а. Ай, в лес ведь это. Что ему вздумалось такую даль?

Л а р и с а. Там кандидатов меньше: наверное выберут.

О г у д а л о в а. Что ж, ничего, и там люди живут.

Л а р и с а. Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда выбраться.

О г у д а л о в а. Да оно и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется; пожалуй, первым человеком в уезде будет; вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Л а р и с а. Да он и здесь хорош, я в нем ничего не замечаю дурного.

О г у д а л о в а. Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Л а р и с а. Конечно, есть и лучше, я сама это очень хорошо знаю.

О г у д а л о в а. Есть, да не про нашу честь.

Л а р и с а. Теперь для меня и этот хорош. Да что толковать, дело решенное.

О г у д а л о в а. Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава богу. Осуждать его перед тобой я не стану; а и притворяться-то нам друг перед другом нечего — ты сама не слепая.

Л а р и с а. Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды и грибы...

О г у д а л о в а. Вот для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Л а р и с а. И шляпу заведу. *(Запевает.)*

Не искушай меня без нужды.

Там спокойствие, тишина.

О г у д а л о в а. А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет, ветер-то загудит в окна.

Л а р и с а. Ну, что ж такое.

О г у д а л о в а. Волки завоют на разные голоса.

Л а р и с а. Все-таки лучше, чем здесь. Я по крайней мере душой отдохну.

О г у д а л о в а. Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье пе Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Л а р и с а. Благодарю тебя. Но пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

О г у д а л о в а. До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: из ничего, да в люди попал.

Л а р и с а *(напевает).*

Не искушай меня без нужды.

Эка досада, не налажу никак... *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку. Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит И л ь я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О г у д а л о в а, Л а р и с а и И л ь я.

И л ь я. С праздником! Дай бог здорово да счастливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Л а р и с а. Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды!» Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

И л ь я. Сейчас, барышня. *(Берет гитару и подстраивает.)* Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает... Больно хорошо. А у нас беда, ах, беда!

О г у д а л о в а. Какая беда?

И л ь я. Антон у нас есть, тенором поет.

О г у д а л о в а. Знаю, знаю.

И л ь я. Один тенор и есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон.

О г у д а л о в а. Так что ж?

И л ь я. Не годится в хор,— хоть брось.

О г у д а л о в а. Нездоров?

И л ь я. Нет, здоров, совсем невредимый.

О г у д а л о в а. Что ж с ним?

И л ь я. Пополам перегнуло набок, совсем углом; так глаголем и ходит, другая неделя. Ах, беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит; а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Л а р и с а. Да ты пой.

И л ь я. Сейчас, барышня. Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его набок перегнуло.

О г у д а л о в а. От чего это с ним?

И л ь я. От глупости.

О г у д а л о в а. От какой глупости?

И л ь я. Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

Огудалова. Да и мы не понимаем.

Илья. Ну, не вам будь сказано, гулял, так гулял, так гулял. Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит, вот какое дело у нас; такого барина ждем. А Антона набок свело. Какой прямой цыган был, а теперь кривой. *(Запевает басом.)* «Не искушай...»

Голос в окно: «Илья, Илья, ча адари́к! ча сеге́р!» [1]

Намо? Со туке требе? [2]

Голос с улицы: «Иди, барин приехал!»

Хохавеса! [3]

Голос с улицы: «Верно приехал!»

Некогда, барышня, барин приехал. *(Кладет гитару и берет фуражку.)*

Огудалова. Какой барин?

Илья. Такой барин, ждем не дождемся: год ждали — вот какой барин! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Огудалова и Лариса.

Огудалова. Кто ж бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса. Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

Огудалова. Экое страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолоду, чтобы потом пожить по-человечески.

Лариса. Нет, не могу; тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова. А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

---

[1] Поди сюда! Иди скорей! *(Перевод автора.)*
[2] Зачем? Что тебе? *(Перевод автора.)*
[3] Обманываешь! *(Перевод автора.)*

Л а р и с а. Опять притворяться, опять лгать!

О г у д а л о в а. И притворяйся, и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит К а р а н д ы ш е в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

О г у д а л о в а, Л а р и с а и К а р а н д ы ш е в.

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вон и корзинку для грибов приготовила!

Л а р и с а. Да, сделайте для меня эту милость, поедемте поскорей!

К а р а н д ы ш е в. Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Л а р и с а. Мне так хочется бежать отсюда.

К а р а н д ы ш е в *(запальчиво)*. От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Л а р и с а *(холодно)*. Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы еще мне повода не подали.

К а р а н д ы ш е в. Так зачем бежать, зачем скрываться от людей! Дайте мне время устроиться, опомниться, прийти в себя! Я рад, я счастлив... дайте мне возможность почувствовать всю приятность моего положения!

О г у д а л о в а. Повеличаться.

К а р а н д ы ш е в. Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Л а р и с а. Вы когда же думаете ехать в деревню?

К а р а н д ы ш е в. После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться — непременно здесь; чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Л а р и с а. Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

К а р а н д ы ш е в *(с сердцем)*. Так правду эту вы и знайте про себя! *(Сквозь слезы.)* Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Л а р и с а. Зачем это?

К а р а н д ы ш е в. Как зачем? Разве уж вы совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Л а р и с а. Самолюбие! Вы только о себе! Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до погибели.

О г у д а л о в а. Полно, Лариса, что ты?

Л а р и с а. Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее!

О г у д а л о в а. Нет, ты не фантазируй! Свадьба — так свадьба; я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали.

К а р а н д ы ш е в. Да и я ничего не пожалею.

Л а р и с а. Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

К а р а н д ы ш е в. Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

О г у д а л о в а. А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним — напрасная трата.

К а р а н д ы ш е в. Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

О г у д а л о в а. Никому он не нужен.

К а р а н д ы ш е в. Мне нужен.

Л а р и с а. Да зачем, Юлий Капитоныч?

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними.

О г у д а л о в а. Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, хотите затеять? Так мы с Ларисой и не пойдем.

Л а р и с а. Ах, пожалуйста, не обижайте никого!

К а р а н д ы ш е в. Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будет, все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастие, которое вы делаете мне своим выбором, за то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот и все, вот и вся моя месть!

О г у д а л о в а. И все это совсем не нужно.

К а р а н д ы ш е в. Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство; что ж они им хвастаются! По пятнадцати рублей за порцию чаю бросать!

О г у д а л о в а. Все это вы на бедного Васю нападаете.

К а р а н д ы ш е в. Да не один Вася, все хороши. Вон посмотрите, что в городе делается, какая радость на лицах! Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу: «Барин приехал, барин приехал». Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал». Цыгане с ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу. Сейчас к гостинице четыре цыганки разряженные в коляске подъехали, поздравить с приездом. Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и вес город рад. Хороши нравы!

О г у д а л о в а. Да кто приехал-то?

К а р а н д ы ш е в. Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

О г у д а л о в а. А, так вот кто!

Л а р и с а. Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

К а р а н д ы ш е в. Теперь-то и не нужно ехать.

О г у д а л о в а. Что ты, Лариса, зачем от него прятаться! Он не разбойник.

Л а р и с а. Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть!

О г у д а л о в а. Ты сумасшедшая.

К а р а н д ы ш е в. Чего вы боитесь?

Л а р и с а. Я не за себя боюсь.

К а р а н д ы ш е в. За кого же?

Л а р и с а. За вас.

К а р а н д ы ш е в. О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит.

О г у д а л о в а. Нет, что вы! Сохрани вас бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни не рады будете.

К а р а н д ы ш е в *(у окна)*. Вот, изволите видеть, к вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает! Оно, конеч-

но, никому вреда нет, пусть тешится; а в сущности-то и гнусно, и глупо.

Л а р и с а *(Карандышеву)*. Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Л а р и с а и К а р а н д ы ш е в уходят. Входит П а р а т о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

О г у д а л о в а и П а р а т о в[1].

П а р а т о в. Тетенька, ручку!

О г у д а л о в а *(простирая руки)*. Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

П а р а т о в. В объятия желаете заключить? Можно.

Обнимаются и целуются.

О г у д а л о в а. Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

П а р а т о в. Нарочно сюда, и первый визит к вам, тетенька.

О г у д а л о в а. Благодарю. Как поживаете, как дела ваши?

П а р а т о в. Гневить бога нечего, тетенька, живу весело, а дела неважны.

О г у д а л о в а *(поглядев на Паратова)*. Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

П а р а т о в. Неприятную телеграмму получил, тетенька.

О г у д а л о в а. Какую?

П а р а т о в. Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животишки-с.

О г у д а л о в а. И, разумеется, все спасли и все устроили.

П а р а т о в. Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

О г у д а л о в а. Вижу, что не утратил.

[1] Паратов всю сцену ведет в шутливо-серьезном тоне. (*Прим. автора.*)

П а р а т о в. На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька; вот наше дело какое.

О г у д а л о в а. На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

П а р а т о в. Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тетенька. Хочу продать свою волюшку.

О г у д а л о в а. Понимаю: выгодно жениться хотите. А во сколько вы цените свою волюшку?

П а р а т о в. В полмиллиона-с.

О г у д а л о в а. Порядочно.

П а р а т о в. Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете.

О г у д а л о в а. Молодец мужчина.

П а р а т о в. С тем возьмите.

О г у д а л о в а. Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

П а р а т о в. Очень лестно слышать от вас. Ручку пожалуйте! *(Целует руку.)*

О г у д а л о в а. А покупатели, то есть покупательницы-то, есть?

П а р а т о в. Поискать, так найдутся.

О г у д а л о в а. Извините за нескромный вопрос!

П а р а т о в. Коли очень нескромный, так не спрашивайте: я стыдлив.

О г у д а л о в а. Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, кто она?

П а р а т о в. Хоть зарежьте, не скажу.

О г у д а л о в а. Ну, как знаешь.

П а р а т о в. Я бы желал засвидетельствовать свое почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

О г у д а л о в а. Отчего же. Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много не хватает.

П а р а т о в. Тетенька, тетенька! ведь уж человек с трех взяла! Я тактику-то вашу помню.

О г у д а л о в а *(берет Паратова за ухо)*. Ах ты, проказник!

П а р а т о в. Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

О г у д а л о в а. Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Л а р и с а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Паратов и Лариса.

Паратов. Не ожидали?

Лариса. Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов. Отчего же перестали ждать?

Лариса. Не надеялась дождаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма...

Паратов. Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Лариса. Я так и думала.

Паратов. И замуж выходите?

Лариса. Да, замуж.

Паратов. А позвольте вас спросить: долго вы меня ждали?

Лариса. Зачем вам знать это?

Паратов. Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна; меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее.

Лариса. На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич; можете думать обо мне, что вам угодно.

Паратов. Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Лариса. Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете.

Паратов. Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шепот,— когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом,— эти клятвы... И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Лариса. Что женщины?

Паратов. Ничтожество вам имя!

Лариса. Ах, как вы смеете так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов. Я не уверен, но полагаю.

Лариса. Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов. Вы выходите замуж?

Л а р и с а. Но что меня заставило... Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать и из дому и даже из городу?

П а р а т о в. Лариса, так вы?..

Л а р и с а. Что я? Ну, что вы хотели сказать?

П а р а т о в. Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Л а р и с а. Конечно, да. Нечего и спрашивать.

П а р а т о в *(нежно целует руку Ларисы)*. Благодарю вас, благодарю.

Л а р и с а. Вам только и нужно было: вы — человек гордый.

П а р а т о в. Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Л а р и с а. Неужели?

П а р а т о в. Если б вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Л а р и с а. А теперь?

П а р а т о в. А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся, как лучшие друзья.

Л а р и с а. Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

П а р а т о в. Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Л а р и с а. И непременно женщине?

П а р а т о в. Уж, разумеется, не мужчине.

Л а р и с а. Да почему?

П а р а т о в. Очень просто; потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобресть ум человеческий.

Л а р и с а. Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

Паратов. Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безе.

Лариса. Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратов. Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор... Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Лариса. Нет, одним только.

Паратов. Немного.

Лариса. Зато дорогим.

Паратов. А именно?

Лариса. Он любит меня.

Паратов. Действительно дорогим; это для домашнего обихода очень хорошо.

Входят Огудалова и Карандышев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Паратов, Лариса, Огудалова, Карандышев, потом лакей.

Огудалова. Позвольте вас познакомить, господа! *(Паратову.)* Юлий Капитоныч Карандышев. *(Карандышеву.)* Сергей Сергеич Паратов.

Паратов *(подавая руку Карандышеву)*. Мы уж знакомы. *(Кланяясь.)* Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

Карандышев *(сдержанно)*. Очень приятно.

Огудалова. Сергей Сергеич у нас в доме как родной.

Карандышев. Очень приятно.

Паратов *(Карандышеву)*. Вы не ревнивы?

Карандышев. Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

Паратов. Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Лариса. Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

Карандышев. Да, конечно; но если бы...

Паратов. О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

Огудалова. Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Лариса. Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

Паратов. От прекрасных здешних мест?

Карандышев. Что же вы находите здесь прекрасного?

Паратов. Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

Огудалова. Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

Паратов. Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, а другой — свиной хрящик.

Огудалова. Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

Паратов. С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься.

Карандышев. У бурлаков учиться русскому языку?

Паратов. А почему ж у них не учиться?

Карандышев. Да потому, что мы считаем их...

Паратов. Кто это: мы?

Карандышев *(разгорячаясь)*. Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратов. Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судохозяин и вступаюсь за них; я сам такой же бурлак.

Карандышев. Мы считаем их образцом грубости и невежества.

Паратов. Ну, далее, господин Карандышев!

Карандышев. Все, больше ничего.

Паратов. Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

Карандышев. Мне — извиняться!

Паратов. Да, уж нечего делать, надо.

Карандышев. Да с какой стати? Это мое убеждение.

Паратов. Но-но-но-но! Отвилять нельзя.

Огудалова. Господа, господа, что вы!

Паратов. Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Л а р и с а *(Карандышеву)*. Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

П а р а т о в *(Огудаловой)*. Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

К а р а н д ы ш е в *(Паратову)*. Я не понимаю.

П а р а т о в. Так выучитесь прежде понимать да потом и разговаривайте!

О г у д а л о в а. Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду, не свищу, а наеду — не спущу.

Карандышев хочет отвечать.

О г у д а л о в а. Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса! Вели шампанского подать да налей им по стаканчику — пусть выпьют мировую.

Л а р и с а уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

П а р а т о в. Я сам мирного характера, курицы не обижу, я никогда первый не начну; за себя я вам ручаюсь.

О г у д а л о в а. Юлий Капитоныч, вы — еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно! Нам очень приятно быть с ним вместе.

К а р а н д ы ш е в. Я и сам хотел. Сергей Сергеич, угодно вам откушать у меня сегодня?

П а р а т о в *(холодно)*. С удовольствием.

Входит Л а р и с а, за ней ч е л о в е к с бутылкой шампанского в руках и стаканами на подносе.

Л а р и с а *(наливает)*. Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

П а р а т о в. Ваша просьба для меня равняется приказу.

О г у д а л о в а *(Карандышеву)*. Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

Карандышев. Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны — закон.

Входит Вожеватов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Огудалова, Лариса, Паратов, Карандышев, Вожеватов, потом Робинзон.

Вожеватов. Где шампанское, там и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти!

Огудалова. Какому белокурому?

Вожеватов. Сейчас увидите. Войди, белокур!

Робинзон входит.

Честь имею представить вам нового друга моего: лорд Робинзон.

Огудалова. Очень приятно.

Вожеватов *(Робинзону)*. Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

Огудалова. Что это вы как командуете вашим другом?

Вожеватов. Он почти не бывал в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде, и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. *(Карандышеву.)* Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев!

Карандышев *(подавая руку Робинзону)*. Вы уж давно выехали из Англии?

Робинзон. Yes. (Йес)[1].

Вожеватов *(Паратову)*. Я его слова три по-английски выучил да, признаться, и сам-то не много больше знаю. *(Робинзону.)* Что ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова. Сделайте одолжение.

Вожеватов. Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

Огудалова. Неужели вы целый день пьете?

Робинзон. Yes.

---

[1] Да *(англ.)*.

В о ж е в а т о в. Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

О г у д а л о в а. Возможно ли?

Р о б и н з о н. Yes.

В о ж е в а т о в *(Робинзону)*. Ну, наливай!

Р о б и н з о н *(налив стаканы)*. If you please. (Иф ю плиз)! [1]

Пьют.

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Пригласите и его обедать! Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

К а р а н д ы ш е в. Как его зовут?

П а р а т о в. Да кто ж их по имени зовет! Лорд, милорд...

К а р а н д ы ш е в. Разве он лорд?

П а р а т о в. Конечно, не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

К а р а н д ы ш е в *(Робинзону)*. Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откушать у меня.

Р о б и н з о н. I thank you. (Ай сенк ю) [2].

К а р а н д ы ш е в *(Огудаловой)*. Харита Игнатьевна, я отправлюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. *(Кланяясь всем.)* Я вас жду, господа. Честь имею кланяться! *(Уходит.)*

П а р а т о в *(берет шляпу)*. Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

В о ж е в а т о в. К обеду приготовиться.

О г у д а л о в а. Погодите, господа, не все вдруг.

О г у д а л о в а и Л а р и с а уходят за Карандышевым в переднюю.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

П а р а т о в. В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н.

В о ж е в а т о в. Понравился вам жених?

П а р а т о в. Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговаривает, гусь лапчатый.

В о ж е в а т о в. Разве было что?

П а р а т о в. Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. *(Ударив себя по лбу.)* Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся...

---

[1] Пожалуйста! *(англ.)*.
[2] Благодарю вас *(англ.)*.

Вожеватов. Что такое?

Паратов. А вот что... *(Прислушиваясь.)* Идут. После скажу, господа.

Входят Огудалова и Лариса.

Честь имею кланяться.

Вожеватов. До свидания!

Раскланиваются.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ЕВФРОСИНЬЯ ПОТАПОВНА, *тетка Карандышева.*

КАРАНДЫШЕВ.

ОГУДАЛОВА.

ЛАРИСА.

ПАРАТОВ.

КНУРОВ.

ВОЖЕВАТОВ.

РОБИНЗОН.

ИВАН.

ИЛЬЯ-ЦЫГАН.

Кабинет Карандышева; комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором развешано оружие; три двери: одна в середине, две по бокам.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евфросинья Потаповна и Иван (выходит из двери налево).

Иван. Лимонов пожалуйте!

Евфросинья Потаповна. Каких лимонов, аспид?

Иван. Мессинских-с.

Евфросинья Потаповна. На что они тебе понадобились?

Иван. После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуются.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюковного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький, пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. *(Уходит в среднюю дверь, Иван за ней.)*

Входят О г у д а л о в а и Л а р и с а слева.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О г у д а л о в а и Л а р и с а.

Л а р и с а. Ах, мама, я не знала, куда деться.

О г у д а л о в а. Я так и ожидала от него.

Л а р и с а. Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

О г у д а л о в а. Да, угостил, нечего сказать.

Л а р и с а. Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться. Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

О г у д а л о в а. Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью, вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Л а р и с а. Ах, ах! Останови его, останови его!

О г у д а л о в а. Как остановить! Он — не малолетний, пора без няньки жить.

Л а р и с а. Да ведь он не глуп, как же он не видит этого!

О г у д а л о в а. Не глуп, да самолюбив. Над ним подтрунивают, вино похваливают, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Л а р и с а. Ах! Я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

О г у д а л о в а. Да так просто, позабавиться хотят.

Л а р и с а. Да ведь они меня терзают-то!

О г у д а л о в а. А кому нужно, что ты терзаешься. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Л а р и с а. Ах, дело сделано; можно только жалеть, а поправить нельзя.

Входит Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Огудалова, Лариса и Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Уж откушали? А чаю не угодно?

Огудалова. Нет, увольте.

Евфросинья Потаповна. А мужчины-то что?

Огудалова. Они там сидят, разговаривают.

Евфросинья Потаповна. Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед; что хлопот, что изъяну! Поваришки разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

Огудалова. Да об чем с ним разговаривать? Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Евфросинья Потаповна. Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала; а то купленный, дорогой, так его и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря; сердце-то и мрет, на него глядя.

Огудалова. Да, для расчетливых людей, конечно...

Евфросинья Потаповна. Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница, ох, велика! Полтинничек десяток и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

Огудалова. Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Евфросинья Потаповна. Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль, и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого али для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался: берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые:

шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего, жалованьем живем. Вот у нас сосед женился, так к нему этого одного пуху: перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: и лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Л а р и с а *(Огудаловой)*. Бежала б я отсюда, куда глаза глядят.

О г у д а л о в а. Невозможно, к несчастию.

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да коли вам что не по себе, так пожалуйте ко мне в комнату; а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть,— нынче народ без креста.

О г у д а л о в а и Л а р и с а уходят в дверь направо, Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а — в среднюю. Из двери налево выходят П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П а р а т о в, К н у р о в и В о ж е в а т о в.

К н у р о в. Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего.

П а р а т о в. Подождите, Мокий Парменыч!

К н у р о в. Со мной в первый раз в жизни такой случай. Приглашает обедать известных людей, а есть нечего... Он человек глупый, господа.

П а р а т о в. Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

К н у р о в. И сам прежде всех напился.

В о ж е в а т о в. Мы его порядочно подстроили.

П а р а т о в. Да, я свою мысль привел в исполнение. Мне еще давеча в голову пришло: накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

К н у р о в. Так у вас было это задумано?

П а р а т о в. Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

В о ж е в а т о в. Золото, а не человек.

П а р а т о в. Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон —

натура выдержанная на заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет да похваливает, пробует то одно, то другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

Кнуров. Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

Паратов. Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

Кнуров. Это другое дело. А где ж Робинзон?

Вожеватов. Они там еще допивают.

Входит Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(падая на диван)*. Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня богу отвечать!

Паратов. Что ж ты, пьян, что ли?

Робинзон. Пьян! Разве я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое — лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда да с этим добрым намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

Паратов. Что ж с тобой?

Робинзон. Я отравлен, я сейчас караул закричу.

Паратов. Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон. Кто ж это знает? Химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

Паратов. Да что на бутылке-то, какой этикет?

Робинзон. На бутылке-то «бургонское», а в бутылке-то «киндер-бальзам» какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

Вожеватов. Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? человек — не машина. Мухоморов не переложили ли?

Робинзон. Что тебе весело! Человек погибает, а ты рад.

Вожеватов. Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Робинзон. Ну, это вздор, помирать я не согласен... Ах! хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

В о ж е в а т о в. Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева: «Эй, дайте нам бургонского!»

Р о б и н з о н. Ну, вот, изволите слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня. Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно лишиться...

П а р а т о в. Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит К а р а н д ы ш е в с ящиком сигар.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н и К а р а н д ы ш е в.

Р о б и н з о н *(взглянув на ковер)*. Что это у вас такое?

К а р а н д ы ш е в. Сигары.

Р о б и н з о н. Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

К а р а н д ы ш е в. Какие бутафорские вещи! Это турецкое оружие.

П а р а т о в. Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

К а р а н д ы ш е в. Как? Что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

П а р а т о в. Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским и запаслись.

В о ж е в а т о в. Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

К а р а н д ы ш е в. Да чем оно негодное? Вот этот пистолет, например. *(Снимает со стены пистолет.)*

П а р а т о в *(берет у него пистолет)*. Этот пистолет?

К а р а н д ы ш е в. Ах, осторожнее, он заряжен.

П а р а т о в. Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинакова: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

К а р а н д ы ш е в. Ну, нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

П а р а т о в. Да, в стену гвозди вколачивать. *(Бросает пистолет на стол.)*

В о ж е в а т о в. Ну, нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

К а р а н д ы ш е в *(Паратову)*. Не угодно ли сигар?

П а р а т о в. Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

К а р а н д ы ш е в. Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

П а р а т о в. Я этот сорт знаю: Регалия капустиссима dos amigos, я его держу для приятелей, а сам не курю.

К а р а н д ы ш е в *(Кнурову)*. Не прикажете ли?

К н у р о в. Не хочу я ваших сигар — свои курю.

К а р а н д ы ш е в. Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

К н у р о в. Ну, а хорошие, так и курите сами.

К а р а н д ы ш е в *(Вожеватову)*. Вам не угодно ли?

В о ж е в а т о в. Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина — ягода нежная.

К а р а н д ы ш е в. А вы, сэр Робинзон, курите?

Р о б и н з о н. Я-то? Странный вопрос! Пожалуйте пяточек! *(Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.)*

К а р а н д ы ш е в. Что же вы не закуриваете?

Р о б и н з о н. Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

К а р а н д ы ш е в. Да почему же?

Р о б и н з о н. А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибьют, чего я терпеть не могу.

В о ж е в а т о в. Не любишь, когда бьют?

Р о б и н з о н. Нет, с детства отвращение имею.

К а р а н д ы ш е в. Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче.)* Где дамы?

Входит О г у д а л о в а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, К а р а н д ы ш е в и О г у д а л о в а.

О г у д а л о в а. Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву тихо.)* Что вы делаете? Посмотрите вы на себя!

К а р а н д ы ш е в. Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите: все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

Огудалова. Торжествуйте, только не так громко! *(Подходит к Паратову.)* Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитонычем! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратов. Ах, тетенька, смею ли я!

Огудалова. Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

Паратов. Что вы! Я, тетенька, не злопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитоныч!

Карандышев. Что вам угодно?

Паратов. Хотите брудершафт со мной выпить?

Огудалова. Вот это хорошо. Благодарю вас!

Карандышев. Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

Паратов *(Огудаловой)*. Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

Огудалова. Хорошо, я приведу ее. *(Уходит.)*

Карандышев. Что же мы выпьем? Бургонского?

Паратов. Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

Карандышев. Так чего же?

Паратов. Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

Карандышев. Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

Паратов. Зачем сюда, мы там выпьем; только велите стаканчиков дать, я рюмок не признаю.

Робинзон. Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватов. Как он ожил!

Робинзон. С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

Паратов и Карандышев уходят в дверь налево.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон *(глядит в дверь налево)*. Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают, устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. *(Поет из «Роберта».)* «Ты мой спаситель.— Я твой спаситель! — И покровитель.— И покровитель». Ну, про-

глотил. Целуются. *(Поет.)* «Как счастлив я! — Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! *(Громко.)* Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаюсь. *(Убегает.)*

Из средней двери выходит И л ь я.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

К н у р о в, В о ж е в а т о в, И л ь я, потом П а р а т о в.

В о ж е в а т о в. Что тебе, Илья?

И л ь я. Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

В о ж е в а т о в. Сейчас все вместе поедем, подождите немного!

И л ь я. Хорошо. Как прикажете, так и будет.

В х о д и т П а р а т о в.

П а р а т о в. А, Илья, готовы?

И л ь я. Готовы, Сергей Сергеич.

П а р а т о в. Гитара с тобой?

И л ь я. Не захватил, Сергей Сергеич.

П а р а т о в. Гитару нужно, слышишь?

И л ь я. Сейчас сбегаю, Сергей Сергеич! *(Уходит.)*

П а р а т о в. Я хочу попросить Ларису Дмитриевну спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

К н у р о в. Не весела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы... Дорого можно заплатить за такое удовольствие.

В о ж е в а т о в. Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы, с радости, всех гребцов по рублю серебром оделил.

П а р а т о в. Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

К н у р о в. Да есть ли возможность?

П а р а т о в. На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

К н у р о в. А Робинзон, господа, лишний. Потешились, и будет. Напьется он там до звериного образа — что хорошего! Эта прогулка дело серьезное, он нам совсем не компания. *(Указывая в дверь.)* Вон он как к коньяку-то прильнул.

В о ж е в а т о в. Так не брать его.

П а р а т о в. Увяжется как-нибудь!

В о ж е в а т о в. Погодите, господа, я от него отделаюсь. *(В дверь.)* Робинзон!

Входит Р о б и н з о н.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Паратов, Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Робинзон. Что тебе?

Вожеватов *(тихо)*. Хочешь ехать в Париж?

Робинзон. Как в Париж, когда?

Вожеватов. Сегодня вечером.

Робинзон. А мы за Волгу сбирались.

Вожеватов. Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Робинзон. Да ведь у меня паспорта нет.

Вожеватов. Это уж мое дело.

Робинзон. Я пожалуй.

Вожеватов. Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Робинзон. А интересно бы и цыган послушать.

Вожеватов. А еще артист! Стыдись! Цыганские песни — ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл.

Робинзон. Еще бы! я в «Птичках певчих» играл.

Вожеватов. Кого?

Робинзон. Нотариуса.

Вожеватов. Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать! После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон. Руку!

Вожеватов. Едешь?

Робинзон. Еду.

Вожеватов *(Паратову)*. Как он тут пел из «Роберта»! Что за голос!

Паратов. А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон. Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов. Ого, как он поговаривать начал!

Робинзон. Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

Паратов. Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Р о б и н з о н. Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

В о ж е в а т о в. Мы с ним сегодня вечером едем.

П а р а т о в. А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где ж хозяин?

Р о б и н з о н. Он там, он говорил, что сюрприз нам готовит.

Входят справа О г у д а л о в а и Л а р и с а, слева — К а р а н д ы ш е в и И в а н.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

О г у д а л о в а, Л а р и с а, П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, К а р а н д ы ш е в, И в а н, потом И л ь я и Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а.

П а р а т о в *(Ларисе)*. Что вы нас покинули?

Л а р и с а. Мне что-то нездоровится.

П а р а т о в. А мы сейчас с вашим женихом брудершафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Л а р и с а. Благодарю вас. *(Жмет руку Паратову.)*

К а р а н д ы ш е в *(Паратову)*. Серж!

П а р а т о в *(Ларисе)*. Вот видите, какая короткость. *(Карандышеву.)* Что тебе?

К а р а н д ы ш е в. Тебя кто-то спрашивает.

П а р а т о в. Кто там?

И в а н. Цыган Илья.

П а р а т о в. Так зови его сюда.

И в а н уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

В о ж е в а т о в *(Ларисе тихо)*. Я новую песенку знаю.

Л а р и с а. Хорошая?

В о ж е в а т о в. Бесподобная! «Веревьюшки веревью, на барышне башмачки».

Л а р и с а. Это забавно.

В о ж е в а т о в. Я вас выучу.

Входит И л ь я с гитарой.

П а р а т о в *(Ларисе)*. Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

К н у р о в. Позвольте и мне повторить ту же просьбу!

К а р а н д ы ш е в. Нельзя, господа, нельзя. Лариса Дмитриевна не станет петь.

П а р а т о в. Да почем ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Л а р и с а. Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

К н у р о в. Что-нибудь, что вам угодно!

К а р а н д ы ш е в. Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

П а р а т о в. А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

В о ж е в а т о в. Это я сейчас, я человек гибкий.

К а р а н д ы ш е в. Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю.

О г у д а л о в а. Что вы! Запрещайте тогда, когда будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

К а р а н д ы ш е в. Нет, нет! Я положительно запрещаю.

Л а р и с а. Вы запрещаете? Так я буду петь, господа.

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

П а р а т о в. Илья!

И л ь я. Что будем петь, барышня?

Л а р и с а. «Не искушай».

И л ь я *(подстраивая гитару)*. Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости.

Поют в два голоса.

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волоса. Во втором куплете слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

И л ь я *(Робинзону)*. Вот спасибо, барин. Выручил.

К н у р о в *(Ларисе)*. Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

П а р а т о в *(с мрачным видом)*. Мне кажется, я с ума сойду. *(Целует руку Ларисы.)*

В о ж е в а т о в. Послушать да и умереть — вот оно что!

(Карандышеву.) А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

Карандышев. Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

Вожеватов. Умную речь приятно и слышать.

Карандышев *(громко)*. Подайте шампанского!

Огудалова *(тихо)*. Потише! Что вы кричите!

Карандышев. Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. *(Громко.)* Подайте шампанского!

Входит Евфросинья Потаповна.

Евфросинья Потаповна. Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Карандышев. Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Евфросинья Потаповна. Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра. *(Уходит.)*

Карандышев идет в дверь налево.

Огудалова. Послушайте, Юлий Капитоныч!.. *(Уходит за Карандышевым.)*

Паратов. Илья, поезжай! чтоб катера были готовы! Мы сейчас приедем.

Илья уходит в среднюю дверь.

Вожеватов *(Кнурову)*. Оставим его одного с Ларисой Дмитриевной. *(Робинзону.)* Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Робинзон. Да я его убью. Мне легче с жизнью расстаться!

Уходят налево Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Лариса и Паратов.

Паратов. Очаровательница! *(Страстно глядит на Ларису.)* Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса. За что?

Паратов. Ведь я — не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Лариса. Кто ж виноват?

Паратов. Конечно, я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Л а р и с а. За что же, скажите!
П а р а т о в. Зачем я бежал от вас! На что променял вас?
Л а р и с а. Зачем же вы это сделали?
П а р а т о в. Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.
Л а р и с а. Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.
П а р а т о в. Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел; во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да... еще несколько таких минут...
Л а р и с а *(тихо)*. Говорите!
П а р а т о в. Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моей жизнью.
Л а р и с а. Чего же вы хотите?
П а р а т о в. Видеть вас, слушать вас... Я завтра уезжаю.
Л а р и с а *(опустя голову)*. Завтра.
П а р а т о в. Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать только об одном блаженстве.
Л а р и с а *(тихо)*. О каком?
П а р а т о в. О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.
Л а р и с а. Но как же?
П а р а т о в. Послушайте: мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах — поедемте!
Л а р и с а. Ах, а здесь? Я не знаю, право... Как же здесь?
П а р а т о в. Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыни в крашеных шелковых платьях; разговор будет о соленых грибах.
Л а р и с а. Когда же ехать?
П а р а т о в. Сейчас.
Л а р и с а. Сейчас?
П а р а т о в. Сейчас или никогда.
Л а р и с а. Едемте.
П а р а т о в. Как, вы решаетесь ехать за Волгу?
Л а р и с а. Куда вам угодно.
П а р а т о в. С нами, сейчас?
Л а р и с а. Когда вам угодно.
П а р а т о в. Ну, признаюсь, выше и благородней этого

я ничего вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Л а р и с а. Вы — мой повелитель.

Входят О г у д а л о в а, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, К а р а н д ы ш е в и И в а н с подносом, на котором стаканы шампанского.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О г у д а л о в а, Л а р и с а, П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, К а р а н д ы ш е в и И в а н.

П а р а т о в *(Кнурову и Вожеватову)*. Она поедет.

К а р а н д ы ш е в. Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну.

Все берут стаканы.

Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы — для нее не новость; с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глаза при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны — то, господа... то, господа...

В о ж е в а т о в. Спутается.

П а р а т о в. Нет, вынырнет, выучил.

К а р а н д ы ш е в. То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного...

П а р а т о в *(одобрительно)*. Браво, браво!

К а р а н д ы ш е в. И выбрала...

П а р а т о в. Вас! Браво, браво!

В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н. Браво, браво!

К а р а н д ы ш е в. Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа,

я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

П а р а т о в, В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н. Ура!

П а р а т о в *(Карандышеву)*. Есть еще вино-то?

К а р а н д ы ш е в. Разумеется, есть; как же не быть! Что ты говоришь? Уж я достану.

П а р а т о в. Надо еще тост выпить.

К а р а н д ы ш е в. Какой?

П а р а т о в. За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

К а р а н д ы ш е в. Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. *(Уходит.)*

К н у р о в. Ну, хорошенького понемножку. Прощайте! Я заеду закушу и сейчас же на сборный пункт. *(Кланяется дамам.)*

В о ж е в а т о в *(указывая на среднюю дверь)*. Здесь пройдите, Мокий Парменыч. Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит.

К н у р о в уходит.

П а р а т о в *(Вожеватову)*. И мы сейчас едем. *(Ларисе.)* Собирайтесь!

Л а р и с а уходит направо.

В о ж е в а т о в. Не дождавшись тоста?

П а р а т о в. Так лучше.

В о ж е в а т о в. Да чем же?

П а р а т о в. Смешнее.

Выходит Л а р и с а с шляпкой в руках.

В о ж е в а т о в. И то смешнее. Робинзон! едем.

Р о б и н з о н. Куда?

В о ж е в а т о в. Домой, сбираться в Париж.

Р о б и н з о н и В о ж е в а т о в раскланиваются и уходят.

П а р а т о в *(Ларисе тихо)*. Едем! *(Уходит.)*

Л а р и с а *(Огудаловой)*. Прощай, мама!

О г у д а л о в а. Что ты! Куда ты?

Л а р и с а. Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге.

О г у д а л о в а. Бог с тобой! Что ты!

Л а р и с а. Видно, от своей судьбы не уйдешь! *(Уходит.)*

О г у д а л о в а. Вот, наконец, до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее иль нет? Нет,

зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди... А здесь хоть и бросить, так потеря не велика!

Входят Карандышев и Иван с бутылкой шампанского.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Огудалова, Карандышев, Иван, потом Евфросинья Потаповна.

Карандышев. Я, господа... *(Оглядывает комнату.)* Где ж они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете? Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? — понимаю! Ну, и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу... А где же Лариса Дмитриевна? *(У двери направо.)* Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?

Евфросинья Потаповна *(входя)*. Никакой у меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.

Карандышев. Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

Иван. Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали... Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

Карандышев. Как за Волгу?

Иван. На катерах-с. И посуда, и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну, и прислуга — всё как следует-с.

Карандышев *(садится и хватается за голову)*. Ах, что же это, что же это!

Иван. И цыгане, и музыка с ними — всё как следует.

Карандышев *(с горячностью)*. Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?

Огудалова. Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

Карандышев. И все это преднамеренно, умышленно — все вы вперед сговорились... *(Со слезами.)* Жестоко, бесчеловечно жестоко!

Огудалова. Рано было торжествовать-то!

Карандышев. Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон — ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите

ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Е в ф р о с и н ь я П о т а п о в н а. Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

К а р а н д ы ш е в. И ведь это не разбойники, это почетные люди... Это всё приятели Хариты Игнатьевны.

О г у д а л о в а. Я ничего не знаю.

К а р а н д ы ш е в. Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники — злодеи, и смирный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. *(Схватывает со стола пистолет и убегает.)*

О г у д а л о в а. Что он взял-то?

И в а н. Пистолет.

О г у д а л о в а. Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ПАРАТОВ.

КНУРОВ.

ВОЖЕВАТОВ.

РОБИНЗОН.

ЛАРИСА.

КАРАНДЫШЕВ.

ИЛЬЯ.

ГАВРИЛО.

ИВАН.

ЦЫГАНЕ И ЦЫГАНКИ.

Декорация первого действия. Светлая летняя ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Робинзон с мазиком в руках и Иван выходят из кофейной.

Иван. Мазик-то пожалуйте!

Робинзон. Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иван. Да как же играть с вами, когда вы денег не платите!

Робинзон. Я после отдам. Мои деньги у Василья Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

Иван. Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Робинзон. Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну, и уехал один. Давай играть!

Иван. Нельзя-с, игра не равна: я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете — берете, а проигрываете — не отдаете. Ставьте деньги-с!

Робинзон. Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде по всей России все больше в кредит.

Иван. Это я очепно верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергея Сергеича и Василья Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с.

Робинзон. Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку... чего бы?..

Иван. Портвейн есть недурен-с.

Робинзон. Я ведь дешевого не пью.

Иван. Дорогого подадим-с.

Робинзон. Да вели мне приготовить... знаешь, этого... как оно...

Иван. Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Робинзон. Да, вот именно дупелей.

Иван. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Робинзон. Они пошутить захотели надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу над ними. Я, с огорчения, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно — ошибаются; мне только бы кредит; а то я и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять...

Входит Иван с бутылкой.

Иван *(ставит бутылку)*. Дупеля заказаны-с.

Робинзон. Я здесь театр снимаю.

И в а н. Дело хорошее-с.

Р о б и н з о н. Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

И в а н. Отчего не взять-с!

Р о б и н з о н. Только у меня — чтоб содержать исправно! И, для верности, побольше задатку сейчас же!

И в а н. Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Р о б и н з о н. Уж двое? Да, коли уж двое...

И в а н. Так третьему не поверит.

Р о б и н з о н. Какой народ! Удивляюсь. Везде поспеют; где только можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

И в а н. Да-с, оно, конечно... А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Р о б и н з о н. С пистолетом? Это нехорошо.

И в а н. Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили... да вон и сейчас идут.

Р о б и н з о н *(оробев)*. Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел — не меня ведь?

И в а н. Уж не могу вам сказать. *(Уходит.)*

Входит К а р а н д ы ш е в, Робинзон старается спрятаться за бутылку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Р о б и н з о н, К а р а н д ы ш е в, потом И в а н.

К а р а н д ы ш е в *(подходит к Робинзону)*. Где ваши товарищи, господин Робинзон?

Р о б и н з о н. Какие товарищи? У меня нет товарищей.

К а р а н д ы ш е в. А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Р о б и н з о н. Какие ж это товарищи! Это так... мимолетное знакомство.

К а р а н д ы ш е в. Так не знаете ли, где они теперь?

Р о б и н з о н. Не могу сказать, я стараюсь удаляться от этой компании; я человек смирный, знаете ли... семейный...

Карандышев. Вы семейный?

Робинзон. Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора — это боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный, учтивый, об искусстве, например... Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышев. Не хочу.

Робинзон. Как угодно. Главное дело, чтоб неприятности не было.

Карандышев. Да вы должны же знать, где они.

Робинзон. Кутят где-нибудь: что ж им больше-то делать!

Карандышев. Говорят, они за Волгу поехали?

Робинзон. Очень может быть.

Карандышев. Вас не звали с собой?

Робинзон. Нет; я человек семейный.

Карандышев. Когда ж они воротятся?

Робинзон. Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

Карандышев. К утру?

Робинзон. Может быть, и раньше.

Карандышев. Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Робинзон. Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

Карандышев. Да на какой пристани? Пристаней у нас много.

Робинзон. Да на какой угодно, только не здесь; здесь их не дождетесь.

Карандышев. Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте. *(Подает руку Робинзону.)* Не хотите ли проводить меня?

Робинзон. Нет, помилуйте, я человек семейный.

Карандышев уходит.

Иван, Иван!

Входит Иван.

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

Иван. В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзон. Нет, мне на воздухе вечером вредно;

доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. *(Уходит в кофейную.)*

Из кофейной выходит Г а в р и л о.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г а в р и л о и И в а н.

Г а в р и л о. Ты смотрел на Волгу? Не видать наших?

И в а н. Должно быть, приехали.

Г а в р и л о. Что так?

И в а н. Да под горой шум, эфиопы загалдели. *(Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.)*

Входят И л ь я *и* х о р ц ы г а н.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г а в р и л о, И л ь я, ц ы г а н е и ц ы г а н к и.

Г а в р и л о. Хорошо съездили?

И л ь я. И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Г а в р и л о. Господа веселы?

И л ь я. Разгулялись, важно разгулялись, дай бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Г а в р и л о *(потирая руки)*. Так ступайте усаживайтесь! Женщинам велю чаю подать, а вы к буфету — закусите!

И л ь я. Старушкам к чаю-то ромку вели — любят.

И л ь я, ц ы г а н е, ц ы г а н к и, Г а в р и л о уходят в кофейную. Выходят К н у р о в и В о ж е в а т о в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К н у р о в и В о ж е в а т о в.

К н у р о в. Кажется, драма начинается.

В о ж е в а т о в. Похоже.

К н у р о в. Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

В о ж е в а т о в. Да ведь у них дешевы.

К н у р о в. Как хотите, а положение ее незавидное.

В о ж е в а т о в. Дело обойдется как-нибудь.

К н у р о в. Ну, едва ли.

В о ж е в а т о в. Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет.

К н у р о в. Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один

день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

Вожеватов. Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

Кнуров. Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

Вожеватов. Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый.

Кнуров. Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

Вожеватов. Еще бы! что за расчет!

Кнуров. Так посудите, каково ей, бедной!

Вожеватов. Что делать-то! мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кнуров, Вожеватов и Робинзон.

Вожеватов. А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон. Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов. Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон. Превосходно. Живу в свое удовольствие и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов. Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон. Да ты чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов. Что-то я не помню: как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон. Так ты в Париж обещал со мной ехать — разве это не все равно?

Вожеватов. Нет, не все равно! Что я обещал, то исполню; для меня слово — закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон. А покуда ты сбираешься в Париж, не воздухом же мне питаться?

Вожеватов. Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон. Теперь поздно; поедем, Вася, завтра.

Вожеватов. Ну, завтра так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон. Как один? Я дороги не найду.

Вожеватов. Довезут.

Робинзон. Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно... Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов. Да зачем тебе французский язык?

Робинзон. Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов. Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон. Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов. Да какая столица! Что ты, в уме ли! О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон. Браво, браво!

Вожеватов. А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон. Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негоциант выйдет.

Вожеватов. Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров. Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов *(подходя)*. Что вам угодно?

Кнуров. Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов. То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай взять ее с собой в Париж?

Кнуров. Да, пожалуй, если угодно: это одно и то же.

Вожеватов. Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров. Вы мне мешаете, а я вам. Может быть, вы

не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаюсь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватов. Отступного я не возьму, Мокий Парменыч.

Кнуров. Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов. Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

Кнуров *(в раздумье)*. Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)* Решетка.

Вожеватов *(поднимая руку)*. Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

Кнуров. Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов. Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

Кнуров. Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдемте в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят Паратов и Лариса.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Паратов, Лариса и Робинзон.

Лариса. Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

Паратов. А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон. С кем это? С тобой, ля-Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

Паратов. Что так?

Робинзон. Невежи!

Паратов. Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзон. Всегда знал. Я всегда за дворян.

Паратов. Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покрови-

телей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят — на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон. Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе)*. Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие — нет, этого мало,— за счастие, которое вы нам доставили.

Лариса. Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я — жена ваша или нет?

Паратов. Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса. Я не поеду домой.

Паратов. Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем — это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса. Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов. Вы поедете на моих лошадях — разве это не все равно?

Лариса. Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха, маменька видела, как мы уехали — она не будет беспокоиться, как бы поздно мы ни возвратились... Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать... чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

Паратов. Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса. Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге — выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов. Какая экзальтация! Вам можно жить и

должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Л а р и с а. Что вы говорите! Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна; а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

П а р а т о в. Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательными ко мне.

Л а р и с а. Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам опять повторю все с начала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась, наконец, выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

П а р а т о в. Все это прекрасно, и обо всем этом мы с вами потолкуем завтра.

Л а р и с а. Нет, сегодня, сейчас.

П а р а т о в. Вы требуете?

Л а р и с а. Требую.

В дверях кофейной видны К н у р о в и В о ж е в а т о в.

П а р а т о в. Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Л а р и с а. Допускаю. Я сама способна увлечься.

П а р а т о в. Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Л а р и с а. Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

П а р а т о в. Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Л а р и с а *(задумчиво)*. Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

П а р а т о в. Нет.

Л а р и с а. А всякие другие цепи — не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, бо́льшую половину тяжести я возьму на себя.

П а р а т о в. Я обручен.

Л а р и с а. Ах!

П а р а т о в *(показывая обручальное кольцо)*. Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

Л а р и с а. Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стул.)*

П а р а т о в. Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Л а р и с а. Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло...» Ха, ха, ха! *(Истерически смеется.)* Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руку.)*

К н у р о в, В о ж е в а т о в и Р о б и н з о н выходят на крыльцо кофейной.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

П а р а т о в, Л а р и с а, К н у р о в, В о ж е в а т о в, и Р о б и н з о н.

П а р а т о в *(подходя к кофейной)*. Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Р о б и н з о н. Ля-Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

П а р а т о в. Кто «он»?

Р о б и н з о н. Карандышев.

П а р а т о в. Так что ж мне за дело!

Р о б и н з о н. Он меня убьет.

П а р а т о в. Ну, вот, велика важность! Исполняй, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Р о б и н з о н. Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

П а р а т о в. Убьет он тебя или нет — это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное. *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон *(грозя кулаком)*. О, варвары, о, разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова)*. Вася, я погибаю!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то! Ничего не поделаешь.

Лариса. Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные; что мне делать — научи!

Вожеватов. Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса. Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов. Не могу, ничего не могу.

Лариса. И у тебя тоже цепи?

Вожеватов. Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса. Какие?

Вожеватов. Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе)*. Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно

принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. *(Почтительно кланяется и уходит в кофейную.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лариса одна.

Лариса. Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят... верная смерть. *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... в беспамятстве, ни боли... ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужасом отбегает.)* Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет... *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет... Не Кнуров... роскошь, блеск... нет, нет... я далека от суеты... *(Вздрогнув.)* Разврат... ох, нет... Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть... Да, я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть... Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подпирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Лариса, Робинзон и Карандышев.

Карандышев. Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон. Да-с, велено.

Карандышев. И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон. Уж чего еще хуже, чего обиднее!

Карандышев. Она сама виновата: ее поступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец она сама могла, она имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять. Это уж мое дело: прощу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступиться за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон. Она здесь была. Вот она!

Карандышев. При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон. С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться! *(Уходит в кофейную.)*

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Лариса и Карандышев.

Лариса *(подымая голову)*. Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев. Где же быть мне?

Лариса. Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев. Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отмстить за ваше оскорбление.

Лариса. Для меня самое тяжкое оскорбление — это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

Карандышев. Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жеребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку — и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас как на женщину, как на человека,— человек сам располагает своей судьбой;

они смотрят на вас, как на вещь. Ну, если вы вещь, — это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Л а р и с а *(глубоко оскорбленная)*. Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь! *(С горячностью.)* Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

К а р а н д ы ш е в. Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Л а р и с а. Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

К а р а н д ы ш е в *(с жаром)*. Я беру вас, я ваш хозяин. *(Хватает ее за руку.)*

Л а р и с а *(оттолкнув его)*. О, нет! Каждой вещи своя цена есть... Ха, ха, ха... я слишком, слишком дорога для вас.

К а р а н д ы ш е в. Что вы говорите! мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Л а р и с а *(со слезами)*. Уж если быть вещью, так одно утешение — быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

К а р а н д ы ш е в. Что вы, что вы, опомнитесь!

Л а р и с а. Ну, так я сама пойду.

К а р а н д ы ш е в. Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Л а р и с а *(с горькой улыбкой)*. Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

К а р а н д ы ш е в. Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Л а р и с а. Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

К а р а н д ы ш е в. Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня!

Л а р и с а. Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

К а р а н д ы ш е в. Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Л а р и с а *(с отвращением)*. Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

К а р а н д ы ш е в. Скажите же: чем мне заслужить

любовь вашу? *(Падает на колени.)* Я вас люблю, люблю.

Л а р и с а. Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

К а р а н д ы ш е в *(вставая)*. О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Л а р и с а. Чьей ни быть, но не вашей!

К а р а н д ы ш е в *(запальчиво)*. Не моей?

Л а р и с а. Никогда!

К а р а н д ы ш е в. Так не доставайся ж ты никому! *(Стреляет в нее из пистолета.)*

Л а р и с а *(хватаясь за грудь)*. Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

К а р а н д ы ш е в. Что я, что я... ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Л а р и с а *(нежно)*. Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама... сама. Ах, какое благодеяние... *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, Г а в р и л о и И в а н.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Л а р и с а, К а р а н д ы ш е в, П а р а т о в, К н у р о в, В о ж е в а т о в, Р о б и н з о н, Г а в р и л о и И в а н.

В с е. Что такое, что такое?

Л а р и с а. Это я сама... Никто не виноват, никто... Это я сама.

За сценой цыгане запевают песню.

П а р а т о в. Велите замолчать! Велите замолчать!

Л а р и с а *(постепенно слабеющим голосом)*. Нет, нет, зачем... Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо... умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Громкий хор цыган.

Комедия
в четырех
действиях

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ПОТАП ПОТАПЫЧ КАРКУНОВ,
богатый купец, старик.

ВЕРА ФИЛИППОВНА,
его жена, 30 лет с небольшим.

ИСАЙ ДАНИЛЫЧ ХАЛЫМОВ,
подрядчик, кум Каркунова.

АПОЛЛИНАРИЯ ПАНФИЛОВНА,
его жена за 40 лет.

КОНСТАНТИН ЛУКИЧ КАРКУНОВ,
племянник Потапа Потапыча, молодой человек.

ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА,
его жена, молодая женщина.

ЕРАСТ,
приказчик Каркунова, лет 30.

ОГУРЕВНА,
ключница, старуха.

В доме Каркунова, в фабричной местности, на самом краю Москвы. Жилая комната купеческого дома, представляющая и семейную столовую, и кабинет хозяина, в ней же принимают и гостей запросто, то есть родных и близких знакомых; направо от актеров небольшой письменный стол, перед ним кресло, далее железный денежный шкаф, вделанный в стену; в углу дверь в спальню; с левой стороны диван, перед ним круглый обеденный стол, покрытый цветной салфеткой, и несколько кресел; далее большая горка с серебром и фарфором; в углу дверь в парадные комнаты; в глубине дверь в переднюю; с правой стороны большой комод, с левой — буфет; вся мебель хотя не модная, но массивная, хорошей работы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огуревна стоит, подперши щеку рукой. Входят Константин и Ольга.

Константин. Огуревна, что ты тут делаешь?

Огуревна. Самоё дожидаюсь насчет самовара.

Константин. А где ж она сама-то, где дяденька?

Огуревна. В зале сидят; залу растворить велели и чехлы все с небели давеча еще поснимали.

Константин. Что за праздник такой? Кажется, такие параты у нас раза три в год бывают, не больше.

Огуревна. С гостями сидят.

Ольга. С какими гостями?

Огуревна. Аполлинария Панфиловна с Исай Данилычем приехали; за ним давеча нарочно посылали.
Константин *(Ольге)*. Поняла?
Ольга. Ничего не понимаю.
Константин. Завещание.
Ольга. Какое завещание?
Константин. Дяденька давно собирались завещание писать, только хотели посоветоваться с Исаем Данилычем, так как он подрядчик, с казной имел дело и, значит, все законы знает. А мы с дяденькой никогда и понятия не знали, какие такие в России законы существуют, потому нам это не для чего.
Огуревна. Да, да, писать что-то хотят — это верно; у приказчика Ераста крандаш и бумагу требовали.
Константин *(Ольге)*. Слышишь?
Ольга. Ну, так что ж?
Константин. Не твоего ума дело. Огуревна, поди скажи дяденьке, мол, Константин Лукич желают войти, так можно ли?
Огуревна. Хорошо, батюшка. *(Уходит налево.)*
Ольга. Зачем ты пойдешь?
Константин. Разговаривать буду.
Ольга. В таком-то виде?
Константин. Я всегда умен — что пьяный, что трезвый; еще пьяный лучше, потому у меня тогда мысли свободнее.
Ольга. Об чем же ты будешь разговаривать?
Константин. Мое дело. Обо всем буду разговаривать. Никакого завещания не нужно; дяденька должен мне наследство оставить; я единственный... понимаешь... И потому еще, что я, в надежде на дяденькино наследство, все свое состояние прожил.
Ольга. А кто тебе велел?
Константин. Не разговаривай! Если дяденька мне ничего не оставит, мы должны будем в кулаки свистеть, и я даже могу попасть в число несостоятельных, со всеми последствиями, которые из этого проистекают.

Входит Огуревна.

Огуревна. Пожалуйте!
Ольга. И я с тобой пойду.
Константин *(отстраняя жену)*. Марш за шламбаум! Нечего тебе там делать. Разговор будет умст-

венный. Тетенька и Аполлинария Панфиловна должны сейчас сюда прийти: либо их попросят вон, либо они сами догадаются, что при нашем разговоре они ни при чем, а только мешают; потому это дело на много градусов выше женского соображения. *(Уходит налево.)*

С той же стороны входят Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Ольга и Огуревна.

Вера Филипповна. Здравствуй, Оленька!

Аполлинария Панфиловна. Здравствуй, Оленька!

Вера Филипповна. Садиться милости прошу, гостьи дорогие!

Огуревна. Матушка, Вера Филипповна, чай-то сюда прикажете подавать аль сами к самоварчику сядете?

Вера Филипповна. Да он готов у тебя?

Огуревна. В минуту закипит, уж зашумел.

Аполлинария Панфиловна. А ты ему шуметь-то много не давай. Другой самовар ворчливей хозяина, расшумится так, что и не уймешь.

Вера Филипповна. Сейчас придем, Огуревна.

Огуревна уходит.

Я поджидаю, когда сам выдет.

Аполлинария Панфиловна. Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из Тележной улицы, мужа-то «сам» называете!

Ольга. Тетенька всегда так.

Вера Филипповна. Мы с Потап Потапычем люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно? Как его ни называй: муж, хозяин, сам,— все он большой в доме.

Аполлинария Панфиловна. Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко; у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и «сам» — тоже разве уж которые еще в платочках ходят.

Ольга. А кто нынче в платочках-то ходит! Все и лавочницы давно шляпки понадели.

Аполлинария Панфиловна. Нынче купчихи себя высоко, ох, высоко держат, ни в чем иностранкам уступить не хотят... снаружи-то.

Вера Филипповна. Слышала я, по слуху-то и я знаю. Что ж мудреного! Люди людей видят, один от другого занимаются. Только я одна пятнадцать лет свету божьего не вижу, так мне и заняться не от кого. Что это Потап Потапыч с Исаем Данилычем затолковались!

Аполлинария Панфиловна. Стало быть, дело есть. Разве не слыхали?

Вера Филипповна. Ничего не слыхала.

Ольга. Напрасно вы, тетенька, скрываете от нас; мы и сами довольно хорошо знаем.

Аполлинария Панфиловна. Мне Исай Данилыч говорил.

Вера Филипповна. А мне Потап Потапыч ничего не сказывал.

Аполлинария Панфиловна. По заслугам и награда.

Ольга. Отчего ж не награждать, коли кто чего стоит; всякий волен в своем добре; только и других тоже обижать не нужно.

Вера Филипповна. Зачем обижать! Сохрани бог! Только не знаю я, про какую награду вы говорите.

Аполлинария Панфиловна. Завещание пишут, Вера Филипповна, завещание.

Вера Филипповна *(с испугом)*. Завещание? Какое завещание, зачем? Потап Потапыч на здоровье не жалуется; он, кажется... слава богу.

Аполлинария Панфиловна. Осторожность не мешает, в животе и смерти бог волён. А ну, вдруг... Значит, надо вперед подумать да успокоить, кого любишь. Вот, мол, не сомневайтесь, все вам предоставляю, всякое счастие, всякое удовольствие.

Ольга. Как же, тетенька, неужели ж вы этого не ожидали?

Вера Филипповна. Не ожидала, да и не думала никогда.

Аполлинария Панфиловна. Как, чай, не думать! Разве вы богатству не рады будете?

Вера Филипповна. Нет, очень рада.

Аполлинария Панфиловна. Ну, еще бы!

Вера Филипповна. Я много бедным помогаю,

так часто не хватает; а у Потапа Потапыча просить боюсь; а кабы я богата была, мне бы рай, а не житье.

Входит Огуревна.

Огуревна. Я, матушка, насчет варенья.
Вера Филипповна. Сейчас приду.

Огуревна уходит.

Извините, гостьи дорогие! *(Уходит.)*
Ольга. «Для бедных»! Рассказывай тут! И мы люди небогатые.
Аполлинария Панфиловна. Надо ей говорить-то что-нибудь.

Входит Вера Филипповна.

Вы говорите, что не думали о богатстве? Да кто ж этому поверит! Не без расчету ж вы шли за старика? Жили вы в бедности...
Вера Филипповна. Я и не оправдываюсь; я не святая. Да и много ли у нас, в купечестве, девушек по любви-то выходят? Всё больше по расчету, да еще не по своему, а по родительскому. Родители подумают, разочтут и выдадут, вот и все тут. Маменька все сокрушалась, как ей быть со мной при нашей бедности; разумеется, как посватался Потап Потапыч, она обеими руками перекрестилась. Разве я могла не послушаться маменьки, не утешить ее!
Аполлинария Панфиловна. Послушались маменьку и полюбили богатого старичка.
Ольга. Как богатого не полюбить! Да я бы сейчас...
Вера Филипповна. Богатого трудней полюбить. За что я его буду любить! Ему и так жить хорошо. Бедного скорей полюбишь. Будешь думать: «Того у него нет, другого нет», станешь жалеть и полюбишь.
Аполлинария Панфиловна. Уж на маменьку только слава; чай, и сами были не прочь за Потапа Потапыча идти. Всякому хочется получше пожить, особливо кто из бедности.
Вера Филипповна. «Получше пожить». Да жила ли я, спросите! Моей жизни завидовать нечему. Я пятнадцать лет свету не видала; мне только и выходу было, что в церковь. Нет, виновата, в первую зиму, как я замуж вышла, в театр было поехали.

Аполлинария Панфиловна. Да не доехали, что ли?

Вера Филипповна. Нет, хуже.

Аполлинария Панфиловна. Смешнее?

Вера Филипповна. Кому как. Только что я села в ложу, кто-то из кресел на меня в трубку и посмотрел; Потап Потапыч как вспылит: «Что, говорит, он глаза-то пялит, чего не видывал? Сбирайся домой!» Так и уехали до начала представления. Да с тех пор, вот уж пятнадцатый год, и сижу дома. Я уж не говорю о театрах, о гуляньях...

Ольга. Как, тетенька, неужели же ни в Сокольники, ни в Парк, ни в Эрмитаж?..

Вера Филипповна. Какие Сокольники, какой Эрмитаж! Я об них и понятия не имею.

Ольга. Однако, тетенька.

Аполлинария Панфиловна. Да, уж нынче таких антиков немного, чтоб Сокольников не знать.

Вера Филипповна. Ну, да уж так и быть. Сначала-то и горько было, и обидно, и до смертной тоски доходило, что все взаперти сижу; а потом, слава богу, прошло, к бедным привязалась; да так обсиделась дома, что самой страшно подумать: как это я на гулянье поеду? Да уж бог с ними, с гуляньями и театрами. Говорят, там соблазну много. Да ведь на белом свете не все ж дурное, есть что-нибудь и хорошее; я и хорошего-то не видала, ничего и не знаю. Для меня Москва-то, как лес: пусти меня одну, так я подле дома заблужусь. Твердо дорогу знаю только в церковь да в баню. И теперь, как выеду, так словно дитя малое, на дома да на церкви любуюсь: всё-то мне в диковину.

Ольга. Все ж таки выезжали куда-нибудь?

Вера Филипповна. Выезд мой, милая, был раза два-три в год по магазинам за нарядами, да и то всегда сам со мной ездил. Портниха и башмачник на дом приходят. Мех понадобится, так на другое утро я еще не проснулась, а уж в зале по всему полу меха разостланы, выбирай любой. Шляпку захочу, так тоже мадам полну карету картонов привезет. О вещах дорогих и говорить нечего: Потап Потапыч чуть не каждую неделю возил то серьги, то кольцо, то брошку. Хоть надевать некуда, а все-таки заня-

тие: поутру встану, переберу да перегляжу всё — время-то незаметно и пройдет.

Аполлинария Панфиловна. Сидели дома с Потап Потапычем да друг на друга любовались. Что ж, любезное дело!

Вера Филипповна. И любоваться-то не приходилось. Еще теперь, как Потап Потапыч стал здоровьем припадать, так иной день и дома просидит; а прежде по будням я его днем-то и не видала. Из городу в трактир либо в клуб, и жди его до трех часов утра. Прежде ждала, беспокоилась; а потом уж и ждать перестала, так не спится... с чего спать-то! А по праздникам: от поздней обедни за обед, потом отдохнет часа три, проснется, чаю напьется: «Скучно, говорит, с тобой. Поеду в карты играть». И нет его до утра. Вот и сижу я одна; в окна-то у нас, через сад, чуть не всю Москву видно, сижу и утро, и вечер, и день, и ночь, гляжу, слушаю. А по Москве гул идет, какой-то шум, стучат колеса; думаешь: ведь это люди живут, что-нибудь делают, коли такой шум от Москвы-то.

Аполлинария Панфиловна. Житейское море волнуется.

Вера Филипповна. Думала приемыша взять, сиротку, чтоб не так скучно было; Потап Потапыч не велит.

Аполлинария Панфиловна. Сироту взять, так веселее будет.

Вера Филипповна. Только чтоб не самого крошечного, не грудного.

Аполлинария Панфиловна. Нет, зачем! Так лет двадцати пяти, кудрявенького. От скуки приятно.

Вера Филипповна. Ах, что вы, как вам не стыдно! Без шуток вам говорю, помешаться можно было. Как я тогда с ума не сошла, так это дивиться надо.

Аполлинария Панфиловна. Старики уж всегда ревнивы.

Вера Филипповна. Да что меня ревновать-то! Я в пятнадцать лет не взглянула ни разу на постороннего мужчину. В чем другом не похвалюсь, а этого греха нет за мной, чиста душа моя.

Аполлинария Панфиловна. Ну, не говорите! Искушения не было, так и греха нет. Враг-то силен, поручиться за себя никак нельзя.

О л ь г а. Это правда, тетенька. Вы по вечерам и по балам не ездите, а посмотрели бы там, какие мужчины бывают. Умные, ловкие, образованные, не то, что...

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. «Не то, что мужья наши». Ай, Оленька! Вот умница! А ведь правду она говорит: пока не видишь других людей, так и свои хороши кажутся; а как сравнишь, так на свое-то и глядеть не хочется.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Что вы, что вы! Как вам не грех!

О л ь г а. Да ведь мы, тетенька, не слепые. Конечно, обязанность есть наша любить мужа, так ее исполняешь; а ведь глаза-то на что-нибудь даны? Что невежа и дурак, а что образованный человек, разобрать-то не хитрость.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Не видали вы настоящих-то мужчин, так хорошо вам разговаривать. И первый человек греха не миновал, да и последний не минует. Грех сладок, а человек падок.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Ну, и слава богу, что смолоду искушения не было; а уж теперь и бояться нечего, мое время прошло.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Какие ваши года! Мне и под пятьдесят лет, да я за себя не поручусь.

О л ь г а. Я, кажется, до семидесяти лет влюбляться буду. А то и жить-то незачем, какой интерес! А тут вдруг как-то тепло на душе. А то какая наша жизнь? Пей, ешь да спи!

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Я тоже не люблю, чтоб без занятия. Уж, само собой, не любовь,— где уж! Хоть и не закаиваюсь. А чтоб были мне хлопоты: или сватать, или когда молодая женщина запутается, так поучишь ее, как из беды вынырнуть, мужу глаза отвести.

О л ь г а. Да что, в самом деле, тетенька, мы не люди, что ли! Посмотрите-ка, что мужчины-то делают, какую они себе льготу дают! Что они боятся, аль стыдятся чего! Какая только придет им в голову фантазия, все и исполняют. А от нас требуют, чтоб не только мы закон соблюдали, а в душе и помышлении непорочность имели. Как еще они, при своей такой безобразной жизни, смеют от нас чего-то требовать! Да возьми такой муж в самом деле-то хорошую да

благородную девушку, так она через три дня плюнет на него да убежит, куда глаза глядят.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Недавно замужем, а как разговариваешь! Скоро жизнь-то раскусила.

О л ь г а. Раскусишь. Я шла замуж-то, как голубка была, а муж меня через неделю по трактирам повез арфисток слушать; сажал их за один стол со мной, обнимался с ними; а что говорили, так у меня волоса дыбом подымались!

В е р а Ф и л и п п о в н а. Я такие речи в первый раз слышу.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да вольно ж вам людей-то дичиться. Вы уж спесивы очень. Пожаловали бы когда к нам запросто или меня к себе приглашали почаще; угощенья для меня особенного не нужно: был бы чай да бутылка мадеры—вот и все.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Нет, где уж мне по гостям! Я одичала очень, мне и людей-то видеть тяжело. И раз-то в год выедешь, так час просидишь в гостях, а там уж и скучно, домой тянет.

О л ь г а. Теперь не прежнее время, не взаперти живете; вот бы и начали выезжать понемножку, привыкать к людям.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Разница-то невелика: прежде взаперти жила, а теперь сама уселась дома. Вот только одно мое удовольствие — по монастырям стала ездить: в Симонов, в Новоспасский, в Андроньев.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Раненько за богомолье-то принялись.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да хорошо там очень: когда небольшой праздник, так народу немного, тихо таково, просторно, поют хорошо. Выдешь за ограду, по бульварчику походишь, на Москву поглядишь, старушек богомолок найдешь, с ними потолкуешь.

Входит О г у р е в н а.

Что ты?

О г у р е в н а. Сумлеваюсь насчет лимону.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Я сейчас, гостьи дорогие. *(Уходит с Огуревной.)*

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. По монастырям стала ездить! Надо подсмотреть за ней; в самом деле, нет ли сироты какого.

О л ь г а. Нет, не похоже.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Смотри ей в зубы-то! Я очень тихим-то не верю. Знаешь пословицу: в тихом омуте..?

Входит В е р а Ф и л и п п о в н а.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Сюда прикажете чай подать или туда пойдете? Сюда и мужчины придут; вон, кажется, Потап Потапыч подвигается.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Лучше мы к самовару присоседимся; я не люблю с мужчинами-то: не привыкли мы вперемешку-то. Простору нет, разговор не тот; я в разговоре свободна, стеснять себя не люблю. Мужчины врут сами по себе, а мы сами по себе, и им свободней, и нам вольней. Любезное дело! А вместе одна канитель, а не разговор. Я с прибавлением люблю чай-то пить; неравно при мужчинах-то невзначай лишнее перельешь, так и совестно.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Как вам угодно. Пожалуйте!

Уходят А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а, О л ь г а, В е р а Ф и л и п п о в н а.
Входят К а р к у н о в (в руках бумага и карандаш), Х а л ы м о в, К о н с т а н т и н К а р к у н о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К а р к у н о в, Х а л ы м о в и К о н с т а н т и н К а р к у н о в.

К о н с т а н т и н. Помилуйте, дяденька!.. К чему, к чему?.. Ни к чему это не ведет.

К а р к у н о в. Помолчи ты, помолчи! *(Халымову.)* Ах, кум ты мой милый, вот уж спасибо, вот уж спасибо!

Х а л ы м о в. Да за что?

К а р к у н о в. Как за что? Я тебе шепнул: «Приезжай, мол», а ты и приехал.

Х а л ы м о в. Да чудак: зовешь в гости, как не поехать! От хлеба-соли кто же отказывается!

К а р к у н о в. Да я еще тебя хлебом-то не кормил, а как ты приехал, так за дело тебя; говорю: «Помоги!..»

Х а л ы м о в. Да какое дело-то! Гроша оно медного не стоит; эка невидаль, завещание написать! Было б что отказывать; а коли есть, так нехитро: тут вся твоя воля, что хочешь, то и пиши!

Каркунов. Нет, ты не говори! Вот у нас тут по соседству адвокатишко проживает, так, паршивенький, а и тот триста рублей просит.

Халымов. Еще мало запросил. Вольно ж тебе за адвокатами посылать!

Константин. Да помилуйте! Коли есть единственный... так к чему? Одни кляузы!

Каркунов. Погоди! Ты помолчи, помолчи!

Халымов. Взял лист — и пиши!

Каркунов. «Пиши», ишь ты! Что я напишу, что я знаю! Как напьемся хорошенько, так «мыслете» писать наше дело; а перо-то возьмешь, так ведь надо, чтоб оно слушалось. А коли не слушается, так что ж ты тут! Ничего не поделаешь.

Халымов. А ты его возьми покрепче в руки-то, да и пиши спервоначалу с божьего благословения: во имя, и прочее...

Каркунов. Так, так, с божьего благословения; нельзя без этого, нельзя. Это уж первое дело. *(Константину.)* Ты незваный пришел, так вот тебе бумага и крандаш. Пиши! *(Отдает бумагу и карандаш.)* Пиши, что сказано.

Константин. Да позвольте! Коли я единственный...

Каркунов. Молчи, молчи!

Константин садится к столу.

Что ему писать-то?

Халымов. Потом пиши: «Во-первых...»

Каркунов. Константин, пиши: «Во-первых...»

Халымов. «Поручаю душу мою богу...»

Каркунов *(вздыхая)*. Ох, ох! Да, да.

Константин пишет.

Халымов. «А грешное тело мое предать земле по христианскому обряду».

Каркунов. По христианскому, по христианскому, да, да, по христианскому, чтобы уж как следует.

Халымов. Теперь насчет певчих... Каких тебе будет приятнее: Чудовских или Нешýмовских?

Каркунов. Чудовских приятнее, друг ты мой любезный, приятнее.

Халымов. Ну, и пиши: «Чудовских».

Каркунов. Константин, запиши: «Чудовских!»

Халымов. Теперь покров на гроб... хочешь парчо-

вый, хочешь глазетовый. Нынче этот товар до тонкости доведен, в Париже на выставке был.

Каркунов. Над этим задумаешься, кум, задумаешься.

Халымов. Да как не задуматься; дело большого рассудка требует. А ты вели принести образчиков, да который тебе к лицу, тот и обозначь; узорчик повеселей выбери. Да вот еще забыли, прежде всего надо: «Находясь в здравом уме». Что забыли-то! Да и вправду, в здравом мы уме аль нет?

Каркунов. В здравом, в здравом, куда хочешь. Константин, проставь впереди: «В здравом уме».

Константин. Ну, уж сомневаюсь!

Каркунов. Пиши, пиши, не твое дело!

Халымов. «И твердой памяти».

Каркунов. Ну, насчет памяти... против прежнего не то.

Халымов. Да ведь помнишь всех, кто тебе должен?

Каркунов. Всех, всех, всех.

Халымов. Значит, твердая. Может быть, забываешь, кому сам должен? Так не беда, напомнят. Ну, главное дело кончено, теперь уж пустяки. Вот пиши: «Любезной супруге моей, Вере Филипповне, за ее любовь ко мне и всегдашние попечения...»

Каркунов. Да, да, всегдашние попечения.

Халымов. Ну, там что знаешь.

Каркунов. Пиши, Константин: «Все движимое и недвижимое имение и миллион денег».

Константин. Да позвольте, дяденька...

Каркунов. Молчи, молчи! Сто́ит, сто́ит, больше сто́ит.

Халымов. Уж это твое дело.

Каркунов. Больше сто́ит, больше сто́ит. Только вот что, кум, ох!..

Халымов. Что случилось?

Каркунов. Оставлю я ей миллион, а она с моими деньгами-то замуж либо любовника...

Халымов. Да тебе-то что за дело! Уж там как знает, как ей лучше.

Каркунов. Нет, так нельзя, так нельзя: мои деньги-то. Она выйдет замуж, да еще подсмеется с мужем-то над стариком.

Халымов. Да и подсмеются, ничего не поделаешь.

Каркунов. Нет, вот как: любезной супруге моей,

Вере Филипповне, коли не выйдет она замуж и не заведет любовника, миллион.

Халымов. Нельзя так написать-то, кум.

Каркунов. Отчего, кум?

Халымов. Скажут, что не в здравом рассудке.

Каркунов. Так мы этого писать не будем, не осрамим себя, кум, не осрамим. А вот что: я велю ей образ со стены снять да побожиться. Так, кум?

Халымов. Так, так. Да ведь и она не глупа, она образ-то, на котором божилась, повернет к стене либо вовсе из комнаты вынесет, чтобы свидетелей не было, да и сделает, что хочет.

Каркунов. Опять беда! Вот горе-то мое, горе!

Халымов. Ну как не горе! Всю жизнь мучил жену, хочешь и после смерти потиранить, да никак не придумаешь. Да она честно жила с тобой?

Каркунов. Честно, честно. Что тут говорить — святая!

Халымов. Всякий твой каприз, всякую блажь исполняла?

Каркунов. Исполняла, исполняла.

Халымов. Сто́ит это чего-нибудь?

Каркунов. Сто́ит, сто́ит, как не сто́ить!

Халымов. Ну, чего это сто́ит, то ты и дай ей; да уж и не печалься больше, пусть живет, как сама знает.

Каркунов. Нет, мало, мало. *(Константину.)* Да что тут! Пиши: без всяких условиев, миллион.

Константин. Уж это, дяденька, даже довольно глупо, позвольте вам сказать.

Каркунов. Ты молчи! Ты должен к дяде со всяким уважением.

Константин. Я со всяким уважением; а ежели что неумно, так поневоле скажешь: «глупо».

Халымов. Пойдем дальше помаленьку! Теперь племяннику... «Племяннику моему, Константину Лукичу Каркунову, за его почтительность и хорошее поведение...»

Каркунов. Пиши, Константин: «Племяннику моему...»

Константин. Написал.

Каркунов. Вся моя торговля, фабричное заведение, опричь стен, товары, векселя и миллион денег.

Константин. Я так понимаю, что это только одна шутка с вашей стороны.

Каркунов. Только чтоб он вечно поминал меня, а свое пьянство и безобразие оставил.

Константин. Безобразием-то, дяденька, мы вместе занимались; ежели я и пьянствовал, так для вашего удовольствия.

Каркунов. И чтоб всю жизнь он чувствовал.

Халымов. Опять ты с чувствами! А если он чувствовать не будет?

Каркунов. Тогда деньги отобрать.

Халымов. Нет, ты эти аллегории брось! Никто такого твоего завещания не утвердит.

Константин. Оставьте! Пущай не утвердят; тем лучше, все мне и достанется.

Каркунов. Ишь ты какой ловкий! Пиши: миллион! Миллион тебе — вот и все.

Константин. Одна только прокламация, больше ничего.

Халымов. Ну, еще что? Кому еще соблаговолишь?

Каркунов. Приказчику моему, Ерасту... Пиши: ему десять тысяч! Давай бумагу, ступай! Об остальном без тебя порешим.

Константин. Ну, дяденька, не ожидал. Кажется, знаете, какой я человек! Можно довериться без сумления. Стоит вам приказать словесно: выдай тому столько-то, тому столько-то: в точности исполню. Наследник у вас один я, а вы какую-то моду выдумали — завещание писать. Смешно даже.

Каркунов. Ну, хорошо, хорошо, ступай! Обижен не будешь.

Константин уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Каркунов и Халымов.

Каркунов *(осмотрев все двери)*. Ну, кум, вот уж теперь ты мне помоги, в ножки поклонюсь! Возьми бумажку-то! *(Подает бумагу, писанную Константином.)* Захерь, всю захерь! Да напиши ты мне все завещание снова! При племяннике я правды-то говорить не хотел.

Халымов. А в чем твоя правда-то?

Каркунов. Грешный я, ах, какой грешный человек! Что грехов, что грехов! Что неправды на душе, что обиды людям, что всякого угнетения!

Халымов. Ну, так что же?

Каркунов. Так надо, чтоб за мою душу много народу молилось; выкупать надо душу-то из аду кромешного.

Халымов. Как же ты ее выкупишь?

Каркунов. А вот как: ни жене, ни племяннику ничего, так разве малость какую. На них надежда плоха, они не умолят. Все на бедных, неимущих, чтобы молились. Вот и распиши! Ты порядок-то знаешь: туда столько, в другое место столько, чтобы вечное поминовение, на вечные времена... на вечные. А вот тебе записочка, что у меня есть наличными и прочим имуществом. *(Достает из кармана бумажку и подает Халымову.)*

Халымов. Ого! Сколько у тебя наличных-то! Где же ты их держишь?

Каркунов. Дома, кум, вон в шкапу.

Халымов. Ты живешь в захолустье, кругом пустыри; налетят молодцы, так увезут у тебя деньги-то и с твоим дорогим шкапом вместе.

Каркунов. Не боюсь, кум, нет. Нынче, кум, люди-то умны, говорят, стали; так и я с людьми поумнел. Вот видишь две пуговки! *(Показывает две пуговки подле шкафа.)* Электрический звонок! А? Умственная штука, кум, умственная штука! Одну пуговку нажму — все молодцы и дворники тут, а другую — сто человек фабричных через две минуты здесь будут.

Халымов. Ну, кум, задал ты мне задачу!

Каркунов. Сделай милость! Будь друг! Трепещу, трепещу, что грехов-то, что грехов-то, что всякого окаянства!

Халымов. Как же ты жену-то обидишь, за что?

Каркунов. Да, да... жена у меня душа ангельская, голубица чистая. Как подумаю, кум, про нее, так слезы у меня. Вот видишь, слезы. Заморил я ее, всю жизнь загубил... Да что же... Мое ведь... кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вот еще приказчик... Я у приятеля сыночка взял, обещал в люди вывести, наградить... а не вывел. И жалованье-то платил малое, все посулами проводил... И об нем тоже, видишь, плачу. Только у меня и дорогого-то, что жена да приказчик; а душа-то все-таки дороже... Можно ему что-нибудь из платья... шубу старую. Так и напиши!

Халымов. Напишу, что с тобой делать! Только будет ли польза душе-то?

Каркунов. Будет, будет; с умными людьми советовался, с благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочам, в раздачу нищей братии, по гривне сто тысяч, по пятаку триста.

Халымов. Это хорошо, это по крайности целиком в казну поступит; казне деньги нужны.

Каркунов. Как, кум, в казну?

Халымов. Через акцизное управление. Питейные заведения заторгуют хорошо.

Каркунов. Ну, что ж, пущай! Все-таки каждый перед стаканом-то помянет добрым словом.

Халымов. Перед первым помянет, а на другой не хватит денег, так тебя ж и обругает.

Каркунов. Ничего, нужды нет; хоть раз перекрестится да вздохнет на образ, все-таки душе-то легче. *(Растворяет двери.)* Вера Филипповна, Костя!.. А! И ты, Ераст, здесь! Войдите, войдите!

Входят Вера Филипповна, Константин, Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Каркунов, Халымов, Вера Филипповна, Константин и Ераст.

Каркунов. Ну, супруга любезная, ну, племянничек дорогой, и ты, Ераст! Молитесь богу, молитесь богу! Всех, всех наградил, всю жизнь поминать будете.

Вера Филипповна. Благодарю покорно, Потап Потапыч! Не надо мне ничего; а коли ваша такая любовь ко мне, так за любовь вашу я должна вас поминать всегда и всегда за вас богу молить.

Ераст. Покорно благодарю, Потап Потапыч, что труды мои цените, даже сверх заслуг.

Константин. Извините, дяденька, мне благодарить не за что. Конечно, на все ваша воля, а коли рассудить правильно, так и без того все мое.

Каркунов. А коли твое, так твое и будет; никого не обижу, никого.

Вера Филипповна. Сюда чай прикажете или к нам пожалуете?

К а р к у н о в. Пойдем, кум, к бабам, пойдем балагурить, зубы точить.

Уходят К а р к у н о в и Х а л ы м о в.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Пожалуйте! Константин Лукич, Ераст... приходите!

К о н с т а н т и н. Увольте, тетенька, мы не желаем.

В е р а Ф и л и п п о в н а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К о н с т а н т и н и Е р а с т.

К о н с т а н т и н. Ну, Ераст, дело — табак.

Е р а с т. О чем твой разговор и как его понимать?

К о н с т а н т и н. Нам с тобой зубы на полку.

Е р а с т. Почему так полагаешь?

К о н с т а н т и н. Все тетке — шабаш!

Е р а с т. Что ж, послужим и ей.

К о н с т а н т и н. Не придется.

Е р а с т. Отчего ж не служить, мы не хуже людей.

К о н с т а н т и н. Ты думаешь, она при миллионах-то с фабриками да с торговлей путаться будет? Как же, очень ей нужно! Оборотит все в деньги да замуж за благородного.

Е р а с т. Пожалуй, мудреного нет.

К о н с т а н т и н. А мы с тобой на бобах останемся.

Е р а с т. Так неужто ж вся моя служба задаром пропадет?

К о н с т а н т и н. А ты благодарности ждешь?.. От дяди-то? Жди, жди! Он не нынче, так завтра тебя по шапке скомандует.

Е р а с т. За что, про что?

К о н с т а н т и н. Здорово живешь. К расчету ближе. Ты, по своим трудам, стоишь много, а ему жаль тебе прибавить; ну, известное дело, придерется к чему, расшумится, да и прогонит. У них, у хозяев, одна политика-то.

Е р а с т. Однако призадумаешься. Надо место искать.

К о н с т а н т и н. Погоди! Ты вспомни, чему я тебя учил.

Е р а с т. Насчет чего?

К о н с т а н т и н. Насчет амуров.

Е р а с т. Эх! Будет тебе глупости-то!

К о н с т а н т и н. Одно твое спасенье.

Е р а с т. Не такая женщина; приступу нет.

К о н с т а н т и н. Ну, плох же ты, брат!

Е р а с т. Кто плох? Я-то?.. Кабы ты знал, так не говорил бы, что я плох. Я свое дело знаю, да ничего не поделаешь. Первым долгом, надо женщину хвалить в глаза; таким манером какую хочешь донять можно. Нынче скажи — красавица, завтра — красавица, она уши-то и распустит, и напевай ей турусы на колесах! А уж коли стала слушать, так заговорить недолго.

К о н с т а н т и н. Так бы ты и действовал.

Е р а с т. Я и действовал, да она меня только одним взглядом так ошибла, ровно обухом, насилу на ногах устоял. Нет, я теперь на другой манер.

К о н с т а н т и н. Какая статья?

Е р а с т. Она у нас сердобольная, чувствительная, так я на жалость ее маню, казанским сиротой прикидываюсь.

К о н с т а н т и н. Действует?

Е р а с т. Кажется, подействовало; уж полдюжины голландских рубашек получил вчера. От кого ж как не от нее! Она все так-то, втайне благодетельствует.

К о н с т а н т и н. Ну, и действуй в этом направлении. Затягивай ее мало-помалу; потом свиданье где-нибудь назначь либо к себе замани.

Е р а с т. Ну, хотя бы и так, да тебе-то какая польза от всего этого?

К о н с т а н т и н. Ах, простота! Я подстерегу вас, да и укажу дяде: вот, мол, посмотри, кому ты миллионы-то оставляешь!

Е р а с т. Однако ловко! Да что ты дурака, что ль, нашел?

К о н с т а н т и н. Погоди! Что болтаешь зря, не разобравши дела! Ты слушай да понимай! Тебя все равно дня через два-три дядя прогонит, уж он говорил, так что тебе жалеть-то себя! Так, ни с чем уйдешь; а коли мне, через твою услугу, дядино состояние достанется, так я тебя озолочу.

Е р а с т. Рассказывай! Тебе поверишь, так трех дней не проживешь!

К о н с т а н т и н. Это точно, это ты правду говоришь. И не верь мне на слово никогда, я обману. Какое я состояние-то ухнул — отобрали все. А отчего? Оттого, что людям верил. Нет, уж теперь шабаш; и я людям не верю, и мне не верь. Ты на совесть мою, пожалуйста, не располагайся; была когда-то, а теперь ее нет. Это я тебе прямо говорю. Бери документ! Хочешь две-три тысячи, ну, хочешь пять?

Е р а с т. Да что с тебя возьмешь по документу-то?

К о н с т а н т и н. Само собой, что теперь ничего; а как оставит дядя наследство, получишь все и с процентами.

Е р а с т *(подумав)*. Вот что, слушай! Которое ты дело мне сейчас рекомендуешь, довольно оно подлое. Пойми ты! Довольно подлое.

К о н с т а н т и н. Да разве я говорю тебе, что оно хорошее? И я так считаю, что оно подлое. Только я за него деньги плачу. Разбирай, как знаешь! Пять тысяч, да на голодные-то зубы, да тому, кто их никогда у себя не видывал... тоже приятность имеют.

Е р а с т. Не надо. Не только твоих пяти тысяч... а отойди! Вот... одно слово!

К о н с т а н т и н. Правда пословица-то: дураков-то не орут, не сеют, а сами родятся. Получаешь ты триста рублей в год, значит, обязан ты воровать; хотят тебя осчастливить, дают тебе пять тысяч, а ты физиономию в сторону отворачиваешь! Мозги! Нечего сказать! Постучи-ка себя в лоб-то да вон в стену попробуй, будет ли разница?

Е р а с т. А как ты думаешь, ежели дьявол... так кто из вас тоньше... людей-то опутывать?

К о н с т а н т и н. Ну, вот еще, «дьявол». Испугать, что ль, меня хочешь? Слова, глупые слова, и больше ничего. К чему тут дьявол? Которые люди святой жизни, так дьяволу с ними заботы много; а мы и без него нагрешим, что на десяти возах не вывезешь. Но, однако, всякому разговору конец бывает... Хочешь — бери деньги, а не хочешь — сочти так, что я пошутил.

Е р а с т. Надо, по крайности, подумать.

К о н с т а н т и н. И выходишь ты, братец мой, невежа. Думай не думай, ума не прибудет; сколько тебе ума дано, столько и останется. Значит, показывай сейчас свой ум или свою глупость! На том и покончим.

Е р а с т. Ну, уж была не была, куда ни шло!

К о н с т а н т и н. Вот так-то лучше; а ты еще в рассуждения пускаешься! Какие еще твои рассуждения, когда ты обязан во всем слушать меня и всегда подражать под меня. Я старше тебя хотя не летами, но жизнию и умом; я большое состояние прожил, а ты всегда жил в бедности; я рассуждаю свободно, а ты в рассуждении связан; я давно совесть потерял,

а ты еще только начинаешь. Когда ж подробный об этом предмете у нас разговор будет?

Е р а с т. Ты сегодня что делаешь?

К о н с т а н т и н. До вечера свободен, зайду к тебе и потолкуем; а вечером — опять с дядей в провожатых.

Е р а с т. Куда вы с ним ездите?

К о н с т а н т и н. По трактирам, а то куда ж больше. Надоело им без проказ пьянствовать, так теперь придумывают что чудней: антиков разных разыскивают, да и тешатся. У кого сила, так бороться заставляют; у кого голос велик, так многолетие им кричи; кто пьет много, так поят на пари. Вот бы найти какого диковинного, чтоб дяденьке удружить...

Е р а с т. Нет, я встретил антика-то: и сила, и голос, и выпить сколько хочешь.

К о н с т а н т и н. Кто он такой?

Е р а с т. Так, вроде как странник, по Москве бродит, по папертям да у монастырей с нищими становится.

К о н с т а н т и н. И знаешь, где его найти?

Е р а с т. Знаю.

К о н с т а н т и н. Так покажи мне сегодня же! Я с кем-нибудь стравлю его на пари, большой капитал могу нажить от дяди. Да что! Дядя озолотит, все состояние оставит мне, коли придется ему по вкусу да всех мы победим.

Е р а с т. Можно.

Входят К а р к у н о в, Х а л ы м о в, В е р а Ф и л и п п о в н а и А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К а р к у н о в, Х а л ы м о в, В е р а Ф и л и п п о в н а, А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а, К о н с т а н т и н и Е р а с т.

К а р к у н о в. Что ж, кум, загуляли, значит?

Х а л ы м о в. Не знаю, как ты; а я коньки подвязал, далеко катиться могу.

К а р к у н о в. Так поехали, что ли?

Х а л ы м о в. Поехали.

К а р к у н о в *(указывая на женщин)*. А их не возьмем, кум, не возьмем! Пущай дома сидят! Вот вы и знайте! Да! Мы в разгул, а вы дома сидите!

Х а л ы м о в. Куда их! Нам с тобой надо быть налегке, без грузу; чтобы куда потянет, туда и плыть, так, глядя по фантазии, рулем-то и поворачивай!

Аполлинария Панфиловна. Да поезжайте, куда душе угодно, не заплачем.

Каркунов. О чем плакать! Что за слезы! Не о том речь! А ты вот что, кума: ты спроси у лошади, как ей лучше, свободней: в хомуте или без хомута! А баба-то ведь хомут.

Аполлинария Панфиловна. Да ну вас, убирайтесь! Не очень-то в вас нуждаются. Домой-то дорогу я и одна найду. Так приедете, Вера Филипповна, в монастырь-то ко всеношной?

Вера Филипповна. Приеду непременно.

Аполлинария Панфиловна. Ну, вот, может быть, увидимся. Прощайте! К нам милости просим.

Вера Филипповна. Ваши гости.

Аполлинария Панфиловна. Прощайте, кавалеры! *(Уходит.)*

Константин. Дяденька, мне прикажете с вами сопутствовать?

Каркунов. Чего еще спрашиваешь? Аль ты свою службу забыл? У тебя ведь одно дело-то: по ночам пьяного дядю домой провожать.

Константин. А ежели я малость замешкаюсь, так к ночи где вас искать, под каким флагом? То есть, дяденька, под какой вывеской?

Халымов. Да уж где ни путаться, а, должно быть, Стрельны не миновать. Поклон да и вон! Поехали.

Каркунов. Хозяйка, не жди!

Уходят Каркунов, Халымов, Константин. Вера Филипповна провожает их в переднюю и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вера Филипповна и Ераст.

Ераст *(потупя голову)*. Вера Филипповна, вы позволите мне сегодня идти ко всеношной?

Вера Филиповна. Разве богу молиться позволения спрашивают?

Ераст. Нет-с, я спрашиваю, позволите ли вы мне идти в монастырь, куда вы поедете?

Вера Филипповна. Храм большой, всем место будет... Иди, коли есть усердие.

Ераст. Я думал, что, может быть, вам неприятно, что я все с вами в одну церковь хожу. Так я могу и в другое место...

В е р а Ф и л и п п о в н а *(взглянув на Ераста)*. Отчего же ты думаешь, что мне неприятно?

Е р а с т. Вы женщина строгая, мало ль что можете подумать.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Я ничего не думаю; а коли ты сам что-нибудь думаешь дурное, так лучше не ходи, не греши. А ежели ты с чистым сердцем...

Е р а с т. С чистым, Вера Филипповна.

В е р а Ф и л и п п о в н а. А коли с чистым, так иди с богом! Мне даже очень приятно; я очень рада, что в таком деле есть у меня товарищ и провожатый.

Е р а с т. Я только вам доложить хотел. Я без спросу не посмел.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да, хорошо, хорошо! Вижу, что ты скромный и хороший человек. Я таких люблю. Хорошего человека нельзя не полюбить... Кого ж и любить, коль не хороших людей! Ну, покуда прощай!

Ераст почтительно кланяется.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ВЕРА ФИЛИППОВНА.
АПОЛЛИНАРИЯ ПАНФИЛОВНА.
КОНСТАНТИН КАРКУНОВ.
ЕРАСТ.
ИННОКЕНТИЙ,
странник, сильный мужчина сурового вида. В длинном парусинном пальто и страннической шапке.

Бульвар под монастырской стеной; несколько скамеек; в глубине по обрыву деревянная загородка, за ней вдали видна часть Москвы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И н н о к е н т и й (один, сидит на скамье).

И н н о к е н т и й. Эка обуза!.. Эка обуза мне тело мое!.. алчное, жадное, ненасытимое! Экую утробу богатому человеку — и то будет в тягость удоволить; а мне,

пролетарию... несть конца мучениям... Непрестанные муки голода и жажды... непрестанные обуревания страстей! Был рубль сегодня — и нет его; а жажда и голод всё те же. Хоть бы ослепнуть! Несытым оком видишь трактиры, видишь пивные заведения, видишь лепообразных жен... Как зверь бы ринулся на все сие и пожрал; но не пожрешь... Прежде, чем пасть твоя разинется, связан будешь и заключен в узилище. Был рубль... Лучше бы его не было... Рубль издержал, но удовлетворения нет, а только сугубая жажда. Всуе искать человека, который, как я, мог бы завидовать волку. Волк живет хищением, грабежом, убийством... а я ему завидую; ибо он даровую находит пищу.

Входит Вера Филипповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иннокентий и Вера Филипповна.

Иннокентий. Государыня милостивая, соблаговолите странному человеку!

Вера Филипповна *(подавая деньги)*. Примите!

Иннокентий. Мало.

Вера Филипповна. Не взыщите.

Иннокентий. Другому это довольно, а мне мало.

Вера Филипповна. Ты человек в силах, работать бы тебе...

Иннокентий. Не могу.

Вера Филипповна. Нездоров, что ли?

Иннокентий. Нет.

Вера Филипповна. Так почему же?

Иннокентий. Я празднолюбец.

Вера Филипповна. Таким не помогают.

Иннокентий. Напрасно.

Вера Филипповна. Работай и молись, так не будешь нуждаться.

Иннокентий. Не наставлений, государыня милостивая, а денег желаю я получить от тебя.

Вера Филипповна. Так не просят.

Иннокентий *(оглядываясь)*. Я не прошу, я приказываю.

Вера Филипповна. Бог с тобой, миленький! Прими еще и будь доволен. За всякую малость надо

бога благодарить. Не греши и меня не вводи в грех; я молиться иду.

Иннокентий. Вон у тебя, раба божья, сколько серебряных денег-то!

Вера Филипповна. Не завидуй, грешно!

Иннокентий. Отдай-ка ты мне их!

Вера Филипповна. Мне, миленький, не жаль, да не мои деньги-то, отдать-то нельзя: они бедным приготовлены.

Иннокентий. А если я их отниму у тебя?

Вера Филипповна. Отнимай, коли бога не боишься, а сама не отдам; это деньги чужие.

Иннокентий. Отнять-то я отниму, да вот беда: сила у меня большая и рука тяжела — как бы не повредить тебя, руки не оторвать прочь.

Вера Филипповна. Ты, миленький, глядел когда на небо, лоб-то крестил себе или нет?

Иннокентий. Ну, уж будет разговаривать-то!

Вера Филипповна. Взгляни, миленький, взгляни на небо-то!

Иннокентий. Молчи! Либо у тебя разум младенческий, либо ты уж очень в вере крепка. Что ты мне рацеи-то читаешь! Я сам умнее тебя. Молчи, говорят тебе, замкни уста свои; а то я такую печать наложу на них!.. Давай кошелек!

Вдали показываются Константин и Ераст.

Вера Филипповна. А вот мне бог и помощь посылает.

Иннокентий *(тихо)*. Ну, счастлива ты! Проходи! Я пошутил с тобой! *(Громко.)* Благодарю, государыня милостивая. *(Садится.)*

Вера Филипповна уходит. Входят Константин и Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Иннокентий, Константин и Ераст.

Константин *(Ерасту)*. Этот, что ли?

Ераст. Он самый.

Константин. Мужчина занятный.

Иннокентий. Господа милостивые, соблаговолите странному человеку на пропитание!

К о н с т а н т и н. Я на пропитание не подаю; коли пропить сейчас, так изволь, подам.

И н н о к е н т и й. Давай! Пропью!

К о н с т а н т и н. Так ты вот какой странник-то!

И н н о к е н т и й. Не осуждай! Коли хочешь подать, так подай; а не хочешь, так проходи! Мне не до разговоров.

К о н с т а н т и н. Что так? Иль горд очень?

И н н о к е н т и й. Не горд, а голоден.

К о н с т а н т и н. Накормим.

И н н о к е н т и й. Накормишь, тогда и будем с тобой разговаривать.

К о н с т а н т и н. Да об чем с тобой разговаривать-то; что ты знаешь?

И н н о к е н т и й. Знаю больше тебя; я человек ученый и умный, а ты, как вижу, профан, простец.

К о н с т а н т и н. А коли ты ученый, отчего ж бедствуешь?

И н н о к е н т и й. Я человек, обуреваемый страстями и весьма порочный.

К о н с т а н т и н. Нам таких и надо. А выпить ты много можешь?

И н н о к е н т и й. И пью, и ем много и жадно.

К о н с т а н т и н. Да как много-то?

И н н о к е н т и й. Не мерял; только очень много, неизглаголанно много, поверить невозможно — вот сколько!

К о н с т а н т и н. Да, может, хвастаешь?

И н н о к е н т и й *(отворачивается в сторону)*. Лучше отойди!.. Проходи мимо!

К о н с т а н т и н. Что «проходи»! Ты человек нужный. Надо тебя испробовать: словами-то все можно сказать.

И н н о к е н т и й. Испробуй!

К о н с т а н т и н. А начнешь пробовать, так, пожалуй, и я больше выпью. С нами такие-то оказии бывали.

И н н о к е н т и й. Не выпьешь.

К о н с т а н т и н. Да почем ты знаешь? Как ты можешь так... вдруг?.. Ты слыхал романс: «Никто души моей не знает»?

И н н о к е н т и й. Не выпьешь.

К о н с т а н т и н. Еще это дело впереди.

И н н о к е н т и й. Невозможно. Ты не только что не выпьешь, ты руками не подымешь того, что я могу выпить.

Константин. Коли правда, мне же лучше; я на тебе большие капиталы наживу. *(Ерасту.)* Ну, я теперь его понял, мы с ним и едем. Что у вас с теткой будет, извести!

Ераст уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Константин и Иннокентий.

Константин. Ты слышал, что я тебе сказал?

Иннокентий. Нет, я слышу только требования и вопли желудка моего.

Константин. Ну, так я тебе повторю: «Я тебя понял».

Иннокентий. Говори, милостивец, ясней!

Константин. Ты человек голодный; чем ты живешь?

Иннокентий. Подаянием от доброхотных дателей.

Константин. А когда подаяния не хватает по размеру твоего аппетита, тогда что?

Иннокентий. Надо бы умирать с голоду, но я не умираю.

Константин. На пятерню берешь?

Иннокентий. Ты что за духовник?

Константин. Ничего, признавайся, свидетелей нет.

Иннокентий. Да ты уж не товарища ли ищешь?

Константин. Пока бог миловал; а вперед не угадаешь: может, и понадобится товарищ.

Иннокентий. Так не обегай, я работник хороший.

Константин. Сундуков железных ты без ключа отпирать не пробовал?

Иннокентий. Да на что тут ключ, коли руки хороши; а то так и разрыв-траву можно приложить.

Константин. Стало быть, фомка-то [1] бывал в руках?

Иннокентий. Что за мастер без инструмента!

Константин. Судился?

Иннокентий. Было.

Константин. А потом где гостил?

Иннокентий. В арестантских ротах.

Константин. Место хорошее! Ну, поедем! Только ты теперь держи себя, братец, в струне! С хорошими людьми в компании будешь, с купцами с богатыми.

---

[1] Короткий лом.— *Прим. автора.*

Надо тебе русское платье достать. Скажем, что ты с Волги, из Рыбинска, из крючников.

Иннокентий. Знаю, случалось кули-то таскать.

Константин. Нашей компании умей только уважить, а то на целый месяц и сыт, и пьян будешь, да и мне будет хорошо.

Иннокентий. Только кормите досыта да поите допьяна, а то рад вам хоть воду возить.

Константин. Ведь тебе умирать бы с голоду в другом месте; а Москва-то матушка что значит! Здесь и такие, как ты, надобны.

Уходят.

Входят Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

Аполлинария Панфиловна. Да, да, конечно; как можно без провожатого!

Вера Филипповна. Кого же я возьму?

Аполлинария Панфиловна. Мало ль у вас... Ну, хоть Ераста.

Вера Филипповна. Как можно! Молодой человек целый день занят, ему охота погулять. У них на гулянье времени-то и так немного; чай, вечером-то радехонек вырваться из дому, а тут еще хозяйку провожай. У меня совесть не подымется.

Аполлинария Панфиловна. Почем знать, может, ему и самому приятно. Вы домой сейчас поедете?

Вера Филипповна. Нет, уж я достою. Я всегда после второго звона отдыхать выхожу, а к третьему опять в собор.

Аполлинария Панфиловна. А уж я поеду. Народу мало; ни посмотреть не на кого, ни себя показать некому. Тут как ни оденься, никто не заметит.

Вера Филипповна. Мне все равно; я не за тем езжу.

Аполлинария Панфиловна. Нет, мы люди грешные: мы и в церковь-то ходим людей посмотреть да себя показать. Прощайте! *(Уходит.)*

Подходит Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вера Филипповна и Ераст.

Вера Филипповна. Присядь, Ераст, отдохни.

Ераст. Помилуйте, смею ли я! Ничего-с, я и постою.

Вера Филипповна. Ведь устанешь, служба-то велика.

Ераст. Хоть всю ночь-с... Я этого себе в труд не считаю.

Вера Филипповна. Ну, как знаешь.

Ераст. Уж я и то должен за счастье считать, что с вами нахожусь... В одном доме живем, а когда вас увидишь!

Вера Филипповна. Да на что ж тебе меня видеть? Тебе хозяин нужен, а не я.

Ераст. Конечно, всякое дело ведется хозяином; только ведь мы от хозяина-то, кроме брани да обиды, ничего не видим. А коли есть у нас в доме что хорошее, коли еще жить можно, так все понимают, что это от вас. Ведь мы тоже не каменные, благодарность чувствуем, только выразить ее не смеем, потому как вы от нас очень отдалены.

Вера Филипповна. Что за благодарность! Если я что и делаю, так, поверь, не из благодарности.

Ераст. Я это очень понимаю, только за что ж вы людей так низко ставите? Ведь это значит: «Делать, мол, для вас добро я могу из жалости — нате, мол, я брошу вам... только я так высока для вас, что вы даже и благодарить меня не смеете, и ни во что я считаю вашу благодарность, как есть вы люди ничтожные».

Вера Филипповна. Нет, нет, что ты, что ты! Я никогда так и не думала.

Ераст. Хотя вы и не думали, но оно так выходит по вашим поступкам.

Вера Филипповна. Нет, нет, ты, пожалуйста, не думай! Я нисколько не горда, а только что мне стыдно, когда меня благодарят; я ничего такого особенного... а что только должное...

Ераст. Как, помилуйте, какое должное! Да вот я уж и слов не найду, как вас благодарить.

Вера Филипповна. За что, Ераст?

Ераст. Такое внимание, такая, можно сказать, заботливость обо мне... разве я сто́ю?

Вера Филипповна. Да про что ты?

Ераст. А подарок ваш... помилуйте! Ведь уж это даже вроде как по-родственному; да и от родственников нынче не дождешься... Какие ж мои заслуги против вас, помилуйте!

Вера Филипповна. Может, и есть тебе подарок, только ты на меня не думай!

Ераст. Эх, Вера Филипповна! Вот опять с вашей стороны гордость, а мне унижение. «Бросила тебе, нищему, а благодарности не желаю».

Вера Филипповна. Нет, нет, что ты... Бог с тобой! Ну, я, я...

Ераст. Благодарность... ведь оно такое чувство, что его не удержишь, оно из души просится. Может быть, сколько слез пролито, пока я дождался, чтоб вам ее выразить.

Вера Филипповна. Ну, хорошо, я принимаю твою благодарность.

Ераст. Позвольте ручку поцеловать.

Вера Филипповна. Ах, нет, что ты, что ты! Я никогда...

Ераст. Да отчего же, помилуйте! Все дамы-с...

Вера Филипповна. Да нет, что это, как можно! Я знаю, что у дам и барышень целуют руки, да нехорошо это. За что нас возвеличивать, что в нас такого особенного? Мы такие же люди. Ведь это разве какого высокого звания или за святость жизни, а какое наше звание, какие ж мы святые! Которая разве уж сама себя не понимает, что она такое, ну, по глупости, и рада, а то как это равному человеку свою руку давать целовать. Вот у матери целуй! Потому нет больше ничего для тебя на свете, как ее любовь, ее забота, ее печаль о тебе.

Ераст. Хорошо, у кого жива родительница; а коли с детства кто сиротой остался?

Вера Филипповна. Что ж, божья воля.

Ераст. Это точно-с. Но разве другая женщина не может быть вместо матери-с?

Вера Филипповна. Никогда, Ераст, никогда!

Ераст. Нет, может-с. Положим так, что в ней любви такой уж не будет; да это ничего-с. Вы извольте понять, что такое сирота с малых лет. Ласки не видишь, никто тебя не пожалеет, а ведь горе-то частое. Каково сидеть одному в углу да кулаком слезы ути-

рать? Плачешь, а на душе не легче, а все тяжелей становится. Есть ли на свете горчее сиротских слез? А коли есть к кому прийти с горем-то, так совсем другое дело: приляжешь на грудь с слезами-то, и она над тобой заплачет; вот сразу и легче, вот и конец горю.

Вера Филипповна. Правда твоя, правда. Присядь, Ераст!

Ераст. Нет, зачем же-с! Да мне ни серебра, ни золота, никаких сокровищ на свете не надо, только б ласку видеть да жалел бы меня кто-нибудь. Вот теперь ваш подарок, конечно, я очень чувствую; а ведь для души тут ничего нет-с. Для меня только ласковое слово, совет, наставление для жизни в тысячу раз дороже всяких подарков. А ежели пожалеть, утешить в горе, заплакать вместе... Об таких предметах зачем и мечтать! Потому этого никогда не дождешься.

Вера Филипповна. Отчего ж не дождешься? Ведь уж я плачу, Ераст!

Ераст. Это для меня сверх всякого ожидания. Такое счастие, что уж я и не знаю, как его оценить и чему приписать! Все-таки, по крайности, позвольте хоть ручку поцеловать.

Вера Филипповна *(задумчиво)*. Не надо, мой друг; ты знаешь, что я не люблю.

Ераст. Вы сами изволили говорить, что у матери следует руки целовать, а вы для меня гораздо дороже-с. Потому мать — это дело даже довольно обнаковенное, у всякого она есть; а чтоб посторонняя женщина такие чувства имела — это, по нынешним временам, невозможно и встретить. Не обижайте, позвольте ручку!

Вера Филипповна. Ну, изволь, мой дружок. Только, пожалуйста, чтоб никогда...

Ераст *(целуя руку)*. Как никогда, как никогда! Помилуйте! Подняли меня до небес и опять приказываете мне взять оборот на старое положение. Я так осмеливался думать, что не последний раз я от вас такое утешение в своих горестях имею.

Вера Филипповна. Да я, дружок, только насчет поцелуев-то; а побеседовать с тобой, посоветовать что, потужить вместе я, пожалуй, и вперед не откажусь.

Ераст. Только того-с и жаждет душа моя.

Вера Филипповна. Что ж, отчего же! Тут дурного ничего нет.

Ераст. Окромя хорошего, ничего нет-с. Но при всем том я от вас отойду подальше, потому Аполлинария Панфиловна сюда приближается. *(Уходит.)*

Входит Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вера Филипповна и Аполлинария Панфиловна.

Вера Филипповна. Воротились?

Аполлинария Панфиловна. Затолковалась с одной знакомой. А вы все еще тут сидели?

Вера Филипповна. Да, отдыхаю. Хорошо здесь воздухом-то подышать; еще поспею, служба долгая, часов до десяти.

Аполлинария Панфиловна. Да, да, конечно, на вольном воздухе... Что дома-то, в четырех стенах сидеть! Проводить есть кому, так что ж вам! Не то что до десяти часов, хошь до полночи оставайтесь.

Вера Филипповна. Я без провожатых, одна езжу.

Аполлинария Панфиловна. А словно как я тут вашего приказчика, Ераста, видела.

Вера Филипповна. Да, и я видела; так ведь он тоже помолиться пришел, а совсем не для проводов; он сам по себе, а я сама по себе.

Аполлинария Панфиловна. Да, конечно. Хороший он человек, солидный, скромный такой.

Вера Филипповна. Не знаю я их, приказчиков-то, да и вижу очень редко. Какие они там, уж это не мое дело, это Потап Потапыч знает.

Аполлинария Панфиловна. Хороший человек, хороший: не болтун, не похвастает, женщину не опозорит, которая к нему снисходительность имеет, уж хоть умрет — а промолчит. Другие ведь такие охальники, чего и нет, наговорят; а этот хоть бы что и было, так режь его, не выдаст. Оно и дорого для нас, для женщин-то.

Вера Филипповна. Не понимаю я, что вы говорите.

Аполлинария Панфиловна. Да что вы, Вера Филипповна; что тут такого непонятного! Разу-

меется, скромный мужчина гораздо приятнее. Другой, знаете, и собой некрасив, а, глядишь, очень хорошая женщина любит. А за что? За скромность. Вот Оленька сама мне проговорилась, а он молчит и виду не подает.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Оленька, говорите вы? Какая Оленька?

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да Оленька, ваша племянница. Болтушка она; хорошо еще, что такого скромного человека нашла. Попадись она другому, так уж муж-то давно бы узнал.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да что вы говорите! Может ли быть!

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да что ж такого мудреного! Эх, матушка, Вера Филипповна! Да сплошь да рядом, чему тут удивляться-то!

В е р а Ф и л и п п о в н а. Нет, я не верю вам, он кажется таким скромным, сиротливым.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. «Кажется». Да мужчина, каким ему нужно, таким он и кажется: где надо быть смирным, он смирный, где надо бойким, он бойкий; где плакать — плачет, где плясать — пляшет. Всякий мужчина коли он не дурак,так плут; а у всякого плута свой расчет. Разини-то повывелись, нынче пальца в рот не клади,— откусят.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Ах, право, как это неприятно, как неприятно!

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да вам-то что за дело? Пущай их...

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да как же это... в нашем доме! Нет, нехорошо, нехорошо.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да ведь слухов никаких нет, никто про это не говорит, так все равно, что нет ничего.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Нет, все-таки... Вот поди узнай людей-то!

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да зачем их узнавать! И верить никому не надо. Надо только самой быть осторожной. Ведь не к присяге же всякого приводить. Вот я никому не верю. Мало ли что сгоряча-то говорится... Пожалуй, меня обманывай, я не рассержусь: я зато сама десятерых обману. Ах, заболталась я с вами. Прощайте, домой пора!

В е р а Ф и л и п п о в н а. Уж и я.

Аполлинария Панфиловна. Что так? Вы достоять хотели?

Вера Филипповна. Да что-то нездоровится, так как-то не по себе.

Аполлинария Панфиловна. Погуляйте немножко! На воздухе-то лучше. Куда вам торопиться!.. Да где он тут? Вон, кажется, идет... Парень-то так, без дела шатается, что ж ему... он и проводит вас. Прощайте! *(Уходит.)*

Вдали показывается Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вера Филипповна и Ераст (вдали).

Вера Филипповна. Кто из них лжет: он или она? Да что мне, в самом деле... как хотят; мне за них не отвечать. Только вот уж разговаривать-то не надо. Разве пойти в собор... да нет, какая уж молитва!

Ераст подходит.

Что тебе, Ераст?

Ераст. Не будет ли какого приказания от вас?

Вера Филипповна. Какие приказания! Я еду сейчас.

Ераст. А мне-с?

Вера Филипповна. Да что ж мне до тебя! Хочешь оставайся, хочешь — домой ступай.

Ераст. Только и всего-с?

Вера Филипповна. Чего ж тебе! Я приехала молиться, ты тоже; я себя знаю, и ты свое место понимай!

Ераст. Это уж совсем другой разговор против давешнего, одно к другому не подходит.

Вера Филипповна. Ну, что ж делать! Пока человека не знаешь, так ему и веришь; а как узнаешь про дела его, так по делам ему и цена.

Ераст. Теперь я понимаю. Так я и ожидал. Значит, в ваших глазах меня очернили; и теперь, что было для меня дорогого на свете, я всего лишен, потому вы считаете меня неосновательным человеком. Ну, что ж делать! Знать, такая судьба, так тому и быть. Но после всего этого позвольте вам сказать два слова.

Вера Филипповна. Говори!

Ераст. Первое-с: ничего такого и никаких дурных дел за мной нет. Если вам что сказано, так это все пустое, всё наносные слова. Есть за мной один грех, что я больше всего на свете уважаю и люблю женщину, которая очень высока для меня; но этого я грехом не ставлю.

Вера Филипповна. Ну, дальше что ж?

Ераст. Так как вижу я со всех сторон одни нападки и ниоткуда мне никакой радости и утешения нет, так для чего жить-с? Не в пример лучше будет, если свою жизнь покончить.

Вера Филипповна. Что ты, бог с тобой! Какие ты слова говоришь!

Ераст. Слова самые настоящие; все это так и будет. Спасенья мне нет, спасти меня никто не может... Только может одна женщина, и эта самая женщина — вы-с!

Вера Филипповна. Да очень бы я рада и готова.

Ераст. Только и от вас мне спасенья ожидать нельзя.

Вера Филипповна. Почему же ты так думаешь?

Ераст. Вы меня не пожалеете. Что такое я для вас? Стоит ли вам из-за меня себя беспокоить!

Вера Филипповна. Нет, пожалею, пожалею.

Ераст. Нельзя вам пожалеть, вам ваше звание не позволяет; приказчик хоть умирай, а хозяйке до этого дела нет — такой порядок.

Вера Филипповна. Да какой там порядок! По-христиански всякого жалеть следует.

Ераст. Опять же у женщин всякое дело все им грешно да стыдно; и всё-то они греха боятся, а еще больше того стыда.

Вера Филипповна. Да как же, миленький, стыда не бояться? Для того он и стыд называется, чтобы его боялись.

Ераст. Позвольте-с! Ежели бы был такой закон, чтоб совсем даже не прикасаться до мужчины ни под каким видом, а кто прикоснется, так это грех и стыд. И вот если мужчина на ваших глазах тонет, а вам только руку протянуть, и он спасен. Ведь вы руки не протянете, потому это стыдно; пущай он тонет.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Как руки не протянуть! Да если человек тонет, до стыда ли тут! Стыд ведь только в обыкновенной жизни очень нужен, а то он не очень важен: как что посерьезней, так его и нет.

Е р а с т. Ну, вот только и всего-с, и кончен разговор-с. Стыдно по ночам к мужчинам на свиданье ходить; а вы, значит, ко мне пожалуете.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Что ты, что ты, опомнись!

Е р а с т. Мне жизнь недорога; я не живу, а только путаюсь в своей жизни; стало быть, и жалеть ее нечего, и, значит, я человек отчаянный. Кроме вас, я никому на свете не верю и никого не уважаю. Вам я желаю рассказать всю свою жизнь: как жил, что делал, и все свои помышления, и спросить у вас совета, каким манером и для чего мне существовать на этом свете и влачиться на земле. Это разговор не минутный, тут мало часа, полтора или два потребуется. Видеться мне с вами негде, к себе в комнату я вас приглашать не смею; по этому самому пожалуйте завтра вниз, в контору, в десять часов вечера. Потап Потапыч, по обыкновению, в эти часы находятся в отъезжих полях, в доме все будет погружено в глубоком сне; значит, нам полная свобода.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да нет, что ты, какая свобода! Ты перестань глупости-то!..

Е р а с т. Если в десять часов не придете, в одиннадцать — у вас в доме упокойник.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Ах, страсти! Да не говори, пожалуйста!

Е р а с т. Придете?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да уж нечего с тобой делать... что ж, видно, надо прийти.

Е р а с т. Так я и ожидал, потому у вас душа особенная. Вот она, Москва-то река недалеко, нырнуть в нее — одна минута; но как вас увижу, совсем другие мысли у меня проясняются.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Нет, уж ты, пожалуйста, поберегай себя.

Е р а с т. Теперь еще желаю я знать от вас: обиду вы прощаете?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Какова обида, миленький.

Е р а с т. Ну, вот-с человек у вас украдет что или ограбит вас, ну, вред вам какой сделает... Так вы про-

стите его или всю жизнь будете зло на него в душе иметь?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Нет, как можно! Пусть его бог судит, а я прощу.

Е р а с т *(горячо обнимает и целует ее)*. Вот вам и обида-с!

В е р а Ф и л и п п о в н а. Ай! *(Отбегает.)*

Е р а с т. Ну, казните!

В е р а Ф и л и п п о в н а. Как же ты?.. Зачем это? *(Отирает слезы.)*

Е р а с т. Приказывайте, что мне над собой делать!

Вера Филипповна тихо плачет.

Уж теперь самому-то в омут броситься будет мало для меня, а утопить меня надо с камнем за мое невежество.

Молчание.

В е р а Ф и л и п п о в н а *(взглянув на Ераста)*. Неужели ты домой, этакую даль, пешком пойдешь? Поедем, я подвезу.

Молчание.

Е р а с т. Да-с... уж лучше б меня казнили... Заместо всего... такие слова... да это... разве от ангела дождаться.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Ну, что ж... ты не подумавши... А вот подумаешь, так увидишь, как это тяжело и больно для меня.

Е р а с т. И сейчас понимаю: тяжело и больно для вас, а с моей стороны даже довольно низко... И никогда вперед не посмею и подумать-с... Только, я полагаю... все-таки в этом никакой обиды нет для вас.

В е р а Ф и л и п п о в н а *(улыбаясь)*. Да, пожалуй. Очень, очень дурно ты сделал, и никак я не могла от тебя ожидать... а коли правду сказать... если ты каешься да говоришь, что вперед не будешь... так... само собой... какая ж тут обида! Простить тебя очень можно. Поедем, Ераст!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КАРКУНОВ.

ХАЛЫМОВ.

ВЕРА ФИЛИППОВНА.

КОНСТАНТИН.

ОЛЬГА.

ЕРАСТ.

ОГУРЕВНА.

Комната со сводом в нижнем этаже дома Каркунова. На правой стороне от актеров дверь в комнату Ераста, на левой — в коридор; поперек комнаты дубовый прилавок, за ним две конторки с табуретами; на стене часы; кипы товаров в суровых парусинных сорочках сложены у прилавка; в глубине два окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ераст (за конторкой, на конторке свеча).

Ераст. А похоже, что Константин правду сказал: хозяин ходит сердитый, на свет не глядит; все ворчит: «Надо прикончить фабрику, выгоды никакой нет...» Дело не хвали! Пойдешь по Москве шляться, мостовую гранить. Денег на черный день не припасено... Да как их и припасешь на таком жалованье? Как прогуляешь месяца три-четыре, а то и все полгода без места, вот и узнаешь, где раки-то зимуют. Затянешься в долги, платьишко все размотаешь... ведь голод-то не тетка, пожалуй, в такое звание попадешь, что после и не выцарапаешься. Мало ль их зимой в летнем платье по городу ходят, за копеечки пляшут на морозе да руки протягивают. Эх ты, жизнь! Как подумаешь, так мурашки у тебя по спине-то заползают. Тут не то... что... тут на разбой пойдешь... Оно точно, что хозяйка наша женщина редкостная, совсем какая-то особенная, и какую я теперь штуку гну, так немного это лучше, что зарезать человека. А как подумаешь об жизни об своей, так оно и выходит, что своя рубашка к телу ближе... Коли не выгорит дело у Константина, ну, была не была... Что я теряю! Только и всего, что

в том же чине останусь, как был... Был ничего и останусь ничего... А разживется Константин, так и я хоть немножко побарствую... получу с него деньги, покучу, сколько мне надо, оденусь по последнему журналу, поступлю на место хорошее: нынче жалованье-то по платью дают. Само собою, дурного хорошим не назовешь, да разница-то велика: по морозу в каком-нибудь страм-пальто прыгать да в кулаки подувать или в шубе с седым бобровым воротником по Ильинке проехаться. *(Взглянув на стенные часы.)* Еще без двадцати минут десять. Пойти взять книжку. *(Уходит со свечой.)*

В комнате темно, лунный свет. Входит Вера Филипповна, Огуревна со свечкой остается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вера Филипповна и Огуревна.

Вера Филипповна *(тихо)*. Поди поставь свечку на лестницу, да сама там посиди, подожди меня.

Огуревна. А? Ну... подожду, подожду...

Вера Филипповна. Поди на лестницу, говорю я.

Огуревна. Куда на лестницу, зачем?

Вера Филипповна. Поди, поди, говорю я, взойди на лестницу, да и сядь там.

Огуревна. Ну, и нечего здесь... и пойдем, что ли?

Вера Филипповна. Ступай одна, я сейчас приду, подожди там!

Огуревна. Час-то который?

Вера Филипповна. Да ты ступай уж.

Огуревна. То-то, мол, что теперь? Утро аль вечер?

Вера Филипповна. Да какая тебе надобность! Утро ли, вечер ли, все равно тебе. Ты ступай, ступай!

Огуревна. А? Ступай! Куда ступай?

Вера Филипповна. Ты на лестницу ступай, наверх! Как ты не понимаешь?

Огуревна. Да, понимаешь... Ты днем говори, так я пойму... а ночью человек, что он может понимать? Ты ему то, а он тебе то: потому заснул человек, все одно, что утонул. А ежели ты его разбудишь, ну, какое у него понятие?

Вера Филипповна. Ступай, ступай!

Огуревна *(оглянувшись)*. Батюшки, да где это мы?

Вера Филипповна. Ступай, ступай, не твое дело!

Огуревна. А ведь мне мерещится, что ты это у себя в спальне, на постели лежа, мне что приказываешь.

Вера Филипповна. Ступай, ступай, вон прямо по коридору — на лестницу наверх, да там и жди! Да ты не усни дорогой-то!

Огуревна *(уходя)*. Ладно, мол, ладно.

Вера Филипповна. Куда ты? Куда ты? Прямо, прямо... Свечку-то не урони!.. *(Затворяет дверь и отходит от нее.)* Где же он? Он в своей комнате. Ну, я туда не пойду. *(Прислушивается.)* Кто-то идет со двора... по коридору... сюда кто-то... *(Входит за прилавок и садится за кипы товару.)*

Входит из коридора Ольга, навстречу ей Ераст выходит из своей комнаты со свечкой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ольга и Ераст.

Ераст. Ты зачем? Кто тебя просил?

Ольга. А затем, чтоб сказать тебе прямо в глаза, что бессовестный ты человек.

Ераст. Так, я думаю, ты это после успела бы, торопиться-то тебе некуда.

Ольга. Да душа не терпит, постылый ты человек. Вот как ты за любовь-то мою, вот как! Да ведь со мной шутить нельзя... Я тебя, голубчик, погоди!..

Ераст. Да потише ты! Ты не в своей квартире — дебоширничать-то! Ты в чужом доме. *(Заглядывает в коридор.)*

Ольга. Да что мне! Я и знать не хочу!

Ераст. Нет, вот что: ты лучше оставь до завтра, мы с тобой после поговорим.

Ольга. Да не могу я, не могу; душа кипит, не могу.

Ераст. Ну, говори, только скорей! Что там такое у тебя случилось?

Ольга. Я только одному дивлюсь, как у тебя хватает совести прямо глядеть на меня. Ах, убила б я тебя!

Ераст. Да уж довольно твоих ахов-то! Ты дело-то говори!

Ольга. Аполлинария Панфиловна видела тебя с теткой вместе? Говори! Видела?

Ераст. Ну, так что ж за беда? Видела, так видела.

Ольга. И ты можешь после этого равнодушно со мной

разговаривать, и тебе ничего не стыдно? Вот и выходит, что глаза-то у тебя бесстыжие.

Е р а с т. Да дальше-то что? Ты дело-то говори! Некогда мне с тобой проклажаться. *(Заглядывает в коридор.)*

О л ь г а. Чего ж тебе еще дальше-то, чего еще?

Е р а с т. А коли только, так и ступай домой. Стоило прибегать из-за таких пустяков.

О л ь г а *(чуть не плачет)*. Что ж, тебе мало этого? Мало?

Е р а с т. Разумеется, мало, а ты как думала!

О л ь г а. Мало! Чего ж тебе? Удавиться мне, что ли?

Е р а с т. Коли твоя глупость заставляет тебя давиться, так давись! Я тебе больше скажу! Твоя тетка сейчас ко мне сюда придет. Слышишь ты это?

О л ь г а. Ну, так не бывать же этому; себя не пожалею, а уж не позволю тебе так издеваться надо мной.

Е р а с т. Позволишь.

О л ь г а. И не говори ты мне, и не терзай ты меня; а то я таких дел наделаю, что ты сраму и не оберешься.

Е р а с т. Погоди, слушай ты меня! Сейчас придет сюда твоя тетка, а через десять минут нагрянет сюда Потап Потапыч с твоим мужем и накроют ее здесь.

О л ь г а. Что, что? Что еще за глупости придумываешь?

Е р а с т. Ну, уж это не твоего ума дело.

О л ь г а. Да зачем, к чему это?

Е р а с т. Стало быть, так надо.

О л ь г а. Да голубчик, миленький, скажи!

Е р а с т. То-то вот, так-то лучше; а то шумишь да грозишь бестолку. *(Смотрит в дверь.)* Пожить-то тебе получше хочется — и одеться, и все такое?

О л ь г а . Как не хотеться! Дурное ли дело.

Е р а с т. А муж-то твой давно прогорел, да еще долгов много. Коли дядя ему наследства не оставит, так ему в яму садиться, а тебе куда?

О л ь г а. Уж ты меня не оставь, Ераст, на тебя только и надежда.

Е р а с т. Да мне самому-то не нынче завтра придется по Москве собак гонять. А как застанет Потап Потапыч жену здесь, меня-то за ворота дубьем проводят, да уж и ей наследство не достанется, а все ваше будет. Так видишь ты, я для вас с мужем себя не жалею; а ты тут путаешься да мешаешь.

О л ь г а. Да разве я знала...

Е р а с т. Так вот знай! Ну, иди, иди!

О л ь г а. А ведь я думала, что ты ее любишь.

Е р а с т. Как бы не полюбить, да не такая она женщина. К ней не скоро подъедешь.

О л ь г а. А ты бы непрочь подъехать, кабы можно?

Е р а с т. Да, конечно, чего ж зевать-то!

О л ь г а. Ах ты, постылый! Так вот не пойду же, не пойду!

Е р а с т. Кому ж ты угрозить хочешь? Себе ж хуже сделаешь. Да тебя муж-то убьет до смерти, коли ты нам помешаешь.

О л ь г а. Да я бы ушла, да как тебя оставить-то с ней? Сомнительно мне.

Е р а с т. Ревность. Ты о тетке-то по себе судишь!.. Не сумлевайся. Она не такая, не вам чета. Ну, ступай скорей, скоро десять часов.

О л ь г а. Ну, смотри ж ты у меня! И, кажется... тогда не живи на свете.

Е р а с т. Да будет уж, ступай! Постой! Идет кто-то. Вот дотолковались. Беги в мою комнату, возьми свечку. Затворись и сиди там, не дыши.

О л ь г а уходит со свечкой. Ераст подходит к двери коридора.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Е р а с т и В е р а Ф и л и п п о в н а.

Е р а с т *(у двери)*. Вера Филипповна, это вы-с?

В е р а Ф и л и п п о в н а *(выходя из-за перегородки)*. Нет, Ераст, я давно уж здесь.

Е р а с т *(хватаясь за голову)*. Все слышали?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Все.

Е р а с т. Стало быть, знаете теперь, каковы мы люди?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Знаю, Ераст.

Е р а с т. Оправданий нет, и язык не подымется оправдываться перед вами! Что ж мне, плакать, прощенье просить, в ногах валяться? Так я, может, и потерянный человѐк, но унижаться не стану, низкости во мне нет. Все дело налицо, ясно... уж тут нечего... Следует вам только пренебречь нами, плюнуть и уйти... и оставайтесь опять такой высокой женщиной, как вы были, не связывайтесь с такими людьми, как мы.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Так я и сделаю. Ты как точно угадал мои мысли.

Е р а с т. Но позвольте! Человек я для вас маленький, ничтожный, так все одно, что червь ползущий; но не откажите сделать мне последнюю милость. *(Становится на колени.)* Скажите, что-нибудь да скажите! Ругайте, прощайте, проклинайте; ну, что вам угодно, только говорите — мне будет легче; ежели же вы уйдете молча, мне жить нельзя. Не убивайте презрением, сорвите сердце, обругайте и уйдите!..

В е р а Ф и л и п п о в н а. Изволь. Встань.

Ераст встает.

Ты меня хотел обмануть, а бог меня помиловал, стало быть, мне жаловаться не на что. Мне радоваться надо, что бог меня не забыл. Хоть сто раз меня обманут, а все-таки любить людей я не отстану. Только одно я скажу тебе: любить людей надо, а в дела их входить не нужно. Чтобы входить в дела людей, надо знать их, а знать мне их не дано. Коли я не умею разобрать, кто правду говорит, а кто обманывает, так лучше не браться за это. Кто молча нуждается, кто просит, кто руку протягивает — всякому помоги и проходи мимо с легким сердцем. А станешь ты людей про их нужды расспрашивать, так волей-неволей тебя обманут, потому что всякому хочется себя оправдать, свою вину на других либо на судьбу свалить, всякому хочется себя получше показать, своих-то грехов, своей-то вины никто тебе не скажет. А догадаешься ты, что тебя обманывают, и осудишь человека, так уж какое тут добро, только грех один. А вот как надо жить нам, глупым людям: люби людей, и не знай их, и не суди. Я не за свое дело взялась, моя забота — люди бедные, беспомощные; а вы сами себе поможете; ишь как ловко вы всё придумали! Видеть тебя и разговаривать с тобой уж больше мне незачем. Ты прощенья-то за свой грех проси не у меня, а выше, а коли и мое прощенье тебе нужно, так я тебе прощаю. С богом! Мы теперь чужие. *(Идет к двери.)*

Е р а с т. Вот, кажется, к воротам кто-то подъехал, да уж теперь вас не застанут.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Тебе дела до меня нет, ты об себе думай, я не боюсь. Что правому человеку бояться! *(Уходит.)*

Е р а с т. Вот важно! Хорошо, очень хорошо, лучше тре-

бовать нельзя. Ну, Константин, подвел ты меня ловко! Во всей форме я теперь невежа перед ней, да и самому-то на себя глядеть противно. Вот так налетел! Я стыда-то еще в жизни не видал, так вот попробовал. Эх, сирота, сирота, учить-то тебя да бить-то было некому! Вот и беда, как твердо-то не знаешь, что хорошо, что дурно. Нет, уж лучше бедствовать, чем такими делами заниматься! Только бы бог помог. До поту меня стыд-то пробрал; да пот-то какой, холодный. *(Подходит к двери своей комнаты.)* Ольга!

Выходит Ольга со свечой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ераст и Ольга.

Ераст *(берет свечу и ставит на конторку)*. Иди домой! Беги скорей!

Ольга. Что, что случилось?

Ераст. Когда тут разговаривать! Беги скорей, застанут.

Ольга. Так я завтра к тебе забегу.

Ераст. Да ладно, ладно.

Ольга. Ведь ты меня любишь, ты меня ни на кого не променяешь?

Ераст. Нашла время нежничать. Беги, говорят тебе.

Ольга *(обнимает Ераста)*. Ну, прощай, милый, прощай. *(Отворяет дверь в коридор.)* Ай! *(Подбегает к Ерасту.)* Дяденька там, муж...

Ераст. Беги ко мне в комнату, прячься там хорошенько.

Ольга убегает. Ераст садится за конторку и раскрывает конторскую книгу. Входят Каркунов, Халымов и Константин. Ераст встает и кланяется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ераст, Каркунов, Халымов и Константин.

Каркунов *(садясь на стул)*. Чем мне не житье, кум, а? Какого еще житья надо? Приказчики ночи не спят, над книгами сидят; а не пьянствуют ведь, не безобразничают.

Халымов. Каков хозяин, таковы и приказчики: хозяин трезвой жизни, и приказчики по нем.

Каркунов. Да, да, верно, кум, верно. Другие-то приказчики по трактирам да всякое безобразие...

Халымов. Да ведь они глупы: они думают, что трактиры-то для них устроены, а не знают того, что трактиры-то и всякие безобразия для хозяев, а не для приказчиков.

Каркунов. Так, так, это, кум, так точно. А мои, видишь, как стараются. Старайся, Ераст, старайся!

Ераст. Я, Потап Потапыч, все силы полагаю.

Каркунов. Да вижу, как не видать, чудак, вижу. Старайся, старайся. Забыт не будешь. А племянник, кум, слов-то я, слов не подберу, как нахвалиться. Я за ним, как за каменной стеной! Как он дядю бережет! Приедет с дядей в трактир, сам прежде дяди пьян напьется. Золотой парень, золотой! Едем ночью домой, кто кого везет— неизвестно, кто кого держит — не разберешь. Обнявшись едем всю дорогу, пока нас у крыльца дворники не снимут с дрожек.

Халымов. Чудесно! Значит, дружески живете. Чего ж лучше!

Константин. Стараюсь, помилуйте, себя не жалею... Как можно, чтобы я для дяденьки...

Каркунов. Вот и нынче, видишь, как старался, чуть на ногах держится.

Константин. Для куражу, дяденька, для куражу. Коль скоро вы меня в свою компанию принимаете, должен же я понимать себя, значит, должен я вас веселить. А если я буду повеся нос сидеть,— скука, канитель... для чего я вам тогда нужен?

Каркунов. Молодцы, молодцы, ребята! А, кум, так ведь?

Халымов. Твое дело.

Константин. Я, дяденька, всей душой... Да, кажется, так надобно сказать, что во всем доме только один я к вам приверженность и имею.

Каркунов *(встает)*. Спасибо, голубчик мой, спасибо! *(Кланяется в пояс.)*

Константин. Чувствовать вашу благодарность я, дяденька, могу... душу имею такую... благородную...

Каркунов. И тебе, Ераст, за твою службу спасибо! *(Кланяется.)* Спасибо, дружки мои! Ты, Ераст, завтра утром расчет получишь! *(Константину.)*

А ты так, без расчету, убирайся! И чтобы завтра духу вашего не пахло...

Ераст молча кланяется.

Константин. Вы, дяденька, извольте найти виноватых, а я надеюсь перед вами правым остаться.

Каркунов. Не надейся, дружок, не надейся. Уж ты тем виноват: как ты смел против тетки... Что она и что ты? Так ведь, кум, я говорю?

Халымов. Да ну тебя, разговаривай один! И так хорошо поешь, чего еще! Подпевать тебе не нужно. Пой, а мы слушать будем.

Каркунов. Ты с пьяну-то забылся, ты забыл, что ты ничто, ты прах, тлен, последний гвоздь в каблуке сапога моего! А тетка твоя женщина благочестивая, богомольная... Да ведь она жена моя, жена моя... Как же ты смел? Как ты меня, братец, обидел, как обидел!

Константин. Я так чувствую, что все ваши слова только одна шутка, вы своей фантазии отвагу даете. Извольте разобрать дело, поискать хорошенько кругом да около, тогда и окажется, кто прав, кто виноват.

Каркунов. Погоди, погоди, твои речи впереди! Мы теперь другую материю заведем. *(Плачевным тоном.)* Вот, кум, горе мое, зубы плохи стали!

Халымов. Свежие закажи, коли природные изжевал; нынче покупные получше своих.

Каркунов. Да и то покупные, своих-то давно нет. Вот смотри! Да не востры, костяные, ну что в них! А что, кум, если заказать железные, сделают? Я большие деньги заплачу.

Халымов. Да что ты, баба-яга, что ли?

Каркунов. Да, я баба-яга, баба-яга, а ты как думал? Вот как будут железные зубы-то, вот и буду я ими жевать жену-то — жевать, жевать... Константин, сослужи последнюю службу: где жена, где жена моя, боярыня?

Константин. Да вот, надо полагать, дяденька, что она вот тут. *(Указывая на комнату Ераста.)* Уйти ей было некуда.

Ераст. Ошибаетесь.

Константин. Нет, уж теперь не увернешься, с поличным поймали! Коли ты дяденькиных благодеяний

не чувствуешь, что ты за человек после этого? Пожалуйте, дяденька! *(Отворяет дверь в комнату Ераста.)*

Каркунов *(у двери)*. Жена, Вера Филипповна, выходи! Нейдет, церемонится... Пожалуйте сюда, честью вас просим. Эх, баба-то заломалась, заупрямилась... Видно, пойти самому, покланяться ей хорошенько! *(Уходит, слышен его хохот; показывается из двери.)* Тсс... тише!.. Нашел, нашел, находку нашел. Ни с кем не поделюсь! Чур, одному! *(Уходит и быстро возвращается, тащца за руку Ольгу.)* Вот она, вот она, жена-то! *(Вглядывается, потом подбегает к Константину и ударяет его по плечу.)* Жена... жена, да не моя, чудак!

Константин. Вот так раз... Ну — Ольга!

Каркунов. Ха, ха, ха! Поддержи меня, кум, поддержи! *(Хохочет истерически.)* Завтра же всех вас вон! Всех вон! Метлой велю вымести начисто! Ха, ха, ха! *(Уходит, опираясь на Халымова, который его поддерживает.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Константин, Ераст и Ольга.

Константин. Ну, Ольга!..

Ольга убегает в коридор.

Не отбегаешься, расчет с тобой будет. *(Ерасту.)* А с тобой как нам разбираться, как с тобой считаться будем?

Ераст *(вынимает вексель, разрывает, свертывает в комок и бросает)*. Вот тебе и все счеты. Возьми свой вексель! Считаться нам нечего. Плакаться не на кого, не рой другому яму...

Вбегает Ольга.

Ольга. С дяденькой в коридоре дурно сделалось... говорят, удар... он умирает...

Константин. А, умирает? Так это другое дело.

Ольга *(заглянув в коридор)*. Умер.

Константин. Ну, Ольга, стоило бы убить тебя, а теперь я тебе в ножки поклонюсь. По твоей милости дядя помирает без завещания, и я теперь полный хозяин всему этому.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

КАРКУНОВ.

ВЕРА ФИЛИППОВНА.

ХАЛЫМОВ.

АПОЛЛИНАРИЯ ПАНФИЛОВНА.

КОНСТАНТИН.

ОЛЬГА.

ЕРАСТ.

ИННОКЕНТИЙ.

ОГУРЕВНА.

ОДИН ИЗ ФАБРИЧНЫХ.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Огуревна, потом Аполлинария Панфиловна.

Огуревна. Никак кто-то идет! Не заперла я дверь-то. Не из нищих ли? Пожалуй, стащат что. *(Идет к двери.)*

Входит Аполлинария Панфиловна.

Здравствуйте, матушка, Аполлинария Панфиловна!

Аполлинария Панфиловна. Здравствуй, Огуревна! Все ли вы тут живы?

Огуревна. Покуда живы, еще бог грехам терпит.

Аполлинария Панфиловна. Как здоровье Потапа Потапыча?

Огуревна. Все так же, матушка, перемены не видать.

Аполлинария Панфиловна. Встает с постели-то?

Огуревна. На полчасика, не больше; побродит по комнатам, на палочку опирается да под руки держим; посидит на кресле, да и опять сведем его на постель; сидеть-то силушки нет у него.

Аполлинария Панфиловна. А как сердцем-то: по-прежнему блажит аль нет?

О г у р е в н а. Нет, как можно, не в пример тише стал. Да доктор говорит, чтоб не сердился, а то вторительный удар ошибет, так и жив не будет. Он теперь совсем на Веру Филипповну расположился, так уж и не наглядится; все-то смотрит на нее, да крестит, да шепчет ей: «Молись за меня, устрой мою душу, раздавай милостыню, не жалей!» А уж такая ль она женщина, чтоб пожалела!

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Много добра-то делает?

О г у р е в н а. Уж и говорить нечего. Только и дела у ней, что расспрашивает о бедных да сама их разыскивает. А потом на бумажку пишет: кому, когда и сколько отвезти или послать. У ней на каждый день расписано: один раз в неделю уж непременно в острог съездит, а то по тюрьмам да по больницам. А что рассылает по обителям да по церквам по дальним! Окроме того, каждый день, после обедни, до десяти часов у нас полон двор нищих и всякого народу; сама их всех оделяет. Да что ходит этих с книжками да с кружками! Такие-то заходят странники, что глядеть на них страсть; другой как есть разбойник, а она их всех угощает. А по праздникам кормим бедных-то — вот тут-то всякого народу насмотришься. Вот у нас тут и приемная рядом с ее спальной. Сюда прямо и лезут все.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Много к вам бедных-то ходит?

О г у р е в н а. Много. И утром и вечером ходят. Дворникам всех велено до самой допущать, так они и пускают народ, не разбирая. Как святые живем, не бережемся; деньги из сундука вынет, да так на стол и бросит, так и валяются, а то и сундук забудет запереть. И как это нас не ограбят до сих пор.

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. А кто ж у вас за больным-то ходит?

О г у р е в н а. Попеременно, либо я, либо она, а то еще старичка из богадельни взяли. Вот и сейчас она у Потапа Потапыча сидит; я пойду переменю ее, пошлю к вам. *(Уходит.)*

А п о л л и н а р и я П а н ф и л о в н а. Да неужто уж так окрепла женщина, что, кроме милостыни, ничего не знает? А ведь еще молода. Чудно! Как же нам-то, грешным, на себя смотреть после этого?

Да нет, словно как этого и не бывает. Да вот попробуем: попытка не шутка, а спрос не беда.

Входит Вера Филипповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аполлинария Панфиловна и Вера Филипповна.

Аполлинария Панфиловна. Здравствуйте, Вера Филипповна, золотая моя! Как поживаете?

Вера Филипповна. Какой еще жизни? Вот только сам-то болен, а то как в раю живу.

Аполлинария Панфиловна. Во всем довольстве, значит?

Вера Филипповна. Да какое мое довольство! Мне для себя ничего не нужно; тем я довольна, что всякому бедному помочь могу; никому отказывать не приходится, всякий с чем-нибудь да уйдет от меня! Сколько богатства-то и доходу у Потапа Потапыча! Точно я из моря черпаю, ничего не убывает, тысячу-две истратишь, а три прибудет. Или уж это бог посылает за добрые дела.

Аполлинария Панфиловна. Много ль в день-то раздаете?

Вера Филипповна. Я не считаю, день на день не придется. Вот нынче много отдала: за племянника, Константина Лукича, долги заплатила, из заключения его выкупила.

Аполлинария Панфиловна. А уж Потап Потапыч в ваши дела не вступается?

Вера Филипповна. Нет, к нему только кланяться ходят, которые люди с чувством. А он только плачет, крестится да меня благодарит. Никогда бы мне, говорит, так о своей душе не позаботиться, как ты об ней заботишься: я хоть бы и хотел бедным помочь, так не сумел бы!

Аполлинария Панфиловна. Все уж, значит, теперь вам предоставлено?

Вера Филипповна. Все, все.

Аполлинария Панфиловна. Значит, во всей форме завещание сделано?

Вера Филипповна. Нет, он хочет при жизни все на мое имя перевести по какой-то бумаге, по купчей

или по дарственной, уж не знаю. Исай Данилыч хлопочет об этом в суде.

Аполлинария Панфиловна. Слышала я от него, слышала... Он хотел нынче к вам заехать... Не за этим ли делом уж? Ну, чай, не вдруг-то Потап Потапыч решился, разве что болезнь-то убила.

Вера Филипповна. Нет, он равнодушно... только одно от меня требовал, чтобы я поклялась нейти замуж после его смерти.

Аполлинария Панфиловна. Ну, что ж вы?

Вера Филипповна. Божиться не стала, я грехом считаю, а сказала, что я и в помышлении этого не имею. Что мне за охота себя под чужую волю отдавать? Будет, пожила.

Аполлинария Панфиловна. Ну, нет, не закаивайтесь, зароку не давайте!

Вера Филипповна. Я никому зарока и не даю; а только знаю про себя, что не быть мне замужем; скорей же я в монастырь пойду. Об этом я подумываю иногда.

Аполлинария Панфиловна. Не раненько ли в монастырь-то?

Вера Филипповна. Ох, да одна только и помеха, моложава я, вот беда-то!

Аполлинария Панфиловна. Да что ж за беда. По-нашему, так чего ж лучше! Мы что белил-то да разных специй истратим, чтоб помоложе казаться; а у вас этого расходу нет. А ведь это расчет немаленький.

Вера Филипповна. Нет, я к тому, что соблазну боюсь; народа я вижу много, так греха не убережешься. Сама-то я не соблазнюсь, а люди-то смотрят на меня, кто знает, что у них на уме-то! Молода еще да богата, другому в голову-то и придет что нехорошее — вот и соблазн; а грех-то на мне, я соблазнила-то. Вот горе-то мое какое!

Аполлинария Панфиловна. Коли только и горя у вас, так еще жить можно. А я к вам с просьбой! Надо помочь одному человеку.

Вера Филипповна. С радостью, что могу.

Аполлинария Панфиловна. Ему многого не нужно; ему только слово ласковое.

Вера Филипповна. За этим у меня дело не станет.

Аполлинария Панфиловна. Так поеду, обрадую его.

Вера Филипповна. К Потапу Потапычу не зайдете?

Аполлинария Панфиловна. Я через полчасика к вам заеду с мужем, тогда уж и с Потап Потапычем повидаюсь. Да, забыла... Оленьку сейчас видела, катит в коляске, так-то разодета.

Вера Филипповна. Ну, бог с ней, не нам судить.

Аполлинария Панфиловна. До свидания! *(Уходит.)*

Вера Филипповна *(у двери в коридор)*. Кто там? Проводите Аполлинарию Панфиловну...

Входит Огуревна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Вера Филипповна и Огуревна.

Огуревна. Сам-то уснул, я у него старичка посадила.

Вера Филипповна. Поди-ка посиди в передней; а то взойдет кто, и доложить некому.

Огуревна. Чай, там есть кто, неужто ж нет! Да что мудреного! Ишь у нас какой присмотр-то в доме! Как сам захворал, так никакой строгости не стало. *(Отворяет дверь в переднюю.)* Да и то никого нет.

Вера Филипповна *(садится к столу)*. Много ль у меня денег-то осталось? *(Вынимает из кармана деньги.)* О, еще довольно! Надо б их в шкап убрать, да пусть здесь полежат, кто их тронет. *(Кладет на стол деньги.)* Куда мне завтра-то? *(Берет бумажку со стола и читает.)* «На Разгуляй, ко вдове с сиротами». Муж на железной дороге, так машиной убило. Да, вот она жизнь-то! И день и ночь при машине, семью-то и видел ненадолго. А машина... ведь она железная — разве она чувствует, что он один кормилец-то. Убила, да и дальше пошла. А вдове-то с детьми каково!

Входит Огуревна.

Огуревна. Матушка, Константин Лукич пришел с некием странником.

Вера Филипповна. Ну что ж, пусти!

Огуревна. Матушка, пускать ли странника-то? Вида-то

он, как бы тебе сказать, больше звериного, нечем человеческого.

Вера Филипповна. С виду-то и ошибиться недолго. Ничего, пусти!

Огуревна уходит. Вера Филипповна отходит от стола к дивану. Входят Константин, одет бедно, пальто короткое, поношенное, панталоны в сапогах, и Иннокентий.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вера Филипповна, Константин и Иннокентий.

Вера Филипповна. Милости прошу. Присядьте!

Константин. С Хитрова рынка пешком путешествовали, так отдохнуть надо. *(Садится.)*

Иннокентий. Благодарим, государыня милостивая. *(Садится.)*

Вера Филипповна. Как же ты, Константин Лукич, устроиться думаешь? К месту бы куда определился, что ли.

Константин. Что мне к месту, я сам человек богатый.

Вера Филипповна. Ну, полно шутить-то!

Константин. Наследства жду.

Вера Филипповна. Откудова?

Константин. Об этом разговор после. Вы бы, тетенька, покормили странных-то!..

Вера Филипповна. Я не знала, что ты голоден. Подите вниз, там внизу стол накрыт, покушайте!

Константин. Я сухоядения не люблю; прежде надо горло промочить.

Вера Филипповна. Негде взять, миленький, мы вина не держим.

Константин. Были б деньги, а вина достать можно.

Вера Филипповна. Так возьми денег и ступайте, куда вам нужно; а в моем доме пьянства я не позволю.

Константин. В твоем доме! Мой дом-то, а не твой!

Вера Филипповна. Что ж делать; на то была воля Потапа Потапыча!

Константин. Ну, дом, куда ни шло; ты хоть деньгами поделись.

Вера Филипповна. Я и поделилась, я за вас долги заплатила.

Константин. Этого мало, ты половину всего подай!

Вера Филипповна. Так не просят.

Константин. Да я и пришел к тебе не просить, а требовать; я за своим пришел, тут все мое. Вон на столе деньги, и те мои. Прибирай, Иннокентий, благо карманы широки.

Иннокентий берет деньги со стола.

Это раз! Теперь надо пощупать, что в шкапу лежит, это будет другой.

Вера Филипповна. Что вы делаете, побойтесь бога!

Константин. Иннокентий, с тобой разрыв-трава?

Иннокентий. Со мной, государь милостивый. *(Вынимает небольшой лом.)*

Константин. Так похлопочи около шкапа-то! Постой! Не придушить ли ее немного, чтоб не тараторила?

Иннокентий. Как прикажешь, милостивец. Только у меня рука тяжела, после моих рук не выхаживаются. Клещи у меня здоровые, прихвачу горло, пикнуть не успеешь, государыня милостивая.

Константин. Вот, слышишь! Ну, поняла ты теперь, что мы за люди? Ребята теплые! Ты кричать не вздумай! Что хорошего! Пожалуй, дядю разбудишь, а он спит теперь; а Огуревну я вниз услал, не услышит. Значит, доставай ключ, отпирай шкап и дели деньги пополам!

Вера Филипповна. Это деньги не мои, это деньги божьи. Он мне их послал для бедных. Хоть убейте, я не отопру.

Константин. Да и убьем, тетенька, убьем, ты не сомневайся! Вон погляди, каков у меня товарищ, он из разбойников, только в отпуску, еще отставку не выслужил.

Вера Филипповна. Я его знаю; он божьим именем у меня милостыню просил; он не убьет меня.

Иннокентий. Убью, государыня милостивая.

Константин. Тетенька, разговоров нет, надо отпирать! Отпирай! Постой! Шкап-то с секретом, он и сам отопрется. Видишь пружину-то! *(Показывает на пуговку звонка.)* Подави-ка, Иннокентий, навались; а я другую пожму.

Нажимают пуговки звонков.

Вера Филипповна. Что вы! Что вы делаете?

К о н с т а н т и н. Что делаем? Это ты сейчас увидишь.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Как бог-то вас попутал. Это не пружина, это звонки на фабрику. Сейчас вся фабрика будет здесь.

К о н с т а н т и н. Какая фабрика?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Фабричные, ткачи, ну, и всякие.

И н н о к е н т и й. Я еще поборюсь, государыня милостивая.

В е р а Ф и л и п п о в н а. Миленький, нельзя; человек семьдесят, а то и больше нахлынет.

И н н о к е н т и й. Да, это сила, против такой силы не пойду, ибо глупо. *(Константину.)* Милостивец, бросай что лишнее, да расправляй руки, лопатки крутить будут. Сопротивление бесполезно, я фабричных знаю; ребра беречь надо, милостивец.

К о н с т а н т и н *(с испугом)*. Батюшки, что делать-то?

И н н о к е н т и й. Слышу шум от множества шагов.

К о н с т а н т и н *(падая на колени)*. Тетенька, ведь мы только попугать вас хотели... Простите!

В е р а Ф и л и п п о в н а. Встаньте, Константин Лукич! Бог с вами!

К о н с т а н т и н. Деньги-то, тетенька, которые мы взяли, отдать прикажете?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Да, отдайте! Отнятое впрок не пойдет. Не ввели бы они вас в беду какую.

К о н с т а н т и н. Отдавай, Иннокентий!

И н н о к е н т и й. Здоровые зубы свои извлекать клещами легче бы мне было, чем возвращать сии деньги. *(Отдает деньги.)*

В е р а Ф и л и п п о в н а. Прошу вас принять их от меня. *(Отдает деньги обратно.)* Разделите их пополам! И дай бог, чтобы они вам на пользу пошли.

И н н о к е н т и й. Благодарим, государыня милостивая.

К о н с т а н т и н. Тетенька, отпустите нас?

В е р а Ф и л и п п о в н а. Погодите!

Входит ф а б р и ч н ы й.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

В е р а Ф и л и п п о в н а, И н н о к е н т и й, К о н с т а н т и н, ф а б р и ч н ы й.

Ф а б р и ч н ы й. Что приказать изволите, матушка, Вера Филипповна?

Вера Филипповна. Постой немножко... Дяденька ваш жалует вам пенсию, Константин Лукич, по пятидесяти рублей в месяц; каждое первое число приходите в контору получать.

Константин. А наверх уж ни ногой, тетенька?

Вера Филипповна. Да вам и незачем, уж я за вас поблагодарю Потапа Потапыча.

Иннокентий. Я, государыня милостивая, недолго погуляю на воле, к зиме-то на казенную квартиру попрошусь к Бутырской заставе; так не оставьте своей милостью, благодетельница.

Вера Филипповна. Хорошо, я попомню, навещу. Прощайте.

Константин и Иннокентий уходят.

Молодец, вы подите вниз, скажите, чтоб вам дали по стаканчику водки перед ужином. Я за тем вас и позвала.

Фабричный. Благодарим покорно! *(Кланяется и уходит.)*

Входит Аполлинария Панфиловна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, потом Огуревна.

Аполлинария Панфиловна. Я опять к вам, с мужем приехала, он там прямо к Потапу Потапычу прошел.

Вера Филипповна. Очень рада гостям, милости прошу. Чем потчевать прикажете?

Аполлинария Панфиловна. Хоть оно и стыдно на угощенье напрашиваться, а уж я с вами по душе,— велите-ка мне подать мадерки.

Вера Филипповна. Ах, что вы, помилуйте, какой стыд! Это моя глупость, что я не знаю, кого и когда чем потчевать.

Аполлинария Панфиловна. Да как узнать-то! В чужую душу не влезешь.

Вера Филипповна *(у двери в переднюю)*. Огуревна, подай мадеры!

Аполлинария Панфиловна. Ну, как вы можете знать, зачем мне выпить нужно?

Огуревна *(за сценой)*. Сейчас, матушка, несу.

Аполлинария Панфиловна. Я для куражу хочу выпить. Разговаривать с вами хочу, а смелости не хватает.

Входит Огуревна с бутылкой мадеры и стаканом.

И стаканчик принесла, мою препорцию знает. Ну-ка, налей, слуга Личарда!

Огуревна наливает и уходит.

Вера Филипповна. Кушайте!

Аполлинария Панфиловна. Выпью, много кланяться не заставлю. *(Пьет.)*

Вера Филипповна. Об чем же вам угодно было со мной разговаривать?

Аполлинария Панфиловна. Помните?.. Да нет, погодите, еще не подействовало, что-то не куражит. Не осудите вы меня?

Вера Филипповна. Ах, что вы, помилуйте!

Аполлинария Панфиловна. Так я еще стаканчик пропущу.

Вера Филипповна. Кушайте на здоровье. *(Наливает стакан.)*

Аполлинария Панфиловна *(выпив)*. Ну, вот теперь, кажется, в самый раз. Отчего это мы с вами по-приятельски не сойдемся? Я ведь женщина недурная, я гораздо лучше того, что про себя рассказываю. Отчего ж это мы по-дружески не живем?

Вера Филипповна. Я не прочь, это как вам угодно.

Аполлинария Панфиловна. Ну, так поцелуемся!

Целуются.

Вот что, Верочка милая, ты над нами не очень возвышайся! Коли тебе дана душа хорошая, так ты не очень возносись; может быть, и у других не хуже твоей.

Вера Филипповна. Я и не возношусь. Я всегда и перед всяким смириться готова.

Аполлинария Панфиловна. Как думаешь, на что женщине дана душа-то хорошая?

Вера Филипповна. Чтоб ближних любить, бедным помогать.

Аполлинария Панфиловна. Только? Кабы

это правда, так одной бы души с женщины-то и довольно. А то еще ей дано тело хорошее, больно красивое да складное... Это для чего? Вот и понимай, как знаешь!

Вера Филипповна. Не разберу я тебя, Аполлинария Панфиловна.

Аполлинария Панфиловна. Да что тут разбирать-то! Помнишь, я тебя просила об одном человеке, так он в передней дожидается.

Вера Филипповна. Кто же такой?

Аполлинария Панфиловна. Ераст. Хочешь ты — принимай его, не хочешь — не принимай, твоя воля. А я к Потап Потапычу пойду. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Вера Филипповна, потом Огуревна.

Вера Филипповна *(садится к столу и подпирает голову рукой)*. Что она сказала! Что она сказала! Нет, не надо мне его... зачем он! А, может... он нуждается? Ну, пусть через людей скажет, что ему нужно. А коль видеть хочет? Не всякую нужду-то людям поверишь. Словно как я боюсь его... Да нет, чего бояться!.. Обидел он меня, кровно обидел... Так как же это... неужто я до сих пор ему не простила? Ужели в самом деле не простила? А надо бы простить. Грех ведь это, грех... Разбойника, который хотел убить меня, я простила, а его не прощаю... Какой грех-то... какой грех-то! *(Громко.)* Огуревна!

Входит Огуревна.

Ераст в передней?

Огуревна. Там, матушка.

Вера Филипповна. Ну так... *(Задумывается.)*

Огуревна. Что, матушка?

Вера Филипповна. Пусть он... пусть он войдет сюда.

Огуревна уходит. Входит Ераст.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Вера Филипповна и Ераст.

Вера Филипповна. Здравствуй, Ераст!

Ераст. Честь имею кланяться.

Вера Филипповна. Как ты поживаешь?

Ераст. Лучше требовать нельзя; место имею отличное, две тысячи рублей жалованья получаю.

Вера Филипповна. Ну, слава богу! Очень рада за тебя.

Молчание

Ты меня зачем-то хотел видеть?

Ераст. Точно так-с.

Вера Филипповна. Зачем же? Ведь уж ты теперь не нуждаешься.

Ераст. Я пришел за тем-с... вот чтоб сказать вам, что я хорошо живу.

Вера Филипповна. Ну, спасибо тебе. Это радость для меня немалая.

Ераст. Да еще...

Вера Филипповна. Зачем еще-то?

Ераст. Пожалеть вас.

Вера Филипповна. Что ты, бог с тобой. Нашел кого жалеть! Я так счастлива, как в раю живу.

Ераст. Так ли-с?

Вера Филипповна. Чего мне еще? Я теперь полная хозяйка всему, денег у меня больше, чем надо — на добрые дела тратить могу, сколько хочу. Какого ж еще счастия?

Ераст. И, значит, вы живете в полном удовольствии?

Вера Филипповна. В полном удовольствии, Ераст.

Ераст. А я так понимаю, что вы только сами себя обманываете.

Вера Филипповна. Да что с тобой? Как ты знать можешь? Я сама-то себя лучше знаю.

Ераст. Не знаете. Вы очень любите людей-с и полагаете, что этого довольно?

Вера Филипповна. Да, конечно, довольно.

Ераст. Нет, мало-с. Ежели я кого люблю, а меня на ответ не любят, так какое же мне удовольствие!

Вера Филипповна. Ты про другое говоришь; ты про то говоришь, чего я знать не хочу.

Ераст. Нет, про то самое. Вы теперь всех людей любите и добрые дела постоянно делаете, только одно у вас это занятие и есть, а себя любить не позволяете; но пройдет год или полтора, и вся эта ваша любовь... я не смею сказать, что она вам надоест, а только за-

черствеет, и все ваши добрые дела будут вроде как обязанность или служба какая, а уж душевного ничего не будет. Вся эта ваша душевность иссякнет, а наместо того даже раздражительность после в вас окажется и сердиться будете и на себя и на людей.

Вера Филипповна. Правда ли это?

Ераст. Зачем же я буду лгать. Я лгать пробовал, да ничего хорошего не вышло, так уж я зарок дал. А если бы вы сами настоящую любовь и ласку от мужчины видели, совсем дело другое-с; душевность ваша не иссякнет, к людям вы не в пример мягче и добрей будете, всё вам на свете будет понятней и доступней, и все ваши благодеяния будут для всякого в десять раз дороже.

Вера Филипповна. Может быть, это и правда, да что ж делать-то, нельзя.

Ераст. Я так думаю, что можно. Отбросьте гордость; не гоните того человека, который вас полюбит, не обижайте его!

Вера Филипповна. Я замужняя женщина.

Ераст. Так что ж за беда! Потап Потапыч уж не жилец на свете, доктора говорят, что он больше месяца не проживет. Притом же если умный человек, так он поймет ваше теперешнее положение, будет себя вдали держать и сумеет благородным образом своего термину дождаться.

Вера Филипповна. Ты давно ли так умен-то стал?

Ераст. Давно-с. Я не то, что другие из нашего брата, которые только и знают, что по трактирам шляться; я все больше к умным да к образованным людям в компанию приставал; хоть сам говорить с ними не могу, так, по крайней мере, от других занимаюсь.

Вера Филипповна. Да, умные твои речи, только слушать их грех.

Ераст. Как вы, однако, греха-то боитесь! Вы, видно, хотите совсем без греха прожить? Так ведь это гордость. Да и какая ж заслуга, ежели человек от соблазну прячется,— значит, он на себя не надеется. А вы все испытайте, все изведайте да останьтесь чисты, непорочны — вот заслуга.

Вера Филипповна. Ох, да!

Ераст. От врагов прячутся-то, а не от тех, кто любит. Поверьте душе моей, что кто вас истинно любит, тот злодеем вашим не будет.

Вера Филипповна. Да хорошо, хорошо, я верю.

Ераст. Так будьте хоть несколько поснисходительнее к тем, кто вас любит.

Вера Филипповна. Хорошо, хорошо, мы об этом после поговорим.

Ераст. Значит, вы мне позволяете навещать вас хоть изредка?

Вера Филипповна. Что ж, заходи... только я редко свободна бываю.

Ераст. Уж я найду время. Так я буду в надежде-с?

Вера Филипповна. Не знаю, Ераст, на что ты надеешься, только надежды отнимать я не буду у тебя. Надежду отнимать у человека — грех... Прощай, Ераст.

Ераст. Если я что вам неприятное... так извините-с.

Вера Филипповна. Нет, что ты! Скорей же я... Меня извини.

Ераст вздыхает, кланяется и уходит. Вера Филипповна сидит у стола в задумчивости. Из двери налево входят Аполлинария Панфиловна, Каркунов; одной рукой опирается на палку, под другую его поддерживает Халымов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Вера Филипповна, Аполлинария Панфиловна, Каркунов и Халымов.

Аполлинария Панфиловна. Кресло Потапу Потапычу, кресло!

Вера Филипповна берет кресло от письменного стола и ставит на середине комнаты. Каркунов садится.

Каркунов *(дрожащим голосом)*. Любезная супруга моя, Вера Филипповна... я вот сейчас... торжественно... потому, кум, кума, Аполлинария Панфиловна, вы знаете, как мои чувства... ежели насчет души моей... как ее устроить... значит, чтоб на вечное поминовение... я не могу сам; а все она, все она. *(Утирает слезы.)* Торжественно объявляю... *(Достает из кармана бумагу и передает Вере Филипповне.)* На, возьми! Все, все предоставляю... Теперь выгони ты меня, дурака, из дому-то! Все твое, все... дарственная... Я гость у тебя, а ты хозяйка. Поди сюда поближе, нагнись ко мне! Я тебе шепну на ухо!

Вера Филипповна нагибается.

Ты возьми да выгони меня из дому! Так, мол, вас и надо, дураков старых, женолюбивых. Кум, кума, нет... она меня не выгонит... Как она об душе моей хлопочет... все меня благодарить приходят, земно кланяются: а за что, я и не знаю.

Вера Филипповна. Я, Потап Потапыч, за Константина Лукича долги заплатила.

Каркунов. Вон, вон, слышите, слышите?

Вера Филипповна. Я ему вашим именем, Потап Потапыч, пенсию положила — пятьдесят рублей в месяц.

Каркунов. Что для души-то моей делает! *(Утирает слезы.)* А мне бы не догадаться, не догадаться.

Вера Филипповна. Он приказал благодарить вас.

Каркунов. Да, да, вот; владей... владей всем!

Вера Филипповна. Потап Потапыч, при вашей жизни, продли вам бог веку, я исполнять вашу волю с радостью готова; искать бедных, утешать их, помогать им я нисколько не считаю себе в тягость, а даже за великое счастье. И благодарю вас, что вы наградили меня таким счастием.

Каркунов. Кум, кума, слышите?

Вера Филипповна. И когда бог по вашу душу пошлет, и тогда я готова до самой своей смерти непрестанным подаянием вашу душу поминать, только дарственную вы от меня возьмите и откажите ваше имение кому-нибудь другому.

Каркунов. Что это! Обижает ведь она меня, обижает... На коленях ведь я тебя буду просить, на коленях... *(Приподнимается.)*

Вера Филипповна. Никакого зароку, никакой клятвы я не дам.

Каркунов. Как, как ты говоришь?

Вера Филипповна. Я вам откровенно скажу, я замуж пойду.

Каркунов. Змея, змея! *(Падает в кресло.)*

Халымов. Зачем было говорить!

Аполлинария Панфиловна. К чему это похвасталась! Делай после, что хочешь; а пока молчала бы.

Вера Филипповна. Не могу я лгать, не могу.

Каркунов. Нет, нет. Она моей смерти ждет, моей смерти радоваться будет.

Вера Филипповна. Неправда, я вашей смерти радоваться не буду. *(Отходит к стороне и, отвернувшись, плачет.)*

Каркунов. Так не дождаться ей, не радоваться. *(Быстро поднимается.)* Я ее убью. *(Подымает палку.)* Пусть умирает прежде меня.

Халымов. Кум, кум, что делаешь?

Каркунов. Прочь! Между мужем и женой посредников нет. *(Подходя к Вере Филипповне.)* Так ты моей смерти ждешь? Гляди на меня! Гляди на меня!

Вера Филипповна глядит на него.

Убить ее, люди добрые, убить? Убить тебя, а? *(Глядит ей в глаза, бросает палку, весь дрожит и едва держится на ногах. Вера Филипповна его поддерживает. Каркунов смотрит ей в глаза, потом прилегает к плечу.)* За пятнадцать-то лет любви, покоя, за все ее усердие убить хотел. Вот какой я добрый! А еще умирать собираюсь. Нет, я не убью ее, не убью и не свяжу... Пусть живет, как ей угодно; как бы она ни жила, что бы она ни делала, она от добра не отстанет и о душе моей помнить будет.

Вера Филипповна подводит его к креслу и сажает его. Все окружают Каркунова. Вера Филипповна становится на колени подле него.

Владей всем, владей! Тебе и владеть! А я должен благодарить бога, что нашел человека, который знает, на что богатым людям деньги даны и как богатому человеку проживать их следует, чтоб непостыдно мог стать он перед последним судом.

НЕВОЛЬНИЦЫ

Комедия
в четырех
действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ЕВДОКИМ ЕГОРЫЧ СТЫРОВ,
очень богатый человек, лет за 50.

ЕВЛАЛИЯ АНДРЕВНА,
его жена, лет под 30.

НИКИТА АБРАМЫЧ КОБЛОВ,
богатый человек, средних лет, компаньон Стырова по большому промышленному предприятию.

СОФЬЯ СЕРГЕВНА,
его жена, молодая женщина.

АРТЕМИЙ ВАСИЛЬИЧ МУЛИН,
молодой человек, один из главных служащих в конторе компании.

МИРОН ИПАТЫЧ,
старый лакей Стырова.

МАРФА СЕВАСТЬЯНОВНА,
экономка.

Гостиная в доме Стырова; в глубине растворенные двери в залу, направо от актеров дверь в кабинет Стырова, налево — в комнаты Евлалии Андревны. Мебель богатая, между прочей мебелью шахматный столик.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марфа (входит слева), Мирон (заглядывает из залы).

Мирон *(кланяясь)*. Марфе Савостьяновне!

Марфа. Мирон Липатыч! Да взойдите, ничего...

Мирон входит.

Какими судьбами?

Мирон. Барина навестить пришел, наслышан, что приехали.

Марфа. Приехали, Мирон Липатыч.

Мирон *(нюхая табак)*. На теплых водах были?

Марфа. На теплых водах. Были и в других разных землях, два раза туда путешествовали... Ну, и в Петербурге подолгу проживали. Много вояжу было; прошлое лето вот тоже в Крым...

Мирон. И вы завсегда с ними?

Марфа. В Крыму была; а то все в Петербурге при доме оставалась.

М и р о н. Постарел, я думаю, Евдоким Егорыч-то?

М а р ф а. Конечно, уж не к молодости дело идет, а к старости, сами знаете. Ведь вот и вы, Мирон Липатыч...

М и р о н. Ну, мы другое дело: у нас это больше... знаете... от неаккуратности.

М а р ф а. А вы неаккуратность-то эту все еще продолжаете?

М и р о н. Нет, будет, довольно, порешил... все равно как отрезал. Теперь уж ни боже мой, ни под каким видом.

М а р ф а. И давно вы это... урезонились?

М и р о н *(нюхая табак)*. С Мироносицкой предел положил. Думал еще со Страшно́й закончить; ну, да, знаете, Святая... потом Фомина... тоже, надо вам сказать, неделя-то довольно путаная. Попра́вная неделя она числится; голова-то поправки требует, особенно на первых днях. Ну, а с Мироносицкой-то уж и установил себя как следует. И вот, надо бога благодарить, Марфа Савостьяновна, до сих пор... как видите! И чтобы тянуло тебя, манило, али тоска... ничего этого нет.

М а р ф а. Ну, укрепи вас бог!

М и р о н. Очень чувствительный я человек, Марфа Савостьяновна,— сердце мое непереносчиво! Обидит кто или неприятность какая, ну, и не сдержишь себя. Не то чтоб у меня охота была или какое к этой дряни пристрастие; а все от душевного огорчения.

М а р ф а. Разно бывает, Мирон Липатыч: кто от чего. Но, при всем том, безобразие-то все одно.

М и р о н. Так, значит, состарились мы с Евдокимом Егорычем?

М а р ф а. Да, таки порядочно. Коли вы его давно не видали, так перемену большую заметите.

М и р о н. Три года не видал. Как тогда женились, так мне от места отказали, молодую прислугу завели. Нет, Марфа Савостьяновна, пожилому на молоденькой жениться не след.

М а р ф а. Да ведь она не то чтобы очень молоденькая, двадцати пяти лет замуж-то шла.

М и р о н. Самый цвет... вполне...

М а р ф а. Да вот уж три года замужем.

М и р о н. Все-таки женщина в полном своем удовольствии; а мы-то с Евдокимом Егорычем уж скоро грибы

будем. Старый-то на молодой женится, думает, что сам помолодеет; а заместо того еще скорее рушится, в ветхость обращается.

М а р ф а. Почему вы так полагаете? Отчего ж бы это?

М и р о н. От сумления.

М а р ф а. Может быть, и правда ваша.

М и р о н. Старый человек понимает, что молодая его любить как следует не может; ну, и должен он всякий час ее во всем подозревать; и обязан он, коли он муж настоящий, за каждым ее шагом, за каждым взглядом наблюдать, нет ли какой в чем фальши. А ведь это новая забота, ее прежде не было. А вы сами знаете: не лета человека старят, а заботы.

М а р ф а. Да, уж настоящего спокою нет.

М и р о н. Какой спокой! И я про то ж говорю. Я теперь Евдокима Егорыча — ох! как понимаю. Опять же не из своего круга взята.

М а р ф а. Какого вам еще круга? Маменька их в заведении, которое для барышень, главная начальница.

М и р о н. Мадамина дочь, вроде как из иностранков.

М а р ф а. Вы это напрасно... Только что обучена на всякие языки, а природы нашей, русской.

М и р о н. А промежду себя они?..

М а р ф а. Ну, конечно, не так, как молодые...

М и р о н. Контры выходят?

М а р ф а. А все ж таки...

М и р о н. Стражаются?

М а р ф а. Что вы, как можно! Несогласия между ними незаметно.

М и р о н. И часто у них это бывает?

М а р ф а. Что?

М и р о н. Стражение?

М а р ф а. Да что вы, какое стражение! Из-за чего им? Живут как следует, как все прочие господа.

М и р о н. Ведь вы правды не скажете: женская прислуга всегда за барыню; плутни у вас заодно, а за маклерство вам большой доход. У Евдокима Егорыча, как я вижу, нет никого, чтобы преданный ему человек был: поберечь его некому. Значит, Евдокиму Егорычу верный слуга нужен. Я теперь понял из ваших слов все дело.

М а р ф а. Вы зачем же к Евдокиму Егорычу?

М и р о н. Слышал, что у них камардина нет; так хочу опять к ним проситься.

М а р ф а. Теперь гости у нас; а подождите немножко в кухне, Мирон Липатыч, по времени я доложу.

М и р о н. Что ж не подождать! Екстры нет, больше ждали. *(Уходит.)*

Из кабинета входят *С т ы р о в* *и* *К о б л о в.*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С т ы р о в, К о б л о в и М а р ф а.

С т ы р о в *(Марфе)*. Пошли узнать, дома ли Артемий Васильич! Если дома, просить его ко мне.

М а р ф а уходит.

Будем продолжать прежний разговор. Я похож па нищего, который вдруг нашел огромную сумму денег и не знает, куда с ними деться, как их уберечь; все боится, чтобы их не украли.

К о б л о в. О чем вы жалеете, в чем вы раскаиваетесь, я не понимаю.

С т ы р о в. Ну, положим, что я не жалею и не раскаиваюсь; довольно с меня и того, что я чувствую неловкость своего положения. Вы, я думаю, понимаете, что человеку с моим состоянием весьма естественно желать себе спокойствия и всякого удобства.

К о б л о в. Как не понимать! Но вы меня извините, я никакой неловкости, никакого неудобства в вашем положении не вижу.

С т ы р о в. О таком деликатном предмете, разумеется, я могу говорить только с одними вами: у нас общие дела, общие интересы, и уж мы привыкли поверять друг другу то, что для посторонних должно оставаться тайной.

К о б л о в. Уж позвольте и мне говорить с вами откровенно. Вы знаете, как я глубоко уважаю Евлалию Андревну: поэтому, чтобы не стеснять себя в разговоре, мы будем говорить не о вас и о ней собственно, а вообще, то есть о всяком муже и жене, какие бы они ни были.

С т ы р о в. Хорошо. Вы, я думаю, знаете сами, что для счастья в супружеской жизни весьма важно, чтобы выбор с обеих сторон был непринужденный и вполне свободный.

К о б л о в. Да, это условие нелишнее, хотя нельзя сказать, чтобы необходимое.

С т ы р о в. А ведь Евлалию Андревну выдали за меня почти насильно. Мать до двадцати пяти лет держала ее взаперти и обращалась с ней, как с десятилетней девочкой. Я ее купил у матери.

К о б л о в. Да хоть бы украли. Ведь вы венчаны, значит, вы находитесь в положении мужа и жены. Отношения эти известны, определены, и задумываться тут не над чем.

С т ы р о в. И притом неравенство возрастов...

К о б л о в. Да ведь она видела, за кого идет.

С т ы р о в. Не видала, я ослепил их с матерью. Когда я нечаянно познакомился с ними, меня сразу поразили некоторые особенности в характере Евлалии. В ней было что-то, чего я не встречал в других девушках; а я их видал-таки довольно на своем веку. Быстрые перемены в лице — то оно как будто завянет, то вдруг оживится и осветится; порывистые движения, короткое, судорожное пожатие руки при встрече; прямая речь, без всякого жеманства, и почти детская откровенность. Все это вместе было довольно привлекательно. Но ведь не влюбился же я — в мои годы этого не бывает,— я просто захотел приобресть ее, как редкость. И упрекаю теперь себя за это, как за поступок неосторожный.

К о б л о в. Напрасно.

С т ы р о в. Я пошел путем прямым и верным; я не давал опомниться им с матерью: бывал у них по три раза в день, делал безумные траты для их удовольствия, осыпал подарками... И вот в результате: старый, постоянно занятой делами муж и молодая, страстная и способная к увлечениям жена.

К о б л о в. Что ж из этого? К чему эти признания? Я и без вас знал, что мужья и жены не всегда бывают равны возрастом и одинаковы характером. Я опять-таки повторяю: ведь вы венчаны, значит, вы стали в известные отношения друг к другу — вы муж и жена. Эти отношения уж определены, и они одинаковы и для молодых и для старых, и для страстных и для бесстрастных. Муж — глава, хозяин; а жена должна любить и бояться мужа. Любить — это надо предоставить жене: как ей угодно, насильно мил не будешь; а заставить бояться — уж это дело мужа, и этой обязанностью он пренебрегать никак не должен.

Стыров. Но ведь она молода, ей жить хочется... Когда войдешь в ее положение...

Коблов. А зачем это вам входить в ее положение? Нет, вы этого не делайте! Начнете входить в положение жены, так можете приобресть дурную привычку входить в чужое положение вообще. Если последовательно идти по этому пути, так можно дойти до юродства. Там сирые да убогие, несчастные да угнетенные; придешь, пожалуй, к заключению, что надо имение раздать нищим, а самому с цветочком бегать босиком по морозу. Уж извините, такого поведения рекомендовать нельзя человеку деловому, у которого на руках большое коммерческое предприятие.

Стыров. Мы уклоняемся от предмета... Я говорил с вами не о житейских правилах: я имею свои, и довольно твердые, и в советах не нуждаюсь. Я говорил только о том исключительном положении, в котором я нахожусь. После свадьбы, вы знаете, сейчас же мы уехали в Петербург, два раза ездили в Париж, были в Италии, в Крыму, погостили в Москве; везде не подолгу, скучать ей было некогда. Теперь я должен прожить здесь, по своим делам, год или более; город довольно скучный, развлечений мало, притом же она может встретить кого-нибудь из своих прежних знакомых. Когда я женился, ей было двадцать пять лет; нельзя же предполагать, что у нее совсем не было привязанностей; а при скуке старые привязанности штука опасная.

Коблов. Конечно, опасная, если вы будете вольнодумствовать.

Стыров. Как «вольнодумствовать»... Что это значит?

Коблов. То есть пренебрегать правами мужа. Как, по вашему мнению, должен поступить муж в случае неверности жены?

Стыров. Ведь это, глядя по характеру... Я не знаю... может быть, я только заплакал бы; а может быть, и убил бы жену.

Коблов. Ну, вот видите ли!.. Значит, для вас прямой расчет не допускать неверности.

Стыров. Без сомнения; но как это сделать?

Коблов. Надо стараться устранить всякие поводы к соблазну, надо принять меры.

Стыров. Да какие меры? В том-то и дело.

Коблов. Во-первых, надо отнять совершенно свободу

у жены, ограничить круг ее знакомства людьми, хорошо известными вам.

С т ы р о в. Да тут знакомство и так невелико; выбирать-то не из кого... Известные лица... А кто здесь нам хорошо-то известен?

К о б л о в. Да вот, например, все служащие у нас.

С т ы р о в. Без исключения? И Мулин?

К о б л о в. И Мулин. Он нам предан, вся будущность его в наших руках, кроме того, он очень неравнодушен к деньгам и постоянно ухаживает за богатыми невестами. А не женился он до сих пор только потому, что все ждет, не появится ли еще побогаче.

С т ы р о в. Итак, во-первых, знакомство; а во-вторых?

К о б л о в. А во-вторых, надо учредить негласный надзор за женой.

С т ы р о в. То есть шпионство. На кого ж возложить эту обязанность?

К о б л о в. Прежде всего на прислугу.

С т ы р о в. Что вы говорите! Да ведь это гадко.

К о б л о в. Вы бывали больны? Ну, конечно, бывали и принимали не одни только сладкие лекарства. Когда дело идет о здоровье, так вкуса в лекарствах не разбирают.

С т ы р о в. Как хотите, а к такому средству можно прибегать разве уж в последней крайности.

К о б л о в. В крайности уж будет поздно. Тем-то это средство и хорошо, что предупреждает крайности. Всякое увлечение вначале очень невинно; тут-то его и накрывать. У женщины, Евдоким Егорыч, два главные двигателя всех их поступков: каприз и хитрость. Против каприза нужна строгость, против хитрости — абсолютное недоверие и постоянный надзор.

С т ы р о в. Но как же со всем этим вы согласите любовь к жене?

К о б л о в. Как? Очень просто. Ведь любим же мы своих маленьких детей, однако за капризы их наказываем и без нянек не оставляем.

С т ы р о в. Но справедливо ли смотреть на женщин как на маленьких детей?

К о б л о в. Да мы, кажется, не о справедливости разговор начали, а о спокойствии для мужей.

С т ы р о в. Хорошо. Благодарю вас! Я подумаю... и приму в соображение ваши советы. *(Садится к шах-*

матному столику.) Не сыграем ли в шахматы? Мне прислали недавно резные, превосходной работы. *(Вынимает из кармана ключик и отпирает ящик стола.)* Я их запираю от любопытных. Растеряют либо переломают.

Входит Марфа с телеграммой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стыров, Коблов и Марфа.

Марфа. Телеграмму подали из конторы. *(Подает телеграмму Стырову.)*

Стыров *(прочитав телеграмму)*. Наш пароход с баржами остановился; значительное повреждение. *(Встает. Ключ остается в замке ящика. Передает телеграмму Коблову.)* Надо ехать самому. *(Взглянув на часы, Марфе.)* Скажи Евлалии Андревне, что я уезжаю на пароходе на несколько дней... Я поеду на пароходе через полчаса... Распорядись, чтобы мне приготовили и собрали все, что нужно, да вели закладывать лошадей.

Марфа. Слушаю-с. Мирон Липатыч тут дожидается.

Стыров. Какой «Липатыч»?

Марфа. Ваш бывший камардин.

Стыров. Что ему нужно?

Марфа. Должно быть, без места, так наведаться пришел.

Стыров. Хорошо; пошли его сюда.

Марфа уходит.

Коблов. Надо как можно скорее исправить повреждение, время не ждет, а главное, надо разобрать, кто виноват.

Стыров. Я за тем сам и еду. А вы потрудитесь с вечерним пароходом нам механика прислать.

Входит Мирон.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стыров, Коблов и Мирон.

Стыров. Здравствуй, Мирон! Что ты?

Мирон. Слышал, что у вас человека нет, так желаю послужить вам, Евдоким Егорыч, по-старому, как прежде я вам... верой и правдой...

С т ы р о в. По-старому? И пить будешь по-старому?

М и р о н. Нет, зачем же, помилуйте! Это даже совсем лишнее.

К о б л о в. Не ехать ли мне с вами?

С т ы р о в. Нет, вы, Никита Абрамыч, горячи очень; тут надо быть хладнокровнее. *(Мирону.)* Ну, так как же?

М и р о н. Зачем пить! Пить не надо, Евдоким Егорыч. Ну его! Я и врагу не желаю.

К о б л о в. Вы мне телеграфируйте, что такое там у них.

С т ы р о в. Непременно.

М и р о н. Как же вы хотите, чтобы я пил?

С т ы р о в. Да я вовсе не хочу. С чего ты взял?

К о б л о в. Дней пять пробудете, с проездом?

С т ы р о в. Да, я думаю, не более.

М и р о н. Нет, уж вы этого теперь от меня не дождетесь, потому я от себя надеюсь...

С т ы р о в. Вот и прекрасно.

М и р о н. Кабы в том что хорошее было, ну, тогда бы, пожалуй, отчего ж не выпить; а то ведь это только наша глупость одна и даже со вредом... Так к чему же это? Кому нужно? Кто себе враг? Да, кажется, наставь мне в рот воронку да насильно лей, так и то я... нет, не согласен; увольте, скажу...

С т ы р о в. Как же ты прежде-то?

М и р о н. Так как прежде мы были на холостом положении, ну уж аккуратности этой и не наблюдаешь; а теперь как можно! Теперь надо себя стараться содержать...

С т ы р о в. Ну, хорошо, я тебя возьму на пробу, только уж не взыщи, если...

М и р о н. Да нет, Евдоким Егорыч, ожидать мудрено, чтобы... Ни к чему не ведет, вот главное... Не хорошо, дурно, очень дурно.

С т ы р о в. Сегодня же ты и поступишь. Я сейчас уезжаю; смотри без меня за порядком, за чистотой в доме, за всем.

М и р о н. Понимаю, очень понимаю.

С т ы р о в. Кто будет меня спрашивать, отказывай, говори, что меня в городе нет.

М и р о н. Никого не буду принимать, вот как. Ох, как я вас понимаю!

С т ы р о в. Понимать тебе нечего, а надо слушать и исполнять.

Мирон. Да уж вот как стараться буду, уж вот как... ну, уж одно слово... вот уж как; как раб... самый... который...

Стыров. Хорошо, ступай! Пособи там собрать мои вещи, ты это дело знаешь.

Мирон. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Коблов. Я пойду ответ напишу на телеграмму. Да надо приказать, чтобы лодка была готова принять вас, а то они проспят, пожалуй. *(Уходит в кабинет.)*

Входит Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Стыров и Мулин.

Стыров *(подавая руку)*. Я за вами посылал, Артемий Васильич.

Мулин. Что вам угодно, Евдоким Егорыч?

Стыров. Я записку составил, она там у меня, в кабинете на столе; надо ее хорошенько редактировать.

Мулин. Велика?

Стыров. Листов шесть, семь.

Мулин. А к какому времени вам она нужна будет, Евдоким Егорыч?

Стыров. Через неделю, не далее. Успеете?

Мулин. Как не успеть! Я сегодня же и начну заниматься.

Стыров. Только уж сами и перепишите начисто; это дело важное и весьма секретное; я, кроме вас, никому поручить его не могу.

Мулин. Благодарю вас и постараюсь оправдать ваше доверие.

Стыров. Да вы уж не один раз оправдывали. Я вам, любезнейший Артемий Васильич, больше доверю, чем это дело, я вам доверю жену свою. Я получил телеграмму и сейчас уезжаю на несколько дней. Прошу вас на это время поступить в распоряжение Евлалии Андревны и быть ее кавалером. Если вздумает она погулять на бульваре или в общественном саду, так уж вы, пожалуйста, будьте при ней неотлучно.

Мулин. Я прошу вас, Евдоким Егорыч, если только возможно, освободить меня от этой обязанности.

Стыров. Почему это?

Мулин. Наш город — сплетник, ужасный сплетник;

за неимением новостей он ежедневно сам сочиняет внутренние известия.

С т ы р о в. Что же могут сочинить про вас?

М у л и н. Наше городское воображение отважно, оно ни перед чем не останавливается. Для людей, которым нужно говорить во что бы то ни стало, у которых зуд в языке,— святого ничего нет.

С т ы р о в. Пусть говорят; мы с женой не боимся разговоров, да и вы не красная девушка. На что вам беречь свою репутацию? Иль жениться задумали? Вам еще рано, погодите немного! Нельзя же нашим женам без кавалера оставаться!

Входят Евлалия Андреевна и Софья Сергеевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стыров, Мулин, Евлалия и Софья.

Е в л а л и я. Вы уезжаете?

С т ы р о в. Да, сейчас. И вот оставляю тебе кавалера, Артемия Васильича. Тебе выезжать ведь некуда?

Е в л а л и я. Нет, куда же! Я никуда не поеду без вас.

С т ы р о в. А если вздумаешь в сад или на бульвар, так приглашай с собой Артемия Васильича.

Е в л а л и я. Очень рада. Вы не надолго?

С т ы р о в. Не знаю; как дела потребуют; во всяком случае не более как на неделю.

Е в л а л и я *(Мулину)*. Вам не скучно будет со мной?

С т ы р о в. Евлалия, разве так говорят! Ты на комплименты напрашиваешься.

С о ф ь я. А что ж за беда! Пусть молодой человек учится, ему в жизни это пригодится.

М у л и н. Мне учиться незачем; я и так умею.

Е в л а л и я. А правду умеете говорить?

М у л и н. И правду умею, когда нужно.

Е в л а л и я. Только когда нужно? Да разве не всегда нужно правду говорить?

С о ф ь я. Да что вы, ребенок, что ли? Вас это удивляет, что люди не всегда правду говорят?

Е в л а л и я. Так зачем же нас учили?

С о ф ь я. Да кто нас учил? Учителя. Им нельзя было не учить чему-нибудь, им за это деньги платят; а жить учиться уж мы должны сами.

С т ы р о в. Вы, я вижу, в философию ударились. Фило-

софствуйте на здоровье; а нас извините, мы вас оставим. Пойдемте, Артемий Васильич, я вам покажу записку, про которую говорил.

Стыров и Мулин уходят в кабинет.

Евлалия. Зачем так шутить! Мужчины в самом деле могут подумать, что мы не всегда говорим правду.

Софья. Да разве я шутила, разве это шутки? Какие у вас еще ребячьи понятия! Это слезы, а не шутки. Женщина не только не всегда должна говорить правду, а никогда, никогда. Знай правду только про себя.

Евлалия. А других обманывать?

Софья. Конечно, обманывать, непременно обманывать.

Евлалия. Да зачем же?

Софья. Вы только подумайте, как на нас смотрят мужья и мужчины вообще! Они считают нас малодушными, ветреными, а главное, хитрыми и лживыми. Ведь их не разубедишь; так зачем же нам быть лучше того, что они о нас думают? Они считают нас хитрыми, и надо быть хитрыми. Они считают нас лживыми — и надо лгать. Они только таких женщин и знают; им других и не нужно, только с такими они и умеют жить.

Евлалия. Ах, что вы говорите!

Софья. Что ж по-вашему? Начать мужу доказывать, что я, мол, хорошая, серьезная женщина, гораздо умнее тебя, и чувства у меня гораздо благороднее, чем у тебя. Ну, что ж, доказывайте; а он будет улыбаться да думать про себя: «Пой, матушка, пой! Знаем мы вас; тебя на минуту без надзору оставить нельзя». Ну, не унизительное это положение?

Евлалия. Да неужели это так?

Софья. Поживите, так увидите.

Евлалия. Но если мы лучше, так мы должны стать выше их.

Софья. Да как вы станете, коли в их руках власть, власть, ужасная тем, что она опошляет все, к чему ни коснется. Я говорю только про наш круг. Посмотрите, взгляните, что в нем! Посредственность, тупость, пошлость; и все это прикрыто, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью, так что издали кажется чем-то крупным, внушительным. Наши мужья сами пошлы, и ищут только пошлости, и видят во всем только пошлость.

Евлалия. Это вы говорите про женатых, а холостые?

Софья. Также же.

Евлалия. Ну, уж я вам положительно не верю.

Софья. Как угодно. Дай бог только, чтобы разочарование вам не очень дорого обошлось. Нет, я вижу, что вы совсем не знаете наших мужчин.

Евлалия. Но ведь в нашем кругу много иностранцев.

Софья. Да разве они лучше наших! Наши дружатся с ними, братаются, перенимают от них новые пошлости да сальные каламбуры и воображают, что живут по-европейски. Мой муж тоже уважает Европу и очень хвалит. Он бывал на юге Франции, знаком там с многими фабрикантами; но что же он вынес из этого знакомства? Он говорит: «Там мужья-то еще круче нашего с женами обращаются, там они вас вовсе за людей не считают». Вот вам и Европа! Не надо нашим мужьям хороших жен! Они воображают, что жены-то еще пошлее и глупее их, и чрезвычайно довольны своей судьбой и счастливы. Если б бог, каким-нибудь чудом, открыл им глаза и они бы увидали, что такое их жены в самом-то деле, насколько они выше их по уму, по чувствам, по стремлениям, как противны женской душе их хищнические инстинкты, они бы потерялись, затосковали, запили бы с горя.

Евлалия. Как же вы переносите такую жизнь?

Софья. Человек ко всему может примениться. Прежде мне очень тяжело было, а теперь и я не много лучше их; я такая, какую им нужно. Рано или поздно и с вами то же будет, или начнете дни и ночи в карты играть.

Входят Стыров, Коблов и Мулин.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евлалия, Софья, Стыров, Коблов и Мулин.

Стыров. Ну, что ж, решили вы свой спор?

Коблов. О чем?

Евлалия. Всегда ли нужно правду говорить?

Коблов. Ну, я женское решение этого вопроса давно знаю.

Евлалия. Какое же оно?

Коблов. Правду можно говорить иногда только прия-

тельницам, и то с большой осторожностью; а мужьям никогда.

С о ф ь я. А вы женам разве говорите правду?

К о б л о в. Ну, это другое дело; нашу правду вам незачем и знать. С вас довольно и того, что мы находим нужным сказать вам; вот вам и правда и другой никакой для вас нет.

Е в л а л и я. Мне кажется, вы смотрите на жену, как на невольницу.

К о б л о в. А что ж такое, хоть бы и так? Слово-то, что ли, страшно? Вы думаете, я испугаюсь? Нет, я не пуглив. По мне, невольница все-таки лучше, чем вольница.

С т ы р о в. Однако мне пора. Прощайте!

Е в л а л и я. Не проводить ли мне вас на пароход?

С т ы р о в. Нет, зачем! Там толкотня, суета.

К о б л о в. И мы домой, Софья Сергевна!

С о ф ь я. Хорошо, поедем!

Все уходят в залу. Слева выходит М а р ф а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

М а р ф а, потом С т ы р о в.

М а р ф а. Уехали, что ли? *(Заглядывает в залу.)* Нет еще, целуются; прощаются. *(Оглядывая комнату.)* Не забыл ли Евдоким Егорыч чего? Это чья шляпа-то? А, это Артемия Васильича... ну, он, чай, вернется за ней.

Входит С т ы р о в.

С т ы р о в *(говорит в залу)*. Подождите, я на одну минуту, я забыл кой-что... *(Марфе.)* Марфа, слушай! Береги Евлалию Андревну без меня! Ты знаешь, как я ее люблю.

М а р ф а. Да как же, помилуйте! Нешто я не вижу!

С т ы р о в. Я в дороге все буду думать о ней: что она делает? не скучает ли?

М а р ф а. Уж как не думать? Конечно, думается.

С т ы р о в. Так ты уж и не отлучайся от нее! Я как приеду, так потребую от тебя отчет: что она без меня делала, говорила, даже думала. Я так ее люблю, что, понимаешь ли ты, мне все это приятно знать... все, все... мне это очень приятно. *(Дает Марфе кредитный билет.)*

Марфа. Понимаю, Евдоким Егорыч, будьте покойны.

Стыров. Не то чтоб я... ну, ты понимаешь; а уж я ее очень люблю. Так ты смотри! Ну, не все же ей дома сидеть.

Марфа. Конечно, дело молодое...

Стыров. Так для прогулок или выехать куда я просил Артемия Васильича; а вот дома-то ты...

Марфа. Да уж будьте покойны!

Стыров уходит.

Ишь ты, старичок-то!.. Что он дал-то? *(Глядит на ассигнацию.)* Пять рублей... Значит, услуги требует. Что ж, ничего, не больно скупо. Да за что и дать-то больше? Доносить-то, должно быть, будет нечего. А коли будет что, так и с другой стороны, гляди, перепадет; тоже не поскупятся. Бери то с того, то с другого — отличное дело. Люблю я такие места. Только умей себя вести, а то на что лучше! *(Прислушиваясь.)* Чу! Уехали. Пойти показать Липатычу, куда платье да белье Евдокима Егорыча убрать; там всё пораскидали. *(Уходит налево.)*

Из залы входят Евлалия и Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Евлалия и Мулин.

Мулин *(взяв шляпу)*. Честь имею кланяться.

Евлалия. Куда вы?

Мулин. В контору.

Евлалия. Еще поспеете. Разве вам неприятно посидеть со мной десять минут?

Мулин. Очень приятно; но у меня есть дело: Евдоким Егорыч поручил мне большую и спешную работу.

Евлалия. Это одни отговорки. Вот уж больше недели мы живем в одном доме, и вы ни разу не удостоили меня вашей беседы.

Мулин. Что вы говорите, помилуйте! Чуть не каждый день я у вас обедаю, да и по вечерам мы часто беседуем довольно долго.

Евлалия. Да, болтаем глупости, от которых уши вянут. Вы, впрочем, больше с мужем разговариваете да с посторонними, а не со мной. А вот так, наедине, вы ни разу...

Мулин. Наедине? Не помню... кажется, нет.

Евлалия. И вы никогда не искали случая, вы даже как будто стараетесь избегать его.

Мулин. Избегать — не избегаю и искать — не ищу. У нас нет никаких дел, никаких общих интересов с вами; нет ничего такого, что бы заставило меня искать случая говорить с вами наедине.

Евлалия. Интересов! А сама я для вас не интересна?

Мулин. Я вас не понимаю.

Евлалия. Вам не интересно знать, например, почему я вышла замуж за человека, который вдвое старше меня?

Мулин. Признаюсь вам, я и не думал об этом; это до меня нисколько не касается.

Евлалия. Нет, касается.

Мулин. Каким образом? Объясните, сделайте одолжение!

Евлалия. Мы с вами знакомы давно, задолго до моего замужества. Помните, как мы, бывало, в зале у маменьки музыку Шопена слушали, а на акте вальс танцевали; помните, с балкона на звезды смотрели.

Мулин. Очень хорошо помню.

Евлалия. Неужели вы никогда не замечали, неужели вы не видали?

Мулин. Нет, видел.

Евлалия. И оставались равнодушны?

Мулин. Кто же вам сказал, что я оставался равнодушен?

Евлалия. Так что же?.. Вам стоило только слово сказать, протянуть руку, и я пошла бы за вами без оглядки хоть на край света.

Мулин. Я это очень хорошо знал, и, если бы был богат, я бы не задумался ни на минуту. Но, Евлалия Андревна, каждый дельный человек думает о своей судьбе, вперед составляет себе планы; благородная бедность в мои планы не входила. Я мог предложить вам только нищету, и вы бы ее приняли. Нет, вы лучше поблагодарите меня, что я не погубил вас и не запутал себя на всю жизнь.

Евлалия. Значит, вы жалели, берегли меня?.. Вы любили меня?.. Очень?

Мулин. Да, вы мне нравились... Нет, зачем скрывать! Я любил вас.

Евлалия *(задумчиво)*. И только бедность помешала нашему счастию?

М у л и н. Да, конечно, только бедность, ничего больше.

Е в л а л и я. Я так и думала. Теперь выслушайте меня, выслушайте мое оправдание!

М у л и н. Зачем, Евлалия Андревна! Не надо.

Е в л а л и я. Надо, Артемий Васильич. Вы можете думать очень дурно обо мне, вы можете думать, что я польстилась на деньги Евдокима Егорыча, что я продала себя. Я дорожу вашим мнением.

М у л и н. Ничего дурного я о вас не думаю; я знаю, что вас выдали почти насильно.

Е в л а л и я. Насильно выдать замуж нельзя: я — совершеннолетняя. Меня можно осуждать за то, что я слабо сопротивлялась, скоро сдалась. Да, все вправе осуждать меня за это; но не вы, Артемий Васильич.

М у л и н Почему же?

Е в л а л и я *(опустя глаза)*. Я знала, что вы живете в одном доме с Евдокимом Егорычем, что вы будете близко, что я могу вас видеть каждый день...

М у л и н *(пораженный)*. Что вы говорите?

Е в л а л и я. Я принесла жертву для вас... я хотела уничтожить препятствие, которое нас разделяло.

М у л и н. Вы уничтожили одно и создали другое: тогда вы были свободны, теперь у вас муж.

Е в л а л и я. Ах, не говорите! Я не люблю его и не полюблю никогда. Я не знала... я думала, что выйти замуж без любви не так страшно; а потом... ах, нет... ужасно... перестанешь уважать себя. Он мне противен.

М у л и н. Может быть, но я-то обязан Евдокиму Егорычу всем своим существованием и чувствую к нему глубокую благодарность. Не забудьте, я пользуюсь его доверием; он доверяет мне все, он доверил мне и вас. Злоупотреблять доверием у нас считается уж не проступком, а преступлением; это бесчестно, грязно...

Е в л а л и я *(с сердцем)*. Подбирайте, подбирайте: гадко, скверно, мерзко. Ну, так что же вы тут... стоите передо мной? Я не понимаю! Что вам нужно от меня?

М у л и н. Ничего не нужно; вы сами меня остановили.

Е в л а л и я. Да что у вас глаз нет, что ли? Вы слепы? Разве вы не видите, как я страдаю? Меня увезли от вас, три года возили по всей Европе... я старалась забыть вас *(со слезами)*, но не могла... Я все еще люблю вас... Разве вы не видите?

М у л и н. Вижу, и вижу также, что надо помочь этой беде, что я должен принять меры.

Е в л а л и я. Какие меры?

М у л и н. Мне надо переехать из вашего дома.

Е в л а л и я. Да, вот что.

М у л и н. Я уж говорил Евдокиму Егорычу, что и мне неудобно, и его я стесняю.

Е в л а л и я. Так убирайтесь, убирайтесь; кто вас держит!

М у л и н. Он не желает, чтоб я переезжал; но теперь это становится необходимым, и я настою.

Е в л а л и я. Убирайтесь, сделайте одолжение!

М у л и н. Я только дождусь его приезда.

Е в л а л и я. Чем скорей, тем лучше.

М у л и н. Честь имею кланяться! *(Идет к двери.)*

Е в л а л и я. Да постойте же, постойте! Куда вы! Это странно: придет человек, повернется... не успеешь слова сказать.

М у л и н. Что вам угодно?

Е в л а л и я. Вы забудьте то, что я говорила сейчас! Вы не верьте моим словам: я сама не знаю, что со мной... на меня иногда находит... Все это вздор, глупый порыв... Вам переезжать из нашего дома незачем, решительно незачем... Я не стану искать свидания с вами... будем видеться только при муже, при посторонних... Так зачем же вам переезжать? Зачем бежать? Ведь это смешно...

М у л и н. Нет, оно, знаете ли, все-таки покойнее.

Е в л а л и я. Для кого?

М у л и н. Для меня.

Е в л а л и я. Какое же вам беспокойство жить здесь?

М у л и н. Да не только беспокойство, даже опасность.

Е в л а л и я. Чего же или кого вы боитесь?

М у л и н. Вас, а более всего самого себя. Сохрани бог! Ведь без ужаса нельзя себе представить, какие могут быть последствия. Я еще молод, вы тоже... На грехто мастера нет.

Е в л а л и я. Довольно, довольно! Уж, пожалуйста, не придумывайте! Оставайтесь! Чего вам бояться? Ведь уж я вам сказала, что мы будем видаться только при посторонних. Чего же вам!

М у л и н. Да, если так... пожалуй, конечно.

Е в л а л и я. Так вы останетесь?

М у л и н. Извольте, останусь.

Е в л а л и я. Ну, по рукам. Вот так. Будем друзьями!

М у л и н. Друзьями, друзьями, и ничего более.

Е в л а л и я. Да, да, еще бы! Ах, пожалуйста, не думайте дурно обо мне, Артемий Васильич! Я хорошая женщина.

М у л и н. Помилуйте, смею ли я сомневаться. До свидания, Евлалия Андревна! Мне пора за дело приниматься.

Е в л а л и я. До свидания, милый Артемий Васильич!

М у л и н. Разве милый?

Е в л а л и я. Милый, милый! *(Бросается к Мулину.)*

М у л и н. Что вы, что вы!

Е в л а л и я *(берет его за руки и смотрит в глаза)*. Поцелуйте мою руку!

М у л и н. Извольте, с удовольствием. *(Целует руку Евлалии.)*

Е в л а л и я *(горячо целует Мулина; сквозь слезы)*. Ведь вы моя первая и единственная страсть! *(Плача машет рукой.)* Уходите!

М у л и н. Прощайте! *(Уходит.)*

Е в л а л и я. Пять лет я мечтала, пять лет дожидалась свидания с ним... Он боится себя... Он меня еще любит. Как я счастлива! *(Почти рыдая.)* Как я счастлива! Мечта моей жизни сбывается. О, я еще увижу радости! Единственная моя радость — это он; мне больше ничего не нужно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ЕВЛАЛИЯ АНДРЕВНА.
МУЛИН.
СОФЬЯ СЕРГЕВНА.
МАРФА.
МИРОН.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

М а р ф а (одна).

М а р ф а. Никак нельзя из дому отлучиться, никак нельзя. Вот ушла только на минуту, весь дом и разо-

шелся. Так ведь я не без спросу. Отпросилась у Евлалии Андревны на полчасика, пока они с Артемием Васильичем на бульваре гуляют; вот я и опять дома. А это на что похоже! Живой души в доме нет: ни горничных, ни повара, ни дворников, разбрелись кто куда; один швейцар дремлет на подъезде, старые, прошлогодние газеты читает. Вот и Мирон Липатыч, только что стал на место, а уж бегать начал из дому, диви бы молоденький. Вот что значит без хозяина: прислуга-то, как тараканы перед пожаром, и расползется вся. *(Прислушиваясь.)* Никак Евлалия Андревна подъехала? А в передней-то никого, некому и встретить. *(Уходит.)*

Входят Евлалия и Мулин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евлалия и Мулин.

Евлалия. Благодарю вас! Мне, право, совестно, я столько отнимаю у вас времени.

Мулин. Еще до ночи долго, успею поработать и в конторе, и дома.

Евлалия. А ведь я одна, Артемий Васильич... Пожалейте меня! С ума можно сойти от тоски.

Мулин. Евлалия Андревна, я не могу оставаться с вами; у нас уговор был.

Евлалия. Ах, да, я знаю... Нет, я хотела только сказать вам несколько слов.

Мулин. Говорите, я слушаю.

Евлалия *(задумывается)*. Что я хотела сказать-то вам? Да, об Софье Сергевне... Нет, нет, вот что...

Мулин. Что же именно?

Евлалия. Я так счастлива, так счастлива, когда иду с вами под руку на бульваре! Я воображаю, что вы мой, что мы связаны на всю жизнь.

Мулин. Какое у вас сильное воображение!

Евлалия. Чего желаешь, то само собой представляется; тут не надо сильного воображения. Ах, вот еще, вспомнила. Чему это засмеялась Софья Сергевна, когда встретилась с нами на бульваре? И потом все глядела на вас и улыбалась.

Мулин. Не знаю, Евлалия Андревна. Может быть, она догадалась, что вы воображаете; ведь женщины проницательны.

Е в л а л и я. Ах, нет, почем она может догадаться! Это невозможно. Как чужие мысли знать!

М у л и н. У вас лицо очень подвижно: когда вы счастливы, так у вас глаза так и сияют, точно вы хотите всем рассказать, какое счастье у вас.

Е в л а л и я. Ах, да. Вот какая я несчастная! Вы говорили, что у меня лицо сияет, когда я счастлива; да часто ли это со мной бывает? Зато сколько я плачу... Да кажется, и все бы я плакала...

М у л и н. Вам ли горевать, Евлалия Андревна? Чего вам еще недостает? Богатым людям жить можно; богатство — великое дело.

Е в л а л и я. Да, богатство, конечно, хорошо; только, знаете ли, что мне не нравится?..

М у л и н. Нет, не знаю. Что такое?

Е в л а л и я. Зачем мужчины здороваются с дамами по-мужски, протягивают руку?

М у л и н. А то как же еще прикажете?

Е в л а л и я. Прежде целовали руку у дам.

М у л и н. И теперь тоже иногда, коли коротко знакомы. Я у вас иногда целую руку.

Е в л а л и я. Нет, уж вы всегда... Это даст мне право поцеловать вас.

М у л и н *(кланяясь)*. Слушаю-с.

Е в л а л и я. Только вот что, Артемий Васильич; я замечала, что вы и у Софьи Сергевны целуете руку.

М у л и н. Да как же иначе? Ведь ее муж — мой хозяин, точно так же, как и ваш.

Е в л а л и я. Нет, нет, пожалуйста, не делайте этого никогда, никогда. Слышите вы, не целуйте руки ни у кого, кроме меня. Вон вы, на бульваре, со многими дамами и девицами кланяетесь... Нет, нет, я не хочу, чтоб вас целовал кто-нибудь, кроме меня.

М у л и н. Евлалия Андревна, да ведь это странно.

Е в л а л и я. Нет, нет, не хочу; и не говорите, и не расстраивайте меня! Да вам незачем и знакомым быть с женщинами! Зачем вам все эти женщины? Ну, я прошу вас, умоляю, оставьте все эти знакомства!

М у л и н. Да помилуйте, зачем же я вдруг брошу хороших знакомых? Какую причину я могу придумать для этого, что сказать, когда меня спросят.

Е в л а л и я. Значит, вы меня нисколько не любите и не жалеете. Ну, коли я не могу, коли я страдаю... Ну, что ж мне делать? Ведь я не могу же перенести, чтоб

вы были близки с какой-нибудь другой женщиной. Я умру... это выше сил моих.

Мулин. Евлалия Андревна, извините, мне пора.

Евлалия. Какой малости не хотите вы сделать для меня!

Мулин. Да разве это малость: не быть знакомым решительно ни с одной женщиной? Хороша малость!.. Однако я заговорился с вами, а у меня спешное дело. Его надо кончить до приезда Евдокима Егорыча; а он не нынче завтра будет здесь.

Евлалия. Что вы говорите? Так скоро? Да ведь он недавно уехал.

Мулин. Однако вот уж почти неделя.

Евлалия. А я и не заметила, мне показалось, дня два-три, не больше... я была как в раю.

Мулин. Честь имею кланяться. *(Целует руку Евлалии.)*

Евлалия. Когда ж опять? Вечером придете? Приходите!

Мулин. Не знаю; может быть, если успею.

Евлалия. Нет, непременно, непременно, я жду вас чай пить. *(В дверь залы.)* Марфа, Марфа, проводи Артемия Васильича, в передней нет никого.

Мулин уходит. Марфа за сценой: «Там Мирон Липатыч». Евлалия уходит в свои комнаты. Выходят Марфа и Мирон.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марфа и Мирон.

Марфа. Вот, Мирон Липатыч, без года неделя вы живете в здешнем доме, а уж поминутно без спросу отлучаетесь; как ни хватись, вас дома нет.

Мирон. А кому печаль обо мне, кто так уж очень соскучился?

Марфа Кому нужно тосковать об вас,— в передней никого нет, вот про что я говорю. Приходил Артемий Васильич, некому пальто снять. В этаком-то доме!.. На что это похоже!

Мирон. А зачем он приходил? Что он повадился? Он знай свою контору!

Марфа. Ну, уж это не вашего ума дело.

Мирон. За какими он делами ходит? Еще это надо разобрать, до тонкости надо это постигнуть.

Марфа. Ну, где же вам такие дела постигать, коли это много выше вашего понятия! Да и не к чему.

Мирон. А то «передняя»! Нешто я для передней нанят? Я здесь существую совсем на других правах.

Марфа *(качая головой)*. Эх, Мирон Липатыч! А еще зарок дали!

Мирон. Какой зарок?

Марфа. А насчет неаккуратности.

Мирон. Зарок! Очень нужно! Да что я, дурак, что ли? Стану я сам себя такого удовольствия лишать? Какая мне крайность! А то зарок! Связывать-то себя! Да даже и грешно. Как вы говорите: зарок давать! Да может ли человек знать, что с ним даже через час будет?

Марфа. Да что мне! Не я говорила, вы говорили.

Мирон. Я вот шаг шагнул, а за другой... Да позвольте! Вы про Езопа знаете?

Марфа. Про какого там Езопа? На что он мне?

Мирон. Но, однако, позвольте! Спрашивает его барин: «Езоп, куда ты идешь? — Не знаю, говорит.— Как же, говорит, ты не знаешь? Стало быть, ты, братец, мошенник и бродяга. Посадить, говорит, его в тюрьму.— Вот и повели Езопа в тюрьму; а он барину и говорит: — Вот моя правда и выходит,— знал ли я, что в тюрьму иду». Вот что! Должны вы это понять? Как же вы хотите, чтобы я зарок давал? С чем это сообразно?

Марфа. Ах, отстаньте, пожалуйста; не я хочу, вы сами говорили.

Мирон. Когда? Не может этого быть, потому я еще, слава богу, с ума не сошел.

Марфа. Да мне как хотите! Вы в таких летах, что сами об себе понимать можете. А только что вы сами говорили, что с Мироносицкой прикончили.

Мирон. Позвольте! Это точно. Только это совсем другой разговор. Был я тогда без места, какие были деньжонки, на Святой все прожил... ухнул. Ну, значит, и не на что было; поневоле пить перестанешь, коли денег нет. Что ж, мне воровать, что ли, прикажете?

Марфа. Да мне что за дело; хотите — воруйте, хотите — нет.

Мирон. Так еще согласен ли я воровать, вы меня спросите! Может, я не согласен. Я даже ужасно как этого

боюсь. Попутает тебя грех в малом в чем, а на всю жизнь слава, что вор.

М а р ф а. Да что мне до вас! Как хотите. Только что нельзя свое место бросать.

М и р о н. Какое свое место?

М а р ф а. Переднюю.

М и р о н. Не мое это место; мое место превозвышеннее... я свыше поставлен.

М а р ф а. Толкуйте еще!

М и р о н. А вы как думали? Велика моя служба для барина, ох, велика! Ну, не знаю, между прочим, как оценит! А очень велика.

М а р ф а. Ну, ваше счастье, коли вы на такую высокую службу поставлены.

М и р о н. Да, на высокую; а то как же ее назовете?

М а р ф а. Любопытно только знать, что это за служба такая; потому что, может, вы и хвастаете.

М и р о н. Что мне хвастать? Была оказия! Наблюдать я поставлен.

М а р ф а. Наблюдать? Над чем?

М и р о н. За вами.

М а р ф а. За мной? Ну, уж это поздравляю вас совравши!

М и р о н. Не за вами собственно; кому до вас нужда, хоть бы вы там...

М а р ф а. Оставьте ваши глупости, прошу вас! Я их слушать не в расположении.

М и р о н. Кому интересно за вами наблюдать? Смешно даже. А тут повыше... На это мне приказ есть строгий. Вот вы и знайте! И разговаривать теперь мне с вами больше уж не о чем. *(Уходит в залу.)*

М а р ф а. Скажите пожалуйста, какой наблюдатель нашелся!

Входит Е в л а л и я.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Е в л а л и я и М а р ф а.

Е в л а л и я. С кем ты тут разговаривала?

М а р ф а. С Мироном Липатычем.

Е в л а л и я. А я думала, кто приехал. Тоска ужасная. *(Садится.)*

М а р ф а. Липатыч-то немного не в своем разуме, вот и рассыпает свои разговоры.

Е в л а л и я. А разве он пьет?

М а р ф а. Да-таки частенько; он и прежде жил у Евдокима Егорыча, так за это же за самое его сослали.

Е в л а л и я. Зачем же его опять взяли?

М а р ф а. Не знаю, не наше дело. Коли ему поверить, так он очень важный человек в доме.

Е в л а л и я. Какой важный? Что это значит?

М а р ф а. Да так, я думаю, городит он зря. Поверить-то мудрено, чтобы Евдоким Егорыч такое доверие сделал пьяному человеку.

Е в л а л и я. Евдоким Егорыч знает, какое кому доверие сделать. Это до тебя не касается; об его распоряжениях судить ты не должна.

М а р ф а. Кабы не касалось, я бы и не говорила. В том-то и дело, что касается и меня, и вас, да и обидно очень.

Е в л а л и я. Что за вздор такой! Не может быть!

М а р ф а. Бывать-то оно бывает, только что, конечно...

Е в л а л и я. Да что такое?

М а р ф а. Изволите ли видеть, Липатыч величается, что будто Евдоким Егорыч поручил ему наблюдение...

Е в л а л и я. Какое наблюдение?

М а р ф а. А над вами, Евлалия Андревна: кто в доме бывает? Как вы кого принимаете? Ну, и все такое.

Е в л а л и я. Нет, я не верю: это что-то уж глупо очень.

М а р ф а. Нет, оно не вовсе глупо. Бывают жены, которых точно что без присмотру оставить нельзя никак. Ну, а другой женщине, которая себя чувствует не в том направлении, даже и обидно.

Е в л а л и я *(встает)*. Да не только что обидно, это оскорбительно, невыносимо, это жить нельзя. И если это правда...

М а р ф а. Да позвольте, надо дело разобрать толком. Может, Евдоким Егорыч так что-нибудь сказали, к слову; а Липатыч принял за серьезное, да и возмечтал.

Е в л а л и я. Да неужели Евдоким Егорыч способен на такую низость?

М а р ф а. Ведь и мужей, вот хоть бы Евдокима Егорыча взять, тоже надо судить по человечеству. Другой жену так любит, так любит, до страсти, ну и наставит сторожей на каждом шагу. Ведь они так думают, что это, мол, от любви от сильной, значит, жене обижаться нечего. Ну, пускай бы уж сторожей ставили, да только путных; а то пьяному человеку такое доверие делать, на что ж это похоже! У другой и в помыш-

лении-то нет ничего дурного, а пьяный лакей славит везде, что он надзирателем поставлен над барыней.

Е в л а л и я *(хватаясь за голову)*. Ужасно, ужасно!

М а р ф а. Да вы не извольте беспокоиться; этому Мирону у нас не жить, уж я устрою. Вот только Евдоким Егорыч приедет, уж я подведу штуку. Что вам себя расстроивать, из чего? Диви бы кто путный говорил, а то Мирон; ему верить-то один раз в год можно. Какой он слуга! Вы изволили уехать, а он, не спросясь, ушел, оставил дом пустой. Я уходила, так я спросилась.

Е в л а л и я *(садится)*. Да, ты спросилась. *(Задумчиво.)* Куда ты ходила?

М а р ф а. В разных местах, матушка, была. К племяннику заходила в аптеку, он там в мальчиках помаленьку обучается.

Е в л а л и я *(задумчиво)*. Да... в аптеку... что ж там?

М а р ф а. Да что, еще к чему важному его не приставляют покуда; при пластырях да при девичей коже находится. Заходила навестить его, кстати уж отравы попросить

Е в л а л и я. Какой отравы?

М а р ф а. Для всякого гаду; в кладовой развелись. А я же боюсь их до страсти. Вчера на мыша наступила, так час без чувств в забвении лежала. Вот и дали мне такого яду.

Е в л а л и я. Яду?

М а р ф а. Да-с, чем волков травят. Шарики такие из хлеба скатаны. Они сказывали, да названье-то такое мудреное. Вот он у меня. *(Показывает пузырек.)*

Е в л а л и я. Ах, нет, дай сюда, дай! Я боюсь, ты как-нибудь, по неосторожности, нас отравишь. Я уберу подальше. Когда тебе нужно, спроси! При мне и сделаешь шарики.

М а р ф а *(отдает пузырек)*. Хорошо-с. Потом у племянницы была; она в горничных живет в хорошем доме, у немцев у богатых; чайку у ней попила. Новость я там слышала. Вам, Евлалия Андревна, скоро лишний расход будет.

Е в л а л и я. Как расход?

М а р ф а. Придется платье богатое шить либо два.

Е в л а л и я. Зачем? У меня много.

М а р ф а. Сколько б ни было, а все надо новые шить, уж никак не миновать; на свадьбе пировать придется.

Евлалия. На какой свадьбе?

Марфа. Уж не знаю, говорить ли; может, это дело в секрете содержится. Да оно, конечно, какой уж секрет, коли в другом доме прислуга знает. Где племянница-то моя живет, так рядом с ними дом купца Барабошкина; у них барышня есть, не больно чтобы красива: рябовата немножко и косит малость — все как будто назад оглядывается,— ну, и конфузлива.

Евлалия. Так что же?

Марфа. Коли вдруг покраснеет при посторонних, так уж никакими способами заставить ее разговаривать невозможно. Лучше отстать, а то хуже: вовсе заплачет. Но только денег за ней дают очень много, даже если считать, так, кажется, ни в жизнь не сочтешь. Так вот и говорят, что наш Артемий Васильич сватается. Ну, а коли сватается, так и женится — чего ж еще им? Жених во всей форме.

Евлалия *(в испуге)*. Кто, ты говоришь, сватается?

Марфа. Артемий Васильич.

Евлалия. Не может быть, не может быть; я бы знала.

Марфа. Уж так точно, будьте спокойны. Вот жаль только, к Барабошкиным-то я не зашла, у меня там тоже кума есть, узнала бы все до ниточки.

Евлалия *(потерявшись)*. Ну, так что же ты!.. Как же это, ну, как же не зайти!

Марфа. Да не посмела, домой торопилась.

Евлалия. Да нет... как не зайти!.. Да, господи боже мой! Что же это, право! Ведь надо, надо узнать.

Марфа. Так далеко ли тут; я ведь и сбегаю, коли прикажете.

Евлалия *(со слезами)*. Да ты пойми... как же это? Ведь он мне ничего не говорил... ведь надо же мне узнать-то?

Марфа. Да сейчас... Что ж такое!

Евлалия. Ведь он мне ни слова, решительно-таки ни слова... Отчего ж он не говорил? *(Плачет.)* Все бы уж лучше сказать, а то как же так, потихоньку-то? Ну, зачем, зачем он это?

Марфа. Да что вы, матушка, что вы? Вот мы сейчас разберем.

Евлалия. Ведь не шутки, в самом деле... Он обманывал меня, утешал, как ребенка; он за шутку, что ли, считал?.. Шутить над сердцем! *(Плачет.)*

М а р ф а. Да успокойтесь, матушка Евлалия Андревна!

Е в л а л и я. Ах, оставь меня!

М а р ф а. Так я побегу. (*Смотрит на Евлалию.*)

Е в л а л и я. Что ты смотришь? Это я так... это со мной вдруг... (*Улыбаясь.*) Вот я какая! А ты все-таки сходи!

М а р ф а. Я мигом. Не за горами, тут близко.

Е в л а л и я. Да поскорей, пожалуйста, поскорей!

М а р ф а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Е в л а л и я, потом М и р о н.

Е в л а л и я. Что же он думает обо мне, за кого меня принимает? При его уме, при его благородстве такой проступок необъясним... Он не легкомыслен, его деньги привлекать не могут; такие люди на богатство не прельщаются. Я его знаю, понимаю... он должен презирать богатство... Значит, он меня не любит? Тогда зачем жить?.. Мечта моя исчезает, и что ж остается? Муж... человек мелочной, без души... родные, знакомые, все это эгоисты, холодные... Что за жизнь, что это за жизнь!.. Нет, без него весь мир пустеет для меня. Был один человек в этом скучном мире, человек с возвышенным умом... с нежными, благородными чувствами... честный, бескорыстный... моя душа поняла его, оценила... и его нет. Если спросить меня, зачем я живу... я не найду ответа... Цели в жизни нет... жила для него... его нет... Да, у меня ничего нет, ничего нет, все оборвалось... (*Плачет.*) Вот придет, что-то скажет?.. Что скажет?.. Еще какой-то луч надежды блестит. (*Сидит задумавшись.*)

Входит М и р о н.

М и р о н. Софья Сергевна-с!

Е в л а л и я. А?

М и р о н. Софья Сергевна приехали-с. (*Уходит.*)

Входит С о ф ь я С е р г е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Е в л а л и я и С о ф ь я.

С о ф ь я. Что вы это? Что с вами? Вас узнать нельзя.

Е в л а л и я. Нездоровится что-то.

С о ф ь я. Не верю. Вы расстроены, огорчены чем-то.

Знаете ли, когда человек очень огорчен, не надо сдерживать себя, надо или плакать, или браниться, или поскорей поделиться с кем-нибудь своим горем. А то начнешь думать, думать, и представится тебе, что больше твоего горя и на свете нет, что и жить-то тебе незачем. Здраво-то обсудить своего положения мы не можем, душа-то угнетена, и нанизываешь разные ужасы да несчастия, как на нитку. Нет, это вредно, это даже опасно. У вас я большого горя не подозреваю...

Евлалия. Нет, у меня очень большое горе.

Софья. Не верю; это вам только так кажется; но все-таки помочь вам надо. Я не любопытна и сама не откровенна, вообще откровенностей не люблю; но вас попрошу рассказать мне ваше горе, хоть намеком. Вы еще так неопытны.

Евлалия. Благодарю вас за участие. Вот мое горе: я люблю одного человека, очень давно люблю, да я больше никого и не любила в жизни... Мне казалось, что и он меня любит — и я его теряю.

Софья. Он уезжает далеко? Вам грозит разлука?

Евлалия. Нет.

Софья *(с участием)*. Он болен, умирает?

Евлалия. Нет. *(Со слезами.)* Он женится.

Софья. Он сам вам это сказал?

Евлалия. Ах, нет, потихоньку, обманом.

Софья. И вы, конечно, додумались, что уж вам теперь жить нельзя?

Евлалия. Цели в жизни нет, так зачем же?

Софья. Со мной очень недавно был точно такой же случай: я любила человека и верила ему; а он вздумал потихоньку от меня посвататься. Да вот видите, я жива и даже весела.

Евлалия. Я жила только этой любовью, для меня другого интереса в жизни нет.

Софья. Да, я понимаю, у вас горе большое; а все-таки помочь ему можно.

Евлалия. Нет, оставьте меня с моим горем, помочь ему средств нет.

Софья. Напрасно; я знаю два. Каким из них я сама воспользовалась, я вам не скажу; а вышло хорошо. Вот первое: написать под разные женские руки несколько слезных писем с жалобами на обольстителя, а иные с угрозами, да и послать родителям невесты.

Евлалия. Что вы, что вы! Можно ли решиться? Это так дурно, нечестно.

Софья. Нет, ничего, средство хорошее, особенно если человек женится по расчету, без любви, то есть меняет вас и вашу любовь на деньги. Такого жалеть нечего. Если ж действительно он полюбил девушку и она его, ну, тогда нужно другое средство.

Евлалия. Какое?

Софья. Постараться забыть его и поскорей найти другого.

Евлалия. Найти другого? Да разве их много таких, кого любить можно? Может быть, только один и был, который стоит моей любви, который имеет все достоинства.

Софья. То-то и беда, что все эти достоинства только в вашем воображении. Полюбите вы самого обыкновенного, дюжинного человека, вообразите себе его героем, да и ждете от него разных подвигов: бескорыстной преданности, самоотвержения...

Евлалия. О нет, я люблю недюжинного человека.

Софья. Трудно верить.

Евлалия. Таких людей немного, это исключение... в нем всё... мне кажется даже, что он поэт.

Софья. Мне жаль вас. Как бы мне хотелось поскорей разочаровать вас насчет этого поэта. Кто он такой, я не знаю; но я уверена, что все его достоинства сочинены вами.

Евлалия. Почему же вы так думаете?

Софья. Вас до двадцати пяти лет держали взаперти, в полном неведении, вас изуродовали глупым воспитанием. Знания людей и жизни у вас нет никакого, душа впечатлительная, жажда любви сильная; ну, понятное дело, как только вас выпустили на волю, первый встречный мужчина и должен вам показаться идеальным существом.

Евлалия. Что же, я не должна, по вашему, ни чувствовать, ни любить?

Софья. Кто вам говорит! Чувствуйте, любите, только умейте разбирать людей и пользоваться жизнию. Вы очень богаты, муж ваш человек очень добрый, ни в чем вам не отказывает; чего вам еще? Вам бы только жить да радоваться. Не налагайте на себя новых цепей, мы и так скованы. Выбирайте в жизни только легкое и веселое, а неприятностей-то нам и

от мужей довольно. Старайтесь больше знать, тогда будете меньше воображать.

Евлалия. Да что же я воображаю?

Софья. Все; и все, разумеется, навыворот.

Евлалия. Например?

Софья. Извольте. Вам случалось когда-нибудь долго ждать вашего поэта? То есть он обещал прийти, да нейдет.

Евлалия *(с тоской)*. Ах, да, случалось.

Софья. Что же вы думали в это время?

Евлалия. Что он очень занят, что он спешит, торопится...

Софья. Лететь на крыльях любви? Вот это воображение; а в действительности ничего этого нет.

Евлалия. А что же есть?

Софья. Сидит он с приятелями, играет в карты, в винт, по двадцатой доле копейки, и думает: «Вот наказанье-то божеское: надо идти нежничать».

Евлалия *(смеется)*. Ах, нет. Что вы... в карты! Нет, не может быть!

Софья. Ну, вот, я вас хоть успокоить не успокоила, а все-таки развлекла, развеселила немного. Прощайте!

Евлалия. Благодарю вас.

Софья. Пожалуйста, не задумывайтесь, не отдавайтесь горю, делитесь им со мной! Мы обе несчастные женщины, обе изуродованы рабством; вы — в детстве, а я — в замужестве; мы обе невольницы; так будем друзьями! Я к вам завтра заеду, мы еще потолкуем. *(Уходит в залу. Евлалия за ней.)*

Евлалия возвращается с Марфой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евлалия и Марфа.

Евлалия *(хватаясь за грудь)*. Ну, что? Говори скорей!

Марфа. Да ничего; не извольте беспокоиться.

Евлалия *(весело)*. Значит, вздор; сватовства никакого не было?

Марфа. Нет, сватовство-то было...

Евлалия. А!.. было... *(Садится в задумчивости.)*

Марфа. Да ничего не вышло.

Е в л а л и я. Отказали?

М а р ф а. Отказали. Законфузилась невеста, что очень полирован, или что там другое, уж не знаю... Другой жених есть, побогаче и попроще.

Молчание.

Е в л а л и я *(задумчиво, с расстановкой)*. Артемий Васильич хотел прийти к нам чай пить.

М а р ф а. Ну, что ж, пущай.

Е в л а л и я. Ты не знаешь, он дома?

М а р ф а. Дома, дома. Сейчас видела в окно, сидит...

Е в л а л и я. Занимается?

М а р ф а. Нет, в карты играют с приятелями.

Е в л а л и я. В карты?.. *(Встает и ходит по комнате.)* А как ты полагаешь, Софья Сергевна умная женщина?

М а р ф а. Чего еще? Тонкая дама... насквозь все видит: только взглянет на тебя, так, кажется, всю твою душу и знает.

Е в л а л и я. Послушай, сходи, пожалуйста, к Артемию Васильичу, скажи ему, что я жду его чай пить, чтоб он шел сейчас.

М а р ф а. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Е в л а л и я. Если он ответит, что ему некогда, что он занят делом, я сама пойду к нему и застану его за картами. Как ему будет стыдно!.. О, если б он поскорей пришел! Я боюсь, что у меня пройдет все негодование, весь гнев. *(Молчание.)* Нет, я прощу ему, прощу все, только бы он не покидал меня. Разумеется, я ему выскажу, как он огорчил меня своим сватовством; но выскажу не с упреком, а с кроткой жалобой, со слезами. Он устыдится своего поведения, он будет раскаиваться. У него душа прекрасная... он еще легкомыслен немного, увлекается... но он оценит мою любовь и уж более изменять мне не будет.

Входит М а р ф а.

М а р ф а. Сейчас идут.

Е в л а л и я. Хорошо, ступай! Скажи Мирону, чтоб никого не принимал.

М а р ф а. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Входит М у л и н.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евлалия и Мулин.

Мулин *(с недовольным видом)*. Вы за мной посылали?

Евлалия. Да, посылала. Вы, вероятно, забыли?

Мулин. Нет, я ничего не забываю. Что вам угодно?

Евлалия. Вы обещали со мной чай пить.

Мулин. Я это очень хорошо помню. Теперь еще рано; через час, через полтора я буду к вашим услугам.

Евлалия. А теперь разве вам некогда, у вас есть дело? Что вы делаете?

Мулин. Что бы я ни делал, это все равно; я не свободен. Через полтора часа я буду иметь честь явиться к вам.

Евлалия. Но мне нужно говорить с вами, у меня очень важное дело; я не могу ждать.

Мулин. Важное ли, Евлалия Андревна?

Евлалия. Очень важное и серьезное.

Мулин. Сомневаться не смею. Извольте, я слушаю.

Евлалия. Ах, я просто не знаю, как начать...

Мулин. Начинайте с начала.

Евлалия. Это невыносимо! *(Подносит платок к глазам.)*

Мулин. Слезы! Ну, по такому началу ничего хорошего ожидать нельзя.

Евлалия. Вы... вы виноваты передо мной, непростительно виноваты, и вы имеете еще дерзость так разговаривать со мной! Что мне думать о вас?

Мулин. Я виноват перед вами? Не ожидал.

Евлалия. Вы хотели жениться...

Мулин. Да, вот что! Но ведь я не давал обета безбрачия, сколько мне помнится.

Евлалия. И не сказали мне ни слова.

Мулин. Я не знаю, Евлалия Андревна, обязан ли я отдавать вам отчет в своих поступках.

Евлалия. Как вы дурно понимаете ваши обязанности. Вы знаете, что я вас люблю, что я только и живу этой любовью, и вы осуждаете меня на разлуку и не потрудились даже приготовить меня к ней, предупредить меня.

Мулин. Да ведь я не женился.

Евлалия. Не женились, потому что вам отказали. Довольно и того, что вы сватались.

М у л и н. Послушайте, ведь я не мальчик, не под влиянием минутного увлечения, не очертя голову я хотел жениться; я должен думать о своей будущности, мне нужно составить себе положение.

Е в л а л и я *(не слушая)*. Свататься потихоньку, украдкой от женщины, нежно любящей! Ведь вы знаете меня: я — женщина несчастная, я очень ревнива. Для меня больно, когда вы даже разговариваете с какой-нибудь женщиной; я просила вас бросить все женские знакомства; я приказывала вам не целовать руки ни у кого, кроме меня.

М у л и н. Приказывали! Но, Евлалия Андревна, ведь надо, чтобы я согласился исполнять ваши приказания.

Е в л а л и я. Это выше сил моих! Нет! Вы будете исполнять мои приказания! Я буду следить за вами, не спущу с глаз. Если вы вздумаете свататься или ухаживать за какой-нибудь женщиной, я тогда не пожалею ни вас, ни себя; я не побоюсь никакого скандала: я открыто объявлю и мужу, и всем, что вы меня завлекали.

М у л и н. Что вы, что вы!

Е в л а л и я *(не слушая)*. Что я вышла замуж для вас, что между нами было условлено.

М у л и н *(с испугом)*. Евлалия Андревна, успокойтесь!

Е в л а л и я. Вам этого мало? Я лишу себя жизни. Вот видите! *(Вынимает из кармана пузырек.)*

М у л и н *(прочитав надпись)*. Nux vomica, это целибуха, стрихнин, этим не шутят.

Е в л а л и я. Да я и не шучу. Если бы ваше сватовство удалось, меня бы не было на свете. Все мечты, все надежды разбиты; разве можно жить после этого, разве можно?

М у л и н. Евлалия Андревна, я ведь не знал... я думал...

Е в л а л и я. Что же вы думали? Ах, не говорите, не огорчайте меня еще! Я и так глубоко, глубоко несчастная женщина. *(Плачет.)*

М у л и н. Евлалия Андревна, успокойтесь, успокойтесь! Я виноват действительно, я сознаюсь.

Е в л а л и я. Очень, очень виноваты.

М у л и н. Я сознаюсь, сознаюсь. Ну, простите меня! Этого вперед не будет, поверьте. Простите меня.

Евлалия. Я прощу вас, конечно... Что ж мне делать! Только не покидайте меня так безбожно.

Мулин. Нет, нет, уверяю вас. Успокойтесь, вы так взволнованы!

Евлалия. Погодите... постойте! Дайте мне собраться с мыслями!

Мулин. Я теперь вижу, какое беспокойство и огорчение я вам доставил, и прошу вас извинить меня. Моя прямая обязанность была беречь вас и покоить, удалять от вас всякие неприятности и огорчения...

Евлалия (*не слушая*). Я не дурная женщина, Артемий Васильич. Вы не судите меня по моим вспышкам. Я иногда сама себя не узнаю, иногда сама пугаюсь своих слов.

Мулин. Ну, простите меня, и кончено дело.

Евлалия. Я вас прощаю.

Мулин. Заключим вечный мир!

Евлалия. Да, вечный, вечный.

Мулин. И чтоб уж больше не вспоминать никогда об этом.

Евлалия. Никогда.

Мулин. Ну вот, по рукам. *(Целует руку Евлалии.)* Прекрасно. Через час или через полтора я приду к вам чай пить и останусь у вас, сколько вам угодно.

Евлалия. Так смотрите же, я буду ждать вас! Через час?

Мулин. Через полтора.

Евлалия. Постойте! *(Кладет руку на плечо Мулина и долго смотрит на него.)* Вы поэт?

Мулин. Не замечал этого за собой.

Евлалия. Вы скрываете. Принесите мне как-нибудь ваши стихи, мы будем читать вместе. Так через час?

Мулин. Через полтора. До свидания, до скорого и приятного свидания! *(Целует руку Евлалии и идет в залу.)*

Евлалия (*у дверей*). Так через час?

Мулин (*из залы*). Вернее, что через полтора.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

СТЫРОВ.
ЕВЛАЛИЯ АНДРЕВНА.
МУЛИН.
МАРФА.
МИРОН.

Кабинет Стырова; в глубине дверь в гостиную, направо во внутренние комнаты; богатая кабинетная мебель в беспорядке; камин, на нем часы и проч., большой письменный стол, на нем ящик с сигарами, золотой портсигар, разные вещи и бумаги; всё в беспорядке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мирон (один, стоит посредине комнаты).

Мирон. Трещит моя головушка, врозь разваливается! *(Смотрит в каминное зеркало.)* Ого, физиономия-то! Эка, а! Ах, шут-те! Точно из аду на время выпущен. Отделал я себя за неделю-то! Что говорил, что творил, ничего не помню. Барин-то приехал, посмотрел на меня, только головой покачал. Как ее теперь поправишь? *(Смотрит в зеркало.)* Вона, глаза-то! Как у разбойника; точно в семи душах повинился. Разве вот что?.. Постой! *(Достает платок из кармана.)* Я щеку завяжу, будто зубы болят. *(Завязывает щеку.)* Вот так. *(Смотрит в зеркало.)* Ну вот, теперь не в пример лучше. Больной человек, больше ничего сказать нельзя. Теперь кто ни взгляни, особенно если он человек с душой, так пожалеть должен, а не то чтобы... *(Смотрит по сторонам.)* За что взяться-то, не знаю, руки-то точно не свои. В кабинете-то с самого баринова отъезду не убирал ни разу. Пыли-то, пыли-то! Уж не трогать *(махнув рукой)*, а то хуже. После уберу.

Входит Марфа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мирон и Марфа.

Марфа. Мирон Липатыч, где Евдоким Егорыч? Евлалия Андревна прислали узнать.

Мирон. В контору пошел.

Марфа. Что это вы, как подвязались?
Мирон. Зубами маюсь.
Марфа. Ну, да ведь оно даром-то не проходит; надо ж чему-нибудь быть. Жаловаться не на кого. Ведь оно, вино-то, разно уродует человека: у кого зубы, у кого что; а кого и вовсе перекосит. Как Евдоким Егорыч рано приехали!
Мирон. В семь часов, я только успел глаза продрать.
Марфа. Уж вы больно долго нежитесь. Нет, уж я чай пила, как Евдоким Егорыч приехал. Сейчас свежего чаю заварила хорошего, в одну минуту и подала ему. Оно и хорошо; с дороги-то приятно, и спрашивать да дожидаться не заставила; значит, аккуратность, как будто его ждали!
Мирон. Что ж аккуратность! И у меня, кажется, все в порядке.
Марфа. Уж какой порядок! Черт ногу переломит. Вы посмотрите, что в кабинете-то! У хорошего кучера в конюшне чище.
Мирон. Вы сами не знаете, что говорите. Нешто вы можете понимать, что такое кабинет!
Марфа. Жаль, не знала я, что здесь такой беспорядок, я бы убрала на досуге за вас.
Мирон. Ну да, как же! Так бы я вас и пустил в кабинет! Сюда без Евдокима Егорыча, окромя меня, никому ходу нет; потому за каждую малость я отвечаю. Он не любит, чтобы в кабинете какую вещь трогали; у него что где лежало, чтобы там и было. Как же я тут стану убирать? А ну, сдвинешь, переложишь али пошевелишь что! Ан за это неприятность бывает нашему брату. Нет *(грозит пальцем)*, тут чтобы ни синя пороха!.. А вот Евдоким Егорыч посмотрит, увидит, что все на своем месте, ну, тогда я и уберу. А то беспорядок! Да в кабинете так и должно! Вы этого понимать не можете.
Марфа. Ну, а в передней? Щетки сапожные у вас по полу раскиданы, сапоги на окне, вакса на столике перед зеркалом, вместе с гребенками и головными щетками. Это тоже так нужно?
Мирон. Ну, а в передней я уберу, это минутное дело. Есть об чем разговаривать! Вот нашли материю! *(Уходит.)*
Марфа. «Никого не пущу в кабинет». Ишь ты, строгий какой! Всю неделю ничего не делал, палец об

палец не ударил, одним только безобразием занимался, да еще важничает. «Я не за тем в доме, чтобы комнаты убирать, я над вами надзирателем поставлен». Лежа на боку, ябедничеством выслужиться хочет. «Чтобы все на своем месте было». Погоди ж ты! *(Переставляет разные вещи с места на место. Берет со стола золотой портсигар.)* Куда б его спрятать подальше, чтобы не скоро нашли? Погоди! Я его положу в шахматный столик в гостиной, благо он не заперт; а ключик суну куда-нибудь на стол в бумаги. Вот и пусть Евдоким Егорыч посмотрит, все ли на своем месте у исправного слуги. *(Прислушивается.)* Да никак Евдоким Егорыч там с Евлалией Андревной разговаривает? Словно его голос-то! Побегу поскорей! *(Уходит в гостиную.)*

Справа входит Стыров и садится к столу. Марфа возвращается, не замечая Стырова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стыров и Марфа.

Стыров. Что ты, Марфа?

Марфа. Ах, Евдоким Егорыч, я вас и не видала... Да вот ключик какой-то на полу подняла.

Стыров. Покажи!

Марфа. Извольте! *(Подает ключ.)*

Стыров. Это от шахматного столика. *(Кладет ключ в карман.)* Что за беспорядок у меня! Этого никогда не бывало. Что же Мирон-то делал?

Марфа. Убрали бы и без него, да он не пущал никого; без вас чтобы никто в кабинет не ходил. Один тут распоряжался.

Стыров. Не начал ли он опять?

Марфа. Греха таить нечего; без вас он осторожности над собой не наблюдал!

Стыров. Ну, как же вы тут жили без меня?

Марфа. Да как жили? День да ночь — сутки прочь. Скучали без вас, Евдоким Егорыч!

Стыров. Отчего Евлалия Андревна как будто расстроена немножко?

Марфа. Да все от того же, от скуки.

Стыров. Чай, навещали Евлалию Андревну? Без меня кто бывал у вас?

Марфа. Софья Сергевна раза два-три заезжали да

Артемий Васильич забегал кой-когда, больше никого не было.

С т ы р о в. А сама-то она выезжала?

М а р ф а. Разве погулять когда, а то все дома. Вот вчера самовар до одиннадцати часов ночи на столе стоял: все поджидали, не подойдет ли кто; так никого не было, весь вечер одне сидели.

С т ы р о в. Да, скучно ей; я понимаю, что скучно. Ну, вот теперь я приехал, так будем жить повеселее. Что я своего портсигара не вижу? Он всегда на одном месте лежит, вот здесь!

М а р ф а. Не знаю, Евдоким Егорыч, ничего я здесь не знаю; надо у Мирона Липатыча спросить.

С т ы р о в. Пошли его сюда!

М а р ф а *(в дверях в гостиную)*. Мирон Липатыч! Вас Евдоким Егорыч требуют. *(Уходит.)*

Входит М и р о н.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С т ы р о в и М и р о н.

С т ы р о в. Что ты щеку-то завязал, зубы, что ль, болят?

М и р о н. У-у-у! *(Мычит.)* Страсть!

С т ы р о в. Что-то пыли много в кабинете, я замечаю.

М и р о н. Как же ей не быть, коли я тут ни до чего не касался. Ни-ни! Неравно, что стронешь; а этого господа не любят. Где что есть, чтобы там и было. Я даже никого близко к кабинету не подпущал. Вот теперь вы изволите видеть: все на своем месте, вот я и приберу.

С т ы р о в *(открыв сигарный ящик)*. Ты и сам ничего не трогал, и других не пускал?

М и р о н. И... ни синя пороха!

С т ы р о в. Благодарю. А где же сигары? Их было больше пол-ящика; а теперь что? *(Показывает ящик.)* Посмотри!

М и р о н. Сигары. Это я виноват-с; уж очень зубы одолели, хоть на стену лезь,— так парочку взял. А что касается другого прочего, так уж я тут за всем блюл. Никого не подпускал, потому я один должен отвечать, с меня спросят.

С т ы р о в. Да, с тебя. Ну, сигары ты выкурил?

М и р о н. Это — виноват-с.

С т ы р о в. А портсигар где?

М и р о н. Какой же это портсигар-с?
С т ы р о в. Мой портсигар, золотой.
М и р о н. Золотой. Знаю-с, как же мне не знать!
С т ы р о в. Где же он?
М и р о н. Портсигар... надо быть, здесь-с.
С т ы р о в. Я знаю, что ему надо быть здесь; только нет его.
М и р о н. Нет? Где ж ему быть? Оказия!
С т ы р о в. Он лежит всегда на одном и том же месте.
М и р о н. Да знаю, как не знать-с! Вот здесь ему лежать следствует.
С т ы р о в. Да, здесь следствует. А здесь ли он?
М и р о н. Никак нет-с.
С т ы р о в. Ну, так вот ищи!
М и р о н. В столе изволили смотреть?
С т ы р о в. Изволил.
М и р о н. Как же это так? Я, кажется, не брал.
С т ы р о в. Плохо дело, коли тебе только кажется.
М и р о н. Вором я еще не бывал. Есть за мной слабость, это точно, а этого качества нет.
С т ы р о в. Да я тебя вором и не называю; только портсигара нет.
М и р о н. Это я разыщу, я так не могу оставить. Я, коли что, так и к ворожее пойду. Она скажет.
С т ы р о в. Ведь ты говоришь, что никто сюда не ходил, что ты один тут был; так об чем же тут ворожить?
М и р о н. Все-таки лучше. Нет, к бабушке надо сходить, уж по крайности дело верное. На кого укажет, тот и виноват: может, и на меня укажет, ну, тогда, значит, я — вор. Коли я не воровал, так мне ворожбы бояться нечего!
С т ы р о в. Нет, уж лучше без ворожбы! Ступай ты от меня сегодня же. Не за воровство я тебя сгоняю — может быть, ты и не виноват,— а за то, что у тебя зубы болят. Мне здоровых слуг нужно. Жалованье за неделю в конторе получишь. Прощай! *(Уходит в дверь направо.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М и р о н (один).

М и р о н. Ох! Догулялся! Вот так раз! Все и похмелье соскочило. Однако я влетел! Как мне теперь самого себя понимать, уж не знаю. Кажется, не брал. Эка

память! Ежели мне так на себя думать, что я его украл да продал,— так где же деньги? Тогда, значит, я бы богат был; а я нынче все утро по всем своим карманам шарю — нигде пятачка не найду, самого-то нужного пятачка. Не взял ли я его похвастать, что вот, мол, какие у нас вещи, да, может, вытащили из кармана? Хошь зарежь, ничего не помню. А только я знаю, что не может этого быть, никогда я господских вещей не брал. Разве по ненависти кто подшутил? Вот это похоже на дело. Пуще всего теперь к ворожее надо. Не скажет ничего — ну, конец, повешусь,— больше мне себя определить некуда. А укажет человека, так я его, кажется... ух! что сделаю. Зубами съем. *(Хватаясь за голову.)* Тут что еще мотается? Ах, да, платок. Нет, уж теперь этот маскарад надо отменить. *(Развязывает платок.)* Надо приняться за розыск, вором остаться не желательно. *(Уходит в залу.)*

Справа выходят С т ы р о в *и* Е в л а л и я, *которая останавливается в дверях. Из залы входит* М у л и н.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

С т ы р о в, Е в л а л и я *и* М у л и н.

С т ы р о в *(Евлалии)*. Я сделаю несколько визитов, заеду к Кобловым. Не нужно ли сказать чего от тебя Софье Сергевне?

Е в л а л и я. Пригласи ее к нам сегодня.

С т ы р о в. Да, да! Я и еще кого-нибудь позову. *(Мулину.)* И вы приходите! Поиграем в карты, поужинаем. Вот и прекрасно.

Е в л а л и я *уходит.*

М у л и н. Благодарю вас. Я приду, я нынче вечером свободен. Вот я принес записку, которую вы мне давали.

С т ы р о в. Положите на стол. Вот еще есть дело. *(Вынимает из кармана бумагу и подает Мулину.)* Посмотрите повнимательнее эту бумагу и сделайте на полях свои заметки.

М у л и н. Я ее возьму с собой, а вечером вам доставлю.

С т ы р о в. Нет, я прошу вас, займитесь здесь.

М у л и н. Евдоким Егорыч, неужели вы мне не доверяете?

С т ы р о в. Я вам вполне доверяю, но такого рода бумаги

не должны выходить из моего кабинета. Да и дела-то тут всего на четверть часа; не стоит ходить взад и вперед. До свиданья! *(Подает руку Мулину и уходит.)*

Мулин садится к столу и боязливо взглядывает на дверь, в которую ушла Евлалия. Входит Е в л а л и я.

М у л и н. Вот положение! *(Как бы не замечая Евлалии, углубляется в чтение.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М у л и н, Е в л а л и я, потом М а р ф а.

Е в л а л и я *(садится у стола сбоку)*. Вы меня обманули.

М у л и н. Евлалия Андревна, у меня очень серьезное дело; позвольте мне его кончить прежде. *(Пишет что-то карандашом.)*

Е в л а л и я. Я вас ждала до одиннадцати часов.

М у л и н *(читая про себя)*. Что вы изволите говорить?

Е в л а л и я. Я измучилась; два раза посылала к вам. Сказали, что вас дома нет.

М у л и н. Да, помилуйте, телеграмма... *(Читает.)* Надо было на телеграф ехать. *(Пишет.)*

Е в л а л и я. Занимайтесь, я вам не мешаю... Я только хотела у вас спросить...

М у л и н. Что вам угодно?

Е в л а л и я. Вы, вероятно, любите какую-нибудь девушку или женщину...

М у л и н *(со вздохом)*. Ах, Евлалия Андревна... *(Читает про себя.)*

Е в л а л и я. Нет, ведь я серьезно.

М у л и н *(не поднимая головы)*. Никого я не люблю.

Е в л а л и я. И меня?

М у л и н. Вам хочется слышать признание от меня?

Е в л а л и я. Да. Потому что, если вы меня не любите, значит, вы любите другую женщину... Без любви жить нельзя.

М у л и н. Можно.

Е в л а л и я. Не шутите со мной! *(Слезы.)*

М у л и н. Я не понимаю, Евлалия Андревна, из чего вы себя расстраиваете! Между нами такие отношения, лучше которых желать нельзя: нежная дружба, у меня к вам самая теплая привязанность.

Е в л а л и я. Дружба, привязанность... Отчего ж не любовь?

Мулин. Ну любовь... если вам так угодно.
Евлалия. Не верю.

Молчание. Мулин пишет.

Скажите, что мне делать, чтоб вы меня любили?
Мулин. Ничего не нужно, Евлалия Андревна.
Евлалия. Нет, вы мало меня любите. *(Молчание.)* Я знаю, я сама виновата: я вам надоедаю... ревную... связываю вас... *(Молчание.)* Я обещаю вам, что этого не будет. Довольны вы?
Мулин. Прекрасно, Евлалия Андревна, прекрасно! Позвольте, не мешайте мне!
Евлалия. Мы будем видеться не часто: приходите ко мне, когда вы совершенно свободны, когда у вас нет никакого дела, никакого занятия — одним словом, когда вам самим будет угодно! *(Молчание.)* Делайте, что хотите... бывайте, где хотите... разговаривайте с женщинами... любезничайте... *(Молчание.)* Только...
Мулин. Что «только»?
Евлалия. Только не изменяйте мне... не разрушайте моих надежд.
Мулин *(читая про себя)*. Смею ли я... разрушать...
Евлалия. И вы всегда будете меня любить?
Мулин. Конечно, всегда... Чего ж мне еще!
Евлалия. Ну, вот и хорошо; я очень рада. *(Задумывается. Мулин взглядывает на нее. Молчание.)* Знаете, об чем я мечтала?
Мулин. Нет, не знаю.
Евлалия. О будущем. Я могу быть счастлива.
Мулин. Да я не знаю, чего вам недостает и в настоящем.
Евлалия. Чего? Счастья. Я могу быть счастлива только с вами.
Мулин. Но ведь это невозможно.

Марфа отворяет дверь.

Евлалия. Помеха нашему счастью — мой муж.
Марфа. Евлалия Андревна!
Евлалия. Что тебе?
Марфа. Ко мне племянница пришла, так дело есть до вас маленькое.
Евлалия. Подожди! Марфа, уж я тебя не один раз просила не входить, пока тебя не позовут.

Марфа. Виновата, Евлалия Андревна. Дело-то у нас не терпит, племяннице долго ждать нельзя.

Евлалия. Нельзя входить. У нас могут быть свои разговоры, которых прислуге слушать не надо.

Марфа. Понимаю, Евлалия Андревна, все понимаю. Мне ведь только бы на два слова! Уж я вам больше не помешаю.

Евлалия. Хорошо, сейчас; подожди немного.

Марфа уходит, но остается за дверью.

Евдоким Егорыч уж стар... Мы будем дожидаться.

Мулин. Чего?

Евлалия. Ему жить недолго.

Мулин. Как вы об этом легко говорите!

Евлалия. Я не желаю смерти Евдокиму Егорычу; но вы подумайте, могу ли я не только любить его, но даже иметь к нему хоть какую-нибудь привязанность?

Марфа приотворяет дверь.

Он купил меня, как невольницу, он оскорбляет меня недоверием, поручает пьяному лакею надзор за мной! Жалеть его было бы притворством с моей стороны.

Мулин. Да, конечно.

Евлалия. Значит, я имею полное право мечтать о счастии с вами. Вы мой... если не теперь, так в будущем.

Мулин. Да, разве в будущем. Ну, вот я кончил. *(Встает.)* До свидания, Евлалия Андревна! *(Целует руку Евлалии.)*

Евлалия *(целует Мулина)*. Так мы будем ждать, и вы, и я?

Мулин. Будем, будем! *(Уходит.)*

Евлалия звонит в колокольчик. Входит Марфа.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евлалия и Марфа.

Марфа. Здесь, Евлалия Андревна, здесь.

Евлалия. Что тебе нужно?

Марфа. Племянницу мы просватали. Ну, разумеется, так как я ей тетка, так и должна помочь насчет приданого.

Евлалия. Ну, конечно.

М а р ф а. Так вот она за этим за самым и пришла.

Е в л а л и я. Так что же, я-то зачем вам?

М а р ф а. Да помилуйте, Евлалия Андревна, какие же мои достатки! Из чего мне?

Е в л а л и я. Дай, что можешь; ведь всякий помогает, глядя по состоянию.

М а р ф а. Мало-то дать стыдно. Хоть бы родню нашу взять, ведь они тоже понимают, в каком я доме служу.

Е в л а л и я. Ну, и я тебе помогу; я дам десять рублей, Евдокиму Егорычу скажу; он никогда не отказывает бедным невестам.

М а р ф а. Покорнейше вас благодарю, Евлалия Андревна. Евдоким Егорыч точно никогда бедным невестам не отказывают; только ведь у них положение известное: пятнадцать рублей... Конечно, так как я давно служу, может, и двадцать пять пожалуют.

Е в л а л и я. И очень хорошо; чего ж еще!

М а р ф а. Да помилуйте, Евлалия Андревна, того ли я за мою вам службу ожидать должна?

Е в л а л и я. Да ведь ты за свою службу жалованье получаешь.

М а р ф а. Жалованье-жалованием, это уж положóное; я за свое жалование все вам исполняю, что должно и к чему я приставлена; но, окромя всего этого, моя к вам приверженность...

Е в л а л и я. Какая приверженность?

М а р ф а. Да бегать-то по городу, про разных кавалеров разыскивать; нешто б я для кого другого, кроме вас, это сделала!

Е в л а л и я. По какому городу бегать, про каких кавалеров разыскивать?

М а р ф а. Да как же их... ну, хоть бы Артемия Васильича назвать! Обыкновенно для учтивости кавалерами называешь.

Е в л а л и я. Зачем ты об Артемии Васильиче говоришь, скажи мне?

М а р ф а. Значит, всё даром, все мои потрафления для вас?

Е в л а л и я. Боже мой, что ты говоришь!

М а р ф а. Да как же, Евлалия Андревна, я не служу? Значит, не ублажила вас? Покорнейше вас благодарю. А вы еще того не знаете, когда он тут у вас, что я как лист дрожу. Да, боже сохрани, кто доведет барину... А уж вы тут за мной, все равно как за каменной

степой, можете равнодушно, как душе угодно... потому я вас берегу. Я на себе это самое потрясение переношу; ведь от страху-то все равно как озноб...

Евлалия. Какой озноб?

Марфа. А вы думаете, легко! Только что, конечно, бедность наша непокрытая заставляет; а то бы, кажется, никаких миллионов не взял...

Евлалия. Да за что? Разве я что дурное заставляю тебя делать?

Марфа. Да ведь и хорошим назвать нельзя. Обыкновенное дело, корысть нас заставляет: я так и ожидала, что вы мне рубликов полтораста пожалуете. Оттого и племянницу просватали, а то где б нам взять! Теперь, первым долгом, жениху на сговоре надо сотельную дать.

Евлалия. Да скажи ты мне, что ты обо мне думаешь, в чем ты меня подозреваешь?

Марфа. Как мы смеем подозревать! Наша обязанность — исполнять, что прикажут.

Евлалия. Что же я тебе приказывала?

Марфа. Да ведь это как вам угодно, Евлалия Андревна; хотите мою службу ни во что поставить, так поставьте. Разве я смею требовать; у нас ряды не было. Через меня вы, при своем богатстве, всякое удовольствие и утешение себе видели, так вам меня, бедного человека, забывать тоже нехорошо. Бегать-то по городу сыщиком, где у него невеста, да какая невеста, да что где говорили, да как приняли!.. Это, я вам скажу, в какой дом налетишь! Из другого так-то по затылку, по всему двору до самой калитки, проводят, что своих не узнаешь. Опять же к нему с утра до поздней ночи бегаешь-бегаешь: скоро ль придет, да когда придет, да чтоб беспременно пришел! Все это хорошо, у кого ноги молодые да шея крепка; а у меня уж ноги-то второй срок выслужили, да и стыд в глазах есть. Не по моим бы летам таким художеством заниматься!

Евлалия. Ну, довольно! Ты делала лишнее, я тебе и прибавляю к жалованью десять рублей. Больше я говорить с тобой не хочу.

Марфа. Это опять-таки ваша воля. Только я нанималась к Евдокиму Егорычу служить верой и правдой; а, заместо того, должна ваши прихоти прикрывать.

Евлалия. Замолчи, говорю я тебе!

М а р ф а. Замолчать можно... Только и бедных людей пожалеть следует.

Е в л а л и я. Я тебя прогоню.

М а р ф а. Ну, прогнать за что же! Это еще погодить надо! Кабы я к вам нанималась, вы бы меня и прогнать вольны были; а я нанималась к Евдокиму Егорычу, еще как он нас с вами рассудит!

Е в л а л и я *(сквозь слезы)*. Так иди ты к своему Евдокиму Егорычу и не смей меня больше беспокоить! *(Уходит.)*

М а р ф а. Уж что-то вы некстати очень высоко летаете, Евлалия Андревна! Можно вам крылья-то и ошибить.

Входит М и р о н.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

М а р ф а и М и р о н.

М а р ф а. Что вы, Мирон Липатыч?

М и р о н. В расстройстве.

М а р ф а. У ворожеи были?

М и р о н. Был.

М а р ф а. Что же она вам сказала?

М и р о н. «Скажу, говорит, я тебе верно; только трудно будет мои слова понимать».

М а р ф а. Ну, и что же?

М и р о н. «Думай, говорит, на рябоватого, а помогал весноватый».

М а р ф а. Как же вы об этом рассуждаете?

М и р о н. Да что, Марфа Савостьяновна, если рассуждать правильно, так мне уж только одно средство осталось.

М а р ф а. Какое же, Мирон Липатыч?

М и р о н. Повеситься.

М а р ф а. Ну, что это вы! Какое это средство! Самое плохое.

М и р о н. Я думаю отсюда прямо на чердак. Как вы посоветуете?

М а р ф а. В этаком деле советовать довольно мудрено, Мирон Липатыч; каждый сам должен о себе знать, как ему лучше.

М и р о н. Удавлюсь, шабаш!

М а р ф а. Ваше дело. Только если бы вам вместо гадалки мне поклониться, так я бы вам вашу пропажу скорей нашла.

Мирон. А вы думаете, не поклонюсь? И поклонюсь, и сто раз поклонюсь. Как до петли дойдет, всякому поклонишься, Марфа Савостьяновна.

Марфа. Ваша пропажа из дому не выходила.

Мирон. Как? Здесь? Батюшки мои! Где же?

Марфа. И даже очень недалеко, и даже в соседней комнате.

Мирон В гостиной? Да ведь я там все мышьи норки обшарил.

Марфа. В шахматном столике.

Мирон. Да ведь он заперт?

Марфа. Заперт, и ключ у Евдокима Егорыча, а сигарочница там.

Мирон. Кто ж ее туда положил?

Марфа. Я.

Мирон. Ну не змея ли вы подколодная после этого, Марфа Савостьяновна?

Марфа. Мы люди подневольные, Мирон Липатыч; что прикажут, то и делай. Мы за то жалованье получаем; нанялся — продался.

Мирон. Кто ж это приказал вам?

Марфа. Стало быть, кто-нибудь вас с места сживает, кому-нибудь вы мешаете.

Мирон. Так ведь, окромя Евлалии Андревны, некому.

Марфа. Само собой; разве б я чьего другого приказа послушалась?

Мирон. В чем же я ей помеха? Разве антрыги завелись?

Марфа. Ну, уж сами понимайте, как знаете.

Мирон. Как же это я! Проглядел ведь! Эка слабость моя! Одолела она меня, проклятая! Вот бы когда глаза-то нужны; а я их залил, что света не вижу, что день, что ночь не разберу. И таки всурьез дело али, может, так, только время продолжают?

Марфа. Оно, конечно, что пустяки. Ну, ведь наше дело такое, знаете, что иногда ненароком и за дверью случишься, когда они промеж себя разговаривают.

Мирон. Д-да, да, да.

Марфа. Так если по разговорам судить, ничего важного не состоит. А ведь кому как покажется.

Мирон. Вы мне только разговоры-то эти скажите, а уж я пойму, я сейчас все до тонкости...

Марфа. Разговоры вот какие, Мирон Липатыч: «Друг

ты мой милый, друг ты мой любезный, одна у нас с тобой помеха — муж мой постылый».

Мирон. Ая-я-я-яй! *(Хватаясь за голову.)* Ая-я-я-яй!

Марфа. «Нет, говорит, на него пропасти».

Мирон. Однако... закуска!

Марфа. Ну, и много такого прочего. И, при всем этом, яду у меня просила.

Мирон. Уф! Сразили вы меня. Погодите! Дух захватывает. Какого же, например, яду?

Марфа. Отравы, чем волков травят. Как ходила я в аптеку к племяннику отравы для мышей попросить, вот и прознала она это. «Дай, говорит, ты, пожалуй, отравишь; а у меня сохранней будет». Ну, я сейчас же и поняла.

Мирон. Ого-го-го-го! Фу ты, оглашенный Мирошка! Ох, как бить меня нужно! Что я прозевал-то было! Вот когда Евдокиму-то Егорычу верный человек нужен. А вы говорите: «пустяки да важности в этом не состоит».

Марфа. Каким глазом кто посмотрит. На мой взгляд, пустяки; а другой что, может, и за важное примет. Я что слышала, то и передаю вам. А я так думаю, что мы тут ни при чем, наше дело постороннее.

Мирон. Нет, уж какое постороннее! Я насилу на ногах устоял, как вы сказали; так и сразило. И теперь еще в настоящие чувства не приду. Не одолжите ли гривенничек взаймы?

Марфа. На что вам, Мирон Липатыч?

Мирон *(вынув табакерку)*. Провиянту не хватает; всего заряда на два осталось.

Марфа. Нет у меня, Мирон Липатыч; разве б я отказала?

Мирон. Скупитесь. Ах, постойте!.. И забыл совсем. А кто ж он-то, друг-то любезный?

Марфа. Ну, уж этого вы от меня не дождетесь; и так я вам много сказала, чего не надо. Вы над нами наблюдателем поставлены, вы должны сами знать.

Мирон. Не скажете?

Марфа. Не скажу, Мирон Липатыч; своим умом доходите. *(Уходит в залу.)*

Мирон. Сколь ехидна эта женщина! Все рассказала, а как дошло до сути, так и молчит. Как теперь объяснить Евдокиму Егорычу? А докладывать надо

беспременно. Уголовщина! Суд да дело, пойдет следствие, в остроге насидишься Беда! Нет, уж как сумею, а доложу. Куражу бы прикупить хоть на гривенничек! Вот когда человеку гривенничек-то дороже каменного моста.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

СТЫРОВ.
ЕВЛАЛИЯ АНДРЕВНА.
КОБЛОВ.
СОФЬЯ СЕРГЕВНА.
МУЛИН.
МАРФА.
МИРОН.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мирон (один).

Мирон. Ну, вот я теперь могу разглагольствовать. Я теперь во всем развязен. Уж я думал, думал... Нет, надо поберечь Евдокима Егорыча... Хороший барин, хороший... Чтоб я допустил! Нет, погодите! Не допущу. Ишь что выдумали, а! Отравить!.. Скажите на милость. Это шутки плохие... Сообразное ли дело отравить человека хорошего, барина моего, Евдокима Егорыча, отравить, как крысу какую! Нет, шалишь! Разорвусь, а барина своего не выдам... Выведу, все на свежую воду выведу. Да вот он никак подъехал... Ну, там отопрут без меня, я теперь не при должности,— отставной козы барабанщик,— не мое дело. А мы еще посмотрим... Вот пусть он и поймет, какого он слугу было обидел!..Нет, верные-то слуги нынче редкость, их ценить надо... Ну, так точно, это он, его походка. *(Делает печальную мину и становится у двери.)*

Входит Стыров.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Стыров и Мирон.

Стыров. Ты еще здесь?

Мирон. Здесь, Евдоким Егорыч, здесь я, на страже стою, как есть я верный раб вашего здоровья.

Стыров. Не нужно мне твоего рабства, ступай! Я повторять приказаний не люблю.

Мирон. Но позвольте!.. Но пожалуйте сюда! *(Подходит к шахматному столику и указывает на него пальцем.)*

Стыров. Что такое? Ты пьян? Поди вон!

Мирон. Но извольте отпереть. Пьян... ну, пущай пьян... все перенесу, все... Я, может, и не пьян... Извольте отпереть!

Стыров *(отпирает стол и вынимает портсигар)*. Как он сюда попал?

Мирон вынимает платок и молча утирает слезы.

Да говори же, что это значит?

Мирон *(плача)*. Сживают, с места меня сживают.

Стыров. Кто, кому нужно?

Мирон. Евлалия Андревна.

Стыров. Что за вздор такой?

Мирон. Вот... хоть сейчас... с колокольным звоном.

Стыров. Да что с тобой говорить, ты пьян! Пошел вон!

Мирон. Пущай пьяный; но верный раб ваш... по гроб дней моих... сейчас ведите казнить... на мелкие части...

Стыров *(хватаясь за голову)*. Что такое?.. Я понять не могу.

Мирон *(падая на колено)*. Батюшко, отец наш... не жить вам! Извести вас хотят, Евдоким Егорыч... Изведут вас, отец наш... на кого мы, бедные, останемся?

Стыров *(строго)*. Молчи! Встань и говори тихо и толком или убирайся!

Мирон *(встает)*. Тихо, очень тихо... это извольте... *(Оглядываясь.)* Что тут было, что тут было... Ах!

Стыров. Да что же, что? Дождусь ли я от тебя?

Мирон. Изведем, говорит, его; он нам помеха... Это про вас-то.

Стыров. Да кто говорит-то?

М и р о н. Евлалия Андревна. Припасена, говорит, у меня отрава; вот мы его и отравим.

С т ы р о в. Какая отрава?

М и р о н. Обыкновенная, чем волков травят. А он говорит: «И расчудесное дело».

С т ы р о в. Да кто он-то?

М и р о н *(вздыхает)*. Ох! *(Таинственно.)* Неизвестный человек.

С т ы р о в. Господи! Что он говорит! Невозможно! Да понимаешь ли ты, что с тобой невозможно разговаривать? Бывал он здесь?

М и р о н. И утром, и вечером, и в ночь, и заполночь.

С т ы р о в. Какой он из себя?

М и р о н *(подумав)*. Рябоватый.

С т ы р о в. Только? Да еще-то какой?

М и р о н. Рябоватый — это верно; так и сказано, что рябоватый.

С т ы р о в. Так ты сам не видал? Тебе сказано. Кто ж тебе сказал?

М и р о н. Бабка-гадалка. Это уж верно; так и сказала: думай, говорит, на рябоватого! Ну... я и думаю.

С т ы р о в. Невозможно! Убирайся! Я себе простить не могу, что связался разговаривать с тобой. Только ты меня расстроил. Убирайся, и чтоб я тебя не видал.

М и р о н. Вот так, вот хорошо, вот уж покорно благодарю! За мою-то службу? Не того я, признаться, ожидал от вас, Евдоким Егорыч. Все верно, все очень верно; а что насчет яду, так извольте сейчас у Марфы Савостьяновны спросить.

С т ы р о в. Позови Марфу!

М и р о н. Да-с; коли вы мне не верите, что я тут, может быть, всю свою утробу полагал, так я позову вам Марфу. Сейчас всю верность мою, как на ладони, увидите! *(Уходит.)*

С т ы р о в. Как бы я желал, чтоб вся эта история оказалась самым глупым вздором! Это был бы отличный урок для меня. Связываться с прислугой мне и сначала казалось не очень приглядным, а теперь уж выходит что-то и вовсе гадкое. Вон Мирон считает мою жизнь в опасности и утробу свою за меня полагает, так уж когда ему чистотой заниматься, до того ли! Нет, гадко очень.

Входят М и р о н и М а р ф а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Стыров, Мирон и Марфа.

Стыров. Какой тут у вас яд? Мне Мирон говорил какие-то глупости, которых понять никак нельзя.

Марфа. Что ж! ежели уж вам известно, так я молчать не должна. Сама-то я давеча сказать вам не посмела.

Стыров. Чего не посмела? Отчего не посмела?

Марфа. Оттого и не посмела, что ума у нас нет: сболтнешь сдуру-то, а потом окажется, что не так; ты же останешься виновата.

Стыров. Да какой яд, зачем он попал в дом?

Марфа. Уж вы меня извините, Евдоким Егорыч; яд этот самый я в дом принесла... Только ведь я не знала и даже вздумать не могла... Я принесла его для домашней надобности; а Евлалия Андревна у меня его отобрали. Стало быть, он им нужнее.

Стыров. Да на что же ей яд?

Марфа. Они мне этого не говорили. Промеж себя они, конечно, разговаривают и даже нисколько не стесняются... Только это не наше дело.

Стыров. Об чем же они промеж себя разговаривают?

Марфа. Да разве у меня язык поднимется; да, кажется, ни в жизнь!

Стыров. Промеж себя. С кем она разговаривала?

Марфа. Вся воля ваша, Евдоким Егорыч; а как я в свою жизнь доносчицей не была, так и теперь вы от меня доносов никаких не дождетесь. Уж это пущай кто другой, но не я.

Мирон *(Марфе)*. Да что вы ломаетесь! Ведь он весноватый.

Марфа. Кто весноватый? Вовсе нет, неправда ваша.

Мирон. Да и то, что я? Язык-то один, приболтается... Рябоватый, я говорю.

Марфа. Всё вы зря городите, Мирон Липатыч; совсем у них чистое лицо. Только я вам докладываю, Евдоким Егорыч: служила я вам и всегда готова служить верой и правдой; а доносить на барыню я никогда не согласна. Я так считаю, что это низко. Да вот — Евлалия Андревна сами идут, извольте у них спросить; а нам чем дальше от греха, тем гораздо покойнее.

Стыров. Хорошо, ступайте!

Мирон и Марфа уходят. Входит Евлалия.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Стыров и Евлалия.

Евлалия. Кобловы что-то не едут.

Стыров. Они обещали рано приехать, часу в восьмом.

Евлалия. Значит, скоро?

Стыров. Сейчас, я думаю. А я, после обеда, успел еще два визита сделать. *(Молчание.)* Я еще и не поговорил с тобой по душе после приезда.

Евлалия *(садясь)*. Об чем?

Стыров. Как ты тут поживала, не скучала ли без меня?

Евлалия. Нет, не скучала.

Стыров. Навещали тебя, были у тебя гости?

Евлалия. Нет, кроме Артемия Васильича и Софьи Сергевны, никого не было.

Стыров. Никого?

Евлалия. Никого.

Стыров. Может быть, был кто-нибудь из старых знакомых?

Евлалия. Из каких старых?

Стыров. Из тех, которые были с тобой прежде знакомы, до замужества.

Евлалия. Кто был со мной знаком? Никто; точно так же, как и теперь. Жила в неволе и опять в неволе живу. Что за странные вопросы? Если вам нужно знать, кто бывал у меня, спросите прислугу, которой вы платите за то, чтоб она за мной подсматривала.

Стыров. Как тебе не стыдно! Что ты говоришь!

Евлалия. Да, стыдно, действительно стыдно; да что ж мне делать-то! Мне еще стыдней было, когда ваша прислуга просила с меня полтораста рублей за то, чтоб доложить вам, что без вас я вела себя скромно и прилично.

Стыров *(схватясь за голову)*. Ах! Что такое! Что за мерзости!

Евлалия. Я не хотела подкупать их; пусть они говорят правду. Подите разговаривайте с ними! *(Встает.)*

Стыров. Евлалия, ты сердишься?

Евлалия. Нет, не сержусь. То, что я чувствую, я не могу объяснить вам; вы не поймете. Чтоб понять мое горе, нужно иметь хоть несколько деликатности в чувствах. У вас ее нет. Зачем я буду с вами говорить? Разве я могу найти сострадание к моему горю в душе

человека, который шепчется потихоньку в передней с пьяным лакеем!

С т ы р о в. Евлалия, пощади, не казни меня! Какое твое горе? Ведь виноват в твоем горе могу быть только я.

Е в л а л и я. Да разве это не горе: быть совершенно одинокой? Отца я едва помню; мать — директриса женского учебного заведения; она всю жизнь была моей гувернанткой, а не матерью. Остаетесь вы, муж... Ну, я не знаю ничего, не понимаю, ну, я глупенькая совсем институтка!.. Так ведь не мучить меня за это, а пожалеть надо. А вы, вместо того, чтоб руководить меня в жизни, быть мне вместо отца, нанимаете шпионов подсматривать за мной. Ах, подите прочь, пожалуйста!

С т ы р о в. Евлалия, ты не так поняла мои распоряжения или тебе их не так передали. Я приказал беречь тебя, заботиться о тебе; за тобой нужно ухаживать, как за маленьким ребенком. Ты не имеешь никакого понятия об жизни, и, если не доглядеть за тобой, твои ребячества могут иметь дурные и даже опасные последствия. Вот, например, какой у тебя яд, и зачем он тебе?

Е в л а л и я. Как мне жалко вас! Лгать, прибегать к уверткам... Как это должно быть тяжело и стыдно в ваши лета! Яд! И об яде вам доложили. Так не меня берегли ваши надзиратели, а я берегла себя и их. Я взяла яд у Марфы из рук и убрала его, чтоб она, по своей небрежности, не отравила нас или кого-нибудь. Только потом я догадалась, что этот яд может быть мне нужен.

С т ы р о в. Значит, я прав, Евлалия. Ну, разве не ребячество то, что ты говоришь? Зачем тебе яд?

Е в л а л и я. А вот вы сейчас узнаете, ребячество это или нет? Ведь могу же я когда-нибудь в жизни встретить и полюбить хорошего человека, который стоит любви? Ведь это может случиться? Пусть моя любовь будет преступна в ваших глазах; но ведь я буду лелеять ее в своей груди, буду беречь ее. Она мне будет дорога... поймите меня! Я полюбила и почувствовала себя женщиной, а до тех пор я считала себя куклой! Я буду таить эту любовь, как сокровище, буду беречь ее не только от осуждения, но даже от самого теплого дружеского участия, уж и оно мне покажется оскорблением моей святыни. И вдруг эта

лелеянная, береженная девственным чувством тайна волочится, треплется от передней и кухни до кабинета моего мужа! Вот тогда мне нужен яд, для того чтоб не загрязненной очной ставкой с прислугой умереть с улыбкой счастья на лице.

Стыров *(целуя руки Евлалии)*. Евлалия, виноват, виноват, но не терзай же, не казни меня так!

Евлалия. Успокойтесь, до этого дело не дойдет, оно кончится проще. Я не могу жить с вами. Я пойду в гувернантки, в сельские учительницы, но здесь жить не останусь. Ищите себе за ваши деньги другую женщину. Я и так виновата перед собой, что без любви вышла за вас, я должна поправить этот проступок. И уж теперь я не возьму никаких миллионов, чтоб возвратиться к вам.

Стыров. Я тебе и не предложу миллионов, Евлалия; я предложу другое, что, может быть, тебе покажется дороже.

Евлалия. Что же?

Стыров. Полную свободу.

Евлалия *(удивленная)*. Свободу? Ах! Это что-то хорошее... Я ее не знала с детства... Ах, погодите! Я и рада, и путаюсь в мыслях... Что это такое? Это новое... Я еще цены ему не знаю... Погодите, я подумаю.

Стыров. Что я люблю тебя очень, в этом ты сомневаться не должна; только выражал-то я свою любовь пошло: подарками. Я с самого начала должен был дать тебе свободу и оказать полное доверие. Вот в чем моя ошибка или вина, как тебе угодно.

Евлалия. И вы это говорите серьезно?

Стыров. Я всегда говорю серьезно.

Евлалия. Я от вас никак ожидать не могла.

Стыров. Я ведь не дурной человек, а только слабый и бесхарактерный: я подчинился чужому влиянию, послушался чужих советов. Я очень люблю тебя и желаю, чтоб ты была совершенно счастлива,— я только не сообразил, что без свободы нет счастья для женщины.

Евлалия. И я совершенно свободна?

Стыров. Совершенно. Я велю великолепно отделать твои комнаты; живи полной хозяйкой на своей половине, имей свою прислугу, принимай, кого хочешь, выезжай, когда и куда угодно.

Е в л а л и я. И вы не шутите?

С т ы р о в. Нисколько не шучу. Я ни в твои распоряжения, ни в твои дела мешаться не буду; я только тогда подам свой голос, когда ты сама попросишь моего совета.

Е в л а л и я. Я не знаю, смеяться мне или плакать от радости. Вы — благородный человек.

С т ы р о в. Напрасно ты сомневалась в этом.

Е в л а л и я *(жмет руку Стырова)*. Благодарю, благодарю! Я еще не могу опомниться.

С т ы р о в *(обнимая Евлалию)*. Ах ты, бедная моя женка! Сиротлива ты, я вижу. Спасибо, что высказалась. Может быть, и много еще у тебя на душе, да прячешь ты, со мной не поделишься. Не пара я тебе. Живи, пользуйся жизнью; а коли горе какое случится или обидит кто, так приходи ко мне, приласкаю, как умею.

Е в л а л и я. Ах, как я счастлива! У меня теперь будет и хороший отец, и...

С т ы р о в. И кто?

Е в л а л и я *(сконфузившись)*. Я хотела сказать... Ах, вон, кажется, подъехал кто-то! Не Софья ли Сергевна!

С т ы р о в. И кто же еще, Евлалия?

Е в л а л и я. Ну, муж, разумеется... а то кто ж! *(Убегает в залу.)*

С т ы р о в. Что ж это значит: «У меня добрый отец и...»? Не договорила и сконфузилась... Добрый отец и еще-то кто же? Неужели хороший любовник? А вот посмотрим, посмотрим... Коли в самом деле хорош, так нечего делать...

Входит К о б л о в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С т ы р о в и К о б л о в.

С т ы р о в *(задумчиво)*. Здравствуйте, Никита Абрамыч! *(Подает руку.)*

К о б л о в. Что вы задумались? Об чем философствуете?

С т ы р о в. Думаю, гадаю...

К о б л о в. О чем?

С т ы р о в. Нет ли такой верной приметы, по которой бы можно было догадаться, влюблена женщина или нет?

К о б л о в. Позвольте! *(Подумав.)* Одна примета есть верная.

С т ы р о в. Какая?

К о б л о в. Если женщина имеет влечение к картам, так не влюблена.

С т ы р о в. К картам?

К о б л о в. Да. Ну, азартные игры: рамсы, стуколки, я еще не считаю верной приметой, а как начала довольно старательно играть в винт, так баста — конец всем амурам.

С т ы р о в. Да почему же?

К о б л о в. Да нельзя влюбленной в эту игру играть: она, того гляди, ренонс сделает либо своего туза козырем покроет. С такой никто играть не станет.

С т ы р о в. Да, правда ваша.

К о б л о в. Недавно один мой знакомый начал сомневаться насчет жены: «Стала, говорит, задумываться, что-то шептать про себя, стала бредить по ночам... Ну, думаю, говорит, беда: влюбилась в кого-нибудь, либо идеи какие вредные забрала в голову — конец моему спокойствию. Стал, говорит, я прислушиваться, слышу, бормочет: туз сам-друг, король сам-третей, дама, валет сам-пят. Тут я обеими руками перекрестился: ну, думаю, матушка, на настоящую ты линию попала, теперь мужу можно спать спокойно».

С т ы р о в. Да, кабы бог дал!.. Покойно, очень покойно.

К о б л о в. Винт игра хорошая для женщин: во-первых, серьезная, ни о чем другом думать не позволяет; во-вторых, занимательная, не видишь, как время идет. Часов до трех, до четырех утра она, милая, проиграет; потом спит целый день; а к вечеру опять забота, как бы партию составить.

С т ы р о в. Уж чего бы лучше! Пойдемте-ка, пока партнеры-то не съехались, просмотрим биржевую хронику. *(Уходят в кабинет.)*

Входят Е в л а л и я и С о ф ь я.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Е в л а л и я и С о ф ь я.

С о ф ь я. Что с вами? С чем вас поздравить? Вы так и сияете.

Е в л а л и я. Кабы вы знали, сколько я перенесла сегодня! Сначала неприятности от прислуги, они наплели на меня разные глупости мужу...

С о ф ь я. Сами виноваты. Прислуге надо платить. Это составляет довольно значительный расход для женщины, у которой есть что скрывать от мужа. Я плачу всем, даже кучеру, и плачу очень дорого. Хорошо, что у меня мамаша очень богатая женщина и ни в чем мне не отказывает; а то хлопот было бы довольно. Чем же у вас эта история кончилась?

Е в л а л и я. Кончилась совершенно неожиданно для меня. Я разгорячилась, расстроилась... Ну, конечно, ведь это обидно... Я высказала мужу все, что у меня накипело на душе.

С о ф ь я. Что же он?

Е в л а л и я. Он и сам растрогался... Он, должно быть, любит меня. Он сказал: «С этих пор живи на своей половине, полной хозяйкой, как тебе угодно; я в твои дела мешаться не буду».

С о ф ь я. Какой милый! просто прелесть!

Е в л а л и я. Я теперь жду не дождусь одного человека, чтоб поделиться с ним моей радостью: мы теперь можем видаться без всякого стеснения.

С о ф ь я. Да зачем вам этого одного человека? У вас муж такой милый, такой благородный!

Е в л а л и я. Да, действительно благородный и добрый человек.

С о ф ь я. При таком муже, да еще «один человек» — это излишняя роскошь. Мне простительно, мне никак нельзя мужа любить, решительно не за что, придраться не к чему, ни одной хорошей стороны не найдешь, а любить нужно, любить хочется. А вам я завидую; вам, право, очень можно мужа любить.

Е в л а л и я. Я и не спорю: он хороший человек; но это не мой идеал. Мне с ним скучно.

С о ф ь я. А коли он хороший, так и следует его любить за это; а от скуки, для развлечения, начните играть в карты, учитесь в винт.

Е в л а л и я. Ах, нет, что вы! Это такая проза, можно совсем опошлиться.

С о ф ь я. От добра добра не ищут. Да я и не знаю, право; здесь лучше вашего мужа и людей не найдешь...

Е в л а л и я. Нет, не говорите! Есть один... идеальный молодой человек... в нем всё...

С о ф ь я. Не знаю, не слыхать что-то...

Е в л а л и я. Он молод, хорош собою, умен, благороден, поэт.

С о ф ь я. Если так, то действительно идеальный.

Е в л а л и я. Как он меня любит! Только...

С о ф ь я. А! Значит, и в солнце есть пятна?

Е в л а л и я. Обещает иногда прийти, ждешь, ждешь его, а он не придет; а если придет, так ненадолго.

С о ф ь я. Да он богат?

Е в л а л и я. Не богат.

С о ф ь я. Так надо денег давать ему побольше да почаще; он ни обманывать, ни опаздывать не будет, уж совсем идеальный сделается.

Е в л а л и я. Денег! Что вы! Вы его не знаете... Денег дать! Да это обидеть, жестоко оскорбить его! Нет, как это возможно! Как я могу уважать его после этого!

С о ф ь я. Да зачем вам уважать, довольно с вас любить его! Кто же молодых людей уважает! Да и где их у нас взять таких, которых уважать можно!

Е в л а л и я. Да нет, как это... как осмелиться предложить деньги?

С о ф ь я. Очень просто. Купите хороший, дорогой бумажник, а в бумажник-то положите рублей двести или триста. Вот и конфузиться нечего: вы дарите бумажник, а деньги в него нечаянно попали. Да мало ли как можно; хотите, я вас научу?

Е в л а л и я. Нет, нет, не надо. Да я вам не верю, вы шутите.

С о ф ь я. Что за шутки! Я сама дарю. Да и как не дарить! Молодому человеку одеться хочется поприличней, да и мало ли у них расходов; а жалованье небольшое...

Е в л а л и я. Нет, пожалуйста, не продолжайте! Это что-то будничное, прозаическое. Мы с вами не понимаем друг друга; мы говорим о разных предметах. Я понимаю только любовь чистую, возвышенную.

С о ф ь я. Возвышенная-то, пожалуй, еще дороже обойдется.

Е в л а л и я. Что вы, что вы! Вы меня удивляете, вы меня поражаете!

С о ф ь я. Да, конечно. Возвышенная любовь гораздо скучнее, она очень надоедает молодым людям; на нее надо много времени даром тратить. Он бы почитал что-нибудь, пошел к приятелям, поиграл в карты, а тут надо возвышаться до возвышенной любви. Это очень тяжелое занятие.

Е в л а л и я. Что такое... что за слова я слышу от вас!

Да если все мужчины таковы, разве можно любить кого-нибудь из них?

Софья. Можно.

Евлалия. Скажите же мне, какого человека вы любите, какие у него качества, достоинства?

Софья. Он очень милый человек; у него есть ум, ловкость, некоторое остроумие.

Евлалия. И вы дарите ему вещи, деньги?

Софья. Дарю.

Евлалия. Да разве это любовь?

Софья *(обидясь)*. А то что же? Жалеть человека, входить в его положение до мельчайших подробностей, помогать ему, доставлять удовольствие, делать приятные сюрпризы — разве это не значит любить? Это настоящая человеческая любовь; другая любовь, по-моему, хуже.

Евлалия. Извините меня; все это мне кажется как-то пошло; тут нет ничего такого... высокого... неземного.

Софья. Ну, а нет, так что ж делать, где же взять-то! Я люблю, как умею.

Евлалия. Нет, моя любовь другая. Впрочем, это так и должно быть: я люблю поэта, вы любите простого, дюжинного человека.

Софья. Ну, нет, нельзя сказать, чтоб вовсе дюжинный.

Евлалия. Простите моему женскому любопытству!.. Если вы меня считаете достойной вашего доверия, скажите: кто он?

Софья. Он, после вашего мужа, пожалуй, лучший человек здесь.

Евлалия *(с любопытством)*. Но кто же он, кто?

Софья. Артемий Васильич Мулин.

Евлалия. Ах! *(Чуть не падает.)* Поддержите меня!

Софья. Что с вами?

Евлалия. Мне дурно.

Софья сажает ее в кресло.

Ох! Благодарю вас!

Софья. Успокойтесь! Не принести ли вам воды?

Евлалия. Ах, нет, не надо... благодарю... Это пройдет... сейчас пройдет... Позвольте еще один вопрос... Вчера вечером Артемий Васильич был у вас?

Софья. Да, был, просидел весь вечер.

Е в л а л и я *(слабым голосом)*. Он обещал быть у меня, я его ждала долго, очень долго.

С о ф ь я. Позвольте мне за него заступиться! Вот видите ли, ему нельзя было не прийти ко мне: вчера поутру я послала ему в подарок великолепные часы, так он приходил благодарить.

Е в л а л и я *(со вздохом)*. Ах, довольно об этом.

С о ф ь я. Евлалия Андревна, я вижу, что мы соперницы. Послушайте, уступите мне его бесспорно. Вам нужно людей идеальных, с возвышенными чувствами; а по мне он таковский, мне и этот годится. По Сеньке и шапка.

Е в л а л и я. Ах! Мечта всей жизни...

С о ф ь я. Да уж будет вам мечтать-то, пора на землю опуститься. Так отдайте же!

Е в л а л и я. Возьмите!.. Вот он идет... Позвольте мне сказать с ним два слова!

С о ф ь я. Сделайте одолжение! Я пойду в кабинет. *(Уходит в кабинет.)*

Входит М у л и н.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Е в л а л и я и М у л и н.

Е в л а л и я. Подите сюда!

Мулин подходит.

Я вас... презираю!

М у л и н. И слава богу! Очень рад, Евлалия Андревна; благодарю вас!

Е в л а л и я. Как мало в вас самолюбия! Вас презирают, и вы этому радуетесь.

М у л и н. Да ведь какой камень-то с меня свалился! Ведь, бывало, когда вы меня еще не презирали-то, идешь к вам, так душа не на месте.

Е в л а л и я. Чего же вы боялись?

М у л и н. Любви вашей.

Е в л а л и я. Это вздор. Мне Софья Сергевна сейчас призналась... Значит, вы любви не очень боитесь.

М у л и н. Да ведь любовь-то бывает разная.

Е в л а л и я. Какая разная?

М у л и н. Есть любовь, которую сама природа подсказывает женщине; на эту любовь нельзя не ответить; та любовь знает тайну. А то есть другая любовь,

напускная, пансионского и институтского происхождения, так называемое обожание; эта любовь напоказ: ее ужасно боятся мужчины; особенно жутко бывает подчиненному человеку.

Евлалия. Подите от меня! Повторяю вам: я вас презираю!

Мулин. Презирать-то — презирайте; а и поблагодарить меня вам тоже не мешает.

Евлалия. За что это?

Мулин. Вы сами признаетесь в любви и кидаетесь на шею человеку, которого вы совсем не знаете. Будь во мне поменьше совести и уважения к Евдокиму Егорычу или только просто не служи я у него, ведь из этого мог бы выйти скандал веселый. И сам-то бы я насмеялся над вами вдоволь, да и всему бы городу удовольствие большое доставил. Так вы сначала поблагодарите меня, что я этого не сделал, а потом уж презирайте, пожалуй.

Евлалия *(тихо)*. Благодарю вас!

Входят Стыров, Коблов, Софья.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евлалия, Мулин, Стыров, Коблов и Софья.

Коблов. Дурной пример вы подаете мужьям, Евдоким Егорыч. Я вам серьезно говорю. У нас ведь переймут сейчас; за вами, глядишь, другой и третий потянется. А там уж и все жены взбунтуются.

Стыров. Что мне за дело до других! Я у себя в доме хозяин: что хочу, то и делаю.

Коблов. Ну нет, это дело не личное ваше, это дело общественное. К свободе надо приучать исподволь; дай-ка вдруг волю-то, вы увидите, что от наших жен будет. Да всякая благоразумная женщина вам сама скажет, что сейчас после теремов к свободе привыкать нелегко.

Софья. А я слышала, напротив; говорят, к палке привыкать трудно, а к свободе гораздо легче.

Евлалия. Если речь идет обо мне, так я и не желаю никакой свободы, на что мне она!

Софья. Что вы! Опять экзальтация! От чего хотите отказывайтесь, только не от свободы. Не теперь, так вперед пригодится.

Е в л а л и я. Ах, да, конечно. Я сказала не подумавши. *(Задумчиво.)* Свобода — хороша... только я не знаю, что с ней делать...

К о б л о в. Ну, да что о пустяках-то толковать, пора бы и за серьезное дело, пора в винт садиться. Вон, кажется, партнеры подъехали.

Е в л а л и я *(мужу)*. Я с вами.

С т ы р о в. Как с нами?

Е в л а л и я. Я с вами в винт буду играть, я хочу учиться.

С т ы р о в. Евлалия, что ты говоришь? Верить ли мне ушам своим?

Е в л а л и я. Я теперь постоянно, каждый день буду играть; мне эта игра очень нравится.

С т ы р о в. Евлалия, милая Евлалия! *(Обнимает ее.)* Вот, господа, когда я счастлив вполне. Играй, Евлалия, играй по большой! проигрывай тысячи; я ничего для тебя не пожалею! Вот это, господа, праздник! Человек, шампанского, больше давай, больше! *(Целует Евлалию.)*

Комедия
в четырех
действиях

ТАЛАНТЫ
И ПОКЛОННИКИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАВНА НЕГИНА,
актриса провинциального театра, молодая девица.

ДОМНА ПАНТЕЛЕВНА,
мать ее, вдова, совсем простая женщина, лет за 40, была замужем за музыкантом провинциального оркестра.

КНЯЗЬ ИРАКЛИЙ СТРАТОНЫЧ ДУЛЕБОВ,
важный барин старого типа, пожилой человек.

ГРИГОРИЙ АНТОНЫЧ БАКИН,
губернский чиновник на видном месте, лет 30.

ИВАН СЕМЕНЫЧ ВЕЛИКАТОВ,
очень богатый помещик, владелец отлично устроенных имений и заводов, отставной кавалерист, человек практического ума, ведет себя скромно и сдержанно, постоянно имеет дела с купцами и, видимо, старается подражать их тону и манерам; средних лет.

ПЕТР ЕГОРЫЧ МЕЛУЗОВ,
молодой человек, кончивший курс в университете и ожидающий учительского места.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА СМЕЛЬСКАЯ,
актриса, постарше Негиной.

МАРТЫН ПРОКОФЬИЧ НАРОКОВ,
помощник режиссера и бутафор, старик, одет очень прилично, но бедно; манеры хорошего тона.

Действие в губернском городе. В первом действии, в квартире актрисы Негиной: налево от актеров окно; в глубине, в углу, дверь в переднюю; направо перегородка с дверью в другую комнату; у окна стол, на нем несколько книг и тетрадей; обстановка бедная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Домна Пантелевна одна.

Домна Пантелевна *(говорит в окно)*. Зайди денька через три-четыре; после бенефиста все тебе отдадим! А? Что? О, глухой! Не слышит. Бенефист у нас будет; так после бенефиста все тебе отдадим. Ну, ушел. *(Садится.)* Что долгу, что долгу! Туда рубль, сюда два... А каков еще сбор будет, кто ж его знает. Вот зимой бенефист брали, всего сорок два с полтиной в очистку-то вышло, да какой-то купец полоумный серьги бирюзовые преподнес... Очень нужно! Эка невидаль! А теперь ярмарка, сотни две уж всё возьмем. А и триста рублей получишь, нешто

их в руках удержишь; все промежду пальцев уйдут, как вода. Нет моей Саше счастья! Содержит себя очень аккуратно, ну, и нет того расположения промежду публики: ни подарков каких особенных, ничего такого, как прочим, которые... ежели... Вот хоть бы князь... Ну, что ему стоит! Или вот Иван Семеныч Великатов... говорят, сахарные заводы у него не один миллион стоят... Что бы ему головки две прислать: нам бы надолго хватило... Сидят, по уши в деньгах зарымшись, а нет, чтобы бедной девушке помочь. Я уж про купечество и не говорю — с тех что взять! Они и в театр-то не ходят; разве какой уж ошалеет совсем, так его словно ветром туда занесет... так от таких чего ожидать, окромя безобразия...

Входит Нароков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелевна и Нароков.

Домна Пантелевна. А, Прокофьич, здравствуй!

Нароков *(мрачно)*. Здравствуй, Прокофьевна!

Домна Пантелевна. Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что ты!

Нароков. И я не Прокофьич, а Мартын Прокофьич.

Домна Пантелевна. Ах, извините, господин аркист!

Нароков. Коли хотите быть со мной на ты, так зовите просто Мартыном; все-таки приличнее. А что такое «Прокофьич»! Вульгарно, мадам, очень вульгарно!

Домна Пантелевна. Люди-то мы с тобой, батюшка, маленькие, что нам эти комплименты разводить.

Нароков. «Маленькие»? Я не маленький человек, извините!

Домна Пантелевна. Так неужели большой?

Нароков. Большой.

Домна Пантелевна. Так теперь и будем знать. Зачем же ты, большой человек, к нам, к маленьким людям, пришел?

Нароков. Так, в этом тоне, и будем продолжать, Домна Пантелевна? Откуда это в вас озорство такое?

Домна Пантелевна. Озорство во мне есть, это уж греха нечего таить! Подтрунить люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю.

Нароков. Да откуда оно в вас, это озорство-то? От природы или от воспитания?

Домна Пантелевна. Ах, батюшки, откуда? Ну, откуда... Да откуда чему другому-то быть? Жила всю жизнь в бедности, промежду мещанского сословия; ругань-то каждый божий день по дому кругом ходила, ни отдыху, ни передышки в этом занятии не было. Ведь не из пансиона я, не с мадамами воспитывалась. В нашем звании только в том и время проходит, что все промеж себя ругаются. Ведь это у богатых деликатности разные придуманы.

Нароков. Резон. Понимаю теперь.

Домна Пантелевна. Так неужто ж со всяким нежничать, всякому, с позволения сказать... Сказала б я тебе словечко, да обижать не хочу. Неужто всякому «вы» говорить?

Нароков. Да, в простонародии все на ты...

Домна Пантелевна. «В простонародии»! Скажите, пожалуйста! А ты что за барин?

Нароков. Я барин, я совсем барин... Ну, давай на ты, мне это не в диковину.

Домна Пантелевна. Да какая диковина; обыкновенное дело. В чем же твоя барственность?

Нароков. Я могу сказать тебе, как Лир: каждый вершок меня — барин. Я человек образованный, учился в высшем учебном заведении, я был богат.

Домна Пантелевна. Ты-то?

Нароков. Я-то.

Домна Пантелевна. Да ужли?

Нароков. Ну, что ж, божиться тебе, что ли?

Домна Пантелевна. Нет, зачем? Не божись, не надо; я и так поверю. Отчего же ты шуфлером служишь?

Нароков. Я не chou-fleur и не siffleur, мадам, и не суфлер даже, а помощник режиссера. Здешний-то театр был мой.

Домна Пантелевна *(с удивлением)*. Твой? Скажите на милость!

Нароков. Я его пять лет держал, а Гаврюшка-то был у меня писарем, роли переписывал.

Домна Пантелевна *(с бо́льшим удивлением)*. Гаврила Петрович, ампренёр здешний?

Нароков. Он самый.

Домна Пантелевна. Ах ты, горький! Так вот что.

Значит, тебе в этом театрашном деле счастья бог не дал, что ли?

Нароков. Счастья! Да я не знал, куда девать счастье-то, вот сколько его было!

Домна Пантелевна. Отчего ж ты в упадок-то пришел? Пил, должно быть? Куда ж твои деньги девались?

Нароков. Никогда я не пил. Я все свои деньги за счастье-то и заплатил.

Домна Пантелевна. Да какое ж такое счастье у тебя было?

Нароков. А такое и счастье, что я делал любимое дело. *(Задумчиво.)* Я люблю театр, люблю искусство, люблю артистов, понимаешь ты? Продал я свое имение, денег получил много и стал антрепренером. А? Разве это не счастье? Снял здешний театр, отделал все заново: декорации, костюмы; собрал хорошую труппу и зажил, как в раю... Есть ли сборы, нет ли, я на это не смотрел, я всем платил большое жалованье аккуратно. Поблаженствовал я так-то пять лет, вижу, что деньги мои под исход; по окончании сезона рассчитал всех артистов, сделал им обед прощальный, поднес каждому по дорогому подарку на память обо мне...

Домна Пантелевна. Ну, а что ж потом-то?

Нароков. А потом Гаврюшка снял мой театр, а я пошел в службу к нему; платит он мне небольшое жалованье да помаленьку уплачивает за мое обзаведение. Вот и все, милая дама.

Домна Пантелевна. Тем ты только и кормишься?

Нароков. Ну, нет, хлеб-то я себе всегда достану; я уроки даю, в газеты корреспонденции пишу, перевожу; а служу у Гаврюшки, потому что от театра отстать не хочется, искусство люблю очень. И вот я, человек образованный с тонким вкусом, живу теперь между грубыми людьми, которые на каждом шагу оскорбляют мое артистическое чувство. *(Подойдя к столу.)* Что это за книги у вас?

Домна Пантелевна. Саша учится, к ней учитель ходит.

Нароков. Учитель? Какой учитель?

Домна Пантелевна. Студент. Петр Егорыч. Чай, знаешь его?

Нароков. Знаю. Кинжал в грудь по самую рукоятку!

Домна Пантелевна. Что больно строго?

Нароков. Без сожаленья.

Домна Пантелевна. Погоди колоть-то: он жених Сашин.

Нароков *(с испугом)*. Жених?

Домна Пантелевна. Там еще, конечно, что бог даст, а все-таки женихом зовем. Познакомилась она с ним где-то, ну, и стал к нам ходить. Как же его назвать-то? Ну и говоришь, что, мол, жених; а то соседи-то что заговорят! Да и отдам за него, коли место хорошее получит. Где ж женихов-то взять? Вот кабы купец богатый; да хороший-то не возьмет, а которые уж очень-то безобразны, тоже радость не велика. А за него что ж не отдать, парень смирный, Саша его любит.

Нароков. Любит? Она его любит?

Домна Пантелевна. Отчего ж его не любить? Что, в самом деле, по театрам-то трепаться молодой девушке! Никакой основательности к жизни получить себе нельзя!

Нароков. И это ты говоришь?

Домна Пантелевна. Я говорю, и уж давно говорю. Ничего хорошего, окромя дурного.

Нароков. Да ведь твоя дочь талант; она рождена для сцены.

Домна Пантелевна. Для сцены-то для сцены; это точно, это уж что говорить! Она еще маленькая была, так, бывало, не вытащить ее из театра; стоит за кулисами, вся трясется. Муж-то мой, отец-то ее, был музыкант, на флейте играл, так, бывало, как он в театр, так и она за ним. Прижмется к кулисе, да и стоит, не дышит.

Нароков. Ну, вот видишь. Ей только на сцене и место.

Домна Пантелевна. Уж куда какое место прекрасное!

Нароков. Да ведь у нее страсть, пойми ты, страсть! Сама же ты говоришь.

Домна Пантелевна. Хоша бы и страсть, да хорошего-то в этом нет, похвалить-то нечего. Это вот вам, бездомовым да беспутным.

Нароков. О, невежество! Кинжал в грудь по рукоятку!

Домна Пантелевна. Да ну тебя с кинжалами! У вас путного-то на сцене немного; а я держу свою дочь на замужней линии. Со всех сторон там к ней

лезут, да подлипают, да глупости разные в уши шепчут... Вот князь Дулебов повадился, тоже на старости лет ухаживать вздумал... Хорошо это? Как ты скажешь?

Н а р о к о в. Князь Дулебов! Кинжал в грудь по рукоятку!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ох, уж много ты очень народу переколол.

Н а р о к о в. Много.

Д о м н а П а н т е л е в н а. И все живы?

Н а р о к о в. А то как же? Конечно, живы, и все в добром здоровье, продли им, господи, веку. На-ка, вот, отдай! *(Подает тетрадку.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Это что ж такое?

Н а р о к о в. Роль. Это я сам переписал для нее.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да что ж это за парад такой? На тонкой бумаге, связано розовой ленточкой!

Н а р о к о в. Ну, да уж ты ей отдай! Что тут разговаривать!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да к чему ж эти нежности при нашей бедности? Небось, ведь за ленточку-то последний двугривенный отдал?

Н а р о к о в. Хоть и последний, так что ж из этого? Ручки у нее хорошенькие, душка еще лучше, нельзя же ей грязную тетрадь подать.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да к чему, к чему это?

Н а р о к о в. Что ты удивляешься? Все это очень просто и естественно; так и должно быть, потому что я в нее влюблен.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ах, батюшки! Час от часу не легче! Да ведь ты старик, ведь ты старый шут; какой ты еще любви захотел?

Н а р о к о в. Да ведь она хороша? Говори: хороша?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, хороша; так тебе-то что ж?

Н а р о к о в. Кто ж хорошее не любит? Ведь и ты тоже хорошее любишь. Ты думаешь, коли человек влюблен, так сейчас гам... и съел? Из тонких парфюмов соткана душа моя. Где ж тебе это понять!

Д о м н а П а н т е л е в н а. А ведь ты чудак, как посмотрю я на тебя.

Н а р о к о в. Слава богу, догадалась. Я и сам знаю, что чудак. Что ж ты меня обругать, что ли, этим словом-то хотела?

Д о м н а П а н т е л е в н а *(у окна)*. Никак князь подъехал? И то он.

Н а р о к о в. Ну, так я уйду тут, через кухню. Адье, мадам.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Адьё, мусьё!

Н а р о к о в уходит за перегородку. Входят Д у л е б о в и Б а к и н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д о м н а П а н т е л е в н а, Д у л е б о в, Б а к и н.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Дома нет, ваше сиятельство, уж извините! В гостиный двор пошла.

Д у л е б о в. Ну, ничего, я подожду.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Как угодно, ваше сиятельство.

Д у л е б о в. Вы делайте свое дело, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду.

Д о м н а П а н т е л е в н а уходит.

Б а к и н. Вот мы и съехались, князь.

Д у л е б о в. Ну, что же, здесь не тесно и для двоих.

Б а к и н. Но, во всяком случае, один из нас лишний, и этот лишний — я. Уж такое мне счастье: заехал к Смельской, там Великатов сидит, молчит.

Д у л е б о в. А вы бы разговаривали. Вы разговаривать умеете, значит, шансы на вашей стороне.

Б а к и н. Не всегда, князь. Великатов и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю.

Д у л е б о в. Да почему же?

Б а к и н. Потому что богат. А так как, по русской пословице: «С богатым не тянись, а с сильным не борись», то я и ретируюсь. Великатов богат, а вы сильны своей любезностью.

Д у л е б о в. Ну, а вы-то чем же хотите взять?

Б а к и н. Смелостью, князь. Смелость, говорят, города берет.

Д у л е б о в. Города-то, пожалуй, легче... А впрочем... уж это ваше дело. Коли не боитесь проигрыша, так отчего ж и смелость не попробовать.

Б а к и н. Я лучше готов потерпеть неудачу, чем пускаться в любезности.

Д у л е б о в. У всякого свой вкус.

Б а к и н. Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства — уж это не много ли чести для наших дам!

Д у л е б о в. У всякого свой взгляд.

Б а к и н. Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: «Я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то; угодно вам любить меня?»

Д у л е б о в. Да, но ведь это оскорбительно для женщины.

Б а к и н. А уж это их дело, оскорбляться или нет. По крайней мере, я не обманываю; ведь не могу же я, при таком количестве дел, заниматься любовью серьезно: зачем же я буду притворяться влюбленным, вводить в заблуждение, возбуждать, может быть, какие-нибудь несбыточные надежды! То ли дело договор?

Д у л е б о в. У всякого свой характер. Скажите, пожалуйста, что за человек Великатов?

Б а к и н. Я об нем знаю столько же, сколько и вы. Очень богат; великолепное имение в соседней губернии, свеклосахарный завод, да еще конный, да, кажется, винокуренный. Сюда приезжает он на ярмарку; продавать ли, покупать ли лошадей, уж я не знаю. Как он разговаривает с барышниками, я тоже не знаю; но в нашем обществе он больше молчит.

Д у л е б о в. Он деликатный человек.

Б а к и н. Даже очень: никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он говорит или мистифирует тебя.

Д у л е б о в. Но он очень учтивый человек.

Б а к и н. Уж слишком даже: в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и суфлера, и даже бутафора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем: все-то он знает; во все их интересы входит; ну, одним словом, для каждой старухи сын самый почтительный и предупредительный.

Д у л е б о в. А из молодых он, кажется, никому особого предпочтения не дает и держится как-то в стороне от них.

Б а к и н. С этой стороны, князь, будьте покойны, он вам соперник не опасный; он как-то сторонится от молодых и никогда первый не заговаривает; когда обратятся к нему, так у него только и слов: «Что прикажете? Что угодно?»

Д у л е б о в. А может быть, это рассчитанная холодность, он хочет заинтересовать собою?

Б а к и н. Да на что ему рассчитывать! Он завтра или послезавтра уезжает.

Д у л е б о в. Да... разве?

Б а к и н. Наверное. Он мне сам говорпл; у него уж все приготовлено к отъезду.

Д у л е б о в. Жаль! Он очень приятный человек, такой ровный, спокойный.

Б а к и н. Мне кажется, его спокойствие происходит от ограниченности; ума не скроешь, он бы в чем-нибудь выказался; а он молчит, значит, не умен; но и не глуп, потому что считает за лучшее молчать, чем говорить глупости. У него ума и способностей ровно столько, сколько нужно, чтобы вести себя прилично и не прожить того, что папенька оставил.

Д у л е б о в. В том-то и дело, что папенька оставил ему имение разоренное, а он его устроил.

Б а к и н. Ну, прибавим ему еще несколько практического смысла и расчетливости.

Д у л е б о в. Пожалуй, придется и еще что-нибудь прибавить, и выйдет очень умный, практический человек.

Б а к и н. Как-то верить не хочется. А впрочем, мне все равно, умен ли он, глуп ли; вот что богат очень, это немножко досадно.

Д у л е б о в. Неужели?

Б а к и н. Право. Как-то невольно в голову приходит, что было бы гораздо лучше, если бы я был богат, а он беден.

Д у л е б о в. Да, это для вас лучше, ну, а для него-то?

Б а к и н. А мне черт его возьми; что мне до него! Я про себя говорю. Однако пора и за дело. Уступаю вам место без бою. До свиданья, князь!

Д у л е б о в *(подавая руку)*. Прощайте, Григорий Антоныч!

Б а к и н уходит. Входит Д о м н а П а н т е л е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д у л е б о в и Д о м н а П а н т е л е в н а.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ушли, не дождались?

Д у л е б о в. Вы что за эту квартиру платите?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Двенадцать рублей, ваше сиятельство.

Д у л е б о в *(указывая в угол)*. Тут сыро, должно быть?
Д о м н а П а н т е л е в н а. По деньгам и квартира.
Д у л е б о в. Надо будет переменить. *(Отворяя дверь направо.)* А там что?
Д о м н а П а н т е л е в н а. Спальня Саши, а направо-то моя комната, а там кухня.
Д у л е б о в *(про себя)*. Мизерно. Да... конечно, так невозможно.
Д о м н а П а н т е л е в н а. По средствам, ваше сиятельство.
Д у л е б о в. Пожалуйста, не говорите, чего не понимаете. Хорошей актрисе нельзя так жить, ну, нельзя, я вам говорю, невозможно. Это неприлично.
Д о м н а П а н т е л е в н а. Какие же достатки?
Д у л е б о в. Что такое за слово: «достатки»?
Д о м н а П а н т е л е в н а. Из каких доходов, ваше сиятельство?
Д у л е б о в. Какое же нам дело до ваших доходов!
Д о м н а П а н т е л е в н а. Да где ж взять-то, ваше сиятельство?
Д у л е б о в. Ну, «где взять»! Кому нужно! Никому до этого дела нет; где хотите, там и берите. Только так нельзя, это... это... ну, просто неприлично, да и все тут.
Д о м н а П а н т е л е в н а. Вот кабы жалованье...
Д у л е б о в. Ну, там жалованье или что другое, это уж ваше дело.
Д о м н а П а н т е л е в н а. Бенефисты очень плохи берем.
Д у л е б о в. А кто виноват? Чтобы брать большие бенефисы, нужно знакомство хорошее, нужно уметь его выбрать, уметь обходиться... Я могу вам назвать лиц десять, которых нужно привлечь на свою сторону; вот и великолепные бенефисы будут: и призы, и подарки. Это дело простое, давно всем известное. Нужно принимать у себя порядочных людей... А где же тут! Что это такое? Кто сюда поедет?
Д о м н а П а н т е л е в н а. А ведь, кажется, публика ее любит, а вот в бенефист так... ничем не заманишь.
Д у л е б о в. Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкие чиновники! Они рады все руки себе отхлопать, по десяти раз вызывают Негину, а уж ведь они, канальи, лишнего гроша не заплатят.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Что правда, то правда, ваше сиятельство. Конечно, кабы знакомство, так уж совсем другое дело.

Д у л е б о в. Само собой. Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бывает; это тоже общественное мнение, а на него жаловаться смешно. Надо уметь заслужить любовь публики. Надо, чтоб постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ее друзьями были бы мы, солидные люди. Все мы целый день заняты, кто семейными и хозяйственными делами, кто общественными, у нас свободны только несколько часов вечером; где же удобнее, как не у молодой актрисы, отдохнуть, так сказать, от бремени забот, одному — хозяйственных, а другому — о вверенном его управлению ведомстве или районе.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Уж это очень мудрено для меня, ваше сиятельство. Вы вот эти-то слова Саше и скажите.

Д у л е б о в. Да, скажу, непременно скажу, я за этим и приехал.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да вот, кажется, и она бежит.

Д у л е б о в. Только уж вы нам не мешайте!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ах, помилуйте, да разве я своему детищу враг!

Входит Н е г и н а.

Что ты так долго? Князь тебя давно дожидается. *(Берет у дочери шляпку, зонтик, плащ и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Д у л е б о в и Н е г и н а.

Д у л е б о в *(подходит и целует руку Негиной)*. Ах, моя радость, а я вас заждался.

Н е г и н а. Извините, князь! С бенефисом все хлопочу, такая мука... *(Задумывается.)*

Д у л е б о в *(садясь)*. Скажите, пожалуйста, мой дружочек...

Н е г и н а *(выходя из задумчивости)*. Что вам угодно?

Д у л е б о в. Как эта пьеса, что вы в последний раз играли?..

Н е г и н а. «Уриель Акоста».

Д у л е б о в. Да, да... Прекрасно вы играли, прекрасно! Сколько чувства, благородства! Не шутя вам говорю.

Н е г и н а. Благодарю вас, князь.

Д у л е б о в. Странные пьесы нынче пишут; не поймешь ничего.

Н е г и н а. Да она уж давно написана.

Д у л е б о в. Давно? Чья же она, Каратыгина или Григорьева?

Н е г и н а. Нет, Гуцкова.

Д у л е б о в. А! Гуцкова... знаю, знаю. Еще у него есть комедия, прекрасная комедия: «Русский человек добро помнит».

Н е г и н а. То Полевого, князь.

Д у л е б о в. Ах, да... я смешал... Полевого... Николай Полевой. Он из мещан... По-французски выучился самоучкой, ученые книги писал, всё с французского брал... Только он тогда заспорил с кем-то... с учеными или с профессорами... Ну, где же, возможно ли, да и прилично ли! Ну, ему и не велели ученых книг писать, приказали водевили сочинять. После сам был благодарен, большие деньги получал. «Мне бы, говорит, и не догадаться». Что вы так печальны?

Н е г и н а. Много хлопот, князь.

Д у л е б о в. Вам, моя красавица, надо веселее быть, вам еще рано задумываться; старайтесь развлекать себя, утешать чем-нибудь. Вот мы сейчас с вашей матушкой говорили...

Н е г и н а. Об чем, князь?

Д у л е б о в. Разумеется, о вас, мое сокровище, а то о чем же! Вот квартира у вас нехороша... Нельзя актрисе, хорошенькой девушке, в такой избе жить; это неприлично.

Н е г и н а *(несколько обидясь)*. Не хороша квартира? Ну, так что же? Я и сама знаю, что бывают квартиры лучше этой... Вам бы, князь, пожалеть меня, не напоминать мне о моей бедности; я и без вас ее чувствую каждый час, каждую минуту.

Д у л е б о в. Да разве я вас не жалею? Я вас очень жалею, красавица моя.

Н е г и н а. Так вы жалейте про себя, ваше сиятельство! Мне нет никакой пользы от ваших сожалений, а слышать их неприятно. Вы находите, что моя квартира не хороша; а я нахожу, что она удобна для меня, и мне лучше не надо. Вам моя квартира не нравится,

вам неприятно бывать в такой квартире, так ведь никто вас не принуждает.

Д у л е б о в. Не горячитесь, не горячитесь, моя радость! Вы не дослушаете, да и сердитесь на человека, который вам предан всей душой... Так нельзя...

Н е г и н а. Извольте говорить, я слушаю.

Д у л е б о в. Я человек деликатный, я никогда никого не оскорблю, я известен своей деликатностью. Я бы никогда не посмел осуждать вашу квартиру, если б не имел в виду...

Н е г и н а. Чего, князь?

Д у л е б о в. Предложить вам другую, лучше гораздо.

Н е г и н а. За ту же цену?

Д у л е б о в. Ну, какое вам дело до цены?

Н е г и н а. Я что-то не понимаю, князь.

Д у л е б о в. Вот видите ли, мое блаженство, я человек очень добрый, нежный — это тоже всем известно... я, несмотря на свои лета, до сих пор сохранил всю свежесть чувства... я еще до сих пор могу увлекаться, как юноша...

Н е г и н а. Я очень рада; но какое же отношение имеет все это к моей квартире?

Д у л е б о в. Очень просто. Разве вы не замечаете? Я люблю вас... Лелеять вас, баловать... это было бы для меня наслаждением... это моя потребность; у меня очень много нежности в душе, мне нужно ласкать кого-нибудь, я без этого не могу. Ну, подойдите же ко мне, мой птенчик!

Н е г и н а *(встает)*. Вы с ума сошли!

Д у л е б о в. Грубо, мой друг, грубо!

Н е г и н а. Да с чего вы вздумали? Помилуйте! Я вам никакого повода не подавала... Как вы осмелились выговорить?

Д у л е б о в. Потише, потише, мой дружочек!

Н е г и н а. Это что ж такое! Приехать в чужой дом и, ни с того ни с сего, затеять глупый, обидный разговор.

Д у л е б о в. Потише, потише, пожалуйста! Вы еще очень молоды, чтобы так разговаривать.

Н е г и н а. Вот это мило! «Вы еще молоды»! Значит, молодых можно обижать, сколько угодно, и они должны молчать.

Д у л е б о в. Да какая тут обида? В чем обида? Дело самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочного общества и осмеливаетесь осуждать почтен-

ного человека! Что вы, в самом деле! Вы меня обижаете!

Негина *(в слезах)*. Ах, боже мой! Нет, это выше сил...

Дулебов. На все есть приличная форма, сударыня! В вас совсем нет благовоспитанности; не нравится вам мое предложение, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежелание учтиво или как-нибудь на шутку свести.

Негина. Ах, оставьте меня, пожалуйста! Не нужно мне ваших нравоучений. Я сама знаю, что мне делать, сама знаю, что хорошо, что дурно. Ах, боже мой!.. Да не желаю я вас слушать.

Дулебов. Да что же вы кричите?

Негина. Отчего ж мне не кричать? Я у себя дома, кого ж мне бояться?

Дулебов. Прекрасно! Только вы помните, моя радость, что я обиды не забываю.

Негина. Ну, хорошо, хорошо, буду помнить.

Дулебов. Извините, я думал, что вы девица благовоспитанная; я никак не мог ожидать, что вы от всякой малости расплачетесь и расчувствуетесь, как кухарка.

Негина. Да ну, хорошо; ну, я кухарка, только я желаю быть честной.

Домна Пантелевна показывается из двери.

Дулебов. И поздравляю вас! Только честности одной мало: надо быть и поумнее, и поосторожнее, чтобы потом не плакать. Билета мне не присылайте, я не поеду на ваш бенефис, мне некогда; а если вздумаю, так пошлю взять в кассе. *(Уходит.)*

Входит Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина и Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Что такое? Что тут у вас? Князь уехал? Уж не рассердился ли он?

Негина. Да пускай его сердится!

Домна Пантелевна. Что ты! Опомнись! Перед бенефистом-то? Да в уме ли ты?

Негина. Да ведь невозможно! Что он говорит! Кабы вы послушали!

Домна Пантелевна. А тебе что! Пускай говорит. От его слов тебя не убудет.

Негина. Да ведь вы не знаете, что он говорил; что ж вы мешаетесь не в свое дело?

Домна Пантелевна. Очень я знаю, оченно прекрасно все это знаю, что мужчины говорят.

Негина. И можно это слушать равнодушно?

Домна Пантелевна. А что ж такое! Городи, сколько хочешь. Пусть его мелет в свое удовольствие, а ты, знай, посмеивайся!

Негина. Ах, не учите! Оставьте, пожалуйста! Я знаю, как вести себя.

Домна Пантелевна. Уж и видно, что знаешь: перед самым бенефистом побранилась ты с таким человеком!

Негина. Маменька, да разве вы не видите, что я расстроена? Я дрожу вся, а вы ко мне пристаете.

Домна Пантелевна. Нет, ты погоди! Ты выслушай от матери резон! Как же это перед бенефистом браниться, ежели которые люди тебе нужные?.. Не могла ты подождать-то? Ну, после бенефиста бранись, сколько хочешь, я тебе ни слова не скажу. Потому нельзя тоже им и волю давать; ограничить следует. Ах, мол, ты пугало огородное!..

Негина. Маменька, да довольно уж...

Домна Пантелевна. Нет, постой! А перед бенефистом ты должна была учтиво...

Негина. Да я и не бранилась, я только обиделась и сказала, чтоб он оставил меня в покое.

Домна Пантелевна. Вот и глупа, вот и глупа! Ты бы, как можно, старалась учтивее. «Мол, ваше сиятельство, мы завсегда вами оченно довольны и завсегда вами благодарны; только подлостев таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете». Вот как надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво.

Негина. Что сделано, то сделано; нечего теперь об этом толковать!

Домна Пантелевна. Я вот и не ученая, да знаю, как с людьми разговаривать; а тебя еще учитель учит...

Негина. Что вы еще об учителе?.. Ведь не понимаете вы этого ничего, так нечего вам и мешаться не в свое дело.

Домна Пантелевна. Да чего понимать-то? Обнаковенно студент... Эка важность какая, скажите пожалуйста! Не барон какой-нибудь!.. Видали мы этого звания-то довольно. Только на разговоре их и взять... Голь на голи да голью погоняет. Только один форс, а сертучишка нет порядочного.

Негина. Что он вам сделал... ну, за что вы? За что вы и меня-то мучаете?

Домна Пантелевна. Ну, да как же, эка особа! И говорить про него не смей! Нет, матушка, никто мне не запретит, захочу вот, так и обругаю, в глаза обругаю. Самые что ни есть обидные слова подберу, да так-таки прямо ему и отпечатаю... Вот ты и знай, как с матерью спорить, как с матерью разговаривать.

Негина. Уйдите!

Домна Пантелевна. Вот еще: «Уйдите»! Да уходи сама, коли тебе со мной тесно.

Негина. Вон кто-то подъехал, кажется... Уйдите, маменька! Кому интересно наши с вами умные разговоры слушать!

Домна Пантелевна. Так вот не уйду же. Ишь ты... Сама разобидит мать как нельзя хуже, да еще разные свои претензии представляет... «Умные разговоры». Не глупее я тебя с студентом-то с твоим, с лохматым.

Негина *(взглянув в окно)*. Великатов! В первый раз к нам... а у нас тут...

Домна Пантелевна. Не беспокойтесь, сударыня, мамзель Негина, знаменитая актриса, обращение не хуже вас знаем... Только я тебе это припомню!

Негина. Смельская с ним.

Домна Пантелевна. Да-с, вот люди умеют же...

Негина. Какие лошади, какие лошади!

Домна Пантелевна. Смельская-то катается, а мы пешечком ходим.

Входят Смельская и Великатов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Негина, Домна Пантелевна, Смельская и Великатов.

Домна Пантелевна. Пожалуйте, пожалуйте, Нина Васильевна!

С м е л ь с к а я. Здравствуйте, Домна Пантелевна! Гостя к вам привезла, Ивана Семеныча Великатова.

Великатов кланяется.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ах, очень приятно познакомиться. Давно я вас знаю, в театре часто видала, а познакомиться не приводилось.

С м е л ь с к а я. Здравствуй, Саша! Я сбиралась к тебе, уж и шляпку надела, а Иван Семеныч и заехал; ну, и увязался со мной. Ты не сердишься? Она ведь у нас затворница.

Н е г и н а *(подает руку Великатову)*. Ах, что ты! Я очень рада. Вам бы давно догадаться, Иван Семеныч.

В е л и к а т о в. Не смел, Александра Николаевна; я человек робкий.

С м е л ь с к а я. Да, уж робкий — похоже!

Н е г и н а. Скажите лучше, гордый.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Вот уж это ты напрасно; Иван Семеныч человек обходительный со всеми, я сама это видала. Гордости этой в них совсем нет.

В е л и к а т о в. Совсем нет, Домна Пантелевна.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Я люблю правду говорить.

В е л и к а т о в. Я тоже, Домна Пантелевна.

Н е г и н а. Садитесь, Иван Семеныч!

В е л и к а т о в. Не беспокойтесь, сделайте одолжение! У вас, вероятно, какие-нибудь дела есть; вы на нас не обращайте внимания. Я с Домной Пантелевной побеседую. *(Садится у стола.)*

Негина и Смельская говорят шепотом.

Н е г и н а *(Смельской)*. Вот что, Нина...

С м е л ь с к а я. Неужели?

Н е г и н а. Да. Не знаю, что и делать.

С м е л ь с к а я. Как же быть-то? Да ты бы... *(Говорит шепотом.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да что вы, в самом деле, шепчетесь? Нешто это учтиво?

В е л и к а т о в. Не мешайте им! У всякого свои дела.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Какие дела! Всё пустяки. Ведь я знаю, про что говорят. О тряпках. Вот у них дела-то какие!

В е л и к а т о в. Для нас с вами тряпки — пустяки, а для них — важное дело.

Домна Пантелевна. Платьишка нет к бенефисту, да и денег-то.

Великатов. Ну, вот видите! А вы говорите, что пустяки. *(Взглянув в окно.)* Курочки-то это ваши?

Домна Пантелевна. Которые?

Великатов. А вон кохинхинские.

Домна Пантелевна. Нет, где уж нам кохетинских разводить! Были две гилянки да две шпанки, а петух русский; орел, а не петух — да всех разворовали.

Великатов. А вы любите курочек-то, Домна Пантелевна?

Домна Пантелевна. До страсти, батюшка, всякую птицу люблю.

Входит Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов и Мелузов.

Негина *(Великатову)*. Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов.

Смельская. Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч — студент; он жених Сашин.

Великатов *(подавая руку)*. Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов. Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатов *(почтительно)*. Совершенно справедливо: очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей.

Мелузов. Да, коли так... благодарю вас! *(Подходит и горячо жмет руку Великатову.)*

Негина. Пойдем, Нина, я тебе покажу платье! Посмотри, можно ли из него сделать что-нибудь! *(Великатову.)* Извините, что мы вас оставляем! Но я знаю, что вам не будет скучно: вы будете разговаривать с образованным человеком, это не то, что с нами. Маменька, пойдемте! Отоприте шкаф!

Уходят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Великатов и Мелузов.

Великатов *(заметив на столе книги)*. Книжки и тетрадки.

Мелузов. Да, учимся понемножку.

Великатов. И успехи есть?

Мелузов. Некоторые, так сказать, относительные.

Великатов. И того довольно. Времени у Александры Николавны мало: чуть не каждый день новая пьеса, надо и рольку подготовить, и о костюме подумать. Не знаю, как вы полагаете, а мне кажется, что это довольно затруднительно: учить и роли и грамматику вместе.

Мелузов. Да, удобств больших не представляет.

Великатов. По крайней мере есть стремление, есть охота, и то уж великое дело. Честь вам и слава.

Мелузов. Да за что же слава-то, например?

Великатов. За благородные намерения. Кому же в голову придет актрису грамматике учить!

Мелузов. Да вы смеетесь, может быть?

Великатов. Нисколько, помилуйте; я никогда себе не позволю. Я очень люблю молодых людей.

Мелузов. Уж будто?

Великатов. Очень люблю их слушать... это освежает душу. Такие благородные, высокие замыслы... даже завидно.

Мелузов. Чему же тут завидовать? Кто ж вам мешает иметь благородные, высокие замыслы?

Великатов. Нет, где же нам, помилуйте! Нас проза жизни одолела. И рад бы в рай, да грехи не пускают.

Мелузов. Какие же за вами грехи водятся?

Великатов. Тяжкие. Практические соображения, материальные расчеты — вот наши грехи. Постоянно вращаешься в сфере возможного, достижимого; ну, душа-то и мельчает, уж высоких, благородных замыслов и не приходит в голову.

Мелузов. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатов. А такие замыслы, в которых очень много благородства и очень мало шансов на успех.

Входят Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Великатов, Мелузов, Негина, Смельская и Домна Пантелевна.

Смельская *(Негиной)*. Все это, душа моя, не годится

Негина. Я и сама вижу. Новое делать — будет очень дорого.

Смельская. Да как же быть-то! Ведь нельзя же... Поедемте, Иван Семеныч!

Великатов. К вашим услугам. *(Подает руку Негиной.)* Честь имею кланяться!

Негина. Какие у вас лошади! Вот бы прокатиться как-нибудь.

Великатов. Когда вам угодно, прикажите только. *(Подает руку Мелузову, потом Домне Пантелевне.)* Домна Пантелевна, мое почтение! А как вы на мою тетеньку похожи!

Домна Пантелевна. Да ужли?

Великатов. Ведь это удивительно... такое сходство... Чуть не назвал вас тетенькой.

Домна Пантелевна. Да зовите, за чем дело стало!

Смельская. Ну, едемте! Прощай, Саша! Прощайте! *(Кланяется всем.)*

Великатов *(Домне Пантелевне)*. До свидания, тетенька!

Уходят Смельская и Великатов. Домна Пантелевна провожает их до двери.

Домна Пантелевна. Ах, прокурат! *(Негиной.)* А ты говоришь, он гордый! Ничего не гордый. Уж на что еще обходительнее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Негина и Мелузов.

Негина *(у окна)*. Как покатили! Что за прелесть! Счастливая эта Нина; вот характер завидный!

Мелузов обнимает ее.

Ах, медвежьи объятья!.. До смерти не люблю. Нет, Петя, оставь меня!

Мелузов. Саша, да ведь я от тебя еще ни одной ласки не видал. Хороши жених с невестой!

Негина. После, Петя, после. Дай мне немного успокоиться! Мне теперь не до того.

Мелузов. А коли не до того, так давай учиться!

Негина. Какое ученье! У меня бенефис из головы нейдет; платья нет, вот моя беда.

Мелузов. Не о платье же мы будем говорить, это не мой предмет; по этой части я в преподаватели не гожусь.

Негина. Ох, мне теперь не преподавание нужно, а деньги.

Мелузов. Ну, и по этой части я тоже швах. Вот получу место, запрягусь; тогда будем жить безбедно. Ну, что ж мы будем делать? А вот что, Саша: давай примемся за исповедь!

Негина. Ах, мне всегда это как-то неловко!

Мелузов. Ты меня стыдишься?

Негина. Нет, а как-то вот тяжело... неприятно.

Мелузов. Надо побороть в себе это неприятное чувство. Ведь ты меня просила учить тебя жить; ну, как же я стану тебя учить, не лекции же читать? А вот ты мне говоришь, что ты чувствовала, говорила и делала; а я тебе говорю, как надо чувствовать, говорить и поступать. Так ты постепенно и улучшаешься и со временем будешь...

Негина. Что буду, милый мой?

Мелузов. Будешь совсем хорошей женщиной, такой, какой надо, как это нынче требуется от вашего брата.

Негина. Да, я тебе благодарна. Я уж и так много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебе обязана, голубчик... Ну, изволь.

Мелузов *(садится у стола)*. Садись со мной рядом!

Негина *(садится подле, Мелузов обнимает ее одной рукой)*. Ну, вот слушай! Нынче утром заезжал ко мне князь Дулебов. Говорил, что у меня квартира не хороша, что так жить неприлично; ну, я немножко обиделась, сказала, что коли моя квартира ему не нравится, так никто его не принуждает бывать здесь.

Мелузов. Молодец, Саша! Далее!

Негина. Далее, предложил мне переехать на другую квартиру, хорошую.

М е л у з о в. Зачем это ему?

Н е г и н а. А затем, что у него очень много нежности в душе, и что ему, видишь ты, ласкать некого.

М е л у з о в *(хохочет)*. Вот силлогизм неожиданный! Так как мне ласкать некого, а ласкать нужно, то эта квартира не хороша, и вы должны переехать на новую квартиру. *(Хохочет.)* Ай да князь! Одолжил.

Н е г и н а. Ты вот смеешься, тебе весело, а я расплакалась.

М е л у з о в. Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать.

Н е г и н а. Да почему же это?

М е л у з о в. Да ты подумай! Если бы от таких разговоров тебе очень весело было, а я бы заплакал, хорошо ли бы это было?

Н е г и н а *(подумав)*. Да, уж это было бы очень нехорошо. Ах ты, головка! *(Гладит его по голове.)* Скажи мне, Петя, отчего ты такой умный?

М е л у з о в. Умный или нет, еще это вопрос; но что я умней многих вас, в этом нет сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете.

Н е г и н а. Ну, теперь уж я тебе скажу самую сокровенную вещь... Только ты, пожалуйста, не сердись! Это уж наш порок женский. Я сегодня позавидовала.

М е л у з о в. Кому ты можешь завидовать, милая? В чем?

Н е г и н а. Да только ты не сердись! Смельской... что она так весело живет, катается на таких лошадях. Дурно, знаю, что дурно.

М е л у з о в. Зависть да ревность — опасные чувства: мужчины это знают хорошо и пользуются вашей слабостью. Из зависти да из ревности женщина много дурного способна натворить.

Н е г и н а. Знаю, знаю, видала примеры. Мне так это на минуту в голову пришло, я потом одумалась.

М е л у з о в. Надо уж что-нибудь одно, Саша. Мы с тобой хотим честную, трудовую жизнь вести, так об лошадях ли нам думать!

Н е г и н а. Да, конечно! Ведь и в трудовой жизни есть свои удовольствия, Петя? Ведь бывают?

М е л у з о в. Еще бы!

Н е г и н а. Ты у нас пообедай! После обеда я тебе роль почитаю, так и проведем целый день вместе. Будем привыкать к тихой семейной жизни.

М е л у з о в. Бесподобно!

Н е г и н а *(прислушиваясь)*. Это что такое? Подъехал кто-то.

Входит *С м е л ь с к а я* *с двумя свертками в руках.*

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Н е г и н а, М е л у з о в и С м е л ь с к а я.

С м е л ь с к а я. Вот, Саша, на! *(Подает один сверток.)* Это Иван Семеныч купил нам по платью. Это тебе, а это мне.

Развертывают и смотрят оба куска.

М е л у з о в. Да какое же он имеет право делать подарки Александре Николавне?

С м е л ь с к а я. Ах, оставьте, пожалуйста, ваши рассуждения! Ваша философия теперь не к месту. Это совсем не подарок, это он ей за билет в бенефис.

М е л у з о в. А вам за что?

С м е л ь с к а я. А вам какое дело! За то, что любит меня.

Н е г и н а. Именно то, что мне нужно, Нина. Ах, как мило!

С м е л ь с к а я. Ведь я выбирала; уж я знаю, что тебе требуется. Ну, едем, Саша, едем скорей!

Н е г и н а. Куда?

С м е л ь с к а я. Кататься, я на лошадях Ивана Семеныча, а потом обедать в вокзал. Он звал всю труппу, хочет проститься со всеми; он скоро уезжает.

Н е г и н а *(задумчиво)*. Право, не знаю.

С м е л ь с к а я. Да что ты, помилуй! Об чем тут думать! Разве отказаться можно? Должна же ты поблагодарить его.

М е л у з о в. Весьма любопытно, как вы поступите в этом случае?

Н е г и н а. Знаете что, Петр Егорыч? Я думаю, что мне надо ехать, а то неучтиво. Можно вооружить против себя всю публику: князь уж сердится, да и Великатов может обидеться.

Мелузов. А когда же мы будем к тихой семейной жизни привыкать?

Смельская. Это уж после бенефиса, Петр Егорыч. Время ли теперь о семейной жизни думать. Это смешно даже. Еще семейная-то жизнь успеет надоесть; а теперь нужно пользоваться случаем.

Негина *(решительно)*. Нет, Петр Егорыч, я поеду. В самом деле, отказываться нехорошо.

Мелузов. Как вам угодно; это ваше дело.

Негина. Тут не в том дело, угодно ли мне; может быть, мне и неугодно, а необходимо ехать; конечно, необходимо, и рассуждать нечего.

Мелузов. Так поезжайте!

Смельская. Сбирайся, сбирайся!

Негина. Я сейчас. *(Уходит за перегородку со свертком.)*

Смельская. Вы не ревновать ли вздумали? Так успокойтесь, он через день уезжает, да я и не уступлю его Саше.

Мелузов. «Не уступлю». Вы меня извините, я таких отношений между мужчинами и женщинами не понимаю.

Смельская. Да где же еще вам понимать! Ведь вы жизни совсем не знаете. А вот поживите между нами, так научитесь все понимать.

Входит Негина одетая.

Ну, идем! Прощайте! *(Уходит.)*

Негина. Петя, ты приходи вечером; мы будем учиться; я буду умница; я буду тебя слушаться всегда во всем, а теперь прости меня! Ну, прости, милый! *(Целует его и убегает.)*

Мелузов *(нахлобучивает шляпу)*. Гм! *(Подумав.)* Зашагаем ко дворам! Ничего не поделаешь!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

НЕГИНА.

СМЕЛЬСКАЯ.

КНЯЗЬ ДУЛЕБОВ.

ВЕЛИКАТОВ.

БАКИН.

МЕЛУЗОВ.

НАРОКОВ.

ГАВРИЛО ПЕТРОВИЧ МИГАЕВ,
антрепренер.

ЕРАСТ ГРОМИЛОВ,
трагик.

ВАСЯ,
молодой купчик, приятной наружности и с приличными манерами.

ПУБЛИКА РАЗНОГО РОДА, БОЛЕЕ КУПЕЧЕСКАЯ.

Городской сад. Направо от актеров задний угол театра (деревянного) с входной дверью на сцену; ближе к авансцене садовая скамья; налево, на первом плане, под деревьями, скамейка и стол; в глубине под деревьями столики и садовая мебель.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола, опустив голову на руки; из театра выходит Нароков.

Трагик. Мартын, антракт?

Нароков. Антракт. А ты уж опять «за Уралом за рекой»?

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася?

Нароков. А я почем знаю.

Трагик. Мартын, поди сюда!

Нароков *(подходя)*. Ну, пришел сюда, ну, что?

Трагик. Деньги есть?

Нароков. Ни крейцера.

Трагик. Мартын... для друга! Велико это слово!

Нароков. Pas un sou[1]; хоть выворoти карманы.

Трагик. Скверно.

Нароков. На что хуже.

Трагик *(покачав головой)*. О люди, люди!..

Молчание.

---

[1] Ни одного су (ни гроша) — *(франц.)*.

Т р а г и к Мартын!
Н а р о к о в. Что еще?
Т р а г и к. Займи поди!
Н а р о к о в. У кого прикажете? Кредит-то у нас с тобой необширный.
Т р а г и к. О люди, люди!
Н а р о к о в. Да, уж действительно «о люди, люди»!
Т р а г и к. И ты, Мартын, возроптал?
Н а р о к о в. Какая-то гнусная, дьявольская интрига затевается.
Т р а г и к *(грозно)*. Интрига? Где? Против кого?
Н а р о к о в. Против Александры Николавны.
Т р а г и к *(еще грознее)*. Кто он? Где он? Скажи ему от меня, что он со мной будет иметь дело, с Ерастом Громиловым!
Н а р о к о в. Ничего ты не сделаешь. Замолчи! Не раздражай меня! Я и так расстроен, а ты шумишь бестолку. Мука мне с вами! У всех у вас и много лишнего, и многого не хватает. Я измаялся, глядя на вас. У комиков много лишнего комизма, а у тебя много лишнего трагизма; а не хватает у вас грации... грации, меры. А мера-то и есть искусство... Вы не актеры, вы шуты гороховые!
Т р а г и к. Нет, Мартын, я благороден... Ах, как я благороден! Одно, брат Мартын, обидно, что благороден-то я только в пьяном виде... *(Опускает голову и трагически рыдает.)*
Н а р о к о в. Ну, вот и шут, ну, вот и шут!
Т р а г и к. Мартын! Говорят, что ты сумасшедший; скажи мне, правда это или нет?
Н а р о к о в. Правда, я согласен; но только с одним условием: если вы все здесь умные, так я сумасшедший, я тогда спорить не стану.
Т р а г и к. Знаешь, Мартын, на что мы с тобой похожи?
Н а р о к о в. На что?
Т р а г и к. Ты знаешь Лира?
Н а р о к о в. Знаю.
Т р а г и к. Так помнишь, там, в лесу, в бурю... Я — Лир, а ты — мой дурак.
Н а р о к о в. Нет, не заблуждайся, Лиров нет меж нами; а кто из нас дурак, это я предоставляю тебе самому догадаться.

Из театра выходит Н е г и н а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик, Нароков и Негина.

Негина. Что ж это такое, Мартын Прокофьич? Что они со мной делают?

Нароков *(хватаясь за голову)*. Не знаю, не знаю, не спрашивайте меня.

Негина. Да ведь это обидно до слез.

Нароков. О, не плачьте; они не стоят ваших слез. Вы белый голубь в черной стае грачей, вот они и клюют вас. Белизна, чистота ваша им обидна.

Негина *(сквозь слезы)*. Послушайте, Мартын Прокофьич, ведь при вас, при вас, помните, он обещал дать мне сыграть перед бенефисом. Я жду, я целую неделю не играла, сегодня последний спектакль перед бенефисом; а он, противный, что же делает! Назначает «Фру-Фру» со Смельской.

Нароков. Кинжал в грудь по рукоятку!

Негина. Устраивают ей овации накануне моего бенефиса, подносят букеты; а меня публика и забыла совсем. Какой же у меня может быть сбор!

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Я стала ему говорить, он только шутит да смеется в глаза.

Нароков. Дерево он у нас, дерево, дуб, осина.

Трагик. Офелия, удались от людей!

Негина. Мартын Прокофьич, вы только одни меня любите.

Нароков. О да, больше жизни, больше света.

Негина. Я вас понимаю и сама люблю.

Нароков. Понимаете, любите? Ну, вот я и счастлив, да, да... *(Тихо смеется.)* Как ребенок, счастлив.

Негина. Мартын Прокофьич, сделайте одолжение, поищите Петра Егорыча; скажите ему, чтобы он ко мне на сцену пришел.

Нароков. Я так счастлив, что с удовольствием позову и приведу к вам вашего любовника.

Негина. Он жених, Мартын Прокофьич, а не любовник.

Нароков. Все равно, все равно, голубь мой белый! Жених, муж; но если вы его любите, так он ваш любовник. Но я ему не завидую, я сам счастлив.

Негина. Да зайдите в кассу, узнайте, берут ли на мой бенефис. Я подожду вас в уборной: будем чай пить.

Нароков уходит.

Трагик. Коли с ромом, так и я буду.

Негина. Нет, без рому. *(Уходит на сцену.)*

Трагик. Где мой Вася? Где мой Вася? *(Уходит в глубину сада.)*

Входят князь Дулебов и Мигаев.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дулебов и Мигаев.

Дулебов. Негина нам не годится, говорю я вам. Вы обязаны угождать благородной публике, светской, а не райку. Ну, а нам она не по вкусу, слишком проста, ни манер, ни тону.

Мигаев. Гардеробу не имеет хорошего, а талант большой-с.

Дулебов. Ну, талант! Много вы, мой милый, понимаете!

Мигаев. Действительно, ваше сиятельство, я понимаю не очень много, но ведь мы судим... извините, ваше сиятельство, по карману: делает сборы большие, так и талант.

Дулебов. Ну, да, конечно; вы материалисты.

Мигаев. Совершенно справедливо изволили сказать, ваше сиятельство, мы материалисты.

Дулебов. Вы не понимаете этого... тонкого... как это сказать... этого шику.

Мигаев. Не понимаем, ваше сиятельство. Но позвольте вам доложить, я в прошлом году выписал знаменитость с шиком на великосветские роли...

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Убыток, ваше сиятельство. Ни красы, ни радости.

Дулебов. Красы не было? Ну, как это возможно сказать, как можно позволить себе сказать, что красы не было!

Мигаев. Виноват, ваше сиятельство. Краса, действительно, была: бывало, когда она одевается, так вся труппа подле уборной, кто в двери, кто в щелочки. Ведь у нас уборные прозрачные, ажур устроены.

Дулебов *(хохочет)*. Ха, ха, ха! Вот видите! Ну, и радость тоже.

Мигаев. Так точно-с, и радость была... для вашего сиятельства, а для меня горе.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ты каламбурист.

Мигаев. Нельзя же без этого, всего есть понемножку, а то пропадешь; наше звание такое, ваше сиятельство.

Дулебов. Ты бы водевили писал. Извините, я вам говорю «ты»... Но это только знак расположения, мой милый.

Мигаев. А из чего же мы и бьемся, как не из расположения. Только осчастливьте, ваше сиятельство... А там «ты ли, вы ли» — это решительно все равно.

Дулебов. Нет, зачем же! Я учтив, я всегда деликатен. Так что же вы водевилей не пишете?

Мигаев. Пробовал, ваше сиятельство.

Дулебов. Ну, что же?

Мигаев. Театрально-литературный комитет не одобряет.

Дулебов. Странно. Отчего же так?

Мигаев. Не могу знать, ваше сиятельство.

Дулебов. А вы в другой раз, коли напишете, так скажите мне. Я вам сейчас... у меня там... Ну, да что тут. Только скажите.

Мигаев. Слушаю, ваше сиятельство.

Дулебов. А я уж это сейчас... У меня там... Ну, да что толковать, только скажите... А я вам, вместо Негиной, выпишу актрису настоящую; и собой *(разводит руками)* уж, мое почтение! Пальчики оближете.

Мигаев. Пальчики облизать, это ничего, это еще можно стерпеть, не пришлось бы кулаком слезы утирать, ваше сиятельство?

Дулебов. Ха, ха, ха! Вы каламбурист! Нет, право, пишите водевили, пишите, я советую. А актриса, я вам говорю, прелесть.

Мигаев. Цена, ваше сиятельство?

Дулебов. Ну, цена, конечно, подороже.

Мигаев. Из каких же доходов, ваше сиятельство? Где взять прикажете? И так год от году на них цена растет; а сборы все хуже да хуже. Платим жалованье, очертя голову, точно миллионщики. Разве исполу, ваше сиятельство?

Дулебов. Что такое «исполу»! Как так исполу?

Мигаев. Пополам, половину жалованья вы, половину я.

Дулебов. Ха, ха, ха! Ну, пожалуй... Ну, что такое Негина? Какая это первая актриса! С ней скучно,

мой милый, она не оживляет общества, она наводит на нас уныние.

Мигаев. Что же делать! Уж если так угодно вашему сиятельству, так я с ней контракта не возобновлю.

Дулебов. Да, непременно.

Мигаев. У нее контракт кончается.

Дулебов. Ну, вот и прекрасно. Вся наша публика будет вам благодарна.

Мигаев. Да публики-то вашей, ваше сиятельство, только первый ряд кресел.

Дулебов. Зато мы даем тон.

Мигаев. Как бы не прогадать.

Дулебов. О, нет, не беспокойтесь! Публика к ней охладела: вот посмотрите, в бенефис у ней совсем сбору не будет. Хотите пари?

Мигаев. Спорить не смею.

Дулебов. Да и нельзя со мной спорить; я лучше вас знаю публику и понимаю дело. А я такую актрису выпишу, что она здесь всех одушевит. Мы тогда заживем припеваючи.

Мигаев. Припеваючи? Волком бы не завыть, ваше сиятельство.

Дулебов. Ха, ха, ха! Нет, ты каламбурист, решительно каламбурист. Ах, извините! Это у меня, когда уж очень я разговорюсь, в дружеской беседе, а то я вообще деликатен... Я даже и с прислугой... *(Вынимает портсигар.)* Хочешь сигару?

Мигаев. Пожалуйте, ваше сиятельство. *(Берет сигару.)* Дорогие-с?

Дулебов. Я дешевых не курю.

Мигаев. А у меня горе, ваше сиятельство.

Дулебов. Что такое?

Мигаев. Трагик запил. Вон он бродит по саду.

Дулебов. А паспорт у него в порядке?

Мигаев. Когда ж у них в порядке бывают, ваше сиятельство.

Дулебов. Так можно пугнуть: что, мол, по этапу на место жительства.

Мигаев. Нет, уж пугать-то их, ваше сиятельство, не приходится: себе дороже.

Дулебов. А что?

Мигаев. Душа у них очень широка, ваше сиятельство. Мне, говорит, хоть в Камчатку, а ты — мерзавец! Да так он это слово, ваше сиятельство, выразительно

выговорит, что не до разговоров, а только подумываешь, как бы ноги унести.

Д у л е б о в. Да, в таком случае лучше лаской.

М и г а е в. Уж и то ласкаю. Удивляются, ваше сиятельство, что укротители ко львам в клетку ходят; нас этим не удивишь. Я скорей соглашусь ко льву подойти, чем к трагику, когда он не в духе или пьян.

Д у л е б о в. Ха, ха, ха! Однако задали они вам страху. Я пойду поищу своих. *(Уходит за театр.)*

Входит Т р а г и к.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

М и г а е в и Т р а г и к.

М и г а е в *(подавая сигару)*. Хочешь сигару?

Т р а г и к. Грошовая? От тебя ведь хорошей не дождешься.

М и г а е в. Нет, хорошая, княжеская.

Т р а г и к. А что ж сам не куришь?

М и г а е в. Да у меня свои-то лучше. (*Вынимает серебряный портсигар.*)

Т р а г и к. Вот какой портсигар у тебя, а говоришь, денег нет.

М и г а е в. Да, чудак, давно б я его заложил, да нельзя — дареный, в знак памяти, пуще глазу его берегу. Видишь надпись: «Гавриилу Петровичу Мигаеву от публики».

Т р а г и к. Ефиоп!

М и г а е в. Толкуй с тобой, коли ты резонов не понимаешь. Вон публика; должно быть, акт кончился. *(Уходит.)*

Т р а г и к *(вслед ему)*. Ефиоп! *(Садится к столу.)* О люди, люди! *(Опускает голову на руки.)*

Входят Д у л е б о в, В е л и к а т о в, Б а к и н *и* В а с я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т р а г и к, Д у л е б о в, В е л и к а т о в, Б а к и н и В а с я.

Б а к и н. Это прекрасно; так их и надо учить, вперед умнее будут. Я в кассу заходил, справлялся; сбору четырнадцать рублей.

В а с я. Капитал небольшой-с. Еще завтра поторгуют утром да вечером; оно и понаберется.

Б а к и н. Сто рублей. Больше не будет.

В а с я. И то деньги-с.

Б а к и н. Не велики. Ведь, чай, и должишки есть, за тряпочки за разные. Без этого актрисы не живут. *(Васе.)* Вам не должна?

В а с я. Мы в кредит не отпускаем-с.

Б а к и н. Скрываете. Я это люблю, это очень приятно, когда общественное мнение так дружно высказывается. *(Великатову.)* Как вы полагаете?

В е л и к а т о в. Совершенно согласен с вами.

Б а к и н. Она в лице князя оскорбила наше общество; а общество платит ей за это равнодушием, дает ей понять, что оно забыло о ее существовании. Вот когда придется ей зубы на полку положить, так и выучится приличному обхождению.

В а с я. Чем же госпожа Негина оскорбила его сиятельство?

Б а к и н. Да вы знаете князя Ираклия Стратоныча? Вот он!

В а с я. Как же нам не знать-с, и кто ж в наших палестинах не знает их сиятельства!

Д у л е б о в. Да, мы с ним знакомы давно, я еще и отца его...

Б а к и н *(Васе)*. Значит, вы знаете, что это за человек? Это человек в высшей степени почтенный, это наш аристарх, душа нашего общества, человек с большим вкусом, умеющий хорошо пожить, человек, любящий искусство и тонко его понимающий, покровитель всех художников, артистов, а преимущественно артисток...

Д у л е б о в. Не довольно ли?

Б а к и н. Каждому по заслугам, князь. И кроме того, человек щедрый, гостеприимный, отличный семьянин. Господа, заметьте это! Это редкость в наше время. Ну, одним словом, человек почтеннейший во всех отношениях. Так я говорю?

В а с я. Точно так-с.

Б а к и н *(Великатову)*. Кажется, тут двух мнений быть не может?

В е л и к а т о в. Совершенно с вами согласен.

Б а к и н. И этот, господа, почтеннейший во всех отношениях человек и отличный семьянин пожелал осчастливить своей благосклонностью девицу и именно Негину. Что тут дурного, я вас спрашиваю. Он очень

учтиво говорит ей: «Хотите, душенька, идти ко мне на содержание?» А она изволила обидеться и расплакаться.

Д у л е б о в. Нет, уж, Григорий Антоныч, оставьте, сделайте одолжение!

Б а к и н. Почему же, князь?

Д у л е б о в. Вы когда начнете хвалить кого-нибудь, так у вас выходит, что почтенный во всех отношениях человек оказывается совсем непочтенным.

Б а к и н. Как вам угодно. Я не знаю... я всегда говорю правду. Позвольте, князь, я продолжу немножко. Так, изволите видеть, госпожа Негина обиделась. Ей бы и в голову не пришло обижаться, по крайней мере своим умом ей бы никак до этого не дойти, потому что, в сущности, тут для нее нет ничего обидного. Оказывается постороннее влияние.

Д у л е б о в. Да, я слышал.

Б а к и н. У этой барышни нашелся наставник, студент; значит, дело объясняется просто.

Д у л е б о в. И в театр проникли.

Б а к и н. Знали бы свое дело, резали бы собак да лягушек; а то вздумали актрис просвещать. Ученая пропаганда между актрисами — дело опасное; против нее надо принять неотложные меры.

Д у л е б о в. Конечно.

Б а к и н. Ну, как они просветят их в самом деле,— куда ж нам тогда с князем деться?

Д у л е б о в. Ну, уж довольно: прошу вас!

Б а к и н. Извольте, я кончил. *(Великатову.)* Вы, кажется, хотели уехать сегодня?

В е л и к а т о в. Не всегда можно рассчитывать наверное. Я действительно хотел уехать сегодня; но теперь мне представляется одна операция, на которую я прежде не рассчитывал.

Б а к и н. Нажива манит?

В е л и к а т о в. Это дело рискованное: можно и нажить. а очень легко и потерять.

Б а к и н. Хорошо бы сегодня поужинать вместе.

В е л и к а т о в. Что ж, я не прочь.

Б а к и н. Князь, как вы?

Д у л е б о в. Да, пожалуй, поедемте.

Б а к и н. Сойдемся здесь по окончании спектакля, да и поедем куда-нибудь! Теперь что там? Дивертисмент?

В а с я. Рассказчик какой-то рассказывает,

Д у л е б о в. Что ж, пойдемте посмеемтесь.
Б а к и н. Коли есть чему, прибавьте, князь.

Б а к и н, Д у л е б о в и В е л и к а т о в уходят.

Т р а г и к. Где мой Вася?
В а с я *(подходя)*. Здесь Вася. Что тебе?
Т р а г и к. Где ты, братец, пропадаешь?
В а с я. Да тебе что нужно-то от меня, говори скорее!
Т р а г и к. Что нужно! Уважение нужно. Разве ты своей обязанности не знаешь?
В а с я. Ну, подожди немножечко; уважу. Ведь уж долго ждал, так немножко-то подождать можешь. Я пойду рассказчика послушаю: все наши там. Ну, будь друг, не держи меня!
Т р а г и к. Ступай! Я благороден.

В а с я уходит.
Со сцены выходят Н е г и н а, С м е л ь с к а я и М е л у з о в; у него на руке плед и накидка Негиной.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т р а г и к, Н е г и н а, С м е л ь с к а я и М е л у з о в.

С м е л ь с к а я. Да, Саша, твое положение очень неприятное, я понимаю; только я тут ни в чем не виновата. Ах, Саша, и я в большом затруднении.
Н е г и н а. Не может быть, какие у тебя затруднения! Я не верю. Тебе так легко, хорошо живется на свете.
С м е л ь с к а я. А вот видишь... *(Отводит Негину к стороне.)* За мной очень ухаживает князь.
Н е г и н а. Так что ж! Уж это твое дело.
С м е л ь с к а я. Конечно, мое дело, я это знаю; но мне и Великатова не хочется упустить.
Н е г и н а *(с некоторым волнением)*. А разве Великатов тоже за тобой ухаживает?
С м е л ь с к а я. Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит... Он робок, должно быть. Ведь бывают такие характеры. Как мне теперь поступить, уж я и не знаю. Показать князю холодность — наживешь врага; а Великатов, пожалуй, уедет завтра, и его потеряешь. Любезничать с князем будет и неблагодарно с моей стороны, да и Великатов мне гораздо больше нравится.
Н е г и н а. Еще бы! Конечно... Кому он не понравится!

С м е л ь с к а я. Ты находишь? А что я узнала про него! Ведь у него миллионное состояние; он только прикидывается таким простым. Уж и не знаю, что мне делать. Поверишь ли, Саша, измучилась.

Н е г и н а. Я ведь ничего не понимаю в этих делах; спроси вон Петра Егорыча.

С м е л ь с к а я. Что ты! А он-то что понимает? Он будет городить свою философию; нужно очень. И ты, милая Саша, напрасно его слушаешь! Не слушай, не слушай ты его, коли добра себе желаешь. Он тебя только с толку сбивает. Философия-то хороша в книжках; а он поживи-ка, попробуй, на нашем месте! Уж есть ли что хуже нашего женского положения! Ты домой, так пойдем!

Н е г и н а. Мне бы хотелось поговорить с Гаврилом Петровичем, я его дожидаюсь.

С м е л ь с к а я. Так и я подожду.

Подходят к Мелузову, который смотрит на Трагика.

Т р а г и к *(поднимая голову, Мелузову)*. Кто ты такой? Зачем ты здесь?

Н е г и н а. Он со мной пришел.

Т р а г и к. Александра Николавна!.. Саша! Офелия! Зачем он здесь?

Н е г и н а. Это мой жених, мой учитель.

Т р а г и к. Учитель! Чему же он тебя учит?

Н е г и н а. Всему хорошему.

Т р а г и к *(Мелузову)*. Ну, поди сюда!

Мелузов подходит.

Давай руку!

Мелузов подает руку.

Я сам тоже учитель, да, учитель. Что ты на меня смотришь? Я учу богатого купца.

М е л у з о в. А позволено ли мне будет спросить?..

Т р а г и к. Спрашивай!

М е л у з о в. Чему, например, вы учите?

Т р а г и к. Благородству.

М е л у з о в. Предмет серьезный.

Т р а г и к. Я думаю, да-с... я думаю. Это не то, что твоя география какая-нибудь. Значит, мы с тобой учителя, ну, и прекрасно. По этому случаю пойдем в буфет, выпьем и, разумеется, на твой счет.

Мелузов. Ну, уж извините! На этом поприще я вам не товарищ, я не пью.

Трагик. Саша, Саша! Александра! К нам, к артистам, в храм муз, кого ты водишь с собой!

Мелузов. Да пойдемте! Вы будете пить вино, а я стакан воды выпью.

Трагик. Пошел ты к черту! Уберите его! *(Опускает голову.)* Где мой Вася?

Входят Дулебов, Великатов, Бакин, Вася, за ними лакей из буфета с бутылкой портвейна и рюмками; несколько лиц из публики, которые остаются в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дулебов садится на скамейку с правой стороны, с ним рядом садятся: Смельская, неподалеку от них Мелузов и Негина; к ним подходят с левой стороны Великатов и Бакин. Трагик сидит в прежнем положении, к нему подходят Вася и лакей из буфета, который ставит бутылку и рюмки на стол и отходит к стороне. Публика частию стоит, а частию садится за столики в глубине. Потом Мигаев.

Вася *(Трагику, наливая рюмку вина)*. Покорнейше прошу, пожалуйте!

Трагик. Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйте!» Скажи: пей! Видишь, как просто — всего только одно слово; а какая мысль глубокая.

Из театра выходит Мигаев.

Негина. Гаврило Петрович, пожалуйте сюда!

Мигаев *(подходя к Негиной)*. Что вам угодно?

Негина. На сцене вы всё бегали от меня; я желаю теперь поговорить с вами здесь, при посторонних.

Мелузов. Да, интересно будет выслушать от вас мотивы ваших поступков.

Мигаев. Каких поступков-с?

Мелузов. Вы назначили бенефис Александры Николавны в самом конце ярмарки.

Мигаев. Самое лучшее время-с. По контракту я обязан дать бенефис госпоже Негиной во время ярмарки; но там не сказано, в начале или в конце; это уж мое дело-с.

М е л у з о в. Вы стоите на почве закона; это я понимаю. Но, кроме закона, существуют еще для человека нравственные обязанности.

М и г а е в. Это какие же такие-с, и к чему весь этот разговор?

М е л у з о в. А вот послушайте: вы отодвинули бенефис до последнего дня, поздно выпустили афиши и не дали Александре Николавне сыграть перед бенефисом. Это ваши поступки.

М и г а е в. Точно так-с.

М е л у з о в. Но Александра Николавна этого не заслужила, потому что в продолжение ярмарки доставляла вам всегда полные сборы, чего другие не делали. Вот и потрудитесь оправдать свое поведение.

Т р а г и к. Ефиоп!

М и г а е в. Сколько мне известно, вы у нас в театре не служите; а посторонним я в своих делах отчета не даю-с.

Д у л е б о в. Разумеется. Что за допрос! Он хозяин в театре, он поступает, соображаясь с своими расчетами и выгодами.

М е л у з о в. Тем не менее такие поступки называются неблаговидными, и господин, позволяющий себе подобный образ действий, не имеет права считать себя честным человеком. О чем я и имею честь объявить вам перед публикой. И затем мы считаем себя удовлетворенными.

М и г а е в. Как вам угодно-с, как вам угодно-с, мне все равно. У публики вкусы разные, на всех не угодишь: вам мои поступки не нравятся, а князь их одобряет.

М е л у з о в. Какое мне дело до князя! Нравственные-то законы для всех одинаковы.

Мигаев подходит к князю.

Б а к и н. Вот охота людям даром терять красноречие, проповедовать Мигаеву об честности! Уж это очень наивно. Честность он давно считает предрассудком, и для него разницы между честным и бесчестным поступком не существует, пока его не побили. А вот плюхи две-три влетит, тогда он задумается: должно быть, мол, я какую-нибудь мерзость сделал, коли меня бьют.

Т р а г и к. Да и влетит, и дождется, уж это я ему давно пророчу.

М и г а е в *(подойдя к Негиной)*. Значит, вы, госпожа Негина, изволите быть на меня в претензии?

Н е г и н а. Конечно. И вы еще спрашиваете.

М и г а е в. В таком случае, что же вас заставляет служить у меня? Контракт ваш кончается.

Н е г и н а. Да, но ведь вы сами просили, чтоб я его возобновила.

М и г а е в. Извините, передумал-с. По требованию публики, должен на ваше место пригласить другую артистку.

Негина стоит в изумлении.

Т р а г и к. Офелия, удались от людей!

Н е г и н а. Вы должны были предупредить меня заранее; у меня были приглашения от других антрепренеров; я всем отказывала, я верила вашему слову.

М и г а е в. Словам-то вы напрасно верите. Мы за каждое свое слово отвечать никак не можем,— мы зависим от публики и должны исполнять ее желания.

Н е г и н а. Куда же мне теперь, я и не знаю; вы меня поставили в такое положение...

М и г а е в. Виноват-с. С другой бы артисткой я так и не сделал; но вы такой талант, для вас никакого ущерба не будет, вас везде примут с радостью.

Н е г и н а *(сквозь слезы)*. Вы еще смеетесь надо мной... Но хорошо еще, что вы мне это сказали накануне моего бенефиса... Я завтра прощусь с публикой... которая меня так любит... Надо напечатать, что я играю в последний раз.

В а с я. Мы и без афиш везде разблаговестим.

Н е г и н а *(Великатову)*. Вы, Иван Семеныч, не уедете до завтра?

В е л и к а т о в. Нет, еще не уеду-с.

Н е г и н а. Значит, будете в театре?

В е л и к а т о в. Непременно.

Б а к и н. Только вы этого на свой счет не принимайте: он остается не для вашего бенефиса, у него еще не кончены дела — есть в виду какая-то операция.

В е л и к а т о в. Действительно есть. Эта операция не секрет, господа; я ее не скрою от вас; я хочу купить бенефис у Александры Николавны. Может быть, и наживу что-нибудь.

Н е г и н а. Как? Вы хотите купить мой бенефис? Вы не шутите? Это еще новая обида, новая насмешка надо мной?

В е л и к а т о в. Нисколько не шучу. Как вы цените ваш бенефис, что вам угодно получить за него?

Н е г и н а. Я ни во что его не ценю; он ничего не стоит. Дай бог, чтобы убытку не было.

В а с я. Напрасно изволите беспокоиться: ваш бенефис оченно можно купить-с.

В е л и к а т о в. Сколько может получить бенефициант, если театр полон и цены большие? Ведь брал же кто-нибудь очень хорошие бенефисы?

Т р а г и к *(ударяя кулаком по столу)*. Я.

В а с я. Мы с ним в начале ярмарки триста пятьдесят рублей взяли.

В е л и к а т о в. Угодно вам получить триста пятьдесят рублей?

Н е г и н а. Я не могу; это очень много, это подарок... Я не желаю получать подарков, это не в моих правилах.

В е л и к а т о в. Как приятно слышать такие речи от молодой артистки! Сейчас видно, что у вас есть хороший руководитель, человек с честными, благородными убеждениями.

В а с я. Да ничего не дорого, Александра Николавна, помилуйте-с! Уж коли Иван Семеныч берутся за это дело, так у вас завтра вся ярмарка будет. Я пятьдесят рубликов накину; угодно взять четыреста рублей?

В е л и к а т о в. Нет, извините, я не уступлю, я предлагаю Александре Николавне пятьсот рублей.

В а с я. Шабаш, дальше не пойду; цена настоящая.

Н е г и н а. Да что вы делаете, господа? Ведь у меня бенефис половинный, да еще расходы.

В а с я. В убытке не будем-с; люди коммерческие; завтра к одиннадцати часам ни одного билета не останется. *(Великатову.)* Позвольте в долю войти! Пожалуйте два бельэтажа и дюжину кресел!

В е л и к а т о в. Возьмите у кассира да скажите ему, чтобы он деньги за билеты, которые продал, и все оставшиеся билеты, исключая верхних, доставил мне сейчас же! Я здесь подожду.

В а с я. Хорошо, я скажу-с. Извольте получить за два бельэтажа и двенадцать кресел. *(Отдает деньги.)*

Великатов *(принимая деньги)*. Тут сто рублей.

Вася. Так точно, в расчете-с. Позвольте, тут наших есть человека четыре, так, может, найдутся охотники; я сейчас сбегаю. *(Уходит в глубь сцены.)*

Великатов. Я еще не получил вашего согласия, Александра Николавна.

Негина *(Мелузову)*. Как мне поступить, Петр Егорыч? Я не знаю; как вы скажете, так я и сделаю.

Мелузов. И я не знаю: я в таких вопросах не компетентен. Покуда, кажется, все в законных формах. Соглашайтесь.

Негина *(Великатову)*. Я согласна, благодарю вас.

Великатов. Благодарить не за что, я наживу деньги: я должен вас благодарить.

Мигаев *(Дулебову)*. А вы, ваше сиятельство, пари предлагали.

Дулебов. Ну, кто же мог ожидать. Это совсем особенный случай.

Бакин *(Великатову)*. Мне билетик оставьте! Любопытное это будет зрелище.

Вася возвращается.

Вася. Билеты и деньги кассир сейчас принесет, только кассу подсчитает. Я еще взял десять кресел по пяти рублей. Извольте получить. *(Отдает Великатову 50 рублей.)*

Великатов. Не дорого ли это?

Вася. Ничего не дорого; сейчас четыре билета по пяти рублей продал, а завтра у меня пойдет первый ряд по десяти, да на подарок беру по десяти рублей с рыла.

Дулебов. Уж это надо быть совсем дураком, чтобы в провинциальном театре платить по десяти рублей за кресло.

Вася. Да уж в первом-то ряду, ваше сиятельство, у кассира только одно кресло осталось.

Дулебов. В таком случае, Иван Семеныч, оставьте его за мной.

Великатов. За десять рублей, князь?

Дулебов. Что ж делать, коли все с ума сошли.

Вася. Ну, Гаврило Петрович, закрывай лавочку! Как Александра Николавна уедет, тебе больше не торговать! Баста! Калачом в театр не заманишь. Так ты и ожидай!

Н е г и н а. Дайте мне пальто, Петр Егорыч! До свиданья, господа! Благодарю вас! Вы меня утешили, а уж я плакать собиралась; право, господа, так обидно, так обидно...

Мелузов подает ей пальто, Негина надевает его.

Т р а г и к. Вася, спрашивай шампанского!

В а с я. Да разве нужно?

Т р а г и к. Да как же, чудак: ты поступил благородно, так надо тебя поздравить, братец.

В а с я. Так давно бы ты сказал. Человек, бутылку шампанского!

Н е г и н а. Прощайте, господа!

В е л и к а т о в. Позвольте вам предложить мою коляску.

С м е л ь с к а я. Предлагаете коляску и себя, конечно, в провожатые?

В е л и к а т о в. Нет, зачем же! Александра Николавна поедет с своим женихом. *(Мелузову.)* Кстати уж и вас кучер завезет домой, а потом вы его пришлите.

М е л у з о в. Обо мне-то уж ваши заботы я считаю, извините, лишними. *(Закутывается пледом, Великатов ему помогает.)* Вы напрасно беспокоитесь, я привык обходиться без чужой помощи. Это мой принцип.

В е л и к а т о в. Но его трудно выдержать: без взаимной помощи люди не обходятся.

Н е г и н а *(Великатову)*. Вы такой благородный человек, такой деликатный... Я вам так благодарна, я не знаю, как и выразить... Я вас поцелую завтра.

В е л и к а т о в. Очень буду счастлив.

С м е л ь с к а я. Завтра? Это долго ждать. *(Дулебову.)* Князь, а я вас поцелую сегодня, сейчас.

Д у л е б о в. Готов служить, моя прелесть. Распоряжайтесь мной как угодно!

Смельская целует Дулебова.

Н е г и н а. Ну, прощайте, господа, прощайте! *(Посылает рукой поцелуи.)*

Т р а г и к. Офелия! О нимфа! Помяни меня в твоих святых молитвах!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

НЕГИНА.
ДОМНА ПАНТЕЛЕВНА.
ВЕЛИКАТОВ.
БАКИН.
МЕЛУЗОВ.
НАРОКОВ.
ВАСЯ.
ТРАГИК.
МАТРЕНА,
кухарка Негиной.

Декорация первого действия. Вечер, на столе две свечи.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Матрена, потом Домна Пантелевна.

Матрена *(у двери)*. Кто там?

За сценой голос Домны Пантелевны: «Это я, Матрена!»

Сейчас отпираю.

Входит Домна Пантелевна.

Киатра-то разошлась?

Домна Пантелевна. Нет еще, не совсем, с полчаса пройдет. Я нарочно пораньше; надо чай приготовить. Саша приедет, так чтобы ей не дожидаться. Самовар-то готов у тебя?

Матрена. Развела, гляди, зашумит скоро.

Домна Пантелевна. А зашумит, так прикрой.

Матрена. Что его прикрывать-то! Наш самовар и зашумит, так не скоро кипеть-то сберется; уж он поет-поет на разные голоса, надсажается-надсажается, а все толку мало; а раздувать примешься, так он хуже, ровно тебе насмех. У меня с ним брани немало бывает.

Домна Пантелевна. Измучилась я в театре-то: жара, духота, радехонька, что выкатилась.

Матрена. Да вестимо, летнее дело в четырех стенах сидеть; а народу, поди, много?

Домна Пантелевна. Полнехонек театр, как есть; кажется, яблоку упасть негде.

Матрена. Ишь ты! Чай, в ладоши-то трепали-трепали?

Домна Пантелевна. Всего было. Поди-ка, погляди самовар-то, да сбери в ее комнате! Постой-ка, кто-то подъехал. Саше бы еще рано.

Матрена отворяет дверь, входит Великатов. Матрена уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Домна Пантелевна и Великатов.

Великатов. Здравствуйте, Домна Пантелевна!

Домна Пантелевна. Здравствуйте, Иван Семеныч! Что это вы вздумали...

Великатов. Дело есть, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Так до завтра бы. А то поздно, неловко как-то, у нас об эту пору мужчины не бывают.

Великатов. Не беспокойтесь, Домна Пантелевна, я Александру Николавну дожидаться не стану; а про нас с вами никто дурного не скажет.

Домна Пантелевна. Ах вы, проказник!..

Великатов. Стало быть, тетенька, вам и опасаться нечего.

Домна Пантелевна. Да какая я вам тетенька?

Великатов. А что ж, разве бы я в племянники вам не годился?

Домна Пантелевна. Да уж чего еще лучше! Совсем молодец, поискать этакого красавца!

Великатов. А я вам, Домна Пантелевна, деньги привез за бенефис.

Домна Пантелевна. Вот благодарю, вот уж покорно благодарю! Самое это для нас нужное, самое необходимое; потому, Иван Семеныч, первое дело: долги. Как без них проживешь? Возможно ли?

Великатов. Невозможно, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Все мы люди.

Великатов. Все человеки, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Они, долги-то, у нас хоть и маленькие, а все-таки, ежели который человек с совестью, так беспокойство.

Великатов. Беспокойство, Домна Пантелевна, беспокойство. *(Передавая пакет с деньгами.)* Вот, отдайте Александре Николавне.

Домна Пантелевна. Благодарны, оченно вами благодарны, Иван Семеныч! Чаю не прикажете ли?

Великатов. Покорно благодарю; не могу, увольте от чаю, Домна Пантелевна! Как-то в душу ничего нейдет, особенно чай; так все, словно, тоска какая-то, Домна Пантелевна; все, словно, я не в себе.

Домна Пантелевна. Пахондрия.

Великатов. Действительно, Домна Пантелевна, пахондрия.

Домна Пантелевна. Денег много, а дела нет, вот она и привяжется.

Великатов. Как раз угадали; от этого от самого.

Домна Пантелевна. А то отчего ж бы вам тосковать-то.

Великатов. Это точно, что не от чего. А тоскую, Домна Пантелевна; вот и мечешься по ярмарке-то из трактира в трактир. Поверите ли, вот уж другую неделю все два раза в день пьян... Так думаю, Домна Пантелевна: либо это на меня напущено, либо уж богу так угодно.

Домна Пантелевна. Одиночество.

Великатов. Одиночество, Домна Пантелевна; золотые ваши слова; и разговору больше нет, что одиночество.

Домна Пантелевна. Изберите подругу жизни!

Великатов. Где взять прикажете?

Домна Пантелевна. Женитесь, возьмите барышню хорошую; за вас всякая пойдет, хоша бы самого высокого роду.

Великатов. Боюсь, тетенька.

Домна Пантелевна. Что вы, помилуйте, чего бояться, что тут страшного?

Великатов. Скучнее станет.

Домна Пантелевна. Ах, нет, это вы напрасно. Как же можно! Совсем разница женатый человек, нежели холостой.

Великатов. На фортепианах они очень любят играть; а я этого терпеть не могу.

Домна Пантелевна. Все-таки музыка. Ну, а холостому какое удовольствие? Окромя, что выпить с приятелями, никакой ему другой радости нет в жизни.

Великатов. А хозяйство, Домна Пантелевна? Как вы об этом скажете?

Домна Пантелевна. Ну, конечно, ежели кто хозяйство свое ведет...

Великатов. За мной этот грех водится. У меня в деревне домик хороший, комнат в сорок, лошадей довольно, садик разведен чуть не на версту, с беседками, с прудами...

Домна Пантелевна. Значит, все заведение вполне, как следует быть у хорошего помещика?

Великатов. Все вполне, Домна Пантелевна. Коли скучно, выдешь на крыльцо, индейские петухи по двору ходят, все белые.

Домна Пантелевна. Белые! Ах, скажите пожалуйста!

Великатов. Закричишь им: «Здорово, ребята!» Они тебе отвечают: «Здравия желаем, ваше благородие!»

Домна Пантелевна. Приучены?

Великатов. Приучены. Ну, и утешаешься. По крышам, по заборам павлины сидят, хвосты-то на солнышке так и играют.

Домна Пантелевна. И павлины? Ах, батюшки мои!

Великатов. Выдешь в парк погулять, по озеру лебеди плавают, всё парочками, всё парочками, Домна Пантелевна.

Домна Пантелевна. Да неужто лебеди? Вот рай-то! Хоть бы глазком взглянула.

Великатов *(взглянув на часы)*. Так мы хорошо, приятно с вами, тетенька, разговорились, что расставаться не хочется; поговорил бы и еще, да некогда, извините, дело есть.

Домна Пантелевна. Уж и я бы поговорила, такой вы для меня приятный... Этакого милого, обходительного человека я и в жизнь не видывала...

Великатов. От бенефиса вашего я, Домна Пантелевна, деньги нажил, так позвольте вам подарочек предложить. *(Уходит в переднюю и выносит сверток в бумаге и подает Домне Пантелевне.)*

Домна Пантелевна. Что же это такое?

Великатов. Платочек.

Домна Пантелевна *(развернув бумагу)*. Да какой платочек, помилуйте — скажите, это целая шаль; я сроду такой и не нашивала. Да сколько ж она стоит-то?

Великатов. Не знаю, мне даром досталась: у купца у знакомого взял по-приятельски.

Домна Пантелевна. Батюшки, да за что же это? Право, уж я и не знаю, что мне... Да уж я вас поцелую, уж позвольте, родной мой... душа моя не вытерпит.

Великатов. Сделайте одолжение, сколько вам угодно.

Домна Пантелевна целует его.

Прощайте! Александре Николавне засвидетельствуйте мое почтение. Может быть, не увидимся. *(Уходит.)*

Домна Пантелевна провожает его в переднюю, потом возвращается.

Домна Пантелевна. Откуда этакие люди берутся! Батюшки мои! *(Надевает платок.)* Да я его и не сниму теперь. *(Смотрит в зеркало.)* Барыня, ну, как есть барыня! Вот человек-то! А то что у нас за люди! Не глядели б глаза мои на них. Ведь вот есть же люди. *(Прислушивается.)* Кто там еще?

Входит Нароков с венками и букетами.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Домна Пантелевна и Нароков.

Нароков. Вот бери, на! Вот лавры твоей дочери! Гордись!

Домна Пантелевна. Эка невидаль! Куда нам эти веники-то! На что они!

Нароков. Невежество! Эти веники — знак восторга, знак признательности таланту за счастие, которое он доставляет. Лавры — это диплом на почет, на уважение.

Домна Пантелевна. Сколько, небось, истрачено на этот хворост! Лучше бы деньгами. Деньгам-то уж мы бы место нашли, а этот ворох... куда его? В печку, только и всего.

Нароков. Деньги-то ты проживешь, а это у тебя всегда на память останется.

Домна Пантелевна. Ну, да, как же, нужно очень всякий хлам беречь! Нынче же за окно выкину. Ты вот смотри! *(Показывает ему шаль и пово-*

рачивается перед ним.) Вот это подарок! Мило, прелестно, деликатно.

Н а р о к о в. Ну, всякому свое, я тебе не завидую; вот дочери твоей завидую. Я себе несколько листиков на память возьму. *(Отрывает несколько листков.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да хоть все бери, не заплáчу.

Н а р о к о в *(вынимает из кармана лист бумаги)*. А вот это передай Александре Николавне.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Что еще? Записка от кого-нибудь? Уж и так надоели с этими глупостями.

Н а р о к о в. Это от меня... это стихи... стихи... И я в Аркадии родился.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Где, Прокофьич, где?

Н а р о к о в. Далеко: ты там не бывала и не будешь никогда. *(Показывает Домне Пантелевне стихи свои.)* Вот видишь, бордюрчик: незабудки, анютины глазки, васильки, колосья. Видишь вот: пчелка сидит, бабочка летает... Я целую неделю рисовал.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Так ты бы сам и отдал.

Н а р о к о в. Стыдно. Вот смотри! *(Указывает на свою голову.)* Седая, лысая! А тут чувства молодые, свежие, юношеские, вот и стыдно. Вот, отдай! Да только ты не брось! Ведь ты грубая женщина, в тебе чувства нет. Для вас, грубых людей, удовольствие бросить, растоптать ногами все нежное, все изящное.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да ну тебя! Ишь ты какой чувствительный. Не всем таким быть. Вот положи на стол; она приедет и увидит.

Н а р о к о в *(кладет бумагу на стол)*. Да, я чувствительный, я чувствительный. Прощай! *(Уходит.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Вот сумасшедший-то! А ничего, добрый, я его не боюсь. Другие хуже чудят: кто посуду бьет, кто на людей мечется, кто кусается, а этот смирный. Подъехал кто-то. Вот это Саша, должно быть. *(Идет к двери.)*

Входит Н е г и н а с букетом и коробочкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д о м н а П а н т е л е в н а и Н е г и н а.

Н е г и н а *(кладет букет и коробочку на стол)*. Ох, устала! *(Садится у стола)*.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Извозчика-то отпустить?

Негина. Нет, зачем! Я вот отдохну, да прокатиться поедемте, подышать свежим воздухом. Еще не поздно. Ведь он на весь вечер нанят.

Домна Пантелевна. И то, что ж, пусть подождет; не задаром же деньги-то платить!

Негина. Что это на вас за шаль?

Домна Пантелевна. Великатов подарил; от бенефиста, говорит, деньги нажил. А что, хороша?

Негина. Отличная шаль, дорогая.

Домна Пантелевна. Он говорит, что даром досталась.

Негина. Верьте вы ему! Он все так говорит. Так он был здесь?

Домна Пантелевна. Да, заезжал и деньги привез.

Негина. Что ж он со мной не повидался?

Домна Пантелевна. Не знаю, торопится куда-то, уж не уезжает ли.

Негина. Может быть. Какой он странный, не поймешь его никак. *(Задумчиво.)* А вот этакий мужчина, кабы захотел, кажется, сразу мог бы увлечь женщину.

Домна Пантелевна. Ну, да что уж толковать! Да и не осудишь женщину-то. Как ее осудить! Сердце-то не камень; а таких молодцов немного, пожалуй, другого-то такого и всю жизнь не встретишь. Смиренничай да смиренничай — и проживешь всю свою жизнь так, ни за что; и вспомянуть будет нечем. Он мне про свою усадьбу рассказывал. Какое у него хозяйство диковинное!

Негина. Что ж мудреного; он очень богат.

Домна Пантелевна. Ты чаю не хочешь ли?

Негина. Нет, погодите немного. *(Взглянув на стол.)* А это что такое?

Домна Пантелевна. Это Прокофьич принес тебе на знак памяти.

Негина *(рассматривая бумагу)*. Ах, как мило! Какой он добрый, милый старик!

Домна Пантелевна. Да, добрый, хороший человек; да вот опанкрутился и свихнулся. Ну, как же мы с тобой теперь об деньгах рассудим?

Негина. Что рассуждать-то! Прежде всего надо долги заплатить, а что останется, на то и жить.

Домна Пантелевна. Да немного останется-то, не разживешься.

Н е г и н а. Да, теперь труднее будет, без жалованья-то. А куда поедешь, кого я знаю? Опять же гардеробу у меня нет.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Сотни две, а то и полторы, больше не останется, вот ты их и повертывай, как знаешь. Надо на них все лето прожить. По три денежки в день, куда хочешь, туда день. Осенью-то нас в Москву зовут, там актрисы, чу, нужны стали.

Н е г и н а. Бросить разве сцену да выйти замуж,— так Петр Егорович еще места не нашел. Кабы работать что-нибудь.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну вот еще, бросить сцену! Ты вот в один день получила, чего в три года не выработаешь.

Н е г и н а. Много мы получаем, да и проживать много надо.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Эх, как ни кинь, Саша, а все жизнь-то наша с тобой не сладка. Уж, признаться сказать, надоело нищенство-то.

Н е г и н а. Надоело... да... надоело... Я думала, думала, да уж и думать перестала. Ну, утро вечера мудренее, завтра потолкуем.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Само собой; а теперь давай чай пить. *(Прислушивается.)* Кого это еще бог несет?

Входит Б а к и н.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н е г и н а, Д о м н а П а н т е л е в н а и Б а к и н.

Б а к и н. Я к вам чай пить, Александра Николавна!

Н е г и н а. Ах, извините, я не могу вас принять, я очень устала, мне надо отдохнуть, я хочу одна быть, успокоиться.

Б а к и н. Ну, полчаса, ну что такое полчаса!

Н е г и н а. Право, не могу, я так измучена.

Б а к и н. Ну, я зайду минут через десять или через четверть часа, вы успеете отдохнуть.

Н е г и н а. Нет, нет, сделайте одолженис! Завтра приезжайте, ну когда хотите, только не сегодня.

Б а к и н. Александра Николавна, я как-то не люблю изменять свои намерения, мне всегда хочется исполнить то, что я задумал, и, с моей настойчивостью, мне удается.

Н е г и н а. Очень рада, что вам удается, но, извините, я вас оставлю, я очень устала.

Б а к и н. Ну, уходите, а я здесь останусь, в этой комнате, я вот на этом стуле всю ночь просижу.

Н е г и н а. Ну, перестаньте шутить! Довольно уж.

Б а к и н. Не верите? Так я вам докажу, я человек решительный.

Д о м н а П а н т е л е в н а. И я, батюшка, женщина решительная, я ведь и караул закричу.

Б а к и н *(Негиной)*. Послушайте, вы боитесь, что меня у вас застанет кто-нибудь.

Н е г и н а. Никого и ничего я не боюсь.

Б а к и н. Все ваши обожатели теперь ужинают в вокзале, и князь, и Великатов, и Смельская с ними, и просидят там до утра.

Н е г и н а. Да что мне за дело!

Б а к и н. А жених ваш спит, вероятно; да я и не верю, что вы его любите.

Н е г и н а. Ах, боже мой, это невыносимо! Я вас и не уверяю ни в чем.

Б а к и н. Вы его держите при себе только для защиты от ухаживанья, а понравится вам кто-нибудь, ведь вы его бросите, это всегда так бывает.

Н е г и н а. Ну, хорошо, хорошо.

Б а к и н. Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати? Перед вами человек образованный, обеспеченный... Что я не ухаживаю за вами, не говорю нежностей, не объясняюсь в любви, так это не в моих правилах. Мы не дети, зачем нам притворяться! Будем говорить, как совершеннолетние.

Н е г и н а. Прощайте. *(Уходит.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, батюшка, поговорили, да и будет. Пора людям покой дать! А то коли хотите разговаривать, так говорите со мной, я за словом в карман не полезу.

Б а к и н *(громко)*. А я все-таки еще зайду. *(Уходит.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Запру сени, уж теперь никого не пущу, хоть умирай там. *(Уходит.)*

За сценой слышен крупный разговор. Выходит Н е г и н а.

Н е г и н а. Что там такое?

Входят Д о м н а П а н т е л е в н а, В а с я с бутылкой шампанского и Т р а г и к.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Домна Пантелевна, Вася и Трагик.

Домна Пантелевна. Вот беспутные, право, беспутные! Насильно вломились, никаких резонтов не слушают.

Вася. Да нельзя, Домна Пантелевна, надо же здоровье Александры Николавны выпить; уж проминовать этого дела никак невозможно. А что ж такое! Мы честно, благородно, со всем нашим уважением! Никакого безобразия, помилуйте!

Трагик. Еще бы! Коли я тут.

Негина. Да напрасно вы беспокоитесь, я пить не стану.

Вася. Это как вам угодно-с. Нам больше останется, мы и одни выпьем. *(Кричит за перегородку.)* Милая, умница, дай-ка стаканчиков!

Домна Пантелевна. Да давай уж, я откупорю. *(Берет бутылку и уходит.)*

Трагик *(Негиной)*. Ты говоришь, что пить не станешь; а вот я посмотрю, как ты у меня не выпьешь!

Вася. Неволить не надо с.

Трагик. Я неволить не стану, я буду просить.

Выходит Домна Пантелевна, ставит бутылку и стаканы на стол.

Вася *(наливает)*. С вас и начинать, по старшинству-с

Домна Пантелевна. Не знаю, пить ли, боюсь захмелею.

Вася. А что ж такое! Чего бояться-то? Дело к ночи-с. Хоть и захмелеете, не велика беда. Мы вот с ним этого не боимся.

Домна Пантелевна *(берет стакан)*. Ну, Саша, поздравляю тебя! *(Пьет.)*

Вася *(подносит стакан Негиной)*. Теперь позвольте вас просить.

Негина. Уж я сказала, что не буду пить.

Вася. Нельзя-с, за что ж обижать? Мы со всем расположением. Хоть половину-с!

Трагик *(падая на колени)*. Саша, Александра! Ты смотри, кто тебя просит! Смотри, кто у ног твоих! Громилов, сам Эраст Громилов!

Негина. Ну, извольте, я немного выпью, только уж больше ни за что не стану. *(Пьет.)*

В а с я *(помогая Трагику подняться)*. Сколько угодно-с. *(Берет стакан.)* Остальное мы допьем и ваши мысли узнаем. *(Наливает стаканы.)* Теперь мы выпьем-с. *(Подает стакан Трагику.)*

Т р а г и к. Поздравляй за двоих, у меня сегодня красноречие не в порядке.

В а с я. Честь имею поздравить с успехом-с. Сто лет жизни и миллион денег-с!

Чокаются с Трагиком и пьют.

Т р а г и к *(подавая стакан)*. Наливай еще!

Вася наливает, Трагик пьет.

Вся?

В а с я *(показывая бутылку)*. Вся.

Т р а г и к. Ну, поедем!

В а с я *(Негиной)*. Прощенья просим! Пожалуйте ручку-с! Извините за невежество-с! Спасибо этому дому, теперь пойдем к другому.

Уходят.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Вот путаники! Точно их вихрем по городу-то носит. Теперь уж запру, одолели. *(Уходит и скоро возвращается.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Н е г и н а, Д о м н а П а н т е л е в н а.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, уж теперь давай чай пить!

Н е г и н а. Я выпью с удовольствием.

Д о м н а П а н т е л е в н а *(у перегородки)*. Матрена, налей-ка нам по чашечке. *(Негиной.)* Дай-ка подарок-то!

Н е г и н а *(подавая коробочку)*. Да ведь вы видели, серьги и брошка.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да я убрать хочу. Ведь тоже не малых денег стоит. *(Прячет в карман.)* Тем эти вещи хороши и приятны, что, случись нужда, сейчас и заложить можно. Не то что вот эти веники.

М а т р е н а приносит две чашки чаю и уходит.

Н е г и н а *(прихлебывая чай)*. А какой мне букет Великатов поднес. Посмотрите!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, что букет! Букет как букет. Даром деньги брошены, я так считаю. *(Пьет чай.)*

Н е г и н а. Нет, вы посмотрите! Цветы всё дорогие, и где он их взял?

Д о м н а П а н т е л е в н а *(рассматривая букет)*. Да, хорош, уж нечего сказать. *(Находит записку.)* А это что ж такое?

Н е г и н а *(читает про себя записку)*. Ах, ах!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Что такое?

Н е г и н а *(хватаясь за голову)*. Ах, нет, погоди! У меня другая есть. А я и забыла. *(Достает из кармана записку.)* Это от Петра Егорыча, он мне на подъезде дал. *(Читает про себя.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Читай вслух! Что еще за секреты от матери!

Н е г и н а *(читает)*. «Да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это. Сегодня в игре твоей я нашел так много теплоты и искренности, что, просто тебе сказать, пришел в удивление. Я очень рад за тебя. Это редкие и дорогие качества души. После спектакля у тебя, вероятно, будет кто-нибудь; при твоих гостях я всегда чувствую что-то неприятное, не то смущение, не то досаду, и вообще мне как-то неловко. Все они смотрят на меня или враждебно, или с насмешкой, чего я, как ты сама знаешь, не заслуживаю. По всем этим соображениям я после театра к тебе не зайду, но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я там подожду тебя. Конечно, я мог бы зайти к тебе и завтра утром; но извини, душа полна через край, сердце хочет перелиться...». *(Отирает слезы.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну-ка, прочти другое-то!

Н е г и н а. Да нет, маменька, не нужно, стыдно!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, вот еще, стыдно! Мало ли ты получаешь записок, которые читать стыдно, да ведь читаешь ты их мне.

Н е г и н а. Ну, мама, соберись с силами. *(Читает.)* «Я полюбил вас с первого взгляда. Видеть и слышать вас для меня невыразимое наслаждение. Извините, что я объясняюсь с вами на письме: по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами. Теперь мое счастье от вас зависит. А счастье мое, о котором я мечтаю, обожаемая Алек-

сандра Николавна, вот какое: в моей усадьбе, в моем роскошном дворце, моих палатах есть молодая хозяйка, которой все поклоняется, все, начиная с меня, рабски повинуется. Так проходит лето. Осенью мы с очаровательной хозяйкой едем в один из южных городов; она вступает на сцену в театр, который совершенно зависит от меня, вступает с полным блеском; я наслаждаюсь и горжусь ее успехами. О дальнейшем я не мечтаю, поживем — увидим. Не сердитесь за мои мечты, мечтать каждому позволительно. Приговор мой я прочту завтра в ваших глазах, если вы меня примете; если же не примете, я с разбитым сердцем, но безропотно удалюсь, наказанный вашим презрением за мою дерзость. Ваш Великатов». *(Сквозь слезы.)* Мама, да что же это такое? Что он, противный, пишет? Кто ж это ему позволил?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Что позволил?

Н е г и н а. Да так... полюбить меня.

Д о м н а П а н т е л е в н а. А разве на это спрашивается позволенье-то, глупая!

Н е г и н а. Так бы вот и убила его.

Молчание.

Д о м н а П а н т е л е в н а *(в задумчивости)*. Лебеди... Лебеди, говорит, плавают на озере.

Н е г и н а. Ах, да что мне за дело!

Молчание.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Саша, Сашутка, ведь никогда еще мы с тобой серьезно не говорили; вот он серьез-то начинается. Живешь, бедствуешь, а тут богатство! Ах, батюшки мои, какая напасть! Вот соблазн-то, вот соблазн-то! Уж не дьявол ли он, прости господи, тут подвернулся? В самый-то вот раз... только что мы про свою нужду-то раздумались. Ну, как есть дьявол. А уж что ласки-то в нем, что этой всякой добродетели! Да давай же говорить о деле-то серьезно, вертушка!

Н е г и н а. «Серьезно», об таком-то деле серьезно! Да за кого ж вы меня принимаете! Разве это «дело»? Ведь это позор! Ты помнишь, что он-то говорил, он, мой милый, мой Петя! Как тут думать, об чем думать, об чем разговаривать! А коли есть в тебе сомнение,

так возьми что-нибудь, да и погадай! Ведь я твоя. Чет или нечет, вот и конец. *(Берет записку Мелузова.)*

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да что ты! Как я могу!.. Это твое дело. Да сохрани меня господи! Да меня и бог и люди...

Н е г и н а *(дочитывает записку Мелузова)*. «Но если ты найдешь минуты две-три свободных, так выбеги в ваш садик, я подожду тебя». Ах, бедный, бедный! Как я его мало любила! Вот когда я чувствую, что люблю его всей душой. *(Берет письмо Нарокова.)* Ах, вот и это! И это надо сохранить на всю жизнь! Уж так меня никто любить не будет. Дайте-ка шаль! Я пойду.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Куда ты? Куда ты? Что ты!

Н е г и н а. Ах, оставьте, не ваше дело!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Как не мое! Да и ты-то моя.

Н е г и н а. Ну, я ваша, что хотите со мной делайте; да душа у меня своя. Я к Пете. Ведь он меня любит, он меня жалеет, он нас с вами добру учил.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да как же дело-то? Уж скажи что-нибудь!

Н е г и н а. Ах, дело, дело! Ну, завтра, завтра, оставим до завтра. А теперь не мешайте мне. Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, может быть, завтра уж не буду. На душе у меня теперь очень хорошо, очень честно, не над этому мешать.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ну, ну, как хочешь, как хочешь.

Н е г и н а *(покрываясь шалью)*. Я не знаю, может быть, сейчас ворочусь, может быть, до утра... Но чтоб ни словом, ни взглядом...

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да что ты, разве я не мать тебе, разве я не женщина! Не понимаю я нешто, что мешать тебе нельзя; души, что ль, у меня нет?

Н е г и н а. Ну, я иду.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да постой, покройся хорошенько, не простудись! Эко сердце-то у тебя золотое. А я все-таки запирать не стану, буду чай пить да тебя поджидать.

Н е г и н а уходит. Д о м н а П а н т е л е в н а уходит за перегородку. Сцена несколько времени пуста, потом входит Б а к и н.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бакин один.

Бакин. Никого нет, а дверь не заперта, и какая-то тень проскользнула мимо меня — это она; но куда, к кому? Если к жениху, так незачем, он и сюда может прийти. Вероятно, пошла погулять в сад, подышать свежим воздухом. Я ее здесь подожду; ну, не прогонит же она, все-таки позволит хоть с полчаса посидеть. Я подержал пари с Великатовым, что буду у ней чай пить и просижу до утра. Проиграть не хочется. Я хотел его уведомить, примет она меня или нет. А! Так я вот что сделаю: я пошлю кучера сказать, что я здесь остался. Если прогонит, то я прошатаюсь где-нибудь до света. *(Отворяет окно.)*

В это время входят Мелузов и Негина, которая проходит за перегородку.

Иван, поезжай в воксал, скажи, что я здесь остался.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бакин и Мелузов.

Мелузов. Нет, вы не останетесь здесь. Велите кучеру подождать, вы сейчас выйдете! Что же вы? Ну, так я прикажу. *(В окно.)* Иван, останься! Барин сейчас выйдет.

Бакин. Какое право вы имеете распоряжаться в чужой квартире? Я вас не знаю и знать не хочу.

Мелузов. Нет, позвольте, зачем вы лжете? И лжете с дурным намерением. Вам хочется ославить девушку?

Бакин. «Ославить»? Визит после театра разве значит «ославить»? Ну, что вы знаете!

Мелузов. Хорошо; да зачем посылать кучера объявлять, что вы здесь остались?

Бакин. Вы посетитель райка, разве вы можете понимать отношения между артистками и той публикой, которая занимает первые ряды кресел!

Мелузов. Я вот что понимаю: что вы, посетитель первого ряда кресел, уйдете отсюда, а я, посетитель райка, останусь здесь.

Б а к и н. Вы здесь останетесь?

М е л у з о в. Да, останусь.

Б а к и н. Вот это хорошо! По крайней мере, я сделал открытие, которым могу поделиться...

М е л у з о в. С кем угодно.

Б а к и н. Впрочем, вы, может быть, сгоряча-то, немножко прихвастнули?

М е л у з о в. Нет, уж будьте покойны, я останусь.

Входит Н е г и н а, одетая в пальто.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Б а к и н, М е л у з о в и Н е г и н а.

Н е г и н а *(кладет Мелузову руку на плечо)*. Да, он останется.

М е л у з о в. Ну, теперь сомнения ваши кончились; значит, вам остается только одно...

Н е г и н а. Удалиться.

М е л у з о в. И чем скорее, тем лучше.

Б а к и н. Лучше, лучше! Я сам знаю, что мне лучше.

М е л у з о в. Нет, не знаете, вы мне не дали договорить. Скорее уйти вам потому лучше, что можете уйти в дверь, а если долго будете сбираться, тогда отправитесь в пространство посредством окна.

Н е г и н а *(обнимая Мелузова)*. Ах, милый!

Б а к и н. Ну, молодой человек, запомните вы это! *(Уходит.)*

Н е г и н а. Ах, милый Петя, голубчик мой, поедем сейчас кататься на всю ночь; лошади здесь.

М е л у з о в. Куда, Саша?

Н е г и н а. Куда хочешь, куда только тебе угодно, все, все в твоей воле вплоть до утра. Мама, прощай, запирай дверь! Мы едем.

М е л у з о в и Н е г и н а уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

НЕГИНА.

ДОМНА ПАНТЕЛЕВНА.

ДУЛЕБОВ.

СМЕЛЬСКАЯ.

ВЕЛИКАТОВ.

БАКИН.

МЕЛУЗОВ.

НАРОКОВ.

ВАСЯ.

ТРАГИК.

ОБЕР-КОНДУКТОР.

КОНДУКТОР.

ЧЕЛОВЕК,
служащий в вокзале.

РАЗНОГО РОДА ПАССАЖИРЫ И ВОКЗАЛЬНАЯ ПРИСЛУГА.

Вокзал железной дороги, зала для пассажиров 1-го класса; направо от актеров дверь в виде арки, ведущая в другую залу; прямо стеклянная дверь, за ней видна платформа и вагоны; на середине, поперек комнаты, длинный стол, на нем приборы, бутылки, канделябры и ваза с цветами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трагик сидит у стола. Потом человек. С платформы слышны голоса: «Станция. Город Бряхимов, поезд стоит двадцать минут, буфет»; «Бряхимов! Поезд стоит двадцать минут, буфет».

Трагик. Где мой Вася? Человек! *(Стучит по столу.)*

Человек входит.

Человек. Что прикажете?

Трагик. Где мой Вася?

Человек. Да помилуйте, который раз уж вы спрашиваете! Почем же мы знаем.

Трагик. Ну, так поди вон, братец!

Человек уходит.

Где мой Вася?

Входит Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трагик и Вася.

Вася. Ну, вот Вася, ну, что тебе?

Трагик. Где ты, братец, пропадаешь?

Вася. Вот еще! Стало быть, дело есть. Ты говори, что тебе нужно!

Трагик. Чего мы, братец, с тобой сегодня не пили?

Вася. Чего? Да уж, кажется, все, окромя купоросу. А вот что! Довольно бы, перегодим!

Трагик. Да ты любишь меня или нет?

Вася. Ну, вот еще разговаривать-то.

Трагик. За что ты меня любишь?

Вася. За то, что у нас в доме безобразие, а ты талант. Ну, и кончен разговор. Только послушай! Что все вино да вино! Дадим ему отдохнуть немножко.

Трагик. Ну, пусть его отдохнет.

Вася. Я приказчика отправляю в Харьков, так нужно растолковать ему все как следует. Пойдем в третий класс, разгуляйся малость!

Трагик. Ну, пойдем. *(Встает.)*

Идут к двери, навстречу им из другой залы выходят Нароков и Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трагик, Вася, Нароков и Мелузов.

Нароков *(останавливая Васю)*. Постойте, постойте! Вот вам мои часы. *(Снимает с себя карманные часы и отдает Васе.)*

Вася. Да на что мне твои часы, Мартын Прокофьич?

Нароков. Дайте мне десять рублей, дайте, прошу вас!

Вася. Да часов-то мне твоих не надо, чудак человек.

Нароков. Сделайте милость, сделайте милость! Мне крайность.

Вася. А коли крайность, я тебе и так поверю.

Нароков. Не надо, не надо. Возьмите часы; я их выкуплю, они дорогие; я их скоро выкуплю.

Вася. Да на что тебе деньги? Скажи, откройся!

Нароков. Ах, за что вы меня мучаете? Скажите мне, дадите вы или нет?

Вася. Любопытно, братец, что у тебя за дела, что за коммерция.

Нароков. Извините, что побеспокоил. Не надо мне.

В а с я. Да изволь, изволь. *(Прячет часы в карман и достает из бумажника деньги.)* На вот, получай! Процентов не возьму, не бойся.

Н а р о к о в *(берет деньги и жмет руку Васе)*. Благодарю вас, благодарю, вы меня выручили.

В а с я и Т р а г и к уходят в другую залу.

М е л у з о в. Их нет и здесь; вы ошиблись, должно быть.

Н а р о к о в. Нет, знаю, знаю, да и сердце мне говорит, что она уезжает. Вы видите, что я еще не могу прийти в себя.

М е л у з о в. Да, невероятно. Зачем же ей скрывать от меня, зачем меня обманывать! Сегодня утром я получил от нее записку вот какого содержания. *(Вынимает записку и читает.)* «Петя, нынче ты не приходи к нам, сиди дома, жди меня, я сама зайду к тебе вечером».

Н а р о к о в. Да, непонятно; но они уезжают, это верно. Я заходил к ним, меня не пустили. Вышла Домна Пантелевна и закричала на меня: «Не до тебя нам, не до тебя, мы сейчас едем на железную дорогу». Я видел чемоданы, саквояжи, узлы... Я побежал к вам.

М е л у з о в. Пойдемте посмотрим в той зале, подождем их у входа.

Н а р о к о в. Я потерял память. Что же теперь, утро или вечер? Я ничего не знаю. Когда отходит поезд?

М е л у з о в. В семь часов вечера, еще минут двадцать осталось.

Н а р о к о в. О, так они еще приедут. Пойдем.

Уходят в другую залу.
Из стеклянной двери выходят Н е г и н а, на ней дорожная сумка, Д о м н а П а н т е л е в н а, С м е л ь с к а я, Д у л е б о в, Б а к и н и М а т р е н а с подушками и узлами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Н е г и н а и С м е л ь с к а я проходят вперед; Д у л е б о в и Б а к и н садятся к столу, М а т р е н а кладет узлы и подушки на диван подле двери, Д о м н а П а н т е л е в н а перебирает узлы и что-то прячет в них.

С м е л ь с к а я. Как ты скоро собралась, Саша, и никому ничего не сказала.

Н е г и н а. Когда же мне было! Я сегодня получила телеграмму и сейчас же стала собираться.

С м е л ь с к а я. Если б мы с князем не заехали на вокзал, так бы ты и уехала, не простясь.

Н е г и н а. Мне некогда было... я ни с кем не простилась... я собралась вдруг... я хотела написать вам из Москвы.

С м е л ь с к а я. Так ты в Москву едешь?

Н е г и н а. Да.

С м е л ь с к а я. На каких условиях?

Н е г и н а. Предлагают очень хорошие, но я еще не решилась; я тебе оттуда напишу.

Д у л е б о в *(Бакину)*. Мне представилось, что нынче должен отправиться Великатов, вот я и приехал захватить его; выпью, мол, с него бутылку шампанского в наказание за то, что он уезжает украдкой.

Б а к и н. И я за тем же.

Д у л е б о в. Однако поезд уж пришел, а его нет еще, должно быть, остался в городе.

Б а к и н. Ведь эти господа миллионщики любят являться прямо к третьему звонку.

С м е л ь с к а я *(Негиной)*. А как же Петр Егорыч?

Н е г и н а. Ах, не говори об нем, пожалуйста!

С м е л ь с к а я. Ты ему сказала?

Н е г и н а. Нет, он не знает. Я боюсь, что он сюда придет, уж уехать бы поскорей.

Б а к и н. Вот и Иван Семеныч!

Из другой залы входят *В е л и к а т о в* *и* *о б е р - к о н д у к т о р* *и останавливаются у двери.*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Н е г и н а, С м е л ь с к а я, Д у л е б о в, Б а к и н, Д о м н а П а н т е л е в н а, М а т р е н а, В е л и к а т о в, о б е р-к о н д у к т о р, потом ч е л о в е к и к о н д у к т о р.

О б е р - к о н д у к т о р *(Великатову)*. Начальник станции приказал прицепить особый вагон с семейным отделением.

В е л и к а т о в. Да, это я его просил. *(Кланяется Дулебову и Бакину.)*

Б а к и н. Вы едете?

В е л и к а т о в. Нет, я провожаю Александру Николавну и Домну Пантелевну. *(Обер-кондуктору.)* Когда будет готово, так распорядитесь, чтоб перенесли эти вещи! Уж похлопочите, чтоб все было хорошо и удобно.

О б е р - к о н д у к т о р. Будьте покойны.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Иван Семеныч, взяли билеты-то?

В е л и к а т о в. Взял, Домна Пантелевна, и всю кладь вашу сдал.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Так дайте мне билеты-то, а то без билетов не пустят.

В е л и к а т о в. Я вам после отдам, когда будете в вагон садиться.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Как бы не опоздать, Иван Семеныч; пожалуй, без нас уедут; у меня сердце не на месте.

О б е р - к о н д у к т о р. Не беспокойтесь; я за вами приду и сам посажу вас, а уж без меня поезд не тронется. А за вещами я сейчас пришлю.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да уж пришлите, только кого понадежнее, чтобы все в сохранности.

В е л и к а т о в. Так вы распорядитесь!

О б е р - к о н д у к т о р *(прикладывая руку к шапке)*. Сейчас прикажу. *(Уходит.)*

В е л и к а т о в. Надо, господа, на проводах бутылочку выпить, я уж приказал подать. Александра Николавна, Нина Васильевна, прошу покорно!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Да, уж перед отъездом всем нужно присесть. Матрена, и ты садись!

Все усаживаются у стола со стороны, противоположной арке. Ч е л о в е к входит с бутылкой шампанского, ставит на стол и уходит. Великатов наливает вино в бокалы.

В е л и к а т о в *(поднимая бокал)*. Счастливого пути, Александра Николавна! Домна Пантелевна!

Дулебов и Бакин привстают и кланяются.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Счастливо оставаться, господа!

С м е л ь с к а я *(целуя Негину)*. Желаю тебе счастья, Саша! Пиши, пожалуйста!

Входит к о н д у к т о р.

К о н д у к т о р. Какие вещи прикажете брать?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Вон, батюшка! Матрена, покажи ему да поди за ним, пригляди хорошенько.

Кондуктор забирает вещи.

Кондуктор!

Кондуктор. Что угодно?

Домна Пантелевна. Ты подушки-то поосторожнее, там по полу не валяйте их!

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Что «маменька»! Прикажешь-то, так лучше. *(Кондуктору.)* Не трожь этот мешочек-то, крайний-то! Говорю, не трожь, там баранки; еще рассыплешь, пожалуй!

Дулебов и Бакин смеются.

Негина. Маменька!

Домна Пантелевна. Да что! Понадейся на них!

Негина. Берите всё, берите всё!

На платформе звонок.

Домна Пантелевна *(быстро встает со стула)*. Ай! Поехали.

Великатов. Успокойтесь, Домна Пантелевна, без вас не уедут.

Кондуктор. Это звонок третьему классу; еще времени много осталось. *(Уходит. Матрена за ним.)*

Домна Пантелевна. Напугали до смерти. Они этими звонками проклятыми всю душу вымотают.

Входят из другой залы Нароков, за ним человек с бутылкой, Мелузов.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Негина, Смельская, Домна Пантелевна, Великатов, Бакин, Дулебов. Нароков садится на конец стола, к арке. Человек ставит перед ним бутылку. Мелузов останавливается у двери.

Негина *(подходит к Мелузову)*. Ни слова, ради бога, ни слова! Если только любишь меня, молчи; я тебе после все скажу. *(Отходит и садится на свое место.)*

Нароков *(человеку)*. Ты сомневался, ты сомневался, глядя на меня, заплачу ли я тебе? Хорошо! Ты хороший слуга! Вот тебе за добродетель награда! *(Дает десять рублей.)* Получи за вино, а сдачу себе возьми!

Человек. Покорнейше благодарю-с! *(Уходит.)*

Мелузов садится рядом с Нароковым, который, налив бокалы себе и Мелузову, встает.

Б а к и н. Спич, спич, господа! Послушаем!

Н а р о к о в. Александра Николавна! Первый бокал за ваш талант! Я горжусь тем, что первый заметил его. Да и кому ж здесь, кроме меня, заметить и оценить дарование! Разве здесь понимают искусство? Разве здесь искусство нужно? Разве здесь... о, проклятие!

Б а к и н. Запутался, Мартын Прокофьич.

Н а р о к о в *(с сердцем)*. Нет, я не запутался. В робких шагах дебютантки, в первом, еще наивном лепете, я угадал будущую знаменитость. У вас есть талант, берегите его, растите его! Талант есть лучшее богатство, лучшее счастие человека! За ваш талант! *(Пьет.)*

Н е г и н а. Благодарю вас, Мартын Прокофьич!

Б а к и н. Браво!

Д у л е б о в. А он говорит довольно складно.

Н а р о к о в *(Мелузову)*. Налейте мне и себе.

Мелузов наливает. Нароков поднимает бокал.

Второй бокал за вашу красоту!

Н е г и н а *(встает)*. Ах, что вы! Зачем!

Н а р о к о в. Вы не признаете за собой красоты? Нет, вы красавица. Для меня, где талант, там и красота! Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться до могилы... За вашу красоту! *(Пьет и ставит бокал.)* Теперь позвольте мне, на прощанье, поцеловать вашу руку! *(Становится на колени перед Негиной и целует ее руку.)*

Н е г и н а *(сквозь слезы)*. Встаньте, Мартын Прокофьич, встаньте!

В е л и к а т о в. Довольно, Мартын Прокофьич! Вы расстраиваете Александру Николавну!

Н а р о к о в. Да; довольно! *(Встает, делает несколько шагов к стеклянной двери и останавливается.)*

В дверях из другой залы появляются о б е р - к о н д у к т о р, п р и с л у г а и н е с к о л ь к о п а с с а ж и р о в.

Не горе и слезы,
Не тяжкие сны,
А счастия розы
Тебе суждены.
Те розы прекрасны,
То рая цветы.
И, верь, не напрасны
Поэта мечты.

Но в радостях света,
В счастливые дни,
Страдальца поэта
И ты вспомяни!

(Отходит к самой двери.)

Судьбою всевластной
Нещадно гоним,
Он счастлив, несчастный,
Лишь счастьем твоим[1].

(Идет к дверям.)

В е л и к а т о в и Н е г и н а. Мартын Прокофьич, Мартын Прокофьич!

Н а р о к о в. Нет, довольно, довольно, больше не могу. *(Уходит.)*

Н е г и н а *(знаком подзывает обер-кондуктора)*. Скажите, что пора ехать! Прошу вас.

О б е р - к о н д у к т о р *(взглянув на часы)*. Еще немножко рано, а впрочем, как вам угодно. Господа, не угодно ли в вагоны садиться?

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ах, пустите меня вперед, господа! Пустите, а то не поспею.

О б е р - к о н д у к т о р. Пожалуйте направо, в последний вагон!

Уходят: Д о м н а П а н т е л е в н а, за ней о б е р-к о н д у к т о р, Н е г и н а, С м е л ь с к а я и В е л и к а т о в, за ними Д у л е б о в и Б а к и н. Н е г и н а скоро возвращается.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М е л у з о в, Н е г и н а, потом В е л и к а т о в и о б е р-к о н д у к т о р.

Н е г и н а. Ну, Петя, прощай! Судьба моя решена.

М е л у з о в. Как? Что? Что ты?

Н е г и н а. Я не твоя, мой милый! Нельзя, Петя.

М е л у з о в. Чья же ты?

Н е г и н а. Ну, что тебе знать! Все равно тебе. Так надо, Петя. Я долго думала, мы обе с маменькой думали... Ты хороший человек, очень хороший! Все, что ты говорил, правда, все это правда; а нельзя... Уж сколь-

---

[1] Подлинные стихи одного неизвестного артиста сороковых годов.— *Прим. автора.*

ко я плакала, сколько себя бранила... Ты этого не понимаешь. Вот видишь ты: уж всегда так, уж так заведено, уж ведь... ну... все так; что ж, вдруг я одна... это даже смешно.

М е л у з о в. Смешно? Неужели смешно?

Н е г и н а. Да, конечно. Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо... А если талант... если у меня впереди слава? Что ж мне, отказаться, а? А потом жалеть, убиваться всю жизнь... Если я родилась актрисой?..

М е л у з о в. Что ты, что ты, Саша! Разве талант и разврат нераздельны?

Н е г и н а. Да нет, не разврат! Ах, какой ты! *(Плачет.)* Ты ничего не понимаешь... и не хочешь меня понять. Ведь я актриса, а ведь, по-твоему, нужно быть мне героиней какой-то. Да разве всякая женщина может быть героиней? Я актриса... Если б я и вышла за тебя замуж, я бы скоро бросила тебя и ушла на сцену; хотя за маленькое жалованье, да только б на сцене быть. Разве я могу без театра жить?

М е л у з о в. Это для меня новость, Саша.

Н е г и н а. Новость! Потому и новость, что ты до сих пор души моей не знал. Ты думал, что я могу быть героиней; а я не могу... да и не хочу. Что ж мне быть укором для других? Вы, мол, вот какие, а я вог какая... честная!.. Да другая, может быть, и не виновата совсем; мало ль какие обстоятельства, ты сам посуди: или родные... или там обманом каким... А я буду укорять? Да сохрани меня господи!

М е л у з о в. Саша, Саша, да разве честная жизнь укор для других? Честная жизнь — хороший пример для подражания.

Н е г и н а. Ну, вот видишь ты; значит, я глупа, значит, ничего не понимаю... А мы с маменькой так рассудили... мы поплакали, да и рассудили... А ты хочешь, чтоб я была героиней. Нет, уж мне куда же бороться... Какие мои силы! А все, что ты говорил, правда. Я никогда тебя не забуду.

М е л у з о в. Не забудешь? И за то спасибо!

Н е г и н а. Это были лучшие дни в моей жизни, уж у меня больше таких не будет. Прощай, милый!

М е л у з о в. Прощай, Саша!

Н е г и н а. Я как сбиралась, все плакала о тебе. На вот! *(Достает из дорожной сумки волосы, завернутые в*

бумажку.) Я у себя отрезала полкосы для тебя. Возьми на память!

Мелузов *(кладет конверт в карман)*. Благодарю, Саша.

Негина. Если хочешь, я еще отрежу, хоть сейчас. *(Достает из сумки ножницы.)* На, отрежь сам!

Мелузов. Не надо, не надо.

Великатов отворяет дверь.

Великатов. Александра Николавна, пожалуйте! Сейчас последний звонок.

Негина. Сейчас, сейчас! Уйдите!

Великатов уходит.

Ну, прощай! Только ты не сердись на меня! Не брани меня! Ну, прости меня! А то мне тяжело будет, у меня никакой радости не будет. Прости меня! Я на коленях буду умолять тебя.

Мелузов. Не надо, не надо. Живи, как хочешь, как умеешь! Я одного только желаю, чтоб ты была счастлива. Только сумей быть счастлива, Саша! Ты обо мне и об моих словах забудь; а хоть как-нибудь, уж по-своему, сумей найти себе счастье. Вот и все, и вопрос жизни решен для тебя.

Негина. Так ты не сердишься? Ну, вот и хорошо... ах, хорошо! Только послушай, Петя. Если ты будешь нуждаться, напиши!

Мелузов. Что ты, Саша!

Негина. Нет, пожалуйста, не откажись. Я, как сестра... я, как сестра, Петя. Ну, доставь ты мне эту радость!.. Как сестра... Чем же я тебе за все добро твое?..

Входит обер-кондуктор.

Обер-кондуктор. Я за вами пришел. Пожалуйте садиться; сейчас поезд отходит!

Негина *(бросается на шею Мелузову)*. Прощай, Петя! Прощай, милый, голубчик! *(Вырывается из объятий и бежит к двери.)* Напиши, Петя, напиши! *(Уходит; за ней обер-кондуктор.)*

Мелузов смотрит в растворенную дверь. Звонок. Слышен свисток кондуктора, потом свист машины, поезд трогается. Из другой залы выходят Трагик и Вася.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Мелузов, Трагик и Вася.

Трагик. Что ты сказал? Она уехала?

Вася. Да, брат, уехала наша Александра Николавна. Прощай! Только и видели.

Трагик. Ну, что ж; мы с тобой будем плакать в одну урну и заочно пожелаем ей счастливого пути.

Входят Смельская, Дулебов и Бакин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Мелузов, Трагик, Вася, Смельская, Дулебов и Бакин.

Бакин *(хохочет)*. Это бесподобно! Я ему кричу: «Выходите, а то вас увезут!» А он говорит: «Пусть увезут, я нисколько не обижусь. До свиданья, господа!» Бесподобно! Значит, он их повез в свою усадьбу?

Смельская. Это очень заметно было; я сейчас догадалась. Разве Негина может ехать в семейном вагоне? Из каких доходов? Ей с маменькой место в третьем классе, прижавшись в уголку.

Бакин. Так зачем же он врал, что провожает?

Смельская. Чтоб избежать разговоров; скажи он, что едет вместе с ними, сейчас бы пошли насмешки, остроты; да вы первые бы начали. А он стыдится, что ли, или просто не любит таких разговоров, я уж не знаю. Он сделал очень умно.

Дулебов. Я вам говорил, что он человек умный.

Бакин. А мы-то желаем счастливого пути госпоже Негиной! Да чего уж счастливее. Ну, если б я знал это, я бы от души пожелал Великатову голову сломить. А ведь бывает же, князь, что иногда стрелочник пьян напьется... Вот теперь встречный поезд проходит; вдруг на разъезде трах!

Мелузов бросается к двери.

Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великатов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят.

Мелузов останавливается.

Побеседуемте, молодой человек! Или вы, может быть, застрелиться торопитесь? Так я вам не поме-

шаю, стреляйтесь, стреляйтесь! Ведь студенты при всяких неудачах стреляются.

Мелузов. Нет, я не застрелюсь.

Бакин. Пистолета не на что купить? Так я вам куплю на свой счет.

Мелузов. Покупайте для себя.

Бакин. Что же вы теперь, за какое дело приметесь? Опять учить?

Мелузов. Да. Что же больше делать? Это наше занятие, наша обязанность.

Бакин. И опять актрису?

Мелузов. Хоть бы и актрису.

Бакин. И опять влюбитесь, опять мечтать будете, женихом себя считать?

Мелузов. Смейтесь надо мной, я не сержусь, я этого заслуживаю. Я вас обезоружу, я сам вместе с вами буду смеяться над собой. Ведь смешно, действительно смешно. Бедняк, на трудовые деньги выучился трудиться: ну, и трудись! А он вздумал любить! Нет, этой роскоши нам не полагается.

Смельская. Ах, какой милый! *(Посылает рукой поцелуй.)*

Мелузов. У нас, у горемык, у тружеников, есть свои радости, которых вы не знаете, которые вам не доступны. Дружеские беседы за стаканом чаю, за бутылкой пива о книжках, которых вы не читаете, о движении науки, которой вы не знаете, об успехах цивилизации, которыми вы не интересуетесь. Чего ж нам еще! А я вторгся, так сказать, в чужое владение, в область беспечального пребывания, беззаботного времяпровождения, в сферу красивых, веселых женщин, в сферу шампанского, букетов, дорогих подарков. Ну, как же не смешно! Конечно, смешно.

Смельская. Ах, какой он милый!

Бакин. Вы не обидчивы; а я думал, что вы меня на дуэль вызовете.

Мелузов. Дуэль? Зачем? У нас с вами и так дуэль, постоянный поединок, непрерывная борьба. Я просвещаю, а вы развращаете.

Трагик. Благородно! *(Васе.)* Спрашивай шампанского!

Мелузов. Вот и давайте бороться: вы свое дело делайте, а я буду свое. И посмотрим, кто скорее устанет. Вы скорее бросите свое занятие; в легкомыслии

немного привлекательного; придете в солидный возраст, совесть зазрит. Бывают, конечно, и такие счастливые натуры, что до глубокой старости сохраняют способность с удивительною легкостью перелетать с цветка на цветок; но это исключения. Я же свое дело буду делать до конца. А если я перестану учить, перестану верить в возможность улучшать людей или малодушно погружусь в бездействие и махну рукой на все, тогда покупайте мне пистолет, спасибо скажу. *(Надвигает шляпу и закутывается пледом.)*

В а с я. Шампанского!

Т р а г и к. Полдюжины!

КРАСАВЕЦ-МУЖЧИНА

Комедия в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Вместо пролога)

ЛИЦА:

АПОЛЛИНАРИЯ АНТОНОВНА,
пожилая дама.

ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА ОКОЕМОВА,
ее племянница, молодая женщина.

НАУМ ФЕДОТЫЧ ЛОТОХИН,
богатый барин, пожилой, дальний родственник Окоемовой.

ФЕДОР ПЕТРОВИЧ ОЛЕШУНИН,
молодой человек, среднего состояния, землевладелец.

НИКАНДР СЕМЕНЫЧ ЛУПАЧЕВ,
пожилой барин, очень широко живущий и бросающий деньги, репутации не безукоризненной, в хорошем обществе не принят.

СОСИПАТРА СЕМЕНОВНА,
сестра его, пожилая дама, одевается богато и оригинально, ведет себя самостоятельно и совершенно свободно, не стесняясь приличиями.

ПЬЕР, ЖОРЖ — *молодые люди, приятели Лупачева, без определенных занятий; похожи друг на друга, одеты и причесаны одинаково, безукоризненно, по последней моде; молчаливы, скромны и совершенно приличны.*

ВАСИЛИЙ,
человек в вокзале.

АКИМЫЧ,
старый слуга Лотохина.

Сад летнего клуба.

Действие в городе Бряхимове.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Пьер и Жорж, потом Василий.

Пьер *(ложась на садовый диван)*. Жорж, ты что пил сейчас?

Жорж. Коньяк.

Пьер. Хорошо?

Жорж. Выпей, так узнаешь.

Пьер. Да мне не хочется.

Жорж. И мне не хотелось.

Пьер. Зачем же ты пил?

Жорж. От нечего делать... Пьер, что это за чудак с нами обедал?

П ь е р. Наум Федотыч какой-то. Какое имя глупое, Жорж! По фамилии Лотохин. Приезжий. А кто он такой, кто ж его знает.

Ж о р ж. Знают.

П ь е р. Кто?

Ж о р ж. Буфетчик Василий.

П ь е р. Что ж он говорит?

Ж о р ж. Говорит, что Лотохин, его барин, богатый человек, старого веку, нынешним не чета. Какого-то «старого веку», какая-то «не чета». Ничего этого я не понимаю.

П ь е р. Все-таки ты знаешь больше моего, а меня спрашиваешь.

Ж о р ж. Что я знаю? Что он «старого веку», да какая-то «не чета» — только и всего. Я думал, что ты больше меня просвещен на этот счет.

П ь е р. Ну, мои сведения очень ограниченны. Лотохин приехал откуда-то, кажется, из Москвы, покупает здесь имение, собирает о нем справки. Все это здесь бывает часто; никому бы до него и дела не было, но он человек богатый, оттого им все интересуются. Верно только одно, что он чудак.

Ж о р ж. Я этих чудаков да простаков боюсь немножко.

П ь е р. Отчего?

Ж о р ж. А помнишь, в прошлом году, какой-то чудак наехал? Лохматый, нечесаный, сюртук в пуху, сапоги нечищенные, шампанское пополам с квасом пил. Бумажника не носил, ассигнации свертывал в комок да по разным карманам рассовывал. Карты в руках держать не умел, а обобрал всех здесь. После я его видел в Петербурге, в Ливадии: раздушенный, завитой, всех опереточных артистов знает, шансонетки не хуже их поет.

П ь е р. Да, бывают художники. Вот Василий. Позовем его да расспросим хорошенько. *(Громко.)* Василий!

Входит В а с и л и й.

В а с и л и й. Что угодно-с?

П ь е р. Ты Лотохина знаешь?

В а с и л и й. Как же не знать-с? Коли они мой барин, настоящий, природный, а не то чтоб... Это, однако, довольно для меня удивительно, чтобы не знать, коли я с измальства был их слуга.

Ж о р ж. Богат он?

В а с и л и й *(махнув рукой)*. Ну, что уж!.. Может, одних вотчин у них в пяти губерниях... и там всего прочего... Про это что ж!.. Уж всем известно...

П ь е р. Да... Ну, а зачем он сюда приехал?

В а с и л и й. Именье покупают.

Ж о р ж. Зачем ему? У него и так много.

В а с и л и й. Они не с тем, чтоб... а как собственно у сродственницы.

П ь е р. У какой сродственницы? Кто она?

В а с и л и й. Уж это я не могу знать-с. Потому как... изволите видеть, я с ихним камардином, с Акимычем, говорил... *(Таинственно.)* Они в отель-Париже стоят, три нумера занимают... можете судить... «Мы, говорит, именье покупать, только, говорит, мы не за барышом гонимся, а по родственному расположению...».

П ь е р. В карты он играет?

В а с и л и й. Этому они не подвержены, а обыкновенно, как господа, когда со временем, для компании... отчего же... это они могут... Потому, выиграть ли, проиграть ли, это им какой расчет! А чтоб гостям удовольствие... Ну, обнаковенно, как завсегда в хороших домах.

Ж о р ж. Давно он приехал?

В а с и л и й. Да как вам доложить? Дня четыре будет-с, а пожалуй, и всех пять. Только они сродственницу свою еще не видали; в именье ездили, осматривать; а вчера приехали обратно.

П ь е р. Ну, а больше ты ничего не знаешь?

В а с и л и й. Да помилуйте, я все знаю. Дяденька у них генерал, в коннице служили,— так уж вот барин!..

Ж о р ж. Где же он теперь?

В а с и л и й. В чужих краях-с.

Ж о р ж. Ну, так что же нам! Бог с ним!

В а с и л и й. Опять сестрица двоюродная, за барином замужем, которые откупами занимались, так, боже мой, брови у них... Кажется, изойди весь белый свет... Да нет, невозможно...

П ь е р. Ну, довольно, будет с нас.

В а с и л и й. Больше ничего не прикажете?

П ь е р. Ничего. Ступай!

В а с и л и й уходит. Л о т о х и н и С о с и п а т р а входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пьер, Жорж, Сосипатра и Лотохин.

Сосипатра. Вы извините, что для первого знакомства брат приглашает вас обедать не домой, а в трактир.

Лотохин. Ничего-с. Я сам бездомовник, человек кочующий; зимой по клубам, а летом по родным кочую.

Сосипатра. У вас много родни?

Лотохин. Очень много-с и, к несчастию, все родственницы: племянницы, внучки, сестры двоюродные, троюродные — девицы да вдовы-с. Невест много. Опека большая.

Сосипатра. Какое же это несчастие? Разве бедные? Помогать надо?

Лотохин. Нет-с, богатые, есть даже очень богатые.

Сосипатра. Чего ж лучше.

Лотохин. Красота мужская нашему семейству очень дорого обходится.

Сосипатра. Я вас не понимаю.

Лотохин. Если изволите, я вам объясню.

Сосипатра. Сделайте одолжение.

Лотохин. Только, сударыня, я заранее прошу вашего извинения: может быть, придется сказать что-нибудь такое...

Сосипатра. Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродетель и излишней стыдливостью не отличаюсь, особенно в мужском обществе. Да вот у меня платок *(показывает носовой платок)*. Коли что такое, так я закроюсь, а все-таки послушаю, я очень любопытна.

Лотохин. Да нет-с, сказать что-нибудь неприличное я себе не позволю, а может быть, вам покажется, что я не очень лестно отзываюсь о женском поле.

Сосипатра. Только-то? Так не бойтесь; я сама не очень высокого мнения о нашем поле. *(Пьеру и Жоржу.)* Вы, шалопаи, чему смеетесь? Говорят люди солидные...

Лотохин. Умудренные опытом...

Сосипатра. Так вы должны слушать с почтением; это вам вперед пригодится, потому что вы еще молокососы. А то лучше убирайтесь.

Пьер. Нет, уж позвольте!

Жорж. Это очень интересно.

Сосипатра. Ну, так ведите себя скромно и сидите, как умные дети сидят.

Лотохин. Так вот, изволите видеть, много у меня родственниц. Рассеяны они по разным местам Российской империи, большинство, конечно, в столицах. Объезжаю я их часто, я человек сердобольный, к родне чувствительный... Приедешь к одной, например, навестить, о здоровье узнать, о делах; а она прямо начинает, как вы думаете, с чего?

Сосипатра. Об шляпках, конечно, о платьях, вообще о тряпках.

Лотохин. Никак нет-с. Она начинает: «Ах! он меня любит!» Кто этот «он» — я почти никогда не спрашиваю, потому что ответ один, стереотипный-с: «Мой жених, он хорош, умен, образован!»

Сосипатра. Да, правда ваша. А потом окажется, что он так же умен и образован, как вот эти милые особы.

Пьер. Вы нас в пример глупости выставляете? — Merci!

Сосипатра. У женщин, коли мужчина хорош да ей нравится, так он уж и умен, и образован; это я по себе знаю. И вы, господа, дождетесь, что вас будут считать умными.

Жорж. Так обижаться не прикажете?

Сосипатра. Еще бы! Не ломайтесь, пожалуйста!

Жорж *(со вздохом)*. Что же делать, Пьер! Перенесем.

Пьер *(со вздохом)*. Перенесем, Жорж.

Лотохин. Так вот-с: «Ах! он меня любит!» Ну, что же тут делать? Остается только радоваться. Любит, так и пускай любит. Хотя, конечно, пожилому человеку не очень интересно любоваться на эти восторги. Он тебя любит, ну и знала бы про себя. Ведь это ее дело, так сказать, келейное и общественного интереса никакого не представляет; зачем же знакомым-то свои восторги навязывать? Другая ведь уж далеко не малолетняя, уж давно полной и довольно веской зрелости,— так пудов от шести с половиною весу,— а все прыгает да ахает: «Ах, он меня любит!», «Ах, он меня любит!» Так, знаете ли, неловко как-то становится.

Сосипатра. Да, это скверно, я терпеть не могу; мне просто стыдно становится. Я очень понимаю, что вам должно быть скучно слушать эти их излияния;

но ведь от этого легко избавиться. Махнуть рукой и уехать. Рад, мол, твоей радости, и бог с тобой, матушка! Блаженствуй!

Л о т о х и н. Нельзя-с. Уж я вам докладывал, что я человек сердобольный; уж тут смотри в оба; а прозеваешь — беда! Вот извольте послушать. Заедешь к этой же родственнице этак через месяц или через два; уж совсем другой тон в доме, переход из мажора в минор. Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки опухли, носик покраснел, и разговор уж другой: «Ах, он меня разлюбил».

Пьер и Жорж смеются.

С о с и п а т р а. Чему вы смеетесь? Бесчувственные!

Л о т о х и н. Утешать уж тут напрасно; чем ее утешишь? Такие недуги время врачует... Глядишь, через месяц и оправится, и повеселеет немножко, а через два опять заахает. Тут уж у меня совсем другая забота начинается: между охов и вздохов стараешься разведать, нет ли, кроме сердечного ущерба, еще имущественного.

С о с и п а т р а. Да, это важный вопрос.

Л о т о х и н. На первых порах, разумеется, ничего не узнаешь. «Ах, да стоит ли об этом говорить! Да все это вздор! Какие тут расчеты! Я все эти мелочи презираю». Ну, сейчас ревизия, расспросы, и видишь, что имение расстроено, долги. «Это, мол, как же так?» — «Ах, боже мой, да что ж тут удивительного? Я готова была для него всем пожертвовать, даже жизнию, а вы пристаете! Разве можно было ожидать, что человек с такой прекрасной наружностью имеет такую коварную душу? Этого никогда не бывает, никогда! Я вас уверяю, это исключение. У кого наружность хороша, у того и душа благородная, это уж всегда, всегда, всегда! И не разговаривайте больше со мной!» Вот и толкуйте с таким народом!

С о с и п а т р а. Господа кавалеры, правда это или нет?

П ь е р. Спросите у Жоржа! Я еще не жених пока, а он уж...

Ж о р ж. Молчи, пожалуйста! Это не честно.

П ь е р. Молчу.

Л о т о х и н. Иной молодой человек, красивой наружности, такую брешь в капитале и в именье-то сде-

лает, что хоть по миру ступай. Вот почему я и стараюсь предупреждать такие катастрофы. Как увижу, что какая-нибудь родственница заахала, я тут и вьюсь.

Сосипатра. Что же вы можете сделать, если женщина действительно влюблена?

Лотохин. На разные хитрости подымаюсь, а коли уж ничего не берет, так отступного даю. Лучше уж тысяч пять-десять бросить, чем все состояние потерять. Ведь навертываются и хорошие женихи-с, дельные, солидные,— да как и не быть при таком приданом! — так не нравятся: люди очень обыкновенные — проза. Подавай им красавцев. Глядишь, глядишь кругом: ну, слава богу, думаешь, нет красавцев, все люди как люди. И вдруг, откуда ни возьмись, красавец тут как тут. И где только они их откапывают? Все не было, все не было, а вдруг какой-нибудь длинноволосый уж ходит около. В бархатном сюртуке, в голубом либо в розовом галстуке — художник какой-нибудь непризнанный, певец без голосу, музыкант на неизвестном инструменте, а то так и вовсе темная личность, а голову держит гордо. Выскочит замуж вот за этакого проходимца — разоренье-то разореньем, да кого еще в родню-то введет! Через этакого красавца и сама-то попадет в общество, в котором и мужчине быть совестно, и нас-то наделит такими родственниками, что не только руку подать стыдно, а того и гляди увидишь их на скамье подсудимых за мошенничество! Наказание! Наша фамилия хорошая, уважаемая; вот один только недостаток...

Пьер. Да неужели у вас все так влюбчивы?

Лотохин. Почти что все; ведь это родом бывает, в нашем семействе такая линия вышла.

Сосипатра. Да, действительно у вас забота большая, если вы не шутите. Мне кажется, что вы просто хотели занять меня забавным разговором после обеда, вот и придумали историю о своих родственницах.

Лотохин. Как угодно-с! Спорить с вами не стану. Если мой разговор показался вам интересен, с меня и этого довольно. *(Встает.)* Извините, я пойду чайку напиться. Московская привычка.

Сосипатра. Я вас удержу не надолго, позвольте только один вопрос.

Лотохин. К вашим услугам.

Сосипатра. Вы только для одних родственниц так хлопочете или случается и для посторонних?

Лотохин. В каком отношении?

Сосипатра. Например, устроить имение, подать совет в запутанном деле.

Лотохин. Если имею досуг, так с удовольствием-с.

Сосипатра. Не сделаете ли вы мне одолжение дать несколько советов по моим делам? Мне обратиться не к кому, у меня нет знакомых дельных людей. Все вот такие. *(Указывая на Пьера и Жоржа.)*

Пьер. Кланяйся, Жорж!

Жорж. Кланяйся, Пьер!

Лотохин. Рад служить чем могу.

Сосипатра. Притом же мне с вами очень ловко будет; вы человек пожилой, бывалый, видали виды,— я с вами могу говорить не стесняясь.

Лотохин. К вашим услугам, к вашим услугам. Я хоть сегодня же к вам зайду.

Сосипатра. Милости просим!

Входит Лупачев.

Вот и потолкуем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лотохин, Сосипатра, Пьер, Жорж и Лупачев.

Лупачев. Об чем это вы толковать собираетесь?

Сосипатра. О серьезных делах.

Лупачев. Не верьте ей; никаких у нее серьезных дел нет.

Пьер. Ты напрасно. Мы и сейчас о серьезных делах толковали.

Жорж. То есть мы с Пьером слушали, а разговаривали они.

Лупачев. Любопытно.

Пьер. О женских слабостях.

Лупачев. Вот разговор нашли! Женскими слабостями надо пользоваться, а разговаривать о них не стоит.

Сосипатра. Ну, я домой. *(Лотохину.)* Извините, что задержала. Вы хотели чай пить. До свиданья. *(Подает руку Лотохину.)*

Лотохин. Мое от меня не уйдет. *(Уходит.)*

Сосипатра. Господа Аяксы! Кто нынче дежурный, чья очередь меня провожать?

Жорж *(подавая руку Сосипатре)*. Моя-с.

Сосипатра и Жорж уходят.

Пьер. Что тебе за охота ублажать этого чудака? Угощаешь его обедами, шампанским. Не в коня корм.

Лупачев. Ты еще молод, чтоб меня учить. Уж поверь, что я ничего даром не делаю. Он москвич, клубный обыватель, знает все трактиры и рестораны, такие люди нужны. Приедешь в Москву, он тебя такими обедами и закусками угостит, что целый год помнить будешь. А что мне за дело, что он чудак! Мне с ним не детей крестить. Поесть, выпить умеет и любит, вот и нашего поля ягода. Кто это? Никак Зоя Васильевна?

Пьер. Да, она с теткой, а кавалером при них Олешунин.

Лупачев. Что за прелесть женщина! И кем окружена! Кабы этому бриллианту хорошую оправу! Нашла себе красивого мужа и рада. Эко счастье этому барашку! Ей не красивого, а богатого.

Пьер. Такого, как ты?

Лупачев. Да, эта женщина заблестела бы: я бы не пожалел ничего. Ну, да еще подождем; чего на свете не бывает.

Пьер. А Олешунин постоянно при ней. Уж не влюблен ли?

Лупачев. Он и любить-то не умеет, а умеет только ревновать. Он до тех пор не обращает внимания на женщину, пока она не полюбила кого-нибудь; а как полюбит, так он сейчас обижаться, почему не его.

Пьер. Это бы ничего, а вот скверно, что он очень скуп и дает взаймы деньги малыми суммами, за большие проценты, да еще с залогом.

Входят Зоя, Аполлинария Антоновна и Олешунин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лупачев, Пьер, Зоя, Аполлинария Антоновна и Олешунин.

Аполлинария *(Олешунину)*. Нет, нет, вы никогда меня не убедите, и напрасно вы проповедуете такие идеи! Вам жизнь не переделать. *(Подает руку Лу-*

пачеву и Пьеру, Зоя и Олешунин тоже.) Да вот мы спросим Никандра Семеныча, он не меньше вашего жизнь знает.

Л у п а ч е в. Все, что я знаю, Аполлинария Антоновна, я знаю про себя, а резонерством не занимаюсь.

А п о л л и н а р и я. Нет, позвольте; скажите, пожалуйста, за кого должна девушка выходить замуж?

Л у п а ч е в. Я не знаю, за кого она должна выходить, а знаю только, как это обыкновенно делается. Девушка, если она свободна, выходит замуж за того, кто ей нравится.

А п о л л и н а р и я *(Олешунину)*. Ну, вот, слышите! *(Лупачеву.)* А он говорит, что девушка не должна обращать внимания на наружность мужчины, а на какие-то душевные качества.

Л у п а ч е в. Отчего ж ему и не говорить так, Аполлинария Антоновна? Всякий судит по-своему. Так говорят кавалеры, которые не имеют счастия нравиться женщинам.

А п о л л и н а р и я. Ах, вот прекрасно! Слово в слово, как я говорила.

О л е ш у н и н. Нашли себе поддержку и обрадовались. Не очень ли смело с вашей стороны, Никандр Семеныч, сказать, что я не нравлюсь женщинам?

Л у п а ч е в. Да я не про вас, я говорил вообще. Вы, может быть, и нравитесь,— чего на свете не бывает.

А п о л л и н а р и я. Можете и вы понравиться, коли женщина никого лучше не видала. Ну, а увидит Аполлона Евгеньича,— так извините.

З о я. Зачем вы трогаете моего мужа, оставьте нас в покое. Наше безмятежное счастье никому не мешает. Я не горжусь своим мужем, хотя и имела бы право. Я знаю, что не стою его и счастьем своим обязана не себе, не своим достоинствам, которых у меня мало, а только случаю. Я благодарю судьбу и блаженствую скромно.

О л е ш у н и н. Не понимаю, решительно не понимаю, за что вы себя унижаете и что такое особенное находите в своем муже?

А п о л л и н а р и я. Ах, боже мой! Ну вот, подите говорите с человеком! Да что вы! Или у вас глаз нет, или уж о себе очень много мечтаете!

П ь е р. Не спорьте, Федор Петрович! Окоемов лучше вас.

Олешунин. Да в каком смысле, желаю я знать?

Пьер. Просто лучше, да и все тут. Не спорьте, не спорьте, нехорошо.

Олешунин. Ах, отстаньте, пожалуйста! Ну, положим, что лучше; только от этих красавцев женщины часто страдают.

Аполлинария. Так уж было бы от кого. От такого мужа и страдать есть счастье; а с немилым вся жизнь есть непрерывное страдание. Зато когда видишь, как все женщины завидуют тебе, как зеленеют от злости, — вот и торжествуешь, вот все страдания и все горе забыто.

Олешунин. Зависть, ревность, злоба, торжество! Все это так мелко, так ничтожно!

Аполлинария *(горячо)*. Да в этом вся жизнь женщины. Подите вы! Что ж ей, астрономией, что ли, заниматься!

Лупачев и Пьер. Браво, Аполлинария Антоновна, браво!

Аполлинария. Да в самом деле, господа, что же это такое! Нет, это ужасно! Винят мою Зою за то, что она нашла себе красивого мужа.

Зоя. Тетя, довольно об этом.

Аполлинария. Погоди, Зоя. Да надо радоваться этому. По крайней мере все, кто ее любит, радуются; а я просто торжествую. Когда она была еще маленькой девочкой, я ей постоянно твердила: «Зоя, ты богата, смотри, не погуби свою жизнь, как погубила твоя несчастная тетя». Ах, что это был за ребенок! Это был воск! Из нее можно было сделать все, что угодно. И я сделала из нее идеал женщины, я образовала и воспитала ее именно в тех понятиях, которые нужны для женского счастия.

Олешунин. Любопытно, что это за понятия.

Аполлинария. Да уж, конечно, не ваша философия. Теперь на нее мода прошла. Теперь нужен простой, натуральный ум. Я надеюсь, господа, что я не глупа.

Лупачев. Кто же смеет в этом сомневаться!

Пьер. Кто смеет, Аполлинария Антоновна!

Аполлинария. Я ей говорила: «Не спеши выходить замуж, пусть тебя окружают толпы молодых людей; ты богата, женихи слетятся со всех сторон, жди, жди! Может, явится такой красивый мужчина,

что заахают все дамы и девицы, вот тогда на зависть всем и бери его. Бери во что бы то ни стало, не жалей ничего, пожертвуй половиной состояния, и тогда ты узнаешь, в чем заключается истинное счастье женщины!» И моя Зоя торжествует. Да, я могу гордиться; я устроила ее судьбу. И если я сама не видала радостей в своей жизни, так живу ее счастием и ее радостями.

Лупачев. Да на что вы-то можете жаловаться? Сколько мне известно, вы никакого горя в жизни не испытали.

Аполлинария. Вы не знаете моего горя и не можете его знать, его надо чувствовать, а чувствовать его может только женщина.

Лупачев. Значит, это горе особое, женское?

Пьер. Женского рода?

Олешунин. Мужчина может всякое горе понять, если только оно человеческое.

Пьер. Погодите, не мешайте!

Аполлинария. Понять — пожалуй, но чувствовать вы не можете так, как женщина. Я вышла замуж очень рано, я не могла еще разбирать людей и своей воли не имела. Мои родители считали моего жениха очень хорошим человеком, оттого и отдали меня за него.

Лупачев. Да он и действительно был хороший человек.

Аполлинария. Я не спорю. Я могла уважать его, но все-таки была к нему равнодушна. Я была молода, еще мало видела людей и не умела еще различать мужчин по наружности, по внешним приемам; для меня почти все были равны, потому я и не протестовала. Но ведь это должно было прийти и пришло; я вступила в совершенный возраст, и понятие о мужской красоте развилось во мне; но, господа, я уж была не свободна... выбора у меня уж не было. Должна я была страдать или нет? Нет, это драма, господа!

Лупачев. Да, действительно, положение затруднительное.

Аполлинария. Ведь все-таки глаза-то у меня были, ведь я жила не за монастырской стеной; я видела красивых мужчин, и видела их очень довольно; господа, ведь я человек, я женщина, не могла же

я не сокрушаться при мысли, что будь я свободна, так этот красавец мог быть моим, и этот, и этот.

Л у п а ч е в. Как: «и этот, и этот»? Да неужто...

А п о л л и н а р и я. Ах, какие вы глупости говорите! Я хотела сказать: «или этот, или этот...»

Л у п а ч е в. То-то, а уж я было подумал.

А п о л л и н а р и я. С вами невозможно говорить.

Л у п а ч е в *(взглянув на часы)*. Да мне и некогда. Пора на железную дорогу, сейчас придет поезд.

З о я. Вы уезжаете?

Л у п а ч е в. Нет, я встречаю.

З о я. Кого-нибудь из наших общих знакомых?

Л у п а ч е в *(смеясь)*. Да, нашего общего знакомого — мужа вашего.

З о я. Ах, что вы, как же это?

Л у п а ч е в. Я сегодня получил телеграмму.

З о я. Почему же он меня не известил?

Л у п а ч е в. Не знаю. Вероятно, хотел сделать вам сюрприз.

З о я. Ах, так и я с вами. Поедемте, поедемте!

Л у п а ч е в. Не очень ажитируйтесь! Еще поспеем; это очень близко.

З о я. Нет, поедемте! Прощайте, господа!

А п о л л и н а р и я. Зоя, как я рада за тебя. А я к вам уж завтра утром.

Л у п а ч е в, З о я и А п о л л и н а р и я уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

П ь е р и О л е ш у н и н.

П ь е р. Охота вам ухаживать за женщиной, которая влюблена в своего мужа как кошка.

О л е ш у н и н. Влюблена? Вы думаете? Позвольте вам сказать, что вы ошибаетесь.

П ь е р. Да вы видели, как она бросилась встречать мужа!

О л е ш у н и н. Она слепая женщина, она не видит, что он ее разлюбил давно; он уж забыл об ее существовании и даже не известил ее о своем приезде. А эта ее радость не больше, как экзальтация, которая скоро пройдет.

П ь е р. Однако вот не проходит; а она уж давно замужем.

О л е ш у н и н. Советы сумасшедшей тетки парализуют

мое влияние. Но я ей скоро глаза открою; она увидит ясно, что за человек ее супруг благоверный.

Пьер. И тогда?

Олешунин. Тогда она будет ценить человека по его внутренним достоинствам, а не по внешним.

Пьер. Ничего этого не будет, а если и будет, так вам нет никакой выгоды, потому что не одни же вы имеете эти внутренние достоинства, есть люди, которые имеют их больше вашего.

Олешунин. Но я первый научил ее правильно оценивать людей, я уж и теперь пользуюсь некоторым расположением ее, а тогда она, конечно, предпочтет меня всем.

Пьер. Ничего этого нет и ничего не будет.

Олешунин. Хотите пари?

Пьер. Нет, не хочу. Да мы с вами далеко зашли, вернемтесь назад. Вы говорите, что откроете ей глаза насчет мужа? — Так знайте, что ни одному слову вашему она не поверит.

Олешунин. Посмотрим.

Пьер. И все передаст мужу. А он, я вам скажу, такой человек, такой человек, что...

Олешунин. Такой же он человек, как и все люди.

Пьер. Ну, нет... Он такой человек, такой человек...

Олешунин. Ну, что «человек, человек»! Не съест же он меня?

Пьер. Ну, не поручусь. Боже мой, что он с вами сделает!

Олешунин. Пожалуйста!.. Не очень-то я его боюсь... Да оставьте этот разговор; вон подходит какой-то незнакомый человек.

Пьер. Это знакомый: Наум Федотыч Лотохин, богатый барин из Москвы. Хотите я и вас с ним познакомлю?

Олешунин. Пожалуй.

Входит Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пьер, Олешунин и Лотохин.

Пьер *(Лотохину)*. Вот позвольте вас познакомить еще с одним из наших: Федор Петрович Олешунин.

Лотохин *(подавая руку)*. А я Лотохин, Наум Федотыч. Очень приятно, очень приятно. А где же Никандр Семеныч?

Пьер. Он поехал на железную дорогу встречать приятеля своего, Аполлона Евгеньевича Окоемова.

Лотохин. Окоемова-с? Вы адрес его знаете?

Пьер. На Дворянской улице, в собственном доме... То есть в доме жены, но это все равно. Извозчики знают... Вы с ним знакомы?

Лотохин. Нет, незнаком, но он мне родственник. Племянница моя, впрочем очень дальняя, замужем за ним.

Пьер. Она сейчас была здесь.

Лотохин. Очень жаль, что мы не встретились; впрочем, я бы ее не узнал, мы лет десять не видались. Надо будет заехать, поглядеть на их житье-бытье. Что за кроткое созданье была эта сиротка. Она воспитывалась у тетки. Что они, согласно живут?

Пьер. А вот спросите у Федора Петровича, он у них каждый день бывает.

Олешунин. Согласно-то согласно, да не знаю, долго ли это согласие будет продолжаться.

Лотохин. Почему же вы так думаете?

Олешунин. Она женщина прекрасная, про нее ничего сказать нельзя; ну, а он... *(пожимает плечами)* не пара ей.

Лотохин. Да не мотает он, не сорит деньгами?

Пьер. Ничего подобного.

Олешунин. Ну, все-таки он проживает довольно, но, кажется, не выше средств.

Лотохин. И слава богу! С меня и довольно, а остальное как хотят; это уж их дело. Я только с экономической стороны!

Олешунин. Любопытно бы было присутствовать при их встрече. Каким холодом он ответит на ее восторги!

Входит Жорж.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пьер, Олешунин, Лотохин и Жорж.

Пьер. Откуда ты?

Жорж. С железной дороги. Видел трогательную встречу супругов Окоемовых: объятия, поцелуи, слезы.

Олешунин. Разумеется, со стороны жены.

Жорж. Нет, и со стороны мужа тоже, да еще в придачу он навез ей кучу разных дорогих подарков.

Олешунин. Не понимаю.

Лотохин. Что ж тут непонятного? Так и должно быть.

Жорж *(Лотохину)*. Никандр Семеныч просит вас, если вы свободны, провести сегодня вечер у него. Он извиняется, что не успел сам вас пригласить, он торопился на железную дорогу.

Лотохин. Это все равно. Хорошо, я приеду.

Жорж. Поедем, Пьер! *(Лотохину.)* До свидания!

Пьер. Поедем, Жорж! *(Лотохину.)* До свидания!

Пьер и Жорж уходят. Олешунин молча кланяется и уходит в другую сторону.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лотохин, потом Акимыч.

Лотохин. Что за чудеса! Зоя с мужем живет в трогательном согласии, мотовства нет, а имение продают за бесценок? Что их заставляет? Никак не догадаешься. Ну, утро вечера мудренее: завтра заеду к ним и разберу все дела.

Входит Акимыч.

Что ты, Акимыч?

Акимыч *(сняв шапку)*. Письмо к вам, барин-батюшка... Думал, что, пожалуй, мол, нужное, так и побрел вас разыскивать. Извольте! *(Подает письмо.)*

Лотохин. От кого бы это? Рука женская. Должно быть, от Сусанны Сергевны?

Акимыч. Надо быть, что от них-с. Коронку-то у них на письмах я заприметил, так сходственная.

Лотохин *(распечатывает письмо)*. Надень шапку-то!

Акимыч. Ну, вот... что уж... не зима... *(Отходит к стороне.)*

Лотохин *(пробежав глазами несколько строк)*. Что такое, что такое? Глазам не верю. *(Читает.)* «Милый дядя! Как я рада, что ты в настоящее время в Бряхимове. Судьба, видимо, мне благоприятствует. Мне нужно как можно скорее продать мое бряхимовское имение; там, на месте, ты скорей найдешь покупщика. Пожалуйста, не очень торгуйся. Ты такой скупой, что ужас». Батюшки! Что ж это такое! *(Читает.)* «Мне денег, дядя, денег нужно; от них зависит не только мое счастие, но и жизнь. Доверенность и все документы я пришлю завтра, а вернее, что сама приеду. Вашему хваленому жениху, умному, практическому человеку, как вы

его величали, я отказала. Нет, дядя, не того жаждет душа моя. Я не хотела много распространяться в письме, но не могу, нет сил скрыть моей радости. Милый дядя, я нашла свой идеал; ах, милый дядя, я встретила... да, я встретила человека... Он молод, умен, образован, а как хорош собой, ах, как хорош!» Ну, эта песенка знакома мне. *(Читает.)* «Но, милый дядя, пожалей меня, несчастную, есть препятствия! Чтобы побороть их, нужны деньги, нужно много денег!» Нет, я не выдержу, закричу караул. *(Читает.)* «Для того-то я и продаю имение, я ничего не пожалею!» Акимыч, караул! Грабят!

Акимыч. Чего изволите, барин-батюшка?

Лотохин. Грабят, говорю тебе, грабят!

Акимыч. Что же это! Да, господи, помилуй!

Лотохин. Пойдем домой! Грабят, грабят, караул!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

АПОЛЛОН ЕВГЕНЬИЧ ОКОЕМОВ.

ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА, *жена его.*

АПОЛЛИНАРИЯ.

ЛОТОХИН.

ОЛЕШУНИН.

ЛУПАЧЕВ.

ПЬЕР.

ЖОРЖ.

ПАША, *горничная.*

Зала в доме Окоемовых; в глубине входная дверь, направо от актеров дверь в гостиную, налево — в кабинет Окоемова; мебель и вся обстановка приличные.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Окоемов и Аполлинария (выходят из двери налево), потом Паша.

Окоемов. Так вы без меня поживали довольно весело?

Аполлинария. Ну, какое веселье! Не знали, куда деться от скуки.

О к о е м о в. И за вами никто не ухаживал; может ли это быть?

А п о л л и н а р и я. За кем «за вами»?

О к о е м о в. За женой моей и за вами.

А п о л л и н а р и я. Да кто же смеет!

О к о е м о в. О, если за тем только дело стало, так смелые люди найдутся.

А п о л л и н а р и я. Как это у вас язык-то поворачивается такие глупости говорить.

О к о е м о в. Не понимаю, чего это здесь молодые люди смотрят! Две женщины свободные, живут одни, а молодежь зевает. Нет, я бы не утерпел.

А п о л л и н а р и я. Да перестаньте! Как вам не стыдно! Про меня, пожалуй, говорите, что хотите, а про жену не смейте! Она вас уж так любит, что и представить себе невозможно.

О к о е м о в. Как это ей не надоест?

А п о л л и н а р и я. Что «не надоест»?

О к о е м о в. Да любить-то меня.

А п о л л и н а р и я. Ах, что вы говорите! Это невыносимо, невыносимо.

О к о е м о в. Ну, люби год, два, а ведь она за мной замужем-то лет шесть, коли не больше.

А п о л л и н а р и я. Ведь это мужчины только непостоянны, а женская любовь и верность — до гроба.

О к о е м о в. Ах, не пугайте, пожалуйста! Что ж вы мне этого прежде не сказали, я бы и не женился.

А п о л л и н а р и я. Да, понимаю... Вы шутить изволите, милостивый государь. Вам весело, что вы завоевали два такие преданные сердца, как мое и Зои, вот вы и потешаетесь. А я-то разглагольствую.

О к о е м о в. Нет, что за шутка! Я серьезно.

А п о л л и н а р и я. Ну да, как же, серьезно! Вы, я думаю, во всю свою жизнь ни разу серьезно-то с женщинами не разговаривали. Да, впрочем, вам и не нужно, вас и так обожают.

О к о е м о в. Так вы, бедные, скучали? Это жаль. Неужели даже Федя Олешунин не посещал вас?

А п о л л и н а р и я. Вот нашли человека!

О к о е м о в. Вы уж очень разборчивы; чем же Федя Олешунин не кавалер! Один недостаток: сам себя хвалит. Да это не порок. Человек милый, я его очень люблю.

А п о л л и н а р и я. Ну, уж позвольте не поверить. Это

такой скучный, такой неприятный господин! А что он про вас говорит, кабы вы знали.

О к о е м о в. Да знаю, все равно; я его за это-то и люблю.

А п о л л и н а р и я. Он ужас что говорит; он говорит, что женщины не должны обращать внимания на внешность мужчины, не должны обращать внимания на красоту! Да что ж, ослепнуть нам, что ли? Нужно искать внутренних достоинств: ума, сердца, благородства...

О к о е м о в. Да, да, да.

А п о л л и н а р и я. Да скоро ль их найдешь... Мужчины так хитры... Да и вздор все это.

О к о е м о в. Он правду говорит, правду. Это лучший друг мой. И я прошу вас быть с ним как можно любезнее. И Зое скажите, чтоб она была ласковее с Олешуниным; этим она доставит мне большое удовольствие.

А п о л л и н а р и я. Вот уж не ожидала.

О к о е м о в. Нет, я вас серьезно прошу.

А п о л л и н а р и я. А коли просите, так надо исполнять; я не знаю, у кого достанет сил отказать вам в чем-нибудь. Для нас ваше слово закон. Зоя так вас любит, что она за счастие сочтет сделать вам угодное. Да и я... Ох... еще это неизвестно, кто из нас больше любит вас, она или я.

О к о е м о в. А что ж вы молчали до сих пор, что меня любите!

А п о л л и н а р и я *(конфузясь)*. Да, может быть, вы не так понимаете...

О к о е м о в. Да что уж толковать! Ну, берегитесь теперь!

А п о л л и н а р и я. Ах, что вы, что вы!

О к о е м о в. Да уж поздно ахать-то. *(Обнимает одной рукой Аполлинарию.)* Ну, подите же к Зое, а то она приревнует, да поговорите ей насчет Олешунина.

П а ш а *(входит)*. Федор Петрович Олешунин.

О к о е м о в. Проси ко мне в кабинет. *(Уходит в кабинет.)*

П а ш а уходит в переднюю.

А п о л л и н а р и я. Ах, что это за мужчина! Он какой-то неотразимый. На него и обижаться нельзя, ему все можно простить!

Входит З о я.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аполлинария и Зоя.

З о я. Ах, тетя, я не могу опомниться от радости. Как он меня любит, как он меня любит!

А п о л л и н а р и я. Счастливая ты, Зоя, счастливая!

З о я. Прежде он иногда бывал задумчив, как будто скучал; хоть не часто, а бывало с ним. А ведь это, тетя, ужасно видеть, когда муж скучает; как-то страшно делается...

А п о л л и н а р и я. Ну еще бы.

З о я. Какой веселый приехал, сколько мне подарков привез; ко мне постоянно с лаской да с шутками. Я его давно таким милым не видала.

А п о л л и н а р и я. Он и со мной все шутил. Он просил, чтоб мы были как можно любезнее с Олешуниным.

З о я. Неужели? Зачем это?

А п о л л и н а р и я. Он говорил, что считает его лучшим своим другом, и очень хвалил его.

З о я. Я догадываюсь. Он, вероятно, хочет пошутить над ним, подурачить его. Он и прежде любил посмеяться над ним. Что ж, тетя, сделаем ему угодное, это для нас ничего не стоит.

Входят из кабинета Окоемов и Олешунин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зоя, Аполлинария, Окоемов и Олешунин.

О к о е м о в. Очень, очень благодарен вам, добрейший Федор Петрович! Из моих друзей только вы ведете себя, как истинно порядочный человек. Как я из дому, так все и бросили мою жену, хоть умирай со скуки.

О л е ш у н и н. Я всегда был так привязан к Зое Васильевне и к ее семейству, зачем же меняться мне?

О к о е м о в. Да я, признаться, и не жалею, что здешняя молодежь без меня не обивала мои пороги. Все они так пусты, так ничтожны, что от их разговоров, кроме головной боли, никаких следов не остается.

З о я. Да, уж лучше одним проскучать, чем слушать глупые анекдоты Пьера или Жоржа.

А п о л л и н а р и я. И другие не лучше их.

О к о е м о в. Да уж и вы-то хороши! Что у вас за интересы, что за разговоры, как вас послушать. Вы таких людей, как Федор Петрович, должны на руках носить. Он один затрагивает серьезные вопросы, один возмущается вашей мелочностью и пустотой. Проще сказать, он один между нами серьезный человек. Я не говорю, чтобы в нашем городе уж совсем не было людей умнее и дельнее Федора Петровича; вероятно, есть немало...

О л е ш у н и н. Конечно, но...

О к о е м о в. Но они с нами не водятся, а ему спасибо за то, что он нашим пустым обществом не гнушается.

А п о л л и н а р и я. Да мы ему и так очень благодарны.

О к о е м о в. Нет, мало цените, мало цените. Ведь мало вас ценят, Федор Петрович?

О л е ш у н и н. Но я надеюсь, что со временем...

О к о е м о в. Непременно, Федор Петрович, непременно. *(Аполлинарии.)* Ведь умных и дельных людей ни за что не заманить в нашу компанию. Они очень хорошо знают, что учить вас и нас уму-разуму напрасный труд, что ровно ничего из этого не выйдет, а он жертвует собой и не жалеет для вас красноречия.

З о я. Да я всегда с удовольствием слушаю Федора Петровича.

О к о е м о в. И прекрасно делаешь, Зоя. Я прошу тебя и вперед быть как можно внимательнее к Федору Петровичу. Его беседы тебе очень полезны. Я бы желал, чтобы он был твоим постоянным собеседником. Не бойся, я к нему ревновать не стану: я знаю, что он человек высокой нравственности.

О л е ш у н и н *(пожимая руку Окоемову)*. Благодарю вас! Вы меня поняли. Я не люблю хвалить себя, я хочу только, чтоб мне отдавали справедливость. Я скажу вам откровенно... я читал жизнеописания Плутарха... Для меня очень странно, за что эти люди считаются великими. Я все эти черты в себе нахожу, только мне нет случая их выказать.

О к о е м о в. Может быть, и представится.

О л е ш у н и н. Положим, что я не считаю себя великим человеком...

О к о е м о в. Отчего же? Это вы напрасно.

О л е ш у н и н. Но что я не хуже других, это я знаю верно.

О к о е м о в. Конечно, конечно. Так вот вы и слушайте,

что говорит Федор Петрович. Все это вам на пользу. Конечно, истины, которые он вам проповедует, так сказать, дешевые и всякому гимназисту известные, но вы-то их не знаете. Вот в чем его заслуга.

З о я. Пойдемте ко мне, Федор Петрович, я вас чаем напою с вареньем.

Уходят З о я, А п о л л и н а р и я и О л е ш у н и н. П а ш а показывается из передней.

П а ш а. Никандр Семеныч.

Окоемов идет навстречу. Входит Л у п а ч е в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О к о е м о в и Л у п а ч е в.

Л у п а ч е в *(подавая руку)*. Ты что-то, я замечаю, весел приехал. Это добрый знак. С чем поздравить?

О к о е м о в. Погоди, еще поздравлять рано.

Л у п а ч е в. Но все-таки что-нибудь да есть. Я по глазам твоим вижу. Ты не мечтатель, пустыми надеждами не увлечешься.

О к о е м о в. Ну, конечно.

Л у п а ч е в. Ты всегда довольно верно рассчитываешь шансы.

О к о е м о в. Все слухи, все сведения, которые я получил от тебя, оправдались. Могу сказать, что я съездил недаром.

Л у п а ч е в. Я не спрашиваю, понравилась ли она тебе...

О к о е м о в. Нет, отчего же? Все, что говорили, правда; она и довольно молода, и хороша собой, характер прелестный, живой, веселый.

Л у п а ч е в. А существенное?

О к о е м о в. Достаточно, очень достаточно; самым широким требованиям удовлетворяет. Одним словом, с такими средствами доступно все.

Л у п а ч е в. Но ведь не богаче же Оболдуевой?

О к о е м о в. О да, конечно, куда же! У Оболдуевой, кроме богатейших имений, несколько миллионов денег. Это черт знает что такое — это с ума можно сойти!.. Десятки тысяч десятин чернозему, сотни тысяч десятин лесу, четыре винокуренных завода, полтораста кабаков в одном уезде. Вот это куш!

Л у п а ч е в. Не удалось тебе с ней познакомиться; а хлопотал ты очень.

Окоемов. Да и познакомился бы, если б она была свободна; а то у нее отец, человек с предрассудками. Меня даже и не пустили в их общество; отец не хотел, потому, видишь ли, что у меня репутация не хороша.

Лупачев. Да как же он смеет так говорить про тебя? Чем твоя репутация не хороша?

Окоемов. Идиот; что с него взять-то!

Лупачев. Умному человеку пользоваться своим умом позволяется, а красивому человеку пользоваться своей красотой предосудительно. Вот какие у них понятия. Оболдуева, кажется, на днях сюда приедет; сестра что-то говорила.

Окоемов. Сюда? *(Несколько времени находится в задумчивости.)* Э, да что тут думать! Она приедет с отцом, он ни на шаг ее от себя не отпускает, значит, мне туда ходу нет. Это мечты, будем говорить о деле.

Лупачев. Ты, разумеется, наводил справки?

Окоемов. Самые подробные, и документы видел. В моем положении рисковать нельзя: ведь такой шаг только раз в жизни можно сделать.

Лупачев. И что же?

Окоемов. Более полутораста тысяч доходу.

Лупачев. Брависсимо! Ты меня извини, что я вмешиваюсь в твои дела и вызываю тебя на откровенность! Ты знаешь, что и я тут заинтересован немножко.

Окоемов. Еще бы!

Лупачев. Значит, ее судьба решена. *(Кивает по направлению к гостиной.)*

Окоемов. Что ж делать-то! Нужда.

Лупачев. Да уломаешь ли?

Окоемов. Никакого нет сомнения. Они обе с теткой такой инструмент, на котором я разыграю какую хочешь мелодию. А жаль бедную.

Лупачев. Погоди жалеть-то! Коли она умна, так будет не бедней тебя.

Окоемов. Что толковать-то! Ты богат как черт.

Лупачев. Допустим и это. Ты меня не попрекай, что я богат; я не виноват, родители виноваты. Как они наживали, это не мне судить: я сын почтительный, мне только остается грешить на их деньги.

Входят Зоя и Олешунин.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Окоемов, Лупачев, Зоя и Олешунин.

Зоя. До свидания, Федор Петрович, не забывайте! Мы всегда рады вашему посещению.

Олешунин раскланивается и уходит.

Лупачев *(Зое)*. Сияете?

Зоя. Сияю, Никандр Семеныч.

Окоемов. Ну, вы побеседуйте, а я пойду приведу в порядок кой-какие счеты.

Лупачев. Прощай! Я уеду сейчас домой. Вечером увидимся.

Окоемов уходит.

Зоя. Ах, Никандр Семеныч, как он меня любит! Ведь уж мы не первый год муж и жена, а точно неделю тому назад обвенчаны.

Лупачев. Да, он порядочный человек, он свои обязанности помнит.

Зоя. Какие обязанности? Любить жену разве обязанность? Я люблю его, потому что он мне нравится; я думаю, и он тоже.

Лупачев. Когда люди сходятся по любви, так они и живут в любви, пока не надоедят друг другу; а когда бедный человек берет за женой большое приданое, так он рад ли, не рад ли, а обязан любить.

Зоя. И вы можете так дурно думать о моем муже и вашем друге?

Лупачев. Я ничего о нем не думаю; я говорю только, как это обыкновенно бывает у людей.

Зоя. Но разве не могут быть исключения?

Лупачев. Конечно, могут; и желаю, чтобы любовь вашего мужа была исключением.

Зоя. Какие у вас мрачные взгляды на жизнь!

Лупачев. Зато я никогда и не разочаровываюсь, я этого горя не знаю; а вам, с вашими розовыми взглядами, придется разочаровываться постоянно и много страдать.

Зоя. Не пугайте, пожалуйста!

Лупачев. Предостерегать не значит пугать. Пора вам, Зоя Васильевна, приходить в совершеннолетие. Браки между людьми неравного состояния, по большей части, торговые сделки. Богатый мужчина если

женится на бедной, то говорят, что он берет ее за красоту; то есть, проще сказать, платит деньги за ее красоту.

З о я. Как это хорошо — покупать женщин за деньги!

Л у п а ч е в. Точно так же нехорошо и женщинам покупать красивых мужей.

З о я. Да этого никогда не бывает, вы клевещете на женщин.

Л у п а ч е в. Нет, бывает, и очень часто.

З о я. И что же это за женщины, которые без любви выходят замуж за богатых людей? Это значит продавать себя. Это разврат. Я презираю таких женщин.

Л у п а ч е в. Погодите презирать, погодите! Во-первых, ни одна женщина не скажет вам, что она выходит замуж по расчету, а будет уверять, что любит своего жениха, и не верить ей не имеете никакого права, потому что в ее душе не были. Во-вторых, девушки часто жертвуют собой, чтоб спасти от нищенства свою семью, чтоб поддержать бедных престарелых родителей.

З о я. Ах, да, конечно. Я поторопилась. Извините!

Л у п а ч е в. Погодите, погодите! Продавать себя богатому мужу, конечно, разврат; но и богатой женщине разбирать красоту мужскую и покупать себе за деньги мужа самого красивого — тоже разврат. Но тут есть разница: между женщинами, продающими себя, часто попадаются экземпляры очень умные и с сильными характерами, тогда как те, которые бросаются на красоту, по большей части отличаются пустотою головы и сердца.

З о я. Вы не знаете женщин, оттого так и говорите.

Л у п а ч е в. Нет, знаю лучше вас. Деньги — это дело прочное, существенное, а красота — блестящая игрушка, а на игрушки бросаются только дети.

З о я. Зачем вы мне это говорите?

Л у п а ч е в. На всякий случай; может быть, и пригодится.

З о я. Вы ужасны, вас слушать невозможно.

Л у п а ч е в. Как хотите, я с своими разговорами не навязываюсь.

З о я. Но иногда и боль бывает приятна, и потому я вас слушаю.

Л у п а ч е в. Вот и ваш брак. Я не знаю, может быть, и в самом деле он был следствием обоюдной горячей

любви,— это вам знать, но, в глазах посторонних, он имел вид торговой сделки.

З о я. Нет, уж это слишком! Я вам говорю, что я люблю Аполлона, люблю, и люблю безумно.

Л у п а ч е в. Безумно? Ну и прекрасно; так уж и не сетуйте, не жалуйтесь и принимайте с покорностью последствия, которые непременно следуют за всяким безумием.

З о я. Это что еще?

Л у п а ч е в. А вот будемте продолжать разговор. Угодно?

З о я. Хорошо... Истощайте мое терпение...

Л у п а ч е в. В браках, которые основаны на денежных расчетах, любовь пропорциональна деньгам: чем больше денег, тем больше и любви; убывают деньги, и любовь убывает; кончаются деньги, и любовь кончается, а часто и раньше, если в другом месте окажется для нее богатая практика.

З о я. Послушайте, я на вас буду мужу жаловаться.

Л у п а ч е в. Жалуйтесь! А если ваш муж думает так же, как и я? Тогда кому жаловаться?

З о я. Во всяком случае уж не вам.

Л у п а ч е в. Напрасно. Вы меня не обегайте, я гожусь на многое. До свидания. *(Подает руку.)* Быть хорошенькой женщиной — привилегия большая.

З о я. Да, это по вашей денежной теории.

Л у п а ч е в. Что ж делать! Прежде была теория любви, теперь теория денег.

З о я. Прощайте! Извините! Разговор зашел так далеко, что я боюсь услышать от вас что-нибудь дерзкое.

Л у п а ч е в уходит.

Сколько раз меня расстраивал этот человек! После каждого разговора с ним щемит сердце, как перед бедой. Уж лучше разочаровываться и страдать, чем совсем не верить в людей.

Входит Л о т о х и н.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

З о я и Л о т о х и н.

Л о т о х и н. Не узнали?

Молчание.

Ну, задумались; так, значит, не узнали. Родственник ваш, только дальний.

З о я. Ах, Наум Федотыч! То-то мне сразу что-то очень знакомое показалось, да боялась ошибиться. Да ведь уж сколько лет мы не видались-то!

Л о т о х и н. Да лет шесть, коли не больше.

З о я. Забыли вы меня, совсем забыли.

Л о т о х и н. Вы в Москве не бываете, мне сюда не дорога — вот и не видались; а забыть — как можно! Помним. Знаем, что вы живете под крылышком у тетеньки Аполлинарии Антоновны, изредка получаем от нее известия о вас... Кстати, как ее драгоценное здоровье?

З о я. Она здорова.

Л о т о х и н. И все так же молода душой?

З о я. Все так же.

Л о т о х и н. Ну, вот и прекрасно. Надо правду сказать, слухов об вас было мало; но это я считаю хорошим знаком. По пословице: нет вестей — хорошие вести. Знаем, что вы вышли замуж, слышали, что живете согласно, порадовались за вас. Да и нам полегче на душе стало, одной заботой меньше: выпустили птенца из гнездышка, пусть порхает на своей воле.

З о я. Ах, Наум Федотыч, как он меня любит!

Л о т о х и н. Кто он-то?

З о я. Муж.

Л о т о х и н. Ну, слава богу, слава богу! Что ж тут удивительного, что он вас любит! Это его прямая обязанность.

З о я. Нет, вы представьте... ах, милый Наум Федотыч, вы только представьте себе, как он меня любит, как балует...

Л о т о х и н. Да-с, уж это обыкновенно так бывает; я очень рад-с. Вы мне сказали, ну, я так знать и буду, и распространяться об этом нечего.

З о я. Нет, я не могу... Ах, кабы вы знали!.. Ведь мне все завидуют.

Л о т о х и н. Завидуют? Чему же-с?

З о я. Да ведь он у меня красавец.

Л о т о х и н. Красавец? Да-с... это дело другого рода... Виноват-с. Это обстоятельство значительно усложняет дело, и вы уж мне позвольте предложить вам несколько вопросов.

Зоя. Сделайте одолжение! Я очень рада отвечать на все ваши вопросы; я так довольна, так счастлива!

Лотохин. Позвольте-с! Красавец! Значит, тут любовь-с безотчетная и безрасчетная.

Зоя. Да, да, страстная любовь и взаимность; одним словом, полное счастие.

Лотохин. Из всего этого позвольте мне заключить, что у него собственного состояния не было.

Зоя. Ах, да какое же мне до этого дело! Никогда я не спрашивала, есть у него состояние или нет. Того, что у нас есть, с нас довольно, и мы живем очень хорошо; а мое ли, его ли состояние, это решительно все равно. Мы муж и жена, зачем нам делить? У нас все общее.

Лотохин. Неоспоримая истина. Против этого и говорить ничего нельзя.

Зоя. Я думаю.

Лотохин. Но если у него не было состояния, так долгов не было ли? Вы не удивляйтесь, что я вас о долгах спрашиваю! У мужчин-красавцев постоянно бывают долги,— это их всегдашняя принадлежность.

Зоя. Ничего этого я не знаю. Я знаю только одно, что мы любим друг друга, с меня этого довольно.

Лотохин. Конечно, довольно: чего ж еще-с!

Зоя. Как с вами легко и приятно говорить, вы во всем со мной соглашаетесь; а другие так осуждают меня за мою нерасчетливость, за мою доверчивость.

Лотохин. Как можно осуждать! Сохрани бог. Но у вас, когда вы были девицей, был большой капитал.

Зоя. Да, я знаю.

Лотохин. Где же он, как вы им распорядились?

Зоя. Он там... у него... Ведь должна же я была принести мужу приданое. Вы только подумайте, Наум Федотыч; он явился, ослепил здесь всех; все девушки и женщины стали бредить им. Ведь решительно все, даже и те, которые не имели никакого права на него, то есть разные бесприданницы. Он был нарасхват, за ним ухаживали до бесстыдства... Я его полюбила с первого взгляда, но где же мне! Это все устроила тетя; я ей обязана. Разумеется, тут помогло больше всего счастье; что я перед ним! Он мог бы взять гораздо больше приданого.

Лотохин. Но у вас еще есть отличное имение.

Зоя. Оно мне досталось после свадьбы от дяди.

Лотохин. Значит, вы живете на проценты с капитала и на доходы с имения?

Зоя. Да, конечно.

Лотохин. И вам достаточно?

Зоя. Совершенно достаточно.

Лотохин. Зачем же вы продаете имение?

Зоя. Какое имение?

Лотохин. Ваше наследственное, золотое дно.

Зоя. Это не мое дело; если он продает, значит нужно.

Лотохин. И, должно быть, очень нужно, потому что имение продается за бесценок.

Зоя. Как за бесценок? Что это значит?

Лотохин. А вот я вам сейчас объясню. Что стоит это ваше колечко?

Зоя. Сто рублей.

Лотохин. Продайте мне его за пятьдесят.

Зоя. Зачем же его продавать за пятьдесят, когда оно стоит сто? Да притом же оно мне дорого: это подарок мужа.

Лотохин. Вот и имение стоит сто тысяч, а продается за пятьдесят; да кроме того, оно должно быть вам дорого, потому что это имение дедов ваших, там они родились и умерли.

Зоя. Право, Наум Федотыч, я ничего не знаю. Вы поговорите с мужем.

Лотохин. Да-с, я затем и приехал, чтобы оно не доставалось чужим; все-таки в нашем роду будет.

Зоя. Я сейчас позову мужа. *(Подходит к дверям кабинета.)* Аполлон, Аполлон!

Входит Окоемов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зоя, Лотохин и Окоемов.

Зоя *(Лотохину)*. Вот мой муж, Аполлон Евгеньич Окоемов! *(Мужу.)* Это, Аполлон, наш родственник, Наум Федотыч Лотохин; он нарочно приехал сюда, чтобы купить наше имение.

Окоемов. Ах, очень рад! Очень приятно познакомиться.

Лотохин. Я давно знаю ваше имение и мог бы купить его заглаза; но я все-таки съездил его посмотреть; я вчера только оттуда. Порасстроили вы его немножко, леску убыло.

Окоемов. Разворовали, Наум Федотыч. Присмотру нет, я очень плохой хозяин; потому я его и продаю.

Лотохин. Уж это ваше дело. Чем вам с комиссионерами возиться, я у вас его куплю без всякого посредничества. Цена недорогая, как я слышал, мы кончим в два слова. Документы у вас готовы?

Окоемов. Все готово, и справки все уж собраны, остается только купчую совершить.

Лотохин. Так уж вы не хлопочите, вам не сделают так скоро, как мне; я слово знаю. Я сейчас же отсюда заеду к старшему нотариусу. Пожалуйте документы!

Окоемов. Благодарен вам, очень благодарен. Сию минуту доставлю, они у меня на столе. *(Уходит в кабинет.)*

Зоя. Вы долго здесь пробудете?

Лотохин. Да вот только устрою делишки.

Зоя. Надеюсь, вы не в последний раз у нас.

Лотохин. Конечно, куда же мне здесь деться? Я никого не знаю. Да и вы, вероятно, не откажетесь посетить меня?

Зоя. Завтра же заедем с мужем.

Входит Окоемов и подает пакет Лотохину.

Окоемов. Тут все, что нужно. Позвольте, я только возьму доверенность.

Лотохин. Да на что она вам? Мне она нужнее, я велю с нее снять копию. Я так облуплю яичко, что вам останется только в рот положить. В деньгах задержки не будет; мне купчую в руки, а вам деньги, все до одной копеечки.

Окоемов. А как вы думаете, скоро эта процедура может кончиться?

Лотохин. Дня в три, в четыре, не больше.

Зоя. Приезжайте обедать к нам. Когда вам угодно.

Лотохин. А вот кончим дело, тогда и пообедаем и спрыснем покупку. До приятного свидания! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Окоемов и Зоя.

Зоя *(с лаской)*. Как я рада, что хоть это дело так хорошо устроилось. Ты так хлопочешь, так беспокоишься, мой милый! Ездил по делам в Москву, прожил там больше месяца, без меня. Я уж не говорю

про себя, я для тебя все перенести готова, но как тебе-то, я думаю, было скучно без меня.

Окоемов. Да, милая Зоя, имение мы продадим, с этой стороны я покоен; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.

Зоя. Какие же заботы, мой друг?

Окоемов. Зоя, я заранее прошу твоего извинения; я скажу тебе много неприятного для тебя и неожиданного; я во многом должен буду признаться перед тобой.

Зоя. Ах, мой друг, только будь откровенен, я заранее тебя во всем извиняю.

Окоемов. Зоя, я много должен.

Зоя. Только-то? Это еще беда небольшая. Заплатим; ну, в крайнем случае продадим все, будем жить бедно, будем работать. Я для тебя на все готова. Я умею вязать, умею вышивать, вот посмотри. *(Показывает работу.)*

Окоемов. Все это вздор! Перестань ребячиться. Наступает время, когда ты должна взглянуть на жизнь серьезно. Я попал в такие тиски, что всего твоего состояния мало, чтобы выручить меня. Потом, я не могу жить в бедности, да и ты не можешь; это пустые мечты.

Зоя. Милый, что же делать? Ну ведь есть же какое-нибудь средство, есть же?

Окоемов. Одно.

Зоя *(дрожа)*. Какое, какое?

Окоемов. Нам нужно разойтись.

Зоя. Как «разойтись»?.. Что это? Я не понимаю.

Окоемов. Развод, Зоя...

Зоя. Ты шутишь, ты шутишь надо мной? Ну, скажи, милый, ты шутишь?

Окоемов. Не до шуток мне, Зоя; дело серьезное.

Зоя *(бросаясь к мужу и обнимая его)*. Нет, нет, не отдам... умру, умру, а не отдам тебя. Не мучь меня! Я умираю, у меня захватывает дыхание. Милый мой, милый мой! Нет, нет, это невозможно.

Окоемов. Успокойся, Зоя, будь благоразумнее! Никто меня не отнимает у тебя.

Зоя. Так говори, говори! Что ж это? Я ничего не понимаю.

Окоемов. Мы с тобой не расстанемся, мы только разведемся формальным образом.

З о я *(хватаясь за голову, садится)*. Как... зачем... что же будет?

О к о е м о в. Слушай, Зоя! Я уж разорил тебя; весь твой капитал пошел на уплату моих долгов; часть денег, которые получим за имение, пойдет туда же. Что у нас останется? Разве могу я простить себе, что довел тебя до нищеты? Я должен загладить свою вину и во что бы то ни стало возвратить тебе состояние.

З о я. Но как же это ты сделаешь?

О к о е м о в. Я пойду на все, даже на преступление.

З о я. Это страшно! Не говори так! Ах, прошу тебя, не говори!

О к о е м о в. Другие умом, оборотливостью, талантом зарабатывают себе состояние, а у меня этого нет. У меня только одно достоинство: красивая наружность, я нравлюсь женщинам; этим я и хочу воспользоваться.

З о я. Ах, что ты говоришь! Аполлон, пожалей меня!

О к о е м о в. Не возражай, Зоя! То, что я говорю, дело решенное, другого выхода из моего положения нет. В Москве я случайно познакомился с одной дамой. Не ревнуй! Она старуха и безобразна до крайности. Мы часто встречались с ней у моих знакомых; она думала, что я холостой, и, на старости лет, влюбилась в меня до безумия.

З о я. Ты бы сказал ей, что ты женат.

О к о е м о в. Разумеется, сказал, не обманывать же ее; она, конечно, опечалилась, но...

З о я. Что «но»? Договаривай!

О к о е м о в. Но обещала мне полмиллиона, если я разведусь с тобой.

Зоя плачет.

Не плачь, Зоя, полмиллиона велики деньги! Ты для меня всем пожертвовала, должен же и я сделать что-нибудь для тебя! Она проживет недолго, прямых наследников у ней нет, все достанется мне, и тогда мы с тобой опять вместе, мы будем счастливы, богаты и уж навек неразлучны. Не плачь же, я уж тебе говорил, что это дело решенное; такой случай может не повториться; надо быть совсем сумасшедшим, чтобы не воспользоваться им. Я близок к нищете, к позору, к отчаянию, быть может, к само-

убийству, потому что вместе с собой я погубил и тебя; я не буду знать ни дня, ни ночи покою, меня замучат угрызения совести. И в таком положении отказываться от денег, от богатства?

З о я *(сквозь слезы)*. Ну, что ж... разведемся.

О к о е м о в. Я навсегда обеспечу тебя и себя.

З о я. Я ничего от тебя не возьму.

О к о е м о в. Я по крайней мере возвращу тебе все, что отнял у тебя. Зоя, ты меня презираешь?

З о я. Если б я презирала тебя, я бы не стала тебя слушать и ушла от тебя. Да, ты стоишь презрения, но я, к несчастию, люблю тебя и жалею, я не хочу, чтоб ты жаловался, что я помешала твоему счастию... Разведемся.

О к о е м о в *(целует руку жены)*. Благодарю тебя, милая Зоя. Ты героиня! Я теперь только понял, на какие жертвы способна любящая женщина. Но, Зоя...

З о я. Что еще?

О к о е м о в. Ты знаешь законы о разводе?

З о я. Слыхала...

О к о е м о в. Надо делать так, чтоб я мог жениться...

З о я *(с печальной улыбкой)*. Конечно. Иначе зачем же и разводиться? Что же тебе от меня нужно?

О к о е м о в. Нужно, Зоя, чтоб ты была виновата.

З о я. Как виновата, в чем?

О к о е м о в. Чтоб я мог уличить тебя в неверности — несомненно, со свидетелями.

З о я. Ах, ах! Нет, нет! Ты забылся, Аполлон! Ты с ума сошел! Ты говоришь с честной женщиной, и вспомни, кто я! Несчастный, ты забыл уважение ко мне... Чем я это заслужила! *(Плачет.)*

О к о е м о в. Да ты и останешься честной женщиной; ведь все будут знать, что это комедия, что это только предлог...

З о я. Да нет, нет, невозможно! Ты не знаешь, что такое порядочная женщина. Вы все судите по себе... Вы, мужчины, все так развратны, для вас нравственного чувства не существует, вы не боитесь грязи... А порядочная женщина брезглива... Ты только представь себе: девушка, совершенно чистое существо... Она полюбила тебя, вышла за тебя замуж, чтобы любить тебя всю жизнь; любовь для нее святыня, торжество; она лелеет, бережет ее! Она знает, что с такой любовью к мужу она всю жизнь, куда бы ее

ни забросила судьба, останется чиста, непогрешима, уважаема всеми... С этой любовью она неуязвима! Любовь к мужу поддерживает ее, спасает; любовь — это ее душа. И ты хочешь, чтоб я посрамила это чувство каким-то притворством, какой-то комедией! Да чем же мне жить после? Что ж у меня в душе останется, для чего мне существовать, когда любовь моя к тебе будет поругана мной? Ведь у меня нет ничего: нет ума, нет знания жизни, теперь даже нет и средств; у меня только одна чистота, непорочность; зачем же я ее грязнить стану?

Окоемов. Сколько раз я говорил тебе, Зоя: смотри легче на жизнь, смотри легче, — с такими правилами нельзя жить! Жизнь должна быть весела, легка, приятна; а ведь так, как ты рассуждаешь, — это уж не жизнь, а вечная трагедия.

Зоя. Нет, нет! Обвиняй меня в чем хочешь, только моей любви, моей души не тронь! Ну, скажи, что я зла, ревнива, что я сумасшедшая, что я могу убить тебя, что я глупа, идиотка...

Окоемов. Да за это не разведут! Зоя, чего ты боишься? Мы так устроим, что твоей неверности никто не поверит; мы приищем тебе самого смешного любовника, ну хоть Федора Петровича... Ну разве возможно представить, чтоб ты серьезно полюбила его...

Зоя. Нет, невозможно, это возмущает меня!

Окоемов. Зоя, спаси меня! *(Падает на колени.)*

Зоя. Нет, не могу, это выше моих сил. Придумай что-нибудь другое.

Окоемов *(встает)*. А когда так, прощай! *(Берет Зою за руку.)* Прощай, моя милая! Взгляни на меня! Ты меня видишь в последний раз. Ты меня ничем не воротишь и нигде не найдешь. Услыхать-то обо мне ты услышишь; твое упрямство принесет плоды... Ты отнимаешь у меня больше полумиллиона; ты отнимаешь у меня возможность расплатиться с долгами, возвратить то, что я похитил у тебя, ты отнимаешь у меня последнее средство примириться с совестью и сделаться порядочным, честным человеком; ты отнимаешь у меня надежду провести жизнь в довольстве, счастливо, без горя и волнений... И ты думаешь, что я могу равнодушно перенести это, не впасть в отчаяние... Ты услышишь обо мне! Для меня дорога одна: разврат, пьянство, мошен-

ничество... Я буду воровать... Да, воровать — и ты услышишь все это. Я сейчас же уезжаю и пропаду для тебя без следа. Прощайся со мной! Прощайся, Зоя, навсегда!

З о я *(почти без чувств)*. Я со-глас-на! *(Падает в обморок.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ЛОТОХИН.

СОСИПАТРА СЕМЕНОВНА.

СУСАННА СЕРГЕВНА ЛУНДЫШЕВА, *молодая вдова, племянница Лотохина.*

ПЬЕР.

АКИМЫЧ.

Комната в гостинице, довольно прилично меблированная; две двери: одна с левой стороны, другая, в глубине, в переднюю; на стене зеркало.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л о т о х и н входит из средней двери, за ним А к и м ы ч.

Л о т о х и н. Скажи в конторе, чтобы фамилию Сусанны Сергевны не писали на доске, чтобы номера, которые она заняла, отметили за мной! Да не болтай ничего! Кто будет спрашивать, говори, что, мол, дальняя родственница барина, проездом в имение, в другую губернию, всего, мол, на один день. Завтра уезжают.

А к и м ы ч. Слушаю, барин-батюшка. Только Сусанна Сергевна, надо полагать, надолго приехали.

Л о т о х и н. Почему же ты так думаешь?

А к и м ы ч. Чемоданов да сундуков больно с ними много. Давеча как принялась Дуняша разбирать, так, боже ты милостивый, целую комнату завесила. Каких, каких платьев нет! И с кружевами, и с цветами, и с живыми птицами райскими. Одних

шляпок никак дюжина. Как есть целый магазин. Опять же этого белья сквозного, с дырочками да с решеточками, конца нет. Одна штука с широкими рукавами, другая совсем без рукавов, и не придумаешь, на чем она держится.

Лотохин. Ну, по платью никак не узнаешь, надолго́ ли они едут: что на день, что на месяц, у них все одно. Платья два-три, говорит, непременно нужно взять, да на всякий случай еще пятнадцать, вот и наберется их много. Ну, ступай же в контору и распорядись, как я тебе приказывал.

Акимыч. Слушаю, барин-батюшка. В одну минуту. *(Уходит.)*

Из левой двери выходит Сусанна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лотохин и Сусанна.

Сусанна. Ну, милый дядюшка, теперь примемся за дело. Времени терять не надо. Вот документы. Извольте поглядеть, все ли тут, что нужно.

Лотохин *(берет документы)*. А вот мы положим их пока в карман, к прочим таковым же. На это завтра время будет; утро вечера мудренее. А теперь побеседуем.

Садятся

Надолго вы сюда пожаловали?

Сусанна. Я не знаю.

Лотохин. А зачем? Вероятно, тоже не знаешь.

Сусанна. Нет, знаю, да не скажу.

Лотохин. А я и спрашивать не стану. Ну, вот, что, взяла?

Сусанна. Ну, нет уж, дядюшка, прошу извинить. Перемените тон, тут шутки не у места.

Лотохин. Значит, дело серьезное?

Сусанна. Очень серьезное. Я ведь женщина решительная.

Лотохин. Ну, слава богу! Всю жизнь пустяками да тряпками занималась, а теперь серьезничать стала. Рад, очень рад.

Сусанна. Да, очень серьезное, очень серьезное дело... и даже секретное... Конечно, и поговорить, и посоветоваться я бы непрочь, а всего лучше с тобой, но только с уговором.

Лотохин. Диктуйте ваши условия.

Сусанна. Чтоб никаких возражений, ни наставлений не было: я совершеннолетняя.

Лотохин. Да с чего ты выдумала, что я буду читать тебе наставления? Нужно очень! Да живите, как знаете, только меня не троньте.

Сусанна. Да, любезный дядюшка, дело серьезное, ах! очень для меня серьезное. *(Встает и подходит к зеркалу.)* А что, дядя, я могу нравиться?

Лотохин. Ах ты, курочка моя! Ишь, что выдумала! Да такая женщина может с ума свести. Ведь уж я старик, а и меня ты за живое задела. Такая ты милая, хорошая сегодня, что я вот все посматриваю, с которой стороны поцеловать тебя, чтобы туалету не нарушить.

Сусанна. Ах, как это смешно! Ну что такое туалет! Чему он мешает! Родной дядя, да туалета боится... Что ж, не за версту ж тебе губы тянуть!

Лотохин *(целуя Сусанну)*. Будь я помоложе, так не побоялся бы. Большую тревогу в мужском сердце ты можешь произвесть.

Сусанна *(довольным тоном)*. Ах, дядя! Какой вы милый!

Лотохин. Что уж! Очаровательница! Хороша-то хороша, да умеешь и товар лицом показать, ну, мужчинам-то и смерть.

Сусанна *(совершенно довольная)*. Ах ты, дядя, какой! *(Грозит пальцем.)* А как ты хорошо меня понимаешь. И ведь это все ты вправду, без хитрости?

Лотохин. Да какая же мне корысть лгать-то?

Сусанна. Ну, благодарю. Да, вот с таким человеком можно говорить обо всем; ну, а уж с другим ни за что бы...

Лотохин. Ну, и поболтаем, благо время свободное.

Сусанна. Дело-то вот какое: я влюблена, милый дядюшка.

Лотохин. Ничего нет удивительного; это очень натурально.

Сусанна. Я женщина свободная и со средствами, я хочу выйти замуж за того человека, которого люблю.

Лотохин. Превосходно.

Сусанна. Я увидала его в Москве, там познакомилась с ним и полюбила. Вот тебе начало истории.

Л о т о х и н. Пока история очень обыкновенная. Теперь, значит, дело стало за тем, чтоб узнать, что это за человек и стоит ли его любить, а тем паче выходить замуж. Потому что пословица говорит: семь раз отмеряй, а один отрежь.

С у с а н н а. Что это значит? Как отмерять? Я не понимаю.

Л о т о х и н. Это очень просто. Например: ты нанимаешь повара... Для тебя что нужно? Чтоб он не оставлял тебя без обеда, чтоб не отравил тебя...

С у с а н н а. Да, конечно.

Л о т о х и н. Поэтому ты собираешь об нем справки, требуешь аттестата, чтоб узнать, где он жил, у каких господ, знает ли свое дело и как вел себя.

С у с а н н а. Это повара, а если мужа... так как же?

Л о т о х и н. И мужа так же. Ты стараешься узнать, в каком он был обществе, его знакомство, интимный кружок.

С у с а н н а. Зачем же мне это?

Л о т о х и н. Но если он был в обществе шулеров или червонных валетов, так ведь такой тебе не годится, чай? Как ты думаешь?

С у с а н н а. Ну, само собой, нечего и думать.

Л о т о х и н. А если и из порядочного общества, так надо узнать, не должен ли.

С у с а н н а. Зачем? Нет, это не надо. Можно заплатить.

Л о т о х и н. Да ведь каков долг? Другому кавалеру и вся-то цена грош, а долгу-то — натощак не выговоришь. А если долгов нет, так нет ли каких обязательств.

С у с а н н а. Какие еще обязательства?

Л о т о х и н. А вот какие: я дворянин, там, или чиновник и кавалер такой-то, обязуюсь жениться на мещанке такой-то слободы, девице Милитрисе Кирбитьевне, в чем и даю сию расписку...

С у с а н н а. Да разве такие обязательства бывают?

Л о т о х и н. Бывают. Одна моя знакомая недавно вышла замуж, так у мужа-то таких обязательств оказалось четыре.

С у с а н н а. Четыре. Как много!

Л о т о х и н. Достаточно и одного, и то скандалу-то не оберешься.

С у с а н н а. Что же с этими обязательствами делать?

Л о т о х и н. Надо по ним деньги платить.

С у с а н н а. Сколько?

Л о т о х и н. А сколько мещанская девица потребует, сколько ее совесть не зазрит.

С у с а н н а. А если ей не заплатить?

Л о т о х и н. Тогда молодого-то мужа потребуют в суд. Это будет спектакль любопытный, особенно для жены. Она может во всей подробности ознакомиться с любовными похождениями своего мужа. Мещанские девицы имеют привычку и на суде в речах своих сохранять прежнюю короткость с своими изменниками. И заговорит она с чувством: «Сердечный ты друг мой, кабы я прежде-то знала, что ты такой мошенник, не стала бы я с тобой и вязаться».

С у с а н н а. Так и скажет?

Л о т о х и н. Так и скажет. У мещанских девиц такое правило: «Коли уж денег не возьму, так осрамлю по крайности». И надо правду сказать, что срамить они мастерицы и довели это искусство до высокой виртуозности.

С у с а н н а. Ха, ха, ха! Как это смешно! Но успокойся, любезный дядюшка! Со мной ничего этого не будет, мой жених не Дон-Жуан, он сам несчастная жертва. Когда он был очень молод, доверчив, его женили чуть не насильно на девушке безобразной, злой, развратной и притом же много старше его. Вся жизнь его есть непрерывное страдание, пытка.

Л о т о х и н. Так он женат?

С у с а н н а. Ну, так что же?

Л о т о х и н. Ты сумасшедшая! Нет, Сусанна Сергевна, я за доктором пошлю.

С у с а н н а. Оставьте, пожалуйста! Нисколько я не сумасшедшая. Он терпел, терпел, наконец хочет развестись с женой. На это нужны деньги, а он беден, вот почему я и хочу заложить свое имение. Говорят, это очень дорого стоит.

Л о т о х и н. А если он возьмет деньги, а с женой-то не разведется? После и ищи его с деньгами-то!

С у с а н н а. Ах, ах, что ты говоришь! Да я ему верю больше себя. Я готова ему все отдать.

Л о т о х и н *(всплеснув руками)*. О, боже мой! Что ты делаешь!

С у с а н н а. Да погоди охать-то, я еще не отдала ничего. Знаешь ли, дядя, у меня какой-то странный характер. Я иногда так расчувствуюсь, что готова

все отдать, а как придется вынимать деньги, так мне и жалко. У нас в роду была одна такая бабушка, так я, должно быть, в нее.

Лотохин. Эта черта в тебе хорошая. А зачем же мужей-то с женами разводить? Чего только эти женщины не выдумают!

Сусанна. Ах, какой ты, дядя, смешной! Да непременно развод... Я больше имею прав на него, чем его жена.

Лотохин. Каких это? Что ты говоришь?

Сусанна. Да конечно. Я люблю его, а она — нет; я богаче... Коли у нее нет состояния, какое же она имеет право на такого мужа? Наконец он страдает, я хочу его освободить,— это доброе дело. Все это на суде должны принять во внимание.

Лотохин. Ну да, как же, непременно.

Сусанна. Мы обязаны делать добрые дела; жить только для себя — нехорошо; надо помогать и ближнему. Ведь это человек кроткий, нежный, с младенческой душой. Кабы ты послушал, как он рассказывает о своих страданиях! Я плакала, плакала... Он хорош, умен, образован и в таком несчастном, жалком положении! Ах, как я плакала! Ну, наконец, я не утерпела и приехала.

Лотохин. Зачем?

Сусанна. Я соскучилась.

Лотохин. По ком?

Сусанна. Да не по тебе же, дядя; конечно по нем.

Лотохин. Да разве он здесь?

Сусанна. Да я уж, кажется, говорила тебе... Он здешний помещик, Аполлон Евгеньич Окоемов.

Лотохин *(пораженный)*. Окоемов!

Сусанна. Разве ты его знаешь?

Лотохин. Да... немного, я слыхал о нем...

Сусанна. Что же ты слышал? Скажи!

Лотохин. Я скажу тебе после, я соберу еще некоторые справки.

Сусанна. Кто-то пришел к тебе; я пойду в свой номер. Мне еще работы много, надо гардероб разобрать.

Лотохин. Пойдем, я тебя провожу.

Сусанна и Лотохин уходят в дверь налево. Из средней двери выходят Сосипатра, Пьер и Акимыч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сосипатра, Пьер и Акимыч.

Акимыч. Сейчас были здесь... Должно быть, вышли в соседний номер; тут у них родственница, проездом в имение, остановились до завтра. Извольте обождать минутку.

Сосипатра. Хорошо, мы подождем. Доложи поди.

Акимыч. Слушаю-с. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Пьер. Какой Олешунин смешной.

Сосипатра. Это не новость, мой друг! Найди что-нибудь поинтереснее.

Пьер. Я вам самую свежую новость хочу рассказать. Мы сегодня завтракали вместе с Олешуниным, он хвастался какой-то новой победой, говорил, что получил billet-doux[1].

Сосипатра. От горничной, вероятно.

Пьер. Так и сияет от радости.

Сосипатра. А вам с Жоржем завидно? Пусть его блаженствует, ему это в диковинку.

Пьер. Да правда ли, не сочиняет ли он?

Сосипатра. Коли есть что, так он не утаит, он по всему городу разблаговестит. Он, можно сказать, из одной чести бьется; ему не любовь нужна, а чтоб все знали, что его любят. Посмотри, как он голову-то подымет!

Пьер. Да он и теперь уж поднял и на нас смотрит с глубоким презрением.

Входит Акимыч.

Акимыч. Сейчас будут. Извиняются. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Сосипатра. Поди, Пьер, подожди меня в общем зале.

Пьер. Здесь Жорж, он на биллиарде играет, мы обед заказали.

Сосипатра. И прекрасно. Я одна домой доеду.

Пьер кланяется и уходит. Из левой двери входит Лотохин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сосипатра, Лотохин, потом Акимыч.

Лотохин. Извините! Все с женщинами, служба моя тяжелая. *(Подает руку Сосипатре.)* Очень рад вас

---

[1] Любовная записка *(франц.)*.

видеть, благодарю, что осчастливили. Бумаги ваши, отчеты и письма управляющих я разобрал. Надо их обоих сменить, вот и все. Я вам пришлю из Москвы, у меня есть на примете два человека. Дела ваши в отличном положении, только не обращайте внимания на пустяки, а смотрите на существенное. Впрочем, это уж обыкновенный, неизбежный недостаток женского хозяйства. Мало вывелось кохинхинских цыплят, и вы ужасно разгневались; мечете громы и молнии, грозите всех прогнать, а недочет более двухсот четвертей пшеницы вы проглядели и оставили без замечания, и тем поощрили управляющих к дальнейшему воровству. Впрочем, вы можете быть покойны; ваши имения в хорошем положении. Поменьше гнева и поменьше доверия, и побольше...

Сосипатра. Рассудку, вы хотите сказать? Да мало ли что, где ж его взять? Я вам искренно благодарна и готова, с своей стороны, служить чем могу.

Лотохин. Благодарить меня не за что, а вот одолжить меня вы можете очень.

Сосипатра. С удовольствием одолжу вас всем, чем могу.

Лотохин. Скажите мне откровенно, что за человек Окоемов?

Сосипатра. Извольте. Я его знаю давно и могу вам сообщить об нем многое. Я его зазнала хорошеньким мальчиком с ограниченным состоянием; он учился плохо, но в обществе его любили и баловали. Он не кончил нигде курса и рано попал в дурное общество. К сожалению, я должна сказать, что это дурное общество есть общество моего брата. Вы видели это пошлое трактирное общество, для которого ни дома, ни семьи не существует. Я живу с братом для того, чтоб наш дом имел хоть сколько-нибудь приличный вид. Я уж давно хотела бросить брата, но рассудила, что я старая вдова, ко мне ничего не пристанет, а если я брошу дом, так они будут верхом по комнатам ездить. Вы видели некоторых из наших, вот хоть Пьера и Жоржа. Что это такое? Это недоучившиеся шалопаи, похожие один на другого как две капли воды. Они уж были развратны, прежде чем узнали жизнь, они уж наделали долгов, прежде чем выучились считать

деньги. И теперь ждут только богатых дур, чтобы поправить свои обстоятельства и заполучить деньги для дальнейших кутежей. Но какова будет жизнь их бедных жен? Таков же и Окоемов. Он по душе не дурной человек, но приобрел трактирные привычки и легкий, почти презрительный взгляд на женщину и ее душу. Ваша родственница Зоя влюбилась в него и вышла за него замуж, чему главным образом способствовала ее тетка, помешанная на мужской красоте. Я их предостерегала, но они вообразили, что я завидую счастию Зои.

Л о т о х и н. Согласно ли они живут?

С о с и п а т р а. До сих пор хорошо, хотя он с самого начала к ней холоден, а она от него без ума. Вот вам пример: у меня есть знакомая девушка, безобразная собой, но очень богатая; он несколько раз выражал мне свое сожаление, что рано связал себя и лишился возможности жениться на этом уроде. Так что, будь только маленькая возможность, он, не задумываясь, бросил бы жену и стал бы ухаживать за этой девицей.

Л о т о х и н. А если б представилась возможность развестись с женой?

С о с и п а т р а. Он бы не задумался ни на минуту.

Л о т о х и н. Он много проживает?

С о с и п а т р а. Теперь нет. Здесь он не мотает; разве где в другом месте. Он часто уезжает.

Л о т о х и н. Долги у него есть?

С о с и п а т р а. Прежде были; когда женился на Зое, так все заплатил; он тогда много заплатил. А теперь едва ли есть долги, потому что у него нет никакого кредита.

Л о т о х и н. Зачем же он продает за бесценок имение? Ведь он Зою-то по миру пустит. Им будет нечем жить.

С о с и п а т р а. Я этого не слыхала. Ну, значит, опять душу продал. То-то он часто ездил в Москву; вероятно, хотел блеснуть, кутил там, играл...

Л о т о х и н. Позвольте, позвольте! Как «душу продал»? Разве у вас люди свои души продают?

С о с и п а т р а. Продают... Это вот как делается: есть особые специалисты-ростовщики, у которых наша беспутная молодежь занимает деньги за огромные проценты в ожидании наследства или выгодной

женитьбы. Эти специалисты зорко следят за молодыми людьми и когда видят, что чьи-нибудь фонды начинают падать, то уж не довольствуются простыми векселями, а заставляют их давать подложные документы, то есть делать фальшивые бланки или поручительства от своих родных.

Лотохин. Так вот что значит душу продавать!

Сосипатра. Тогда уж должник в их руках. Они, постоянно пугая их судом, обирают совершенно, а если уж нечего взять, то предъявляют такие документы родственникам. Те поневоле платят, чтоб избавить фамилию от бесчестия и не погубить молодого человека. С Окоемовым, когда он был холостой, уж подобная история была один раз. Скряга дядя заплатил за него тысяч пять, но поклялся, что уж в другой раз он племянника не пожалеет и обратится к прокурору. Вероятно, опять такая же штука. Деньги женины прожил, кредита нет; вот он, в ожидании наследства, и рискнул.

Лотохин. Как бы мне разузнать это дело и распутать? Помогите!

Сосипатра. Извольте, с удовольствием. Он, вероятно, должен тому же ростовщику, которому был должен прежде. Я его знаю. Эти господа сколько жадны, столько же и трусливы. Надо приехать к нему с кем-нибудь из лиц судейских или административных, так только, чтобы попугать его! «И тебя, мол, милый друг, привлекут к ответственности за подстрекательство». Тогда можно будет выкупить векселя довольно выгодно: то есть не придется заплатить вдвое или втрое. Сумма, вероятно, не очень большая, ему много не поверят. Вы это дело можете завтра обделать. Я вас сегодня же познакомлю с молодым прокурором; человек ловкий и обязательный.

Лотохин *(жмет ей руку)*. Благодарю вас, благодарю! У меня есть еще просьба до вас.

Сосипатра. Хоть десять. Рада служить, услуга за услугу.

Лотохин. Ко мне тут приехала племянница из Москвы, вдова богатая.

Сосипатра. Так ей нужно женское общество, что ли?

Л о т о х и н. Нет-с. Вот видите ли, она женщина хорошая и добрая; только немножко...
С о с и п а т р а. Сумасшедшая...
Л о т о х и н. Этого нельзя сказать-с, а уж очень увлекается, доверчива...
С о с и п а т р а. Знаю, знаю, видала много таких.
Л о т о х и н. Так вот-с, Окоемов в Москве очень разжалобил ее, даже до слез-с.
С о с и п а т р а. Чем же?
Л о т о х и н. А тем, что он очень несчастлив, что жена у него и безобразна, и зла, и развратна...
С о с и п а т р а *(с удивлением)*. Скажите, пожалуйста!
Л о т о х и н. Ну, моя птичка и расчувствовалась и дает ему много денег для развода с женой.
С о с и п а т р а. Что такое! Что вы говорите! Это ужасно!
Л о т о х и н. Именье хочет закладывать.
С о с и п а т р а. Богата она?
Л о т о х и н. Очень богата.
С о с и п а т р а. Вот беда! Как тут быть?.. Я положительно теряюсь. Уж коли она решилась, так не уговоришь.
Л о т о х и н. И слушать не станет.
С о с и п а т р а. А все-таки надо с ней познакомиться!
Л о т о х и н. Я вас сейчас познакомлю.
С о с и п а т р а. Постойте, погодите. *(Задумывается.)* Я кой-что придумала. Позовите вашего человека.
Л о т о х и н *(растворяет дверь в переднюю)*. Акимыч!

Акимыч, сидя на стуле, спит.

А к и м ы ч *(впрсоонье)*. Ась?
Л о т о х и н. Проснись, проснись!
А к и м ы ч. Асинька, милый?
Л о т о х и н. Проснись, барин зовет!
А к и м ы ч *(встает)*. Виноват, барин-батюшка. *(Входит в комнату.)* Что угодно?
С о с и п а т р а. Посмотри в столовой или в биллиардной, здесь ли тот барин, который входил сюда со мной! Если здесь, так приведи его.
А к и м ы ч. Слушаю-с. *(Уходит.)*
С о с и п а т р а. Что, она общительная, милая женщина?
Л о т о х и н. Это такая душа... просто прелесть! Канарейка, а не женщина.

С о с и п а т р а. Тем лучше.
Л о т о х и н. Вот только...
С о с и п а т р а. Ну, что ж делать! Совершенства нет на свете.

Входит П ь е р.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Л о т о х и н, С о с и п а т р а и П ь е р.

П ь е р *(раскланявшись с Лотохиным, Сосипатре)*. К вашим услугам. Что прикажете?
С о с и п а т р а. Я давеча забыла тебе сказать... Сегодня вечером приедет Оболдуева.
П ь е р. С отцом?
С о с и п а т р а. Нет, одна, она теперь совершенно свободна; отец разбит параличом и уж давно без языка и движения.
П ь е р. Вот это новость! Это известие произведет сенсацию.
С о с и п а т р а. Только, пожалуйста, никому не говори, знай про себя.
П ь е р. О! Будьте уверены.
С о с и п а т р а. Ну, больше ничего. Прощай!
П ь е р. Честь имею кланяться. *(Подает руку Лотохину и уходит.)*
Л о т о х и н. Что это за новость вы ему сообщили и для чего?
С о с и п а т р а. Это уж мое стратегическое соображение.
Л о т о х и н. Зачем же вы просили его никому не сказывать?
С о с и п а т р а. Затем, чтоб он сейчас же рассказал всему городу. Ну, теперь пойдемте знакомиться с вашей племянницей.
Л о т о х и н *(стучит в дверь налево)*. Сусанна, можно войти? Я с гостьей.

С у с а н н а за сценой: «Милости просим».

С о с и п а т р а. Ну, начинается война, война с красавцами. Враг силен, но и мы постоим за себя.
Л о т о х и н. Еще бы. С таким союзником, как вы, я на целую армию красавцев пойду. *(Уходит в дверь налево.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

ОКОЕМОВ.

ЗОЯ.

ОЛЕШУНИН.

ЛУПАЧЕВ.

ПЬЕР.

ЖОРЖ.

ПАША.

Гостиная. С левой стороны от актеров окно, далее дверь в залу. С правой — дверь в спальню Зои, ближе к зрителям камин с экраном, большие щипцы для угля и прочие каминные принадлежности; недалеко от камина небольшой диванчик; мебель мягкая.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из левой двери выходят Окоемов *и* Лупачев.

Лупачев. Да, это известие дает совсем другой оборот делу. Тут уж не сотни тысяч, а миллионы.

Окоемов. Попытаем.

Лупачев. Оболдуева и прежде была к тебе неравнодушна, да отец мешал; а теперь, вероятно, для тебя и приезжает.

Окоемов. А вот посмотрим. Не бойся, уж не пропустим, что само в руки плывет.

Лупачев. С моей стороны рассчитывай на всякое содействие.

Окоемов. Только бы Сосипатра Семеновна не помешала.

Лупачев. И ее как-нибудь уломаем.

Окоемов. Тогда успех верный.

Лупачев. А уж московскую барыню за штатом оставишь?

Окоемов. Она и подождет. Что ж делать! Я не виноват, коли богаче ее нашлась. Я бы рад радостью, да расчету нет. Коли тут не удастся, так и за нее примусь; она от меня не уйдет. *(Смотрит в окно.)*

Лупачев. Что ты смотришь?

Окоемов. Да не идет ли наш Дон-Жуан.

Лупачев. Послушай! Ты решился на окончательный разрыв с женой?

Окоемов. Ты знаешь мои дела. Если я и продам имение и как-нибудь расплачусь с долгом, чем же я буду жить потом? Не по миру же мне идти? Если б не это, разумеется, я бы не расстался с Зоей. Я не очень чувствительный человек и порядочно-таки испорчен, а мне ее очень жаль.

Лупачев. С такой сентиментальностью ты ничего не добьешься путного. Чтоб успевать в жизни, надо быть решительным. Задумал, решил и отрезал без всяких колебаний. Только так и можно достичь чего-нибудь. Только так и наживаются миллионы. Ты должен совсем оттолкнуть от себя жену, показать ей презрение, унизить ее.

Окоемов. Да для чего же это?

Лупачев. Для того, чтобы она поняла, что она опозорена, без средств, что ты для нее потерян навсегда.

Окоемов. И чтоб утопилась?

Лупачев. О нет! До этого не дойдет. Как они мужей ни любят, а любовь к жизни в них сильнее.

Окоемов. Ну, так для того, чтоб она к тебе бросилась?

Лупачев. Ну, уж это как она знает. Если она не глупа, так будет счастлива и тебе жалеть ее будет нечего.

Окоемов. Признайся! Ты ее любишь?

Лупачев. Это до тебя не касается.

Окоемов. Ты за нее сватался, и тебе отказали?

Лупачев. Положим, что и так; что ж из этого?

Окоемов. Да ведь я ее ограбил, и я же ее отталкиваю; ведь я не разбойник. Нужно же мне успокоиться хоть на том, что она не останется без поддержки, не будет в крайней нищете. *(Хватает себя за голову.)* Впрочем, что ж я!.. Когда я разбогатею, я ей возвращу все, что отнял у нее.

Лупачев. Да, если позволят тебе безотчетно распоряжаться деньгами. А если будет строгий контроль?

Окоемов. Ах, ведь вот меня счастье, богатство ожидает, а все-таки мне невыносимо скверно... Так скверно, что... кажется...

Лупачев. Ну, философия началась. Пойдем в кабинет, там Пьер и Жорж; нас четверо, сядем играть в винт и развлечемся.

Окоемов. Погоди! *(У двери.)* Паша!

Входит Паша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Окоемов, Лупачев и Паша.

Окоемов. Паша! Не принимать никого.

Паша. Слушаю-с...

Окоемов. Принять только Федора Петровича, если он придет.

Паша. Они придут-с. Они каждый день ходят.

Окоемов. Так ты ему скажи, что меня дома нет, а дома только барыня, что я уехал на охоту с Никандром Семенычем и не ворочусь до завтра. Так и людям скажи. А мы сядем играть в карты и запремся, чтоб нам не мешали.

Паша. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Окоемов *(взглянув в окно)*. А вот и Олешунин. Легок на помине. Кажется, я не ошибся. *(Прислушивается.)* Нет... Вот уж он в передней... разговаривает с Пашей. Идем!

Окоемов и Лупачев уходят в кабинет. Входят Олешунин и Паша.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Олешунин и Паша.

Олешунин. Доложите барыне.

Паша. Сейчас доложу-с. *(Уходит.)*

Олешунин. Наконец! *(Смотрит в зеркало и поправляется.)* Впрочем, что же наружность? Это вздор. *(Растрепывает волосы.)* Конечно, при всей моей скромности, я не могу себе отказать во многих достоинствах... ну, там... ум и прочее... Но любопытно, что собственно во мне ей понравилось?

Входит Зоя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Олешунин и Зоя.

Зоя *(потупясь и шепотом)*. Вы получили мое письмо?

Олешунин *(целуя руку Зои, шутливо)*. А разве вы писали? *(Серьезно.)* Нет, я шучу. Получил.

Зоя *(потупясь)*. Мне совестно вам в глаза смотреть.

О л е ш у н и н. Нет, что же... я этого ожидал... Рано или поздно, это должно было случиться.

З о я. Но все-таки... как хотите... я замужняя женщина... я не должна была открывать своих чувств.

О л е ш у н и н *(с важностью)*. Отчего же? Конечно, ваше письмо в руках какого-нибудь фата... это другое дело... А я серьезный человек.

З о я. Вы не удивились? Садитесь, пожалуйста. *(Садится на кресло.)*

О л е ш у н и н. Помилуйте! Чему же удивляться? *(Очень свободно садится на диван.)* Я себе цену знаю, Зоя Васильевна. Ведь где же этим господам Пьерам и Жоржам понять меня! Оттого они и позволяют себе разные глупые шутки. Но я на них не претендую, они слишком мелки. Вот теперь посмотрели бы они на меня!

З о я. Ах, что вы говорите! Вы подумайте! Ведь у меня муж... Наша любовь требует тайны.

О л е ш у н и н. Да, тайны, тайны. Помилуйте, разве я не понимаю... Только ведь обидно... Я в секрете, в самом глубоком секрете буду таить... Но за что же такие шутки, когда... вот меня любят... Ведь вы меня любите?

З о я. Какой вы холодный человек!

О л е ш у н и н. Кто холодный? Я? Нет, извините... Я вас люблю... я даже очень, очень люблю...

Молча и сконфуженно смотрят друг на друга.

З о я *(шепотом)*. Федя!

О л е ш у н и н *(растерявшись)*. А? Что? Федя... да... *(Стараясь быть развязным.)* Нет, вот что, Зоя... Если б теперь вдруг... луна и там... вдали пруд... *(С пафосом.)* Какое блаженство!

З о я. Да зачем нам луна? Нет, ты лед, ты лед! *(Встает с кресла и бросается на шею Олешунину.)* Федя, я люблю тебя, люблю...

О л е ш у н и н. И я, Зоя, и я... Зоя, ручку!.. Нет, знаешь, Зоя, все-таки... любовь... в волшебной обстановке. Это прелесть... Знаешь... когда вся природа ликует...

З о я *(обнимая Олешунина)*. Федя, Федя!

Входят О к о е м о в, Л у п а ч е в, П ь е р и Ж о р ж.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Олешунин, Зоя, Окоемов, Лупачев, Пьер и Жорж.

Зоя *(прижимаясь к Олешунину)*. Ах, Федя, спаси меня! Он меня убьет! *(Прячется на диване за Олешунина.)*

Олешунин *(растерявшись)*. Что это? Как? Но позвольте... *(Встает с дивана.)*

Зоя тихо уходит в дверь направо.

Окоемов. Ну, что тут за разговоры! *(Обращаясь к Лупачеву, Пьеру и Жоржу.)* Вот, господа, вы видели. Кажется, этого для вас довольно, чтоб составить понятие о верности моей супруги.

Лупачев. Чего ж еще!

Пьер и Жорж утвердительно кланяются.

Окоемов. Господа, теперь вы, нисколько не греша против совести, можете показать даже под присягой, что поведение моей жены не безукоризненно.

Лупачев. Нет, этого мало. Я смело скажу, что оно преступно. *(Пьеру и Жоржу.)* Согласны, господа?

Пьер. Совершенно согласен.

Жорж. Без всяких сомнений.

Окоемов. Благодарю! Господа, я пригласил вас... я хотел весело провести время с друзьями, но случай натолкнул нас на эту печальную сцену... я не думаю, чтобы дальнейшее присутствие в этом обесславленном доме было для вас приятно. Я и сам бы бежал из дому, но я, к несчастию, одно из действующих лиц этой семейной драмы; я должен буду выслушивать разные объяснения, я обязан выпить чашу до дна. Господа, оставьте меня наедине с моим позором.

Лупачев *(подавая руку Окоемову)*. Прощай, бедный друг мой! *(Уходит.)*

Пьер и Жорж подают руки, раскланиваются и уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Окоемов и Олешунин.

Олешунин. Милостивый государь! Тут одно недоразумение; хотя жена ваша действительно предпочитает меня другим, но в этом ничего преступного нет.

Окоемов *(холодно)*. Я знаю.

Олешунин. И все-таки, если вам угодно, я готов дать вам удовлетворение.

Окоемов. Какое тут еще удовлетворение! Ничего этого не нужно. Напротив, я вам очень благодарен.

Олешунин. Но это дело не может кончиться иначе, как дуэлью.

Окоемов. Что за дуэль! Вот еще! Охота мне свой лоб под пулю подставлять.

Олешунин. А! так вы трус? Нет, я требую, непременно требую...

Окоемов. Никакой дуэли не будет; зачем? А вот со мной револьвер, не хотите ли, я лучше вас так убью? Это мне ничего не стоит. И меня оправдают. Знаете, что адвокат будет говорить?

Олешунин. Оставьте шутки! Я их не люблю.

Окоемов. Нет, оно интересно. Адвокат скажет: горячий, благородный человек застает в доме обольстителя и в благородном негодовании, в горячке, в исступлении убивает его. Можно ли обвинить его? Он действовал в состоянии невменяемости! Ну, что ж вы молчите? Вам не угодно, чтоб я убил вас? Так уходите! Вызывать на дуэль могу я! Но я вас не вызываю, а благодарю.

Олешунин. Какая благодарность? За что?

Окоемов. Вот видите ли: нам нужно было разойтись,— это уж наши расчеты. Я долго искал человека, который бы был так легкомыслен...

Олешунин *(грозя пальцем)*. Ссс! Без оскорблений!

Окоемов. Я не говорю ничего оскорбительного; я говорю только «легкомыслен». Но как же назвать того человека, который поверит, что Зоя может прельститься им, имея такого мужа, как я. Вот нашлись вы, и я вам очень благодарен.

Олешунин. Ну, так нет-с! Не нужно мне вашей благодарности. Я крови хочу, крови!.. Я завтра же пришлю к вам моих секундантов.

Окоемов. Милости просим! Я прогоню их, как вас.

Олешунин. Я не позволю играть над собой!

Наступает на Окоемова, тот хладнокровно вынимает из кармана карманный пистолет. Олешунин отступает и идет к двери.

Окоемов *(ласково)*. Прощайте! *(Подойдя к двери.)* Эй! Кто там! Проводите господина Олешунина.

Входит Зоя.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Окоемов и Зоя.

Зоя. Ах, кабы ты мог чувствовать, Аполлон, какая это пытка! Ну, что, мой милый, хорошо я сыграла свою роль?

Окоемов *(сухо)*. Да, так хорошо, что можно усомниться, роль ты играла или действительно любишь Олешунина.

Зоя. Значит, хорошо?

Окоемов. Не мешало бы и хуже; никто тебя не заставлял быть очень натуральной.

Зоя. Ты ревнуешь, мой милый. Как я рада. Значит, ты меня любишь.

Окоемов. Погоди радоваться. Ты не забывай, что ты говоришь с мужем, который сейчас только видел тебя в объятиях чужого человека.

Зоя. Да, несчастный... Аполлон, Аполлон... что ты?.. Ведь ты сам меня заставил, ты меня упрашивал...

Окоемов. То-то вот, что ты уж очень скоро меня послушалась. Это-то и подозрительно.

Зоя. Ты и умолял, и грозил... Ты знаешь, с каким я отвращением...

Окоемов. С отвращением ли? Кто ж это знает? Женщине, которая так ловко умеет обниматься с посторонними мужчинами, как-то плохо верится.

Зоя. Зачем ты так говоришь? *(В изнеможении опускается на диван.)* Зачем, Аполлон, зачем, зачем?

Окоемов. А затем, чтобы ты поняла, наконец, что ты вся в моих руках: что я захочу, то с тобой и сделаю. Пора перестать сентиментальничать-то.

Зоя. Я ничего не понимаю.

Окоемов. Что ты такое? Женщина без состояния, опозоренная, сегодня же весь город узнает о нашем позоре, и мне оттолкнуть тебя с презрением даже выгодно. И я это непременно сделаю, если ты вздумаешь мешать мне.

Зоя *(с трепетом)*. Аполлон, Аполлон! Я боюсь... мне страшно... ты совсем не тот... ты другой человек.

Окоемов. Тот же или другой — это все равно; люди меняются с обстоятельствами. Нужда всему научит. Кто меня осудит, если я брошу и совсем забуду тебя? Ты будешь жаловаться, плакать, уверять, что я обманул тебя? Кто ж поверит тебе?

З о я. Ты убиваешь меня! Перестань, перестань! Заговори со мной по-прежнему, с прежней лаской... Ведь мне страшно, мне кажется, что я теряю... хороню тебя! Ах, ах... Ну, улыбнись мне, мой милый! Пожалей меня, ведь я женщина... Где же силы, где же силы, друг мой...

О к о е м о в. Оставь нежности! Не до них... Ты меня раз послушала, и уж теперь ты в таком положении, что должна слепо повиноваться мне, иначе ты погибнешь.

З о я. Да я тебя слушаюсь. Приказывай. *(Опускается с дивана на колени и складывает руки.)* Я раба твоя.

О к о е м о в. Ах! Пожалуйста, без глупостей... Сядь!

Зоя садится на диван в полном отчаянии.

Прежде всего ты помни, что мы теперь чужие...

Зоя слабо вскрикивает.

Примирение возможно... мы еще можем быть друзьями, но только с одним условием.

З о я. Говори, говори! Я вперед на все согласна.

О к о е м о в. Я требую от тебя, чтоб ты бросила все эти нежности и сентиментальности и поступила благоразумно.

З о я. Благоразумно? Женщине с чувством это трудно, но изволь, я буду принуждать себя.

О к о е м о в. Потом, надо бросить все эти предрассудки, там до́лги разные, приличия и обязанности, которыми вы себя опутываете, как цепями. Живи, Зоя, как живут люди деловые, практические; они не очень-то разборчивы на средства, когда добиваются чего-нибудь большого, существенного.

З о я. Говори, милый, яснее! Я тебя слушаю со всем вниманием.

О к о е м о в. Тебе есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой. Глядя на тебя, я бы радовался... Моя совесть была бы спокойнее, потому что причина всего твоего горя — я!

Зоя слушает с напряженным вниманием.

А тут я видел бы тебя опять богатой, любимой. Отчего бы тебе не сойтись с Лупачевым, он так тебя любит? Полюби и ты его!

З о я *(вскрикивает)*. Ах! *(Хватает щипцы от камина и бросается на мужа.)*

О к о е м о в. Что ты, что ты!

З о я. Ах, извини!

Щипцы падают из рук ее.

Ты меня заставил притворяться... Притворяться я могу... но быть бесчестной, нет... Как ты смел... как ты смел!..

О к о е м о в. Зоя, Зоя, успокойся, тише!

З о я. Нет, я не могу, я не могу, ты тут... *(показывая на грудь)* разорвал все... Мне надо прийти в себя... надо одуматься... Я после... после... *(Идет к двери.)*

О к о е м о в. Зоя, Зоя, выслушай!

З о я *(у двери)*. Нет, нет, я пойду... Прощай! Что я говорю... Нет, я подумаю...

О к о е м о в *(идет за ней)*. Зоя, ну, извини! Я грубо выразился!

З о я. Прощай! То есть я пойду, подумаю... Не ходи за мной... *(Оборачивается, берет Океомова одной рукой за лицо, пристально смотрит на него. Покачав головой.)* Красавец! *(Уходит в дверь направо.)*

Окоемов делает несколько шагов к двери.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

СОСИПАТРА.
ЛУПАЧЕВ.
ЛОТОХИН.
СУСАННА.
ОКОЕМОВ.
ЗОЯ.
ПЬЕР.
ИВАН,
лакей Сосипатры Семеновны.

Небольшая, но изящно убранная и меблированная гостиная; по середине закрытая богатой портьерой дверь в другую гостиную; направо от актеров дверь во внутренние комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л у п а ч е в и С о с и п а т р а выходят из средней двери.

Л у п а ч е в. Послушай, сестра! Что за дама приехала к тебе вчера поздно вечером?

С о с и п а т р а. Что тебе за интерес знать, кто эта дама? Мало ли их, проездом в деревню, останавливаются у меня.

Л у п а ч е в. Она долго пробудет у тебя?

С о с и п а т р а. Да тебе-то что? Она сегодня же уезжает в имение. Я не захотела, чтоб она стояла в гостинице, и перевезла ее к себе.

Л у п а ч е в. Кто ж она такая? Не секрет, я думаю.

С о с и п а т р а. Не секрет, да не хочет она, чтоб знали о ее приезде. Не хочет, чтоб ей надоедали визитами.

Л у п а ч е в. Да не Оболдуева?

С о с и п а т р а. Ах, отстань, пожалуйста! Ну, хоть и Оболдуева, тебе-то что за дело?

Л у п а ч е в. А в таком случае у меня к тебе будет просьба.

С о с и п а т р а. Какая еще?

Л у п а ч е в. И ты должна будешь ее исполнить, потому что это первая и последняя; никогда я к тебе ни с какими просьбами не обращался и не обращусь.

С о с и п а т р а. Да говори, что такое!

Л у п а ч е в. Если Оболдуева здесь или будет здесь, познакомь с ней Окоемова и доставь ему случай видеться с ней tête à tête! [1]

С о с и п а т р а. Зачем это она ему?

Л у п а ч е в. А кто ж его знает. Значит, надо. Чужая душа потемки.

С о с и п а т р а. Уж именно потемки. Да у всех-то у вас души темненькие.

Л у п а ч е в. Ну, я к тебе не за моралью пришел. Так уж пожалуйста! Я тебя прошу. Ты и мне сделаешь большое, очень большое одолжение.

С о с и п а т р а. Тебе-то что нужно? Тоже потемки?

Л у п а ч е в. Это зависит от взгляда: по вашему — потемки, а по нашему — ясный день. Так, пожалуйста, Сосипатра. *(Идет к двери.)*

С о с и п а т р а. Хорошо! *(Идет за ним. Лупачев уходит. Сосипатра, открыв портьеру, видит Лотохина.)* Пожалуйте сюда, Наум Федотыч!

Входит Л о т о х и н.

---

[1] Наедине *(франц.)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сосипатра и Лотохин.

Сосипатра. Салон у меня там *(указывает в гостиную)*, а эта комната для друзей, для интимных и деловых бесед.

Лотохин. Какие дела-то, Сосипатра Семеновна!

Сосипатра. Ах, и не говорите! Я давно знаю этих господ, а такого поступка от них не ожидала. Ведь это злодейство! Я наплакалась на Зою. Мне было обидно вообще за женщину: нельзя же так ругаться над чистой привязанностью, над женским сердцем, над нашим добрым именем! *(Плачет.)* Я сразу догадалась, что главным двигателем тут мой братец любезный. Окоемов действует по его указаниям. Зоя всегда нравилась брату; он зубами скрипел, когда она вышла за Окоемова.

Лотохин. Нет, уж не защищайте и Окоемова!

Сосипатра. Ему оправдания нет. Если б его присудили в Сибирь, я бы не очень пожалела. Я говорю только, что Окоемов по натуре не зол; он еще не безнадежно испорчен, он только пустой человек. С хорошими людьми и он будет недурен, а с дурными будет негодяй. Бедная Зоя совсем без приюта. Вчера на нее было страшно смотреть, а сегодня немного успокоилась.

Лотохин. Да, я знаю, она у меня была; для обеспечения ее материального положения нужны были некоторые формальности, нужна была ее подпись под бумагами. При такой нежной душе она имеет довольно сильный характер.

Сосипатра. Да, характер у нее есть.

Лотохин. Она у вас?

Сосипатра. У меня: сидит в спальне и не выходит. Хороша ее тетенька, Аполлинария Антоновна! Не могла дать угла племяннице; видите ли, у нее какие-то семейные обстоятельства.

Лотохин. Да жалеть-то много не о чем. Она сама не влюблена ли в кого на старости лет?

Сосипатра. Кажется, похоже на то.

Лотохин. А что моя Сусанна Сергевна?

Сосипатра. Я ее вчера перевезла к себе.

Лотохин. Не скучает она?

Сосипатра. Да ей некогда еще скучать-то: вчера це-

лый вечер проболтали; а нынче встали поздно, да на туалет она употребляет часа три — вот и все время. Я успела уж с ней подружиться: такая милая! Она несколько раз заговаривала об Окоемове, но я уклонялась от разговора. Я уверяла ее, что его нет в городе, что он в деревне или на охоте и что его ждут сегодня вечером или завтра. Мне нужно только выиграть время.

Лотохин. На что же вы надеетесь?

Сосипатра. Я распустила слух, что с часу на час жду миллионщицу-невесту, Оболдуеву; до Окоемова уж дошло, и он засылал ко мне, чтоб я ему доставила случай познакомиться с ней и поговорить наедине. Он ее никогда не видал, а уж что-то задумывает. Теперь пусть Сусанна Сергевна с ним увидится; он, в ожидании миллионов, обдаст ее таким холодом, что она совсем разочаруется.

Лотохин. Тщетные надежды. Окоемов не дурак, он знает, что лучше синицу в руки, чем журавля в небе.

Сосипатра. У меня другого средства не было; утопающий хватается за соломинку. Может быть, и еще что-нибудь придумаем. А как ваши дела?

Лотохин. Векселя, при вашем содействии, я выручил довольно дешево. Они действительно были фальшивые. Теперь имение Зои спасено.

Сосипатра. Ну, слава богу!

Лотохин. Можно видеть Сусанну Сергевну?

Сосипатра. Я ее поместила здесь. *(Показывает дверь направо.)* Хотите, вызову?

Лотохин. Сделайте одолжение!

Сосипатра *(у двери)*. Сусанна Сергевна, Наум Федотыч у нас.

Голос Сусанны: «Иду». Выходит Сусанна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сосипатра, Лотохин, Сусанна, потом Иван.

Лотохин *(целуя Сусанну)*. Здравствуй, моя ласточка! Как прыгаешь?

Сусанна. На удивленье! Здорова и весела.

Сосипатра. Вот и кстати, а у нас тут веселый разговор идет. Для веселого человека пищи много.

Сусанна. Что такое? Скажите, пожалуйста! Я очень люблю все веселое.

Сосипатра *(Лотохину)*. Сказать?

Лотохин. Скажите! Она свой человек.

Сосипатра. Вот видите ли, я бы должна была молчать из чувства местного, так сказать губернского, патриотизма; потому что то, о чем мы разговаривали, нисколько не сделает нам чести, то есть главным образом нашей молодежи.

Сусанна. Молодежи? Ах, это очень интересно! Ну, душечка, Сосипатра Семеновна, скажите!

Сосипатра. Нечего делать, придется накладывать на себя руки и доставлять вам, столичной даме, материал для насмешек над нами, провинциалами.

Лотохин. Только, Сусанна, это секрет, ты нас не выдавай.

Сусанна. Ну, вот еще! Ах, дядя! Кого я здесь знаю, кому мне выдавать вас! Да хоть бы и знала, так разве я такая?.. Вот уж я не сплетница-то... Я все держу в секрете и про себя, и про других. Мне только самой посмеяться, больше ничего.

Сосипатра. Так уговор дороже денег, потому что я буду называть по фамилиям.

Сусанна. Да кого же я здесь знаю?

Сосипатра. Может быть, кого-нибудь и знаете. Да я вам верю. Вот в чем дело: прошел слух, в чем и я немножко виновата, что сюда приедет моя знакомая девица, невеста с миллионным приданым.

Сусанна. Кто такая?

Сосипатра. Купеческая дочь Оболдуева.

Сусанна. Хорошенькая?

Сосипатра. То-то, что нет. Она немного горбата, и у ней черное родимое пятно, покрытое мелкой шерстью.

Сусанна. На видном месте?

Сосипатра. Да, скрыть мудрено. Оно занимает половину лица: лоб, бровь, левый глаз и полщеки.

Сусанна. Ах! Вот несчастие! Какое горе!

Лотохин. При миллионах-то всякому горю можно помочь; тут и родимые пятна не помеха.

Сусанна. Как же она людям показывается?

Сосипатра. Дома, при знакомых и родных, она всегда в полумаске, а когда выезжает, так надевает густую вуаль.

Сусанна. Так вы говорите, что она приедет?

Сосипатра. Да, ее ждут; и по тому случаю вся наша молодежь с ума сошла.

Сусанна. О таком-то уроде?

Лотохин. Не об уроде, а об миллионах.

Сосипатра. Да убиваются об этих миллионах не только холостые, а даже и женатые. Об чем они-то хлопочут, я уж не понимаю. Разве хотят с женами развестись.

Сусанна. Кто, кто женатые? Это любопытно.

Сосипатра. Да уж я, право, не знаю, говорить ли.

Лотохин. Говорите, не выдадим.

Сосипатра. Да вот Аполлон Евгеньич Окоемов первый.

Сусанна. Ах, нет, не может быть! Я его знаю, я за него ручаюсь.

Лотохин. Погоди горячиться-то!

Сосипатра. Поручиться-то за него я не поручусь, а все-таки не думала, что он раньше других поинтересуется Оболдуевой.

Сусанна. А он что же?

Сосипатра. Уж два раза присылал осведомиться, не приехала ли она.

Сусанна. На что ему? Вот уж это непонятно. Дядя, ведь это совершенно непонятно?

Сосипатра. Просил доставить ему возможность поговорить с ней наедине.

Сусанна. Ах, Сосипатра Семеновна, позвольте, я вас поймала. Как же он мог присылать к вам, коли его в городе нет!

Сосипатра. Он сам говорил брату, что едет на охоту; должно быть, вернулся или остался, совсем не поехал.

Лотохин. Какой ему расчет на охоту в болото ехать! Бекасов да уток хоть целый ягдташ настреляй, все корысть-то не бог весть какая; а тут одну птичку подстрелил — и миллион. Любопытно бы послушать, как и об чем он станет с Оболдуевой разговаривать.

Сосипатра. Тут ничего нет любопытного. Все женатые, когда ухаживают, говорят одно и то же. Чтоб оправдать свой поступок и возбудить к себе сострадание, они обыкновенно жалуются на жен.

Сусанна задумывается.

Будь жена хоть ангел, все-таки на нее посыплются всевозможные обвинения.

С у с а н н а *(в задумчивости)*. А у Окоемова жена разве хорошая женщина?
С о с и п а т р а. Я не говорю, кто из них лучше; я мужей с женами не сужу. Я говорю только, что у всех женатых одна песенка.
С у с а н н а *(задумчиво)*. Уж будто непременно он будет бранить жену свою Оболдуевой? Может быть, он об чем-нибудь другом хочет поговорить с ней?
С о с и п а т р а. Не о чем больше ему говорить. Хотите, я вам слово в слово передам его объяснение? «Я страдаю, моя душа разбита, мне нужно, чтоб меня любил кто-нибудь. Моя жена нехороша собой, глупа, зла и к тому же не верна мне. Если вы не можете помочь моему горю, так плачьте вместе со мной!» Варианты, конечно, могут быть разные, но тема все одна.
С у с а н н а *(горячо)*. Да почем вы знаете?
С о с и п а т р а. Им говорить больше нечего. Поживите с мое, так и вы узнаете. Я готова с вами пари держать, что Окоемов будет именно эти самые слова говорить. Жаль только, что проверить этого нельзя: Оболдуева не приедет.
С у с а н н а. Ах, как я желала бы выиграть! Уверяю вас, что я выиграла бы непременно! На что будем держать пари?
С о с и п а т р а. Да тут дело не в цене. Что бы ни выиграть, только выиграть. Тут задето самолюбие... Ну, хоть на конфеты.
С у с а н н а. Так извините, выиграю я. *(Задумывается.)* Мне приходит в голову соблазнительная мысль. Какого роста эта Оболдуева?
С о с и п а т р а. Почти вашего.
С у с а н н а. Она умна, образованна?
С о с и п а т р а. Ни то, ни другое. Из жалости, чтоб ее не мучить и не беспокоить, ее ничему не учили; у ней не было ни учителей, ни гувернанток, она едва знает грамоте. Время свое она проводит большею частью с няньками и самыми простыми горничными и переняла у них и тон, и манеры, и даже самые выражения.
С у с а н н а. И тон, и выражения эти я знаю. А как она одевается?
С о с и п а т р а. Конечно, богато, только всегда накидывает что-нибудь на плечи, чтобы скрыть горб, а лицо закрывает вуалем или надевает маску.

С у с а н н а. Подите сюда на минуточку! *(Отводит Сосипатру и что-то шепчет ей.)*

С о с и п а т р а. Превосходная мысль! Я совершенно одобряю.

Входит И в а н.

И в а н *(Сосипатре)*. Аполлон Евгеньич Окоемов желают вас видеть.

С у с а н н а. Так я пойду. Дядя, до свидания!

Л о т о х и н. Еще увидимся; я к вам на целый день.

С у с а н н а уходит направо.

С о с и п а т р а *(Ивану)*. Проси сюда.

И в а н уходит.

Дело идет на лад, Наум Федотыч.

Л о т о х и н. Очень рад, Сосипатра Семеновна.

Входит О к о е м о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С о с и п а т р а, Л о т о х и н и О к о е м о в.

О к о е м о в *(целуя руку Сосипатры)*. Виноват, Сосипатра Семеновна, давно не был у вас, каюсь. То в Москве, то дела. Теперь опять под ваше крылышко. *(Обращаясь к Лотохину и подавая ему руку.)* А! Это вы! Я заезжал к вам сегодня, мне нужны некоторые документы.

Л о т о х и н. Все, что вам нужно, вы сегодня же получите. Я мешать вам не буду. Сосипатра Семеновна, я на минуточку отлучусь, есть делишки. Не прощаюсь. *(Уходит.)*

С о с и п а т р а. Какой ветер занес вас ко мне?

О к о е м о в. Будто не знаете?

С о с и п а т р а. Знаю, да плохо верится. Зачем вам Оболдуева? Вы женихом быть не можете, вы женаты. Какие же ваши намерения?

О к о е м о в. Не исповедуйте! Грехи свои, коли они есть у меня, и намерения я вам объясню после, и вы меня оправдаете. А теперь, если я сто́ю, если в вас осталась хоть капля расположения ко мне, окажите милость.

С о с и п а т р а. Какую прикажете?

О к о е м о в. У вас Оболдуева?

С о с и п а т р а. Ну, положим, у меня; что ж потом?

О к о е м о в. Я давно добиваюсь с ней видеться, да отец

не позволяет; я надеюсь, что вы будете снисходительнее отца. Дозвольте с ней поговорить!

Сосипатра. Да ведь вы незнакомы.

Окоемов. Это не беда, я отрекомендуюсь. Я знаю, что она меня видела. Не препятствуйте!

Сосипатра. Какой вы плут, однако!

Окоемов. Слово «плут» от вас не брань, а похвала; потому я и не обижаюсь.

Сосипатра. Она здесь! *(Указывает направо.)* Но я хотела, чтоб никто не знал о ее коротком пребывании у меня. Смотрите, не проболтайтесь.

Окоемов. Да что вы! С какой стати я стану рассказывать. Я вам позволяю считать меня плутом, но никак не дураком. Я хочу сам воспользоваться всеми выгодами пребывания здесь Оболдуевой, я сам хочу эксплуатировать этот предмет, так какой же расчет накликать конкурентов?

Сосипатра. Откровенно.

Окоемов. Перед вами-то! Что ж мне святым, что ли, прикидываться? Так ведь не поверите.

Сосипатра. Не поверю. Не хотите ли, чтоб я сообщила вам еще какие-нибудь сведения о девице Оболдуевой?

Окоемов. Сделайте одолжение! Для меня каждая малость дорога, мне все нужно принять в соображение. Во-первых, я забыл, как ее зовут.

Сосипатра. Матрена Селивёрстовна. Еще чего не нужно ли?

Окоемов. Все, что ни скажете, для меня чистое золото.

Сосипатра. Вы ей нравитесь больше всех наших молодых людей.

Окоемов. Да неужели? Вы не шутите?

Сосипатра. Нисколько. Она затем и приехала, чтоб повидаться с вами.

Окоемов. Из чего же вы это заключаете?

Сосипатра. Она сама сказала, она ведь откровенна. Она говорит: «Я очень богата и в своих чувствах стеснять себя не желаю».

Окоемов. Как это мило с ее стороны.

Сосипатра. Теперь не желаете ли, чтоб я вас представила ей?

Окоемов. Уж осчастливьте до конца, по гроб не забуду.

Сосипатра *(в дверь направо)*. Матрена Селивёрстовна, не прячьтесь! Выползайте на свет божий. Здесь свои.

Выходит Оболдуева[1].

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сосипатра, Окоемов и Оболдуева.

Сосипатра. Честь имею представить вам: Аполлон Евгеньич Окоемов.

Оболдуева. Да, это они; я их видела.

Сосипатра. Это ваш гость, а не мой; я могу оставить вас не извиняясь. Вы здесь хозяйка. *(Уходит.)*

Оболдуева *(садясь)*. Присядьте! Что ж вы!

Окоемов. Благодарю вас. *(Садится.)*

Оболдуева. Ну, что ж мы так-то сидим! Об чем же мы будем говорить? Говорите что-нибудь! Мне антиресно вас послушать.

Окоемов. Я давно искал случая, но я боюсь наскучить вам своими жалобами на судьбу; я человек несчастный.

Оболдуева. Да все одно, говорите, что хотите, а я на вас смотреть буду.

Окоемов. Я очень несчастлив своей женитьбой, я погубил себя. Долго распространяться о своих горестях я не стану; скажу вам коротко: жена моя глупа, зла и, что хуже всего, не верна мне. Матрена Селивёрстовна! Помочь вы не можете, хоть пожалейте меня, хоть поплачьте вместе со мной.

Оболдуева. Жалеть всех невозможно, и ежели плакать обо всем, так слез недостанет.

Окоемов. Ах! Я несчастлив оттого, Матрена Селивёрстовна, что родился с душой нежной, чувствительной.

Оболдуева. Что ж, это очень хорошо.

Окоемов. Но моя душа не находит ответа. С горя, с отчаяния я хотел утешить себя веселой жизнью; я бросился в разгул, в общество людей праздных.

Оболдуева. И частенько-таки вы?..

Окоемов. Что «частенько»?

---

[1] Держит себя в продолжение всей сцены неподвижно, не позволяя себе никаких жестов, наподобие изваяния, говорит медленно, одним тоном, не повышая и не понижая голоса.— *Прим. автора.*

О б о л д у е в а. Запиваете-то?

О к о е м о в. Я не запиваю.

О б о л д у е в а. Да вы не лгите, лучше вы мне всю правду... Вы не стыдитесь! Нет... ежели не надолго да не часто, так раза два-три в год, так это ничего.

О к о е м о в. Нет, нет, не беспокойтесь! Я ищу любви, Матрена Селивёрстовна... ищу и не нахожу... Я готов полюбить и буду любить всякую женщину. Мне красоты не нужно, мне нужно любящее сердце. Красоту я видал, а сердца не находил.

О б о л д у е в а. Вот, одно сердце страдает, а другое не знает. Я жила здесь в городе, так все глаза проглядела на вас, когда, бывало, делала проминаж. Я каждый день делала проминаж в карете и часто встречала вас на улице. Вот тогда я и полюбила вас за вашу красоту.

О к о е м о в. Какое несчастие, что я этого не знал! Я бы не женился, не сделал этой непростительной глупости.

О б о л д у е в а. Да, уж вам теперь жениться нельзя и любить постороннюю женщину грех, потому что вы в законе живете.

О к о е м о в. Ну, я греха не побоюсь, я полюблю женщину, если она того стоит и меня любит.

О б о л д у е в а. Это хорошо.

О к о е м о в. Да я и жениться могу, нужно только развестись с женой.

О б о л д у е в а. А это еще лучше, потому крепче и для всякой женщины приятнее. Какое же это сравнение: муж или другое что! Муж завсегда при тебе, никуда не уйдет, а другого как удержишь! Ежели вам на развод деньги нужны, так я могу дать, сколько потребуется, я за этим не постою. Кого я полюблю, так тому человеку очень хорошо; подарки дарю и деньгами даю.

О к о е м о в. Конечно, что же вам стоит при вашем состоянии!

О б о л д у е в а. У нас есть молодец, просто артельщик, по-русски ходил; а понравился мне, так теперь в спинжаках ходит и при часах.

О к о е м о в. Вы, с вашими средствами, всякого можете осчастливить!

О б о л д у е в а. Только ведь этого вашего разводу долго ждать.

Окоемов. С деньгами скоро сделаем.

Оболдуева. То-то же. А я еще вам вот что скажу: у меня такой характер, коли я кого люблю, чтобы и меня на ответ любить завсегда, постоянно и аккуратно, и чтоб никаких подлостев.

Окоемов. Да помилуйте, как это возможно! Ваше расположение каждый должен за счастие считать. Вы от измены застрахованы.

Оболдуева. Ну, смотрите же, чтоб никакого даже сумления не было, чтоб мне этим самым сумлением не мучиться. А то я от сумления могу прийти в расстройство. Так сами рассудите, какой же мне антирес за свои же деньги себе расстройство чувств получить?

Окоемов. Совершенно справедливо.

Оболдуева. И, при всем том, я в расстройстве бываю ужасно как горяча и не только что всякими бранными словами, но и руками бываю неосторожна. Так что меня все домашние даже очень боятся; потому я в это время никакой осторожности не наблюдаю, а что под руку попало.

Окоемов. Да, конечно, характеры бывают разные.

Оболдуева. Подождите, я подарю вам подарок. *(Встает.)*

Окоемов. Благодарю вас. *(Целует руку Оболдуевой.)*

Оболдуева. Ну, что целовать прежде времени. *(Уходит.)*

Из средней двери выходит Сосипатра.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Окоемов и Сосипатра.

Сосипатра. С чем поздравить?

Окоемов. С полным успехом. Я блаженствую. Благодарю вас.

Сосипатра. За что? Вы меня обижаете. Это уж ее и ваше дело, я тут ни при чем. И, пожалуйста, вы меня не путайте в эту историю. Она моя гостья, она желала вас видеть; я из гостеприимства не могла отказать ей, а какие у вас и у нее цели и намерения, это уж до меня не касается.

Окоемов. А вы правду говорили. Она совсем не воспитана, такая простушка. Это немножко странно на первый взгляд, но ничего, пожалуй, даже мило.

С о с и п а т р а. Я эту милую простоту знаю. Она состоит в незнании того, что нужно знать, и в знании того, что не нужно знать. Надо быть глубоко безнравственным, чтобы мириться с такой простотой.

О к о е м о в. А миллионы-то вы и забыли; миллионы примирят со всем.

С о с и п а т р а. А у меня в гостях еще одна ваша знакомая, московская, Сусанна Сергевна.

О к о е м о в. Ах, увольте!

С о с и п а т р а. Да уж я ей сказала, что вы здесь.

О к о е м о в. Нельзя ли как скрыться незаметным образом? Скажите, что я к ней заеду сегодня же. Где она остановилась?

С о с и п а т р а. Что вы так перепугались? Видно, дело-то не чисто?

О к о е м о в. Нет, я тут ничуть не виноват, но она женщина навязчивая; она меня преследует своей любовью.

С о с и п а т р а. Куда же вас спрятать, я не знаю. Да вот и она! Уж выпутывайтесь сами, как хотите!

Из средней двери выходит С у с а н н а. С о с и п а т р а уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

О к о е м о в и С у с а н н а.

О к о е м о в. Сусанна Сергевна! Какими судьбами?

С у с а н н а. Приехала имение закладывать да на вас посмотреть.

О к о е м о в. Разве вы не получали моего письма?

С у с а н н а. Какого письма?

О к о е м о в. Я просил у вас извинения, я просил вас забыть меня и оставить все наши переговоры без последствий. Я писал вам, что я опомнился, что моя любовь к вам не была серьезной страстью, что это было какое-то безотчетное и неразумное увлечение, в котором я раскаиваюсь.

С у с а н н а. Нет, вы не раскаиваетесь, вы еще будете раскаиваться. Вы мне ничего не писали, и намерение свое вы переменили только сегодня, когда увидали Оболдуеву.

О к о е м о в. А хоть бы и так, какое право вы имеете требовать от меня отчета? Вы не жена моя.

С у с а н н а. Ах, кстати! Я сейчас познакомилась с женой вашей, она очень милая женщина.

О к о е м о в *(с испугом)*. Она здесь?

С у с а н н а. Здесь. Что, испугались?

О к о е м о в. Нет. Я ничего теперь не испугаюсь; я пойду напролом. Слишком велик куш, чтоб колебаться. Такие случаи не повторяются в жизни.

С у с а н н а. Ах, несчастный, как вы глубоко падаете! А главное-то, я из-за вас пари проиграла.

О к о е м о в. Какое пари?

С у с а н н а *(печально)*. Конфеты. Фунтов пять купить надо будет.

О к о е м о в. Ну, вот горе какое! Велики деньги!

С у с а н н а. Хоть и невелики, а все-таки дороже вас, вы и их не стоите. *(Уходит.)*

О к о е м о в. Что же Оболдуева не идет с подарком? Я бы скрылся в ее комнате.

Входит П ь е р.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

О к о е м о в, П ь е р, потом И в а н.

П ь е р. Аполлон, я за тобой. Никандр Семеныч тебя дожидается.

О к о е м о в. Погоди, Пьер! Там жена, а мне не хотелось бы с ней встречаться.

П ь е р. Ничего, мы проскользнем незаметно.

О к о е м о в. Мне надо подождать немного, я сейчас получу значительный куш.

П ь е р. Интересные новости! Оболдуева вышла замуж.

О к о е м о в. То есть скоро выдет, а еще не вышла.

П ь е р. Нет, вышла. У Никандра Семеныча сидит их управляющий, он говорит, что она вышла замуж на прошлой неделе за профессора.

О к о е м о в. За профессора?

П ь е р. Белой магии. Никандр Семеныч говорит, что тебе сейчас же надо ехать в Москву и кончать дело с Лундышевой.

О к о е м о в. Оболдуева здесь, говорю тебе; я сам ее видел.

П ь е р. Ты ошибаешься. Справки наведены самым тщательным образом: у Сосипатры Семеновны остановилась какая-то барыня, приезжая из Москвы. С ней только одна горничная; я ее видел, прехорошенькая.

О к о е м о в. Вот эта приезжая-то Лундышева и есть. И я уж дело испортил.

Входит *И в а н.*

И в а н *(подавая Окоемову пакет)*. От госпожи Оболдуевой. *(Уходит.)*

П ь е р. Вот сейчас все дело объяснится.

О к о е м о в *(разорвав пакет)*. Мои письма к Сусанне Сергевне Лундышевой. Я попал в ловушку. *(Молчание.)* Нет, я еще молод для крупных операций. Надо больше хладнокровия... Надо мной насмеялись, как над мальчишкой! И ведь было заметно... ведь я чувствовал, что тут что-то не так. Миллионы-то меня уж очень отуманили, Пьер. Кажется, посади передо мной куклу да скажи, что это Оболдуева, я и то бы стал ручки целовать. Куда же я гожусь после этого? На серьезное, честное дело не способен, при большом плутовстве — теряюсь; остается только мелкое мошенничество.

П ь е р. Ты уж слишком мрачно смотришь на жизнь.

О к о е м о в. Теперь только одна надежда на милость жены. Я готов подчиниться ее приговору, как бы жесток он ни был. Все-таки это лучший выход из моего положения. Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов, а теперь что я? О, с какой радостью пошел бы я теперь в лакеи самому себе. Бесподобное существование: у беспутного барина лакею житье отличное. Если жалованье получаешь не всегда аккуратно, зато доходы есть, и воровать можно сколько угодно. Потребности небольшие; пиджак с баринова плеча производит на горничных действие поразительное; всегда весел и никакой ответственности ни перед совестью, ни перед обществом. Чем не жизнь?

Портьера открывается, входят *С о с и п а т р а,* *З о я,* *С у с а н н а* *и* *Л о т о х и н.*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

О к о е м о в, П ь е р, С о с и п а т р а, З о я, С у с а н н а и Л о т о х и н.

С о с и п а т р а.

Так тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой!

Зоя Васильевна! Я отмстила за вас; теперь оскорбление, нанесенное вам, заглажено если не в вашем сердце, так в общественном мнении. Я мстила вообще за женщину, а за себя расправляйтесь, как знаете! Позор, которым они хотели покрыть вас, обратился на их голову. Русский человек любит посмеяться над ближним, и смеется безжалостно. Вот пусть они попробуют теперь показаться куда-нибудь в публичное место; они оценят силу и меткость русского остроумия. А ваше несчастие послужит нам уроком: другая и призадумается перед замужеством-то, и не кинется очертя голову на шею первому встречному.

Лотохин. Нет, я с вами не согласен. Для женщин уроков нет... Мало ли было подобных историй, а женщины все те же.

Сосипатра. Ну, по крайней мере у нас в городе или хоть в нашем кружке этот случай послужит предостережением.

Лотохин. Едва ли.

Пьер *(Окоемову)*. Поедем! Пора!

Сосипатра. Куда вы торопитесь?

Пьер. У нас торжественный завтрак. Мы к Аполлинарии Антоновне, она выходит замуж за Жоржа.

Лотохин. Ну, вот извольте полюбоваться! Вот вам и уроки! Бабе пятьдесят лет, выходит замуж чуть не за мальчика и рада-радехонька.

Сосипатра. Ну, уж теперь я молчу. Я завтра же уеду в деревню на все лето.

Сусанна. И я тоже.

Лотохин. А мы к тебе с Зоей Васильевной в гости.

Сусанна. Милости просим.

Лотохин. Выпишем твоего полковника, да и обвенчаем вас.

Сусанна. Я его боюсь, он очень умен.

Лотохин. Ну, это беда небольшая. Поживете вместе и сравняетесь.

Сусанна. Ты думаешь, я поумнею?

Лотохин. Ну, нет: это редко бывает. А скорее он поглупеет, как поживет с тобой. Вот и будете пара. *(Окоемову.)* Вы желаете получить документы? Из них я могу возвратить вам только доверенность Зои Васильевны, остальные вам не принадлежат. А доверенность я вам отдам с большим удовольствием, потому что она уж формально уничтожена. Я бы вам

советовал уединиться в деревню годика на два, на три и заняться хозяйством, чтобы поправить те ущербы, которые вы нанесли имению. Управлять там будет новый управляющий, а вы будете только присматривать и помогать ему. Впрочем, как вам угодно.

Зоя. А я, как и всегда, хочу заплатить вам за зло добром. *(Отдает Окоемову пакет.)* Вот ваши векселя, я их выкупила. Вы боялись ответственности, эти векселя лежали тяжелым гнетом на душе вашей; в тревоге, в страхе вы готовы были даже на преступление. Теперь вам бояться нечего; ничто вас не тянет в пропасть; перед вами открыты все дороги, и хорошие и худые, и вы совершенно свободны в выборе.

Окоемов. Векселя! О, какое великодушие! Зоя, ты ангел!

Зоя. Вы меня пугали разлукой, и я ее очень боялась; теперь я сама желаю разлуки. Любить мужчину только за красоту я уже считаю безнравственным. Вчера я перенесла ужасную пытку, и эта пытка отрезвила меня. Если б вы с уважением, которого я заслуживаю, с любовью, которой я стою, сказали мне: «Зоя, я гибну, ты мешаешь моему счастью, спаси меня!» — я бы не винила вас, и кто знает, как бы я поступила. Я способна на самоотвержение, я вам это доказала. Вы говорили со мной не как муж, не как любящий человек, а как неисправимый, наглый развратник. Добрая, честная женщина способна на бесконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженные оскорбления; в горьких обстоятельствах терпению ее нет конца; но знайте, что есть границы, за которые честная женщина не перейдет никогда. Постарайтесь, я не говорю исправиться, постарайтесь найти в своей душе хоть что-нибудь доброе, честное, и я опять полюблю вас и все остальное прощу вам. От вас зависит, чтоб разлука наша не была вечной. Всякий хороший поступок ваш будет приближать вас ко мне и всякий дурной — отдалять от меня. Я уж не убеждаю вас, а прошу вас... вы видите мои слезы... постарайтесь быть порядочным человеком и доставьте мне счастье опять полюбить вас. Прощайте!

Комедия
в четырех
действиях

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(Вместо пролога)

ЛИЦА:

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА ОТРАДИНА,
девица благородного происхождения.

ТАИСА ИЛЬИНИШНА ШЕЛАВИНА,
девица, товарка Отрадиной.

ГРИГОРИЙ ЛЬВОВИЧ МУРОВ,
молодой человек из губернских чиновников.

АННУШКА,
горничная Отрадиной.

АРИНА ГАЛЧИХА,
мещанка.

Действие в губернском городе. Комната небогатой квартиры на самом краю города; двери справа и слева во внутренние комнаты, в глубине окно и входная дверь; мебель простая, но приличная, в комнате чисто и уютно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Отрадина сидит за столом и шьет воротничок. Аннушка подле нее шьет платье.

Аннушка *(откусывая нитку)*. Вот, барышня, и готово. Сами скроили, сами и сшили, не хуже другой портнихи.

Отрадина. Да, разумеется, не хуже.

Аннушка. И какое бесподобное платье вышло.

Отрадина. Ну, уж и бесподобное!.. Нет, вот я вчера к портнихе за выкройкой для воротничка ходила, так видела платье... вот то так уж действительно бесподобное. Таисе Ильинишне подвенечное шьют.

Аннушка. Слышала я, слышала, а платья не видала. Небось дорогое?

Отрадина. Да, дорогое; рублей шестьсот, коли не больше, стоит.

Аннушка. Ай, что вы? Шестьсот?.. Шесть таких бумажек сотельных?

Отрадина. Да ведь белый фай; сколько тут его пошло? Да настоящие брюссельские кружева.

Аннушка. Шесть сотельных! Ай, ай, ай, ай!.. Да на

эти деньги можно все приданое сшить; хорошей барышне, благородной можно сделать, а она только одно платье.

О т р а д и н а. Что ж ей не щеголять, коли она так богата!

А н н у ш к а. Все ж бы ей надо хоть немножко постыдиться, не вдруг свое богатство-то показывать.

О т р а д и н а. Что ты за вздор болтаешь!

А н н у ш к а. Да уж очень мудреные дела-то на свете творятся.

О т р а д и н а. Что тут мудреного? Самое обыкновенное дело: деньги ей достались по наследству от богатых родственников.

А н н у ш к а. Да как же это так по наследству, коли у нее, окромя двух теток, и родственников-то нет.

О т р а д и н а. Это ты почем знаешь?

А н н у ш к а. Слухом земля полнится.

О т р а д и н а. Много ведь и пустяков говорят, Аннушка.

А н н у ш к а. Нет, уж чего не было, так говорить не станут. Кому нужно! Бедно ведь жили здесь Таиса-то Ильинишна с своей тетенькой, все их знали, а я так и очень хорошо; время-то недавнее, всего три года. А познакомился тогда с ними богатый барин, старичок, из Сибири приехал, золотых песков там у него, говорят, много, ну, и увез их отсюда... Тетка-то из Москвы сейчас же и вернулась, а Таиса Ильинишна поехали с ним на теплые воды. Там старик-то и помер, да и отказал все свои деньги и все пески золотые Таисе Ильинишне, вот она и разбогатела. Приехала сюда, да теперь шику и задает. Тетка-то у ней теперь как заместо прислуги.

О т р а д и н а. А ты девушка молоденькая, ты не все говори, что слышишь,— стыдно.

А н н у ш к а. Что ж за стыд, коли правда! Стыдно-то не тому, кто говорит, а тому, кто делает.

О т р а д и н а. Все-таки лучше помолчать. Она мне товарка, мы с ней вместе учились. Мы и до сих пор знакомы.

А н н у ш к а. Так разве она вас понимать может, разве она ценит ваше знакомство-то? Вот уж с месяц она к вам и не заглянет.

О т р а д и н а. Ей некогда, она теперь хлопочет, замуж выходит.

А н н у ш к а. Что и замуж-то выходит, вы от портнихи

узнали. А еще приятельницей называется! А ей бы прежде всего к вам: так и так, мол, думаю замуж выйти вот за такого-то. Как посоветуешь? Вот как добрые-то люди делают!

О т р а д и н а. А за кого она выходит, ты не слыхала?

А н н у ш к а. Кто говорит, за офицера; а кто за особых поручениев.

О т р а д и н а. Каких... особых поручениев?

А н н у ш к а. Чиновники такие есть. Вот бы свадьбу-то посмотреть, да венчаться будут, говорят, в имении, пятьдесят верст по железной дороге да там верст двадцать в сторону.

О т р а д и н а. Откуда ты такие сведения получаешь?

А н н у ш к а. Мы скорее вашего всё узнаем. Я от мастериц у портнихи слышала. Кабы дело-то чисто было, так не стала бы венчаться в деревне, точно украдкой.

О т р а д и н а. И все-таки не нужно об ней дурно говорить; такими разговорами можно дело расстроить, помешать.

А н н у ш к а. Помешаешь ей! Да кто ж на ее капитал не польстится, какая бы она ни была. Нет, таким-то всегда счастье; а хорошие барышни жди да пожди. Вот вы скоро ль дождетесь хорошего жениха! Другой бы, может, и взял; вот хоть бы, например, Григорий Львович, да...

О т р а д и н а. Что «да»?

А н н у ш к а. Да приданого нет.

О т р а д и н а. Так ты думаешь, что только за тем и дело стало?

А н н у ш к а. А то за чем же? Нынче народ-то какой? Только денег и ищут; а не хотят того понимать, что коли у вас приданого нет, так вы зато из хорошего роду; образование имеете, всякое дело знаете. А что ваши родители померли, да вам ничего не оставили, так кто ж этому виноват!

О т р а д и н а. Так, так; отлично ты рассуждаешь. А вот погоди, и я разбогатею, так замуж выйду.

А н н у ш к а. А что ж мудреного вам разбогатеть? У вас есть бабушка богатая.

О т р а д и н а. Во-первых, она очень дальняя родня, а во-вторых, у ней прямых наследников много. Да кстати, она писала мне из деревни, что сегодня будет в городе, так заедет ко мне чай пить. Надо кипяченых

сливок изготовить, она до смерти любит. Нет, я и так, без бабушек разбогатею.

Аннушка. С уроков-то разбогатеете? Это в нашей стороне-то? Невозможно этому быть.

Отрадина. Да, правда твоя, здесь сторона купеческая, образование не в ходу.

Аннушка. На что им ученье! Они с капиталами при всем своем полном невежестве прожить могут.

Отрадина. А не разбогатею, так, может быть, и без приданого добрый человек возьмет. Как ты думаешь? У меня такой есть на примете.

Аннушка. Дай-то бог! Только ведь и мужчины-то нынче...

Отрадина. А что?

Аннушка. Да сначала очень завлекательны, а потом часто бывают даже и очень обманчивы.

Отрадина. А ты почем знаешь?

Аннушка. Да ведь я живой тоже человек, разве не вижу, что на свете-то делается!.. *(Складывает платье.)* В шкаф, что ли, повесить?

Отрадина. Оставь тут! Я его еще раз примеряю и спрячу.

Аннушка. Так пойти за свое дело приняться. У нас в кухне-то никого нет, не вошел бы кто.

Отрадина *(взглянув в окно)*. Ты прежде отопри: Григорий Львович идет; а потом уж и ступай за своим делом.

Аннушка отпирает, впускает Мурова и уходит в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Отрадина и Муров.

Отрадина *(встречая Мурова)*. Ах, мой милый, как я рада!..

Муров. Здравствуй, Люба!.. Ты, должно быть, сегодня рано встала; уж и одета, и причесана, точно ждешь кого.

Отрадина. Чему ты удивляешься, я не понимаю; я всегда так встаю. Да ведь ты сам сказал, что придешь ко мне сегодня рано, тебе нужно о чем-то поговорить со мной.

Муров. Ах, да, я и забыл совсем. Да, точно, я ведь говорил тебе.

Отрадина. Да ты что-то и всегда стал рано приходить ко мне, как будто боишься кого.

Муров. Ах, боже мой! Разумеется, боюсь, только не за себя, а за тебя. Очень просто, я не хочу, чтоб про тебя дурно говорили.

Отрадина. Благодарю, мой милый, благодарю! Однако ты прежде этого не боялся. Да ведь уж разве скроешься? Уж и теперь мне намекают: «Скоро ли, барышня, Григорий Львович женится на вас». Лучше бы не прятаться, а эти толки прекратить.

Муров. Уж чего бы лучше, но, к несчастью, мой друг, это пока невозможно.

Отрадина. Как невозможно? Почему? Что ты говоришь? Я не могу этому поверить.

Муров. Маменька не согласится; да и согласится ли она хоть когда-нибудь, я не знаю, а я без ее воли шага шагнуть не смею.

Отрадина. Что же ей нужно?

Муров. Ей нужно, чтоб я женился на девушке богатой и с сильной родней.

Отрадина. Всё это новости для меня; я тебя знаю четыре года, а ты мне ни слова.

Муров. У меня до сих пор и разговора с маменькой об этом не было.

Отрадина. Да как же так? Ты не имел права молчать, ты обязан был говорить обо мне.

Муров. Что ж делать... Виновато во всем мое воспитание; я человек забитый, загнанный. Извини меня — ну, я просто боялся. Но, наконец, мне надоело быть постоянно под опекой. Ты сама посуди. Я совершеннолетний, а не смею ступить шагу без позволения, не смею ничем распорядиться: каждый рубль должен просить у нее.

Отрадина. Ну, ну!..

Муров. Я стал просить ее, чтоб она отделила мне часть имения или дала приличное содержание: тысячи три-четыре в год. Она сказала, что не даст мне ни гроша, пока я не женюсь по ее выбору.

Отрадина. Ну, что же ты, что же ты?

Муров. Ах, не спрашивай меня, пожалуйста! У меня голова кругом идет.

Отрадина. Но ты пойми же, что мне нужно знать

наверное твои намерения, твои мысли; иначе мне жить нельзя.

Муров. Мои намерения?

Отрадина. Да, да, твои намерения.

Муров *(смущенный)*. Ну, что же... Ну, ты их знаешь... Могу ли я, в состоянии ли я?.. Моя обязанность...

Отрадина. Ну, да, да! Я надеюсь, что ты твердо знаешь свою обязанность. Мне нельзя сомневаться в тебе; а то пытка ведь это, пытка... Ты должен помнить каждую минуту, что у нас есть сын. Ты редко его видишь, а я вчера была у Галчихи. Ведь он уже понимать начинает. Ласкается ко мне, мамой, мамочкой зовет. А он врозь со мной, он у женщины необразованной, корыстолюбивой... Я измучилась, я ночи не сплю, мне все думается: сыт ли он, покойно ли он спит. Гриша! ты хоть бы поглядел на него, полюбовался. Что это за ангел!

Муров. Ты очень любишь нашего Гришу?

Отрадина *(с удивлением)*. Еще бы. Что это за вопрос? Разумеется, люблю, как только можно любить, как нужно любить матери.

Муров. Да, да... Конечно... А что, Люба, если вдруг этот несчастный ребенок останется без отца?

Отрадина. Как без отца?

Муров. Ах, боже мой! Ведь все может случиться. Я езжу много, могут меня лошади разбить, ну, там... на железной дороге что-нибудь случится.

Отрадина. Да что за разговоры, помилуй! Что ты меня мучить пришел сегодня, что ли?

Муров. Ах, Люба, всегда надо предполагать худшее, чтоб быть готовым. Ну, вот я и думаю: что ты будешь делать с Гришей, если меня с вами не будет?

Отрадина. Ах, отстань, пожалуйста! Пожалей мои нервы!

Муров. Ох, нервы, нервы! Вот то-то и горе наше, что у вас нервы очень слабы.

Отрадина. Если ты спрашиваешь серьезно, так я тебе отвечу. Ты не беспокойся: он нужды знать не будет. Я буду работать день и ночь, чтобы у него было все, все, что ему нужно. Разве я могу допустить, чтоб он был голоден или не одет? Нет, у него будут и книжки и игрушки, да, игрушки, дорогие игрушки. Чтобы все, что у других детей, то и у него. Чем же он

хуже? Чем он виноват? Ну, а не в силах буду работать, захвораю там, что ли... ну что ж, ну, я не постыжусь для него... я буду просить милостыню. *(Плачет.)*

М у р о в. Ах, Люба, что ты, что ты!

О т р а д и н а. Да ведь ты сам спрашиваешь, ты сам хочешь, чтоб я говорила. Чего ж ты ждал от меня, какого другого ответа? Неужели ты предполагал, что я его брошу?

М у р о в. Ах, бедная! Извини меня! У меня и в помышлении не было расстраивать тебя. Оставим эти разговоры, поговорим о чем-нибудь другом.

О т р а д и н а. Ах, да, пожалуйста, о другом. Сделай милость.

М у р о в. Что ты поделываешь?

О т р а д и н а. Вот платье шила.

М у р о в. Кому это?

О т р а д и н а. Себе.

М у р о в. Хорошенькое?

О т р а д и н а. Дешевенькое. Для меня и это хорошо: у меня золотых приисков нет.

М у р о в. Зато ты сама чистое золото. Да про какие ты прииски говоришь?

О т р а д и н а. А вот про какие! Вчера я видела платье, вот так уж роскошь! Подвенечное, с блондами.

М у р о в. Чье же это?

О т р а д и н а. Таисы Ильинишны Шелавиной.

М у р о в. Как? Что? Что ты говоришь?

О т р а д и н а. Я говорю: Таисы Ильинишны. Ты разве ее знаешь?

М у р о в. Нет, так... слыхал про нее.

О т р а д и н а. Она хорошенькая и богатая, не то, что я. А была бедная девочка; мы с ней давно знакомы, вместе учиться бегали.

М у р о в. Неужели?

О т р а д и н а. Ленивая такая была и училась плохо; а вот разбогатела и мужа нашла. Еще девчонкой она нас удивляла.

М у р о в. Чем же?

О т р а д и н а. А тем, что стыда в ней как-то мало было. А сердце все-таки у ней доброе, надо правду сказать. Не видались мы с ней года три, а встретила меня чуть не со слезами; два раза была у меня, предлагала денег... Я не взяла, разумеется. А вот что хорошо:

она обещает доставить мне два урока и постоянную работу. Это для меня очень важно; я могу не тратить моего маленького капитала, поберечь его для сына... а может быть, и на приданое. Послушай! Покажи меня своей матери; я могу ей понравиться, у меня есть способности. Я здесь заглохла. Я, если захочу, могу блеснуть и умом, и своими знаниями, и очаровать старуху.

М у р о в. Да, да, я не сомневаюсь.

О т р а д и н а. Ну, вот и прекрасно. Я недавно познакомилась с одним семейством, там бывает и твоя мать.

М у р о в. Все это очень хорошо; но только не теперь; как-нибудь впоследствии.

О т р а д и н а. Отчего же?

М у р о в. Да вот что, мой друг! Я должен сообщить тебе не совсем приятную новость.

О т р а д и н а. Что еще? Говори скорей! Что за мученье мне сегодня!

М у р о в. Не бойся! Ничего особенного. Нам надо будет расстаться на время.

О т р а д и н а. Зачем?

М у р о в. Я еду.

О т р а д и н а. Едешь? Куда же?

М у р о в. В Смоленскую губернию, потом в Петербург, по делам маменьки.

О т р а д и н а. Надолго?

М у р о в. Я и сам еще не знаю; месяца на два, а может быть, и больше. Как дело кончится в сенате... Я уж и отпуск взял.

О т р а д и н а. Когда ж ты отправляешься?

М у р о в. Сегодня вечером.

О т р а д и н а. Так скоро? Что ж ты меня не предупредил? Я совсем не приготовилась; я была так весела сегодня, не думала о разлуке с тобой, и вдруг такое горе. *(Плачет.)*

М у р о в. Ну, что за горе? Об чем же плакать? Я, может быть, ворочусь очень скоро.

О т р а д и н а. А Гриша? Тебе не жаль его?

М у р о в. Да разве ему твоей любви мало? Да что, в самом деле, умирать, что ли, я сбираюсь? Ну, перестань же! Мне и так не легко расставаться с тобой, а как ты еще расплачешься...

О т р а д и н а. Ну, хорошо, ну, я перестану. *(Ласкаясь.)*

Ты ведь не долго будешь так мучить меня? Скоро мы с тобой уж совсем разлучаться не будем? А? Скоро? Ну, говори же!

М у р о в. Да, конечно, скоро.

О т р а д и н а. Ах, бедный! Довольно ли у тебя денег на дорогу-то?

М у р о в. Довольно! Будет с меня.

О т р а д и н а. Не верю, не верю; твоя матушка не очень расщедрится. *(Достает из стола бумажник.)* Вот возьми рублей сто, бери и больше, пожалуй. Мне не нужно, я получу за уроки, да у меня будет работа. Что ж мне делать без тебя? Буду работать от скуки.

М у р о в. Да нет же, не могу я и не хочу брать деньги у тебя.

О т р а д и н а. Отчего же это? Разве я тебе чужая? Разве мы не обязаны делиться друг с другом? Да послушай! *(Пристально смотрит на Мурова.)* Ты меня не любишь или хочешь оставить?

М у р о в. Что за вздор тебе лезет в голову.

О т р а д и н а. Так возьми... Неужели же бы ты не взял от жены своей? Ну, это мой подарок тебе.

М у р о в. Изволь, я возьму. Только, если я увижу, что у меня своих денег будет довольно, ты уж позволь мне возвратить тебе твой подарок.

О т р а д и н а. Ну, там видно будет. А вот еще, мой друг, возьми этот медальон. *(Снимает с своей шеи медальон.)* Носи его постоянно. Тут волосы нашего Гриши; он тебе будет напоминать о нас.

М у р о в *(берет медальон)*. Изволь, изволь, мой друг.

О т р а д и н а. Ах, какое мученье, какое мученье!

М у р о в. А коли мученье, так надо его кончить поскорей. Прощай, Люба, я еду!

О т р а д и н а. Погоди! Вспоминай обо мне почаще, пиши мне!

М у р о в. Непременно, непременно. О ком же мне и помнить, как не о тебе.

О т р а д и н а. Как приедешь в Петербург, так напиши!

М у р о в. Разумеется, сейчас же напишу.

О т р а д и н а. Ну, прощай! Поезжай с богом. *(Обнимает его.)*

М у р о в. Довольно, Люба, довольно! *(Взглянув в окно.)* Что это? Кто-то подъехал в карете.

О т р а д и н а *(взглянув в окно)*. Шелавина, это ее карета.

М у р о в *(с испугом)*. Ах, как это неприятно!

О т р а д и н а. Да что за беда? Что ты так тревожишься? Ее бояться нечего; она осуждать не станет.

М у р о в. Как не бояться? Нет, я не хочу, чтоб она меня здесь видела. Это невозможно. Она такая болтливая.

О т р а д и н а. Так ты ее знаешь? А говорил, что не знаком с ней.

М у р о в. Мне говорили, я слышал... Она идет, спрячь меня!

О т р а д и н а. Да зачем прятаться? Это странно.

М у р о в. Ах, вот... я уйду в эту комнату. *(Уходит в дверь налево.)*

О т р а д и н а. Пожалуй; только я не понимаю...

Входит Ш е л а в и н а с коробкой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

О т р а́ д и н а и Ш е л а в и н а.

Ш е л а в и н а. Здравствуй, душка!

О т р а д и н а. Здравствуй, Таиса! Что у тебя за коробка?

Ш е л а в и н а. Платье подвенечное. Я ведь замуж выхожу; разве я тебе не говорила?

О т р а д и н а. Нет. Да я знаю, я слышала; я и платье-то видела у портнихи.

Ш е л а в и н а. Вот прелесть-то! Чудо, как хорошо! Не хочешь ли поглядеть его на мне? Вот я сейчас, тут у тебя, и надену его. *(Хочет раздеваться.)*

О т р а д и н а. Не надо, зачем! Еще, пожалуй, войдет кто-нибудь.

Ш е л а в и н а. Так пойдем к тебе в спальню! *(Идет к двери налево.)*

О т р а д и н а. Да не нужно, говорю тебе. Я и так знаю, что хорошо.

Ш е л а в и н а. Ну, не надо, так не надо. Что ты такая сегодня? Левой ногой с постели встала, должно быть.

О т р а д и н а. Что-то нездоровится, да и встала рано, работала сидела. *(Показывает платье.)*

Ш е л а в и н а. Себе платье шила? Ах ты, бедная! Я прыгаю, веселюсь, а она вон работает сидит. Как судьба-

то несправедлива! Ты лучше меня в тысячу раз и умнее, а живешь бедно; а я вот, ни с того ни с сего, разбогатела.

Отрадина. Как же это ни с того ни с сего?

Шелавина. Да, конечно. Свалилось богатство нежданно-негаданно; сошел человек, на старости лет, с ума и наградил. Спасибо ему, я его всегда буду добром поминать; по его милости я как раз и мужа нашла.

Отрадина. Поздравляю тебя!

Шелавина. Не с чем, душечка!

Отрадина. Разве ты не любишь своего жениха?

Шелавина. Да как его любить-то? Шут его знает, что он за человек. Словам его я не верю, да и верить-то им нельзя.

Отрадина. Богат?

Шелавина. Какое богатство! Голь перекатная!

Отрадина. Значит, хорош собой?

Шелавина. Ну, нельзя сказать; так себе.

Отрадина. Так хорошей фамилии, в больших чинах?

Шелавина *(смеется)*. Да, в чинах. Ваше высоконичего, вот и весь его чин.

Отрадина. Так на что ж ты польстилась? Для чего идешь за него замуж?

Шелавина. Вот я тебе объясню для чего. Я теперь стала богата, а жить-то по-богатому не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счеты да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю. Достались мне акции да билеты; вот я поверчу, поверчу их перед глазами да опять положу; а сколько тут денег, ни в жизнь мне не счесть. Считать-то я училась по пальцам, а тут пальцев-то и не хватает. А с имениями-то да заводами что я стану делать? Положиться на управляющих да на приказчиков, так они сейчас мою премудрость постигнут и будут обирать как им угодно. А теперь я в барышах: управляющий даром, да он же и муж, человек молодой, ловкий,— чего ж мне еще! Да к тому же он еще клятву дал из повиновения не выходить.

Отрадина. Однако у тебя будет муж хороший, почтительный.

Шелавина. Ну, какой бы ни был, а уж у нас дело слажено. После свадьбы мы сейчас поедем в Петер-

бург; он перейдет туда на службу; я еще молода, недурна собой; посмотри, каких мы делов наделаем.

Отрадина. Твой жених чиновник?

Шелавина. Да, чиновник.

Отрадина. А где служит?

Шелавина. Не знаю, право. Так болтается где-то, у начальника на посылках, должно быть. Да вот, не хочешь ли, я тебе покажу его? Со мной карточка.

Отрадина. Покажи, покажи!

Шелавина. Кажется, я ее в карман сунула. *(Шарит в кармане.)* Да вот она. Измялась немножко. *(Подает карточку Отрадиной.)* Вот гляди!

Отрадина *(взглянув на карточку)*. Ах! Ах!

Шелавина. Что с тобой?

Отрадина. Ничего, я оперлась рукой на стол и накололась на булавки.

Шелавина. Ах, бедная! Больно тебе?

Отрадина. На, возьми. *(Отдает карточку.)*

Шелавина. Ну, что, каков?

Отрадина. Не знаю, что сказать тебе. Наружность у людей так обманчива. *(Опускается на стул.)*

Шелавина. Да, это правда. Но если он обманет меня, так ему же хуже. Со мной шутки плохи. Я ведь не поцеремонюсь, я его, милого дружка Григория Львовича, и за дверь вытолкаю. Однако мне пора. Я бы и посидела у тебя, да пропасть хлопот в городе. Приезжай на свадьбу, сделай милость!

Отрадина. Нет, нет, благодарю тебя.

Шелавина. Милая моя, ты нездорова. Поди ложись, я тебе пришлю доктора. Если тебе что нужно, ты только скажи мне, пришли ко мне; я для тебя все готова... Ну, прощай, милая, голубка! *(Целует Отрадину и уходит.)*

Отрадина провожает ее до дверей; потом, едва держась на ногах, подходит к столу, опирается на него правой рукой и с напряжением смотрит на дверь спальни. В двери показывается Муров.

Отрадина *(указывая среднюю дверь)*. Уходите!

Муров. Любушка, выслушай!

Отрадина. Уходите!

Муров *(подавая деньги)*. Твои деньги...

Отрадина *(берет деньги и кладет на стол)*. Уходите, говорю я вам.

Входит Галчиха.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Отрадина, Муров, Галчиха, потом Аннушка.

Отрадина. Что ты, Архиповна?

Галчиха. К вам, матушка.

Отрадина. Как же ты ребенка бросила? Зачем ты в городе?

Галчиха. Да, матушка *(утирает фартуком слезы)*, ребеночек-то...

Отрадина. Что, что?

Галчиха. Помирает, матушка.

Отрадина. Как? Что? Аннушка, Аннушка!

Аннушка показывается в двери справа.

Платок, платок! да беги за извозчиком!

Галчиха. Да я на извозчике.

Аннушка уходит.

Отрадина. Что же, что же? Говори, ради бога! Он вчера здоров был.

Галчиха. Вдруг, матушка... Захрипит, захрипит да весь почернеет.

Отрадина. Доктора, скорей доктора!

Галчиха. Доктор у нас, матушка. Тут земский приехал к нам в слободу, так я его позвала. Он меня и послал.

Отрадина. Что ж он говорит?

Входит Аннушка с платком.

Галчиха. Дурно, говорит, самая болезнь опасная. *(Утирает слезы.)* Часу, говорит, не проживет.

Отрадина. Ай, ай! *(Берет платок и покрывается.)* Побежим, побежим! *(Мурову.)* Ну, теперь вы совсем свободны.

Муров. Я за вами поеду.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ЕЛЕНА ИВАНОВНА КРУЧИНИНА,
известная провинциальная актриса.

НИЛ СТРАТОНЫЧ ДУДУКИН,
богатый барин.

НИНА ПАВЛОВНА КОРИНКИНА,
актриса.

ГРИГОРИЙ НЕЗНАМОВ, ШМАГА — *артисты провинциального театра.*

АРИНА АРХИПОВНА, ГАЛЧИХА.

ИВАН,
слуга в гостинице.

Комната в гостинице, прилично меблированная, с камином; в глубине дверь в коридор, справа от актеров дверь в другую комнату.

Между первым и вторым действиями проходит семнадцать лет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван стирает пыль с мебели. Дудукин отворяет дверь.

Дудукин *(в дверях)*. Можно войти?

Иван. Пожалуйте, сударь, Нил Стратоныч!

Дудукин *(входя с кульком в руках)*. Что, Елена Ивановна встала?

Иван. Уж и кофею накушались.

Дудукин. Спроси, примет ли она меня!

Иван. Да они уехамши-с.

Дудукин. Эка досада! А я ей чаю привез, только получили с ярмарки; и икры зернистой стерляжьей: она любит очень.

Иван. Понимаю-с. Пожалуйте, я девушке отдам. Вы, сударь, Нил Стратоныч, подождите их; они скоро будут. *(Берет кулек, уходит в дверь направо и сейчас же возвращается.)*

Дудукин. А куда она поехала?

Иван. К губернатору-с.

Дудукин. Зачем?

Иван. Не могу знать-с. Надо полагать, насчет бенефисту-с, так как актеры и актрисы, которые ежели... так уж первым долгом завсегда-с...

Д у д у к и н. Что ты врешь! Какой бенефис! О бенефисе еще и разговору нет. Про бенефисы я всегда прежде всех знаю. С кем поехала? Со Степкой?

И в а н. Со Степкой-с.

Д у д у к и н. На пристяжке караковая?

И в а н. Караковая-с.

Д у д у к и н. То-то же. А то у него саврасенькая есть, так та пуглива и задом бьет, того гляди через постромку ногу перекинет. С мужчиной едет — ну, ничего, а женщина сосуд скудельный. Нервы у них.

И в а н. Как можно, помилуйте! Сохрани бог!

Д у д у к и н. А зелень у вас к столу есть какая-нибудь?

И в а н. Какая уж зелень у нас! Один салат, да и тот больше как вроде кожи. Нешто у нас заведение настоящее? Тоже разве мало слышим брани-то от приезжающих! А мы при чем тут, коли хозяин без понятия.

Д у д у к и н. Ну, так я вам пришлю и салату, и цветной капусты. Подавайте только одной Елене Ивановне; на всех гостей я вам не поставщик. Так повару и скажи!

И в а н. Слушаю. Да что вам, сударь, беспокоиться! Ведь уж если наш хозяин не знает, что для хороших господ требуется, так никому вреда, кроме как себе.

Д у д у к и н. Да ведь это свинство, любезный друг.

И в а н. Уж это как есть, в полной форме.

Д у д у к и н. Актриса знаменитая!

И в а н. Да-с, которые господа видели, так ужасно как ихнюю игру одобряют, даже вне себя приходят.

Д у д у к и н. Мне до вашего хозяина дела нет; да за наш город-то стыдно: мы здешние обыватели. Где-нибудь, в другом губернском городе, будет Елена Ивановна говорить, что и поместить-то, и накормить-то не умели; приятно это нам будет!

Входит К о р и н к и н а. И в а н уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д у д у к и н и К о р и н к и н а.

К о р и н к и н а. А! Вы здесь! Ну, да, конечно, где же вам и быть!

Д у д у к и н. Ах, красавица моя!

К о р и н к и н а. Что такое за красавица! Что за фамилиарность! У меня есть имя и отечество!

Д у д у к и н. Позвольте вам доложить, Нина Павловна, что вы напрасно гневаться изволите. Я даже обязан быть здесь.

К о р и н к и н а. Скажите, пожалуйста! Обязан! Зачем это, позвольте вас спросить?

Д у д у к и н. Приехала известная артистка; она в первый раз в нашем городе, никого здесь не знает; я, как представитель здешней интеллигенции...

К о р и н к и н а. Ах, оставьте глупости! Какая интеллигенция! Просто появилась новая юбка в городе, вот вы и растаяли. *(Со смехом.)* Обязанности! Отличные у вас обязанности!

Д у д у к и н. Ревнуете, бесценная моя?

К о р и н к и н а. Ревновать вас? Не смешите, пожалуйста! Мне просто стыдно за вас: как увидите женщину, так и губы распустите. О, противность какая!

Д у д у к и н. Вы только за этим и приехали сюда, мое блаженство?

К о р и н к и н а. Опять вы «мое блаженство»! *(Топает ногой.)* Ну, слушайте. У меня сейчас собираются некоторые артисты; мы хотим серьезно поговорить об одном деле, и вы должны тут присутствовать. Я вас везде искала, по всему городу ездила.

Д у д у к и н. Что же это за конгресс у вас собирается, и об чем дебаты будут?

К о р и н к и н а. Вы слышали, что вчера наделал Незнамов?

Д у д у к и н. Не только слышал, но почти был свидетелем этого назидательного спектакля; немного опоздал, о чем весьма сожалею.

К о р и н к и н а. Он в буфете, во время спектакля, избил Мухобоева.

Д у д у к и н. И прекрасно сделал.

К о р и н к и н а. Да ведь Мухобоев почтенный человек, он градским головою хотел быть.

Д у д у к и н. Как ему не хотеть! Да общество-то захочет ли?

К о р и н к и н а. Да ведь это два бельэтажа и несколько кресел в каждый бенефис. Он теперь и в театр не заглянет. Вот мы и собираемся писать письмо Мухобоеву, что Незнамова мы нашим товарищем не признаем и будем требовать от антрепренера его увольнения. Да и я не хочу, чтобы Незнамов вместе со мной служил.

Д у д у к и н. Да вы-то что так уж очень гневаетесь на него, мое очарование?

К о р и н к и н а. Ах, он невыносим, невозможен! У него острый и злой язык и самый дурной характер; как только артисты сойдутся вместе, особенно если ему попадет лишняя рюмка, так и пошел, и пошел... и уж непременно придерется к кому-нибудь. А какие он вещи говорит женщинам! Невыносимо, невыносимо! Так бы вот и убила его.

Д у д у к и н. Обижает вас, сочиняет про вас небылицу, выдумывает? За это действительно убить следует.

К о р и н к и н а. Да положим, что и не выдумывает; пожалуй, все это правда, что он говорит; да зачем? Кто его просит? Он моложе всех в труппе, ему ли учить! Мы собираемся, чтоб провести время весело, а совсем не затем, чтоб слушать его проповеди. Коли что знаешь, так и знай про себя. Он только отравляет наше общество. Как я рада буду, если мы от него отделаемся. Такой молодой, еще совсем мальчик, и такой раздражительный!

Д у д у к и н. Раздражали его, так он стал раздражительный. А ему-то самому жизнь сладка ли, спросите?

К о р и н к и н а. Пожалуйста, не заступайтесь. Вы здесь останетесь, конечно? Вот вам полчаса сроку для разговоров с Кручининой, впрочем, и четверти часа довольно. Потом заедете за моими ботинками в магазин и в кондитерскую за конфектами, и в двенадцать часов чтоб у меня, ни раньше, ни позже! Слышите, в двенадцать часов! Если вы опоздаете хоть пять минут, то дверь будет заперта для вас.

Д у д у к и н. И надолго?

К о р и н к и н а. Навсегда. Я с вами затолковалась, а меня Миловзоров на дрожках дожидается.

Д у д у к и н. Без провожатых не можете?

К о р и н к и н а. Уж не ревность ли? Вот еще новости! Ведь он у нас первый любовник в театре; мы с ним каждый день в любви объясняемся; пора бы вам привыкнуть.

Д у д у к и н. Так уж пускай бы он вашим любовником только на сцене и оставался. Вы в провожатые лучше комиков берите, с ними веселее.

К о р и н к и н а. Это вам веселье-то нужно, вы только пустяками и занимаетесь, а я женщина серьезная.

Так сказано вам, что в двенадцать часов, чтоб так и было. До свиданья.

Д у д у к и н. Ну, что уж, на крыльях прилечу!

К о р и н к и н а уходит. Входит И в а н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д у д у к и н, И в а н, потом К р у ч и н и н а.

И в а н. Елена Ивановна приехали.

Д у д у к и н. Вот и прекрасно.

Входит К р у ч и н и н а.

К р у ч и н и н а. Нил Стратоныч, очень рада вас видеть. Извините, я вас на минуточку оставлю, шляпку сниму.

И в а н. Тут артисты вас два раза спрашивали.

К р у ч и н и н а. Какие?

И в а н. Не так чтобы очень, не из первых сортов.

К р у ч и н и н а. Где ж они?

И в а н. Здесь, на биллиарде играют.

К р у ч и н и н а. Ну, пускай играют, пригласи их после. *(Уходит в дверь направо.)*

Д у д у к и н. Как же тебе, братец, не стыдно: ты артистов не знаешь.

И в а н. Как их? О, чтоб... И помнил, да забыл. Один-то даже в чужом пальте, не по росту ему, с большого человека надето.

Д у д у к и н. Шмага?

И в а н. Он, он самый.

Входит К р у ч и н и н а. И в а н уходит.

К р у ч и н и н а. Как вам не стыдно, Нил Стратоныч! Вы опять с приношениями, вы меня уж очень балуете. Мне, право, совестно; каждый день что-нибудь; вот сегодня чаю, икры привезли.

Д у д у к и н. Да ведь надо же вам чем-нибудь питаться; гостиницы у нас в плохом состоянии. А что такое эти безделки: чай, да икра, да и все наши букеты и лавры. Об них и говорить-то не стоит. Все это очень малая плата за то счастье, за те наслаждения, которые вы нам доставляете своим талантом.

К р у ч и н и н а. Все говорят, что вы очень добрый человек.

Д у д у к и н. Это во мне есть, только ведь это качество наследственное, от родителей, а моей заслуги тут никакой нет-с. Да ведь это дарование не очень важное! Если б и доброты-то во мне не было, так куда ж бы я годился!

К р у ч и н и н а. Нет, хорошее качество, хорошее.

Д у д у к и н. Дешевенькое-с, мне оно никакого труда не стоит.

К р у ч и н и н а. Тем-то оно и дорого.

Д у д у к и н. Уж это вам как угодно, спорить не смею. Я человек ограниченный, ни к каким занятиям, даже и хозяйственным, неспособный; так чтобы уж не быть совсем без дела, я себе и избрал специальность — услаждать жизнь артистов.

К р у ч и н и н а. И артисток?

Д у д у к и н. И артисток. Заедет труппа, например, хоть в наш город, увеселять людей, ровно ничего не делающих, ничем не интересующихся и ничего не желающих, и сядут, как раки на мели. Обыватели у нас большею частью люди солидные, тяжеловесные, богатые, благотворительные, степенные и даже первостепенные.

К р у ч и н и н а. Чего же еще!

Д у д у к и н. Но относительно нравов и умственного развития находятся еще в самом первобытном невежестве и о существовании драматического искусства имеют представления самые смутные. А ведь артисты народ необеспеченный, по-европейски сказать, пролетарии, а по-нашему, по-русски, птицы небесные: где посыпано крупки, там клюют, а где нет — голодают. Как же к ним не иметь сожаления?

К р у ч и н и н а. Ну, к артисткам-то влечет вас, я думаю, не одно сожаление?

Д у д у к и н. Да-с, да-с. Совершенно справедливо. Ничего такого возвышенного во мне нет, а грехов много. Обыкновенный старичок, дюжинный, много нас таких-то. У губернатора изволили быть?

К р у ч и н и н а. Да, благодарить его ездила. Вчера во время спектакля в театральном буфете вышел скандал, в котором обвиняют артиста Незнамова. Антрепренер прибежал ко мне в уборную встревоженный и объявил, что Незнамову грозит беда, что он держится в труппе только вследствие снисходительности губернатора, который уж и прежде обещал выслать его

из города, если он будет производить скандалы, так как это случалось с ним не раз, да и паспорт у него не в исправности. После спектакля губернатор пришел на сцену: тут я его и просила за Незнамова; он сказал, что Незнамова следовало бы проучить, но что для меня он готов оставить это дело без внимания, если оно кончится миром. Оно, кажется, уж и кончилось. Скажите, что это за история, и что такое этот Незнамов? Он, кажется, еще очень молодой человек?

Д у д у к и н. Я изложу вам краткую биографию его, как он мне сам передавал. Ни отца, ни матери он не помнит и не знает, рос и воспитывался он где-то далеко, чуть не на границах Сибири, в доме каких-то бездетных, но достаточных супругов из мира чиновников, которых долгое время считал за родителей. Его любили, с ним обращались хорошо, хотя не без того чтобы под сердитую руку не попрекнуть его незаконным происхождением. Разумеется, он их слов не понимал и разобрал их значение только впоследствии. Его даже учили: он бегал в какой-то дешевенький пансион и получил порядочное для провинциального артиста образование. Так он прожил лет до пятнадцати, потом начались страдания, о которых он без ужаса вспомнить не может. Чиновник умер, а вдова его вышла замуж за отставного землемера, пошло бесконечное пьянство, ссоры и драки, в которых прежде всего доставалось ему. Его прогнали в кухню и кормили вместе с прислугой; часто по ночам его выталкивали из дому, и ему приходилось ночевать под открытым небом. А иногда от брани и побоев он и сам уходил и пропадал по неделе, проживал кой-где с поденщиками, нищими и всякими бродягами, и с этого времени, кроме позорной брани, он уж никаких других слов не слыхал от людей. В такой жизни он озлобился и одичал до того, что стал кусаться как зверь. Наконец, в одно прекрасное утро его из дому совсем выгнали; тогда он пристал к какой-то бродячей труппе и переехал с ней в другой город. Оттуда его, за неимение законного вида, отправили по этапу на место жительства. Документы его оказались затерянными; волочили, волочили его, наконец выдали какую-то копию с явочного прошения, с которой он и стал переезжать с антрепренерами из города в

город, под вечным страхом, что каждую минуту полиция может препроводить его на родину.

Кручинина. Его зовут Григорий...

Дудукин. Да, Григорий.

Кручинина. А много ли ему лет?

Дудукин. Года двадцать три.

Кручинина. Не меньше?

Дудукин. Никак не меньше. Почему вас это интересует?

Кручинина. Так, некоторое совпадение... Да вы не обращайте внимания; это фантазия. Извините, что вас перебиваю.

Дудукин. Что касается вчерашней истории, так это дело обыкновенное; такие истории у нас часто случаются. Вчера один из наших почтенных обывателей, Мухобоев, так увлекся вашей игрой, что запил с первого акта. Стал шуметь в буфете, приставать ко всем, потчевать всех, целовать. Тут случился и Незнамов, он и к нему стал приставать. Незнамов, чтоб отвязаться, хотел уйти из буфета; тогда Мухобоев стал ругаться и оскорбил Незнамова самым чувствительным образом.

Кручинина. За что же?

Дудукин. За то, что тот пить отказался. Я, говорит, ему честь делаю, хочу с ним выпить, а он, какой-то подзаборник, еще смеет отказываться.

Кручинина. Что такое «подзаборник»?

Дудукин. Ребенок, брошенный, подкинутый к чужому крыльцу или забору.

Кручинина. Как это глупо! Неужели еще находятся такие люди, которые позволяют себе подобные выходки?

Дудукин. К несчастью, много их находится. Вслед за этой обидой началось должное возмездие: из почтенного Мухобоева Незнамов сделал что-то вроде отбивной котлетки. Сначала Мухобоев рассвирепел, хотел жаловаться, хотел сослать Незнамова в Сибирь, но добрые люди его скоро уговорили, и все кончилось примирением и общей выпивкой. Между тем на шум явилась полиция, и дело могло кончиться очень дурно для Незнамова, если б не ваше заступничество. А как вы вчера играли! Немудрено, что люди запивают от восторга. Как вы верно передали чувство матери!

К р у ч и н и н а. На то я актриса, Нил Стратоныч!

Д у д у к и н. Но чтоб верно представить положение, надо прочувствовать, пережить если не то самое, так хоть что-нибудь подобное.

К р у ч и н и н а. Ах, Нил Стратоныч, я столько пережила и перечувствовала, что для меня едва ли какое-нибудь драматическое положение будет новостью.

Д у д у к и н. Значит, лавры-то не дешево достаются?

К р у ч и н и н а. Лавры-то пото́м, а сначала горе да слезы.

Д у д у к и н. Но чувство матери, эта страстная любовь к сыну, это отчаяние...

К р у ч и н и н а. И я была матерью, и я так же видела умирающего сына, как леди Микельсфильд, которую я вчера играла. Только мой сын умер еще ребенком. *(Утирает слезы.)*

Д у д у к и н. Ну, вот я вас и плакать заставил; извините, пожалуйста.

К р у ч и н и н а. Ничего, иногда и поплакать хорошо; я теперь не часто плачу. Я еще вам благодарна, что вы вызвали во мне воспоминания о прошлом; в них много горького, но и в самой этой горечи есть приятное для меня. Я не бегу от воспоминаний, я их нарочно возбуждаю в себе; а что поплачу, это не беда: женщины любят поплакать. Я вчера объезжала ваш город: он мало изменился; я много нашла знакомых зданий и даже деревьев и многое припомнила из своей прежней жизни и хорошего и дурного.

Д у д у к и н. Так вы у нас не в первый раз?

К р у ч и н и н а. Нет, я и родилась здесь, и провела почти всю молодость. Я сначала хотела мимо проехать — меня ждут в Саратове и в Ростове; но ваш антрепренер узнал о моем проезде и упросил меня сыграть несколько спектаклей, чтобы поднять сборы, которые у него плохи, и я не жалею, что здесь осталась.

Д у д у к и н. Вы давно ли уехали отсюда?

К р у ч и н и н а. Ровно семнадцать лет.

Д у д у к и н. И вы не встретили никого знакомых или родных, и вас никто не узнал?

К р у ч и н и н а. Родных у меня нет; жила я скромно, почти не имела знакомства, так и узнать меня некому. Вчера я проезжала мимо того дома, где жила, велела остановиться и подробно осмотрела все: крыльцо,

окна, ставни, забор, даже заглядывала в сад. Боже мой! Сколько у меня в это время разных воспоминаний промелькнуло в голове. У меня уж слишком сильно воображение и, кажется, в ущерб рассудку.

Д у д у к и н. Это не порок-с, это у многих женщин есть.

К р у ч и н и н а. Мне ничего не стоит перенестись за семнадцать лет назад; представить себе, что я сижу в своей квартире, работаю; вдруг мне стало скучно, я беру платок, накрываюсь и бегу навестить сына; играю с ним, разговариваю. Я его так живо представляю себе. Это, должно быть, от того, что я не видала его мертвым, не видала в гробу, в могиле.

Д у д у к и н. Как же это случилось? Извините, что я вызываю вас на откровенность.

К р у ч и н и н а. Я не боюсь быть откровенной с вами; вы такой добрый. Это случилось вот как: мне сказали, что мой сын захворал, в то самое время, когда я узнала, что отец его мне изменяет и потихоньку от меня женится на другой. Я и без того была потрясена, разбита, уничтожена, а тут еще болезнь ребенка. Я бросилась к нему и увидала ребенка уж без признаков жизни: передо мной был посиневший труп; дыхания уже не было, а только слышалось едва уловимое хрипение в горле. Я кинулась его обнимать, целовать и упала без чувств. Так в обмороке меня и доставили домой, а к вечеру у меня открылся сильный дифтерит. Я прохворала месяца полтора и едва еще держалась на ногах, когда моя бабушка, единственная моя родственница, и то дальняя, увезла меня к себе в деревню. Там мне подали, наконец, письмо, в котором меня извещали, что сын мой умер и похоронен отцом, что малютка теперь на небесах и молится за родителей. Письмо это было писано давно, но его от меня скрывали. Потом мы с бабушкой поехали в Крым, где у нее было маленькое имение, и прожили там три года в совершенном уединении.

Д у д у к и н. А дальнейшая ваша жизнь?

К р у ч и н и н а. Она представляет мало интереса. Я с бабушкой много странствовала, жила и за границей, и довольно долго; потом бабушка умерла и оставила мне значительную часть наследства. Я стала довольно богата и совершенно независима, по от тоски не знала, куда деться. Подумала, подумала и пошла в актрисы. Играла я больше на юге и в этой стороне

не была ни разу. Вот теперь заехала сюда случайно и вспомнила живо и свою юность, и своего сына, о котором и плачу, как вы видите; я ведь странная женщина: чувство совершенно владеет мною, захватывает меня всю, и я часто дохожу до галлюцинаций.

Д у д у к и н. Лечиться надобно, Елена Ивановна; нынче против воображения есть довольно верные средства: с большим успехом действуют.

К р у ч и н и н а. Да я не хочу лечиться; мне приятна моя болезнь. Мне приятно вызывать образ моего сына, приятно разговаривать с ним, приятно думать, что он жив. Я иногда с каким-то испугом, с какой-то дрожью жду, что вот-вот он войдет ко мне.

Д у д у к и н. Да если б он и вошел, так ведь вы бы его не узнали.

К р у ч и н и н а. Нет, мне кажется, узнаю, сердце скажет.

Д у д у к и н. Да вы его воображаете ребенком, а ему теперь, если б он был жив, было бы двадцать лет. Ну представьте, что мечты ваши сбылись, что вы увидите вашего сына... Вот вам сказали, что сейчас он войдет сюда...

К р у ч и н и н а. Ах, ах! *(Закрывает лицо руками.)*

Д у д у к и н. Вы представляете себе улыбающееся, ангельское личико с беленькими шелковыми кудрями.

К р у ч и н и н а. Да, да, с шелковыми кудрями.

Д у д у к и н. И вдруг вваливается растрепанный шалопай, вроде Незнамова, небритый, с букетом грошевых папирос и коньяку.

К р у ч и н и н а. Ах, нет! Ах, довольно, оставьте! Этим не шутят.

Д у д у к и н. Да я и не шучу; я вам докладываю сущую правду. Не хорошо, Елена Ивановна, думать и сокрушаться о том, что было семнадцать лет тому назад; нездорово. Вы много дома сидите, вам нужно развлечение, нужно повеселее жизнь вести. *(Взглянув на часы.)* Ай, ай, как я заговорился с вами. *(Встает, взглянув на камин.)* Однако у вас посетителей-то довольно было!

К р у ч и н и н а. Это только карточки, Иван их на камин складывает, а я почти никого не принимаю.

Д у д у к и н *(взяв одну карточку)*. Григорий Львович Муров.

К р у ч и н и н а. Как! Что вы прочли?

Д у д у к и н. Муров, Григорий Львович. Если вы его прежде знали, так теперь не узнаете. Важным барином стал, разбогател страшно и один из главных воротил в губернии. До свидания, совершеннейшая из женщин. *(Целует руку у Кручининой.)* Я вас так и буду называть совершенством.

К р у ч и н и н а. До свидания, Нил Стратоныч!

Д у д у к и н уходит.

Иван!

Входит И в а н.

Дома ли я, нет ли, господина Мурова никогда не принимай! Слышишь?

И в а н. Слушаю-с. *(Уходит.)*

К р у ч и н и н а. Муров разбогател, стал большим барином, важным лицом в губернии; а как жалок, сконфужен, как ничтожен он был, когда мы виделись в последний раз, когда я выгнала его из моей квартиры. Все это так живо мне представляется, как будто происходило вчера. Накануне этого рокового дня я навещала Гришу. *(Закрывает рукой глаза.)* Архиповна стояла с ним у окна, закрыв его до половины своим шейным платком. Когда я подошла, он забарабанил пальчиками по стеклу и спрятался под платок; потом выглянул и расхохотался. Прыгает так, что Архиповна едва удержать его может, ручонками машет, щечки разгорелись. Ну вот, вот он; я как сейчас его вижу!

Входят Н е з н а м о в и Ш м а г а, доедая кусок бутерброда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К р у ч и н и н а, Н е з н а м о в и Ш м а г а.

К р у ч и н и н а *(с испугом отступает)*. Ах!

Н е з н а м о в. Ничего, чего вы боитесь?

К р у ч и н и н а. Извините.

Н е з н а м о в. Не бойтесь! Я ваш собрат по искусству, или, лучше сказать, по ремеслу. Как вы думаете: по искусству или по ремеслу?

К р у ч и н и н а. Как вам угодно. Это зависит от взгляда.

Н е з н а м о в. Вам, может быть, угодно считать свою игру искусством, мы вам того запретить не можем.

Я откровеннее, я считаю свою профессию ремеслом, и ремеслом довольно низкого сорта.

Кручинина. Вы вошли так неожиданно.

Незнамов. Да уж мы в другой раз сегодня...

Кручинина. Ах, да, мне сказывали.

Незнамов. Значит, не совсем неожиданно. Я говорю: мы — потому что я с другом. Вот рекомендую! Артист Шмага! Комик в жизни и злодей на сцене. Вы не подумайте, что он играет злодеев; нет, это не его амплуа. Он играет всякие роли и даже благородных отцов; но он все-таки злодей для всякой пьесы, в которой он играет. Кланяйся, Шмага!

Шмага кланяется.

Кручинина. Что вам угодно, господа?

Незнамов. Нам угодно поговорить с вами. Но, разумеется, вы можете сейчас же нас выгнать вон, вы на это имеете полное право. Не стесняйтесь с нами.

Кручинина. Нет, зачем же! Милости прошу! Садитесь, господа!

Незнамов. Сядем, Шмага! Не всегда нас так учтиво принимают.

Садятся. Шмага разваливается в кресле очень свободно.

Дело, собственно, касается меня; но я предоставляю говорить Шмаге, потому что он красноречивее.

Шмага. Мы слышали от нашего патрона, что вы говорили на сцене с губернатором.

Кручинина. Да, я говорила.

Шмага. Вы просили за Гришку Незнамова?

Кручинина. Да, и губернатор обещал, что на этот раз он не примет никаких мер, неприятных для господина Незнамова.

Шмага. Но позвольте, позвольте! Какое же вы имели право просить за Гришку? Он вас не приглашал в адвокаты.

Кручинина. Я не понимаю, господа, что вам угодно от меня. Мне сказали, что господину Незнамову грозит большая неприятность...

Незнамов. Ну, так что ж? Вам-то что за дело?

Кручинина. Но если я имею возможность без особенного труда избавить кого бы то ни было от неприятности, так я должна это сделать непременно. Я считаю это не правом, а обязанностью, даже долгом.

Н е з н а м о в *(с улыбкой)*. Счастливить людей, благодетельствовать?

Ш м а г а *(смеется)*. И притом без большого труда. Нет, уж вы счастливьте кого угодно, только *(грозя пальцем)* не артистов. *(Разваливается еще более.)* Артист... горд!

К р у ч и н и н а *(вставая)*. Ну, что ж делать! Извините! Я поступаю так, как мне велит моя совесть, как мне указывает сердце; других побуждений у меня нет. Оправдывать себя я не считаю нужным: можете думать обо мне, что вам угодно.

Н е з н а м о в. Я вам предлагал прогнать нас; это было бы для вас покойнее.

К р у ч и н и н а. Нет, зачем же гнать! Я и теперь вас не прогоню. И обид, и оскорблений, и всякого горя я видела в жизни довольно; мне не привыкать стать. Мне теперь больно и в то же время интересно; я должна узнать нравы и образ мыслей людей, с которыми меня свела судьба. Говорите, говорите все, что вы чувствуете!

Н е з н а м о в. Да-с, я говорить буду. Вот уж вы и жалуетесь, уж вам и больно. Но ведь вы знали и другие ощущения; вам бывало и сладко, и приятно; отчего ж, для разнообразия, не испытать и боль! А представьте себе человека, который со дня рождения не знал другого ощущения, кроме боли, которому всегда и везде больно. У меня душа так наболела, что мне больно от всякого взгляда, от всякого слова; мне больно, когда обо мне говорят, дурно ли, хорошо ли, это все равно; а еще больнее, когда меня жалеют, когда мне благодетельствуют. Это мне нож вострый! Одного только я прошу у людей: чтоб меня оставили в покое, чтоб забыли о моем существовании!

К р у ч и н и н а. Я не знала этого.

Н е з н а м о в. Ну, так знайте же и не расточайте ваших благодеяний так щедро, будьте осторожнее! Вы хотели избавить меня от путешествия по этапу? Для чего вам это? Вы думаете, что оказали мне услугу? Нисколько. Мне эта прогулка знакома; меня этим не удивишь! Я уж ходил по этапу чуть не ребенком, и без всякой вины с моей стороны.

Ш м а г а. За бесписьменность, виду не было. Ярлычок-то забыл захватить, как его по имени звать, по отече-

ству величать, как по чину место дать во пиру, во беседе.

Незнамов. Вот видите! И он глумится надо мной! И он вправе; я ничто, я меньше всякой величины; а он что-нибудь, он какая-то единица, у него есть звание, есть вид. На этом виде значится: «Сын отставного канцеляриста; исключен из уездного училища за дурное поведение; продолжал службу в сиротском суде копиистом и уволен за нерадение; под судом был по прикосновенности по делу о пропаже камлотовой шинели и оставлен в подозрении». Ну, разве не восторг иметь такой документ! У него вид чистый, он счастливец, он всякому может прямо смотреть в глаза, всякому может сказать, кто он и что он. Какая мне радость, что я по вашей милости останусь здесь, в этом городишке? Из театра меня гонят и выгонят; что же я за фигуру буду представлять из себя? Бродяга, не помнящий родства, и человек без определенных занятий! Но в таком звании нигде нельзя жить, ни в каком городе; или уж везде, но только на казенной квартире, то есть в местах заключения. Я не вор и наклонности к этому занятию не чувствую. Я не разбойник, не убийца, во мне кровожадных инстинктов нет; но все-таки я чувствую, что по какой-то покатости, без участия моей воли, я неудержимо влекусь к острогу. Таких людей лучше не трогать: благодеяния озлобляют их еще больше.

Кручинина. Ах, да отчего же, отчего же?

Незнамов. Да вот, например: мне совсем не до вас; существуете вы на свете, или нет вас — мне решительно все равно; мы друг другу чужие, ну, и шли бы каждый своей дорогой. А вы навязываетесь с благодеяниями и напрашиваетесь на благодарность. Ну, положим, благодарить вас я не стану; так ведь все равно мне товарищи покоя не дадут. При всяком удобном случае каждый напомнит мне о вашем благодеянии. «Благодари Кручинину, что ты с нами! Кабы не Кручинина, странствовать бы тебе!» И так надоедят мне, что я принужден буду вас возненавидеть. А я этого не желал, я желал оставаться к вам равнодушным. Я понимаю, что благодетельствовать очень заманчиво, особенно если вас все осыпают любезностями и ни в чем вам не отказывают,

но не всегда можно рассчитывать на благодарность, иногда можно наткнуться и на неприятность.

Кручинина. И довольно часто. Я это знаю.

Незнамов. И все не унимаетесь?

Кручинина. И не уймусь никогда, потому что чувствую потребность делать добро.

Незнамов. Это довольно странно. Поуняться не мешало бы.

Кручинина. Ну, вот что, господа! Я выслушала вас терпеливо; в том, что своей услугой я сделала вам неприятность, я извиняюсь перед вами. Но, господин Незнамов, вы очень дурно воспользовались моей снисходительностью; вы могли говорить только о своем деле, а вы позволили себе обсуждать мои поступки и давать мне советы. Вы еще очень молоды, вы совсем не знаете жизни; вас окружали с детства, да и теперь окружают люди, далеко не лучшие. Делать заключения вообще о людях вы не смеете, потому что хороших людей вы почти не видали и среди их не жили. Вы видели жизнь только...

Шмага. Из подворотни?

Кручинина. Я не то хотела сказать.

Шмага. Отчего же? Нет, так лучше, вернее.

Незнамов. Все равно, не в словах дело.

Кручинина. Я опытнее вас и больше жила на свете; я знаю, что в людях есть много благородства, много любви, самоотвержения, особенно в женщинах.

Незнамов. Будто?

Кручинина. Вы ничего этого не видали?

Незнамов. Не случалось.

Кручинина. Очень жаль.

Незнамов. Где ж такие редкостные экземпляры находятся?

Кручинина. Везде, стоит только поискать; они не редки, их много. Да вот, недалеко ходить, вы знаете, что такое сестры милосердия?

Незнамов. Знаю.

Кручинина. Что побуждает их переносить лишения, невероятные труды, опасности?

Незнамов. Я этого не знаю.

Кручинина. Да и не одни сестры милосердия, есть много женщин, которые поставили целью своей жизни — помогать сиротам, больным, не имеющим возможности трудиться, и вообще таким, которые

страдают не по своей вине... Да нет, этого мало... Есть такие любящие души, которые не разбирают, по чужой или по своей вине человек страдает, и которые готовы помогать даже людям...

Незнамов. Вы ищете слова? Не церемоньтесь, договаривайте.

Кручинина. Даже людям безнадежно испорченным. Вы знаете, что такое любовь?

Незнамов. Из романов знаю.

Кручинина. Вас любил кто-нибудь?

Незнамов. Как вам сказать... Настоящим образом нет... Меня нельзя любить.

Кручинина. Почему?

Незнамов. Да за что же любить человека безнадежно испорченного? Что за интерес? Разве с целью исправить? Так, во-первых, не всякого можно исправить; а во-вторых, не всякий позволит, чтоб его исправляли.

Кручинина. Можно и такого любить.

Незнамов. Сомневаюсь.

Кручинина. Разве сестры милосердия, со всей любовью, ухаживают только за теми, кого можно вылечить? Нет, они еще с большей любовью заботятся и о безнадежных, неизлечимых. Теперь вы, вероятно, согласитесь, что бывают женщины, которые делают добро без всяких расчетов, а только из чистых побуждений. Отвечайте мне. Бывают?

Незнамов *(потупясь)*. Да, бывают.

Кручинина. С меня и довольно. Вы раздражены, расстроены; подите успокойтесь и подумайте о том, что вы сейчас сказали!

Незнамов. Ну, Шмага, пойдем! Мы свое дело сделали — пришли и нагрубили хорошей женщине. Чего ж еще ждать от нас!

Шмага. Грубить — это твое дело, а я человек деликатный. Что такое был наш разговор? Это только прелюдия, серьезное будет впереди. Я имею другую тему, у меня теперь пойдет мотив в минорном тоне. Но без свидетелей мне будет удобнее.

Незнамов. Нет, нет, говори при мне, а то я тебя знаю.

Шмага. Мадам, мы пришли в гостиницу, чтоб объясниться с вами по делу, вам известному, но вы были заняты. Ну, знаете ли, увлечение молодости, буфет,

биллиард... соблазн... и при всем том недостаток средств. Вам, конечно, известно, что такое бедный артист. Одним словом, мы задолжали в буфете.

Н е з н а м о в *(строго)*. Что, что?

К р у ч и н и н а. Не беспокойтесь, я велю сейчас заплатить. *(Незнамову.)* Пожалуйста, не претендуйте, доставьте мне это удовольствие.

Ш м а г а. Да-с... мерси! Впрочем, иначе и быть не может; вам и следует заплатить. Мы не виноваты, что вы не могли нас принять. Не в передней же нам ждать. Мы артисты, наше место в буфете.

Н е з н а м о в. Ну, поговорил, и будет. Пойдем, марш!

Ш м а г а. Ах, Гришка, оставь! Оставь, говорю я тебе! *(Кручининой.)* Но я вам должен сказать, мадам, что и дальнейшее наше существование не обеспечено. Вы — знаменитость, вы получаете за спектакль чуть не половину сбора; а еще неизвестно, от кого зависит успех пьесы и кто делает сборы, вы или мы. Так не мешало бы вам поделиться с товарищами.

Незнамов молча берет Шмагу сзади за воротник и ведет его к двери.

Ш м а г а *(на ходу оборачиваясь то в ту, то в другую сторону)*. Гриша, Гриша!

Н е з н а м о в *(проводив Шмагу до двери)*. Уходи!

Ш м а г а быстро скрывается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К р у ч и н и н а и Н е з н а м о в.

К р у ч и н и н а. Вам стыдно за вашего товарища?

Н е з н а м о в. Нет, за себя.

К р у ч и н и н а. Зачем же вы дружитесь с таким человеком?

Н е з н а м о в. А где ж я, в моем звании, других-то возьму? Его, конечно, нельзя считать образцом нравственности; он не задумается за грош продать лучшего своего друга и благодетеля, но ведь, сколько мне известно, очень многие артисты не лишены этой слабости. Зато он имеет и неоцененные достоинства; он не зябнет в легком пальто в трескучие морозы, он не жалуется на голод, когда ему есть нечего, он не сердится, когда его ругают и даже бьют. То есть он,

может быть, в душе и сердится, но ничем своего гнева не обнаруживает.

Кручинина. Он и зимой в летнем пальто ходит?

Незнамов. Вот как вы его видели, весь его гардероб тут.

Кручинина *(достает из портмоне десятирублевую бумажку)*. Передайте ему, пожалуйста, от меня.

Незнамов. Что вы, что вы! Не надо. Он их пропьет сейчас же.

Кручинина. Ну, да уж как он хочет.

Незнамов. Это даром брошенные деньги.

Кручинина. Да ведь ему приятно будет получить их?

Незнамов. Еще бы! Конечно, приятно.

Кручинина. Ну, вот я представляю, как ему будет приятно, и мне самой делается приятно. Я люблю дарить. Да, вот что я вас попрошу. Не можете ли вы купить ему пальто готовое, получше? Деньги, сколько нужно, я заплачу. Вы потрудитесь?

Незнамов. Да тут и труда нет никакого. *(Кланяется.)*

Кручинина. До свиданья.

Незнамов *(помолчав)*. Позвольте мне у вас руку поцеловать!

Кручинина. Ах, извольте, извольте!

Незнамов. То есть вы мне протянете ее, как милостыню. Нет, если вы чувствуете ко мне отвращение, так скажите прямо.

Кручинина. Да нет же, нет; я очень рада.

Незнамов. Ведь, в сущности, я дрянь, да еще подзаборник.

Незнамов берет руку Кручининой.

Кручинина *(отвернувшись, тихо)*. Не говорите этого слова; я не могу его слышать.

Незнамов целует ее руку. Она прижимает его голову к груди и крепко целует.

Незнамов. Что вы, что вы! За что?

Кручинина. Извините!

Незнамов. Вы же еще просите извинения! Эх, бог с вами! *(Уходит.)*

Иван в дверях: «Ступай, ступай! Сказано, что не принимают!»

Кручинина. Иван, с кем ты там?

Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кручинина, Иван, потом Галчиха.

Иван. Тут, сударыня, одна полоумная попрошайка все таскается, господам надоедает.

Кручинина. Я дам ей что-нибудь.

Иван. Да ведь она повадится, от нее не отвяжешься. Нет, я ее спроважу лучше. *(Уходит.)*

Кручинина *(заглянув в дверь)*. Ах, ах! Кто это? Это она! Веди, веди ее сюда, Иван!

Входят Иван и Галчиха.

Архиповна! Узнаешь ты меня?

Галчиха. Как не узнать, ваше сиятельство; в прошлом году тоже не оставили своей милостью бедную старуху, сироту горькую.

Кручинина. Ты погляди на меня хорошенько, погляди!

Галчиха. Виновата, матушка, запамятовала. В запрошлом году сапожки-то пожаловали... Как же, помню...

Кручинина. Иван, кто это? Как ее зовут? Арина Галчиха?

Иван. Она самая-с.

Кручинина. Ну, ступай!

Иван уходит.

Где похоронили моего Гришу? *(Берет Галчиху за плечи.)* Моего ребенка, моего ребенка?

Галчиха. Не занимаюсь, матушка, годов пятнадцать не занимаюсь. А было время, брала ребят, брала деньги; жила ничем невредима, а теперь бедствую; без роду, без племени, сирота круглая.

Кручинина. Да ты вглядись в меня, вглядись хорошенько!

Галчиха. Матушка, да никак... неужто ж вы... как это... Любовь Ивановна, что ли?

Кручинина. Да, я, я, она самая...

Галчиха. Ну, как же, помню, матушка! Благодетельница!

Кручинина. Поедем же на могилку, поедем!

Галчиха. Куда, матушка, на какую?

Кручинина. Сын был у меня, сын.

Галчиха. Да, да, сын, точно... Как его звали-то? Много у меня ребят-то было, много. Генерала Быстрова помните? Всех детей принимала.

Кручинина. Да не то: все не то ты говоришь.

Галчиха. А то вот еще купцы были богатейшие у Здвиженья; так сама-то без меня ничего. Я ее и пользовала.

Кручинина. Да нет, мой сын, мой сын!

Галчиха. Да я про то ж и говорю; и ваш сын... А то еще вдова; за рекой дом, такой большущий и мезонин... и в этом мезонине...

Кручинина. Да не то... Сын мой, Гриша...

Галчиха. Гриша? Да, да, помню...

Кручинина *(сажая Галчиху на стул)*. Еще он тогда захворал; захворал вдруг страшной болезнью. Захрипел, ну, помнишь? И умер.

Галчиха. Выздоровел, матушка! Бог дал, выздоровел!

Кручинина. Что ты говоришь, Архиповна! Пожалей ты меня!

Галчиха. Выздоровел, выздоровел!

Кручинина. А потом, что потом?

Галчиха. Потом бедность меня одолела. Как в те поры хорошо жила, всего было довольно; а тут и нет ничего. Хоть бы из одежонки что-нибудь пожаловали.

Кручинина. Да вот деньги, вот! Все отдам, только говори! *(Кладет на стол деньги.)* Где Гриша, что вы с ним сделали?

Галчиха. Ах, да... Бог меня наказал, вот за это за самое и наказал.

Кручинина. Да за что «за это»? Ты говоришь, что он выздоровел?

Галчиха. Выздоровел, выздоровел; как же! скорехонько выздоровел! *(Косится на деньги.)* Хорошо, кого господь-то наградит; а я вот горькая...

Кручинина. Ведь уж я сказала, что эти деньги будут твои, только говори. Прошу тебя, умоляю.

Галчиха. Да что, матушка, говорить-то?

Кручинина. О Грише, о моем Грише!

Галчиха. Беленькой такой мальчик?

Кручинина. Да, беленький. Ты говоришь, что бог тебя наказал за него. За что же?

Галчиха. Вспомнила, матушка, вспомнила.

Кручинина. Боже мой! Вспомнила! Ну, ну! *(Становится перед ней на колени и глядит ей прямо в глаза.)*

Галчиха. Как это он выправляться-то стал, так все маму спрашивал да кликал.

Кручинина *(рыдая)*. Ты говоришь: маму?

Галчиха. Да. Ручонки-то вытянет да говорит: «мама, мама!»

Кручинина. О, боже мой! О, боже мой! Мама, мама! Ну, дальше, дальше!

Галчиха. Думаю, куда его деть?.. Держать у себя — так еще будут ли платить... сумлевалась. Уж запамятовала фамилию-то... муж с женой, только детей бог не дал. Вот сама-то и говорит: достань мне сиротку, я его вместо сына любить буду. Я и отдала; много я с нее денег взяла... За воспитанье, говорю, мне за два года не плочено, так заплати! Заплатила. Потом Григорью... как его... да, вспомнила, Григорью Львовичу и сказываю: так и так, мол, отдала. И хорошо, говорит, и без хлопот. Еще мне же зелененькую пожаловал.

Кручинина. А потом, потом?

Галчиха. И все так хорошо, прекрасно.

Кручинина. Так ты видела его, навещала часто?

Галчиха. Как же, видала, видала... Да вот и недавно видела.

Кручинина *(с испугом)*. Недавно?

Галчиха. Бегает в саду, тележку катает; рубашечка синенькая.

Кручинина *(отстраняясь)*. Что ты, что ты! Да ведь ему теперь двадцать лет.

Галчиха. Каких двадцать? Нет, маленький.

Кручинина. Да, Архиповна! Арина, Арина, что ты говоришь?

Галчиха. Ах, матушка, простите вы меня! Польстилась вот на деньги-то... Вы приказываете говорить; я и говорю, говорю, утешаю вас, а сама не знаю что... совсем затмилась... Затуманилось в голове-то, сама ничего не разберу. Передохнуть бы малость.

Кручинина. Ну, поди отдохни! *(Ведет Галчиху в другую комнату.)*

Галчиха. Коли что знаю, так я вспомню... *(Уходит.)*

Кручинина *(садится у стола)*. Какое злодейство, какое злодейство! Я тоскую об сыне, убиваюсь; меня уверяют, что он умер; я обливаюсь слезами, бегу далеко, ищу по свету уголка, где бы забыть свое горе, а он манит меня ручонками и кличет: мама, мама! Какое злодейство! *(Рыдая, опускает голову на стол.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КРУЧИНИНА.
ДУДУКИН.
МУРОВ.
КОРИНКИНА.
НЕЗНАМОВ.
ШМАГА.
МИЛОВЗОРОВ ПЕТЯ, *первый любовник.*

Женская уборная: обои местами прорваны, местами облупились; в глубине дверь на сцену; стол, перед ним мягкое потертое кресло, остальная мебель сборная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Коринкина в задумчивости полулежит в кресле. Входит Миловзоров.

Коринкина. Кто там?
Миловзоров. Я, мой друг.
Коринкина. Затвори дверь!
Миловзоров. Зачем?
Коринкина. Шляются тут и подслушивают.
Миловзоров. У вас, мой друг, нервы.
Коринкина. Ну да, нервы; будут тут нервы. Не понимаю. Просто все помешались; в здравом уме таких вещей нельзя делать.
Миловзоров. Вы это про кого?
Коринкина. Про публику, про вчерашний спектакль. Ну, что такого особенного в Кручининой, чтобы так бесноваться? Ну, скажи? Я тебя спрашиваю, что в ней особенного?
Миловзоров. Тонкая французская игра.

Коринкина. Дурак! Убирайся от меня! Зачем вы ходите ко мне в уборную? Чтобы глупости говорить. Так я этого не желаю. Ведь ты меня злишь, злишь нарочно.

Миловзоров. Разве же я не могу свое мнение иметь?

Коринкина. Конечно, не можешь, потому что ты ничего не понимаешь. Да это и не по-товарищески. Пусть публика с ума сходит, а вам что! У вас есть своя актриса, которую вы должны поддерживать. Вы ни меня, ни моего расположения ценить не умеете. И ты-то,ты-то! Кажется, должен бы...

Миловзоров. Ах, мой друг, я очень, очень чувствую ваше расположение.

Коринкина. Я тебя и манерам-то выучила. Как ты себя держал? Как ты стоял, как ты ходил? Ну, что такое ты был на сцене? Цырюльник!

Миловзоров. Я вам благодарен; но зачем же такие выражения? Это резко, мой друг. *(Хочет поцеловать руку у Коринкиной.)*

Коринкина. Что за нежности! Поди прочь от меня! *(Встает.)* Ничего нет особенного, ничего. Чувство есть. Что ж такое чувство? Это дело очень обыкновенное; у многих женщин есть чувство. А где ж игра? Я видала французских актрис, ничего нет похожего. И досадней всего, что она притворяется; скромность на себя напускает, держится, как институтка, какой-то отшельницей притворяется... И все ей верят — вот что обидно.

Миловзоров. Скромности у ней отнять нельзя.

Коринкина. Опять заступаться? Нет, уж ты про ее скромность рассказывай кому-нибудь другому, а я ее похождения очень хорошо знаю.

Миловзоров. И я знаю.

Коринкина. Что же ты знаешь?

Миловзоров. Да, вероятно, то же, что и вы. Мне Нил Стратоныч рассказывал.

Коринкина. Хорош! С меня взял клятву, что я молчать буду, а сам всем рассказывает. Да и отлично; пусть его болтает, и я молчать не намерена; очень мне нужно чужие секреты беречь!

Миловзоров. Да ведь уж это давно было; а после того она...

Коринкина. Что «после того она»? Нет, ты меня выведешь из терпения. Неужели вы все так глупы, что

ей верите? Это смешно даже. Она рассказывает, что долго была за границей с какой-то барыней, и та оставила ей в благодарность за это свое состояние. Ну, какой чурбан этому поверит? С барином разве, а не с барыней. Вот это похоже на дело. Мы знаем, есть такие дураки, и обирают их. А то с барыней! Оставляют барыни состояние за границей, это сплошь да рядом случается, да только не компаньонкам. А коли у ней деньги, так зачем она в актрисы пошла, зачем рыщет по России, у нас хлеб отбивает? Значит, ей на месте оставаться нельзя, вышла какая-нибудь история, надо ехать в другое; а в другом — другая история, надо — в третье, а в третьем — третья.

Миловзоров. Она много добра делает, я слышал.

Коринкина. Для разговору. С деньгами-то можно себя тешить. Она вон и за Незнамова просила. А для чего, спросите у нее? Так, сама не знает. Она-то уедет, а мы тут оставайся с этим сахаром.

Миловзоров. Жаль, что она едет-то скоро, а то бы он показал ей себя.

Коринкина. Да это можно и теперь; у меня со вчерашнего дня сидит мысль в голове. Только положиться-то ни на кого из вас нельзя.

Миловзоров. Ах, зачем же такие слова, мой друг. Я для вас все, что угодно...

Коринкина. Ну, смотри же! Честное слово?

Миловзоров. Благородное, самое благородное.

Коринкина. Слушай, я хочу попросить Нила Стратоныча, чтобы он пригласил Кручинину к себе сегодня вечером; ведь спектакля у нас нет. Пригласим и Незнамова, подпоим его хорошенько; а там только стоит завести его, и пойдет музыка.

Миловзоров. Да Незнамов, пожалуй, не поедет к Нилу Стратонычу; он дичится общества.

Коринкина. Ну, уж я умаслю как-нибудь. А ты прежде подготовь его, дай ему тему для разговора. Распиши ему Кручинину-то, что тебе жалеть ее. Ведь уж тут вертеться, мой милый, нельзя; я должна знать наверное: друг ты мне или враг.

Миловзоров. С ним разговаривать-то немножко страшно, он сильнее меня.

Коринкина. Ну, уж это твое дело. Как же ты осмеливаешься играть драматических любовников, если

ты боишься пожертвовать собой, хоть раз в жизни, для меня, за все, за все...

Миловзоров. Ну, хорошо, мой друг, хорошо.

Коринкина. Ты только вообрази себе, какой это будет спектакль! Что за прелесть!

Дудукин за дверью: «Можно войти?»

Коринкина. Да, конечно, что за вопрос! *(Тихо Миловзорову.)* Отойди!

Входит Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Коринкина, Миловзоров и Дудукин.

Миловзоров. Здравствуй, Нил. *(Вынимает у Дудукина из бокового наружного кармана портсигар, достает несколько папирос и кладет в свой, на что Дудукин не обращает никакого внимания.)*

Дудукин *(Коринкиной)*. Как ваше здоровье, моя прелесть? Вы вчера были как будто расстроены?

Коринкина. С чего вы взяли! Я совершенно здорова.

Дудукин. Ну, тем лучше, тем лучше. Очень рад.

Миловзоров. У тебя запас большой?

Дудукин. Бери, сделай милость, без церемонии.

Миловзоров. Когда же я с тобой, Нил, церемонюсь; ты меня обижаешь. *(Кладет обратно Дудукину в карман портсигар.)*

Дудукин *(Коринкиной)*. Позвольте вашу белоснежную ручку прижать к моим недостойным губам. *(Целует руку Коринкиной.)*

Коринкина. Я-то здорова, Нил Стратоныч, совершенно здорова; вот вам бы с доктором посоветоваться не мешало. Я за вас серьезно опасаться начинаю.

Дудукин. Что так? Нет, я, грех пожаловаться, никакого изъяна в себе не замечаю.

Коринкина. Я боюсь, что вы окончательно с ума сойдете. Не болят руки-то после вчерашнего?

Дудукин. А, понимаю, понимаю. Восторгался, в экстаз приходил. Да ведь уж и игра! Ну, вот скажи, Петя; вот ты сам был на сцене. В сцене с тобой, например?

Миловзоров. Со мной, Нил, всякой актрисе легко играть. У меня жару много.

Дудукин. Жару? Однако ты вчера два раза так соврал, что чудо.

Миловзоров. Ах, Нил, я горяч, заторопишься, ну и невольно с языка сорвется.

Дудукин. А как ты иностранные слова произносишь! Уж бог тебя знает, что у тебя выходит.

Миловзоров. Роли плохо переписывают. Да для кого, Нил, стараться-то? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другие-то! Им что ни скажи, все равно. Ведь у нас какая публика-то!

Дудукин. Ну, уж зато кто понимает, так даже в изумление приходят. Думаешь, боже ты мой милостивый, откуда только он берет такие слова! Ведь разве только в ирокезском языке такие звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся!

Миловзоров. Ну, вот еще. Ты, Нил, прав: не ты один, и другие мне то же говорили; да знаешь, жалованье небольшое, так не стоит очень стараться-то.

Дудукин. А вы, красота моя неописанная, не извольте гневаться. Я изящное люблю во всех видах. У людей со вкусом отношение к изящному совсем другое, особенное, совсем не то, что к живой красоте. Тут ревность неуместна.

Коринкина. Да кто вам сказал, что я ревную! Я вам сейчас докажу противное!

Дудукин. Доказывайте, мое блаженство!

Коринкина. Вы восхищаетесь Кручининой, подаете ей венки, собираете деньги на подарок — вы думаете, это ей нужно? Всего этого она видала много. А вот догадки у вас нет, как доставить ей удовольствие. Она живет в дрянной гостинице, в грязном номере, сегодня спектакля нет: что она будет делать дома вечером? Приедут к ней два-три поношенных театрала с своими, извините, глупыми восторгами,— вы думаете, это весело? Вы ее не познакомили с обществом, да и с артистами она видится только на репетиции; что бы вам нынче у себя вечер устроить с хорошим ужином и пригласить ее, только чтобы общество было избранное. Вы пригласите кого-нибудь из знакомых; а артисты уж это дело мое, я знаю, кого пригласить. Нравится вам моя мысль? Похоже это на ревность?..

Дудукин. О нет, какая ревность! Вот это идея, идея! Merci, мое сокровище! Как это: женский ум... женский ум..?

Миловзоров. Женский ум лучше всяких дум.

Дудукин. Вот что правда, то правда! И как это мне в голову не пришло! Я, Петя, полагаю, что мы неблагодарны, что мало мы у женщин ручки целуем.

Входит Шмага в новом пальто и в шляпе на ухо. Раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Коринкина, Миловзоров, Дудукин и Шмага.

Шмага *(Дудукину)*. Меценату, просвещенному покровителю искусств и всяких художеств! Ну-ка, меценат, одолжите сигарочку!

Дудукин. Из каких тебе?

Шмага. Да уж я постоянно один сорт курю.

Дудукин. Какие же?

Шмага. Чужие.

Дудукин дает ему сигару, которую Шмага завертывает в бумажку и кладет в карман.

Это после, за завтраком.

Миловзоров. Шмага, ты не видал Незнамова? Будет он на репетиции?

Шмага. Кто ж его знает! Я не нянька его.

Коринкина. Вы, кажется, такие неразрывные были.

Шмага. Чего на свете не бывает. И мужья с женами расходятся, а не то что друзья.

Дудукин. Вот чудо-то! Какая кошка между вами пробежала?

Шмага *(важно)*. В убеждениях не сошлись.

Коринкина. Вы не смешите! Ну какие у вас с Незнамовым убеждения?

Дудукин. В самом деле, Шмага, что-то я у тебя прежде убеждений не замечал.

Шмага. Напрасно; убеждения у меня есть твердые. Вчера у меня, сверх всякого ожидания, деньги завелись, так бешеные набежали, с ветру.

Миловзоров. Да, видим, видим, что ты в обновке.

Шмага. Мое убеждение такое, что надо их непременно пропить поскорее. А вы говорите, что у меня нет убеждений. Чем это не убеждение? И я убеждал Гришку отправиться в трактир «Собрание веселых друзей». Но убеждения мои не подействовали.

Дудукин. Отказался? Неужели?

Коринкина. Да это он сказки рассказывает.

Шмага. И не только отказался, но оскорбил меня словесно и чуть-чуть не нанес оскорбления действием; немножко бог помиловал. Кончено! Гришка погиб для нашего общества!

Миловзоров. Для какого?

Шмага. Для «Собрания веселых друзей». Я потерял лучшего своего друга.

Дудукин. Да что с ним сделалось?

Шмага. Очень просто: нить в жизни потерял.

Миловзоров. Как это нить потерял? Какую нить?

Шмага. Ну, вот еще, какая нить! У всякого своя нить. Ты вот любовник и на сцене, и в жизни, ты свою нить и тянешь, и нам надо было свою тянуть.

Коринкина. В «Собрании веселых друзей»?

Шмага. Конечно. Как человек нить потерял, так пропал. Ему и по заведенному порядку следует в трактир идти, а он за философию. А от философии нападает на человека тоска, а хуже тоски ничего быть не может.

Дудукин. Незнамов — и за философию!.. странно.

Коринкина. Что его сглазили, что ли?

Шмага. Сглазили.

Коринкина. Кто же?

Шмага. Приезжая знаменитость.

Коринкина. Да ты врешь. Пошел вон!

Шмага. Нет, уж это верно.

Коринкина. Миловзоров, это надо принять к сведению.

Миловзоров. Примем.

Шмага. Кончено... Прощай, голубчик! Нить потерял.

Миловзоров. А ты не теряешь?

Шмага. Еще бы. Что мне за расчет! Вот я хочу к меценату обратиться с предложением услуг.

Дудукин. Благодарю. Каких услуг, мой друг?

Шмага. Я подозреваю, что у вас есть намерение угостить нас, первых сюжетов, завтраком; по этому случаю вы мне дадите денег; а уж я, так и быть, услужу вам, схожу куплю пирогов, колбаски, икорки и прочего.

Коринкина. Только, пожалуйста, не здесь.

Шмага. Ну, вот еще! Завтрак для первых сюжетов, так мы и пойдем туда, где первые сюжеты одеваются.

Миловзоров. Куда ж это?

Ш м а г а. На верх, на чердак, в общую, где статистам бороды наклеивают.

Д у д у к и н. Услужи, услужи! Подожди немного на сцене, я только повидаюсь с Еленой Ивановной.

М и л о в з о р о в. Да коли увидишь Незнамова, так пошли его сюда.

Ш м а г а *(показывая на сцену)*. Да вон он!

Д у д у к и н и Ш м а г а уходят.

К о р и н к и н а *(у двери)*. Незнамов, зайдите на минуту!

Н е з н а м о в входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К о р и н к и н а, М и л о в з о р о в и Н е з н а м о в.

Н е з н а м о в. Что вам угодно?

М и л о в з о р о в. Здравствуй, Гриша!

Н е з н а м о в. Здравствуй!

К о р и н к и н а. Что вы от нас бегаете?

Н е з н а м о в. От кого: «от нас»?

К о р и н к и н а. Ну, от меня.

Н е з н а м о в *(окидывая ее глазами)*. Да я никогда при вас и не состоял. Этого счастия удостоен не был.

К о р и н к и н а. Кто ж виноват! Вы сами не хотели; вы такой нелюбезный. Не ждете ли вы, что женщины за вами будут сами ухаживать? Хоть это и бывает, да очень редко. Надо, чтоб вы сами...

Н е з н а м о в. Не могу. Я в эту должность не гожусь.

К о р и н к и н а. В какую?

Н е з н а м о в. Ни в пажи, ни в Амишки. Это вот уж их дело. *(Указывая на Миловзорова.)* Что же вам угодно от меня?

К о р и н к и н а. Ах, да ничего особенного; только не будьте таким букой, не удаляйтесь от нашего общества. Ну, что вам за компания Шмага!

Н е з н а м о в. Позвольте, позвольте! Шмагу не трогайте. Во-первых, он весел и остроумен, а вы все скучны; во-вторых, он хоть дрянь, но искренен: он себя за дрянь и выдает; а вы все, извините меня, фальшивы.

К о р и н к и н а. Ах, боже мой, я и не говорю, что мы святые; и у нас есть недостатки: и фальшь, и все, что вам угодно. Да простите нам их, как вы прощаете Шмаге; не судите нас строго!

Незнамов. Простите, не судите. Не хочу я ни судить, ни прощать вас; что я за судья! Я только сторонюсь от вас и буду сторониться, потому что вы сейчас же поставите меня в дураки и насмеетесь надо мной.

Коринкина. Ах, что вы, что вы!

Миловзоров. Ах, Гриша! Зачем такая недоверчивость, мамочка!

Незнамов. В два голоса принялись!

Коринкина. Вы такой милый и водитесь с Шмагой.

Незнамов. Милый? Давно ли? Что вы мне поете? Ведь вы меня не любите?

Коринкина. То есть... не любила.

Незнамов. А теперь полюбили?

Коринкина. Уж вы многого захотели! Разве так прямо спрашивают! *(Смеется.)* При свидетелях я не признаюсь.

Незнамов. Ну, я как-нибудь вас без свидетелей поймаю.

Коринкина. Тогда другое дело.

Незнамов. Говорите ясней, говорите прямо! Что вам нужно?

Коринкина. Скажу, скажу... Только ведь я вас знаю, вы чудак и очень упрямый... Но на этот раз, пожалуйста, чтоб без отказу.

Миловзоров. Да, мамочка, уж сделай милость.

Незнамов. Да говорите!

Коринкина. Я не знаю, как и начать, уж очень боюсь вас. Вот видите ли, Нил Стратоныч звал нас сегодня на вечер.

Незнамов. Так что ж? Мне-то что за дело?

Коринкина. Нет, я боюсь, право, боюсь. Да уж рискну, была не была... Так вот: проводите меня к нему, останьтесь с нами весь вечер и отвезите меня домой! Да ну, решайтесь! Ах, какой тюлень!

Незнамов. Что такое вы выдумываете!

Коринкина. Ну, голубчик, ну, милый Незнамов.

Миловзоров. Да какой Незнамов! Просто Гриша.

Коринкина. Ну, Гриша! Милый, сделай для меня это удовольствие! *(Обнимает и целует Незнамова.)*

Незнамов. Что вы! Что вы! Это что еще за новости?

Коринкина. От души, голубчик, от души.

Незнамов. Ну, коли от души, так другое дело. А он-то? Ведь он у вас постоянный, бессменный...

Коринкина. Он другую даму провожает; да он уж и надоел мне.

Незнамов. Ну, что ж, извольте: я сегодня свободен. Только ведь там скучно.

Коринкина. Мы постараемся развлечь вас. Вот это мило! Вот за это душка! *(Делает ручкой и уходит на сцену.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Незнамов и Миловзоров.

Незнамов. Что это за комедия? Скажи, пожалуйста!

Миловзоров. Никакой комедии, мамочка, все очень просто.

Незнамов. Да зачем именно я ей понадобился? Разве она не могла взять кого-нибудь другого?

Миловзоров. Кого же? Из резонеров или комиков? Разве можно на них рассчитывать? Они и сами не знают, что будет с ними к вечеру. А может быть, мамочка, это женский каприз. Им часто приходит в голову то, чего и не ожидаешь.

Незнамов. Каприз! Не люблю я капризов-то.

Миловзоров. Ах, мамочка, да разве бывают женщины без капризов!

Незнамов. Да ты-то почем это знаешь? Много ли ты женщин видел? И каких? Ты судишь об женщинах по водевилям, где у них, после каждого слова, улыбка к публике и куплет. Что такое нынче у Нила Стратоныча?

Миловзоров. Ничего особенного. Будет бомонд и артисты; всё свои люди; Кручинина будет.

Незнамов. Кручинина? Что ж ты мне прежде не сказал?

Миловзоров. Да об чем говорить-то! Что тут такого необыкновенного, что надо особо докладывать?

Незнамов. А как ты думаешь: Кручинина обыкновенная женщина или нет?

Миловзоров. Актриса, вот и все.

Незнамов. Да актриса-то обыкновенная?

Миловзоров. Публике нравится.

Незнамов. А тебе?

Миловзоров. Говорят, Сара Бернар лучше.

Незнамов. Говорят! А сам-то ты уж ни глаз, ни

смыслу не имеешь? Ну, так я тебе скажу: она и артистка необыкновенная и женщина необыкновенная.

Миловзоров. Артистка — пожалуй! Ну, а женщина... *(Улыбается и пожимает плечами.)*

Незнамов *(строго)*. Что женщина? Договаривай!

Миловзоров. Я думаю, такая же, как и все.

Незнамов. Ведь ты меня знаешь; я на похвалы не очень щедр; а я тебе вот что скажу: я только раз поговорил с ней, и все наши выходки, молодечество, ухарство, напускное презрение к людям показались мне так мелки и жалки, и сам я себе показался так ничтожен, что хоть сквозь землю провалиться. Мы при ней и разговаривать-то не должны! А стоять нам, дурачкам, молча, опустя голову, да ловить, как манну небесную, ее кроткие, умные речи.

Миловзоров. Нет, я со всеми развязен.

Незнамов. О, несчастный!

Миловзоров. Ведь это философия, мамочка!

Незнамов. Замолчи! Сочти так, что ты не слыхал моих слов, что я с этой стеной разговаривал. Ты не знаешь, долго ли Кручинина здесь пробудет?

Миловзоров. Я полагаю, что она скоро уедет.

Незнамов. Почему?

Миловзоров. Да так: открылись некоторые обстоятельства, старые грешки.

Незнамов. Я тебе приказываю говорить об этой женщине с уважением. Слышишь?

Миловзоров. Я бы рад говорить с уважением, если тебе это приятно; но всех молчать не заставишь; я повторяю только чужие слова.

Незнамов. Вы сами же сочинили какую-нибудь гадость, да и расславляете везде. Я вас знаю, вы на это способны. Ты скажи всем, что я обижать ее не позволю, что я за нее...

Миловзоров. Прибьешь? От тебя, мамочка, только того и жди.

Незнамов. Нет, не прибью...

Миловзоров. Не прибьешь, помилуешь?

Незнамов. Я убью до смерти.

Миловзоров *(с испугом)*. Ну, вот, мамочка! Как же можно с тобой разговаривать? Ну тебя! Оставь меня, не спрашивай. Я уйду.

Незнамов. Нет, постой! Ты начал, так договаривай! Только говори правду, одну правду!

Миловзоров. Вот ты сам, мамочка, заставляешь; а начни я говорить, так ты опять...

Незнамов. Нет, говори, говори! Мне нужно знать все. От этого зависит... Не поймешь ты, вот чего я боюсь. Ведь я круглый сирота, брошенный в омут бессердечных людей, которые грызутся из-за куска хлеба, за рубль продают друг друга; и вдруг я встречаю участие, ласку — и от кого же? От женщины, которой слава гремит, с которой всякий считает за счастие хоть поговорить! Поверишь ли ты, поверишь ли, я вчера в первый раз в жизни видел ласку матери!

Миловзоров. Мамочка, это увлечение. Ты, Гриша, влюблен?

Незнамов. Нет, я вижу, что с тобой говорить невозможно. Да вылезь ты из своего дурацкого амплуа хоть на минуту! Это не любовь, это благоговение.

Миловзоров. Ты говоришь, что в первый раз узнал ласку матери? Вот в этом-то ты и ошибаешься.

Незнамов. Что такое? Что за вздор ты говоришь?

Миловзоров. Любовь матери ты можешь искать где угодно, но только не у нее.

Незнамов. Не испытывай ты моего терпения!

Миловзоров. Ее главным образом и обвиняют в том, что она бросает своих детей.

Незнамов. Как бросает?

Миловзоров. Вот здесь, например, несколько лет тому назад она бросила своего ребенка на произвол судьбы и уехала с каким-то барином. Да говорят, это бывало с ней и не один раз.

Незнамов. Кто же ее обвиняет?

Миловзоров. Да все, мамочка. Да чего лучше! Спроси у Нила Стратоныча, он говорил с ней об этом предмете, и она сама ему призналась.

Незнамов. Постой, постой! Это невозможно; нет, это на нее не похоже. У ней в голосе, в разговоре, в манере такая искренность, такая сердечность.

Миловзоров. А ты и растаял, распустил губы-то? Актриса, хорошая актриса.

Незнамов. Актриса, да... но я все-таки тебе не верю...

Миловзоров. Я и уверять не стану; как хочешь!

Незнамов *(задумывается)*. Актриса! актриса! Так и играй на сцене. Там за хорошее притворство деньги

платят. А играть в жизни над простыми, доверчивыми сердцами, которым игра не нужна, которые правды просят... за это казнить надо... нам обмана не нужно! Нам подавай правду, чистую правду! Актриса! *(Задумывается.)* Где Шмага?

Миловзоров. Наверху, в уборной, водку пьет.

Незнамов. Хорошее это занятие. О, как бы я желал, чтобы все это оказалось вздором!

Миловзоров. А если правда?

Незнамов. Ну, тогда я сумею наказать себя за глупую доверчивость; да и еще кой-кому достанется! *(Уходит.)*

Входит Коринкина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Миловзоров, Коринкина, потом Кручинина.

Коринкина. Уходи! Сюда идет Кручинина, она хочет отдохнуть. Что Незнамов?

Миловзоров. Подействовало.

Коринкина. То-то он вышел, как в воду опущенный. Значит, вечером будет спектакль.

Миловзоров. Да, этот вечер будет с финалом; Незнамов эффекты всегда к концу приберегает. *(Уходит.)*

Входит Кручинина.

Коринкина. Пожалуйте! Я уезжаю. Уж извините, у нас все уборные плохи! В моей хоть отдохнуть можно; а в других повернуться негде.

Кручинина. Да, у меня неудобно и дует очень.

Коринкина. Здесь все-таки и знакомых принять можно.

Кручинина. Мне некого.

Коринкина. Как знать! У нас ведь постоянно на сцене публика толчется, случается, что и зайдет кто-нибудь! Так до свидания у Нила Стратоныча! За вами Миловзоров заедет.

Кручинина. Да, я уж просила его.

Коринкина подает руку и уходит. Кручинина садится к столу, вынимает роль и читает. Входит Муров.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кручинина и Муров.
Кручинина оборачивается, встает со стула и на поклон Мурова молча кланяется.

Муров *(с улыбкой)*. Муров, Григорий Львович! Честь имею представиться. *(Кланяется.)* Я вчера два раза заезжал к вам в гостиницу, но не имел счастия заставать. Третьего дня я был в театре; говорить о том впечатлении, которое ваша игра производит на зрителей, я не стану. Это вам и без меня известно, но я был поражен еще необыкновенным сходством, которое вы имеете с одной женщиной, мне когда-то знакомой.

Кручинина. Что же вам угодно?

Муров. Я желаю знать, ошибаюсь я или нет. Театральное освещение, румяна, гримировка — все это так изменяет физиономию, что можно найти сходство и там, где его нет.

Кручинина. Ну, вот я теперь без гримировки. Что же вы находите?

Муров. Я изумлен еще более. Такой игры природы не может быть. Когда смотришь на вас, или надо не верить глазам своим, или, извините, нельзя удержаться от вопроса.

Кручинина. Спрашивайте!

Муров. Вы Любовь Ивановна Отрадина?

Кручинина. Да, я Любовь Ивановна Отрадина.

Муров. Но откуда вы явились, где вы были до сих пор, что делали, как поживали?

Кручинина. Я так полагаю, что вам этого ничего знать не нужно; потому что до вас это нисколько не касается.

Муров. Но откуда ж у вас это имя? Зачем вы явились сюда под чужой фамилией?

Кручинина. Я поступила на сцену, начала новую жизнь, потому и переменила фамилию; это обыкновенно так делается. Я взяла имя и фамилию моей матери. Вы кончили ваши вопросы?

Муров. Вы желаете поскорей отделаться от меня, прекратить разговор и указать мне дверь.

Кручинина. Нет, я жду, когда вы кончите спрашивать.

Муров. Я кончил.

Кручинина. Ну, теперь я вас спрошу. Где мой сын, что вы с ним сделали?

Муров. Да ведь уж я вам писал, что он умер. Разве вы моего письма не получили?

Кручинина. Нет, получила, но вы меня обманули. Он выздоровел, и когда вы мне писали об его смерти, он был жив.

Муров. Если вы это знали, отчего вы не приехали и не взяли его?

Кручинина. Я узнала только вчера. А тогда я не могла приехать, я была очень больна: меня увезли полумертвую. Вы это знали хорошо. Зачем вы меня обманули?

Муров. Один поступок всегда влечет за собой другой. Я боялся, что вы вернетесь, пойдет разговор, может дойти до моей жены и на первых порах рассорит нас.

Кручинина. Ну, это все равно; дело кончено. Куда вы дели моего ребенка? Говорите только правду, я сама кой-что знаю.

Муров. Мы нашли очень хороших, достаточных людей; я им передал сына своими руками и, отдавая, надел тот медальон, который вы мне оставили.

Кручинина. Так он цел, он у него? Там его золотые волосы, там я и записку положила.

Муров. Какую записку?

Кручинина. Так, маленькую. Я записала день его рождения.

Муров. И больше ничего?

Кручинина. Уж теперь не помню.

Муров. Я этого не знал; я думал, что это так, золотая безделушка, не представляющая никакого документа. Ну, да это все равно. Добрые люди обещали мне никогда не снимать с него медальона. Они, вероятно, считали его за какой-нибудь талисман или амулет, имеющий таинственную силу, или за ладанку, которую надевают детям от грыжи.

Кручинина. Что же дальше?

Муров. Они его растили, учили, воспитывали, а сами богатели. Расширили свою торговлю, завели в нескольких губернских городах большие магазины, выстроили себе большой дом, уж не помню хорошенько где — в Сызрани, в Ирбите или в Самаре; нет, кажется, в Таганроге, и переехали туда на житье.

Кручинина. Давно ли это было?

М у р о в. Лет восемь тому назад.

К р у ч и н и н а. А потом вы имели о нем сведения?

М у р о в. Нет. Они просили меня прекратить все сношения с ними. Мы, дескать, воспитали его, он носит нашу фамилию и будет нашим наследником, так уж оставьте нас в покое. Да и в самом деле, если рассуждать здраво, чего лучшего можно ожидать для ребенка без имени. Я мог вполне успокоиться; его участь завидная.

К р у ч и н и н а. Фамилия этого купца?

М у р о в. Я уж забыл. Не то Иванов, не то Перекусихин; что-то среднее между Ивановым и Перекусихиным, кажется, Подтоварников. Если вам угодно, я могу собрать справки. Сегодня же я увижу одного приезжего, который знает всех купцов во всех низовых городах, и сегодня же передам вам. Ведь вы будете у Нила Стратоныча?

К р у ч и н и н а. Да, буду.

М у р о в. Можно сказать вам еще несколько слов, вы позволите?

К р у ч и н и н а. Говорите!

М у р о в. За огорчение, которое я вам причинил, я был наказан жестоко: покойная жена моя сумела из моей жизни сделать непрерывную пытку. Но я все-таки не помяну ее дурным словом; это наказание я заслужил, и притом же она оставила мне огромное состояние. После моей безотрадной жизни, когда я опять увидел вас, старая страсть запылала во мне. Я ведь не юноша, не преувеличиваю своих чувств и научился взвешивать выражения; если я говорю, что запылала, так, значит, действительно запылала, и другого слова для выражения моего чувства нет. Тут только я понял, какое счастие я потерял; это счастие так велико, что я не остановлюсь ни перед какими жертвами, чтоб возвратить его. Вы победили меня, разбили окончательно. Я прошу пощады, прошу мира. Заключимте мир! Я побежденный, вы имеете право диктовать мне условия; я приму их с покорностью, беспрекословно.

К р у ч и н и н а. Как горько это слышать! Вы не даете никакой цены свежему, молодому чувству простой любящей девушки и готовы унижаться перед женщиной пожившей, которой душа уж охладела, из-за того только, что она имеет известность!

М у р о в. Но, Люба, неужели не осталось в тебе ни одной искры прежнего чувства?

К р у ч и н и н а. Здесь нет Любы; перед вами Елена Ивановна Кручинина.

М у р о в. Твое чувство было так богато любовью, так расточительно!

К р у ч и н и н а. Я разучилась понимать такие слова.

М у р о в. Извините! Я знал женщину; теперь передо мной актриса. Я буду говорить иначе. Не угодно ли вам будет посетить меня в моем имении? Не угодно ли вам будет там остаться и быть хозяйкой? Наконец, не угодно ли вам быть госпожою Муровой?

К р у ч и н и н а. На все ваши вопросы я вам буду отвечать тоже вопросом. Где мой сын? И пока я его не увижу, другого разговора между нами не будет. Мне пора на сцену. *(Уходит.)*

М у р о в. До свиданья. *(Идет за Кручининой.)* Я терпелив и надежды не теряю никогда. *(Уходит.)*

Входит Н е з н а м о в, мрачный, останавливается у двери и пристально смотрит на сцену.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Н е з н а м о в, потом Ш м а г а.

Н е з н а м о в *(у двери)*. Шмага, Шмага, поди сюда! Поди сюда, говорят тебе!

Шмага за дверью: «Бить не будешь?»

Да не буду, очень мне нужно об тебя руки марать!

Ш м а г а входит, Незнамов берет его за ворот.

Говори, говори! Что там шепчутся, что говорят обо мне?

Ш м а г а. Постой, не души! Отпусти на минутку, дай вздохнуть! Все скажу, всю правду скажу.

Н е з н а м о в *(выпуская из рук Шмагу)*. Ну, говори!

Ш м а г а. Что говорят-то? Да говорят глупости.

Н е з н а м о в. Это я знаю.

Ш м а г а. А коли знаешь, за что ж сердишься!

Н е з н а м о в. Да ты не рассуждай, а говори, что слышал.

Ш м а г а. Да я, признаться, и не слушал. Зачем слушать-то? Ведь, кроме глупости, я от них ничего не позаимствую; а этого у нас и дома много.

Незнамов. Да они что-то поминали меня и Кручинину и шептались.

Шмага. Да шепотом ли, вслух ли глупости говорить — разве это не все равно?

Незнамов. Да ведь они смеются. Это ужасно, это невыносимо! Ведь по крайней мере с моей-то стороны было искреннее, глубокое чувство. И зачем я рассказал!

Шмага. Ну вот то-то же.

Незнамов. И этот вечер у Нила Стратоныча, о котором они хлопочут! Нет ли тут интриги, нет ли какой-нибудь подлости? Не хотят ли они глумиться над женщиной, которая заслуживает всякого уважения?

Шмага. Уважения, ты говоришь?

Незнамов *(хватаясь за голову)*. Ах, да я и сам не знаю, уважения или презрения.

Шмага. А не знаешь, так не водись ни с ними, ни с ней.

Незнамов. Постой! Представь себе, что человек бедный, самый бедный, который всю жизнь не видал в в руках гроша, нашел вдруг груду золота...

Шмага. Превосходней ничего быть не может!

Незнамов. Погоди! И вдруг эта груда оказывается мусором. Что тогда?

Шмага. Да, если человек жаден, и золото очень мило ему показалось, так после такого превращения уж он непременно зацепит петельку на гвоздик, да и начнет вправлять туда свою шею.

Незнамов. Ну, так слушай!

Шмага *(махнув рукой)*. Философия пошла. Нет, Гриша, нет, ты меня своей философией не май, не томи!

Незнамов. Да ведь есть же разница между добром и злом?

Шмага. Говорят, есть какая-то маленькая; да не наше это дело. Нет, ты меня философией не донимай! А то я затоскую так же, как ты. Направимся-ка лучше в «Собрание веселых друзей».

Незнамов. О, варвары! Что они делают с моим сердцем! Но уж кто-нибудь мне ответит за мои страдания: или они, или она!

Идут к двери.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

КРУЧИНИНА.

КОРИНКИНА.

ДУДУКИН.

МУРОВ.

НЕЗНАМОВ.

МИЛОВЗОРОВ.

ШМАГА.

ГОСТИ И ПРИСЛУГА.

Лунная ночь. Площадка в большом барском саду, окруженная старыми липами; на площадке скамейки и столики ясеневые, на чугунных ножках; на сцену выходит терраса большого дома, у террасы рабатки с цветами и вьющимися растениями. На террасу из дома стеклянная дверь и несколько окон; в доме полное освещение.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На одной скамейке сидят Незнамов и Миловзоров, на другой — Шмага; он смотрит то на луну, то по сторонам, вздыхает и принимает разные позы.

Миловзоров. Что ты, Шмага, вздыхаешь? Чем недоволен, мамочка?

Шмага. На луну сержусь.

Миловзоров. За что?

Шмага. Зачем она на меня смотрит? И какое глупое выражение! Точь-в-точь круглолицая, сытая деревенская девка, которая стоит у ворот, неизвестно чему рада, скалит зубы и во весь рот улыбается.

Миловзоров. Ты, мамочка, не понимаешь поэзии, а я сижу и про себя думаю: «Эка ночь-то!»

Шмага. Как бы хорошо в такую ночь...

Миловзоров. По Волге кататься?

Шмага. Нет, в трактире сидеть.

Миловзоров. Ну, что за вздор! В трактире хорошо зимой. На дворе вьюга или мороз, квартиры у нас, по большей части, сырые или холодные; в трактире светло и тепло.

Шмага. И весело.

Миловзоров. Ну, а летом там душно, мамочка.

Шмага. А ты вели окно открыть; вот тебе и воздух,

и поэзия! Луна смотрит прямо тебе в тарелку; под окном сирень или липа цветет, померанцем пахнет...

Миловзоров. Это от липы-то?

Шмага. Нет, от графина, который на столе стоит. Петухи поют, которых зажарить еще не успели.

Миловзоров. Петухи! Проза, мамочка! Ты, вероятно, хотел сказать: соловьи.

Шмага. Да ведь это по деньгам глядя: много денег, так до соловьев просидишь, а мало, так только до петухов. Соловей зарю воспевает, попоет, попоет вечером да потом опять на заре защелкает; а петух полночь знает, это наш хронометр. Как закричит, значит, наш брат, бедняк, уходи из трактира, а то погонят. *(Смотрит на луну и вздыхает.)* Нет, вот мука-то, я вам доложу! Мы, изволите видеть, к богатому барину в гости приехали! А зачем, спрашивается! Природой любоваться? Сиди да гляди на луну, как волк в зимнюю морозную ночь. Так ведь и волк поглядит, поглядит, да и взвоет таково жалобно. Давай, Гриша, завоем в два голоса! Ты вой, а я подвывать стану с разными переливами; авось хозяин-то догадается.

Незнамов. Тебе, видно, не очень худо; ты еще шутить можешь, а мне, брат, скверно.

Шмага. Ну, и мне не легче.

Незнамов. Ты доберешься до буфета, у тебя и пройдет твое горе.

Шмага. А тебе кто ж мешает?

Незнамов. Мне это средство не поможет; пожалуй, хуже станет.

Миловзоров. Ну, не скажи, мамочка!

Шмага. А ты попробуй, чудак, попробуй!

Незнамов. Не проси; и то, кажется, попробую.

Шмага. Что ж это такое, в самом деле! Назвал человек гостей, а занять их не умеет.

Миловзоров. Ну, уж это ты напрасно, мамочка. Нил свое дело знает. Солидные люди у него играют в карты, молодые разговаривают с дамами.

Шмага. А актеры?

Миловзоров. Чем же актеров занимать? Они сами должны оживлять общество.

Шмага. Так ты прежде нас настрой как следует, подыми тон, придай фантазии, тогда мы и станем оживлять общество.

Миловзоров. Всему свой черед, мамочка. Теперь чай пьют; не хочешь ли чаю?

Шмага. Нет, уж это сами кушайте! *(Вздыхает.)*

Входит Коринкина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Незнамов, Миловзоров, Шмага и Коринкина.

Коринкина. Господа, что же вы удаляетесь от общества? *(Незнамову.)* А вы что надувшись сидите, отчего нейдете к нам?

Незнамов. Зачем я вам понадобился?

Коринкина. Кручинина уж два раза про вас спрашивала. Она очень хорошо о вас отзывается.

Незнамов. Да хорошо ли, дурно ли, это мне все равно. Я вообще не люблю, когда про меня разговаривают. Ах, уж оставили бы вы меня в покое. Точно у вас нет другого разговора!

Коринкина. Да что вы за недотрога! Уж и хорошо-то про вас не смей говорить. Кручинина находит, что у вас талант есть и много души.

Шмага. Ну, душа-то для актера, пожалуй, и лишнее.

Миловзоров. Для комиков — это так; но есть и другие амплуа.

Шмага. Да вот ты каждый день любовников играешь, каждый день в любви объясняешься; а много ль у тебя ее, души-то?

Миловзоров. Я нахожу, что для здешней публики достаточно, мамочка.

Шмага. Для публики достаточно, а для домашнего употребления, брат, мало.

Незнамов. Желал бы я знать, как настоящие великие артисты в обыкновенной жизни себя ведут? Неужели так же притворяются, как на сцене?

Коринкина. Вероятно. Много надо опытности, много надо пожить на свете, чтобы выучиться отличать настоящее чувство от поддельного.

Незнамов. Так, значит, надо ждать, пока состаришься? А до тех пор всё будут тебя обманывать да дураком звать. Покорно вас благодарю. Лучше совсем не верить никому.

Коринкина. Да, пожалуй, что так.

Шмага. Душа-то у Незнамова есть, это правда; да

вот беда-то, смыслу-то у него мало; не знает он, куда ее деть, куда ее расходовать.

Н е з н а м о в. Это ты правду говоришь.

Ш м а г а. А вот я хочу узнать, есть ли у вас душа, Нина Павловна?

К о р и н к и н а. Это что еще за глупость?

Ш м а г а. Я согласен, что меня, актера Шмагу, можно в порядочный дом и не пускать; ну и не пускайте, я не обижусь. Но ежели пустили и тем более пригласили, то надо принять в соображение мой образ жизни и мои привычки. Если у вас есть душа, то распорядитесь...

К о р и н к и н а. Понимаю, понимаю. У меня есть душа, я уж давно распорядилась. Я затем и пришла, чтоб пригласить вас.

Ш м а г а. Пришли с таким приятным известием и молчите до сих пор! Ну, хорошо, что я не умер от нетерпения, а то могло бы возникнуть уголовное дело. *(Подходит к Незнамову.)* Гриша! Брось философию-то, пойдем! Что нам природа: леса, горы, луна? Ведь мы не дикие, мы люди цивилизованные.

Н е з н а м о в. Действительно, брат, скучно. Ну, пойдем, цивилизованный человек. Пойдем в буфет! Пойдем туда, куда влечет меня мой жалкий жребий!

К о р и н к и н а *(Миловзорову, тихо)*. Он, кажется, в ударе. Подогрейте его хорошенько!

М и л о в з о р о в. Постараюсь.

Идут все к дому; навстречу им выходят К р у ч и н и н а и Д у д у к и н.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н е з н а м о в, М и л о в з о р о в, Ш м а г а, К о р и н к и н а, К р у ч и н и н а и Д у д у к и н.

К р у ч и н и н а. Куда же вы, господа? Вы не от меня ли бежите?

К о р и н к и н а. О, нет; они сейчас же вернутся; я их к вам приведу.

Ш м а г а. Бывают в жизни артиста минуты, когда он стремительно спешит к своей цели, как из лука стрела. Остановить его — напрасный труд!

К р у ч и н и н а. Когда же эти минуты бывают?

Ш м а г а. Когда загремят ножами и вилками и скажут: закуска готова.

Незнамов. Пойдем! Довольно тебе паясничать!

Коринкина, Незнамов, Миловзоров и Шмага уходят в дом.

Дудукин. Когда Шмага заговорит о закуске, так до пафоса доходит; он возбуждает аппетит; мы за этим его и приглашаем.

Кручинина. Да, это тоже своего рода талант; но едва ли нужно поощрять такие способности.

Дудукин. Что ж делать! Жизнь-то у нас, в провинции, скучна очень, так будешь рад и Шмаге. Я ведь не проповедник; у меня правило: живи сам и жить давай другим. Вы еще не соскучились у нас, не надоело вам?

Кручинина. Да где ж веселее-то? Везде одно и то же. Но отсюда все-таки мне надо уезжать скорее.

Дудукин. Почему же?

Кручинина. Слишком много волнения я испытываю; здесь все напоминает мне мое печальное прошлое.

Дудукин. Прошлое пора позабыть.

Кручинина. Да уж я было и стала забывать, да вот попала случайно на родину, все и ожило в моей памяти.

Дудукин. Забудьте, забудьте! Пора вам пользоваться своей славой, своими успехами, пора успокоиться на лаврах.

Кручинина. И рада бы успокоиться, да не дают. Я чуть было не умерла вчера.

Дудукин. Неужели? Что же случилось?

Кручинина. Оказалось, что я была обманута самым безжалостным образом. Когда мне писали, что мой сын умер, он был жив, он выздоровел. Его отдали кому-то в приемыши.

Дудукин. Кому же?

Кручинина. Ничего неизвестно, никто не знает. У кого только можно было спросить, я спрашивала. Некоторые помнят, что действительно были какие-то приезжие купцы или мещане, а кто говорит, что и господа, что взяли ребенка и уехали; а куда — никто не знает. Так и следов не осталось.

Дудукин. Где ж теперь следов искать! Кому ребенок мешал, кому нужно было его спрятать, так уж, поверьте, спрятали хорошо.

К р у ч и н и н а. Так вы думаете, что это сделано умышленно, что его хотели сбыть с рук?

Д у д у к и н. Без сомнения. А то зачем же было писать вам, что он умер?

К р у ч и н и н а. Да, конечно. Ну, вот видите ли... А вы всё советуете успокоиться.

Д у д у к и н. Да и думать-то об одном и том же что хорошего! Пользы никакой не будет, ничего не придумаете, а с ума сойти можно.

К р у ч и н и н а. Да, можно, можно; я теперь понимаю, что даже легко сойти с ума.

Д у д у к и н. А вы положитесь на судьбу! Коли суждено вашему сыну найтись, так он найдется.

М у р о в показывается на террасе.

А пока будем жить и веселиться! Жизнь для радостей дана.

Входит Муров.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К р у ч и н и н а, Д у д у к и н и М у р о в.

М у р о в. Там последний роббер кончили; новая партия составляется.

Д у д у к и н. Извините! Я побегу, усажу господ играющих и сейчас же возвращусь. *(Уходит.)*

М у р о в. Вы мне позволите побеседовать с вами?

К р у ч и н и н а. Вы имеете что-нибудь сообщить мне?

М у р о в. Имею; но, к сожалению, известие не совсем приятное.

К р у ч и н и н а. Ничего, говорите! Я приятными известиями не избалована.

М у р о в. Я видел того человека, о котором давеча говорил вам.

К р у ч и н и н а. Что же вы узнали от него?

М у р о в. Что этот купец Простоквашин...

К р у ч и н и н а. Вы, кажется, говорили: Иванов?

М у р о в. Я давеча ошибся, а потом вспомнил. Так вот-с что: купец Простоквашин вместе с приемышем своим, года три или четыре тому назад, уехали в Астрахань по своим торговым делам; оба там захворали какой-то заразительной болезнью и умерли.

К р у ч и н и н а. Если это и правда, то ведь осталась вдова. Уж вам лучше сказать, что все умерли.

М у р о в. Нет, как можно! Зачем ей умирать! Помилуйте! Вдова осталась, непременно осталась.

К р у ч и н и н а. Где ж она, что ж она?

М у р о в. А она, должно быть, с огорчения, вышла замуж за молодого человека, за своего приказчика.

К р у ч и н и н а. Как ему фамилия?

М у р о в. Это неизвестно; впрочем, легко узнать: стоит только спросить, за кого вышла замуж вдова купчиха Непропёкина.

К р у ч и н и н а. Вы сейчас только сказали, что фамилия этого купца Простоквашин, а теперь уж Непропёкин!

М у р о в. Как, неужели? Впрочем, спорить не смею; я очень часто перепутываю фамилии.

К р у ч и н и н а. Теперь еще вопрос: во всем том, что вы мне говорили давеча и теперь, есть сколько-нибудь правды?

М у р о в *(смеется)*. Вопрос категорический! Не сомневайтесь! Есть!

К р у ч и н и н а. Что же именно?

М у р о в. Что сын ваш умер, что его давно нет на свете, и пора забыть все это дело.

К р у ч и н и н а. Забывайте; я вам не мешаю.

М у р о в. Нет, я вам советую. Занимайтесь своим делом артистическим, благо оно идет у вас так успешно. Вы не семнадцатилетняя девочка; вам уж пора бросить сентиментальность, пора иметь рассудок и смотреть на жизнь серьезнее.

К р у ч и н и н а. Как вы осмеливаетесь давать мне советы!

М у р о в. Вы меня сами вынудили. Вы тут ездите по городу, расспрашиваете, нашли какую-то полоумную старуху... Приятно ли мне это — подумайте! Я один из самых крупных землевладельцев, у нас скоро выборы, я баллотируюсь на видную должность, а вы тут заводите сплетни; так и жди какого-нибудь скандала.

К р у ч и н и н а. Да какое мне дело до вас? Я ищу своего сына; мне запретить никто не может.

М у р о в. Вот что! Я еще раз предлагаю вам бросить всю эту мелодраму и помириться со мной на самых выгодных для вас условиях. А если не хотите, так по крайней мере уезжайте отсюда.

К р у ч и н и н а. Я не хочу ни того, ни другого. Я обя-

зана сыграть здесь еще два спектакля, и сыграю их, и уеду тогда, когда мне заблагорассудится.

М у р о в. Обязаны! Что за обязательства! Сборы здешние, что ли, вас очень прельщают? Так я вам заплачу, заплачу и антрепренеру.

К р у ч и н и н а. Вы уж заплатили мне злом за добро, а за зло, которое вы мне сделали, у вас не хватит состояния заплатить мне. Я не так богата, как вы, а готова заплатить, что угодно, чтоб только не видать вас, чтоб вы не встречались мне никогда. Я избегала вас, вы сами меня нашли.

М у р о в. Вот видите ли, я бы для вас и даром уехал отсюда, без всякой платы, да мне нельзя. Я здешний обыватель, здесь все мои интересы, а у вас что здесь? Только одни фантазии. Так фантазировать можно и во всяком другом месте. Послушайте, не ссорьтесь со мной! Вам это будет невыгодно: я человек сильный, у меня большая партия.

К р у ч и н и н а. Я не боюсь вас. Я знаю, что вы способны на все; но хуже того, что вы сделали, вам уж не придумать.

М у р о в *(пожимая плечами)*. Ну, как угодно.

Входит Д у д у к и н.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К р у ч и н и н а, М у р о в и Д у д у к и н.

Д у д у к и н. Вот я и опять у ваших ног. Угодно вам погулять по саду?

К р у ч и н и н а. Нет, здесь свежо. Я пойду в комнаты. Не провожайте меня, я и одна дорогу найду.

Д у д у к и н. Ну, как вам угодно.

К р у ч и н и н а уходит.

М у р о в. Нил Стратоныч, скажите, пожалуйста, этот молодой актер, которого я сейчас у вас видел, имеет способности?

Д у д у к и н. Да, кажется. Жаль только, что поучиться ему не у кого, образцов не видит, так и застрянет в провинции. А теперь-то бы и учиться, пока молод.

М у р о в. Ну, на вид-то он не очень молод.

Д у д у к и н. Беспорядочная жизнь, кутежи, бессонные ночи их рано старят.

М у р о в. А как вы полагаете, сколько ему лет?

Д у д у к и н. Да лет двадцать с чем-нибудь, никак не больше.

М у р о в. Не может быть. Ему, я полагаю, под тридцать.

Д у д у к и н. Почему вы спросили о нем?

М у р о в. Да уж очень он ведет себя развязно, громко говорит, судит решительно.

Д у д у к и н. Ну, уж не взыщите! Это их манера, держать себя не умеют.

М у р о в. Беседку-то вы перестроили?

Д у д у к и н. Перестроил, и эстраду для музыкантов выстроил.

М у р о в. А кто он, этот артист, и откуда?

Д у д у к и н. Фамилия его Незнамов; а откуда он, кто ж его знает. Да что он вас интересует?

М у р о в. Нет, я так спросил. В нем что-то такое есть. Видно, что он не простого происхождения.

Д у д у к и н. Ну, происхождения-то своего он и сам не знает.

М у р о в. Напрасно вы их пускаете.

Д у д у к и н. С ними как-то веселее. Да кому ж они мешают? Я не знаю, со мной они всегда очень учтивы.

М у р о в. С вами, этого мало. Надо, чтоб они со всеми были учтивы. Я ему заметил, что прежде молодые люди были гораздо почтительнее к старшим, а он имел дерзость возражать. Вероятно, говорит, старики прежде были умнее и почтеннее. Глупый ответ. Так вы говорите, что ему лет двадцать?

Д у д у к и н. Да, около того.

М у р о в. Вы пруд вычистили?

Д у д у к и н. Вычистил и рыбы напустил, теперь и не узнаете.

М у р о в. Любопытно взглянуть.

Д у д у к и н. Пойдемте!

Идут в глубину сада.

Из дома выходит К о р и н к и н а, за ней М и л о в з о р о в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К о р и н к и н а и М и л о в з о р о в.

М и л о в з о р о в. Куда вы устремляетесь?

К о р и н к и н а. Нужно сказать несколько слов Нилу Стратонычу.

М и л о в з о р о в. Еще успеете.

К о р и н к и н а. Да ты что, в нежном настроении, что ли?

М и л о в з о р о в. Есть тот грех; теперь я и нежен, и красноречив, и умен, кажется, а вы от меня бежите.

К о р и н к и н а. Ну, да мало ль что? Ты представь, что мне теперь не до тебя. Что Незнамов, все скромничает?

М и л о в з о р о в. Нет, разрешил. Они с Шмагой так и не отходят от стола. Кругом их собралось большое общество; Шмага острит, а Незнамов всякого, кто чуть заважничает, вздумает говорить свысока или подтрунить над ними, так и режет, как бритвой. А кругом них публика так и грохочет. У них там пир горой, разливанное море. Тот говорит: «Со мной, господин Незнамов, выпьемте!» Другой говорит — со мной! А Шмага только приговаривает: «И я с вами за компанию».

К о р и н к и н а. Однако я тут толкую с тобой, а мне надо видеть Нила Стратоныча.

М и л о в з о р о в. Да вон он, кажется, сюда идет. Кручинина раза два заглядывала в столовую; заслышит монологи Незнамова и назад.

К о р и н к и н а. Надо послать к ней Нила Стратоныча, а то она уедет, пожалуй. Я уж заметила, что она скучать начинает.

Входит Ш м а г а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К о р и н к и н а, М и л о в з о р о в и Ш м а г а.

Ш м а г а. Вот теперь наслаждаться природой можно. Теперь и луна поумней смотрит.

М и л о в з о р о в. А Незнамов где?

Ш м а г а. Все там же.

М и л о в з о р о в. Что же ты, мамочка, его оставил?

Ш м а г а. Поди ты к нему, коли тебе охота; он хоть и друг мне, а в такие минуты я стараюсь держать себя поодаль.

М и л о в з о р о в. Друг, а боишься; хорош, мамочка!

Ш м а г а. Ну, сунься поди! Вон он идет; хочешь, натравлю?

М и л о в з о р о в. Нет, нет, мамочка, оставь, пожалуйста, оставь!

Входит Н е з н а м о в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Коринкина, Миловзоров, Шмага и Незнамов.

Незнамов *(Коринкиной)*. А! Вы здесь!

Коринкина. Здесь. Где же мне быть прикажете?

Незнамов. Да мне все равно. А все-таки я вас люблю, я влюблен в вас.

Коринкина. Покорно вас благодарю.

Незнамов. А вы меня любите?

Коринкина. А вы как думаете?

Незнамов. Да как думать? Почем я знаю.

Коринкина. Догадайтесь!

Незнамов. Ну, вот еще, очень нужно мне догадываться. Говорите прямо, начистоту!

Коринкина. Как же, дожидайтесь! Да с чего вы взяли так со мной разговаривать?

Незнамов. Отчего ж не разговаривать?

Коринкина. Да не смейте, вот и все!

Незнамов. Сметь-то, положим, я смею. А знаете ли, ведь вы лучше того, чем я о вас думал.

Коринкина. А что же вы обо мне думали?

Незнамов. Спрашиваете?

Коринкина. Да, спрашиваю.

Незнамов. Я думал, что вы уж совсем никакого интереса не представляете; так все равно, что ничего.

Коринкина. Ах, боже мой! Скажите, пожалуйста! Во-первых, милостивый государь, вы еще очень молоды, чтобы разбирать и ценить людей; вы еще мальчишка...

Незнамов. Да, это во-первых, а во-вторых что? Во-вторых-то и не скажете! Хотите, я научу?

Коринкина. Не нуждаюсь.

Незнамов. Да ведь не скажете. Женщина, когда рассердится, так воображает, что может наговорить ужасно много горьких истин. Начнет торжественно: «Во-первых», да в пяти словах все и выскажет; дальше содержания-то и не хватает. «Во-вторых», «во-вторых», а сказать-то нечего.

Коринкина. Ах, какой противный!

Незнамов. Но и тут они не теряются. Когда у них ни слов, ни соображения не хватает, так они браниться начинают. А во-вторых, скажут: «Ты дурак, невежа». Так, что ли?

Коринкина. Так точно. А во-вторых, ты невежа!

Незнамов. Вот за это мерси! Как вы натурально сердитесь, это хорошо.

Коринкина. А если в другой раз будете подобные глупости говорить, так будет еще натуральнее; я такую залеплю...

Незнамов. Отчего же в другой раз, а не теперь?

Коринкина. Не хочу, вот и все.

Незнамов. Нет, пожалуйста! Ну, я вас прошу. Ну, что вам стоит. Авось труд-то не велик.

Коринкина. Да у меня уж сердце прошло. Теперь это будет в шутку, а я хочу серьезно.

Незнамов. Ну, хоть в шутку.

Коринкина. Да что вы пристаете? Ну, вот вам! *(Треплет Незнамова ласково по щеке.)*

Незнамов. А! Так вы вот как! Ну, теперь берегитесь! Теперь я имею полное право...

Коринкина. Что еще? Какое право?

Незнамов. Поцеловать вас. Чем же еще я могу отплатить женщине за оскорбление?

Коринкина. Да что ты, с ума, что ль, сошел?

Незнамов. Да нет, уж кончено, какие тут разговоры.

Коринкина. Да что вы, Незнамов, что за глупости! Вон Нил Стратоныч идет.

Незнамов. Вот только разве Нил-то Стратоныч, а то бы!.. Ну, да ведь вместе домой-то поедем.

Входит Дудукин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Коринкина, Миловзоров, Шмага, Незнамов и Дудукин.

Коринкина. Нил Стратоныч, что же вы Кручинину оставили; она, кажется, домой сбирается.

Дудукин. Как домой! Нет, нет, без ужина нельзя. Удержите ее как-нибудь, мое сокровище!

Коринкина. Да она меня не послушает.

Дудукин. Так пойдемте вместе ее уговаривать.

Коринкина. Пойдемте! Подождите минутку! *(Обращаясь к Незнамову и Шмаге.)* Господа, за ужином и вообще при Кручининой, пожалуйста, не заводите никакого разговора о детях.

Незнамов. О детях? Что такое? Почему?

Дудукин. Ах, да, да, да! Ни под каким видом, господа, ни под каким видом!

Незнамов. Ведь это странно! А если к слову придется? Ну, наконец, войдет мне в голову такая фантазия?

Дудукин. Нет, уж я прошу вас в виде личного для меня одолжения. Я, как хозяин, забочусь, чтобы не было ничего неприятного для моих гостей.

Незнамов. О детях нельзя; а о совершеннолетних можно?

Дудукин. Сделайте одолжение.

Шмага. Нет, Гриша, давай уж лучше о дедушках и бабушках говорить.

Незнамов *(громко смеется)*. Ха-ха-ха! Именно! Ну, вы можете быть покойны: мы будем говорить о таком возрасте, который очень далек от детского.

Дудукин и Коринкина уходят.

Что за новости, что за дикие распоряжения? Это какая-то новая игра? Ужин с особой программой для разговора!

Миловзоров. Да разве ты забыл, мамочка, что я тебе давеча говорил?

Незнамов. Ах, да. Понимаю теперь. *(Хватается за голову.)*

Миловзоров. Значит правда; а ты меня, мамочка, убить хотел.

Незнамов. Эка важность! Хоть бы и убили тебя! Ну, чего ты стоишь?

Шмага отходит довольно далеко.

Вот я очень бы доволен был, кабы меня убил кто-нибудь. Эй, Шмага, что ты бегаешь от меня, чего ты боишься?

Шмага *(издали)*. Учен, так и боюсь.

Незнамов. Поди сюда, болтай что-нибудь.

Шмага. Да что болтать-то? Остроумие что-то на вольном воздухе улетучиваться начинает, подбавить бы его нужно.

Незнамов. А вот погоди, мы подбавим. Надо, брат, Шмага, пользоваться случаем. Не всегда нас с тобой приглашают в порядочное общество, не всегда обращаются с нами по-человечески. Ведь мы здесь такие же гости, как и все.

Шмага. Да, это не то, что у какого-нибудь «его степенства», где каждый подобный вечер кончается не-

пременно тем, что хозяина бить приходится, уж без этого никак обойтись нельзя.

Н е з н а м о в. Да, здесь нам хорошо! А ведь мы с тобой ведем себя не очень прилично и, того гляди, скандал произведем. То есть скандал не скандал, а какой-нибудь гадости от нас ожидать можно.

Ш м а г а. Похоже на то. Что ж делать-то! Из своей шкуры не вылезешь.

Выходят Д у д у к и н, К р у ч и н и н а, К о р и н к и н а; за ними д в а л а к е я: один с бутылками шампанского, другой с стаканами на подносе, и ставят вино и посуду на столах. Из глубины сада выходит М у р о в, из дома выходят г о с т и, которые частью остаются на террасе, а частью располагаются отдельными группами на площадке сада.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Н е з н а м о в, М и л о в з о р о в, Ш м а г а, Д у д у к и н, К р у ч и н и н а, К о р и н к и н а и М у р о в, г о с т и и л а к е и.

Д у д у к и н. Помилуйте, Елена Ивановна, в кои-то веки дождались такого счастья, что видим вас в нашем обществе; ведь я о вашем посещении на стенке запишу золотыми буквами, а вы нас покидать собираетесь.

К р у ч и н и н а. Я очень вам благодарна, Нил Стратоныч, и с удовольствием бы осталась, да не могу. Ведь только сегодня свободный вечер у меня, а то каждый день спектакль, мне отдохнуть нужно.

Д у д у к и н. Да еще успеете, успеете и дома быть и отдохнуть; уделите нам хоть полчасика!

К р у ч и н и н а. Не могу, Нил Стратоныч, не могу. Я вот прощусь с товарищами, найду своего кавалера и поеду.

Д у д у к и н. Нет, нет, без надлежащих проводов мы все-таки вас не выпустим. Надо обряд исполнить как следует. Присядьте вот на диванчик! Вы распорядились, Нина Павловна?

К о р и н к и н а. Да, вот готово. *(Лакеям.)* Давайте!

Подают шампанское.

К р у ч и н и н а. Это напрасно, Нил Стратоныч; я вина не пью, мне вредно.

Д у д у к и н. Без этого нельзя; у нас почетных гостей

всегда так провожают! Пожалуйте! Ну, хоть немножко, сколько можете.

Кручинина берет стакан вина.

Господа, пожалуйте, по стаканчику. Выпьем за здоровье Елены Ивановны.

Муров. Я охотно принимаю ваше предложение; я еще не успел поблагодарить Елену Ивановну за наслаждение, которое она нам доставила своим талантом.

Все берут стаканы.

Дудукин. Господа, я предлагаю выпить за здоровье артистки, которая оживила заглохшее стоячее болото нашей захолустной жизни. Господа, я реторики не знаю, я буду говорить просто. У нас, людей интеллигентных, в провинции только два занятия: карты и клубная болтовня. Так почтим же талант, который заставил нас забыть наше обычное времяпровождение. Мы спим, господа, так будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают нам о том идеальном мире, о котором мы забыли.

Голоса: «Браво, браво!»

Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами: с умом, с сердечной добротой, с душевной чистотой, он представляется нам уже таким явлением, перед которым мы должны преклоняться. Господа, выпьем за редкий талант и за хорошую женщину, Елену Ивановну!

Все чокаются стаканами с Кручининой и пьют.

Незнамов *(чокнувшись с Шмагой)*. Шмага, мы выпьем за хорошую актрису, а за хороших женщин пить дело не наше. Да и кто их разберет, хорошие они или нет.

Дудукин. Незнамов, что вы!

Незнамов. Виноват.

Кручинина. Я за свои труды уже достаточно вознаграждена и нравственно и материально. Господа, честь, которую вы мне оказываете, я обязана разделить с моими товарищами. Господа, я предлагаю тост за всех служителей искусства, за всех труже-

никоз на этом благородном поприще, без различия степеней и талантов!

Д у д у к и н. Справедливо, прекрасно, благородно! Нина Павловна, Миловзоров, Незнамов, Шмага! За ваше здоровье!

М у р о в. За ваше здоровье, господа!

Ш м а г а. Наконец-то и я сподобился, что за мое здоровье пьют.

К р у ч и н и н а. Ну, теперь уж, Нил Стратоныч, я поеду, мне пора.

Н е з н а м о в. Нет, куда ж вы! Нет, позвольте! Так нельзя. Надо еще тост предложить. *(Громко.)* Эй! Дайте вина! Вы уж мне позвольте сказать несколько слов; я вас не задержу, не задержу. Мне только бы сказать то, что у меня на душе; не хочется, чтобы оно так оставалось.

К р у ч и н и н а. Сделайте одолжение! Мне будет очень приятно послушать вас; да я надеюсь, что и всем тоже.

Н е з н а м о в. Господа, я получил позволение говорить и потому прошу не перебивать меня.

Д у д у к и н. Говорите!

М и л о в з о р о в и Ш м а г а. Говори, говори!

Н е з н а м о в. Господа, я предлагаю тост за матерей, которые бросают детей своих.

Д у д у к и н. Перестаньте, что вы, что вы!

К р у ч и н и н а *(пораженная)*. Нет, говорите, говорите!

Н е з н а м о в. Пусть пребывают они в радости и веселии, и да будет усыпан путь их розами и лилеями. Пусть никто и ничто не отравит их радостного существования. Пусть никто и ничто не напомнит им о горькой участи несчастных сирот. Зачем тревожить их? За что смущать их покой? Они всё, что могли, что умели, сделали для своего милого чада. Они поплакали над ним, сколько кому пришлось, поцеловали более или менее нежно. И прощай, мой голубчик, живи, как знаешь! А лучше бы, мол, ты умер. Вот что правда, то правда: умереть — это самое лучшее, что можно пожелать этому новому гостю в мире. Но не всем выпадает такое счастье. *(Склоняет голову и на мгновенье задумывается.)* А бывают матери и чувствительнее; они не ограничиваются слезами и поцелуями, а вешают своему ребенку какую-нибудь золотую безделушку: носи и помни обо мне! А что

бедному ребенку помнить? Зачем ему помнить? Зачем оставлять ему постоянную память его несчастия и позора? Ему и без того каждый, кому только не лень, напоминает, что он подкидыш, оставленный под забором. А знают ли они, как иногда этот несчастный, напрасно обруганный и оскорбленный, обливает слезами маменькин подарок? Где, мол, ты ликуешь теперь, откликнись! Урони хоть одну слезу на меня! Мне легче будет переносить мои страдания, мое отчаяние. Ведь эти сувениры жгут грудь.

Кручинина бросается к Незнамову и достает с его груди медальон.

Кручинина. Он, он! *(Шатается и падает без чувств на диван.)*

Все окружают ее.

Дудукин. Ах, боже мой, она умирает! Доктора, доктора! Вы ее сын. Вы убили ее!

Незнамов. Я ее сын?

Дудукин. Да. Сколько лет она искала вас! Ее уверили, что вы умерли. Но она ждала какого-то чуда. Она постоянно видела вас в своих мечтах, разговаривала с вами.

Незнамов. У ней не было других детей?

Дудукин. Что вы, что вы!

Незнамов. А как же мне сказали? Господа, зачем же вы меня обманули?

Коринкина. Тише, тише, она приходит в себя.

Незнамов. Господа, я мстить вам не буду, я не зверь. Я теперь ребенок. Я еще не был ребенком. Да, я ребенок. *(Падает на колени перед Кручининой.)* Матушка! Мама, мама!

Кручинина *(приходя в себя)*. Да, он тянул свои ручонки и говорил: мама, мама!

Незнамов. Я здесь.

Кручинина. Да, это он... Гриша, мой Гриша! Какое счастье! Как хорошо жить на земле. *(Гладит Незнамова по голове.)* Господа! Не обижайте его, он хороший человек. А вот теперь он нашел свою мать и будет еще лучше.

Незнамов *(тихо)*. Мама, а где отец?

Кручинина. Отец... *(Оглядываясь кругом.)*

Муров отворачивается.

Отец... *(Нежно.)* Твой отец не стоит того, чтоб его искать. Но я бы желала, чтоб он посмотрел на нас. Только бы посмотрел; а нашим счастием мы с ним не поделимся. Зачем тебе отец? Ты будешь хорошим актером, у нас есть состояние... А фамилия... Ты возьмешь мою фамилию и можешь носить ее с гордостью; она нисколько не хуже всякой другой.

Д у д у к и н. Я думал, что вы умерли!

К р у ч и н и н а. От радости не умирают. *(Обнимает сына.)*

Семейные
сцены
в трех
действиях

НЕ ОТ МИРА СЕГО

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ КОЧУЕВ,
важный господин, средних лет, служащий в частном банке.

КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА,
его жена.

МАКАР ДАВЫДЫЧ ЕЛОХОВ,
пожилой человек, проживший большое состояние.

ФИРС ЛУКИЧ БАРБАРИСОВ,
молодой человек, по наружности и манерам очень скромный.

АРДАЛИОН МАРТЫНЫЧ МУРУГОВ,
богатый барин, живущий очень широко.

ХИОНИЯ ПРОКОФЬЕВНА,
экономка.

МАРДАРИЙ,
лакей.

Кабинет, изящно меблированный; большой письменный стол, заваленный бумагами, шахматный столик и проч. Две двери: прямо — в большую приемную залу; направо от актеров — в уборную Кочуева.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Елохов входит из приемной, Мардарий входит из уборной с подносом, на котором пустая бутылка шампанского.

Елохов. Что это? Шампанское пьют? Пивали и мы шампанское, пивали, друг, пивали. Кто там у него?

Мардарий. Ардалион Мартыныч. Уж извольте немножко подождать.

Елохов. Посылал ведь он за мной.

Мардарий. Знаю-с. Да приказывали, как придет, говорят, Макар Давыдыч, так попроси подождать в кабинете.

Елохов. Делами занимаются?

Мардарий. Так точно-с.

Елохов. Важными, должно быть?

Мардарий. Само собою-с. Уж важнее наших делов нет-с. Потому как через ихние руки большие миллионы свой оборот имеют. При таком колесе без рассмотрения нельзя: каждая малость рассудка требует.

Елохов. То-то они, должно быть, для рассудка шампанское-то и пьют.

Мардарий. Да, ведь уж Ардалион Мартыныч без этого напитку не могут; они даже во всякое время-с. Как они приезжают, так уж мы и знаем-с, без всякого приказания.

Елохов *(садясь)*. Эх, эх! Пивали, друг, и мы.

Мардарий. Как не пить-с! Да отчего ж господам и не кушать, если есть такое расположение? Хмельного в шампанском нет; только одно звание, что вино; и пьют его больше для прохлаждения: так не с пивом же или квасом сравнять. Да хоть бы и лимонад... Пьешь его — сладко, а выпил — пустота какая-то. Конечно, другой в деньгах стеснение видит, так уж тому ни в чем развязки нет; весь человек связан.

Елохов. Какая уж развязка без денег!

Мардарий. Потому крыльев нет. И рад бы полететь, да взяться нечем.

Елохов. Полететь-то и без крыльев можно; влезь на колокольню повыше, да и лети оттуда. Одна беда: без крыльев сесть-то на землю хорошенько не сумеешь: либо плашмя придешься, либо вниз головой.

Мардарий. Это точно-с. А Ардалиону Мартынычу стеснять себя какая оказия, коли у них состояние даже сверх границ! И характер у них такой: что им в голову пришло, сейчас подай! О цене не спрашивают. Тоже иногда послушаешь их разговор-то...

Елохов. А что?

Мардарий. Да уж очень хорошо, барственно разговаривают. Спрашивают как-то барин у Ардалиона Мартыныча: «А ведь ты, должно быть, в год много денег проживаешь?» А Ардалион Мартыныч им на ответ: «А почем я знаю. Я живу, как мне надобно, а уж там в конторе сочтут, сколько я прожил. Мне до этого дела нет». Так и отрезали; значит, шабаш, кончен разговор. Благородно. *(Прислушиваясь.)* Кажется, идут-с. *(Уходит в среднюю дверь.)*

Из боковой двери выходят Кочуев и Муругов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Елохов, Кочуев и Муругов.

Кочуев. Макар, здравствуй!

Елохов. Здравствуй! *(Кланяется Муругову; тот молча подает ему руку.)*

М у р у г о в *(Кочуеву)*. Ну, так как же, Виталий Петрович?

К о ч у е в. Не могу, никак не могу; уж я вам сказал. Прошу у вас отпуска по домашним обстоятельствам.

М у р у г о в. Что такое за «домашние обстоятельства»? Я этого не понимаю. Дом, домашние обстоятельства! Что вы птенец, что ли, беззащитный? Те только боятся из гнезда вылететь. У порядочного человека везде дом: где он, там и дом.

Е л о х о в *(Кочуеву)*. Куда это тебя манят?

М у р у г о в. Пикник у нас завтра, легкий обед по подписке.

Е л о х о в. А позвольте узнать, почем с физиономии?

М у р у г о в. Рублей по триста выйдет. Не угодно ли?

Е л о х о в. Ого! Было время, не отказался бы, а теперь не по карману.

М у р у г о в. Недорого: с дамами; букеты дамам прямо из Ниццы, фрукты, рыба тоже из Франции. Разочтите!

К о ч у е в. Не зовите его; он у нас философ.

Е л о х о в. «Философ»! Пожалуй, и философ, да только поневоле.

М у р у г о в. Как поневоле?

Е л о х о в. Прожил состояние, вот и философствую. Что ж больше-то делать? Все-таки, занятие. А будь у меня деньги, так кто б мне велел? С деньгами философией заниматься некогда, другого дела много. А без денег у человека досуг; вот от скуки и философствуй!

К о ч у е в. Нет, уж дня два-три, а может быть, и неделю, я не ваш. Деньги, если угодно, я заплачу, а быть не могу.

М у р у г о в. Что вы! Да разве нам деньги нужны? Нам люди нужны. Скучно будет без вас.

К о ч у е в. Не могу, решительно не могу.

М у р у г о в. Ну, как хотите. После сами будете жалеть.

К о ч у е в. Знаю, знаю, что буду жалеть, да что ж делать!

М у р у г о в. Я все-таки завтра за вами заеду: может быть, и надумаете. До свиданья! *(Подает руку Кочуеву и Елохову и уходит.)*

Кочуев его провожает и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елохов, Кочуев, потом Мардарий.

Е л о х о в. Ты посылал за мной; ну, вот я и пришел. Зачем я тебе понадобился? В шахматы, что ли, играть? Так давай! Я сегодня в расположении, триста рублей выиграю и запишусь на пикник.

К о ч у е в. Нет, какие шахматы! Я хочу поделиться с тобой радостью.

Е л о х о в. Двести тысяч выиграл?

К о ч у е в. Больше. Жена приедет.

Е л о х о в. Когда?

К о ч у е в. Да сейчас или завтра. Сегодня утром депешу получил.

Е л о х о в. Да, действительно радость. Ну, поздравляю! А я было уж думал...

К о ч у е в. Что?

Е л о х о в. Да нехорошо.

К о ч у е в. И я было думал, что нехорошо...

Е л о х о в. Да скажи, пожалуйста, что у вас вышло? Отчего она из-за границы не вернулась к тебе, а проехала прямо в деревню?

К о ч у е в. А вот слушай! Вся моя беда в том, что я женился на очень добродетельной девушке. Это была большая ошибка. На таких девушек надо любоваться издали, а в жены они нам не годятся.

Е л о х о в. Ну, это парадокс! Во-первых, на них расходу меньше.

К о ч у е в. Что расходы! Расходы не важное дело. А каково иметь перед собой ежеминутно строгого цензора нравов! Ты ждешь от жены наивности, веселости, ласки, а она тебе в душу глядит, точно допрашивает. Ты знаешь, теща моя очень богата, но порядочная ханжа, женщина с предрассудками и причудами какого-то особого старообрядческого оттенка. В таких же понятиях воспитала она и дочерей. Сама-то она из купеческого рода, только была замужем за генералом. При жизни-то его она молчала, рта не смела разинуть, а как муж умер, она вздумала быть генеральшей; ну, и чудит. Мне Ксения понравилась, да и денег обещали за ней очень много, соблазн был очень велик. Я понадеялся на себя, думал, что сумею перевоспитать ее, изменить ее взгляд на жизнь и заставить жить, как все люди

живут. Не тут-то было: она оказалась сильнее меня. У них есть своего рода логика, с которой бороться трудно.

Е л о х о в. Сильны-то у них капризы, а логики им не полагается.

К о ч у е в. Нет, логика. Да вот тебе пример. Уговорил я ее ехать в оперетку. По-моему, хорошо исполненная оперетка самое лучшее средство для развития женщин застенчивых и очень скромных. Тогда приехала из Парижа какая-то опереточная знаменитость. Играли какую-то разудалую пьесу, живо, остроумно, изящно. Только одну арию, довольно скабрёзного содержания, героиня сопровождала уж очень смелыми жестами, по-парижски, ничем не стесняясь. В театре поднялась буря, грохот; стон стоит от восторга; заставляют повторить. Жена моя вся вспыхнула и обратилась ко мне с вопросом: «Что, это хорошо?» Я, знаешь, стал так и сяк оправдывать и актрису, и публику, и этот род представлений. Она ничего слушать не хочет, уставила на меня глаза в упор и твердит одно: «Нет, ты скажи, хорошо это или нет?..» Куда ж тут деваться? Нет, говорю, не хорошо. А если, говорит, не хорошо, так зачем же ты повез меня, зачем и сам ездишь?

Е л о х о в. Да, это действительно логика.

К о ч у е в. Потом я начал было ее современными натуральными романами просвещать. Романы она покидала под стол, а один маменьке свезла. От той мне такой нагоняй был, что я не знал, как ноги унести. Тут скоро прослышала она про мои закулисные грешки в оперетке. В этом услужил мне один милый юноша; он вертится кругом моей тещи, за сестрой моей жены ухаживает, то есть за ее приданым. Поднялась буря. Я думал отразить нападение нападением, стал упрекать в ревности, доказывать, какой это гнусный порок, как он разрушает семейное счастие. Не помогло. На мой горячий монолог она мне ответила самым решительным тоном, знаешь что?

Е л о х о в. Почем мне знать? Я не сердцеведец.

К о ч у е в. Нет, говорит, это не ревность. Если б ты увлекся женщиной хорошей, увлекся ее умом, достоинствами, я, может быть, и чувствовала бы ревность; но ты падаешь очень низко, ты перестаешь

быть равным мне, ты попадаешь в число людей, которых я равнодушно презираю. Любить такого человека я не могу, значит, не могу и быть его женой; это безнравственно, грешно.

Е л о х о в. Да, это строго.

К о ч у е в. Я был уничтожен; оставалось одно средство: раскаяние. И я искренно раскаялся. Мое раскаяние она приняла с светлой улыбкой и простила меня. Тут отчего-то она стала прихварывать, а потом и совсем расхворалась, нервы ее совершенно расстроились. Не знаю, виноват ли я в этой ее болезни, или нет. Должно быть, немножко виноват. Доктора отправили ее за границу. Она до самого отъезда была очень любезна со мной, и мы расстались трогательно. Но вот что странно: начинаю я получать от нее письма с упреками, что я веду без нее безнравственную жизнь, и одно письмо грознее другого.

Е л о х о в. Как это странно!

К о ч у е в. Из-за границы она даже не заехала ко мне, а проехала прямо в деревню. И оттуда такие же письма. Сначала я оправдывался, потом махнул рукой и перестал отвечать.

Е л о х о в. Да, ты мне тогда сказывал.

К о ч у е в. Это одно, а теперь другое. Теща всех денег, которые обещала за дочерью, сразу не выдала; остальные, говорит (а остальных около ста тысяч), через год, когда увижу, что вы согласно живете. А уж какое согласие! Сам видишь.

Е л о х о в. Затруднительное положение!

К о ч у е в. Как я уже сказал тебе, я решился выдержать и не писать к жене, но выдержал не долго. Ты знаешь, в каком я обществе живу; все миллионщики, бросают деньги не жалея, а уж я от компании отстать не могу. Да и дома без хозяйки пропасть лишнего расходу. Вот я и стал в расчетах путаться. Вот видишь, какая гора счетов разных. Не то чтоб я был должен много, нет; все мелочи; а все-таки неприятно. Нет ничего хуже, как эти мелкие счеты: каретникам да шорникам, мебельщикам да драпировщикам! Вот я и стал о жене подумывать, и чудное дело, братец: чем больше я о ней думал, тем больше в нее влюблялся, тем больше открывал в ней достоинств, которых не замечал прежде. И сел я писать ей пись-

мо. Напишу и изорву, потом примусь за другое, за третье, и все рву. Пишу это я ей письма и чувствую, чувствую, что сам перерождаюсь, становлюсь лучше; жизнь моя мне показалась пошлой, глупой; ну, просто, сам себя стыжусь. Чудо, братец!

Е л о х о в. Нет, это бывает, когда раздумаешься.

К о ч у е в. Ну, наконец, написал ей большое письмо, нежное, искреннее, перечитал его раз пять и послал. Я ей подробно изложил свое настоящее положение, свой образ мыслей и всю свою прежнюю жизнь.

Е л о х о в. Да уж коли ты решился расстаться с прошлым, так уж надо стряхнуть с себя все, откровенно во всем признаться, покаяться.

К о ч у е в. Как откровенно? Да разве это можно?

Е л о х о в. А то как же еще? А после, пожалуй, что-нибудь выйдет наружу; она скажет, что ты ее обманывал. Опять недоверие, подозрения.

К о ч у е в. Нет, зачем ей все знать? Как можно! Помилуй! Стало быть, и про коляску для мадемуазель Клеманс написать, и про все ее магазинные счеты, по которым я платил и еще должен заплатить? Зачем же я ее праведную душу буду грязнить своими признаниями?

Е л о х о в. Да, и то правда. Ну, а как насчет жизни-то? Ты решился совсем, окончательно?

К о ч у е в. Окончательно и бесповоротно.

Е л о х о в. Значит, все оставил?

К о ч у е в. Все.

Е л о х о в. И мамзель Клеманс?

К о ч у е в. Конечно, еще бы!

Е л о х о в. Давно ли?

К о ч у е в. Недавно-то недавно, но только уж все кончено. Да ты, кажется, сомневаешься? Так вот тебе доказательство! *(Берет со стола книгу.)* Видишь? Книг накупил душеспасительных, читаю, стараюсь вникать.

Е л о х о в. И действует?

К о ч у е в. Да, кроме шуток. Заметно серьезнее становлюсь: уж прежнего образа мыслей нет; вижу, братец, вижу, что все это суета. Теперь уж жизнь пойдет другая; я торгую для Ксении Васильевны имение в Крыму, и мы поедем туда с ней вместе.

Е л о х о в. Когда ж ты ждешь Ксению Васильевну?

К о ч у е в. Да, вероятно, завтра, а может быть, и сегодня, если поторопится. Экипаж и человека я уж послал на вокзал. Надо бы поехать самому встретить, да мне необходимо быть в театре, хоть на полчаса, хоть только показаться своим. Новая оперетка нынче. Да Ксения, вероятно, завтра приедет, а впрочем, я скоро ворочусь; если что, так ты пришли за мной.

Входит М а р д а р и й.

М а р д а р и й. Фирс Лукич Барбарисов.
К о ч у е в. Проси.

М а р д а р и й уходит.

Вот он, гусь-то лапчатый! С ним надо осторожнее; вероятно, с подсылом от тещи.

Входит Б а р б а р и с о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К о ч у е в, Е л о х о в и Б а р б а р и с о в.

Б а р б а р и с о в. Честь имею кланяться! Я к вам по поручению Евлампии Платоновны.
К о ч у е в. Извините, мне сейчас нужно ехать.
Б а р б а р и с о в. Я вас не задержу, я на несколько минут. Евлампия Платоновна поручила мне спросить вас, не имеете ли вы каких известий от Ксении Васильевны?
К о ч у е в. То есть каких известий? Об ее здоровье, что ли? Так она здорова.
Б а р б а р и с о в. О здоровье мы знаем; нет ли каких особенных известий?
К о ч у е в. Особенных никаких.
Б а р б а р и с о в. Евлампия Платоновна получили телеграмму от Ксении Васильевны.
К о ч у е в. А получила телеграмму, так, значит, получила и известия.
Б а р б а р и с о в. Ксения Васильевна уведомляет, что она едет сюда.
К о ч у е в. Да, я жду ее.
Б а р б а р и с о в. Евлампия Платоновна интересуется знать, зачем, собственно, Ксения Васильевна приедет.

К о ч у е в. Представьте, и я тем же интересуюсь, и только что хотел ехать к Евлампии Платоновне спросить у нее, зачем жена моя едет ко мне.

Б а р б а р и с о в. Вы шутите, вы должны знать.

К о ч у е в. Решительно не знаю... имею некоторые предположения.

Б а р б а р и с о в. И мы имеем; но ваши, конечно, вернее. Так как же вы полагаете?

К о ч у е в. По зрелом размышлении, я полагаю, что жена моя едет за тем же, за чем все домой ездят. Вот и я тоже, куда ни поеду, в театр ли, в клуб ли, всегда домой возвращаюсь. По русской пословице: в гостях хорошо, а дома лучше.

Б а р б а р и с о в. Но Ксения Васильевна очень долго не возвращалась, так что можно было думать...

К о ч у е в. Думать можно все, что угодно, это никому не запрещается. Здесь климат был вреден для ее здоровья.

Б а р б а р и с о в. А теперь?

К о ч у е в. А теперь она настолько поправилась, что может жить и здесь. Извините! Мне пора ехать.

Б а р б а р и с о в. Извините меня, что я вас задержал. Позвольте мне написать у вас две-три строчки Евлампии Платоновне. Я пошлю с кучером, а самому мне заезжать к ней некогда.

К о ч у е в. Сделайте одолжение! Вот вам бумага и все, что нужно. *(Идет к двери.)*

Е л о х о в. Виталий Петрович, Виталий Петрович!

К о ч у е в. Что тебе?

Е л о х о в. Два слова.

К о ч у е в. Так поди сюда!

К о ч у е в и Е л о х о в уходят в дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Б а р б а р и с о в один.

Б а р б а р и с о в. Хитрит. Он знает, это по всему заметно. Тут непременно какая-нибудь штука с его стороны. Не к тещиным ли капиталам подбирается? Надо держать ухо востро. *(Садится к столу и пишет письмо, потом, поминутно оглядываясь, разбирает разбросанные в беспорядке по столу бумаги.)* Вот документик-то интересный! Эка прелесть! А вот и

еще! Это приобресть не мешает на всякий случай. *(Оглядывается на дверь, берет со стола два листка и кладет в карман. Потом укладывает письмо в конверт и, не торопясь, тщательно надписывает адрес.)*

Входят Елохов *и* Кочуев *с шляпой и в перчатках.*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Барбарисов, Елохов и Кочуев.

Кочуев. До свиданья! *(Подает руку Барбарисову и Елохову.)*

Барбарисов. Ничего не прикажете сказать Евлампии Платоновне?

Кочуев. Скажите, что почтительнейше целую ее ручки, и больше ничего. *(Елохову.)* Так ты распорядись, как я тебе сказал. *(Уходит.)*

Барбарисов *(берет шляпу)*. Не много же интересного я могу сообщить Евлампии Платоновне.

Елохов. Да что за нетерпение! Завтра же, вероятно, Евлампия Платоновна узнает от самой Ксении Васильевны, зачем она приехала.

Барбарисов. Евлампия Платоновна себя не помнит от радости, что дочь приедет. Зачем бы она ни приехала, ей все равно, только бы видеть дочь. У Ксении Васильевны есть сестра Капитолина Васильевна.

Елохов. Знаю.

Барбарисов. Она тоже любит Ксению Васильевну, но благоразумия не теряет. Она находит, что Ксении Васильевне совсем и приезжать не надо.

Елохов. Это почему же?

Барбарисов. Да, помилуйте! Она очень больна, мы имеем верные сведения.

Елохов. Неправда; она сама писала, что здорова.

Барбарисов. Из эгоистических целей беспокоить, выписывать почти умирающую женщину!..

Елохов. Про кого вы это? Ничего ведь этого нет.

Барбарисов. Мне, конечно, все равно; я посторонний человек; одно обидно, что нигде, решительно нигде на свете не найдешь справедливости.

Елохов. О какой справедливости вы говорите?

Барбарисов. Да как же! Ведь у Евлампии Платоновны две дочери; она должна любить их одинаково.

А это на что ж похоже? Для одной готова душу отдать, а другая, как и не дочь.

Е л о х о в. Да ведь им назначено приданое равное.

Б а р б а р и с о в. Да что такое приданое? У Евлампии Платоновны и кроме приданого большой капитал. Кому он достаться-то должен, да весь, весь, неприкосновенно? Это видимое дело... Ксения Васильевна и замуж-то вышла почти против воли матери; детей у нее нет, а теперь больна, много ли ей и жить-то? Вы не подумайте... Я только о справедливости...

Е л о х о в. Матери слепы.

Б а р б а р и с о в. Да детям-то от этого не легче. Матери к детям слепы, я это знаю; но надо все-таки уметь разбирать хоть посторонних-то людей. Надо же видеть, что один мотает, распутничает, а другой...

Е л о х о в. Кто это другой-то?

Б а р б а р и с о в. Все равно, кто бы он ни был. Есть такой человек, который давно любит Капитолину Васильевну и давно принят у них в доме как родственник.

Е л о х о в. Да, понимаю теперь.

Б а р б а р и с о в. Евлампия Платоновна женщина особенная; требования ее огромные: и непоколебимые нравственные правила требуются, и красноречивые рассуждения на нравственные темы... В этом семействе добродетели довольно суровые, старинные: и отречение от удовольствий, и строгое воздержание в пище, постничанье... По настоящему-то времени много ли найдется охотников? Ведь это подвиг! Надо его ценить!

Е л о х о в. А разве не ценят?

Б а р б а р и с о в. Ценят-то ценят; нельзя не ценить; а все как-то страшно. Вот любимая дочка явится, глядишь — в маменькином-то капитале и произойдет брешь порядочная. А ведь разочаровываться-то в надеждах не легко. Ведь приносишь жертвы. Тогда только труд и не тяжел, когда имеешь уверенность, что он будет вознагражден впоследствии. Ведь каждую копейку, даром брошенную, жаль. Порок должен быть наказан.

Е л о х о в. А добродетель награждена?

Б а р б а р и с о в. Да-с. А мы видим противное: награждается-то порок. Может быть, вас удивляет, что я неспокойно говорю об этом предмете? Что ж делать!

Я такой человек: несправедливость меня возмущает; я хочу, чтоб каждый получал должное, по своим заслугам.

Е л о х о в. Кабы вашими устами да мед пить.

Б а р б а р и с о в. До свиданья!

Е л о х о в. Честь имею кланяться!

Б а р б а р и с о в уходит.
В дверях показывается Х и о н и я П р о к о ф ь е в н а.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Е л о х о в и Х и о н и я П р о к о ф ь е в н а.

Х и о н и я. Можно войти?

Е л о х о в. Войдите, Хиония Прокофьевна.

Х и о н и я. Правда ли, Макар Давыдыч, что барыня приедет?

Е л о х о в. Правда, Хиония Прокофьевна.

Х и о н и я. Ох, напрасно, ох, напрасно!

Е л о х о в. Отчего же напрасно?

Х и о н и я. Потому как они дама больная, жить в таком городе для них только беспокойство одно. И опять же новые порядки пойдут: с ног собьешься. То не так, другое не так; на больного человека угодить трудно.

Е л о х о в. Ксения Васильевна не капризна.

Х и о н и я. Хоша и не капризна, все уж не то, как ежели барин один. Мы уж к ним привыкли, даже всякий взгляд ихний понимаем. Виталий Петрович человек самых благородных правил; они во всякую малость входить не станут; ну, а женское хозяйство совсем другое дело. Виталий Петрович любят, чтобы все было хорошо и в порядке; только им и нужно; а уж до кляузов они не доходят никогда: чтобы, к примеру, каждую копейку усчитывать — они этого стыда не возьмут, потому что мужчина всегда лучше себя понимает, ничем женщина, и гораздо благороднее. А ежели дама в хозяйство входит, так тут очень много всякого вздору бывает; другие дамы до такой низкости доходят, что говядину дома на своих весах перевешивают. Какой же прислуге интересно, когда об ней на манер как об воре понимают? Прислуге жить без доходу тоже нельзя: одним жалованьем не много составишь. Барин наш это очень хорошо понимает; где прислуга пользуется, так она этим

местом дорожит, чтобы как не потерять его, а где есть сумление, так уж в прислуге старания нет, а все больше с неудовольствием да как-нибудь. Берите с малого! Хоть бы огарки. Неужли им счет вести? И так каждая малость. Господам внимания нестоющее, а нам на пользу.

Входит Мардарий.

Мардарий. Хиония Прокофьевна, барыня приехали.

Елохов. Доложите Ксении Васильевне, что я здесь; может быть, она пожелает меня видеть.

Хиония. Хорошо, доложу-с...

Хиония Прокофьевна уходит.

Елохов. Мардарий, надо Виталия Петровича уведомить. Он в театре.

Мардарий. Да уж я послал. Мы знаем, где их искать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Елохов один.

Елохов. Живой о живом и думает. Вот и экономка, и та сокрушается, что с приездом барыни ей меньше доходу будет, и откровенно объявляет об этом. Виталий Петрович, как понадобились деньги, об жене встосковался, образ жизни переменил. Барбарисов тоже о живом думает, желает тещино состояние все вполне приобресть, безраздельно, чтоб рубля не пропало. Только одна Ксения Васильевна, женщина с большими средствами, с капиталом, о живом не думает, живет как птица, потому что не от мира сего. Ну, понятное дело, люди, которые о живом-то думают, додумались и до ее капитала: «Что, мол, он у нее без призрения находится!» И вот уж на ее капитал два претендента: муж да Барбарисов. Как-то они ее разделят, бедную? Где дело о деньгах идет, там людей не жалеют.

Входит Ксения Васильевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Елохов и Ксения Васильевна.

Елохов. Ксения Васильевна, здравствуйте! Давненько, давненько не видались.

К с е н и я. Здравствуйте, Макар Давыдыч.

Е л о х о в. Как вас бог милует? Устали?

К с е н и я *(садится)*. Да, устала. Здоровье по-прежнему. Что Виталий Петрович? Как он себя чувствует?

Е л о х о в. Телесно-то он здоров; пока еще изъяну никакого не заметно; ну, а душевного состояния похвалить нельзя. Сердцем болен. Вы в нем много перемены увидите.

К с е н и я. Ах! Да скажите вы мне, пожалуйста, что тут у вас делается? Вы, вероятно, знаете; он от вас ничего не скрывает.

Е л о х о в. Я все знаю; но что же мне вам сказать-то? Про что изволите спрашивать?

К с е н и я. Я так этого боюсь... столько я читала этих ужасов.

Е л о х о в. Ужасов? Ужасов, бог миловал, никаких нет-с.

К с е н и я. Ну, как? Что вы от меня скрываете? Разве это не ужасы: огласка, следствие, потом этот суд? Адвокаты, прокуроры речи там говорят... всю жизнь человека разбирают, семейство его, образ жизни... ничего не щадят... Да это умереть можно от стыда.

Е л о х о в. Это действительно, Ксения Васильевна; старые люди говорят: от сумы да от тюрьмы не убережешься. Только нам с Виталием Петровичем до этого еще далеко.

К с е н и я. Далеко ли, близко ли, да ведь это непременно будет... Уж ожидание-то одно...

Е л о х о в. Ну, уж и «непременно»! Этого нельзя сказать-с.

К с е н и я. Ах, да говорите, пожалуйста, откровенно! Не мучьте меня! Я знаю, что есть растрата... Большая она?

Е л о х о в. Вот вы изволите говорить: растрата. Если уж растрата, так большая, конечно, лучше.

К с е н и я. Да почему же?

Е л о х о в. Когда большая растрата, так дело короче и хлопот меньше. Коли есть характер, так садись равнодушно на скамью подсудимых и отправляйся, куда тебя определят, а коли нет характера, так пулю в лоб; вот и все-с.

К с е н и я. Вы меня терзаете.

Е л о х о в. Какое же терзание? Не понимаю. Мы растрату рассматриваем, так сказать, теоретически, без всякого отношения к личностям. А небольшая растрата, так тут хлопот много: мечется человек, убивается, как бы ее пополнить, чтоб не довести дело до суда; страдает, роковой-то день приближается, а все-таки, глядишь, попадется, как кур во щи. Вот и выходит, что лучше воровать-то большими кушами, покойнее.

К с е н и я. Вы сказали «роковой день»... какой же это роковой день?

Е л о х о в. Первое число. По первым числам обыкновенно бывает свидетельство касс, а то бывают и внезапные ревизии.

К с е н и я. Да ведь первое число через два дня.

Е л о х о в. Так точно-с, через два дня.

К с е н и я *(утирая слезы)*. Хорошо, что я поторопилась. Ну, что ж! Я готова отдать все, чтоб только спасти мужа. Какое же лучшее употребление я могу сделать из своих денег? Да я и постороннему готова...

Е л о х о в. Да-с, вот куда дело пошло! Так успокойтесь! Ничего этого нет, никакой растраты. Дела его по службе в самом лучшем положении, он, вероятно, скоро будет назначен главным управляющим в одном большом предприятии и будет получать огромное жалованье.

К с е н и я. Так за что же вы меня мучили напрасно?

Е л о х о в. Да зачем же вы спрашивали? Откуда вам в голову пришло, что у вашего мужа растрата?

К с е н и я. Мне писали.

Е л о х о в. Кто?

К с е н и я. Письмо было без подписи: «Не доверяйте мужу, берегите себя и свое состояние! Оставьте ваши деньги в руках матери! В городе идет слух, что в том банке, где служит ваш муж, большая растрата. Винят главным образом его».

Е л о х о в. Хорошее письмо! Так жить нельзя, Ксения Васильевна! Или надо совсем разойтись с мужем и утешаться только анонимными письмами, или надо мужу верить и жечь эти письма не читая.

К с е н и я. Вы сказали, что Виталий Петрович переменился; что же, он похудел?

Е л о х о в. Нет, не похудел. Худеть ему никакого расчета нет. Он стал серьезнее: глупых романов не читает, а читает книги дельные; глупых картин по стенам не вешает.

К с е н и я. Да вот и в кабинете обстановка совсем другая; бывало, стыдно войти.

Е л о х о в. Бросил совсем играть в карты, не ездит в оперетку, то есть ездит редко, а не каждый день. Положим, что он, по своей службе, должен постоянно обращаться в компании тузов, миллионщиков, которые проводят время довольно шумно и не очень нравственно, но он с волками живет, а по-волчьи не воет. Прежде, может быть, тоже выл, но теперь перестал. А главная перемена: влюблен.

К с е н и я. Как влюблен, в кого?

Е л о х о в. В вас.

К с е н и я *(с улыбкой)*. Ах, какие глупости!

Е л о х о в. Действительно глупости. Жену довольно любить, а влюбленным быть в нее — это излишняя роскошь. Но уж, видно, он так создан; ему мало быть мужем, ему хочется быть еще любовником своей жены. Вот посмотрите, он вам каждое утро будет букеты подносить.

К с е н и я. Что за пустяки! К чему это?

Е л о х о в. Я сам видел, как он плакал, когда говорил о вас. Это очень понятно: он всегда вас любил; он видит, что вас стараются разлучить, а что теряешь, то кажется вдвое дороже.

К с е н и я. Я с вами согласна, но зачем преувеличивать? Любовь слово большое. А то вспомнит про жену, вспомнит, что она добрая женщина, появится у него теплое чувство, а ему сейчас уж представляется, что он влюблен. И себя обманывает и жену. Ведь любовью можно покорить какое угодно сердце... Значит, обманывать не надо, грех. Ведь любовь есть высшее благо, особенно для женщины кроткой.

Е л о х о в. Не от мира сего.

К с е н и я. Ведь это цель нашей жизни, венец всех желаний, торжество! Ведь это та неоцененная редкость, которую ищут все женщины, а находят очень немногие. Женщины кроткие, скромные меньше всего имеют надежды на это счастье; но зато они дороже его ценят. Как они благодарны тем мужьям, которые их любят, на какой пьедестал их ставят! Загляните

в душу такой женщины! Ведь это храм, где совершается скромное торжество добродетели. Кроткая женщина не столько радуется тому, что ее любят, сколько торжествует, что род людской еще не совсем пал, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могут найти себе оценку. Это святое, духовное торжество, это ни с чем не сравнимая радость победы добра и честной жизни над злом и развратом. Ну, вот и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину?

Елохов. Женщину не от мира сего.

Ксения. Вдруг она видит, что тот, кто плакал перед ней, клялся ей в вечной любви, полюбил другую женщину, которая, кроме презрения, ничего не заслуживает. Что у нее в душе-то делается тогда? Вы знаете, как тяжело переносить незаслуженную обиду; ну, так вот такой-то поступок со стороны мужа есть самая горькая, самая тяжелая обида, какую только можно вообразить. Храм разрушен, осквернен, кумир валится с пьедестала в грязь, вера в торжество добра и честности гибнет. Вместо светлой радости какой-то тяжелый, давящий туман застилает душу — и в этом тумане (уж это наша женская черта) начинаются мучительные грезы. Поминутно представляется, как он ласкается к этой недостойной женщине, как она отталкивает его, говорит ему: «Поди, у тебя есть жена», как он клянется, что никогда не любил жену, что жены на то и созданы, чтоб их обманывать, что жена надоела ему своей глупой кротостью, своими скучными добродетелями. Со мной уж это было один раз. Я не знаю, как я не умерла тогда. У страстной, энергической женщины явится ревность, она отомстит или мужу, или сопернице, для оскорбленного чувства найдется выход, а кроткая женщина и на протест не решится; для нее все это так гадко покажется, что она только уйдет в себя, сожмется, завянет... Да, цветок она, цветок... Пригреет его солнцем, он распустится, благоухает, радуется; поднимется буря, подует холодный ветер, он вянет без всякого протеста. Конечно, можно и не умереть от такой обиды, а уж жизнь будет надломлена. Женщина сделается или озлобленной, сухой, придирчивой моралисткой, или завянет, как цветок, и уж другой бури, другого моро-

за не выдержит, свернется. *(Пауза.)* Да что он, в самом деле, что ли, опять полюбил меня?

Е л о х о в. Что ж, я взятку, что ли, взял с него?

Ксения встает, взглядывает на себя в зеркало и опять садится.

С какой стати мне, старой, седой крысе, обманывать вас?

К с е н и я *(приглаживая прическу).* А вот он взглянет на меня, такую растрепанную, усталую, так авось разочаруется.

Е л о х о в. Да он вас не за красоту любит. У него только и слов о вашем здоровье, о вашем спокойствии. Он уж приторговал для вас имение в Крыму и хочет устроить свои дела так, чтобы иметь возможность уезжать туда вместе с вами месяца на три, на четыре в год.

К с е н и я. Неужели? А я так мечтала об этом; он как будто угадал мои мысли.

Е л о х о в. Вот и план имения.

К с е н и я. Покажите!

Елохов подает план.

Прелестно! Недалеко от моря и от Ялты. Все это очень, очень хорошо! Я не ожидала. *(Опять встает и взглядывает в зеркало.)* Но зачем он влюбился в меня? Мы просто будем уважать или, как там говорится, почитать друг друга. *(Смеется.)* А любовь... Нет, я ее боюсь. Я боюсь, что поверю его любви. Мне как-то больно делается, точно притрагиваюсь к больному месту.

Е л о х о в. Уж это ваше дело. Как хотите, так и размежевывайтесь.

К с е н и я. Не нуждается ли он в деньгах?

Е л о х о в. Едва ли. А, впрочем, как, чай, не нуждаться. Дом без хозяйки, грабят со всех сторон. Вероятно, путается в расчетах; только серьезных затруднений нет. Да вы с ним самим поговорите, только не пугайте его излишней строгостью.

К с е н и я. Уж это завтра; нынче я с ним ни об чем не буду говорить.

Е л о х о в. Вот, кажется, он приехал. *(Подходит к двери.)* Бросился на вашу половину. Он теперь весь дом обегает, будет искать вас. Подите к нему.

К с е н и я уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Елохов один, потом Мардарий.

Елохов. Кажется, дело улаживается. Теперь можно и домой отправляться, а завтра что бог даст. Доживем, так увидим.

Входит Мардарий.

Мардарий. Виталий Петрович просят вас подождать их.

Елохов. Подождать? Ну, что ж, можно и подождать. Где он?

Мардарий. В гостиной, с барыней разговаривают.

Елохов. Чай, обрадовался Виталий-то Петрович?

Мардарий. Да как же, помилуйте-с... Столько-то времени не видались... Опять же насчет здоровья сумлевались... Это доведись до всякого, так все одно-с. Мало ли тут что болтали? Прислуга от ихней маменьки ходит. Только, по видимости, все это пустяки. *(Уходит.)*

Входит Кочуев.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Елохов, Кочуев и потом Мардарий.

Кочуев. Ксения Васильевна просит у тебя извинения; она не выйдет, отдохнуть хочет, устала.

Елохов. Ну, как она?

Кочуев. Мила необыкновенно; я уж теперь еще больше влюблен. Об деле, говорит, завтра: «Утро вечера мудренее». Поцеловала меня... Холодненько немножко, а все-таки любезно.

Елохов. Ну, не вдруг же.

Кочуев. Ах, Макар, я теперь совершенно покоен и так счастлив, как еще никогда в жизни не бывал. Это я тебе обязан, ты ее настроил. *(Целует Елохова.)* О чем вы тут с ней толковали?

Елохов. Об этом рассказывать долго. Скажу тебе одно: ее против тебя вооружали, но вооружить не успели; она за тебя и в огонь и в воду готова. Она сейчас за тебя хотела пожертвовать всем своим состоянием.

Кочуев. Как? Что такое?

Елохов. Ты знаешь ли, зачем она поторопилась при-

ехать? Она получила письмо, что у вас растрата, и приехала спасать тебя от Сибири.

К о ч у е в. Кто ж это? Неужели теща?

Е л о х о в. А кому ж больше? Или она, или Барбарисов.

К о ч у е в. Вот каковы у меня дружки! Они ни перед чем не остановятся. Да пусть городят, что хотят, теперь уж я их не боюсь. *(Взглянув на стол.)* Ах, какая неосторожность!

Е л о х о в. Какая неосторожность? В чем?

К о ч у е в. Да тут, на столе, есть бумажонки, которых жене видеть не нужно.

Е л о х о в. Она и не подходила к столу.

К о ч у е в. Положим, что она никогда моих бумаг не трогает, а все-таки лучше их убрать. *(Разбирает бумаги.)* Помнится мне, тут были два счета. Куда они делись?.. *(Хватает себя за лоб.)* Или я их убрал прежде? Ты говоришь, что она не подходила к столу?

Е л о х о в. Да нет же; она сидела вот тут.

К о ч у е в *(убирает бумаги в ящик)*. Вот так-то лучше; теперь можно вздохнуть свободно.

Е л о х о в. Что ж это ты так скоро убежал от жены?

К о ч у е в *(медленно расставляя руки)*. Прогнали.

Е л о х о в. Нужно, брат, в этом горе утешение какое-нибудь.

К о ч у е в. А вот сейчас. Мардарий!

Входит М а р д а р и й.

Приготовь нам закусить что-нибудь да подай бутылку шампанского.

М а р д а р и й уходит.

Вот теперь давай в шахматы играть.

Е л о х о в *(подвигая шахматный столик)*. Давай, давай! Оно хоть утешение и плохое, да что ж делать? Вот уж теперь я тебя обыграю, потому что у тебя голова теперь совсем другим занята.

Садятся к столу и расставляют шахматы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

КОЧУЕВ.

КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА.

ЕВЛАМПИЯ ПЛАТОНОВНА СНАФИДИНА,
мать Ксении.

КАПИТОЛИНА,
другая дочь ее.

БАРБАРИСОВ.

ЕЛОХОВ.

ПРОКОФЬЕВНА.

МАРДАРИЙ.

Гостиная в доме Кочуевых; две двери: одна, налево от актеров, в комнаты Ксении, другая, в глубине, в залу. С правой стороны окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Хиония Прокофьевна смотрит в окно; входит Мардарий.

Мардарий. Виталий Петрович приказали узнать, воротились Ксения Васильевна или нет.

Хиония. Какая уж очень необыкновенная любовь вдруг проявилась!

Мардарий. Да-с, Хиония Прокофьевна, уж даже до чрезвычайности.

Хиония. Недавно, кажется, виделись; целое утро тут в разговорах прохлаждались.

Мардарий. Да-с, точно молодые, точно недавно повенчались. Как, говорит, приедет, так доложи.

Хиония. Ну, да вот нечего делать; она еще у маменьки у своей, потому навестить маменьку — это первый долг.

Мардарий. Само собой, ежели визиты, так уж к маменьке завсегда первый визит.

Хиония. А я так думаю, Мардарий Иваныч, что торопиться-то некуда; успеют и наглядеться друг на друга, и надоесть друг другу.

Мардарий. Это вперед человек знать не может, потому ему не дано. А только спервоначалу чувства

у барина большие: вчера Виталий Петрович от радости мне десять рублей дали.

Х и о н и я. Вам хорошо! Такого-то барина днем с огнем поискать; а я вот от Ксении Васильевны ничего не видала; а еще исполнительности требует.

М а р д а р и й. Да помилуйте, разве вам мало было подарков и от Ксении Васильевны? Уж это грех сказать.

Х и о н и я. Подарки подарками, а все приятнее, ежели они от легкого сердца, с удовольствием.

М а р д а р и й. У них другое воспитание.

Х и о н и я. Нет, уж это человеком выходит, родом. У них и маменька... Одна серьезность да строгость, а чувств никаких. А вот кто-то подъехал. Нет, это Фирс Лукич.

М а р д а р и й. Господин Барбарисов?

Х и о н и я. Он. А вот с другой стороны и Ксения Васильевна с маменькой, и Капитолина Васильевна с ними.

М а р д а р и й. Пойти доложить. *(Уходит.)*

Х и о н и я П р о к о ф ь е в н а поправляет на столе салфетку и уходит в залу. Из залы выходят К с е н и я В а с и л ь е в н а, С н а ф и д и н а, К а п и т о л и н а и Б а р б а р и с о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К с е н и я, С н а ф и д и н а, К а п и т о л и н а и Б а р б а р и с о в.

Б а р б а р и с о в. Ксения Васильевна, позвольте вас поздравить с приездом. Счел первым долгом...

К с е н и я. Благодарю вас. Вы извините меня, я с дороги немного устала.

Б а р б а р и с о в. Ах, сделайте одолжение, не обращайте на меня никакого внимания! Я только счел приятной обязанностью.

К с е н и я. Побеседуйте с сестрой; она, я думаю, сумеет вас занять. Пойдемте, маменька, ко мне, там уютнее.

С н а ф и д и н а. Мне все равно, пойдем, пожалуй.

К с е н и я и С н а ф и д и н а уходят в дверь налево.

Б а р б а р и с о в. Ну, что же, был какой-нибудь разговор?

К а п и т о л и н а *(печально)*. Был.

Б а р б а р и с о в. Что же, какой, какой?

Капитолина. Мало ли что тут было: и слезы, и упреки, и поцелуи, и опять слезы, и опять поцелуи.

Барбарисов. Да чем же кончилось?

Капитолина *(сквозь слезы)*. Отдала все, все отдала.

Барбарисов. О, слабость, проклятая слабость!

Капитолина. Она со мной только строга-то.

Барбарисов. Для чего ж она ей отдала? Зачем Ксении Васильевне деньги понадобились?

Капитолина. Имение в Крыму покупает.

Барбарисов. Вот это отлично придумано, подход ловкий. Женщине и жить-то всего год, много два осталось, а они имение.

Капитолина. Да с чего ты взял? Сестра здорова.

Барбарисов. Поспорь еще! Я у докторов-то спрашивал.

Капитолина. А вот в Крыму поправится.

Барбарисов. Да, пожалуй... мудреного нет... Экое наказание! Вот и верь твоей маменьке, и рассчитывай на ее слова.

Капитолина. Да что ж, разве тебе мало моего-то приданого?

Барбарисов. Смешно слушать! Нет, не мало, не мало, Капитолина Васильевна... И за то я, по своему ничтожеству, должен бога благодарить. Так, что ли, рассуждать прикажете?

Капитолина. Да как хочешь! Что мне?

Барбарисов. Не мало, Капитолина Васильевна; справедливы ваши слова. Да пойми ты, ведь больше-то лучше. Так или нет?

Капитолина. Конечно, лучше.

Барбарисов. Так ведь и я про то же. Что она говорила-то? «Ксения должна разойтись с мужем и жить у меня. Она женщина кроткая; ей ничего не нужно. Все будет ваше, только ведите себя хорошо и во всем слушайтесь меня». Самодурство! Сейчас видно, что из купеческого рода.

Капитолина. «Из купеческого рода»! Туда же! Да сам-то ты кто?

Барбарисов. Я и не хвастаюсь. Не титулованная особа, извините, из разночинцев. Да вот ум имею и способности. Искала бы себе лучше, коли я не пара.

Капитолина. Да где я искать-то стану? Кого я вижу? Меня до двадцати пяти лет держат взаперти.

Маменька все шепталась да советовалась с какими-то старухами, да вот и нашли где-то тебя. Маменька мне говорит: «Вот тебе жених; это твоя судьба. Полюби его!» Ну, я и полюбила.

Барбарисов. И прекрасно сделала. Зачем ты только споришь со мной и маменьку свою защищаешь? Уж я даром слова не скажу.

Капитолина. Да я и сама не знаю, что говорю. Скучно мне до смерти, поскорее бы вырваться.

Барбарисов. Да вырвемся, погоди; вот срок кончится.

Капитолина. Когда же он кончится?

Барбарисов. Как я просил твоей руки, она мне сказала: «Извольте, я согласна, но только целый год вы будете на испытании; я хочу прежде узнать ваше поведение и ваш характер». Теперь этому испытанию скоро конец; полтора месяца только осталось. Вот тогда мы поговорим с вами, любезная маменька! Ах, как мне жаль этих денег, просто хоть плакать!

Капитолина. Да и мне жалко.

Барбарисов. Кто-то идет сюда.

Капитолина. Я пойду к ним. Что они там секретничают? *(Уходит в дверь налево.)*

Входит Елохов с букетом.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Барбарисов и Елохов.

Елохов *(положив букет на стол)*. Здравствуйте! Вы уж здесь?

Барбарисов. Поздравить с приездом заехал.

Елохов. А где же Ксения Васильевна?

Барбарисов. Она там, у себя; у нее Евлампия Платоновна и Капитолина Васильевна.

Елохов. Обрадовалась, я думаю, Евлампия-то Платоновна?

Барбарисов. Да-с, обрадовалась, обрадовалась, очень, очень обрадовалась. Перестаньте хитрить-то, перестаньте хитрить-то! Не на того напали.

Елохов. Что вы, какая хитрость? Это не наше занятие.

Барбарисов. Знаю я, хорошо знаю. Тут уж вперед все подстроено было. Я вчера говорил вам, что этот приезд недаром. Так и вышло.

Е л о х о в. Ничего не понимаю.

Б а р б а р и с о в. И как тонко все устроено! Мы с Капитолиной Васильевной не успели и опомниться, а уж готово! Радость, слезы и великодушие! А я думаю, и мы тоже в этом деле заинтересованы, и мы должны иметь голос.

Е л о х о в. В каком деле-то?

Б а р б а р и с о в. «Маменька, я покупаю имение в Крыму, так пожалуйте денег!» Извольте, дочка, берите, сколько вам угодно, берите, берите без счета.

Е л о х о в. А вас и не спросились? Это действительно обидно.

Б а р б а р и с о в. И какое имение! Никакого имения нет. Все выдумки, все обман!

Е л о х о в. А если есть?

Б а р б а р и с о в. Ну, положим, и есть, да за что же награждать-то без разбора?

Е л о х о в. Кого люблю, того и дарю.

Б а р б а р и с о в. К чему такая слабость непростительная? Зачем распускаться? Евлампия Платоновна не должна забывать, сколько огорчений доставил ей этот брак ее дочери. Она должна помнить, помнить все, что перенесла по милости Ксении Васильевны.

Е л о х о в. «Не должна забывать, должна помнить!..» Вот вы хвалитесь благочестивой жизнью; вы какой же религии придерживаетесь?

Б а р б а р и с о в. Да что вы: «религия»! Лучше вас я это знаю.

Е л о х о в. А коли знаете, зачем так говорите?

Б а р б а р и с о в. Заговоришь, когда тебя грабят, и не то заговоришь.

Е л о х о в. Нет, вы уж сделайте одолжение, потрудитесь выбирать другие выражения. Вы у Виталия Петровича в доме и так об нем отзываетесь! Это неприлично и неосторожно.

Б а р б а р и с о в. Разве вы сплетничать хотите? Извольте! Я не боюсь.

Е л о х о в. Сплетничать не сплетничать, а и скрывать не вижу никакой надобности. Виталий Петрович не любит, когда об нем неучтиво отзываются; он вас за это не похвалит.

Б а р б а р и с о в. Я извинюсь, я извинюсь. Меня все извиняют. Что делать? Я такой человек. Я блаженный; у меня — что на уме, то и на языке. Да я и не

считаю, что нахожусь у Виталия Петровича; я у Ксении Васильевны. В их семействе я свой человек; я защищаю их интересы. Мне никто этого запретить не может.

Е л о х о в. Нет, Евлампия Платоновна лучше вас; она рассуждает как следует, как нравственный закон повелевает; по-христиански, всякую обиду, всякое огорчение прощать следует.

Б а р б а р и с о в. «Прощать, прощать»! Я это знаю. Прибей меня, я прощу. И жена может простить мужа за неверность, и теща, только... только деньгами-то зачем же награждать? Из-за чего же тогда, из-за каких благ другие-то должны воздерживаться и отказывать себе во всем, если...

Е л о х о в. Значит, по-вашему, покаявшихся прощать можно, только надо с них штраф брать в пользу добродетельных?

Б а р б а р и с о в. Да, конечно, надо же какую-нибудь разницу...

Е л о х о в. Прекрасно! Это новый кодекс нравственных правил: нераскаянных грешников судить уголовным судом, а раскаявшихся — гражданским, с наложением взыскания. И все грехи и проступки положить в цену: один грех дороже, другой дешевле! Вот вы и займитесь этим делом: напишите реферат и прочитайте в юридическом обществе.

Б а р б а р и с о в. Смейтесь, смейтесь! Хорошо вам смеяться-то!

Из боковой двери входят С н а ф и д и н а и К а п и т о л и н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Е л о х о в, Б а р б а р и с о в, С н а ф и д и н а и К а п и т о л и н а.

Е л о х о в. Здравствуйте, Евлампия Платоновна!

С н а ф и д и н а. Ах, Макар Давыдыч! Очень вам благодарна, что навещаете Ксению. Вы человек почтенный, не то что нынешние кавалеры.

К а п и т о л и н а. Маменька! *(Пожимает плечами.)* «Кавалеры»!

С н а ф и д и н а. Ну, уж не учи мать, придерживай язык-то! Мы с Макаром Давыдычем понимаем друг друга.

Е л о х о в. Понимаем, Евлампия Платоновна, понимаем. Нет, уж где мне за нынешними кавалерами гоняться! Ноги плохи стали.

С н а ф и д и н а. Как я рада, что Ксения покупает себе дачу в Крыму. Там она успокоится и поправится.

Б а р б а р и с о в. Только надо, чтоб она себе купила, именно себе.

С н а ф и д и н а. Как «себе»? Разумеется, себе; а то еще кому же?

Б а р б а р и с о в. То есть на свое имя. А она может купить на имя Виталия Петровича.

С н а ф и д и н а. Зачем? С какой стати? Это будет ее имение, ее собственное. Чьи деньги, того и имение. Уж это всякому известно.

Б а р б а р и с о в. Для этого-то и надо, чтобы купчая была совершена на ее имя.

С н а ф и д и н а. А коли надо, так ты и скажи ей, научи ее!

К а п и т о л и н а. Да послушает ли она его?

С н а ф и д и н а. Ну, вот еще! Скажи, что я приказала. Как она смеет не послушать!

Б а р б а р и с о в. Если имение будет куплено на имя Ксении Васильевны, так в случае, чего боже сохрани, смерти ее оно должно по наследству перейти к Капитолине Васильевне.

К а п и т о л и н а. Да, так и надо сделать, чтоб оно мое было. Уж вы, Фирс Лукич, так и постарайтесь.

С н а ф и д и н а. Вы с Фирсом Лукичом, я вижу, уж что-то очень много о земном хлопочете; не хорошо это, не тому я вас учила. Вы бы почаще о душе подумывали.

Б а р б а р и с о в. Нельзя же, Евлампия Платоновна, и о земном не думать. На земле живем.

К а п и т о л и н а. Конечно, после сестры все мне следует.

Е л о х о в. Если она не оставит завещания.

С н а ф и д и н а. Какого еще завещания?

Е л о х о в. Она по завещанию может отказать свое имение кому угодно.

С н а ф и д и н а. Без позволения-то матери?

Б а р б а р и с о в. Да-с, может; она совершеннолетняя.

С н а ф и д и н а. Ну, уж ты, пожалуйста, молчи. Я не хуже тебя знаю.

Е л о х о в. И суд утвердит такое завещание, потому что против него и спору никакого не может быть.

С н а ф и д и н а. Как «никакого спору»? Да я первая начну спор.

Е л о х о в. И вам суд откажет, а завещание утвердит.

С н а ф и д и н а. Хороши же ваши суды! И как вам не стыдно, Макар Давыдыч!

Е л о х о в. Какой стыд! Чего мне стыдиться?

С н а ф и д и н а. Вы уж довольно-таки пожилой человек, и вы равнодушно говорите о таких порядках в суде. Или это, по-нынешнему, так и следует?

Е л о х о в. Да и прежде так же было.

С н а ф и д и н а. Нет уж, не может быть, прежде все было лучше. Не одна я это говорю. А хоть бы и было, так мне все равно; я суду вашему не покорюсь, я в сенат буду жаловаться.

Е л о х о в. И сенат откажет. И сенату тут судить нечего, потому что на это есть очень ясный закон.

С н а ф и д и н а. Закон, чтобы дети не слушались родителей? Нет, такого закона и быть не может!

Е л о х о в. Я не юрист, спорить с вами не смею.

С н а ф и д и н а. И давно бы вам так сказать надо было.

Б а р б а р и с о в. Сенат откажет, Евлампия Платоновна. Действительно есть такой закон, что совершеннолетние могут...

С н а ф и д и н а. Ах, молчи, сделай милость! Постарше тебя есть, да не спорят. «Сенат откажет»! Ну, что ж такое? Я и выше пойду. Какой еще там закон! Один закон только и есть: «чтоб дети повиновались своим родителям». И никаких других законов нет. А если и есть, так я их знать не хочу. Пусть кто хочет, тот их и исполняет, а я не намерена. Я стану просить, чтоб запретили судам бунтовать против меня моих дочерей, чтоб их непослушание в судах не оправдывали и не покрывали какими-то своими законами. Нет, со мной трудно спорить: я, батюшка, мать; я свои права знаю; я за дочерей должна на том свете отвечать.

Е л о х о в. Да мы и не спорим с вами, Евлампия Платоновна.

Б а р б а р и с о в *(Елохову)*. Не слыхали ли вы, поедет нынче Виталий Петрович на пикник?

Е л о х о в. Нет, не поедет.

С н а ф и д и н а. Какой это пикник?

Б а р б а р и с о в. Веселый, со всеми онёрами, с дамами.

С н а ф и д и н а. Хороши, я думаю, дамы!

Барбарисов. Дорогой пикник: рублей по триста с человека. Букеты дамам из Ниццы выписывали.

Капитолина. Ах, вот прелесть-то! Вы не поедете, Фирс Лукич?

Барбарисов. Нет, я на таких пикниках не бываю.

Капитолина. А я так бы и полетела!

Снафидина. Что ты, что ты! Ты только подумай, что ты говоришь!

Барбарисов. Это не Капитолина Васильевна говорит, это ее невинность говорит. Она и понятия не имеет о том, что там творится и какие там канканы танцуют.

Снафидина. Да я знаю, что невинность. А то что же? Не заступайся, пожалуйста! Не обижу напрасно. А все-таки ей бы помолчать лучше.

Барбарисов. Уж они бы и дам-то из Парижа выписывали.

Елохов. Что вы толкуете о том, чего не знаете? Не бывали вы на этих пикниках,— дóроги они для вас,— так погодили бы осуждать-то.

Барбарисов. Впрочем, зачем дам выписывать? Букетов-то заграничных не было, а дамы-то есть, еще раньше были выписаны. Жаль, очень жаль, что Виталий Петрович там не будет; без него и праздник не в праздник. Он, кажется, у них главным распорядителем.

Елохов. Что вы на Виталия Петровича напраслину взводите? Никогда он у них распорядителем не бывал, а сегодня и подавно.

Барбарисов. Да что ж я, в самом деле? Ведь Ксения Васильевна только что приехала.

Снафидина. Ну, вот, что ж ты болтаешь-то?

Барбарисов. Не бросить же ему, на первых порах, жену для своих приятелей! С ними он каждый день видится, денек-то другой и подождут. Они от него никуда не уйдут, и пикник-то этот не первый и не последний. Виталий Петрович свое возьмет; не удалось теперь, так после наведет. Давеча, как вы вошли с букетом, я думал: уже не оттуда ли это, не заграничный ли букет-то?

Елохов. Нет, это здешний.

Барбарисов. А мне уж представилось, что букет оттуда и что Виталий Петрович хочет и Ксению Васильевну вместе с собой на пикник везти.

С н а ф и д и н а. Какие ты глупости говоришь! Возможное ли это дело?

Б а р б а р и с о в. Отчего ж невозможное? Конечно, сегодня еще рано, а потом... будет постоянно проводить время в их обществе, так незаметно и сама в их жизнь втянется, и все их привычки усвоит. Вот посмотрите, они ее и канкан выучат танцевать.

С н а ф и д и н а. Ну, уж ты, кажется, забываешься! Ты должен иметь к ней уважение!

Б а р б а р и с о в. Чего не сделает любящая жена для своего мужа!

С н а ф и д и н а. Нет, никогда я себе не прощу, никогда не прощу, что так неосмотрительно ее выдала.

Е л о х о в. Уж теперь дело сделано, так не об чем толковать!

С н а ф и д и н а. Ах, нет! Я сделала ошибку, я должна и поправлять.

Е л о х о в. А вы не слушайте чужих слов, да сами вглядитесь хорошенько, так увидите, что и поправлять-то нечего.

С н а ф и д и н а. Я выдала ее замуж не подумавши — моя обязанность и развести ее с мужем.

Е л о х о в. Как развести? Что вы? Да она сама не захочет.

С н а ф и д и н а . Мало ли чего она не захочет! Разве она в жизни что-нибудь понимает? Ей нужно растолковать, в какую ее пропасть тянут, да уличить мужа-то, да на деле ей показать.

Б а р б а р и с о в. И все это можно, и все это очень легко.

Е л о х о в. Помилуйте! Да так можно убить ее. Она женщина очень впечатлительная и слабого здоровья.

С н а ф и д и н а. А хоть бы и убить! Что ж тут страшного? Я исполняю свой долг. Я убью ее тело, но спасу душу.

Е л о х о в. Да образумьтесь вы, ради бога! Что вы говорите! Ведь это разбой!

С н а ф и д и н а. А что ж такое «разбой»? Есть дела и хуже разбоя.

Е л о х о в. Да, конечно...

С н а ф и д и н а. Я дивлюсь на вас. Вы старый человек, а понимаете очень, очень мало. Разбой! Уж будто это такое слово, что хуже его и на свете нет? Напрасно. Знаете ли вы, что разбойник только убивает,

а души не трогает; а развратный человек убивает душу. Так кто лучше?

Е л о х о в. Да извольте, согласен с вами; но каким образом все это может относиться к мужу Ксении Васильевны, к Виталию Петровичу? Вы его уж хуже разбойника считаете.

С н а ф и д и н а. А вот мы посмотрим, мы исследуем; я без оглядки дела не сделаю. И если окажется, что он моей дочери недостоин, тогда уж, не взыщите, я дочь губить не позволю. Вы знаете ли, как я ее люблю?

Е л о х о в. Я в этом уверен.

К а п и т о л и н а. Да уж, маменька, кажется, вы слишком...

С н а ф и д и н а. Ты боишься, что на тебя не достанется? На всех, на всех хватит! Не сомневайтесь! Да-с, я ее очень люблю; а уж как в детстве любила, этого словами и выразить нельзя. Я просила, я молилась, чтоб она умерла.

Е л о х о в. Умерла?

С н а ф и д и н а. Чтобы она умерла еще в отрочестве, девицей. Тогда бы уж туда прямо во всей своей младенческой непорочности.

Е л о х о в. Да-с, это точно, любовь необыкновенная.

Входит К с е н и я В а с и л ь е в н а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С н а ф и д и н а, Е л о х о в, Б а р б а р и с о в, К а п и т о л и н а и К с е н и я.

Е л о х о в *(подает букет)*. Виталий Петрович просил передать вам.

К с е н и я. Зачем это? Право, не нужно бы.

Б а р б а р и с о в. Виталий Петрович современный человек; он знает, что нынче мода такая.

С н а ф и д и н а. Ничего тут дурного нет. Цветок — ведь это невинность; уж что может быть непорочнее цветка? Я очень люблю цветы.

К с е н и я. Маменька, так позвольте вам предложить... *(Подает букет.)*

С н а ф и д и н а. Вот благодарю! Вот уж покорно тебя благодарю! Кроме тебя, ведь никто не догадается. *(Завертывает букет в платок.)*

Б а р б а р и с о в *(Капитолине тихо)*. Она сто тысяч, а ей букет, вот и квиты.

Е л о х о в *(Ксении тихо)*. Виталий Петрович желает с вами поговорить; он ждет не дождется.

К с е н и я *(тихо)*. Они скоро уедут.

С н а ф и д и н а. Что вы там шепчетесь? Говорите вслух! Это неприлично.

Е л о х о в. Да ведь и вслух-то говорить всякий вздор тоже неприлично. Вслух-то надо говорить только то, что может быть интересно для всего общества, а то лучше промолчать или на ухо сказать.

С н а ф и д и н а. Этого уж я что-то не понимаю.

Е л о х о в. Да вот если у меня зубы болят или под ложечкой неладно, так зачем же я буду кричать во всю залу? Лучше я приятелю на ухо скажу.

С н а ф и д и н а. А ведь и в самом деле так. Ну, Капитолина, поедем.

К с е н и я. Маменька, я вечером вас буду ждать; только приезжайте пораньше.

С н а ф и д и н а. Да, уж, конечно, не по-модному, не в полночь. В полночь-то я уж другой сон вижу.

К с е н и я. И я тоже.

С н а ф и д и н а. Ну, поедемте, поедемте! До свиданья!

Дамы целуются, Барбарисов раскланивается. Уходят С н а ф и д и н а, К а п и т о л и н а, Б а р б а р и с о в; Ксения их провожает и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Е л о х о в и К с е н и я.

Е л о х о в. Ну, Ксения Васильевна, чего я тут наслушался, просто ужас! С непривычки-то, знаете ли, мороз по коже подирает.

К с е н и я. Я думаю. Я сама в маменьке большую перемену заметила.

Е л о х о в. Что они тут говорили про Виталия Петровича! Они его хуже всякого разбойника считают. А если беспристрастно-то рассуждать, так он гораздо лучше их.

К с е н и я. Я верю вам, что он лучше их. Немного я давеча с ними говорила, а сейчас же убедилась, что они неправду говорят про моего мужа. И сестру я не узнаю: она какая-то корыстолюбивая стала.

Е л о х о в. Да чего уж! Она о вашей смерти очень равнодушно рассуждает и откровенно заявляет претензию получить наследство после вас.

Ксения. А вот и ошибется. Я все мужу оставляю; я уж и завещание сделала.

Елохов. И о завещании был разговор. Мамаша ваша говорила, что вы даже и завещания без ее позволения не смеете написать.

Ксения *(смеется)*. Хоть и грех, а уж в этом деле я маменьку не послушаюсь.

Елохов. А! Скажите, пожалуйста! А все нравственность проповедуют.

Ксения. Нет, они от настоящей-то нравственности куда-то в сторону ушли. Их кто-нибудь путает.

Елохов. Да Барбарисов; кому ж еще?

Ксения. Ну, я сестре не позавидую. Как они ни бранят Виталия Петровича, а я его не променяю на Барбарисова. Вся беда, что маменька словам верит. Кто говорит ей приятное, тот и хороший человек.

Елохов. Да если б Виталий Петрович захотел, так он бы ее очаровал совсем. Он между всеми своими сослуживцами считается самым красноречивым. Да он к таким средствам прибегать не станет.

Ксения. Да, разумеется, это гадко.

Елохов. Вы, пожалуйста, не верьте им. Маменька ваша говорит, что ее священная обязанность развести вас с мужем.

Ксения *(с испугом)*. Ах! Неужели? Благодарю вас, что предупредили. Я теперь буду остерегаться... я теперь ни одному слову их не поверю.

Елохов. Даже если что и глазами увидите, и тому не верьте; и тут может быть обман.

Ксения. Да, да.

Елохов. Смотрите же, помните это! Вас разлучить хотят. Не забывайте! А то беду наживете.

Ксения. Нет, нет, я буду помнить, буду хорошо помнить. Благодарю вас. *(Жмет руку Елохова.)* Благодарю. *(Задумывается.)*

Входит Кочуев.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Елохов, Ксения и Кочуев.

Ксения *(все еще в задумчивости)*. Ты мне букет прислал. *(Целует мужа.)* Благодарю, мой милый! Только не нужно этого.

К о ч у е в. Как тебе угодно: не нужно, так не нужно. *(Целует у жены руку.)*

Е л о х о в. Ну, Виталий Петрович, какие тебе тут панегирики читали! Вот бы ты послушал.

К о ч у е в. Да я знаю, знаю, мне и слушать не надо. Очень понятно; я им поперек горла стал.

Е л о х о в. Нет, всего не знаешь и даже представить себе не можешь.

К с е н и я. Зачем вы? Не надо ему рассказывать, не надо. Я знаю, что все это вздор, и ничему не верю.

К о ч у е в. А вот погоди: я им отомщу отлично.

К с е н и я. Нет, мстить не хорошо. Оставь, послушай меня, оставь!

К о ч у е в. Я так отомщу, что ты сама похвалишь.

Е л о х о в. Ну, оставайтесь с богом! Я вам мешать не буду. Совет да любовь! Не прощаюсь. Вечером забегу. *(Кочуеву.)* Не провожай меня! Не надо! *(Идет к двери.)* А книгу-то ты хотел принести Ксении Васильевне. Забыл?

К о ч у е в. Извини, Ксения! Я сегодня же отыщу и пришлю.

Е л о х о в уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

К о ч у е в и К с е н и я.

К с е н и я. Чем же ты хочешь отомстить?

К о ч у е в. А тем, что мы устроим так свою семейную жизнь, что она будет образцовой, что она будет служить примером для всех; тогда маменька не осуждать нас, а завидовать нам станет.

К с е н и я *(с удивлением)*. Что, что ты говоришь?

К о ч у е в. Садись! Я тебе разовью свои мысли. Теперь, по большей части, мужья с женами, даже самые согласные, не составляют одного целого, одной души. Они живут вместе, а думают врозь; у них вкусы, привычки, образ мыслей, даже образ жизни — все разное.

К с е н и я. Да, да.

К о ч у е в. У них и знакомства, и развлечения разные. У мужа свои приятели, большею частью холостежь, развратная, пресыщенная, вся пропитанная цинизмом; у него свои удовольствия: оперетка, маскарады. Так?

К с е н и я. Так, так. Я слушаю тебя, слушаю.

Кочуев. Жена в развлечениях мужа никакого участия принять не может: так все там неприлично и грязно. Жена или сидит дома и скучает, или имеет свой кружок из таких же несчастных жен, с которыми проводит все время в сплетнях, осуждении ближних или играет запоем в карты. Хорошо это?

Ксения. Нет, милый, не хорошо, не хорошо.

Кочуев. У нас с тобой будет иначе. Мы никогда не будем разлучаться. Где я, там и ты; куда я, туда и ты. У себя мы будем собирать только умных, солидных людей. Чтоб не было монотонно и скучно, чтоб разнообразить наши вечера, мы будем приглашать музыкантов, певцов, литераторов, ученых, художников, но только известных, знаменитых,— только таких, с которыми знакомство и приятно, и поучительно.

Ксения. Ах, как это прелестно! Да неужели все это будет? Друг мой, какое счастие ты мне обещаешь!

Кочуев. Отчего же не быть? Все это в наших средствах. Погоди, погоди! Не замечаешь ли ты, что все мы, мужчины, как-то апатичны, пресыщены; что все удовольствия, не говоря уже о невинных, нас мало удовлетворяют; что мы ищем развлечений, все более и более раздражающих нашу чувственность; что мы все более и более погружаемся в разврат, а многие из нас доходят до последних его пределов? Отчего это?

Ксения. Я не знаю.

Кочуев. А оттого, что мы только и живем удовольствиями, что мы себе отдыха не даем. Мы забыли, что человек создан не для одних удовольствий, забыли, что для человека обязателен труд, что труд врачует, укрепляет душу. Забыли, что человеку нужна свежая голова, что он должен иметь много покоя, отдыха, чтобы быть в состоянии заняться серьезным размышлением о своих поступках, заняться улучшением своей души. Удовольствиям надо отдаваться редко, очень редко; тогда только они и приятны, тогда только и ценны. Мы забываем дни поста и молитвы.

Ксения *(встает)*. Ах, неужели? И это ты правду говоришь? О, милый!

Кочуев *(с волнением)*. Ну, так вот что, Ксения. Ей-богу, ну, ей-богу, я тебя люблю бесконечно. Возьми

ты меня, возьми под свое управление, делай из меня, что хочешь. Я буду самым покорным рабом твоим... Не отталкивай меня!

К с е н и я. Нет, зачем рабом! Это нехорошо; жена не должна приказывать мужу; в этом есть что-то холодное... Женщина должна любить, подчиняться; вот в чем наше счастье. Ты будешь главой! Ты все лучше меня знаешь.

К о ч у е в. Может быть, и лучше, но, чтоб исполнить мои замыслы, мне нужна твоя поддержка.

К с е н и я. О, изволь, изволь!

К о ч у е в. Да этого мало... мне нужна ласка, любовь твоя.

К с е н и я. Любовь? Да разве ты сомневался? Все мое существо проникнуто любовью... Любить тебя я считала и считаю счастием...

К о ч у е в. Ксения, так поди же... поди же!

К с е н и я *(бросаясь к мужу на грудь)*. Как я счастлива в твоих объятиях! Какое это блаженство! О, милый, милый! Ты оживил меня. Я теперь жить хочу, хочу жить!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

КОЧУЕВ.
КСЕНИЯ.
СНАФИДИНА.
КАПИТОЛИНА.
ЕЛОХОВ.
БАРБАРИСОВ.
МУРУГОВ.
ХИОНИЯ.
МАРДАРИЙ.

Декорация второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Х и о н и я подслушивает у боковой двери; из средней входит Б а р б а р и с о в.

Б а р б а р и с о в. Ай, ай! Подслушиваете? Не хорошо, Хиония Прокофьевна, не хорошо.

Хиония. Не знаю уж я, хорошо ли, нет ли; для вас стараюсь, Фирс Лукич. Сами научили.

Барбарисов. Старайтесь, старайтесь! Я шучу. Большое вознаграждение получите и от меня, и от Евлампии Платоновны. Кто там?

Хиония. Ксения Васильевна.

Барбарисов. А еще?

Хиония. Да вот этот старик, Макар Давыдыч. Он совсем тут поселился.

Барбарисов. Об чем же они?

Хиония. Хорошо-то я не расслушала... Что-то про мебель... Он говорит: черного дерева, матовую, а она: дубовую резную... Кажется, хочет Виталию Петровичу суприз сделать, в кабинет ему новую мебель подарить.

Барбарисов. А еще что?

Хиония. Еще ничего не слыхала явственно; не хочу лгать. Так, через десять слов, мельком, одно или два долетят, а потом и опять ничего не слышно. Но только если эти слова с умом разобрать, так можно понятие иметь.

Барбарисов. Об чем понятие?

Хиония. А к чему какое слово сказано. Вот, к примеру, говорит Ксения Васильевна: «Постараюсь», потом не слышу, потом опять громко: «Чтоб ничего не осталось». Ну, к чему она такие слова сказать может? В каком смысле?

Барбарисов. Не знаю. Вам лучше знать.

Хиония. Уж из этих слов кто хочешь поймет, что вся-то ее речь такая: «Постараюсь выманить у маменьки все деньги, чтоб сестре ничего не осталось».

Барбарисов. Вы полагаете?

Хиония. Я как только первое слово услыхала: «Постараюсь», так и догадалась. Ну, думаю, поняла я вас. Потому, рассудите сами, об чем же ей больше стараться? Не об чем больше; только одно должно быть на уме. Значит, оно так точно и выходит. Побожиться не грех. Уж это вы за верное можете считать, все равно, что сами слышали.

Барбарисов. Однако вы проницательная женщина, Хиония Прокофьевна.

Хиония. Я от вас деньги получаю, так должна свое усердие прилагать. Я тоже свою совесть берегу.

Барбарисов. А как они между собой-то?

Хиония. Наглядеться друг на друга не могут. Прежде Ксения Васильевна была скромная женщина, совестливая, а теперь так на шею и кидается, так и виснет. Которая женщина в пожилых летах, вот как я, так даже глядеть не хорошо. Точно он ее приворожил чем. А ведь это бывает.

Барбарисов. Ну, уж не знаю, как вам сказать.

Хиония. Только чтоб против женщин такое слово знать, надо много греха на душу принять: проклясть надо всего себя в треисподнюю.

Входит Мардарий.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Барбарисов, Хиония и Мардарий.

Мардарий. Вот Виталий Петрович книгу барыне прислали.

Хиония. Положите тут!

Мардарий. Как «положите»? Я должен руками отдать.

Хиония. Так давайте, я снесу.

Барбарисов. Нет, постойте! Дайте мне! Я погляжу, что такое за книга. Я потом сам передам Ксении Васильевне или вам, Хиония Прокофьевна.

Мардарий подает книгу и уходит. Хиония подходит к двери и подслушивает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Барбарисов и Хиония.

Барбарисов *(просматривая книгу)*. О, какая серьезность! Ловок Виталий Петрович, умеет попасть в тон. А вот мы в эту книжку и закладочку положим. *(Вынимает из кармана две бумажки и кладет в книгу.)* Хиония Прокофьевна, возьмите! Ничего интересного нет, так, вздор какой-то написан. Только вы отдайте эту книгу Ксении Васильевне, когда она будет одна. Непременно! Слышите?

Хиония. Слышу, слышу, так и сделаю. *(Берет книгу и прячет ее под фартук.)* А вот, кажется, и голос Виталия Петровича слышен.

Барбарисов. Я уйду. Вы, Хиония Прокофьевна, не говорите, что я здесь был, ни под каким видом не

говорите. Скажут, пожалуй: эк он обрадовался, спозаранку приехал. Так не говорите!

Х и о н и я. Хорошо, слушаю-с.

Б а р б а р и с о в уходит. Хиония, послушав у боковой двери, уходит тихонько в среднюю дверь. Из боковой двери выходят К с е н и я В а с и л ь е в н а, К о ч у е в и Е л о х о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

К с е н и я, К о ч у е в, Е л о х о в и потом М а р д а р и й.

К с е н и я. Он меня просит, чтоб я его исправляла от недостатков, а я его прошу, чтоб он меня исправлял.

Е л о х о в. Да какие у вас недостатки? Откуда им взяться? Ваши недостатки в другой женщине были бы достоинствами.

К с е н и я. Ах, нет, много недостатков. Вероятно, от воспитания. Мы с детства жили взаперти, время проводили все больше с прислугой, вот и наслушались.

К о ч у е в. Ну, какие же ты знаешь за собой недостатки? Назови, Ксения, хоть один!

К с е н и я. Я очень впечатлительна: что, меня хоть немножко поразит днем, во всю ночь потом мне представляется и во сне и наяву. А то вдруг мне покажется, что у меня в комнате лягушка, которых я боюсь до смерти, или змея, и я похолодею и вся сожмусь, хотя очень хорошо знаю, что забраться им неоткуда.

Е л о х о в. Нервы расстроены, вам нужно побольше моциона и почаще быть на воздухе.

К с е н и я. Вот и еще... Да уж это я и сказать совещусь...

К о ч у е в. Что такое? Что такое? Не стыдись, пожалуйста.

Е л о х о в. Да что вы! Да посмотрите, у наших барынь-то какие привередничества бывают! Уж, вероятно, почище ваших.

К с е н и я. Знаешь что? Я боюсь людей.

К о ч у е в. Только-то? Да и надо их бояться; мало ли есть и дурных и злых?

К с е н и я. Да нет, не то, не то... Я так вдруг, без всякой причины, боюсь человека.

К о ч у е в. Как же это? Объясни!

Ксения. Вот, например, у тебя есть приятель Муругов...

Кочуев. Да, есть.

Ксения. Я не могу глядеть на него без содрогания.

Кочуев. Да это самый добрейший человек.

Елохов. Он мухи во всю свою жизнь не обидел и не обидит.

Ксения. Может быть, может быть; но как я увижу его, так мне кажется... мне кажется — поверишь ли? — что он пришел за душой моей...

Кочуев. Ксения, ты в бреду.

Ксения. Нет, я в полном рассудке. *(Смеется.)* Я думаю, это оттого, что у меня в детстве была книжка с картинками; я одной картинки очень боялась... Было нарисовано, как к одному бедняку приходит какой-то страшный человек и говорит: «Я пришел за душой твоей». Веришь ли, твой Муругов и этот страшный человек так похожи... Сходство поразительное!.. То же лицо, то же выражение...

Кочуев. Уж пора бы забыть эту книжку.

Ксения. Нет, вот не забываю. Я и книжки-то боялась, а посмотреть тянет; взгляну, спрячу книжку куда-нибудь подальше, да поскорей бежать из комнаты.

Елохов. Все-таки нервы, все одна причина.

Кочуев. Да, я вижу, с тобой возни много будет, пока твое здоровье в настоящий порядок приведешь. Ну, а еще какие недостатки у тебя?

Ксения. Да не знаю... много... Вот еще испуг постоянный... всего-то я боюсь: и стуку боюсь, и громкого разговора боюсь. И я вдруг или голос теряю, или память, так что ничего не помню, где я, зачем, и всему удивляюсь.

Входит Мардарий.

Мардарий. Господин Муругов!

Ксения. Ах! Вот уж я и помертвела.

Кочуев. Хочешь, я его у себя приму?

Ксения. Нет, не надо; я хочу пересилить себя.

Кочуев. Смотри, Ксения, не повредило бы это тебе.

Ксения. Нет, нет; это будет мой первый урок.

Кочуев *(Мардарию)*. Проси сюда.

Мардарий уходит.

Ксения. Вот я и успокоилась.

К о ч у е в. Успокоилась, а голос-то дрожит. Что же ты обманываешь?

Входит М у р у г о в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К о ч у е в, К с е н и я, Е л о х о в и М у р у г о в.

М у р у г о в. А, Ксения Васильевна! Вот уж не ожидали! *(Подает ей руку.)*

К с е н и я. Здравствуйте, Ардалион Мартыныч!

М у р у г о в *(Кочуеву)*. Вот и разгадка вашего затворничества! *(Подает руку Кочуеву и Елохову.)* Ну, понятное дело. Извините, что мы так настойчиво к вам приставали. Ксения Васильевна, вы так обрадовали нас своим приездом, что на этот раз мы охотно освобождаем вашего мужа в домашний отпуск. Но надеюсь, что вы не совсем отнимете его у нас. Не будьте так жестоки!

К с е н и я. Нет, нет, не берите его у меня.

М у р у г о в. Ксения Васильевна, он член общества и нарушать своих обязанностей по отношению к кружку, к которому он принадлежит, не должен.

К с е н и я. Да какие же обязанности могут быть выше семейных?

М у р у г о в. Да, семейные обязанности — это личное дело каждого человека, каждый должен их знать про себя, и они нисколько не должны мешать ни службе, ни отношениям к обществу.

К с е н и я. Нет, нет, семейные обязанности выше всего. *(Берет Кочуева за руку.)* Я не отпущу его.

М у р у г о в. Успокойтесь! Мы и не возьмем его у вас. Мы понимаем, какая это радость в доме — возвращение жены, и мы с глубоким уважением относимся к этой семейной радости.

К с е н и я. Да, и надо уважать, и надо.

М у р у г о в. Но, Ксения Васильевна, мы живем не в юртах, не в кибитках, не в шатрах. Там действительно каждая юрта, каждый чум составляет свой отдельный мирок, из которого обитатели выползают на четвереньках только в большие праздники, чтобы всем обществом теплую оленью кровь пить. У нас и клубы, и собрания, и множество общественных учреждений.

К о ч у е в. Не спорьте с ней, Ардалион Мартыныч! У них своя логика, логика сердца.

М у р у г о в. Извините меня, Ксения Васильевна, сделайте одолжение! Я и не думаю спорить. Да мне и спорить не о чем; мои мнения основаны на таком крепком фундаменте, что и не нуждаются в новых аргументах. Но я умею уважать и чужие убеждения. Одно только скажу, что требования Ксении Васильевны слишком высоки для нас, они нам не впору,— очень идеальны. И в истории найдется немного примеров тех чистых семейных добродетелей, каких желает Ксения Васильевна. Кто же? Вот идеальная пара, если верить Овидию: Филемон и Бавкида. Да ведь и они создание поэта.

К о ч у е в. Ха, ха, ха! Ксения, он нас с тобою называет Филемоном и Бавкидой.

К с е н и я. Разве это не хорошо?

Е л о х о в. Ничего лучше быть не может.

М у р у г о в. Или вот создание другого поэта: Афанасий Иваныч и Пульхерия Ивановна.

К о ч у е в. Этим сравнением, Ардалион Мартыныч, можно и обидеться.

М у р у г о в. Тоже идиллия.

Е л о х о в. Ну, уж извините, Ардалион Мартыныч! Тут сходства нет; те ели очень жирно и много, и у них нервы были крепки.

К с е н и я. Вы уж очень строги к женщинам.

К о ч у е в. Нет, что ты? Он самый любезный кавалер, он только шутит.

Е л о х о в. И очень многие дамы любят Ардалиона Мартыныча за это.

К о ч у е в. Да нельзя и не любить человека, который оживляет общество.

М у р у г о в. Нет, Ксения Васильевна, я не строг к женщинам; я их люблю и очень многих уважаю глубоко. Вот у меня есть одна знакомая дама, жена адвоката; я очень уважаю ее, несмотря на все ее странности.

К с е н и я. А какие же у нее странности?

М у р у г о в. Она минуты не может быть без мужа и очень печалится, что муж не берет ее с собой в окружной суд на кафедру. Я бы, говорит, никому не мешала; я бы глядела ему в глаза и держала за руку.

К с е н и я. Она дура?

М у р у г о в. Нет, примерная жена и пишет стихи очень хорошие.

К о ч у е в. Видишь, как он мило рассказывает.

К с е н и я. Да, мило, только как-то больно делается.

М у р у г о в. Ах, извините! Я и не воображал, что своими шутками доставлю вам какую-нибудь неприятность.

К с е н и я. Нет, ничего... Но я семью чту, как святыню, а вы ее так низко ставите.

М у р у г о в. На свое место, Ксения Васильевна. Представьте, что солдату нужно идти воевать, а жена его не пускает. И жена, конечно, по-своему права; но ведь право и начальство, которое говорит ему: «Коли ты солдат, так тебе следует воевать, а не на печке лежать». Честь имею кланяться! Спешу к отправлению моих общественных обязанностей. Семьи нет, холост. Коли же̂нюсь, так, может быть, и я заговорю так же, как вы. Позвольте прислать вам фруктов или цветов. Что вам угодно?

К о ч у е в. Присылайте фруктов! Не она, так мы съедим.

М у р у г о в уходит. К о ч у е в его провожает.

Е л о х о в. Ну, как вам показался наш Ардалион Мартыныч?

К с е н и я. Он умный, только страшный. Он страшнее, чем прежде был. Не говорите мужу!

К о ч у е в возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

К с е н и я, Е л о х о в и К о ч у е в.

К о ч у е в. Ну, вот, не съел он тебя. Теперь ты его бояться не будешь?

К с е н и я. Нет, что его бояться!

К о ч у е в *(берет руку Ксении)*. Говорит: «Что его бояться», а у самой руки поледенели. Ты больна, Ксения?

К с е н и я. Я не знаю... нет, не больна... Так, немного расстроена.

К о ч у е в. Как не больна? Ты на себя не похожа.

К с е н и я. Я очень его испугалась. Смешалась и как-то поглупела вдруг. Сама чувствую, что глупости говорю, а остановиться не могу. Хочу поправиться — и скажу что-нибудь еще глупее.

К о ч у е в. Конфуз! Одичала ты, живши в деревне-то.

Послушай! Прими капель и ложись, отдохни! Я сейчас пришлю к тебе Хионию Прокофьевну.

К с е н и я. Не надо. Так пройдет. Со мной это бывает.

К о ч у е в. Нет, все-таки лучше. Поди успокойся, успокойся, моя милая. *(Целует Ксению в голову.)* Мы тебе мешать не станем. Мы пока с Макаром Давыдычем в шахматы поиграем.

Уходят К о ч у е в и Е л о х о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К с е н и я одна, потом Х и о н и я.

К с е н и я. Я убита, уничтожена! Он унес мою душу. Какое холодное, безжалостное презрение к женским чувствам, к женскому сердцу! И муж не заступился за меня. Значит, он разделяет мнение Муругова... Значит, он меня только словами утешает, обманывает. Нет, нам, кротким и не знающим жизни женщинам, жить нельзя на свете, и не надо... Кому верить? На кого положиться? Вот муж мой... Я знаю, что он меня любит, но положиться на него я не могу... Он не говорит мне правды; он говорит только то, что мне приятно, старается попасть в мой тон, утешает меня... утешает и обманывает. Он, как ребенка, нянчит меня на руках, говорит мне: «Агу, душенька»,— пляшет передо мной, дарит куклы, конфекты, но умом своим, своим знанием жизни не делится со мной. Вместо того чтобы учить, руководить меня, он со мной соглашается; он боится оскорбить меня моим же невежеством; он боится, что я буду спорить против неоспоримых истин, и прячет их, скрывает от меня. И я уж ему верить не могу. Если он скрывает от меня свои убеждения, может скрывать и что-нибудь другое.

Входит Х и о н и я.

Х и о н и я. Виталий Петрович прислали вам книжку.

К с е н и я. Хорошо; положи на столик. Поди! Ты мне не нужна!

Х и о н и я уходит.

Прислал книгу... И в этой книге, вероятно, нет правды... не то, что нужно для меня, а какие-нибудь идиллии, небывалые добродетели... Филемон и Бавкида... *(Садится в кресло и берет книгу. Сначала*

смотрит заглавие, потом перелистывает книгу и находит вложенные Барбарисовым бумаги.) Зачем это здесь? *(Читает.)* «По старому счету за коляску для госпожи Клеманс пятьсот. За новый скат колес и гуттаперчевые шины триста р. *(Смотрит другой счет.)* За доставленные мадемуазель Клеманс бриллиантовые серьги две тысячи р. По старому счету за взятые ею вещи тысяча двести р.». *(Хватаясь за грудь.)* Ай! Ах, боже мой! *(Протирает рукой глаза и опять рассматривает счеты, потом кладет их на столик и, медленно поднявшись с кресла, проходит несколько шагов.)* Что это? Что это со мной? Я как будто забыла, что... Что, что я забыла? Да! *(Осматривает свое очень дорогое платье.)* Нет, я не сплю... Я одета... хорошо одета... Зачем я так оделась? Да... мы хотели ехать на вечер... Что ж мы не едем? Ах, да, я сделалась нездорова... Да, да, да, помню теперь... Меня ужалила змея... Где змея? *(Осматривает кругом.)* Да какая змея? Откуда она?.. О, нет! Это я говорила про змею... Он сказал: отдохни, успокойся... прими капель! А я не легла... Надо успокоиться. *(Садится в кресло.)* Я отдохну, успокоюсь... вот так... *(Машинально берет со стола один из счетов и прочитывает про себя.)* Ай, я умираю! (*Без чувств опускается на спинку кресла.)*

Входит Х и о н и я.

Х и о н и я. Маменька приехали и еще гости. Заснула. *(Громко.)* Ксения Васильевна, Ксения Васильевна!

К с е н и я *(очнувшись)*. А? Что?

Х и о н и я. Маменька приехали и еще гости с ними. Они в зале, и Виталий Петрович там.

К с е н и я. Кто приехал? Он, он?

Х и о н и я. Кто «он»-то-с?

К с е н и я. Муругов... Он пришел за душой моей... Ты не пускай его ко мне... Позови Виталия Петровича... Он за меня заступится... Тут змея, тут змея... *(Громко.)* Защитите! *(Опускается на кресло без чувств.)*

Х и о н и я. Батюшки! Что с ней? *(Бежит в залу.)* Виталий Петрович, Виталий Петрович! Ксения Васильевна умирает!

К о ч у е в и Е л о х о в входят и в испуге останавливаются. За ними тихо входят С н а ф и д и н а, К а п и т о л и н а и Б а р б а р и с о в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ксения, Кочуев, Елохов, Снафидина, Капитолина и Барбарисов.

Кочуев. Что такое? Что такое? Ей дурно! Спирту дайте, спирту! Ксения! *(Увидав счеты.)* О, какое гнусное, гнусное коварство! Это убийство! Ксения, Ксения!

Ксения открывает глаза.

Она жива, она не умрет. Ксения, не умирай, не умирай! *(Показывает ей счеты.)* Это коварство, коварство! Ничего этого нет.

Елохов. Я вам говорил: не верьте даже глазам своим!

Ксения *(тихо)*. Этого нет?

Кочуев. Нет, нет, милая Ксения. Одну тебя, одну тебя люблю я.

Ксения. Сюда, поближе ко мне!

Кочуев становится подле нее на колени. Она кладет руку ему на плечо.

Я...люблю... тебя.

Кочуев *(целуя ее руку)*. И прощаешь?

Ксения. И прощаю. *(Умирает.)*

Картина.

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ЛГТБ	Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ	Музей Малого театра.
ПД	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

«Бирж. вед.»	газета «Биржевые ведомости».
«Моск. вед.»	газета «Московские ведомости».
«Моск. летоп.»	газета «Московская летопись».
«Нов. время»	газета «Новое время».
«Отеч. зап.».	журнал «Отечественные записки».
«Рус. вед.»	газета «Русские ведомости».
«Рус. курьер»	газета «Русский курьер».
«Спб. вед.»	газета «Санктпетербургские ведомости».
«Сын отеч.»	газета «Сын отечества».

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М.—Пг., ГИЗ, 1923.

«Восп.» — «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., изд-во «Художественная литература», 1966.

«Неизд. письма» — «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.—Л., «Academia», 1932.

ЛН — А. Н. Островский. Новые материалы и исследования.— В кн.: «Литературное наследство», т. 88, кн. 1, М., «Наука», 1974.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

Стрепетова — П. А. Стрепетова, Жизнь и творчество трагической актрисы, Л.—М., «Искусство», 1959.

Щедрин — Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений в 20-ти томах, М., ГИХЛ, 1933—1941.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ
(1878—1886)

1

Внешне могло показаться, что жизнь Островского в последнее десятилетие — пример благополучной писательской судьбы. Увенчанный признанием драматург (в 1872 и 1882 годах его чествовали юбилеями, его пьесы неоднократно отмечались Грибоедовской премией), он вел жизнь кабинетного труженика, ограничившего все свои интересы домом и театром. Все катилось по привычной, наезженной колее.

«Я отвык от людей и знаю только кабинет,— жаловался он в 1883 году брату.— В Москве кабинет и в деревне кабинет, которые мне пригляделись и опротивели донельзя. Но вот горе: от всяких других впечатлений я приобрел какую-то особого свойства лень: пойдешь погулять или поедешь в Кинешму,— уж и тяжело, и тянет опять в тот же противный кабинет» *(ПСС, XVI, 84)*.

Недомогания, болезни, растраченное в невзгодах молодости здоровье до времени состарили его. «Вот что делают годы: из Аполлона я превратился в Посейдона»,— невесело шутил Островский. Большая семья требовала забот и попечения, известного материального достатка, целиком зависевшего от того, будет ли написана к сезону новая пьеса.

Год был похож на год — никаких нежданных поворотов судьбы, путешествий, событий, перемен. Один раз, правда, в 1883 году съездил с братом на Кавказ да ежегодно по делам бывал в Питере: хлопотал то о пенсии, то о дозволении открыть народный театр, то о реформах в управлении императорской сценой. Хлопоты эти долго не приносили результата, и обольщения то и дело сменялись разочарованиями. «Я задыхаюсь и задохнусь без хорошего театра, как рыба без воды,— писал Островский.— Ясные дни мои прошли, но уж очень долго тянется ночь; хоть бы под конец-то жизни зарю увидеть, и то бы радость великая» *(ПСС, XII, 258)*.

Непосильная кабинетная работа, от которой порой он изнемогал, принуждение себя к перу и вечная спешка в обязательствах перед театром, как бы ни клял он их на словах, одни спасали его в минуты безнадежности и отчаяния. Его всегда выручала, делала счастливым работа. Она же целиком определяла привычный ритм его жизни.

Каждый год по весне собирались в дорогу, и, едва подсохнет грязь, чтобы проехать от станции в тарантасе по проселку, отправлялись всей семьей со всевозможными снаряжениями и припасами в Щелыково, где Островский неизменно проводил теперь все лето. Он любил приехать сюда в мае, когда было еще не жарко, зацветала черемуха, шел хороший клёв, и он подолгу сидел над рекой с удочками в удобном кресле с пружинящей железной спинкой, которое смастерил ему кто-то из местных умельцев. Летом обдумывалась пьеса: она должна была сложиться в голове целиком, во всех мельчайших подробностях, прежде чем лечь на бумагу. Но уже в августе — сентябре он начинал писать, без сна и отдыха, по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки, и за месяц или полтора заканчивал обычно эту работу. К концу сентября пора было переезжать в Москву — здесь по издавна заведенной традиции ожидалась в октябре или ноябре премьера его новой комедии в Малом театре. Но прежде — спешная работа с переписчиками (вечно не хватало каких-нибудь двух-трех дней), ожидание цензурных виз, чтение пьесы актерам, репетиции... А потом, едва отшумит московская премьера,— поездка в Петербург для постановки той же пьесы на Александринской сцене. И заодно — чтение корректур, поскольку «Отечественные записки» имели обыкновение открывать журнальный год новой его комедией или драмой. В этих заботах незаметно проходила зима, а как только пригревало солнце и снег начинал таять, надо было опять собираться в Щелыково, и все мысли Островского были уже вокруг новой, неродившейся еще пьесы... С малыми вариациями такой круговорот повторялся из года в год.

Но время не стояло на месте. Внутренним слухом драматург явственно различал его перемены, и огромная созидательная душевная работа тайно совершалась в нем. Новые типы, идеи, замыслы возникали перед глазами, все видевшими, напитавшимися долгим опытом жизни, бесконечно усталыми и вдруг загоравшимися молодым огнем. Никакой штампованности, окостенелости прежде выработанных и уже обеспеченных успехом форм; пробы, искания в новом направлении, а порой поразительные прозрения, доступные лишь свежим силам и чуткому к современности таланту.

Однажды, в пору своих хождений по петербургским «высоким лестницам», в хлопотах о реформе русского театра Островский удостоился быть принятым во дворце Александром III. Около четверти часа продолжалась аудиенция в Гатчине: Островский стоял, почтительно наклонив голову, царь прохаживался по кабинету. Желая быть любезным, Александр III заметил, что видел недавно в театре пьесу «Красавец-мужчина». Он спросил, почему драматург выбрал *такой* сюжет. По-видимому, изображение на сцене людей сомнительной нравственности смутило его.

«Дух времени таков, ваше величество»,— почтительно, но твердо отвечал Островский.

Газеты 1882—1883 годов отмечали как некоторую дерзость то, что в пьесе «Красавец-мужчина» драматург впервые заговорил откровенно о типе сутенера, о фальшивой процедуре развода. Причем то, что на сцене подстраивалось уличение жены в «грехе», требуемое формальным законом, с присутствием лжесвидетелей, подговоренных мужем, казалось главной «изюминкой», острой репликой на злобу дня. Отголоском на интересующий общество, наболевший вопрос представлялась и пьеса «Без вины виноватые»: автор коснулся в ней прав «незаконных» детей — тоже по внешности «либеральная», модная тема.

Но Островский-то понимал «дух времени» иначе, чем газетные фельетонисты. Если б ему еще простор в своих замыслах — без оглядок на цензуру, на «условия» императорской сцены!

Оставаясь наедине с собой в тиши московского кабинета или в щелыковском затворничестве, он вынужден был, задумывая новую пьесу, всякий раз повторять себе, что не имеет права написать ее так, чтобы она была «взята под сумление», да еще, не дай бог, оказалась непоставленной — тогда не будет ни покоя автору, ни денег для жизни большой семьи.

А между тем все чаще возникало беспокойство, знакомое каждому художнику: пропустить время, не успеть. Жизнь явственно клонилась к закату. Островского мучили боли и хвори, и обидно было растрачивать свой признанный большой дар на проходные, лишенные внутренней обязательности труды.

«Забота писательская: есть много начатого, есть хорошие сюжеты,— сокрушался он в одном из писем,— но... они неудобны, нужно выбирать что-нибудь помельче. Я уж доживаю свой век; когда же я успею высказаться? Так и сойти в могилу, не сделав всего, что бы я мог сделать?» *(ПСС, XVI, 83)*.

Притязания художника на высокое понимание целей творчества рвали путы мелких соображений и опасений, разрушали инерцию ремесла. В этой борьбе с самим собой он иногда терпел поражение, но чаще выходил победителем.

Сюжеты его последних пьес — в сфере личной, интимной, домашней. Героиня их — женщина, тема — любовь. Общественные проблемы здесь не так явны, как в «Бешеных деньгах» или комедии о «мудрецах». Газетные фельетонисты заблуждались, когда подравнивали пьесы Островского к расхожей драматургии «с тенденцией». Верность духу времени, не сводимая к постановке «вопросов», предполагала художественную объемность характеров, их новую психологическую сложность, сочетание минучих и стойких свойств души в ее вековечном стремлении к счастью.

«Некоторые критики,— писал в 1881 году Островский,— называют тенденциозные пьесы честными, и это неверно. Они не честны, потому что не дают того, что обещают,— художественного наслаждения, т. е. того, за чем люди ходят в театр. Но вместо наслаждения они приносят пользу, дают хорошую мысль? И всякое художественное произведение дает мысль — и не одну, а целую перспективу мыслей, от которых не отделаешься» *(ПСС, XII, 158)*.

В последние годы Островский острее чувствовал, как изживает себя былая театральная условность; он требовал тонкого жизненного поведения актера на сцене, полнейшей иллюзии; ему досаждали длинные монологи с объяснением мотивов действия и реплики «в сторону». Но правда искусства для него лишь начиналась с внешнего жизнеподобия.

«При художественном исполнении,— замечал он,— слышатся часто не только единодушные аплодисменты, а и крики из верхних рядов: «это верно», «так точно» ... Но с чем верно художественное исполнение, с чем имеет оно точное сходство? Конечно, не с голой обыденной действительностью; сходство с действительностью вызывает не шумную радость, не восторг, а только довольно холодное одобрение. Это исполнение верно тому идеально-художественному представлению действительности, которое недоступно для обыкновенного понимания и открыто только для высоких творческих умов. Радость и восторг происходят в зрителях оттого, что художник поднимает их на ту высоту, с которой явления представляются именно такими» *(ПСС, XII, 167)*.

Сказано это об актере, но относится и к делу драматурга.

Сопряжение «духа времени» и попыток понять вечные тайны человеческой души, прямой правдивости с поэтической идеальностью и было сутью поисков Островского в последнем цикле его пьес.

2

«Этой пьесой начинается новый сорт моих произведений»,— писал Островский в Петербург, посылая начальнику репертуара П. С. Федорову свою «Бесприданницу».

Малозамеченная и не оцененная современниками по заслугам пьеса обгоняла свое время. «Бесприданница» ускользала из-под ранжира бытовой драмы. Какая-то иная природа сценичности чувствовалась в ней, хотя бытовой фон вовсе не был из нее изгнан.

По сценической архитектуре пьеса принадлежит к числу чудес драматургии Островского. Она построена музыкально, но без всякой навязчивости ритма. В ней есть эпическое течение жизни и сжатый драматизм. Действие начато на высокой площадке над Волгой. Автор прорывает плоскостную декорацию, дает глубокий трехмерный фон — реки с бегущими по ней судами, заволжских

далей, деревень и полей. Здесь самое место рассказать о страданиях поэтической души, побыть с нею на ее духовных вершинах. Но на той же площадке — кофейня: суетная жизнь губернского города, болтовня слуг, праздные разговоры...

Пьеса развивается в многоголосье контрастных тем: бытовых (Огудалова), комических (Робинзон), трагикомических (Карандышев), лирических (Лариса), пока не поднимается вместе с героиней до высот современной трагедии. В историю одного дня — с утра до глубокой ночи — вместилось все: нежданный приезд «идола» Ларисы, позорный обед, устроенный ее женихом, пикник за Волгой, возвращение в город, предложение Кнурова — и выстрел. Время просвечено вглубь и вспять — к истокам судьбы Ларисы, и тем стремительнее в краткие сроки одних неполных суток все свершения и развязки: будто стучал, стучал маятник и вдруг пробили часы.

Но прежде бросается в глаза быт. Купцы, встречающие нас в первой же сцене,— порождение «духа времени»: владельцы торговых фирм и пароходных компаний, а не лабазов и лавок, они даже внешне несут на себе лоск просвещенности. Вместо купеческих долгополых сюртуков и поддевок на них европейские костюмы, да и в обращении нет следа той патриархальной грубости, домостроевской заскорузлости, какая отличала кит китычей былых времен... Дельцы, а не купцы.

Конечно, Бряхимов не столица, и просвещение тут понимают по-своему. Но у миллионщика Кнурова торчит из кармана парижская газета, и сам он настолько важен, что по большей части молчит за отсутствием достойных собеседников — разговаривать он ездит в Петербург да за границу. Вася Вожеватов, по молодости, более живой и доступный. Но его европеизация выразилась в том, что вместо купеческого чая с рассидкой за самоваром он с утра уже попивает в кофейне шампанское, розлитое в чайники («чтобы люди чего дурного не сказали»).

С этими новыми купцами, которых дворяне прежде третировали как «алтынников», не находит зазорным водить компанию барин Паратов. Рознь сословий начала стираться, все больше власти получает тугой кошелек, и лишь особый шик, столичная элегантность и «широта натуры» еще отличают Паратова от бряхимовских купцов. Паратов умеет транжирить деньги с эффектом, с шумом. Ни у кого на Волге не «бегает» так быстро пароход, как у него, никого другого не встречают пушечной пальбой с баржи, никого не дожидается на пристани такая роскошная коляска... Он является в ореоле готового героя, насмешливого и скептического — поздняя печоринская копия, и Лариса глядит на него влюбленными глазами. Но похоже, губернский демон торгует последним, что у него осталось: обаянием наглости, мужского превосходства.

«Каждое время имеет свои идеалы,— объяснял Островский свое понимание «героев времени» молодому драматургу Н. Я. Соловьеву,— и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды) разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлились и сделались фальшивыми. Так на моей памяти отжили идеалы Байрона и наши Печорины, теперь отживают идеалы 40-х годов, эстетические дармоеды...» *(ПСС, XII, 154)*.

Паратов холоден, дерзок, насмешлив, увлекательно говорит, решительно поступает,— кто устоит против такого героя? «Идеал мужчины»,— говорит Лариса. Но драматург снимает романтический флёр с Паратова; увлечение его — на час, благородство — на минуту. «У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет». И еще: «...жизнь коротка, так надо уметь ею пользоваться»,— вот правила Паратова, настоящие скрижали века.

Традиций нет, совести нет, бога нет, нет и прежде стеснявшего авторитета «старших». Бессердечие, холодный расчет, психология игрока, из всех мудростей жизни усвоившего одну — циническую философию «мига»,— с этим еще придется столкнуться Ларисе.

Пробным камнем в пьесе становится любовь. Четыре героя соперничают, надеясь снискать благосклонность молодой женщины. Но в драме, как ни странно, меньше всего любви, да и о соперничестве можно говорить лишь с натяжкой.

Вожеватов заранее уступает Ларису Кнурову, поскольку «всякому товару цена есть», а Лариса ему не по карману. Кнуров пропускает вперед Паратова, чтобы потом легче взять реванш и увезти сломленную Ларису в Париж. Паратов, натешившись накоротке ее любовью, объявляет, что обручен с владелицей золотых приисков и Лариса может считать себя свободной. В довершение всего Вожеватов и Кнуров разыгрывают ее в «орлянку»...

О Ларисе говорят, ею восхищаются, на ее внимание претендуют, решают за нее ее будущее, а сама она — диковинным образом — все время как бы в стороне: ее желания, ее чувства никого всерьез не занимают. Лариса должна будет признать правоту оскорбительных, как пощечина, слов Карандышева: «Они не смотрят на вас как на женщину, как на человека,— человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас, как на вещь».

Среди своих «поклонников» Лариса с самого начала чувствует себя холодно, неприютно. Она чутка, впечатлительна, а люди, окружающие ее, грубы чувством. Вот отчего кажется, что она живет вне этой суеты, этого шумного мира, больше того — вне быта. Жалкие уловки и хлопоты матери, тщеславные волнения Карандышева, коварные комплименты Кнурова — все это будто за пеленой.

Название пьесы читается как бытовое объяснение беды Ларисы: она «бесприданница». Но одиночество ее так огромно, что тут при-

чиной, кажется, не одна необеспеченность, бедность, а вообще несовместность души с этим миром.

Вот она садится в первом действии у решетки низкой чугунной ограды и молча, долго-долго смотрит в бинокль за Волгу. Кругом кипят копеечные страсти, мелкие вожделения, а Лариса одна, совсем одна, наедине со своими мыслями и мечтами... Нехотя, как бы очнувшись, возвращается она в окружающий ее мир.

По особой затаенности и сложности душевных переживаний — поэзии недосказанного — «Бесприданница» как бы предвосхищает поэтику чеховской драмы.

Драматург обычно неторопливо развертывал фабулу пьес, узел действия завязывался у нас на глазах. В «Бесприданнице» зритель встречает героиню в критический момент судьбы, в эпилоге ее жизненной драмы. Напряжение не поднимается постепенно художественным реостатом, а, как в чеховских пьесах, заранее взято с высокой точки накала. Пережитое прошлое тайно присутствует в каждой минуте нынешней жизни.

«Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно?— говорит Лариса при первом же появлении на сцене.— Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна».

Предыстория, оставленная автором за занавесом, создает это напряжение: здесь уже пылали страсти, созидались и рушились миры, надежда сменялась разочарованием — и обуглена у Ларисы душа. «Здесь человек сгорел»,— сказал бы Блок.

Хоронимое в душе несчастье рождает мир предчувствий, тайную символику: мгновенный испуг Ларисы, когда выстрелом пушки возвещает о своем прибытии Паратов,— будто знак судьбы; и предчувствие смерти, когда она долго, до головокружения смотрит вниз с обрыва... (Проза и драма — сообщающиеся сосуды, и, быть может, аналогию этим приемам можно найти в только что появившемся тогда романе «Анна Каренина»: мир глухих предчувствий, роковых совпадений, иррациональных видений — лохматый старичок, колдующий над железом, гибель сторожа под колесами, смерть Фру-Фру...)

Но такая болезненная чуткость — на краю доступных ощущений: израненная душа ищет себе защиты в апатическом бесчувствии. «Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада»,— говорит Лариса. Появление Паратова ненадолго возвращает ее к жизни, как последнее обольщение обманного счастья.

Есть тип сознания и натуры, который зовут художественным. Для этого не обязательно играть на сцене, петь или писать романы. Что бы ни стал делать такой человек, все одухотворено у него талантом, все не пóшло, не буднично, с удивительными прорывами

в «вечность». Такова Лариса. Свободный артистизм, изящество видны даже в ее походке. Она поражает своей неординарностью.

Но у Островского она еще и поет, и поет божественно — с упоением, страстью, забвением себя, увлекаясь и увлекая других до головокружения. Мы знаем об этом по реакции ее слушателей. Паратов: «Мне кажется, я с ума сойду». Вожеватов: «Послушать, да и умереть — вот оно что!» Романс «Не искушай...», который поет Лариса, вершина ее самопроявления, высший миг. И дело не только в том, что словами Баратынского она рассказывает о себе, пророчит, объясняет и оплакивает свою судьбу. Здесь обнажается поэтическое дно ее души.

И не зря Лариса водится с цыганами: она прямая сестра толстовскому Феде Протасову. Огонь и хватающая за душу искренность цыганского пения — от всего строя жизни, не похожего на прозаическую обыденность, от вольницы, от верности сердцу, от разорванности с оседлым бытом, от ветра степей и дыма костров. И все это Лариса принимает, как свое, и соединяет с тонкой, пленительной, артистической женственностью.

Власть таланта велика над людьми. Даже омертвевшие, скучные души тянутся к нему, пресытившись прозаизмом жизни. Но главное в таланте не средства его выявления, а сами свойства души, ее «химический состав» — способность чутко и болезненно воспринимать невзгоды мира, ведать его гармонию и страдать уклонениями от нее, остро чувствовать красоту. Талант и в смелости сердца — позволить себе, что никто не позволит.

Лариса разрешает себе посмеяться над тщеславным женихом, она едет за Волгу с Паратовым. Но тем стремительнее потом падение в пропасть самого черного отчаяния.

Островский — реалист, а реализм — не сентиментальное дело. Поэзия, которой овеяна героиня, не ведет к размытости красок. В Ларисе вся определенность современного характера, лишенного плоской идеализации. Не только «вечно женская» душа, как потом гениально трактовала ее В. Ф. Комиссаржевская, и не только «жертва социальных обстоятельств». Это женщина во плоти — поэтический, мучительный, привлекательный, не благостный характер. Женской кротости в ней ни на грош; нет и простой цельности женщины с «горячим сердцем» — самолюбива, горда, и при том, что безоглядно отдается своим порывам, есть в ней порой внутренний холодок, горькая услада одиночества.

Островский писал актрисе М. Г. Савиной, что все лучшие его пьесы «писаны ⟨...⟩ для какого-нибудь сильного таланта и под влиянием этого таланта...» *(ПСС, XV, 168)*. «Грозу» он посвятил когда-то Косицкой, актрисе безоглядной искренности, обладавшей даром нести в зал переживания цельной, открытой души,— и в Ка-

терине запечатлены отчасти эти ее черты. Лариса предназначалась им для молодой Савиной — актрисы умной, высокоталантливой, славившейся не столько обаянием открытости, сколько современным «нервом», обольстительными переходами от душевного холода к жаркой страсти. «Савина, при ее средствах, должна свести с ума публику»,— рассчитывал автор *(ПСС, XV, 126)*.

Гордость, самолюбие, болезненная ранимость удесятеряют страдания Ларисы. Она стыдится бедности, мещанских претензий матери, заурядности Карандышева. Для нее все это прежде всего серо, буднично, некрасиво... В эстетизме, утонченном артистизме души Ларисы, поднимающем ее над средой, есть и тонкая тень ущербности, будто отброшенная на нее анемичностью, опустошенностью новейшего времени.

Для Островского красота и изящество, при всей их увлекательности, не синонимы добра. Где-то далеко они, возможно, и сходятся в стремлении к человеческому идеалу и одинаково служат «дарами небес». Но перевес эстетического чувства над нравственным, поклонение одной красоте без сокровенного регулятора справедливости и добра поощряют некий аристократизм сознания, привилегии тонко чувствующей натуры, и за известной чертой — это тоже ущерб человеческому.

В Ларисе нет простой цельности Катерины, нет и отчаянной решимости героини «Горячего сердца» Параши. Ей приходит мысль о самоубийстве, но что-то вопреки ее отчаянию не пускает, держит ее в жизни. «Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная...» — говорит Лариса, стоя над обрывом у решетки. И когда мерзкое слово «вещь» произнесено вслух, Ларисой овладевают душевная вялость, равнодушие к себе и людям. С циническим вызовом, с внутренней гримасой отчаяния она говорит, что пойдет на содержание к Кнурову, так как каждая вещь должна иметь хозяина. «Я не нашла любви, так буду искать золота»,— говорит она.

Карандышев — второе психологическое открытие в пьесе. Казалось бы, все должно настраивать зрителя против этого героя: его мелочность, ничтожество, темная ревность, наконец, его роковой выстрел в Ларису. Но Островский хочет не просто осудить его, а объяснить и понять. Впервые у драматурга является лицо, будто сошедшее со страниц Достоевского,— маленький человек с болезненно раздутой амбицией. Удрученный своей бедностью, зависимостью, неудачами, он склонен выместить свое унижение на других. Он завидует деньгам и успеху, ненавидит богатых и удачливых и сам изо всех сил тянется, чтобы стать с ними вровень.

Ларису он любит, но неизвестно, чего больше в этой любви — искренней страсти или жажды самоутверждения. Его мучит бес

тщеславия, ему нужна публичность: надеть ради форсу очки и пройтись с Ларисой под руку по бульвару. Смешны его потуги собрать в своем доме «избранное общество», жалок его плебейский снобизм (чтобы все, «как у людей»: и пестрый ковер на стену, и турецкое оружие, и хоть плохонький, но экипаж с лошадью, которую Вожеватов назовет «верблюдом»). И совсем уж позорен званый обед, задуманный в желании повеличаться перед поклонниками Ларисы.

Карандышев безжалостен к Ларисе. Но, правду сказать, и Лариса не щадит Карандышева. Да, она не любит его, но еще и презирает, третирует, смеется над ним. Никакого сострадания, терпимости. Раздражение в каждом слове — и за Волгу поедет наперекор ему и будет петь романс, раз он запрещает... Идет нескончаемый поединок. А между тем, если вдуматься, в обольщении Ларисы Паратовым не меньше смешной иллюзии и мишуры, чем в притязаниях Карандышева. Ларису тоже влекут шик Паратова, его мужская бравада, выстрелы в духе Сильвио, его бретерские замашки. И, как Карандышеву, ей ненавистна бедность.

Вот почему, когда Карандышев говорит о своих обидах (ведь он обманут Паратовым, как и Лариса), горько жалуется на людей, которым ничего не стоит «разломать грудь у смешного человека» (определение, подхваченное у Достоевского из «Дневника писателя» 1877 года — «Сон смешного человека»), он вызывает у нас если не симпатию, то сострадание. И тут предвестие чеховской драматургии: герои не понимают друг друга, а в сущности всяк несчастлив по-своему.

Выстрел Карандышева Лариса принимает как милость, как благодеяние: душа устала обольщаться и страдать. Она благодарит Карандышева и умирает под громкий хор цыган, посылая своим мучителям прощальный поцелуй. Во всем этом — и в смерти рядом с цыганским разгулом и в словах прощения и любви — есть какое-то святотатство. От этой удивительной по своей трагической глубине сцены веет могильным холодом равнодушия, полнейшего разочарования в жизни и добре.

Трудно судить Ларису за опустошенность души, за оттенок горького цинизма, явившегося у нее перед смертью. Но кто тут виновен? Паратов? Кнуров? Карандышев? Никто один не виноват, и все виноваты. В этой пьесе «бытовика Островского», отразившей свое время и будто заглянувшей в XX век, злая воля отдельных лиц, как и социальная «среда», не исчерпывает всего. Есть еще и «психоидеология» времени, тайная экспансия зла, возникающая как бы «из ничего» — из внутреннего холода, эгоизма, разобщенности людей. В унижении и уничтожении любви — печать эпохи.

3

«Бесприданница» была последней созданной Островским *драмой*. После нее драматург, верный своему обыкновению давать к каждому театральному сезону по большой оригинальной пьесе, написал:

в 1879 году — комедию «Сердце не камень»,
в 1880 году — комедию «Невольницы»,
в 1881 году — комедию «Таланты и поклонники»,
в 1882 году — комедию «Красавец-мужчина»,
в 1883 году — комедию «Без вины виноватые»,
в 1884 году — семейные сцены «Не от мира сего».

Все эти пьесы, как и «Бесприданница», посвящены одному: типологии любви, женским характерам и судьбам. Автор будто взялся исчерпать в них типичные случаи семейных неудач, различные исходы любовной встречи.

Женщина в этих пьесах тоскует, любит, мучается, жертвует, интригует, надеется, страдает... Верная идее долга, годами сносит постылое замужество, чтобы расслышать в конце концов пригнетаемый голос сердца («Сердце не камень»); терпит жизнь с нелюбимым мужем лишь в надежде на счастье с возлюбленным («Невольницы»); покидает любящего ее жениха и ради призвания, ради сцены идет на содержание к богатому человеку («Таланты и поклонники»); проходит через все муки разочарования в развратном муже («Красавец-мужчина»); оставленная возлюбленным, обретает позднее счастье в сыне («Без вины виноватые»); мучается любовью к беспутному мужу и погибает от оскорбления своего чувства («Не от мира сего»).

Старая как мир тема: любит — не любит. Любит того, кто не любит ее,— ее любит тот, кого она не любит... Об этом и прежде рассказывали комедии и драмы Островского. Но в пьесах молодых лет лирика любви вплеталась у него в густую, плотную ткань быта: купеческие девицы вздыхали о женихах, становились жертвой обмана какого-нибудь заезжего красавца, обретали тихое счастье под сенью родительского благословения.

Идея эмансипации женщины, громко провозглашенная публицистами 60-х годов, волновала умы и оставила крупный след в русской литературе. По-своему отозвалась она в прозе Слепцова и Чернышевского, в романах Тургенева, прекрасные женщины которого всегда выше слабого, бесхарактерного героя.

В драматургии Островского той поры — в «Воспитаннице», «Грозе», «Лéсе», «Горячем сердце» — молодая героиня становилась жертвой самодурных обстоятельств. Судьбам Нади, Катерины Кабановой, Аксюши, Параши нетрудно было сыскать социальное объяснение в духе того, что Добролюбов определил как гнет «тем-

ного царства». Права живого чувства для Островского всегда святы. Стеснение их родительским авторитетом, домостроевской традицией и пуще того — прямым принуждением неизбежно ведет к беде, говорили его пьесы.

Но времена менялись: пора безропотности, домашнего затворничества была на исходе. Принесет ли, однако, эмансипация счастье женщине?

С конца 60-х годов Островский вглядывается в нравы новорожденной «буржуазки» (Лидия Чебоксарова в «Бешеных деньгах», Мамаева в комедии о «мудрецах»). С беспокойством наблюдает он эррозию семьи: «свободные» буржуазные нравы расшатывают старый уклад. Даже в наиболее устойчивом купеческом быту былое принудительное «домовничество» сменяется распущенностью и своевольной игрой страстей. На Юлию Тугину в «Последней жертве», несмотря на все великодушие ее сердца, падает тень продажности.

Увы, внешний прогресс не приносит счастья семье, не разрешает старых загадок любви. Островский то с тревогой, то с отрадой убеждается в неизменности, стойкости коренных проявлений человеческой натуры. В последнем цикле пьес его занимает не только извечная новизна, но и повторяемость типов любви, страстей, драматических ситуаций: ревности, мести, увлечения, охлаждения, порывов и уловок чувства. В новомодной одежде, в быту и нравах города Бряхимова он опознает своих Ромео и Яго, Дездемону и Отелло — пусть на русский, провинциальный, неромантический манер. Пьесы, запечатлевшие «веяния времени», драматург дает возможность прочесть и как вековечные притчи.

Замысел комедии «Невольницы» был навеян Островскому библейской историей Иосифа Прекрасного — мифом, всегда волновавшим воображение художников, вплоть до недавней грандиозной попытки его нового воплощения у Томаса Манна.

То, что пьеса названа «Невольницы», сбило с толку ее первых рецензентов: Боборыкин находил, что она написана в «либеральном» духе. Комедию понимали как запоздалый отклик на эмансипацию.

Этому, казалось бы, помог и сам автор, вложив в уста Евлалии и Софьи скорбные ламентации о себе, как о бесправных невольницах, рабынях мужчин. «Мы обе несчастные женщины, обе изуродованные рабством; вы — в детстве, я в замужестве; мы обе невольницы...» — говорит Софья. Евлалия сетует на то, что ее насильно выдали замуж за богатого: Стыров «купил ее, как невольницу».

Выплывает знакомая, вполне благородная и «либеральная» схема. Но Островский только затем и строит ее, чтобы опрокинуть.

Выясняется, что Стыров вовсе не самодур, а мягкий, покладистый, великодушный человек. Евлалия же пошла за него замуж

по доброй воле, с тайным расчетом быть поближе к своему возлюбленному Мулину, встречаться с ним в доме мужа. Стало быть, социальное негодование лишь прикрывает здесь уловки Эрота (Евлалия звалась Еротидой в черновике). И если Евлалия и невольница, то прежде всего невольница своей страсти.

По счастливой случайности до нас дошел первоначальный набросок фабулы «Невольниц» — редкий у Островского случай автокомментария к замыслу. Из него очевидно: драматург шел от психологической задачи, а социальная идея появилась у него потом, и скорее в полемическом, чем в позитивном смысле.

«Любовь жены благодетеля к его воспитаннику,— записывал автор,— все перипетии сентиментальной страсти: нежность, [безумные] глупые порывы, ложь, несправедливые упреки, глупая ревность, ложное спокойствие. Все это надо сделать как можно реальнее, в этом вся суть пьесы, это ее внутреннее содержание. Катастрофа. Главные типы: старик умный и по уму добрый, но по натуре нерешительный и со старыми предрассудками. Женщина страстная, которую темперамент и оскорбительная подозрительность мужа доводят до пренебрежения всеми высшими чувствами,— приличием, долгом, честностью, правдою» *(ГБЛ)*.

Типы, намеченные в этом наброске, тонко реализованы в лицах пьесы: современное и «вечное» тесно переплелось в них. Нагляднее всего этот сплав в характере героя-любовника Мулина. Плут, циник, получающий подарки от «вольнодумки» Софьи, он — прямое порождение времени. Однако в его психологии есть отблеск и «вечной темы»: новый Иосиф спасается бегством от бурной страсти жены «благодетеля», едва не оставляя в ее руках клок своего платья.

Психология Мулина, как и Софьи, передана в пьесе безупречно. И все же приходится сказать, что современность в сравнении с «Бесприданницей» в комедии обмелела, а «вечность» не достигла настоящей глубины.

Будем судить автора по законам, им над собой признанным, и согласимся, что «вся суть пьесы» — перипетии страсти. Но если попробовать все же извлечь из комедии некий направляющий смысл, его, пожалуй, можно определить так: эмансипация еще не гарантия счастья.

Стыров, одумавшись, предлагает Евлалии «полную свободу», жалеет, что не сразу сообразил, что «без свободы нет счастья для женщины». Но Мулин не любит Евлалию, и ей нечего делать с этой свободой. Неудача в любви надламывает ее, и она садится за ненавистное ей прежде занятие — карты, к вящему удовольствию и покою супруга. Внешнее освобождение женщины, что и говорить, не обеспечивает гармонии любви, не спасает от драмы неразделенного чувства.

Островский посмеялся над теми модными драматическими безделками, которые весь конфликт строили на защите свободного чувства от угнетения «обстоятельствами». К 80-м годам им уже было несть числа, и они превратились в обычную либеральную пошлость.

Кто лучше Островского знает, что домостроевская суровость, заветы жизни в «теремах» вели лишь к обману и разврату тайному? Но мнится ему и другое: эмансипация может повести к распадению семьи, разврату свободному и признанному. А нужна и спасительна — пусть нет в этом и малейшего открытия — одна любовь, только любовь, неустанно внушает Островский; простая истина — свободное соединение людей по сердцу.

Иной характер, иную судьбу живописует драматург в комедии «Сердце не камень», задуманной позже «Невольниц», но осуществленной годом ранее. В отличие от Ларисы в «Бесприданнице» или Евлалии в «Невольницах» Вера Филипповна принадлежит к женщинам «кротким». Этот тип дорог, симпатичен Островскому, и он не однажды явится у него в цикле поздних комедий.

Вера Филипповна обманывает не других — себя, присиливая сердце к верности старому мужу, гуляке и самодуру. Каркунов держит ее взаперти со дня замужества, и за пятнадцать лет она не знает другой дороги из дому, как только в церковь да в баню. Но живой душе надо же чем-то питаться, и в свои молодые годы она спасается христианским благочестием и набожностью, щедрой раздачей милостыни, опекой над убогими и несчастными.

В этой филантропии нет лицемерия. Ущербна лишь искусственность внушенного себе долга. Вера Филипповна искренне считала, что раз она «отдана» Каркунову, то, как пушкинская Татьяна, «будет век ему верна», и свою несвободу понимала как добродетель. А жизнь будто нарочно подтверждала ей правоту ее смирения, приводя к поражению и конфузу тех, кто пытался вероломно обмануть ее, сыграв на ее слабостях: притворного Ераста, корыстного племянника Константина, нищего странника, оказавшегося грабителем. Казалось, идея христианского смирения победила: ни на кого она не держала зла, всех прощала.

Но не для того писал свою пьесу Островский. «Язычник», воспевший Снегурочку, побеждает в нем христианина. В комедии рассказано не о подвигах филантропии Веры Филипповны, а о том, что жизнь сердца имеет над женщиной могущественную власть и оказывается сильнее доводов рассудочной нравственности.

Сердце — не камень. Это сказано о старике Каркунове, который хотел с помощью завещания обеспечить себе верность жены и за гробом, да вдруг одумался и поступил по совести. Но это и о самой Вере Филипповне сказано: ведь она бесстрашно признается

старику, что после его смерти пойдет замуж вопреки его воле. А все потому, что она тайно любит столько раз обманывавшего ее, недостойного Ераста. Живое чувство тлеет, как под пеплом, в кроткой, послушной женщине и вдруг прорывается наружу вопреки всему: соображениям выгоды, ничтожеству ее избранника, христианской покорности долгу.

Зоя в комедии «Красавец-мужчина» — более заурядный, расхожий образец типа женщины любящей. В ней нет, как в Вере Филипповне, порывов религиозного благочестия. Поощряемая своей тетушкой, она обожает Окоемова за красоту и мечтает, чтобы все вокруг ей завидовали. Пустое тщеславие!

И однако сколько бескорыстной жертвенности, желания спасти беспутного мужа, святого доверия в ее сердце. Нужно, чтобы Окоемов вконец ее унизил, растоптал, обманул, чтобы она позволила себе усомниться в том, что он достоин ее любви. И как же сопротивляется Зоя отторжению и гибели любви в своем сердце, как цепляется за малейшую возможность оправдать мужа или, когда уж все очевидно, оставить хоть лазейку надежде!.. Великую потребность женской души — спасать, жертвовать, отдавать вопреки рассудку, личному интересу — неизменно прославляет Островский.

Тип самоотверженной «кроткой» женщины дорисован драматургом в последней его пьесе — «Не от мира сего». Больная, немощная, поэтическая Ксения даже чуть неправдоподобна своей неземной идеальностью. Это «птица небесная», женщина «не от мира сего», смысл своей краткой жизни положившая в одной любви, постоянной и верной.

В противность ей Кочуев, как и все его окружение, насквозь земной человек. Не злой, но пошлый господин, наивный эгоист, он всякий раз искренен в раскаянии, подавлен, растерян, но уже в следующую минуту готов, по слабости, вновь угождать своей минутной прихоти: клуб, оперетка, обед с француженками, коляска для мадемуазель Клеманс — вот привычные соблазны, которые всегда сторожат его душу. Даже когда с искренним жаром он уверяет Ксению в своей любви к ней. Даже когда рисует идиллические картины семейных вечеров, домашнего уединения. Богач и кутила Муругов возникает за его спиной, как демон-искуситель, посланный за ним, чтобы вернуть его в покинутый им мир.

В этой грубой, двусмысленной, нечистой жизни идеальная Ксения — чужестранка. Она умирает как бы от отсутствия воздуха, не вынеся нового оскорбления своему чувству.

Но прежде Островский успевает вложить ей в уста пусть и несколько риторические, но возвышенные монологи о любви как о высшем благе, сокровенном достоянии кроткой женщины, о светлом храме, созидаемом любовью в ее душе. «Ведь это цель нашей

жизни,— говорит Ксения как бы за всех женщин и девушек Островского,— венец всех желаний, торжество! Ведь это та неоцененная редкость, которую ищут все женщины, а находят очень немногие».

...Вот они проходят перед нами, одна за другой, со скорбными, усталыми, просветленными лицами — кроткие и страстные, терпеливицы и мученицы — женщины поздних пьес Островского. Обстоятельства жизни, то, что несколько отвлеченно зовут «судьбою», неизменно враждебны им. Но как по-разному ведут они себя в этих обстоятельствах! И как несходны, при всем родстве их «общеженских» черт, их характеры.

Гордая, мечтательная, самолюбивая, нежная Лариса; кроткая, послушная, беззащитная Вера Филипповна; страстная, эгоистическая, лживая Евлалия; чистая, цельная, наивная Зоя; слабая, кроткая, доверчивая Ксения...

Мужчины в этих же пьесах — однообразнее, беднее жизнью души. Чаще всего ими руководит корысть или мелкие вожделения. Печать века, среды и обстоятельств глубже вырезывается на их лицах: желание покрасоваться, погоня за богатым приданым, поиски «невесты с золотыми приисками»... (Этот образ так часто встречается в пьесах Островского, что становится почти мифом, знаком благополучия.)

Паратов, Окоемов, Мулин, Ераст, Кочуев не умеют любить, знают одну свою выгоду, легко обманывают. Коблов, Каркунов — люди старого завета, если и любят, то тяжело, по-домостроевски самовластно.

Когда-то автор драмы «Не так живи, как хочется» видел защиту нравственности в патриархальных устоях, христианских основах семьи и брака. «Брак — дело божье...» — утверждал он. Любовь, страсть представала у него чувством огневым, хмельным, увлекательным, но опасным своей разрушительной силой. Прошли годы, и опору живой, гуманной нравственности он видит теперь лишь в натуре женщины, в ее природном, все сметающем чувстве любви, способном — при встречном отзвуке — на великое созидание жизни.

«Красота спасет мир»,— говорил Достоевский. Мир спасет добро, утверждал Толстой. Островский, по обыкновению, не стал бы вступать в полемику,— быть может, за каждым из этих утверждений есть толика истины. Но для него несомненнее другая максима: мир спасется любовью.

Женщины поздних пьес Островского несут в себе огромную энергию любви, привязанности, самоотвержения, но эти дары души никому не нужны. Порывы их расточаются в пустоту, сами они гибнут...

Невеселы итоги раздумий художника, попытавшегося вслед за русской большой прозой 70—80-х годов зачерпнуть из источника

вечности и его мерой промерить современность. Но таков прирожденный и воспитанный в себе демократический оптимизм Островского, что его мечту, его идеал не в силах погасить даже самые безотрадные ответы жизни.

4

На склоне лет Островский все чаще задумывался о необходимости коренного обновления драматической сцены. Ему хотелось видеть театр свободным от казенщины и гастролерства; в приюте высокого искусства не должно быть места провинциальному дилетантству, безвкусице, заплеванным подмосткам, грубости и торгашеству.

Конец 70-х — начало 80-х годов, когда в управление императорской сценой вступил худший из театральных временщиков барон К. Кистер, Островский называл «лихолетьем». «Поруганное русское искусство,— писал он об этой поре,— постепенно замирало в императорских театрах, а частные театры систематически убивались Кистером. Он играл с ними, как кошка с мышью; увеличивая прогрессивно налоги по мере их успехов, он сознательно разорял и губил те из них, соперничества которых могли опасаться императорские театры, уронившие у себя сцену до того, что баловство любителей на частных и клубных театрах стало опасным соперником искусству привилегированных артистов. Положение драматических писателей стало невыносимо; для русского драматического искусства настало «лихолетье». Я теперь удивляюсь, как мы перенесли это время, как не бросили писать» *(ПСС, XII, 247)*.

С конца 70-х годов Островский ревностно работал над проектами реформ русского театра, писал многочисленные «записки» ближайшему окружению царя, наконец, сам занял должность главы репертуара московской императорской сцены. Но он думал о театре не только докладными записками, он думал о нем и своими пьесами.

Комедия «Таланты и поклонники» — одно из последних крупных достижений драматурга. То, что пьеса эта, как и написанные чуть позднее «Без вины виноватые», посвящена театру, актерам, легко объяснить со стороны биографической. Театр смолоду был для Островского родным домом. Никто не знал актерскую братию — в ее высокие минуты и в жалких падениях,— как Островский.

Он бранил «неурядицу» императорских театров, но понимал, что провинция еще хуже: те же сплетни, интриги, да, пожалуй, погрубее, то же пресмыкательство перед антрепренером и богатой публикой, та же любительщина на сцене, игра кое-как, «на вызов»... Ему ли прикрашивать актерский быт? Но он так любит актеров, что и о слабостях и о малостях их говорит в своих пьесах чаще всего с примирительной улыбкой.

Конечно, в театре тоже есть пошлые лица, на которых и его добродушия не хватит. Это Смельская, Коринкина, пустой малый— «амишка» Миловзоров. Они завистливы, склонны к закулисному интриганству. Любят весело пожить, прокатиться на чужих лошадях, пообедать за счет богатых «поклонников». И на сцене, верно, им не велика цена: жмут, переигрывают, играют на публику.

С несравненно большей симпатией взирает Островский на другие фигуры театрального мирка: запойного трагика с театральными жестами и возвышенной речью, который не знает ни в чем чувства меры и в жизни ведет себя, как на сцене; и на обделенного судьбой Аркашку, русского шута, в котором столько всего намешано — и доброго, и злого, и забавного. Его и презираешь и смеешься над ним, а больше всего —жалеешь.

Родившийся впервые в «Лесе» Аркашка Счастливцев объявился в «Бесприданнице» прихлебателем барина Паратова Робинзоном, а потом, в «Без вины виноватых», принял имя Шмаги. В нем соединились черты многих знакомцев Островского, провинциальных актеров Кости Загорского, П. Медведева, А. Казакова — их шутки, привычки, розыгрыши, сам тип поведения с легкими переходами от заискивания к фамильярности, от приниженности к хвастовству.

Робинзон в «Бесприданнице» принимает участие в подлой проделке с Карандышевым, но, впрочем, и его легко обманывают. Он пыжится, заявляет всем, что «горд», а сам норовит хлебнуть дармового коньяку и, едва хозяева отвернутся, тащит в карман сигары... И таков же Шмага — гаер, шут, временами дерзко выговаривающий правду. «Хоть дрянь, но искренен»,— говорит о нем Незнамов. Он тоже курит один сорт сигар —чужие, летит к цели, когда скажут: «Закуска готова», привык к тому, что его бьют; он может, надувшись важностью, заявить: «Артист... горд!» — и «не задумается за грош продать своего лучшего друга и благодетеля».

Драматург видит в Робинзоне и Шмаге черты душевного неблагородства: маленький актер любит покровителей, склоняется перед силой. Почему же нет в его голосе ни раздражения, ни сарказма, а лишь добрый юмор? Актер, если он талантлив, всегда мил Островскому: он узнает в нем что-то детское, беззащитное. Шмага жалок и пытается отстоять себя то легким цинизмом, то юмором, а если б подойти к нему с добром, то, глядишь, и он бы не погиб. Сама жизнестойкость его поразительна; ограбленный антрепренером, в продувном пальто, голодный, озябший, скитается он из города в город, лицедействует в жизни, сыплет цитатами из затрепанных пьес, спотыкается, падает и снова встает, как ярмарочный Ванька-встанька. Дар комика — в родстве с непогасшим нравственным добром; смешить можно, лишь сохраняя непосредственность, искренность, талант общения с людьми. Островский и любит этих провин-

циальных горемык такими, какие они есть,— с их риторикой, простодушной хвастливостью, вечным желанием понравиться, беспорядочным образом жизни и детской строптивостью.

Легко, конечно, объяснить тему театра в пьесах Островского, исходя из личных его впечатлений и интересов. Но разве в одной биографии дело? Жизнь есть театр, и люди часто выступают лицедеями в жизненной драме. Эта метафора, знакомая искусству со времен шекспировского «Гамлета», составляет еще один художественный план в пьесах Островского о театральной провинции.

В самом деле, разве сановная развалина князь Дулебов не выглядит посредственным актером, ряженым, когда наигранно объясняется в любви Негиной? И, напротив, сквозь все сентиментальное резонерство и актерские ухватки суфлера Нарокова разве не видна его высокая, чистая человеческая душа? В «Талантах и поклонниках» Островский как бы перечеркивает обывательские толки о разврате закулисного мирка, о сладком безделье счастливцев-актеров, перенеся всю силу иронии на избранное общество «поклонников», таких, как равнодушный циник Бакин или сластолюбивый Дулебов.

Подлинная драма Негиной состоит в том, что, за малым исключением, никто из ее окружения всерьез не признает в ней человека искусства, актрису. А Негина — прежде всего актриса, актриса по призванию, настоящий талант. Но не таланту ее поклоняется публика первого ряда кресел. И, увы, не талант ценит в ней даже самый близкий ей человек — Петя Мелузов.

Бедный студент, труженик, благородный герой, воспитанный на традициях шестидесятников и романе «Что делать?» (отголоски его очевидны в той сцене, когда Мелузов приглашает свою невесту к дружеской «исповеди»), он вызывает у зрителя живую симпатию. Мелузов проповедует преимущества честной бедности, стремится внушить Негиной твердые нравственные правила, принятые в демократической среде. Но на жизнь он смотрит теоретически, умозрительно и даже в Негиной, которую искренне любит, видит прежде всего объект просвещения и воспитания. Прямота, дух трудовой морали, базаровская ненависть к «фразе», презрение к барскому разврату делают ему честь. Но он и не скрывает, что театр чужд ему, как праздная забава, сопряженная и в быту с чем-то легковесным, нечистым. Спасти «падшую душу», вырвать ее из «мрака заблуждения» было любимой заботой шестидесятников. Вот и Мелузов относится к театру, как к вертепу.

Лишь после прощального спектакля Негиной он делает в письме к ней запоздалое признание, звучащее отголоском каких-то давних споров с невестой: «Да, милая Саша, искусство не вздор, я начинаю понимать это...»

Мудрено ли, что Негина, замученная интригами и местью отвергнутых «поклонников», не понятая женихом, приведена к решению оставить город и уехать с Великатовым. Ее поступок выглядит безнравственным. Проводив поезд, оставшиеся на перроне «поклонники» догадываются: дело ясное, сказалась недотрогой, а сама расчетливо выбрала богатого покровителя. Даже Мелузов бросает ей на прощание: «Разве талант и разврат нераздельны?»

Быть может, оправданием героини служит захватившее ее чувство? Ведь сердце всегда право. Нет, перед Негиной не стоял обычный для женщин Островского выбор в любви. Она не любила по-настоящему Мелузова, не любит и Великатова. Но она боится закопать свой талант, погубить себя как актрису, а Великатов сулит ей не только безбедную, независимую жизнь (как устала она зависеть от всех и вся — антрепренера, публики, домогающихся ее поклонников!), но и счастливую работу в театре.

Великатов ведет свою генеалогию, пожалуй, от Василькова из «Бешеных денег» — культурный, гуманизованный делец, спокойный, уверенный в себе человек с ироническим блеском в глазах. Он умен, воспитан, обходителен, но «благородным замыслам» предпочитает те, где больше шансов на успех. «Позитивист» Мелузов выглядит перед ним мальчишкой — романтиком. Великатову удобнее взять Негину на содержание, чем жениться на ней. И пока Мелузов внушает своей невесте правила честной бедности, Великатов увозит ее и, отдадим ему должное, делает это ловко, спокойно, деликатно.

Теория, мораль отступают перед силой жизни. Пусть тысячу раз прав добродетельный Мелузов («Все правда, все правда, что ты говорил, так и надо жить всем, так и надо...»), но Негина отказывается быть героиней, «примером для подражания» и не может поступиться любовью к театру.

Говорят, что Островский — моралист. Но «правда — хорошо, а счастье лучше», вздохнув, неизменно соглашается он.

Симпатичен Мелузов в своем яром просветительстве. Нельзя человеку сдаться, и если он перестанет обличать ложь и сеять зерна просвещения — «покупайте револьвер!». Но и Негина права безотрадной правотой жизни. Пока на театр смотрят как на легкое развлечение, пока он находится в руках продажных антрепренеров и губернских меценатов, искусство не может защитить себя. Вот где с величайшей правдой выявлена пригнетающая сила вещей, жизненных обстоятельств, под гнетом которых живет женщина, осмелившаяся выбрать судьбу актрисы!

Только один человек в пьесе — старый суфлер Нароков, слывущий чудаком и «сумасшедшим»,— целиком и до конца понимает Негину, может быть, оттого, что по-стариковски, чуть смешно влюблен в нее и ее талант. Этому герою, душа которого «из тонких

парфюмов соткана», доверяет автор свои задушевные мысли о театре.

С Нароковым входит в пьесу та звенящая поэтическая нота, которую Островский назвал в одной из своих поздних заметок «возвышенным лиризмом». Отметив, что «реальное отрезвляет искусство», он внятно пояснил:

«Реальное не значит низменное, реальное значит правдивое, верное, но ведь и лиризм, и возвышенные чувства существуют в человеке, значит, и они реальны. Умей только найти их в человеческой душе.

Поборники правды, чести, любви, возвышенных надежд еще не сошли со сцены, рыцарь еще не побежден окончательно,— он еще будет бороться с неправдой и злом» *(ПСС, XII, 319)*.

Таким рыцарем добра был актер Несчастливцев в «Лесе», такого же непобежденного рыцаря узнаем мы в старике Нарокове, сочувственно внимая его словам: «Талант есть лучшее богатство, лучшее счастие человека!» Не одни любители «клубнички» Бакин и Дулебов, но даже честный труженик Мелузов чем-то обделен, если не видит, не признает за театром его огромной, возвышающей человека силы. Вера Нарокова в талант, в сценическое искусство сродни тем чувствам, что помогли Островскому выжить в пору кистеровского «лихолетья».

Кручинина в комедии «Без вины виноватые», подобно Негиной, актриса, то есть жизнь ее не замкнута, как у других героинь Островского, исключительно одним — семьей, любовью. Есть у нее и другая сфера проявления себя, своей личности — театр.

«Без вины виноватые» начаты для Островского традиционно, как еще один поворот любовной темы: судьба женщины, брошенной своим возлюбленным. Пролог (I действие) как бы вкратце исчерпывает в себе пьесу, смысл которой — обман женского сердца — тема писанная-переписанная Островским. Но на этот раз он хочет проследить судьбу героини дальше: что станется с ней, если она уцелеет после всего происшедшего? Кручинина уцелела, стала знаменитой актрисой. Она победила зависимость от судьбы, которой покорилась Негина.

Островскому хотелось показать сильный женский характер, женщину, не уступившую жизни. Замысел значительный, исполненный смысла. Но на этот раз драматург представил зрителю талант Кручининой, ее успех и сценическую славу как готовое условие, заставив поверить на слово, что она сама всего этого достигла, а действие сконцентрировал вокруг мелодраматической истории обретения матерью считавшегося погибшим сына.

Кручинина — настоящая театральная героиня, и роль ее написана сценически эффектно. Она была бы еще правдивее, будь в ней

поболе индивидуальных красок: страсть к благодеяниям и филантропические порывы мало обогащают этот характер.

Интереснее задуман молодой герой Незнамов, не jeun premier, не традиционный любовник, а злой, честный, правдивый юноша — молодой неврастеник в духе времени. Его неврастения объяснена у Островского биографически, как досада на положение «незаконнорожденного» (потом объяснять не будут, скажут просто: «болезнь века»). Но сам герой, в духе чеховского Треплева, уже появился. Горечь, сарказм, молодая обида на весь божий мир — в его словах.

Конец пьесы — встреча матери с сыном — выжимал слезы у самого черствого сердцем зрителя. Можно было счесть этот финал надрывным или сентиментальным, но он пробуждал в театральном зале добрые чувства.

Островский впервые открыл сцену театра с изнанки, с кулис, и дал убедиться публике, что актеры такие же люди, как и все, и так же мучаются, страдают, радуются, негодуют, так же жаждут любви и душевного сочувствия и заслуживают его —и в жизни и на подмостках.

5

Каких только соблазнов не пережил русский театр в последнее десятилетие жизни Островского, какие модные поветрия не колыхали его репертуар! «Вот мелодрама с невозможными событиями и с нечеловеческими страстями,— перечислял моровые язвы русской сцены Островский,— вот оперетка, где языческие боги и жрецы, короли и министры, войско и народ с горя и радости пляшут канкан; вот феерия, где 24 раза переменяются декорации, где в продолжение вечера зритель успеет побывать во всех частях света и, кроме того, на луне и в подземном царстве, и где во всех 24 картинах все одни и те же обнаженные женщины» *(ПСС, XII, 124—125)*.

Искусство Островского, строго верное себе, несло огромный запас нравственного здоровья и твердо отстаивало права художественного реализма.

Последние годы драматург много работал с начинающими писателями — Н. Я. Соловьевым, П. М. Невежиным, Г. Г. Лукиным пристально изучал опыт европейской и мировой драмы и, воюя с бесхудожественным репертуаром, сам менее всего хотел бы казаться ретроградом.

Начиная с удивительной «Бесприданницы», последние пять-шесть лет активной творческой работы Островского примечательны исканиями нестареющего духом художника. При нем неизменно оставались его завоевания в жанре быта, умение рельефно очертить характеры, совершенное владение тоном и музыкой языка. Он умел с величайшей правдивостью воссоздать неторопливое эпиче-

ское течение жизни, но уже не дорожил этим умением, как прежде. К зрелым годам он сполна овладел тайной сценичности, то есть знал, как захватить внимание зрителя и держать его в напряжении, когда ввести и увести со сцены героя, как эффектнее повернуть интригу.

В пьесах последних лет есть эта высшая профессиональная ловкость, совершенное знание секретов ремесла, эффектов, безотказно действующих на публику. Иногда драматург шел по легкому пути и использовал вековые приемы комедии — «переодевание» в «Красавце-мужчине», подслушанный разговор в комедии «Сердце не камень», неожиданное «узнавание» в «Без вины виноватых». Но не это сообщало силу Островскому.

Шли 80-е годы; люди иначе чувствовали, иначе любили, молились иным богам, чем во дни молодости драматурга. Сложнее становились отношения социальной зависимости. Душевный мир людей тоже казался темнее, запутаннее, тоньше.

Островский говорил в эту пору: «Драматические произведения «из народного быта» надоели: в них нет личности, нет проявления воли; в них люди действуют под влиянием страстей, аффектов, потому «чем чуднее, тем вернее». А вот создайте интеллигентную тонкую комедию, внутреннюю борьбу, лицо...» *(«Восп.»,* стр. *294).*

Этой задачи он сам не чуждался в цикле своих поздних пьес, которые один из исследователей его драматургии метко назвал «печальными комедиями» [1]. Более всего удалось ему это в «Бесприданнице» с ее сложным психологическим строем и в «Талантах и поклонниках» с их лирическим кружевным письмом.

Но и неудача крупного таланта порой важнее привычной, стертой удачи, добытой по знакомому следу. Так, неудачна последняя вещь драматурга — «Не от мира сего». Островский был уже сильно болен, дописывал пьесу поспешно, напрягая последние силы. Он старался успеть к бенефису Стрепетовой и едва ли не погубил торопливым сведением концов дорогой ему замысел. Критик С. Васильев (Флеров) верно угадал в этой пьесе жанр «драматической поэмы». Когда-то Лариса произнесла в «Бесприданнице» безнадежные слова: «Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать». Ксения в последней пьесе Островского, вопреки всем указаниям охлаждающего опыта и здравого смысла, до конца верила в любовь и ее утверждала — даже на пороге смерти. Можно лишь сожалеть, что высокий замысел не обрел в пьесе совершенной формы, а могла бы получиться — по новизне психологического задания — очень значительная вещь.

---

[1] Б. Алперс, «Сердце не камень» и поздний Островский.— В кн. «Ежегодник Малого театра». 1935—1954, М., 1956.

Последняя оригинальная пьеса была написана Островским в 1884 году. Он прожил еще два года, но болезни, заботы и хлопоты о театре не давали ему сосредоточиться над письменным столом, как прежде.

В начале 1886 года, назначенный главой художественной части московских театров и заведующим театральной школой, он облачился в форменный вицмундир и принимал посетителей в служебном кабинете, а бессонными ночами строил планы создания нового репертуара — разнообразного по жанрам, художественного по содержанию и формам, народного по общедоступности.

Голова его была полна самых разных замыслов. Ему хотелось написать феерию, но не пошлую балаганщину, а изящную сказку в духе Гоцци. (Вспоминая этого почти неизвестного в России автора, он словно предвосхитил интерес Вахтангова к «Принцессе Турандот».) Мечтал он и о современной психологической драме — два года спустя после его смерти Чехов написал «Иванова», а вскоре появилась и «Чайка». Островского поразила слитность ансамбля в увиденных им за год до смерти спектаклях «мейнингенцев», и, несомненно, он создал бы драму с учетом этих вновь открытых для театра режиссерских форм, тщательной разработки «народных сцен».

Впрочем, что тут гадать. За многое хотелось взяться Островскому, когда он с ужасом ощутил, что было уже поздно. «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уж зубов не стало»,— вымолвит он в письме к Мысовской 10 января 1886 года *(ПСС, XVI, 227)*. А спустя полгода в том же форменном вицмундире театрального ведомства похоронят его на погосте лесной деревушки Николо-Бережки, неподалеку от милого сердцу Щелыкова.

А еще через десятилетие в московском ресторане «Славянский базар» сойдутся как-то два страстных любителя театра, которые проговорят всю ночь напролет и задумают основать новый, Художественно-общедоступный театр, «народный театр,— как скажет один из них,— приблизительно с теми же задачами и в тех планах, как мечтал Островский»[1].

Думая о репертуаре будущего театра, Станиславский и Немирович-Данченко найдут ему опору в драматургии Чехова и Горького, но не забудут и великого наследия Островского, которому помогут найти дорогу в новую историческую эпоху.

В. Лакшин

---

[1] К. С. Станиславский, Собрание сочинений, т. 1, М., «Искусство», 1954, стр. 186.

БЕСПРИДАННИЦА

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1879, № 1, стр. 5—100.

Рукописные источники:

черновой автограф (*ГБЛ*);

цензурная театральная копия (*ЛГТБ*).

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 16, строка 33
«уж диви бы» *вместо* «уж ежели бы»

Стр. 19, строка 20
«помилуйте» *вместо* «пожалейте»

Стр. 22, строка 12
«С кем вы» *вместо* «С ним вы»

Стр. 38, строка 8
«я чего-то боюсь» *вместо* «чего-то боюсь»

Стр. 46, строка 24
«я вам ручаюсь» *вместо* «вам ручаюсь»

Стр. 46, строка 39
Вставлена ремарка: («Карандышеву»)

Стр. 59, строки 29—30
«Где принимают меня, там должны принимать» *вместо* «Где приглашают меня, там должны приглашать»

Стр. 81, строка 18
«хватаясь за грудь» *вместо* «хватаясь за голову».

В дневнике И. А. Шляпкина имеется краткая запись рассказа М. И. Писарева о первоначальном сюжете драмы под названием «Бесприданница», который он слышал от самого автора: «На Волге старуха с 3 дочерьми. 2 разухабистые, и лошадьми править, и на охоту. Мать их очень любит, и им приданое. Младшая тихая, задумчивая, бесприданница. Два человека влюблены. Один деревенский житель, домосед, веселиться, так веселиться, все удается у него. Читает «апостола», ходит на охоту. Другой нахватался верхушек, но пустой. Живет в Питере, летом в деревне, фразер. Девушка в него влюбилась, драма» (*В. Лакшин, Новые материалы об А. Н. Островском.— «Рус. литература», 1960, № 1, стр. 154*). Судя по этому рассказу, речь идет о замысле какой-то совершенно иной пьесы, тоже называвшейся «Бесприданница». Никаких следов этого замысла в бумагах Островского не сохранилось.

Новая пьеса под тем же заглавием была задумана в ноябре 1874 года, о чем есть авторская помета на черновом автографе (*ГБЛ*). Спустя два года, сообщая Ф. А. Бурдину о работе над пьесой,

Островский писал: «Все мое внимание и все мои силы устремлены на следующую большую пьесу, которая задумана больше года тому назад и над которой я беспрерывно работал. Я думаю кончить ее в этом же году и постараюсь отделать самым тщательным образом, потому что это будет *сороковое* мое оригинальное произведение» (*ПСС*, *XV*, *74*). Отражением этого является надпись на черновом автографе: «Opus 40».

Однако прошло еще два года, прежде чем драма была закончена. Н. И. Музиль, для бенефиса которого она была обещана, попробовал поторопить автора и просил присылать пьесу по частям, на что Островский ответил: «По актам я не могу посылать пьесу, потому что пишу не по актам; у меня ни один акт не готов, пока не написано последнее слово последнего акта» (*ПСС*, *XV*, *122*).

Наконец, 17 октября 1878 года (дата на черновом автографе) драма была закончена, 18 октября ее начали переписывать, и 26 октября один экземпляр писарской копии был отослан в Петербург (см. *ПСС*, *XV*, *124*, *125*). 28 октября драма была одобрена Театрально-литературным комитетом и в тот же день дозволена к представлению драматической цензурой (даты — на цензурной театральной копии *ЛГТБ*).

3 ноября 1878 года Островский писал Бурдину: «Пьесу свою я уже читал в Москве пять раз, в числе слушателей были лица и враждебно расположенные ко мне, и все единогласно признали «Бесприданницу» лучшим из всех моих произведений» (*ПСС*, *XV*, *128*).

Сохранившийся черновой автограф в значительной мере отражает следы этой многолетней и напряженной работы драматурга над пьесой. Первые страницы черновика содержат перечень действующих лиц, сценарий трех действий драмы (по первоначальному замыслу она должна была иметь три действия), несколько листов заняты набросками реплик, не «привязанных» к конкретным персонажам, и записями отдельных слов и фраз на цыганском языке («Иди сюда! Иди скорей! — Ча адарик! Ча сегер»; «Зачем? Что тебе? — Палсо? Со туке требе?» и т. п.).

Узнав, что Островский закончил новую пьесу, М. Е. Салтыков-Щедрин 18 октября 1878 года писал драматургу: «Обыкновенно, «Отеч. зап.» начинали год Вашей комедией — позвольте думать, что и в будущем году не последует в этом отношении перемены. Я читал в газетах, что комедия у Вас уже написана и будет поставлена в половине ноября на сцену <...> Пожалуйста, напишите, можем ли мы рассчитывать на Вашу новую комедию: нам это очень-очень важно» (*Щедрин*, *т. 19*, *стр. 111*). На следующий день, получив письмо от Островского, высказавшего пожелание дать пьесу для ноябрьского номера журнала, Салтыков-Щедрин продолжил свою мысль в новом письме: «Мы желали бы начать Вашей пьесой 1879 год: это уж давно так повелось. Нет нужды, что пьеса будет представлена на сцене раньше, от этого она нимало не утратит интереса в чтении» (*там же*, *стр. 112*). Но Островский сам не успел дать пьесу к ноябрьскому номеру, и она была опубликована только в январском номере «Отечественных записок» за 1879 год.

В связи с тем, что драма увидела сцену почти за два месяца до ее опубликования, все отзывы о ней в большей или меньшей степени были связаны со спектаклями. Воспринятая как заурядная бытовая

драма, новая пьеса была встречена критически. Резко отрицательно отнесся к ней С. Васильев (С. В. Флеров). «Во время первого представления автор не был вызван после окончания пьесы <...> Очевидно, что драма не увлекла залы <...> В ее настоящем виде «Бесприданница» есть широко задуманная бытовая картина <...> Некоторые подробности нарисованы и отделаны художественною рукой, другие только намечены и оставлены в форме эскиза» (*«Моск. вед.», 1878, 19 ноября)*. Рецензент «Нового времени» писал, что в образе Ларисы «автор показывает нам кусочек более чистого неба, уголок лучших стремлений». Но, продолжает он, «мы, впрочем, более склонны видеть в Ларисе недалекую романтическую мещаночку, весьма способную прельщаться «сильными мужчинами», «героями» в мещанском смысле этого слова». И рецензент патетически восклицает: «Неужели стоило г. Островскому тратить свои силы и свое время на драматическое воспроизведение банальной, старой, неинтересной истории о глупенькой, обольщенной девице?.. Жестоко ошибся тот, кто ждал нового слова, новых типов от почтенного драматурга; взамен их мы получили подновленные старенькие мотивы, получили множество диалогов вместо действия» (*1878, 18 ноября)*.

После опубликования драмы появились и противоположные отзывы. В. П. Буренин признал, что «драма, хотя и не принадлежит к числу лучших вещей Островского, во всяком случае, представляет серьезный интерес <...> Теперь, когда пьеса <...> появилась в печати, можно сделать о ней заключение <...> По моему мнению, газетные московские судьи <...> совсем не поняли смысла пьесы и наговорили о ней бог знает какой вздор <...> Драма Островского, говоря банальным выражением, задевает одну из самых жгучих ран <...> печальной современности. В драме нарисована простая, но глубоко верная картина того бесстыдного и холодного бессердечия, которое сделалось чуть ли не основной чертой текущего прогресса во всех общественных слоях. Лица в этой картине очерчены не бог весть как ярко <...> но, однако же, настолько выразительно, что они являются живыми представителями русской действительности» *(«Нов. время», 1879, 26 января)*.

Тем не менее позже, подводя некоторый итог спектаклям на московской и петербургской сцене, П. Д. Боборыкин утверждал: «Мы еще раз повторяем, что эту вещь никак нельзя считать одной из лучших в театре Островского <...> Ее нравственный замысел не может быть и поставлен рядом с однородными замыслами «Бедной невесты» и «Воспитанницы» *(«Рус. вед.», 1879, 23 марта)*.

Премьера в Малом театре состоялась 10 ноября 1878 года в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Огудалова — Н. М. Медведева, Лариса — Г. Н. Федотова, Кнуров — И. В. Самарин, Вожеватов — М. А. Решимов, Паратов — А. П. Ленский, Карандышев — М. П. Садовский, Евфросинья Потаповна — С. П. Акимова, Робинзон — Н. И. Музиль, Гаврило — К. П. Колосов, Иван — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Илья — М. В. Лентовский.

Отзывы о спектакле были весьма противоречивы. Рецензент «Голоса» писал: «Пьеса была разыграна очень дружно <...> Г-н Садовский с успехом вышел из трудностей, которые представляет на сцене роль пьяного, — ни малейшего шаржа он не позволил себе <...> К сожалению, г. Самарину негде было показать своих сил.

Г-жа Федотова сильное впечатление произвела на публику своею художественною игрою» *(1878, 14 ноября)*. С. Васильев считал, что «Ленский, Самарин и Музиль и г-жа Медведева были весьма хороши в своих ролях. Г-н Решимов прекрасно и без всякого шаржа исполнил роль Васи Вожеватова <...> но лучшая по исполнению роль принадлежала г. Садовскому, создавшему во втором, а особенно в третьем акте трудную роль Карандышева. В четвертом акте артист делал, что мог, но внутреннее противоречие всего этого акта предыдущему развитию пиесы <...> не могло не повлиять и на исполнение» *(«Моск. вед.», 1878, 19 ноября)*. «Действительно хороши были в новой пьесе только двое: г-жа Медведева и г. Ленский. Тип буржуазной матери-попрошайки и сводни создан г-жою Медведевой прекрасно. Уже костюмом своим умная артистка сразу положила надлежащую печать провинции и мещанства на Огудалову: именно в таком безбожно пестром, кричащем платье мы должны представить себе уездную барыню, промышляющую прелестями дочери, зазывающую женихов и жаждущую продать дочь за богатство, если бы даже для этого и потребовалось венчанье вокруг ракитового куста» *(«Нов. время», 1878, 18 ноября)*.

Большинство рецензентов осталось не удовлетворенным игрой Г. Н. Федотовой. С. Васильев писал, что Федотова «слишком расплывалась в своем исполнении и не оттеняла ни в голосе, ни в движениях, ни в мимике внешнее проявление Ларисы в продолжение первых трех актов. Отдельные художественные подробности ее исполнения затушевывались на расплывающемся общем его тоне» *(«Моск. вед.», 1878, 19 ноября)*. «Г-жа Федотова, — писал рецензент «Нового времени», — ухитрилась превратить сентиментальную мещаночку в мелодраматическую героиню и была за сие несколько раз вызвана снисходительными верхами» (*1878, 18 ноября);* Боборыкин, наоборот, недостаток игры Федотовой видел в том, что она «превратила героиню в сентиментальную фигуру, мало возбуждавшую сочувствие. Между ее тоном и видом и всей остальной бытовой средой была антихудожественная пропасть» (*«Рус. вед.», 1879, 23 марта)*.

14 ноября 1878 года «Бесприданница» была поставлена в бенефис М. П. Садовского, и в этом спектакле в роли Ларисы впервые выступила М. Н. Ермолова. Рецензенты сразу отметили иную, более верную трактовку роли новой актрисой, сумевшей передать «девичью тоску», вызванную «житейской обстановкой» *(«Рус. вед.», 1879, 21 января)*. Боборыкин писал, что «лицо Ларисы выходит гораздо правдивее и возможнее в игре г-жи Ермоловой <...> Г-жа Ермолова играет просто, говорит *своим* голосом и не заставляет сомневаться в правдоподобии слов и настроений Ларисы <...> В игре г-жи Ермоловой — Лариса гораздо больше *личность*. Она, вместе с гг. Ленским и Садовским, поддерживает собою интерес пьесы <...> Мы хвалим в роли Ларисы, особенно, правду, вложенную ею в конец третьего и во весь четвертый акт. У г-жи Ермоловой нет еще тонкости, зато есть чувство реальной душевной боли и уменье проявить ее в хороших звуках» *(«Рус. вед.», 1879, 23 августа)*. После гастрольного спектакля Ермоловой в Ораниенбаумском театре под Петербургом рецензент «Голоса» отмечал «редкое сочетание в игре г-жи Ермоловой осмысленности с даровитостью», и именно это позволило ей провести роль «с художественной отчетливостью в обрисовке всех, даже мельчайших деталей» (*1879, 10 июня)*. Видимо, игра Ермоловой позволила Островскому написать 27 декабря 1878 года

Бурдину: «У нас за билеты на «Бесприданницу» потому не дерутся, что их нет на три представления вперед» (*ПСС*, *XVI*, *131*).

Премьера в Александринском театре состоялась 22 ноября 1878 г. в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Огудалова — А. М. Читау, Лариса — М. Г. Савина, Кнуров — В. Я. Полтавцев (выступил на премьере в связи с болезнью бенефицианта), Вожеватов — Н. Ф. Сазонов, Паратов — А. А. Нильский, Карандышев — А. С. Полонский, Евфросинья Потаповна — А. П. Натарова (Натарова 1-я), Робинзон — Н. И. Арди, Гаврило — Васильев (Васильев 1-й), Иван — И. Ф. Горбунов, Илья — Константинов.

Островский с большим вниманием отнесся к постановке драмы в Петербурге. Только что закончив пьесу, он писал Бурдину: «Нужна декорация для 1-го действия (она же и в 4-м) <...> Эскиз я пришлю. К постановке приеду и сам прочитаю пьесу артистам» (*ПСС*, *XV*, *125*). Приехав в Петербург, Островский 14 ноября провел считку драмы с труппой Александринского театра на квартире у брата (*ПСС*, *XV*, *129*), а потом принимал активное участие в репетициях (см. *ЛН*, *117*); читал он «Бесприданницу» и в семье видного чиновника цензурного ведомства Е. М. Феоктистова, «и всем она очень понравилась» (*ЛН*, *116*). Ознакомившись с драмой, Бурдин нашел ее слишком растянутой: «Нужно сделать кое-какие сокращения, что ты на репетиции и сам увидишь». Не понравилась ему и предназначенная для его бенефиса роль Кнурова: «Сам я очень огорчен, потому что у меня уже никакой роли нет, моя роль — самый неблагородный аксессуар» (*Б у р д и н*, *265*). Пьеса в это время уже шла в Москве, и Островский был удивлен таким отзывом: «Здесь ни на считке, ни на репетициях ни мне, ни артистам и в голову не приходило ни о каких сокращениях; а вы, если найдете нужным, делайте какие угодно, я спорить не буду». Что же касается роли Кнурова, то драматург расценивал ее совершенно иначе: «В Москве эту роль исполняет Самарин, он горячо благодарил меня, что я даю ему возможность представить живой, современный тип» (*ПСС*, *XV*, *128—129*).

Как обычно, Островского очень интересовали исполнители. «Савина, — писал он Бурдину, — при ее средствах, должна свести с ума публику» (*ПСС*, *XV*, *126*), а на роль Карандышева он намечал Сазонова. Однако Сазонов от этой роли отказался. «Он очень рад играть Вожеватова или Робинзона, — сообщал Бурдин драматургу. — Остановить раздачу ролей до твоего приезда затруднительно <...> Наконец, подумай: Лариса говорит Карандышеву: «Что за сравнения! Паратов идеал мужчины, с кем вы равняетесь, от сравнения вы теряете все». Но при таком барине, как Нильский, Сазонов от сравнения не потеряет ни по физическим, ни по внутренним достоинствам. Для этой роли все-таки нужно фигуру победнее Нильского <...> Петипа тоже не будет русским человеком» (*Б у р д и н*, *стр. 266*).

Островский был огорчен отказом Сазонова от роли Карандышева: «За его отказом я эту роль должен был передать нескладному и нелепому актеру Полонскому, и пьеса потеряла много» (*ПСС*, *XII*, *222*).

Тем не менее петербургская труппа создала удачный спектакль. На следующий день после премьеры Островский сообщал жене: «...вчера «Бесприданница» прошла с большим успехом, вызовам не было конца» (*ЛН*. *117*). Рецензент «Нового времени» писал, что пьеса произвела «сильное впечатление на зрителей и имела большой ус-

пех». Особенно высоко оценивалась игра Савиной: «Роль Ларисы как будто написана специально для г-жи Савиной. Так она подходит к средствам этой симпатичной актрисы<...> Тип кутилы Паратова вполне удался г. Нильскому», даже Полонский — Карандышев придал роли «жизненность, правду, простоту». Наконец, эпизодическая роль цыгана Ильи была «прекрасно передана известным виртуозом-гитаристом Константиновым-Делазари». Заканчивая свой отзыв, рецензент писал: «Вообще, повторяем, пьеса на нашей сцене была разыграна с полным ансамблем и, по всей вероятности, не скоро сойдет с репертуара» *(1878, 24 ноября)*.

Но в последнем рецензент ошибся: после нескольких спектаклей, прошедших с большим успехом («Публика была прекрасная, и пьесу принимали очень хорошо», — писал Бурдин 8 декабря 1878 г.— *Бурдин, стр. 267*), она все реже появлялась на сцене. «Для меня мало утешительного, — писал Островский, — <...> что «Бесприданницу» дают под праздник, а на праздник ни разу <...> Неудача мне в Петербурге» (*ПСС, XV, 131*).

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 31 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 22 раза (последний спектакль в Москве состоялся 8 декабря 1885 г., в Петербурге — 11 апреля 1882 г.).

На частных столичных сценах было поставлено 33 спектакля, в театрах провинции — 146.

Из спектаклей последующих лет огромное значение в сценической истории драмы имел спектакль 17 сентября 1896 года, когда в роли Ларисы на сцене Александринского театра выступила В. Ф. Комиссаржевская. Об ее игре А. В. Амфитеатров писал: «Если бы Комиссаржевская ничего, кроме Ларисы Огудаловой, не сыграла, то и тогда ее имя осталось бы незабвенным в русском искусстве, ибо роль эта была в ее исполнении не только великим артистическим откровением, но и знамением общественного настроения. Комиссаржевская играла Ларису не талантом даже, но кровью сердца своего и поднялась в ней на такую высоту скорби, которая доступна только крыльям гения» *(А. Амфитеатров, Маски Мельпомены, М., 1911, стр. 24)*. Ю. М. Юрьев вспоминал об этом спектакле: «Впечатление от проникновенной игры Комиссаржевской до того сильное, что не верящие в ее большой талант, приписывающие ее успех главным образом пению, должны были отбросить свой скептицизм и признать, что дело тут совсем не в пении, а в ее громадном таланте, когда он правильно применен.

Нужно ли говорить, что происходило в театре по окончании спектакля! <...> На другое утро Вера Федоровна проснулась уже не той Комиссаржевской, какой была накануне, но той Комиссаржевской, которая начинала вписывать свое имя золотыми буквами на страницы истории русского театра» (*Ю. М. Юрьев, Записки, т. II., Л. — М., «Искусство», 1963, стр. 37—38)*.

Стр. 8

Бряхимов — в настоящее время такого города, как и Калинова, упоминающегося в других пьесах Островского («Гроза»), нет. Но из летописей известно, что в верховьях Волги, приблизительно там, где сейчас находится город Васильсурск, в древности существовал город Бряхимов.

Поздняя обедня.— Обедня — церковная служба.

Стр. 8
Вечерня — церковная служба.

Стр. 10
«Самолет» — волжское пароходное общество, существовавшее с 1853 года; здесь — пароход этого общества.

Стр. 11
Трензель — металлическая цепочка, удерживающая мундштук во рту лошади; при натяжении поводьев это заставляет лошадь высоко поднимать голову.

На низу — в низовьях Волги.

Стр. 12
... в Париж-то на выставку ... — имеется в виду Всемирная парижская выставка 1878 года.

Стр. 14
Хорош виноград, да зелен — измененная цитата из басни И.Крылова «Лисица и виноград», восходящей к известной басне Эзопа.

Стр. 24
Мурья — дыра, люк в пароходном трюме.

Стр. 26
... французские разговоры — здесь: русско-французский разговорник.

«ля Серж» — «ля» — артикль женского рода в французском языке; сочетание «ля Серж» показывает незнание французского языка.

Стр. 29
«Да здравствует веселье ...» — слова из оперы А. Н. Верстовского «Аскольдова могила», либретто М. Н. Загоскина.

Стр. 33
«Матушка, голубушка ...» — романс А. Л. Гурилева на слова Нирконского.

Мировой судья — судья, занимавшийся мелкими гражданскими и уголовными делами, избирался закрытым голосованием на уездных земских собраниях.

Стр. 34
«Не искушай меня без нужды ...» — романс М. И. Глинки на слова Е. А. Баратынского («Разуверение»). По сообщению Н. С. Ашукина, в первых постановках «Бесприданницы» исполнялся «оригинальный цыганский романс, написанный на тот же текст для трех голосов» (см.: *«Бесприданница». Материалы и исследования, М., 1947, стр. 174).*

Стр. 35
... глаголем и ходит — согнутый в виде буквы «Г» (от старославянского названия буквы «глаголь»).
Секунда фальшивит ... — здесь: фальшивит вторая струна гитары.

Стр. 41
Долговое отделение — отделение в тюрьмах и других местах заключения для несостоятельных должников.

Стр. 42

«башмаков еще не износила» — слова из монолога Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (*д. I, явл. 2*).

О женщины! ∽ Ничтожество вам имя! — слова из того же монолога Гамлета.

Стр. 45

От прекрасных здешних мест? — начальные строки песни М. В. Зубовой (ум. 1799).

«Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест ...».

С конца XVIII века песня получила широкое распространение и входила во все песенники.

Стр. 46

«Я еду-еду, не свищу...» — ставшие поговоркой строки из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (песнь третья).

Стр. 51

Владыка — название духовного чина, ведавшего епархией (церковным округом).

Стр. 53

Бургонское —сорт известного виноградного вина, изготовлявшегося в Бургундии (Франция).

Киндер-бальзам (нем. Kinder-Balsam — детский бальзам) — слабая ароматичная настойка, употреблявшаяся как лекарство.

Стр. 55

Регалия капустиссима dos amigos — шуточное название низкосортных сигар; «Регалия» — сорт дорогих сигар; капустиссима — из капусты; dos amigos — для друзей (*испан.*).

Стр. 56

Бертрам — действующее лицо оперы «Роберт-Дьявол» Д. Мейербера, либретто Скриба.

Стр. 58

«Птички певчие» — оперетта Ж. Оффенбаха (другое название — «Перикола»).

Стр. 59

«Веревьюшки веревью» — русская народная песня, исполняемая в хороводе на Троицу (см.: *П. В. Шейн, Великорус в своих песнях, обрядах..., Спб., 1898, т. I, вып. I, № 1219*).

Стр. 67

Мазик — биллиардный кий с тупым наконечником.

Стр. 70

Эфиопы загалдели — эфиопами иногда в просторечии называли цыган.

Стр. 71

Открытый лист — документ, по которому лицо, его предъявляющее, может получать деньги или выдвигать какие-либо требования к местным властям.

Стр. 72

Прогоны — поверстная плата за проезд на почтовых лошадях.

Стр. 74
... на какого Медичиса нападешь.— Медичи — известный покровитель искусства и науки, фактический глава Флорентийской республики Медичи Лоренцо Великолепный (1449—1492); имя его стало нарицательным для названия людей, покровительствующих искусству.

Стр. 76
«*В глазах, как на небе светло ...*» — из стихотворения М. Лермонтова «К портрету».

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1880, № 1, стр. 5 — 80.

Рукописные источники:
черновой автограф (*ПД*);
черновой автограф (*ГБЛ*);
цензурная театральная копия (*ЛГТБ*);
театральная копия (*ММТ*).

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 87, строка 15
«Жили вы в бедности» *вместо* «Жили бы в бедности»

Стр. 97, строка 19
«так увезут у тебя» *вместо* «увезут у тебя»

Стр. 100, строка 7
«напевай ей» *вместо* «подавай ей»

Стр. 100, строка 29
«Однако, ловко!» *вместо* «Однако!»

Стр. 102, строка 18
«по папертям» *вместо* «понакутят»

Стр. 105, строка 12
«завидовать волку» *вместо* «завидовать всему»

Стр. 106, строка 21
«Молчи! Либо у тебя» *вместо* «Либо у тебя»

Стр. 108, строка 26
«Так не обегай» *вместо* «Так не избегай»

Стр. 110, строки 5—6
«служба-то велика» *вместо* «служба-то длинна»

Стр. 115, строка 21
«Я еду» *вместо* «Я уеду»

Стр. 116, строка 28
«а хозяйке» *вместо* «а хозяину»

Стр. 122 строка 4
«Заглядывает в коридор» *вместо* «Заглядывает в дверь»

Стр. 127, строка 33
«я баба-яга, баба-яга» *вместо* «я баба-яга»

Стр. 140, строка 22
«денег у меня» *вместо* «у меня».

Кроме того, на основе свидетельства Б. В. Томашевского, что в авторизованной писарской копии, хранившейся в *ПД* (см. об этом далее), рукой Островского время замужества Веры Филипповны было уменьшено с двадцати до пятнадцати лет, в текст настоящего издания также внесено это исправление (*стр. 86, строка 6; стр. 87, строка 39; стр. 88, строка 10; стр. 144, строка 16*).

Летом 1879 года Островский сообщал Ф. А. Бурдину, что он работает над новой пьесой, «Сердце не камень». «Свою вещь я кончу живо, она уж вся готова в голове и частию набросана», — писал он 29 августа (*ПСС, XV, 148*). Однако драматург занимался в это же время обработкой «Дикарки», и поэтому работа затянулась. 5 октября он сообщал, что работает, но «дело идет не ходко» *(ПСС, XV, 153)*; 12 октября: «безвыходно сижу день и ночь за работой» *(ПСС, XV, 155)*; 16 октября: «Суть пьесы и главные сцены давно готовы, остается только отделка» *(ПСС, XV, 159)*, но только 4 ноября 1879 года пьеса была закончена. С чернового автографа была снята писарская копия, которую автор вновь просмотрел и незначительно исправил. В настоящее время местонахождение этой копии неизвестно, но в 1924 году она была описана Б. В. Томашевским, указавшим, что в ней рукой Островского сделано одно фактическое исправление, не отразившееся ни в одном другом источнике: в перечне действующих лиц сказано, что Вера Филипповна — «30-ти лет с небольшим», но в самом тексте она многократно повторяет, что уже двадцать лет замужем. В копии первая цифра была увеличена: «35 лет», а вторая уменьшена: «15 лет», но ни в печатный текст, ни в цензурную писарскую копию, по которой пьеса ставилась в Александринском театре в 1879 году, эти исправления не попали (см.: *Б. В. Томашевский, Рукописи Островского, хранящиеся в Пушкинском Доме.— В сб.: Островский, Новые матерьялы. Письма. Труды и дни. Статьи, Л., ГИЗ, 1924, стр. 102*).

Приехав в начале ноября в Петербург, Островский прочел новую пьесу брату, М. Н. Островскому, и Бурдину. «Мише она очень понравилась, — сообщал драматург жене, — про Бурдина и говорить нечего» *(ЛН, 118)*.

В Театрально-литературном комитете пьесу прочли 10 ноября, и «она произвела всеобщий восторг» (*там же*), а 11 ноября драматическая цензура разрешила ее к представлению «с исключениями». В сохранившемся цензурном экземпляре (*ЛГТБ*) красным карандашом цензор зачеркнул два места в третьем явлении первого действия (зачеркнутое — в квадратных скобках):

«Каркунов. Так как [с божьего благословения; нельзя без этого, нельзя. Это уж первое дело.] (*Константину*) Ты незваный пришел, так вот тебе бумага и крандаш» *(стр. 93, строки 18—21)*.

«Халымов. Так, так. [Да ведь и она не глупа, она образ-то, на котором божилась, повернет к стене либо вовсе из комнаты вынесет, чтобы свидетелей не было, да и сделает, что хочет.

Каркунов. Опять беда! Вот горе-то мое, горе!

Халымов. Ну как не горе!] Всю жизнь мучил жену, хочешь и после смерти потиранить...» *(стр. 95, строки 9—14)*.

В печатном тексте «Отечественных записок» оба эти места сохранены.

Слух о том, что Островский написал новую пьесу, дошел до М. Е. Салтыкова-Щедрина еще в начале октября 1879 года, и он обратился к автору с просьбой передать ее в «Отечественные записки» *(Щедрин, т. 19, стр. 131)*. Ответ Островского не сохранился, но, видимо, пьеса была обещана журналу, так как 30 ноября 1879 года Салтыков-Щедрин вновь писал: «Будьте так добры поспешить доставлением в редакцию пьесы «Сердце не камень» *(там же, стр. 133)*. Когда же Островский в начале ноября был в Петербурге и встречался с Салтыковым-Щедриным, последний сказал, как сообщал Островский жене: «...нам главное Ваша пьеса» *(ЛН,119)*.

Как и во многих других случаях, новая комедия Островского появилась на сцене раньше, чем была напечатана. Мнения критики о пьесе отличались поразительным разноголосьем.

В большой статье «Обзор новой комедии «Сердце не камень», сочинение А. Н. Островского» известный театральный критик Ростислав (Ф. М. Толстой) не слишком высоко оценил комедию: «неестественно», «неправдоподобно». «В Москве, во время всенощной, на бульваре, благодаря бога, уже не грабят»,— вот основной мотив его рецензии *(«Спб. вед.», 1879, 4 декабря)*. Д. В. Аверкиев писал решительно: «Комедия <...> принадлежит к слабейшим произведениям высокодаровитого драматурга <...> Прекрасно задуманная, она, очевидно, окончена на скорую руку» *(«Голос», 1879, 20 декабря)*. Еще более безапелляционен был П. Д. Боборыкин, считавший, что автора «на этот раз точно совсем покинуло чувство правды и реального» *(«Рус. вед.», 1879, 6 декабря)*. Рецензент «Сына отечества» также считал, что «это — крайне слабое произведение. Начать с того, что оно решительно страдает недостатком единства и связи, вы не видите никакого строго развивающегося действия <...> Самые лица автором очерчены только как бы урывками, мельком, спешно» *(1880, 25 января)*.

И вместе с тем А. С. Суворин утверждал: «Новая комедия Островского «Сердце не камень» принадлежит, по моему мнению, к числу благороднейших пьес нашего репертуара по своей идее и к числу лучших пьес этого писателя по художественному достоинству» *(«Нов. время», 1879, 24 ноября)*.

С. Васильев (С. В. Флеров) в большой статье о спектакле писал: «Комедия г. Островского чрезвычайно интересна. В ней есть превосходный тип старика <...> Превосходный тип «кума», житейского философа-юмориста, яркий тип промотавшегося купеческого племянника <...> Галерея типов дополняется совершенно живыми лицами Аполлинарии Панфиловны и старухи-няньки Огуревны» *(«Моск. вед.», 1879, 10 декабря)*. Даже В. П. Буренин, считая, что пьеса, «конечно, не принадлежит к числу наиболее удачных произведений Островского», после посещения спектакля утверждал, что «малый успех и даже полное сценическое фиаско не всегда бывает доказательством слабости пьесы в художественно-литературном отношении <...> Только различные московские зоилы из неудачных драматургов могут с злорадством напирать на суждение «театральной залы» как на какой-то безапелляционный критический приговор». По мнению критика, в новой пьесе «есть и обычные высокие достоинства Островского: все лица живые, с плотью и кровью.

<...> Бытовые подробности и язык, по обыкновению, выше всякой похвалы; тут самый выразительный реализм соединен с глубочайшею простотою и художественнейшей обработкой. Два-три лица совсем оригинальны и новы <...> Таковы лица приказчика Эраста и Иннокентия-странника. Главное женское лицо комедии <...> является в новом и интересном освещении с психической стороны. В комедии рассеяно много диалогов, по юмору и мастерской бытовой выразительности положительно бесподобных <...> Язык пьес Островского вообще поражает своим превосходством, и новая комедия в этом отношении нисколько не уступает прочим» (*«Нов. время», 1880, 25 января).*

Премьера пьесы состоялась в Александринском театре 21 ноября 1879 года в бенефис Ф. А. Бурдина. Роли исполняли: Каркунов — А. А. Нильский, Вера Филипповна — А. М. Дюжикова, Халымов — Ф. А. Бурдин, Аполлинария Панфиловна — Е. И. Карпова, Константин — Н. И. Арди, Ольга — А. З. Тютрюмова, Ераст — Н. Ф. Сазонов, Огуревна — П. К. Громова, Иннокентий — И. Ф. Горбунов.

Островский принимал участие в репетициях (см. его письма к М. В. Островской от 9 и 11 ноября 1879 г.— *ЛН, 119*), но за три дня до премьеры уехал в Москву, и хотя Бурдин извещал его, что «пьеса очень понравилась, бенефис прошел хорошо, сбор тоже был хорош» (*Бурдин, стр. 296*), премьера успеха не имела. «Главный недостаток исполнения, — писал Аверкиев, — заключался в полном отсутствии ансамбля: каждый отдельный исполнитель играл, как ему казалось лучше и удобнее». Сазонов «действительно похож на приказчика, но монотонность губит все дело»; Нильский «ни по обличью, ни по тону <...> нимало не напоминает замоскворецкого купца; как и во всех подобных ролях, г. Нильский является чиновником, переодевшимся в неподобающий костюм по приказанию начальника»; Дюжикова — вообще «актриса не для комедий» (*«Голос», 1879, 20 декабря).* Правда, несколько позже Аверкиев изменил свое мнение о ее игре: «Мы должны в сильной степени исправить наше мнение, высказанное после первого представления «Сердце не камень» <...> Г-жа Дюжикова, очевидно, с каждым новым представлением все больше вдумывалась и выгрывалась в роль; на всем ее исполнении видна печать заботливой и серьезной работы» *(«Голос», 1880, 13 апреля).* Салтыков-Щедрин писал Островскому: «Играли Вашу пьесу ужасно дурно. Порядочен был только Арди, остальные — из рук вон плохи. В особенности неприятна была Дюжикова» *(Щедрин, т. 19, стр. 133).* Суворин был также строг: «Г-жа Дюжикова <...> изображала «добродетельную» женщину, такую добродетельную, что становилось страшно». Бурдин исполнил роль «просто и хорошо <...> небольшие роли г. Бурдину очень по силам, и в них он хороший актер <...> Племянника весьма мило передает г. Арди — это едва ли не лучшая роль в его репертуаре, а старика Каркунова передает г. Нильский очень неровно. Он, очевидно, никак не освоится с ролями стариков и то недостарит их, то перестарит <...> Загримирован г. Горбунов прекрасно, тон, которым он говорит, оригинален, но он — не для сцены, а для гостиной: мелкие оттенки, игра физиономии — все это пропадает» *(«Нов. время», 1879, 24 ноября).* Об игре Арди рецензент «Санктпетербургских ведомостей» писал: «Г-ну Арди сам бог указал исполнять роли купеческих сынков-шалопаев. Лучше изобразить подобный тип невозможно» *(1879, 4 декабря).*

Премьера в Малом театре состоялась 30 ноября 1879 года в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Каркунов — Н. И. Музиль, Вера Филипповна — Г. Н. Федотова, Халымов — В. А. Макшеев, Аполлинария Панфиловна — С. П. Акимова, Константин — М. П. Садовский, Ольга — Н. А. Никулина, Ераст — А. П. Ленский, Огуревна — X. И. Таланова, Иннокентий — Д. В. Живокини (Живокини 2-й).

В Москве пьеса также не имела успеха. «Новая комедия Островского, — писал Боборыкин, — потерпела нечто похожее на совершенное крушение. В прошлом году «Бесприданница» на бенефисном спектакле не понравилась, но выражение недовольства публики не было так явно и даже не так непочтительно к автору» *(«Рус. вед.», 1879, 6 декабря)*. Это мнение поддержал и С. Васильев: «В первое представление новая комедия А. Н. Островского не имела решительно успеха <...> Публика недоумевала, что именно во впечатлении пьесы следовало приписать игре исполнителей и что автору» *(«Моск. вед.», 1879, 10 декабря)*.

Рецензенты выделяли только игру Садовского: «Лучше всех, по-нашему, был г. Садовский в роли молодого Каркунова. Лицо не новое, грубое, пошлое, но в его игре оно дышало реальной правдой» *(«Рус. вед.», 1879, 6 декабря)*. «Г-н Садовский чрезвычайно типично передал роль Константина» («*Моск. вед.*», *1879, 10 декабря)*. «Какое старательное изучение не только роли, но и мельчайших деталей характера изображаемого лица, какая законченность игры и, наконец, какая прекрасная мимика! Роль вечно полупьяного, завистливого и дерзкого промотавшегося купчика г. Садовский провел с такой жизненной правдой!» *(«Суфлер», 1879, 9 декабря)*.

В оценке игры Федотовой мнения разошлись. С. Васильев писал: «Нам кажется, что г-жа Федотова делает ошибку, придавая всей роли Веры Филипповны совершенно однообразный колорит. Мы совершенно согласны с тоном исполнительницы в первом акте, но нельзя выдерживать этот тон в продолжение всей пьесы» *(«Моск. вед.», 1879, 10 декабря)*. «Игра искусная, обдуманная и, в некоторых местах, довольно правдивая <...> но под конец пьесы каждый зритель <...> чувствовал, как г-жа Федотова все больше и больше старалась подделываться под сочиненный ею тон» *(«Рус. вед.», 1879, 6 декабря)*. А критик «Суфлера» считал, что актриса «была неподражаема» в третьем акте, когда она убедилась в коварном замысле Ераста *(1879, 9 декабря)*.

Почти единодушно отрицательную оценку получило исполнение роли Каркунова бенефициантом. Музиль «похож был на какую-то бабу-ягу в сюртуке <...> Он играл не бездарно, с некоторой неровностью, но весь-то тон игры был фальшивый <...> Мы сильно сомневаемся, чтобы автор пьесы желал именно такого Каркунова» *(«Рус. вед.», 1879, 6 декабря)*. Музиль «был какой-то шут, паяц, переряженный в старика-миллионера, а уж никак не тот Каркунов, которого хотел изобразить Островский <...> А этот голос, а эти манеры! Ну, так и виден, и слышался то Бальзаминов, то юркий чиновник» *(«Суфлер», 1879, 9 декабря)*.

В обоих театрах пьеса скоро была снята с репертуара.

На Александринской сцене, с горечью писал Островский, «моя пьеса <...> не могла удержаться <...> потому что Савина не захотела играть в ней» *(ПСС, XII, 206)*. В Малом же театре, как вспо-

минал П. М. Невежин, Федотова отказалась играть после третьего спектакля, роль передали другой актрисе, «но публика не признала такой замены, и пьеса за отсутствием сборов снята была с репертуара» («*Восп.*», *стр. 254)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 12 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 19 раз (последний спектакль в Москве состоялся 21 августа 1880 г., в Петербурге — 22 декабря 1881 г.). На частных столичных сценах было поставлено 7 спектаклей, в театрах провинции — 64.

В позднейшие годы в редких постановках комедии принимали участие М. И. Писарев, В. Н. Давыдов, К. Н. Рыбаков (Каркунов), М. Г. Савина, М. Н. Ермолова (Вера Филипповна), К. А. Варламов (Иннокентий), О. О. Садовская (Аполлинария Панфиловна), М. П. Садовский (Халымов), Е. Д. Турчанинова (Ольга).

Стр. 84
Шламбаум — искаж. шлагбаум.

Стр. 88
Сокольники, *Парк*, *Эрмитаж* — места гуляний в Москве: Сокольнический парк, Петровский парк, сад «Эрмитаж».

Антик — что-либо старинное, древнее, необычное (от франц. antique — древний).

Стр. 91
Симонов монастырь — один из древнейших московских монастырей (основан в 1370 г.).

Новоспасский монастырь — основан в XIII веке в Москве под именем Спасопреображенского, в 1462 году перенесен на другое место и с этого времени получил новое название.

Андроньев монастырь — основан в Москве около 1360 года, ныне Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева.

Стр. 93
Мыслете — старославянское название буквы «м»; «мыслете писать» — ходить в раскоряку, качаясь.

Чудовские певчие — певчие из хора Чудова монастыря, основанного в 1365 году в Московском Кремле.

Стр. 96
Одна только прокламация — здесь: пустые разговоры, болтовня.

Стр. 103
Стрельна — известный московский загородный ресторан, находившийся на Петербургском шоссе (ныне Ленинградский проспект).

Стр. 105
Лепообразный — красивый, привлекательный.

Узилище — тюрьма, темница.

Стр. 106
Рацеи — наставления, назидательная речь.

Стр. 107
Неизглаголанно — несказанно.

«*Никто души моей не знает ...*» — строка из малоизвестного роман-

са «Напрасно я забыть ее стараюсь» (см. *Подарок любителям пения. Сборник песен, романсов, арий, куплетов, М., 1876, стр. 323).*

Стр. 108

Духовник — священник, принимающий исповедь.

Разрыв-трава — сказочное растение, с помощью которого раскрывают замки, ищут клады и т. п.

Стр. 119

Парусинная сорочка — упаковка.

Стр. 120

Ильинка — улица в Москве (ныне ул. Куйбышева).

Стр. 122

Яма — долговая тюрьма; помещалась во дворе дома губернского правления (ныне Исторический проезд, 1).

Стр. 126

Кураж — задор, развязность.

Стр. 130

...в острог съездит, а то по тюрьмам... — Острог — пересыльная тюрьма.

Стр. 133

Разгуляй — площадь в Москве.

Стр. 134

Хитров рынок — площадь в Москве, где стояли ночлежные дома для бродяг (ныне площадь Максима Горького).

Стр. 137

Бутырская застава — застава в Москве на пересечении Камер-Колежского вала и дороги на Дмитров (ныне Бутырская улица).

Стр. 138

Слуга Личарда — персонаж старинной русской сказки о Бове-королевиче, верный слуга короля Гвидона; в обиходе Личардами часто называли слуг.

Стр.141

Термин — здесь: срок, время.

НЕВОЛЬНИЦЫ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1881, № 1, стр. 5—86.

Рукописные источники:
черновой автограф (*ГБЛ*);
цензурная театральная копия (*ЛГТБ*);
театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 147, строки 9—10

«все равно как» *вместо* «все разломал»

Стр. 148, строка 3

«в ветхость» *вместо* «в затхлость»

Стр. 157, строка 30
«Ну, не унизительное» *вместо* «Ну, утешительное»

Стр. 184, строка 9
«будем жить» *вместо* «будет жить»

Стр. 189, строка 9
«но остается» *вместо* «и остается»

Стр. 194, строка 20
«кто посмотрит» *вместо* «это посмотришь»

Стр. 198, строка 32
«приболтается» *вместо* «проболтаешься»

Стр. 198, строка 34
«вы зря городите» *вместо* «вы зря говорите».

Сохранившийся черновой автограф (*ГБЛ*) несет на себе несколько дат, позволяющих наметить основные вехи работы Островского над комедией. На первом листе надпись: «Иосиф Прекрасный. Комедия в 4 действиях. Задумана 11 декабря 1878 г.» Там же сформулирован замысел: «Фабула: любовь жены благодетеля к его воспитаннику; все перипетии сентиментальной страсти: нежность, [безумные] глупые порывы, ложь, несправедливые упреки, глупая ревность, ложное спокойствие. Все это надо сделать как можно реальнее, в этом вся суть пьесы, это ее внутреннее содержание».

5 января 1879 года Островский набросал диалог между Еротидой (первоначальное имя Евлалии) и Артемием (см. д. I, явл. 9) и отложил пьесу. 24 августа 1880 года был написан «Сценариум», и с этого момента началась настойчивая работа: на л. 8 чернового автографа имеется заголовок «Невольницы. Комедия в 4 действиях» и две пометы: «Задумана 11 декабря 1878 г. под названием «Иосиф Прекрасный» и «Вечером 4 сентября 1880 г. Сценариум и отдельные сцены написаны в продолжение августа». На следующий день, 5 сентября, было начато первое действие, 15 сентября — второе, 22 сентября — третье и 18 октября — четвертое (даты — на листах чернового автографа). 27 октября 1880 года пьеса была окончена. «Я <...> работал день и ночь,— сообщал Островский Н. Я. Соловьеву,— и так разбит и измучен, что едва таскаю ноги и боюсь каждую минуту, что слягу в постель» (*ПСС, XV, 191*). Отослав пьесу в Петербург, Островский писал Ф. А. Бурдину: «Доставь ее сейчас же цензору и похлопочи, чтобы она была прочитана в Комитете непременно в субботу <...> Два остальных экземпляра пришлем через день» (*ПСС, XV, 190*).

30 октября 1880 года комедия была разрешена драматической цензурой, а 1 ноября 1880 года одобрена к представлению на сцене Театрально-литературным комитетом (даты — на цензурной театральной копии *ЛГТБ*).

Летом 1880 года, когда Островский еще и не начинал работать над пьесой, к нему обратился М. Е. Салтыков-Щедрин: «Вы, по всем вероятиям, находясь в деревне, напишете новую пьесу. Вспомните, ради бога, об «Отеч. записках» в этом случае и не обидьте журнала, который столько лет сряду начинает новый год Вашей пьесой. Я думаю, что и без моего напоминания Вы дали бы нам новую пьесу, но во всяком случае считаю за долг выразить Вам, как

глубоко я и прочие члены редакции дорожим Вашим сотрудничеством» (*Щ е д р и н, т. 19, стр. 158*). Осенью, узнав из газет, что новая пьеса написана, Салтыков-Щедрин вновь обратился к Островскому: «Откликнитесь, пожалуйста, и обнадежьте нас. Ведь скоро уже первую книжку 1881 года надо печатать. Крепко надеется на Вас редакция, да как-то было бы даже неестественно не Вами начинать год. Столько уж лет так повелось — ужели возможны исключения? Ежели Вы не намерены допускать таковые, то, пожалуйста, уведомите, как, когда и через кого получить. Весьма обрадуете» (*там же, стр. 177*).

Получив это письмо, Островский написал Бурдину, чтобы он один из имеющихся у него экземпляров пьесы передал Салтыкову-Щедрину: «Если можно, то пошли ему сейчас же, а если нельзя, то уведомь меня сейчас же» (*ПСС, XV, 192*). Бурдин отвечал: «Так как для цензуры назначенный экземпляр еще мною не отослан, то я его и отправлю Салтыкову» (*Б у р д и н, стр. 317*).

Пьеса вызвала целый поток весьма разноречивых отзывов. Вл. И. Немирович-Данченко считал, что комедия бедна по мысли и неинтересна по содержанию (*«Рус. курьер», 1880, 17 ноября*). С. Васильев (С. В. Флеров) писал: «Это какая-то амальгама пороков, лжи, цинизма, слабохарактерности, что-то подавляющее, гнетущее, возмущающее нравственное чувство, не дающее ему ни опоры, ни удовлетворения» (*«Моск. вед.», 1880, 24 ноября*). Рецензент «Сына отечества» также был недоволен пьесой: «Судя по заглавию, можно ожидать, что мы встретимся в комедии и с поруганием прав женщины, и с унижением ее, и с страданиями ее как существа забитого, загнанного, униженного; но на самом деле ничего подобного нет <...> Это просто ряд сцен, плохо связанных и склеенных, с странным <...> заключением в пользу винта, приплетенным к тому же ни к селу, ни к городу» (*1881, 30 января*).

С таким мнением был решительно не согласен рецензент «Голоса»: «Комедия «Невольницы» <...> сорок первая картина из той обширной <...> галереи <...> где русская жизнь захвачена так глубоко и где столько характеров и типов, рисующих основные, национальные наши черты. Необычайная способность заглядывать в тайники души, полное и многостороннее изображение многих существенных сторон жизни и правда изображения — таковы коренные черты таланта Островского. Жизненность его образов, говорящая лучше всяких отвлеченных рассуждений, придает им силу, равно действующую на людей всех взглядов и всех мнений, а верность чисто художественным приемам творчества делает его одинаково близким и доступным для всех <...> Что касается мастерства в обрисовке лиц и типичности языка, то эти достоинства присущи всем пьесам Островского, до самых последних, даже по отзывам его хулителей <...> Хотя развязка скомкана и замысел пьесы отзывается несколько водевильным, в ней рассеяно много ярко жизненных черт, а обрисовка лиц ведена с художественною простотой, которая может служить все-таки образцом для наших драматических писателей» (*1881, 31 января*).

Премьера пьесы состоялась в Малом театре 14 ноября 1880 года в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Стыров — Н. Е. Вильде, Евлалия Андревна — М. Н. Ермолова, Коблов — В. А. Макшеев,

Софья Сергевна — Н. А. Никулина, Мулин — М. П. Садовский, Мирон — Н. И. Музиль, Марфа — С. П. Акимова.

На следующий день Островский писал Бурдину: «Вчера «Невольницы» прошли буквально под гром рукоплесканий с начала и до конца. Просто стон стоял. Музиля (Мирон) вызывали решительно за каждую сцену по нескольку раз, Никулину, Садовского вызывали тоже за сцены, Ермолову (Евлалия) вызывали без конца и после каждого ухода со сцены и после каждого акта, эта роль была ее полным торжеством, она играла под аплодисменты. Кроме того, после каждого акта по нескольку раз вызывали всех» (*ПСС, XV, 197*). Рецензенты же не так восторженно оценили игру актеров. С. Васильев писал: «... г. Музиль отлично передал роль старого пьяного лакея. Г-жа Акимова с необычною сдержанностью провела роль экономки, а г. Садовский весьма умно и характерно исполнил роль Мулина <...> Г-жа Ермолова очень добросовестно сыграла Евлалию, но ей недостает именно этого оттенка ingénue, решительно необходимого для сценической возможности этой роли» (*«Моск. вед.», 1880, 24 ноября*). Как всегда, недоволен был П. Д. Боборыкин: «Подкупающий сначала либерализм замысла, т. е. протест во имя свободы женщины, сводится к самому пошлому примирению с жизнью». Тем не менее игра Ермоловой и ему понравилась: «Вся зала любовалась искренней, правдивой и самобытной игрой» (*«Рус. вед.», 1880, 18 ноября*).

Почти одновременно с постановкой в Малом театре Островский начал вести переписку о постановке комедии в Александринском театре. Сначала он сам собирался приехать для этого в Петербург и писал Бурдину: «... похлопочи, чтобы роли в «Невольницах» были расписаны, и скажи Федорову, что распределение ролей я привезу сам; я приеду в Петербург в самом начале декабря. Мне хочется самому прочесть пьесу артистам и поставить» (*ПСС, XV, 198*).

Но 3 ноября 1880 года Островский получил письмо от М. Г. Савиной, в котором она сообщала, что отказывается играть Евлалию из-за разницы в возрасте героини и самой актрисы (см. *ПСС, XV, 286*). Возмущенный Островский писал Бурдину: «Роль Евлалии я писал именно для нее, я только ошибся на *два* года. Евлалия вышла замуж 25 лет и замужем 3 года, значит, *ей* 28 лет, а сама же Савина пишет, что ей 26 лет. Я писал для матерей нынешних актрис, чуть ли не для бабушек; если бы мне писать свои роли год в год, число в число их возраста, то мне нужно было бы при моем кабинете иметь консисторию, где бы хранились их метрические свидетельства, чтобы уж не ошибаться не только в годах, но и в месяцах их возраста. Ведь это, друг, потеха! В первый раз в моей многолетней драматической практике подобная история! <...> в конце концов выходит, что пьесе этой не идти в Петербурге. Дожили!» (*ПСС, XV, 193—194*). Сама Савина позже объясняла этот факт так: «Я не поняла роли и придралась к тому, что там обозначены лета «под тридцать», и на этом основании отказалась, благодаря чему (система бенефисов) пьеса долго лежала под спудом» (*«Восп.», 406*).

Одновременно с этим, как писал Бурдин, в Петербурге «уже разнеслись слухи, что она <пьеса> была в Москве ошикана» (*Б у р д и н, стр. 321*). Поскольку спектакль в Москве шел с успехом, Островский с иронией отвечал: «Невольницы» действительно ошиканы в Москве, но шикал только один какой-то фельетонист <...> Да еще Боборыкин, который сидел недалеко от жены, во всеуслышание ругал пьесу и актеров» (*ПСС, XV, 198—199*).

Тем не менее в 1880 году спектакль в Петербурге не состоялся; не состоялась постановка комедии и в 1881 году, намечавшаяся Островским в бенефисы М. М. Петипа или П. И. Малышева. Петербуржцы увидели «Невольниц» впервые 31 мая 1881 года в пригороде Петербурга, Павловске, когда гастролировала Ермолова. Об этом спектакле рецензент «Голоса» писал: «Все эти инстинктивно страстные, но в помыслах совершенно чистые ощущения г-жа Ермолова передает с очаровательной женственностью и глубокою правдой <...> Исполнение г-жи Ермоловой поражало замечательным богатством оттенков и переливов голоса» (*1881, 2 июня*). «Невольницы» были разыграны с тем ансамблем, без которого подобные легкие произведения теряют весь свой престиж. Из роли Евлалии <...> г-жа Ермолова создала цельный тип, отделав малейшие детали. Артистка, так сказать, развила, дополнила мысль автора и имела вполне заслуженный ею успех» (*«Нов. время», 1881, 2 июня*).

Спектакль в Александринском театре состоялся только 28 апреля 1883 года во время гастролей Ермоловой и Ленского. Роли исполняли: Стыров — И. П. Киселевский, Евлалия Андревна — М. Н. Ермолова, Коблов — Н. Н. Зубов, Софья Сергевна — Н. Е. Хлебникова, Мулин — А. П. Ленский, Мирон — В. Н. Давыдов, Марфа — В. В. Стрельская.

Премьера комедии силами труппы собственно Александринского театра состоялась уже после смерти Островского 12 августа 1888 года. Роли исполняли: Стыров — И. П. Киселевский, Евлалия Андревна — М. Г. Савина, Коблов — А. С. Чернов, Софья Сергевна — Н. Е. Хлебникова, Мулин — В. П. Далматов, Мирон — В. Н. Давыдов, Марфа — В. В. Стрельская.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 21 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 1 раз (последний спектакль в Москве состоялся 19 мая 1883 г.). На частных столичных сценах было поставлено 2 спектакля, в театрах провинции — 68.

В дальнейших постановках комедии принимали участие А. С. Чернов, К. Н. Рыбаков (Стыров), М. М. Читау, Н. А. Никулина (Софья), О. О. Садовская (Марфа), А. И. Южин (Мулин), В. П. Макшеев (Коблов).

Стр. 147

Страшна́я неделя — искаж. страстная неделя — последняя неделя перед пасхой по православному календарю.

Святая неделя — пасхальная неделя.

Фомина неделя — вторая неделя после пасхи.

Мироносицкая неделя — третья неделя после пасхи.

Стр. 148

Маклерство — посредничество при заключении каких-либо сделок.

Стр. 159

Кредитный билет — здесь: бумажная ассигнация, бумажный денежный знак (в 1843 г. в России ассигнации были заменены кредитными билетами, но в обиходе равноправно использовались оба слова).

Стр. 161

...на акте вальс танцевали.— Акт — выпускной вечер в гимназии.

Стр. 168

Езоп — правильнее Эзоп — полулегендарный древнегреческий

баснописец (VI—V вв. до н. э.). Приводимая далее притча Эзопа имеется в «Жизнеописании Эзопа», гл. XIV (см.: *Езоповы басни с нравоучением и примечаниями, изд. 2, Спб., 1810, стр. 31—32, в этом издании указанная притча находится в гл. 10).*

Стр. 171

Девичья кожа — лечебная паста, применявшаяся как средство от кашля.

Стр. 179

Nux vomica, это целибуха, стрихнин ... — целибуха (чилибуха)— растение (лат. название Strychnos nux vomica), из плодов которого получают стрихнин, очень сильный яд.

Стр. 195

Отставной козы барабанщик — старинное шутливое выражение о человеке, потерявшем прежнее, к тому же незначительное положение. Выражение идет, по-видимому, от ярмарочных представлений, в которых вокруг ручного медведя ходили мальчики, наряженные «козой» и бившие в барабан.

Стр. 203

Ренонс — в карточной игре — отсутствие карты какой-либо масти.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1882, № 1, стр. 5—90.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
две цензурные театральные копии *(ЛГТБ)*;
театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 220, строка 44
«они, канальи ... не заплатят» *вместо* «он, каналья ... не заплатит»

Стр. 250, строка 35
«одно кресло» *вместо* «одно место»

Стр. 259, строка 8
«актрисы, чу, нужны» *вместо* «актрисы нужны»

Стр. 264, строка 33
«раздумались» *вместо* «раздумывали»

Стр. 265, строка 16
«Ах, оставьте» *вместо* «Ах, отстаньте»

Стр. 271, строки 22—23
«придет, уж уехать бы поскорей» *вместо* «приедет, уж ехать бы скорей»

Стр. 277, строка 3
«кладет конверт» *вместо* «кладет»

Стр. 278, строка 21
«он врал» *вместо* «он врет»

Стр. 279, строка 42
«давайте бороться» *вместо* «давайте беситься».

Пьеса была задумана Островским, видимо, летом 1881 года в Щелыкове. Сразу по приезде в деревню он писал Ф. А. Бурдину: «...принимаюсь за работу, или, лучше сказать, за работы: их у меня много» (*ПСС*, *XVI*, *16*). В основном Островский был занят в это время составлением записки «О нуждах императорского театра», но не исключена возможность, что шла работа и над новой пьесой. Во всяком случае, 22 августа 1881 года Островский прямо сообщил: «Пьесу я пишу, но когда кончу, положительно не знаю» (*ПСС*, *XVI*, *20*).

В дневнике И. А. Шляпкина есть краткая запись рассказа М. И. Писарева о том, что Островский беседовал с ним и П. А. Стрепетовой о первоначальном замысле этой пьесы, носившей название «Открытые письма»:

«Актриса, с детства преданная сцене, поступает, театральные типы, борьба и ее погибель». При этом Писарев обращал внимание в своем рассказе, относящемся к 1886 году, что «в нынешней пьесе нет борьбы: сразу сдается». Никаких следов этого первоначального замысла пьесы до нас не дошло, хотя далее Писарев говорил: «Читалась эта пьеса в кружке М. Н. Островского, холодно принята. А Остров<ский> захворал от огорчения» (*В. Лакшин, Новые материалы об А. Н. Островском. — «Рус. литература», 1960, № 1, стр. 154*).

Сохранившийся черновой автограф комедии на л. 1 имеет заголовок: «Мечтатели. Комедия в 4-х действиях», но он зачеркнут и ничем не заменен. На л. 55 — новый заголовок: «Фантазеры», потом он зачеркнут и написано: «Мечтатели». Здесь же — помета: «Задумана 9 сентября 1881 г.», и позже к слову «задумана» прибавлено: «окончательно». Это добавление подтверждает, что работа над текстом (в смысле обдумывания замысла, разработки фабулы и т. п.) могла быть начата еще летом, а 9 сентября замысел сложился окончательно. Видимо, в связи с этим 10 сентября 1881 года Островский написал Бурдину: « У меня пьеса выходит очень эффектная с богатой ролью для Савиной» (*ПСС*, *XVI*, *23*).

Здесь же в черновике вторая помета: «Начата 21 октября». Эта дата относится, видимо, к началу непосредственной работы над текстом пьесы. На первых листах черновика — «Сценариум», за ним — отдельные реплики и наброски сцен, в большей части зачеркнутые в связи с использованием их в дальнейшем в тексте пьесы. 14 ноября 1881 года Островский писал жене из Петербурга: «Для меня очень важно теперь написать пьесу отличную, поэтому торопиться очень нельзя» (*ЛН*, *130*). Работа шла напряженно. «Никогда в жизни я так не работал, как теперь, — писал он тому же адресату 1 декабря. — Я ничего не вижу, кроме своей комнаты <...> сижу за столом с раннего утра и до поздней ночи. Сегодня кончаю пьесу и принимаюсь за переписку; я думал, что не придется переписывать самому, а оказалось нужным <...> Завтра придут писцы, и к воскресенью мы переписку кончим» (*ЛН*, *131*). Видимо, доработка черновика шла одновременно с перепиской. «Работаю день и ночь,— писал драматург 4 декабря, — но уж работе моей приходит конец, и завтра я вздохну свободно» (*ЛН*, *132*). Дата в конце чернового автографа — 6 декабря 1881 года, а 7 декабря 1881 года пьеса уже была разрешена драматической цензурой и 9 декабря одобрена Театрально-литературным комитетом (даты — на обеих цензурных копиях *ЛГТБ*). Следует заметить, что одна из цензурных копий (№ 3568) оставляет впечатление белового автографа: почерк, кото-

рым она переписана, напоминает почерк Островского, а подпись в конце ее — автограф драматурга.

Еще 22 сентября 1881 года М. Е. Салтыков-Щедрин по обыкновению писал Островскому: «Возвратясь вчера из-за границы, я считаю первым долгом обратиться к Вам с обычною просьбой: дать нам для 1-го номера Вашу новую комедию, ежели таковая у Вас имеется. Хоть наш журнал и считается ныне злонамеренным (в особенности я лично), но надеюсь, что Вы не откажете нам в продолжении Вашего сотрудничества» *(Щ е д р и н, т. 19, стр. 229)*. Островский, видимо, пьесу обещал, так как 2 ноября 1881 года Салтыков-Щедрин написал ему: «С нетерпением жду Вашу пьесу» *(там же, стр. 239)*, а 15 декабря известил драматурга: «Комедия Ваша набрана и, конечно, Вам уже доставлена на корректуру» *(там же, стр. 248)*. Действительно, Островский сообщал жене 17 декабря: «Во вторник, как я приехал, так сейчас же мне принесли корректуры от Салтыкова, и я просидел за ними весь день, вчера <...> вечером читал корректуру. Сегодня <...> вечером читаю пьесу дома» *(ЛН, 134)*.

В свою очередь, прочитав пьесу, видимо, в корректуре, Салтыков-Щедрин писал Н. А. Белоголовому: «...новая комедия Островского, сверх обыкновения, очень хорошая» *(Щ е д р и н, т. 19, стр. 248)*.

Критика положительно, хотя и не очень высоко оценила пьесу. А. С. Суворин писал: «Пьеса не сильна, не исчерпывает содержания своей темы и мало удовлетворяет зрителя, у которого остается в голове картинка из жизни, набросок, а не драма <...> Но картинка, тем не менее, живая, а иногда и интересная» *(«Нов. время», 1882, 16 января)*. «По сравнению с большинством произведений Островского, «Таланты и поклонники» не выдержат строгой критики. Это — не законченная, цельная комедия, а скорее — ряд сцен, но сцен, написанных с талантом, живостью, наблюдательностью, написанных превосходным языком» *(«Нов. время», 1881, 25 декабря)*.

Рецензент «Голоса» утверждал: «Что же касается «морали» пьесы, то, вероятно, она не вызовет <...> единогласного мнения. В лице Негиной выведена добрая, но слабохарактерная девушка, не имеющая твердо установленных «принципов» <...> Прощаясь с Мелузовым, она пытается уверить его в невозможности для актрисы остаться нравственною женщиной и в необходимости «плыть по течению», чтоб не дать заглохнуть своему дарованию <...> Это прежде всего несправедливо, и русская драматическая труппа представляет примеры многих служительниц искусства, которые более уважают себя, чем героиня пьесы г. Островского, и все-таки не зарыли своего таланта в землю» (*1882, 16 января*).

Не менее решительно высказался С. Васильев (С. В. Флеров): «Молодая русская артистка должна быть в то же время куртизанкой,— такова цена, таковы условия ее успеха ... Какой безотрадный вывод! Ужели это так? Ужели это тезис? Нет, и тысячу раз — нет! Это — картина, частный случай, отдельное наблюдение» *(«Моск. вед.», 1882, 13 января)*.

Друг Островского, художник М. О. Микешин, был особенно восхищен образом Мелузова, значение которого не отметила критика. «Нечего хвалить твое художество в этой новой для меня пьесе,— писал он Островскому, — оно у тебя хроническое, затяжное; но никак не могу удержаться и не высказать тебе своего полного

и глубокого уважения за то, что я, как и вся публика, видит в твоем типе *студента*. У меня нет слов, чтобы выразить тебе свою художественную и *гражданскую* благодарность за ту серьезную услугу, какую ты этим типом оказал и Обществу и многострадальному «московскому студенчеству». Сколь верен и реален без малейшего пересола и утрировки этот мастерской этюд. Еще раз с глубочайшим уважением и благодарностию жму твою талантливую руку» *(«Неизд. письма», стр. 246)*.

Премьера в Малом театре состоялась 20 декабря 1881 года в бенефис Н. И. Музиля. Роли исполняли: Негина — М. Н. Ермолова, Домна Пантелевна — О. О. Садовская, Дулебов — Н. Е. Вильде, Бакин — М. А. Решимов, Великатов — А. П. Ленский, Мелузов — М. П. Садовский, Смельская — Н. А. Никулина, Нароков — Н. И Музиль, Мигаев — В. А. Макшеев, Громилов — К. Н. Рыбаков, Вася — О. А. Правдин, Матрена — Н. В. Рыкалова.

Петербургское «Новое время» сообщало: «Из Москвы нам пишут <...> В высшей степени приятно было слушать это изящное, талантливое произведение <...> Пьеса Островского имела большой, хотя — не особенно шумный успех» *(1881, 25 декабря)*. «Соревнование больших талантов! — писал об этом спектакле Ю. М. Юрьев.— Каждый из них давал вполне законченный, яркий образ и полностью вскрывал сущность изображаемого лица. Не знаешь, кому дать предпочтение, — все спаяны между собой, как в одно музыкальное произведение» (*Ю. М. Юрьев, Записки, т. 1, Л.—М., «Искусство», 1963, стр. 168)*.

Ермолова, писал в рецензии на этот спектакль Вл. И. Немирович-Данченко, «превосходно передала душевный разлад Негиной. При такой игре не может быть никаких сомнений относительно душевных качеств Негиной, и все ее поступки вполне объяснимы», поскольку в том мире, где она живет, «иного исхода из борьбы Негиной быть не могло» *(«Рус. курьер», 1881, 23 декабря)*. В «Новом времени» обращалось внимание на игру Садовской и Рыбакова: «Очень хороша была г-жа Садовская в роли матери юной актрисы. На русской сцене это совсем новый тип, и г-жа Садовская сумела создать его <...> Не нов, но хорошо обрисован тип пьяного трагика Громилова, который <...> вечно зовет своего приятеля-купчика: — Где мой Вася? Где он? Этот «Вася» непременно войдет в поговорку и останется бессмертным» *(1881, 25 декабря)*.

Об игре М. П. Садовского в роли Мелузова сохранились воспоминания артистки Н. А. Смирновой: «Длинноволосый, бедно одетый, с пледом, который он характерным жестом накидывал на плечи, уходя от Негиной, уехавшей кататься с богатым купцом и оставившей его одного после того, как они только что мечтали провести вечер тихо, «по-семейному»,— он вкладывал в слова «зашагаем по дворам» такую горечь разочарования, грусти и недоумения, что публика ему горячо аплодировала. С какой искренностью он произносил свой обличительный монолог в четвертом действии той же пьесы, громя прожигателей жизни за то, что они загрязняют все, во что он верит, развращают молодые чистые души, разрушают то, что строит лучшая часть человеческого общества!» (*Н. А. Смирнова, Воспоминания, М., «Искусство», 1947, стр. 29)*.

Очень своеобразно, отнюдь не отрицательным героем, играл Великатова Ленский. «Мне кажется,— писал Немирович-Данченко,— что Островский вывел это лицо с явным указанием на него как

на человека, который в наше время во всем будет иметь успех <...> Это — Глумов с состоянием, Глумов в купеческой среде» (*«Рус. курьер», 1881, 23 декабря*). Ленский же, напротив, играл «спокойного, сдержанного человека, ощущающего свое достоинство, солидного и независимого, в чьих поступках всегда заметна предварительная обдуманность и взвешенность каждого шага <...> Это был человек с острым, вдумчивым, проницательным взором, с большой наблюдательностью <...> человек, уверенно идущий к своей цели, с деликатной настойчивостью добивающийся осуществления своего намерения» (*Н. З о г р а ф, Александр Павлович Ленский, М., «Искусство», 1955, стр. 120*).

Премьера в Петербурге прошла на сцене Мариинского театра силами Александринской труппы 14 января 1882 года в бенефис М. Г. Савиной. Роли исполняли: Негина — М. Г. Савина, Домна Пантелевна — В. В. Стрельская, Дулебов — А. А. Нильский. Бакин — М. М. Петипа, Великатов — И. П. Киселевский, Мелузов — Ф. П. Горев, Смельская — А. И. Абаринова, Нароков — В. Н. Давыдов, Мигаев — Н. И. Арди, Громилов — П. С. Степанов, Вася — И. Ф. Горбунов.

Островский специально приезжал в Петербург для постановки комедии. «Я просто света не вижу, — писал он жене 8 января,— поутру на репетиции, а по вечерам <...> со всеми артистами читаю их роли отдельно» (*ЛН, 136*), а в день премьеры сообщал: «Сегодня идет моя пьеса <...> Все билеты были проданы в тот же день, как вышла афиша; поставили кресла в оркестре и те проданы все сразу» (*ЛН, 137*), и на следующий день: «... успех громадный, небывалый. Публика была отборная, вызовам не было конца. Савину осыпали цветами и подарками, меня начали вызывать со 2-го акта по нескольку раз; по окончании вызывали столько, что уж мне надоело выходить» (*ЛН, 138*). По свидетельству очевидцев, успех спектакля действительно был огромный, «публики было так много, что для нее отвели даже помещение оркестра <...> Островского вызывали после второго, третьего и четвертого действия» (*«Театральный дневник С. Ф. Светлова». — «Бирюч», 1919, июнь — август, стр. 63 — 64*). Однако это был спектакль совсем иного плана, чем в Москве. «Слава богу, что актриса к порядочному человеку на содержание пошла», — так охарактеризовал идейный смысл петербургской постановки Суворин (*«Нов. время», 1882, 16 января*).

Оценивая игру актеров, рецензент «Голоса» отмечал: «Как и все произведения талантливого драматурга, новая комедия смотрится легко <...> Пьеса к тому же чрезвычайно сценична <...> Г-жа Савина сыграла роль Негиной с обычною тонкостью в передаче самых разнообразных движений души <...> Г-н Давыдов превосходно исполнил роль Нарокова» (*1882, 16 января*). Однако, если игру Давыдова действительно одобряли все рецензенты и сам Островский писал, что «фигура его в пьесе «Таланты и поклонники» — особенно лицо и голова — показывает в нем настоящий художнический замысел, способность тонко понимать тип и находить в жизни, для его олицетворения, верные черты» (*ПСС, XII, 224—225*), то в оценке Савиной — Негиной мнения разошлись. Так, отметив, что «лучше всех был г. Арди в маленькой роли антрепренера Мигаева» и что «г-жа Стрельская хорошо сыграла мать Негиной», Суворин писал: «А что ж г-жа Савина, что ж героиня пьесы? Да она не героиня; в ее роли мало интересного» (*«Нов. время», 1882, 16 января*).

В уже упоминавшемся дневнике Светлова говорится: «Савина исполняла свою роль не блестяще, в ней не было драматизма».

Летом 1882 года Ермолова гастролировала в Петербурге, и после спектакля «Таланты и поклонники» в Ораниенбаумском театре рецензент «Голоса» писал: Ермолова «вызывала своей превосходной игрой самые шумные овации <...> Ермолова <...> выясняет своей игрой то, что не договорено автором <...> Главное достоинство игры г-жи Ермоловой в роли Негиной <...> заключается в том, что в игре этой чрезвычайно много женственности и души, она возвысила нравственное значение как роли, так и самой пьесы, и этого нельзя не поставить в особую заслугу ее художественному пониманию и такту» *(1882, 18 июля)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 33 раза, в Петербурге, в Александринском театре, — 9 раз (последний спектакль в Москве состоялся 4 мая 1886 г., в Петербурге — 22 сентября 1882 г.). На частных столичных сценах было поставлено 30 спектаклей, в театрах провинции — 107.

В последующие годы роли в постановках «Талантов и поклонников» исполняли: А. А. Яблочкина, В. Ф. Комиссаржевская, А. Я. Глама-Мещерская, Л. Б. Яворская, А. К. Тарасова (Негина), Е. П. Корчагина-Александровская, М. М. Блюменталь-Тамарина, А. П. Зуева (Домна Пантелевна), А. И. Южин, М. И. Прудкин (Бакин), К. Н. Рыбаков, В. П. Далматов, В. Л. Ершов, М. М. Климов (Великатов), П. М. Садовский, И. А. Рыжов, Н. Н. Ходотов (Мелузов), А. А. Яблочкина, О. Н. Андровская (Смельская), О. А. Правдин, В. И. Качалов, М. М. Штраух (Нароков).

Стр. 213

Я не chou-fleur и не siffleur — chou-fleur (*франц.*) — цветная капуста, siffleur (*франц.*) — свистун.

Стр. 214

Кинжал в грудь по самую рукоятку — парафраз реплики Карла Моора: «Люди, люди <...> Ваши сердца — твердый булат! Поцелуй — кинжал в грудь» (*Шиллер, Разбойники, д. I, явл. 2*).

Стр. 221

«*Уриэль Акоста*» — трагедия немецкого писателя и публициста К. Гуцкова (1811 — 1878), русский перевод 1872 года.

Стр. 222

Каратыгин П. А. (1805—1879) — русский актер и драматург.

Григорьев П. И. (1806—1871) — русский актер и драматург-водевилист.

«*Русский человек добро помнит*» — драматическая быль в одном действии русского писателя, журналиста и драматурга Н. А. Полевого (1796—1846).

Стр. 228

Кохинхинские куры — крупные мясные куры.

Гилянки, шпанки — породы кур.

Стр. 230

Прокурат — проказник, ловкач.

Стр. 235

«*За Уралом за рекой*» — русская народная песня (см.: «*Песни для русского народа*», *Спб., 1859)*.

Стр. 235

Крейцер — мелкая разменная монета в Австро-Венгрии и Германии.

О люди, люди! — начальные слова реплики Карла Моора: «О люди, люди! порождения крокодилов!» (*Шиллер*, *Разбойники*, *д. I*, *явл. 2*).

Стр. 236

Я — Лир, а ты мой дурак — имеется в виду трагедия Шекспира «Король Лир» (см. *акт. II*, *сц. 2*).

Стр. 237

«Фру-Фру» («Ветерок») — комедия А. Мельяка и Ф.-Ж. Галеви.

Офелия, удались от людей — реплика Гамлета из одноименной драмы Шекспира (*д. III*, *явл. I*).

Стр. 242

... в наших палестинах — в наших краях.

... наш аристарх... — Аристарх — ученый, критик, имя нарицательное — от Аристарха Самофракийского (ок. 217—145 гг. до н. э.), издателя и комментатора греческих классиков.

Стр. 252

Киатра — искаж. театр, здесь: театральная публика.

Стр. 257

И я в Аркадии родился ... — из стихотворения Ф. Шиллера «Resignation» (1787) в переводе М. Дмитриева «Покорность провидению» (1826). *Аркадия* — гористая местность в Греции, в древнегреческой мифологии — символ счастливой идиллической жизни.

Стр. 274

«Не горе и слезы ...» — в несколько отличающейся редакции эти стихи были опубликованы в журнале «Репертуар и пантеон», 1843, кн. 9, стр. 138. Автор их — артист Д. А. Горев, печально известный в русской литературе тем, что настойчиво претендовал на соавторство с Островским в создании комедии «Свои люди — сочтемся!» (см.: *А. Ревякин*, *А. Н. Островский и Д. А. Горев*. — *«Рус. литература»*, *1963*, *№ 4)*.

КРАСАВЕЦ-МУЖЧИНА

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1883, № 1, стр. 5—94.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ГБЛ)*;
театральная копия *(ЛГТБ)*;
театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 288, *строка 8*

«ничего не берет» *вместо* «ничто не берет»

Стр. 288, *строка 9*

«тысяч пять-десять» *вместо* «тысяч пятьдесят»

Стр. 288, *строка 27*

«наделит такими родственниками» *вместо* «наделит родственником»

Стр. 289, строка 10
«дельных людей» *вместо* «деловых людей»

Стр. 297, строка 42
«практическому человеку» *вместо* «практичному человеку»

Стр. 302, строка 14
«мало цените, мало цените» *вместо* «мало цените»

Стр. 302, строка 27
После слов: «очень полезны» *вставлено:* «Я бы желал, чтобы он был твоим постоянным собеседником»

Стр. 306, строка 26
«между женщинами, продающими» *вместо* «между продающими»

Стр. 313, строка 34
«велики деньги» *вместо* «все-таки деньги»

Стр. 327, строка 31
«с вашей племянницей» *вместо* «с племянницей»

Стр. 330, строка 26
«Растрепывает» *вместо* «Рассматривает»

Стр. 331, строка 28
«Зоя (шепотом)» *вместо* «Зоя»

Стр. 332, строка 4
«прижимаясь» *вместо* «присматриваясь»

Стр. 336, строка 9
«Я после ... после» *вместо* «... после»

Стр. 338, строка 29
«нежной душе» *вместо* «душе»

Стр. 342, строка 13
«не можете помочь» *вместо* «поможете мне»

Стр. 345, строки 24—25
«глупа, зла» *вместо* «глупа»

Стр. 346, строка 30
«другое что» *вместо* «другой кто».

Пьеса «Красавец-мужчина» была задумана Островским летом 1882 года во время пребывания в Щелыкове. Тогда же написан «Сценариум» и сделаны первые наброски (см. *ПСС, XVI, 63)*. Но дальше этого работа не пошла, и 12 октября Островский писал Ф. А. Бурдину: «Я еще за пьесу и не принимался и потому когда ее кончу еще не знаю» *(ПСС, XVI, 44)*. В сохранившемся черновом автографе первые восемь листов занимают различного рода наброски, а на л. 2 есть помета: «июль и октябрь 1882 г.». По-видимому, именно в октябре Островский приступил к непосредственному написанию текста пьесы: на л. 9 чернового автографа есть помета: «окончательная редакция — октябрь». Но работа продолжалась долго. 1 декабря автор сообщал Бурдину: «Пьеса будет готова в конце будущей недели, если не случится чего-нибудь особенного» *(ПСС, XVI, 54)*; наконец, 10 декабря пьеса была окончена и начата переписка ее набело. Островский писал по этому поводу: «Меня

пугает переписка, первый экземпляр я переписываю сам, потому что черновой пишется карандашом со множеством поправок, и никто его, кроме меня, не разберет» *(там же)*. 14 декабря переписка была закончена и первая копия отослана в Петербург. «Похлопочи, — писал Островский Бурдину, — чтобы пьеса сейчас же была одобрена цензурой и Комитетом и чтобы один скрепленный экземпляр был отослан в Москву не позже понедельника» *(ПСС, XVI, 60)*.

18 декабря 1882 года пьеса была разрешена драматической цензурой, но цензор Е. И. Кейзер сделал в тексте несколько вымарок, о чем Островскому сообщил Бурдин: «... вымаранные места выписываю для твоего сведения: «я нравлюсь женщинам, *этим я и хочу воспользоваться*», подчеркнутое вымарано. Потом сделана следующая выкидка. Окоемов прямо говорит: «Нужно, Зоя, чтоб я мог уличить тебя в неверности», и Зоя отвечает «нет, нет» и т. д. — а о том, чтоб она была виновата и о свидетелях выкинуто. По-моему, эти вымарки не важны, ибо смысла не изменяют, потому что свидетели являются. Для того чтобы пьеса прошла *безусловно*, а ты знаешь, как это важно для провинции, то Артемьев просил тебе передать, чтоб ты эти вымарки сделал сам[1], и тогда он красные чернила в цензурованной пьесе заменит черными, и все будет в порядке, а если твоего согласия не будет, то все-таки эти фразы будут вычеркнуты, и пьеса не пройдет безусловно» (*Б у р д и н, стр. 375)*. Островский на это ответил: «Скажи Артемьеву, что я на вымарки согласен, эти места будут зачеркнуты, и в литографированных экземплярах их не будет» (*ПСС, XVI, 61—62)*. Обе приведенные в письме Бурдина цензурные купюры находятся в явлении 8, II действия, но ни в театральных копиях, ни в печатном тексте этих купюр нет, и текст их полностью совпадает с текстом чернового автографа, а экземпляр с цензурной визой до нас не дошел. Возможно, что несколько позже цензор согласился их восстановить, поскольку они действительно ничего не изменяли в идее и существе конфликта пьесы. Позже П. М. Невежин вспоминал: «... автора обвиняли в цинизме, развращенности и жестоко осуждали, особенно в Москве, где лицемерие симулировало за добродетель <...> Когда же Александр Николаевич читал нам пьесу у себя дома, то большинство слушателей не нашло в «Красавце-мужчине» ничего шокирующего» *(«Восп.», стр. 272)*.

Еще до того, как комедия была написана, М. Е. Салтыков-Щедрин писал Островскому 5 октября 1882 года: «Считаю приятнейшею обязанностью уведомить Вас, что «Отеч. зап.» еще существуют и, следовательно, не невозможно, что и 1-й № 1883 г. выйдет. А так как с древнейших времен начинаем год Вашим произведением, то весьма естественно, что я своевременно озабочиваюсь вопросом: можно ли рассчитывать на Вас для январской книжки, по примеру прошлых лет» (*Щ е д р и н, т. 19, стр. 290)*.

Островский обещал журналу новую комедию *(см. ПСС, XVI, 49)*, но задержка в работе вызвала новое письмо Салтыкова-Щедрина: «Я ужасно боюсь, как бы Вы не опоздали с Вашей комедией <...> А мы начинаем год с Вашей вещи, и следовательно, она должна набираться *первою*. В уверенности, что пьеса Ваша будет готова к сроку, я так уже и устроился. Поэтому, будьте так добры: обнадежьте меня уведомлением, можно ли рассчитывать на получение Вашей пьесы между 6—8 декабря. Пожалуйста. Ужасно было

[1] Помета Бурдина на полях: «т. е. на них согласился».

бы неприятно, почти неловко, начинать год не с Вас» *(Щ е д р и н, т. 19, стр. 298—299)*. После того как один экземпляр пьесы был прислан Бурдину для театральной цензуры, а журнал не получил рукописи, Салтыков-Щедрин снова написал Островскому: «В газетах повествуют, будто бы Вашу новую комедию прислали уже Бурдину <...> Ежели это так, то, вероятно, Вы, по бывшим примерам, поручили ему копию с комедии доставить в «Отеч. записки», т. е. мне. Но русский Гаррик никогда не обращал внимания на нашего брата-мелкоту, и прежде передавал Ваши пьесы не торопясь; нет, стало быть, резона, чтоб он и на этот раз изменил своему высокоумию. Поэтому не будете ли Вы так добры написать ему, чтоб он поторопился, ибо, во всяком случае, в типографии наберут скорее, нежели перепишут. И ему же корректуру можно дать» *(там же, стр. 303)*. Наконец, в первой декаде декабря 1882 года Салтыков-Щедрин еще раз обращается к Островскому: «Ваша пьеса необходима не позднее 17-го числа, чтобы к 22-му успеть набрать и продержать корректуру хотя первых двух актов, а остальные два акта могут быть присланы и 20-го <...> Повторяю только: нехорошо будет *для нас*, ежели мы без Вашей пьесы выпустим 1-й № <...> я попросил бы присылать ее <пьесу> (в целом или по частям) <...> с надписью: для передачи в типографию. Ее наберут скоро, и ежели Вам нужны копии, то я, вместо них, могу распорядиться высылкою Вам или исправленных корректур или чистых листов, сколько потребуется» *(там же, стр. 304)*.

Пьеса вызвала резко разноречивые печатные отзывы. Безапелляционен был рецензент «Сына Отечества»: «Вообще новую комедию г. Островского надо признать одним из неудачнейших его произведений» *(1883, 21 января)*. А рецензент «Биржевых ведомостей» Еф-н был более умерен: «... ничего нового, но характеры некоторых действующих лиц очерчены весьма рельефно, а многие места комедии чрезвычайно эффектны и сценичны» *(1883, 8 января)*. Д. В. Аверкиев также остался недоволен пьесой: «Торгующие своей красотой лица обоего пола равно отвратительны. Стоит ли их бичевать? Они и без того во всеобщем презрении <...> к чему выставлять на позор таких и без того всеми презираемых лиц <...> Окоемова вернее назвать мерзавцем, чем красавцем, а жена его — «совершенная дурочка». Рецензент считает, что у Островского вообще заметна «слабость к сантиментализму и нравоучениям. Последняя слабость в новой комедии завела г. Островского дальше, чем в прежних произведениях. В изображении супругов Окоемовых он словно перестал вовсе быть художником, а пожелал явиться строгим моралистом <...> Считая «Красавца-мужчину» одним из неудачных произведений г. Островского, мы, однако, не видим в ней ни падения его таланта, ни иных страшных вещей. В ней, повторяем, только с особой яркостью выразился один из недостатков именитого драматурга» *(«Нов. время», 1883, 8 января)*.

Совершенно иначе отнесся к комедии рецензент «Голоса»: «Главное достоинство новой комедии г. Островского «Красавец-мужчина» заключается в беспощадно реальном изображении на сцене одного из унизительных для человечества типов, которые <...> давно известны в Париже под кличкою «Альфонсов» <...> Г-н Островский с обычным мастерством выхватил этот тип живьем, справедливо признав его достойным ювеналовской сатиры <...> Такое выставление к позорному столбу придает, правда, подробностям пьесы несколько цинический колорит, но возвышает нравственное

значение комедии в смысле производимого ею общего впечатления» *(1883, 8 января)*.

Сам автор писал Бурдину: «Что касается до моего «Красавца», то это, может быть, единственная пьеса, за успех которой я ни минуты не сомневался <...> Объяснять тебе значение моей пьесы на письме было бы очень долго, я скажу только, что эта пьеса значительно оживила меня и подняла мой дух, эта пьеса — очень важный шаг в моей жизни <...> Постоянно я получаю горячие и даже восторженные поздравления от самых лучших интеллигентных людей» *(ПСС, XVI, 67)*. В ответ Бурдин писал: «Упреки на тебя слышатся за то, что краски положены до того резко, что возмущается всякое человеческое чувство и некоторые сцены производят впечатление, которое испытывает новичок при вскрытии человеческого тела. Может быть, это действительно так, а может быть, это непривычка публики сталкиваться с пороком во всей его наготе. Тем не менее, сколько пьеса ни возбуждает критики, а все-таки не могут отрешиться от ее впечатления, значит, она легко не проскользнула, и многочисленные толки pro и contra показывают ее значение, и как бы ни осуждали ее, а все чувствуют, что она крепко защемила один из современных жизненных вопросов» *(Бурдин, стр. 380)*.

Через год, по итогам сезона 1882/83 года, комедия была выдвинута на Грибоедовскую премию, присуждаемую Обществом драматических писателей. Судьями были избраны И. А. Гончаров, Д. В. Григорович и А. Н. Пыпин. Каждый из них в отдельности признавал комедию лучшей пьесой сезона. «Я заметил, — писал Гончаров, — что между пьесами прошлого года есть одна Ваша — «Красавец-мужчина», которая хотя и уступает по достоинствам «Без вины виноватые», но, конечно, должна быть удостоена премии» *(«Неизд. письма», стр. 74)*, и в другом письме: «Я, как и все, нашел ее прекрасною и тонкою вещью в художественном отношении» *(там же, стр. 76)*. Наконец, в третьем письме: «Я знал только Вашу пьесу «Красавец-мужчина», которую, даже не зная других пьес, нельзя ставить с ними на ряду» *(там же, стр. 79)*. Пыпин писал Островскому: «Я вполне присоединяюсь к мнению Д. В. Григоровича, что лучшей должна быть признана Ваша пьеса «Красавец-мужчина» *(там же, стр. 487)*. Однако Григорович, посетив Гончарова, заметил ему, что «как в этой, так и в некоторых других прошлогодних пьесах, на сцене резко обозначены черты общественной безнравственности <...> и что также и поэтому оказывается неудобно давать премию» *(там же, стр. 74)*.

Сообщая об этом разговоре с Григоровичем Островскому, Гончаров писал: «Я на это вскользь заметил, что литературное жюри призвано судить только художеств<енную> сторону в пьесах и т. д., а за нравственностью наблюдает цензура <...> Что касается до рельефного изображения черт безнравственности на сцене, то я еще, правда, слышал, что будто на это было обращено в высших сферах внимание и что в несмотрении за этим будто бы обвинили Театральный комитет, где, кажется, участвует и Григорович» *(там же)*. Видимо, по этой причине — «Вероятно, тут был какой-то посторонний импульс цензурного свойства», — писал Гончаров Островскому *(там же, стр. 77)* — Григорович и Пыпин предложили отложить присуждение премии на год и выдать ее по итогам сезона 1883/84 года, но с этим не согласилось Общество драматических писателей. В результате Грибоедовская премия за 1883 год была все же присуждена Островскому за пьесу «Красавец-мужчина».

Премьера в Малом театре состоялась 26 декабря 1882 года в бенефис П. Я. Рябова. Роли исполняли: Окоемов — М. П. Садовский, Аполлинария Антоновна — О. О. Садовская, Зоя — Г. Н. Федотова, Лотохин — В. А. Макшеев, Олешунин — Н. И. Музиль, Лупачев — Н. Е. Вильде, Сосипатра Семеновна — Н. М. Медведева, Сусанна Сергевна — Н. А. Никулина, Пьер — А. И. Южин, Жорж — Н. А. Александров, Акимыч — П. Я. Рябов.

Спектакль оказался неудачным. Рецензент «Голоса» указывал: «Мое искреннее убеждение — всему виной распорядительный <...> комитет нашего Малого театра, допустивший распределение ролей, безобразнее которого на пари придумать трудно». В результате «театр был пуст почти наполовину <...> важно то, что сам спектакль успеха не имел» и «робкие вызовы автора были покрыты дружным шиканьем» *(1883, 4 января)*. П. М. Невежин подтверждал в своих воспоминаниях, что спектакль «действительно успеха не имел, но в этом виноват был сам Островский, отдавший главную роль очень талантливому актеру М. П. Садовскому, ни с какой стороны не подходившему к изображаемому лицу. У артиста было очень умное лицо, о красоте же не могло быть и речи, а между тем на этом качестве зиждется пьеса» *(«Восп.», стр. 273)*.

О провале пьесы почти в тех же словах, что и в «Голосе», писал рецензент «Московских ведомостей» С. Васильев (С. В. Флеров): «... театр был наполовину пуст. При вызове автора слышалось шиканье» *(1882, 31 декабря)*.

Однако сам Островский характеризовал спектакль совсем иначе: «Сейчас прочел в «Московских ведомостях» наглую клевету о моей пьесе. Автора вызывали с громом после второго действия <...> Вызовы были без конца <...> По поводу моей пьесы на другой день было вывешено распоряжение, чтобы более трех раз не вызывать». Но в этом же письме Островский сам пишет: «... меня в театре не было» (*ПСС, XVI, 63—64)*. И в другом письме: «В Москве пьеса поставлена и дается при самых неблагоприятных условиях, и все-таки успех огромный. В обществе только и разговоров, что о ней, и разговоров самых лестных для меня» *(ПСС, XVI, 64)*.

Разошлись мнения и об игре отдельных актеров. Так, если Островский писал: «После конца пьесы Федотову вызывали в продолжение целого антракта» *(ПСС, XVI, 64)*, то рецензент «Голоса» указывал: «Для роли Зои г-жа Федотова слишком, так сказать, «величественна». Вся та почти детская наивность, которую вдохнул в свою героиню автор комедии, улетучивается благодаря медленной читке, неторопливой походке и строго продуманным «королевским» жестам, составляющим неотъемлемую принадлежность игры («манеры») г-жи Федотовой» *(1883, 4 января)*.

Премьера в Александринском театре состоялась 6 января 1883 года в бенефис Ф. А. Бурдина, игравшего в этот вечер в другой пьесе: «Русский человек добро помнит» Н. А. Полевого. Роли исполняли: Окоемов — М. М. Петипа, Аполлинария Антоновна — А. И. Шуберт, Зоя — М. Г. Савина, Лотохин — К. А. Варламов, Олешунин — Н. Ф. Сазонов, Лупачев — И. П. Киселевский, Сосипатра Семеновна — Е. Н. Жулева, Сусанна Сергевна — Е. Г. Стремлянова, Пьер — Л. А. Каширин, Жорж — Н. Н. Соловцов.

Еще 17 декабря 1882 года Островский писал Бурдину: «Я желал бы, чтобы роль Окоемова играл Ленский, Сусанны — Савина, Лотохина — Варламов, Олешунина — Сазонов» *(ПСС, XVI, 61)*, и, по-видимому, в не дошедшем письме высказывал пожелание, чтобы

роль Зои играла Стрепетова. Но Бурдин возражал: «*Без Савиной пьеса не мыслима*, это будет погибший труд и погибшая комедия. Роль Зои не в формах Стрепетовой, и к тому же она стара <...> О пьесе сделаю одно замечание — ее надобно сократить. Если ты на это согласен, то предоставь мне» (*Бурдин, стр. 374*).

Островский отвечал: «Сокращай пьесу, как знаешь, только смысла не нарушай <...> Разумеется, пьеса без героини немыслима; но я боялся и теперь боюсь, что Савина сама не возьмет эту роль» *(ПСС, XVI, 62)*. Наконец, все утряслось. «Савина играет Зою, — писал Бурдин, — Сусанна отдана Стремляновой, по просьбе Савиной, которая взялась заняться ею. Вчера была считовка. Савина просила написать тебе, что ей роль очень понравилась и она употребит все свои силы хорошенько сыграть ее; только она просит тебя разъяснить ей, как произносить слово «красавец!» — с гневом ли, с презрением ли или с любовью. Этим словом она поставлена в положительное недоумение.

Если Савина не сдъяволит, то все пойдет благополучно» *(Бурдин, стр. 376—377)*.

Островский отвечал: «Скажи Савиной, что слово «красавец» надо произносить с горьким упреком, как говорят: «Эх, совесть, совесть!» Но тут есть оттенок в тоне; в упреке постороннего человека выражается, по большей части, полное презрение, а в упреке близкого <...> больше горечи, а иногда даже и горя, чем презрения. Так и в слове «красавец» должно слышаться, вместе с презрением, и горечь разочарования (т. е. досада на себя) и горе о потерянном счастье. Как все это совместить — это уж представляется уму и таланту артистки; у Марьи Гавриловны и того и другого довольно» *(ПСС, XVI, 62)*.

Пьеса давалась в прощальный бенефис Бурдина, покидавшего сцену после сорока лет выступлений на ней. «Сын отечества», отрицательно отнесшийся к пьесе, не преминул уколоть и Бурдина: «На последний бенефис г. Бурдина, конечно, прислал свою новую пьесу верный и неизменный друг юбиляра А. Н. Островский. Только бенефициант, что делает честь его скромности, наконец-таки не взял себе никакой роли в пьесе своего друга, не взял на себя и греха помочь потоплению пьесы А. Н. Островского, как помогал много лет сряду потоплению стольких других пьес маститого драматурга». В целом же «пьеса <...> провалилась <...> вчера на Александринской сцене, как несколькими днями раньше того провалилась на сцене московского Малого театра. Артисты тут решительно непричем. Все играли старательно, а г-жа Шуберт и гг. Петипа и Варламов даже совсем хорошо» (*1883, 8 января)*.

В рецензиях положительная оценка игры актеров была почти единодушной. Особенно много похвал раздавалось в адрес Савиной. «Мастерски произносила она, уходя от мужа, слово «красавец!». Тут слышалось и презрение, и как будто звучала еще нотка не совсем угасшей любви», — писал рецензент журнала «Театр» *(1883, № 2)*, оставляя полное впечатление, что ему было известно цитированное выше письмо Островского.

«Надо видеть, — писал «Голос», — как играет г-жа Савина «сцену с Олешуниным», чтоб получить полное понятие о таланте этой несравненной актрисы <...> Можно не обинуясь сказать, что в этой сцене (последнего объяснения с мужем. — *Е. П.*) г-жа Савина является «великой» актрисой, способной заставить слушателя переживать такие моменты, которые не забываются истинными

ценителями высокого искусства». Варламов, добавляет рецензент, сыграл свою роль «превосходно», Петипа «с большим тактом и умом сыграл крайне антипатичную роль Окоемова», другие актеры «также способствовали хорошему ансамблю» *(1883, 8 января)*.

Аверкиев разделял это мнение: «Исполнена была комедия, за некоторыми незначительными исключениями, просто на славу. Г-же Савиной удалось очеловечить несчастную Зою <...> Исполнение г-жи Савиной не только возбудило бурю рукоплесканий, но оно положительно спасло комедию. Г-н Варламов был просто прелестен в роли добродушного резонера Лотохина» *(«Нов. время», 1883, 8 января)*.

«Г-жа Савина в исполнении этой роли проявила все свое умение художественно-правдиво передавать все внутреннее настроение Зои. Во второй картине четвертого действия <...> г-жа Савина была неподражаема; в мимике лица, в тоне голоса и во всех движениях так и слышно то душевное страдание, которое Зоя должна была перенести. Г-н Петипа в роли Окоемова был также весьма хорош» *(«Бирж. вед.», 1883, 8 января)*.

Рецензент «Театра» обратил внимание на такую особенность премьеры: по окончании спектакля публика вызывала автора, но «партер был в этих вызовах неповинен, а неистово бушевали только верхи, битком набитые по случаю праздника» *(1883, № 2)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 9 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 14 раз (последний спектакль в Москве состоялся 21 февраля 1883 г., в Петербурге — 12 сентября 1883 г.). На частных столичных сценах было поставлено 3 спектакля, в театрах провинции — 36.

Стр, 283

Шансонетка — песенка игривого, часто фривольного содержания.

Стр. 284

Откуп — в царской России передача сбора налогов с населения частным лицам, уплачивавшим за это государству определенную сумму, обычно значительно меньшую, чем собранный ими налог.

Стр. 290

Аяксы — два неразлучных друга, от имени гомеровских героев, совместно совершавших подвиги.

Стр, 294

Ажитироваться — волноваться (от франц. agitation).

Стр. 302

... я читал жизнеописание Плутарха — книгу Плутарха «Параллельные жизнеописания».

Стр. 319

Червонный валет — здесь: плут, пройдоха.

Милитриса Кирбитьевна — персонаж старинной русской сказки о Бове-королевиче.

Стр. 323

Кохинхинские цыплята — см. прим. к стр. 228.

Стр. 325

Фальшивый бланк — здесь: вексель, на котором имеется только подпись векселедателя и оставлен пробел для вписывания вексельной суммы, что давало ростовщикам возможность шантажировать векселедателя.

Стр. 346
Проминаж — прогулка, гулянье (из смешения франц. promenade — прогулка и русского глагола «проминаться»).
Стр. 350
Так тонут маленькие дети — цитата из «Кавказского пленника» Пушкина, гл. 2 (у Пушкина — «Как тонут ...»)

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Впервые опубликовано в журнале «Отечественные записки», 1884, № 1, стр. 5—92.

Рукописные источники:
черновой автограф *(ПД);*
беловой автограф *(ГБЛ);*
цензурная театральная копия *(ЛГТБ);*
цензурная театральная копия *(ММТ).*

Печатается по тексту «Отечественных записок» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам.

Стр. 361, строка 3
«поберечь его» *вместо* «могу поберечь его»
Стр. 369, строка 39
«в каждый бенефис» *вместо* «в бенефис»
Стр. 374, строка 24
«тот пить отказался» *вместо* «тот отказался»
Стр. 376, строки 38—39
«Я с бабушкой» *вместо* «Я с теткой»
Стр. 376 строка 40
«бабушка умерла» *вместо* «тетка умерла»
Стр. 377, строки 28—29
«грошевых папирос» *вместо* «дешевых папирос»
Стр. 392, строка 39
«Со мной, Нил, всякой актрисе» *вместо* «Со мной, Нил Стратоныч, актрисе»
Стр. 393, строка 29
«в дрянной гостинице» *вместо* «в дурной гостинице»
Стр. 398, строка 33
После: «такого необыкновенного» *добавлено* «что надо особо докладывать?»
Стр. 416, строка 14
«разливанное море» *вместо* «разливное море»
Стр. 422, строка 13
«Дайте вина!» *вместо* «Давайте вина!»
Стр. 422, строка 29
«розами и лилеями» *вместо* «розами и лилиями».

Работу над пьесой Островский начал, по-видимому, летом 1883 года, но не закончил ее и уехал на Кавказ. По возвращении в Москву 4 ноября драматург вновь приступил к работе. В «Записке по поводу проекта «Правил о премиях императорских театров за

драматические произведения», написанной в 1884 году, Островский так рассказывал о творческой истории пьесы: «...это — чуть ли не пятидесятое мое оригинальное произведение, и очень дорогое для меня во многих отношениях: на отделку его потрачено много труда и энергии; оно писано после поездки на Кавказ, под впечатлением восторженного приема, какой оказывала мне тифлисская публика. Мне хотелось показать русской публике, что чтимый ею автор не успокоился на лаврах, что он хочет еще работать и давать ей художественные наслаждения, которые она любит и за которые чтит его. Потом, это произведение создавалось необыкновенно удачно: мне неожиданно приходили в голову художественные соображения, доступные только молодым силам, на которые я, в мои лета, не смел рассчитывать. Повторения такого счастливого настроения едва ли уж дождешься» (*ПСС, XII, 232—233*).

На черновом автографе *(ПД)* имеется дата: «Кончена 7 декабря 1883 г.»; эта же дата стоит в конце беловика *(ГБЛ)*. По окончании сейчас же началась переписка, которая была закончена 15 декабря (см. *ПСС, XVI, 92)*, и в тот же день Островский выехал в Петербург для представления пьесы в Театрально-литературный комитет. Член Комитета А. А. Потехин пригласил Островского лично прочитать пьесу на заседании Комитета: «Было бы, конечно, очень приятно, если бы ты прочитал ее сам, о чем смело заявляю тебе как от себя, так и от прочих членов Комитета, интересующихся твоим трудом и желающих послушать твоего чтения» *(«Неизд. письма», стр. 477)*. 17 декабря пьеса была прослушана на заседании Комитета (Островский не присутствовал по болезни), «единогласно одобрена» *(там же, стр. 478)*, и Потехин писал Островскому: «Комедия твоя, разумеется, всем понравилась, и появление ее всеми искренно приветствовалось; некоторые сцены, преисполненные настоящего комизма, вызывали неудержимый хороший смех; страдания и радость матери, в исполнении Стрепетовой, должны производить потрясающее впечатление» *(там же)*. 18 декабря комедия была разрешена драматической цензурой (даты — на цензурной копии *ЛГТБ*). Сам автор сообщал жене: «Пьеса в цензуре одобрена безусловно. При чтении в комитете театральном она произвела огромное впечатление и так ошарашила, что у некоторых даже отшибло память. Григорович прибежал в неистовом восторге, и теперь пьеса загремела по Петербургу <...> Завтра вечером я читаю пьесу дома, будет Гончаров, Петров и еще кой-кто» *(ЛН, 168)*.

Еще 15 октября 1883 года к Островскому обратился М. Е. Салтыков-Щедрин: «По примеру прежних лет, взываю к Вам: ежели у Вас есть что-нибудь готовое, то не оставьте, пришлите» (*Щедрин, т. 19, стр. 360)*. Как известно, тогда пьесы еще не было, но по приезде в Петербург Островский сейчас же отослал копию пьесы в редакцию «Отечественных записок» и получил в ответ записку Салтыкова-Щедрина: «Благодарю искренно за присылку пьесы, которую сейчас же пошлю в набор» *(там же, стр. 370)*. Островский, видимо, просил прислать ему корректуру, что Салтыков-Щедрин и обещал сделать (см. *там же, стр. 376*).

На публикацию пьесы критика почти не откликнулась. В «Сыне отечества» косноязычно говорилось: «Мы <...> готовы признать новую комедию г. Островского не без достоинств, но и не из лучших <...> Пьеса г. Островского в состоянии сильно подействовать на публику. Если ее большим и существенным с литературной точки зрения недостатком нельзя не считать того, что в пьесе мы не видим

того, что называется правильным развитием действия из основной идеи, а находим лишь какой-то подбор случаев и разговоров на известную тему,— то нельзя, с другой стороны, не признать и того, что некоторые места этой пьесы сильны и способны производить большое впечатление на публику» *(1884, 27 января)*. Рецензент «Русских ведомостей» считал: «С первого и до последнего слова вы, конечно, чувствуете мастера-драматурга, Островского, признаете его знаменитый талант; но раз вы знаете, что читаете произведение автора «Своих людей» и «Грозы», — вам становится грустно» *(1884, 29 января)*. Только рецензент А. Еф-н высоко оценил содержание комедии: автор «затронул одно из самых больных мест нашей общественной жизни: он коснулся бесправного и печального положения незаконнорожденных детей, называя их «без вины виноватыми» *(«Бирж. вед.», 1884, 22 января)*. Однако другой рецензент, К. Головин, наоборот, не увидел в пьесе никакого общественного содержания: «Не на струне протеста разыгрывается драма: она исключительно построена на взаимных отношениях матери и сына и потому вызывает наше сочувствие, так сказать, безотносительно к общественному вопросу» *(«Русь», 1884, № 7)*.

Премьера в Малом театре состоялась 15 января 1884 года в бенефис Н. А. Никулиной. Роли исполняли: Кручинина — Г. Н. Федотова, Шелавина — И. П. Уманец-Райская, Муров — А. И. Южин, Галчиха — О. О. Садовская, Дудукин — В. А. Макшеев, Коринкина — Н. А. Никулина, Незнамов — К. Н. Рыбаков, Шмага — Н. И. Музиль, Миловзоров — Н. А. Александров, Аннушка — В. П. Музиль-Бороздина.

По отзывам рецензентов, «исполнена была пьеса прекрасно» *(«Новости дня», 1884, 17 января)*. А. В. Луначарский вспоминал: «Спектакль произвел на меня такое впечатление, что я целую ночь не мог успокоиться и вновь и вновь плакал, как ребенок» *(«Искусство трудящимся», 1925, № 10)*.

Особенно высоко оценили современники игру Федотовой. «Не было зрителя, — писал позже присутствовавший на премьере критик А. А. Кизеветтер, — который бы не плакал и в течение всего <первого> акта вслед за артисткой не испытывал все нараставшую тревогу, словно какой-то ток душевного трепета протягивался между сценой и зрителем и все взвинчивал и взвинчивал чувство зрителя последовательными беспокойными нервными толчками, а завершительное восклицание артистки: «Ну, теперь вы совсем свободны!» — приобретало потрясающую силу, и какими разнообразными чувствами была насыщена эта фраза в устах артистки: и отчаяние, и негодование, и убийственное презрение, и острая тоска — все сплелось здесь в общий клубок и, словно молнией, освещало тот душевный ад, который в эту минуту должен был гореть в несчастной матери и брошенной любовнице» *(А. А. Кизеветтер, Театр. Очерки, размышления, заметки, М., 1922, стр. 93)*.

Премьера в Александринском театре состоялась 20 января 1884 года в бенефис П. А. Стрепетовой. Роли исполняли: Кручинина — П. А. Стрепетова, Шелавина — Н. Е. Хлебникова, Муров — А. П. Ленский, Галчиха — М. Г. Ленская, Дудукин — Н. Н. Зубов, Коринкина — А. М. Дюжикова, Незнамов — М. М. Петипа, Шмага — В. Н. Давыдов, Миловзоров — Л. А. Каширин, Аннушка — Гусева.

В бытность свою в Петербурге, 16—23 декабря 1883 года, Островский намеревался сам прочесть пьесу артистам Александринского театра, но «Ваше репертуарное начальство, — писал он П. А. Стрепетовой, — не нашло нужным назначить считку, пока я был в Петербурге» *(ПСС, XVI, 96)*. 7 января Стрепетова писала Островскому: «Я получила роль из Вашей новой пиесы, за что от души и искренно приношу мою благодарность. Жалею очень, что не видала Вас и не могла попросить сделать мне указаний и наставлений» *(С т р е п е т о в а, стр. 281)*. Островский на это отвечал: «Делать Вам какие-нибудь указания я считаю лишним. В Вашем таланте есть в изобилии все то, что нужно для этой новой роли» *(ПСС, XVI, 96)*.

Премьера для самого Островского была неожиданной. В цитированной «Записке по поводу проекта «Правил о премиях...» он писал: о премьере «я узнал из газет, и узнал поздно, так что моя поездка в Петербург не могла бы принести никакой пользы постановке пьесы; ехать же на первое представление я не решился, так как не надеялся на приличную постановку пьесы». И далее: «Пьеса моя поставлена была очень небрежно, репетирована мало; режиссерская постановка — рутинная и неумелая; декорации все старые, даже в 3-м действии вместо уборной провинциального театра поставлена была обыкновенная комната» *(ПСС, XII, 231—232)*.

После премьеры Стрепетова сообщила автору: «Спешу Вас порадовать, что пиеса Ваша «Без вины виноватые» вчера имела громадный успех. Вызовам не было конца, требовали автора, но, конечно, пришлось объявить, что его нет в театре. Почти каждого из играющих вызывали за каждое его явление. Я очень, очень жалею о Вашем отсутствии, так как Ваше доброе слово было бы дороже всех похвал и вызовов» *(С т р е п е т о в а, стр. 281)*. В ответ Островский писал: «Благодарю Вас за прекрасное артистическое исполнение новой роли; я давно твержу всем и каждому о Вашем великом таланте и очень рад, что моя новая пьеса дала Вам случай подтвердить истину моих слов <...> Сделайте одолжение, передайте мой поклон и мою благодарность всем участвующим в моей пьесе» *(ПСС, XVI, 98)*.

Об успехе спектакля писал Островскому и Д. В. Григорович: «Успех самый полный от начала до конца; автора начали шумно вызывать с первого действия <...> Замечательно была хороша Стрепетова; в сильных местах она была глубоко трогательна и вызывала слезы, которых давно не видел Ал<ександринский> театр. Вся психологическая сторона ее роли была ведена с замечательным умом и тактом. За нею, лучше других, был Петипа; очень на этот раз отличился <...> Роль эта пришлась ему по душе, и он считает ее лучшею в своем репертуаре. Давыдов был хорош, но от него можно было ожидать чего-нибудь лучшего. Очень мила была Дюжикова, она с самого начала взяла верный, хороший тон и до конца его выдержала. Вы бы хорошо сделали, написав Стрепетовой теплое словечко. Она, право, этого заслужила» *(«Неизд. письма», стр. 85)*. Григоровичу вторил А. С. Суворин: «Ваша последняя вещь растрогала всех так, что ничего подобного я никогда не видал. Мужчины, самые деревянные, плакали <...> И надо отдать справедливость Стрепетовой, — она просто сама себя превзошла. Вы когда-нибудь посмотрите, что она делает после того, как срывает медальон и говорит: «Он, он!» Это вдохновенное у нее место, нечто такое, что вообразить себе трудно. Такая радость, ангельская какая-то, блажен-

ная, какой я никогда не видал ни в жизни, ни на сцене. По-моему, этому моменту в ее игре даже подражать нельзя» *(«Неизд. письма», стр. 560)*.

Такую высокую оценку вполне разделяли и рецензенты: «Исполнение комедии артистами Александринской сцены необходимо признать вполне прекрасным. Г-жа Стрепетова в роли Отрадиной передала в высшей степени умно и талантливо эту благородную, честную натуру» *(«Бирж. вед.», 1884, 22 января)*.

Исполнение артистом Петипа роли Незнамова в целом заслужило положительную оценку рецензентов, но характер своего героя исполнитель раскрыл все-таки недостаточно глубоко. А Островский уделял этому образу большое внимание, и когда студент-медик Казанского университета П. К. Дьяконов, который должен был играть эту роль в студенческом спектакле, обратился к Островскому за разъяснениями, драматург ему отвечал: «Незнамов, для постороннего взгляда, есть ни более ни менее, как юный трактирный герой, таким он и должен явиться перед публикой. Он, по молодости лет, ни закаленным наглецом с поднятой головой, ни мрачным человеком, потерявшим веру в жизнь и людей <не может быть>. Он еще многого не знает, многого не видал. Он является полупьяным, с дерзким видом; но дерзость у него стушевана некоторым конфузом <...> Когда он понял, что встретил чистую натуру, невиданную им, он остолбенел — он рот разинул от удивления, он потерялся, он ищет и не может найти тона; прежний его разговор показался ему не только дерзким, но, что еще ужасней для него, глупым. Незнамова очень трудно играть: в нем есть и дурное, и хорошее, и все это должно проявляться и в жестах и в тоне; дурное в нем: неблаговоспитанность, дерзкий тон и манеры, приобретенные в провинциальной труппе; хорошее: сознание оскорбленного человеческого достоинства, которое выражается у него хотя и сильно, но более с искреннею горечью, чем с негодующим протестом, отчего его тирады выходят трогательнее» *(ПСС, XVI, 148)*.

В цитированном выше письме Григорович высказал надежду, что «дирекция воспользуется таким давно не бывалым успехом на русской сцене и станет давать пьесу как можно чаще» *(«Неизд. письма», стр. 84—85)*. Эта же мысль есть в рецензии «Биржевых ведомостей»: «Комедия «Без вины виноватые» имела большой успех и несомненно продержится в репертуаре весьма продолжительное время» *(1884, 22 января)*.

Но дирекция императорских театров придерживалась другого мнения. «Моя пьеса «Без вины виноватые» снята с репертуара, — писал Островский брату в начале октября 1884 года. — Такое нарушение приличия, справедливости и авторских прав возмущает душу; они и умереть-то не дадут покойно. Пьеса имела громадный успех, большинство публики ее не видало, я приезжаю из деревни и узнаю, что публика требует мою пьесу, что артисты несколько раз просили поставить ее на репертуар, и она все-таки не ставится <...> Распространился слух, что пьеса снята по распоряжению цензуры или высшего начальства; может быть, и так ... Стоит ли писать?!» *(ПСС, XVI, 121—122)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 21 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 16 раз (последний спектакль в Москве состоялся 9 февраля 1886 г., в Петербурге — 8 мая 1886 г.). На частных столичных сценах было поставлено 13 спектаклей, в театрах провинции — 289.

Из спектаклей последующих лет знаменательной вехой в сценической истории пьесы была постановка ее А. П. Ленским в Малом театре 4 марта 1908 года, когда роль Кручининой исполнила М. Н. Ермолова, Шелавиной — В. Н. Рыжова, Аннушки — В. Н. Пашенная, Галчихи — О. О. Садовская, Мурова — И. А. Рыжов, Дудукина — А. П. Ленский, Незнамова — А. А. Остужев, Коринкиной — А. А. Яблочкина и др. Этот состав актеров с небольшими изменениями играл пьесу в Малом театре до 1921 года.

В дальнейшем в постановках пьесы принимали участие: М. Г. Савина, В. Н. Пашенная, А. Г. Коонен, А. К. Тарасова (Кручинина) П. В. Самойлов, М. В. Дальский, М. И. Царев, В. В. Кенигсон, В. В. Дружников (Незнамов), П. П. Павленко, П. П. Гайдебуров, И. В. Ильинский, Ю. В. Толубеев (Шмага), Е. Д. Турчанинова (Галчиха), Б. Н. Ливанов (Муров).

Стр. 361

Сенат — государственное учреждение, на которое был возложен высший надзор за точным и единообразным выполнением законов.

Стр. 368

... *сосуд скудельный.*— Скудель — глиняный горшок, здесь: слабое создание.

Стр. 373

Явочное прошение — документ, предъявленный нотариусу и заверенный им; здесь: какое-либо прошение, представленное Незнамовым (например, прошение на право жительства, имеющее визу нотариуса).

Стр. 375

Леди Микельсфильд — героиня пьесы К. Гуцкова «Ричард Севедж, или Сын одной матери» (русск. перевод 1845 г.).

Стр. 393

Ирокезский язык — группа родственных языков нескольких племен североамериканских индейцев; здесь: чужой, непонятный язык.

Стр. 395

... *первые сюжеты* — здесь: исполнители первых ролей.

Стр. 396

Амишки — здесь: любовники (от франц. l'ami); слово вошло в обиход после появления водевиля в одном действии «Амишка» (перевод с франц. П. С. Федорова).

Стр. 398

Бомон — высший свет (от франц. beaumonde).

Сара Бернар — знаменитая французская актриса; начиная с 1882 года неоднократно гастролировала в России.

Стр. 404

... *во всех низовых городах* — в городах, расположенных в низовьях Волги.

Стр. 407

Рабатка — клумба.

Стр. 412

Роббер — в некоторых карточных играх (вист, винт) — круг игры, состоящий из трех отдельных партий.

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», 1885, кн. 2, стр. 156—231.

Рукописные источники:
беловой автограф *(ГБЛ)*;
две цензурные театральные копии *(ЛГТБ)*;
авторизованная театральная копия *(ММТ)*.

Печатается по тексту «Русской мысли» со следующими основными исправлениями по рукописным источникам:

Стр. 426, строка 10
«по наружности и манерам» *вместо* «по наружности»

Стр. 426, строка 17
«большой письменный стол» *вместо* «большой стол»

Стр. 429, строка 7
перед: «Я хочу поделиться» *добавлено*: «Нет, какие шахматы!»

Стр. 433, строки 2—3
«я уж послал на вокзал» *вместо* «я уж послал»

Стр. 459, строки 28—29
«что она будет служить» *вместо* «будет служить»

Стр. 460, строки 23—24
«все более и более» *вместо* «все более»

Стр. 468, строка 11
«нужно идти воевать» *вместо* «нужно воевать».

Будучи в Петербурге с 4 по 23 марта 1884 года, Островский обещал П. А. Стрепетовой написать пьесу для ее бенефиса. 29 июля артистка напомнила драматургу об этом, и он ей отвечал: «Я обещание свое помню и работаю по мере сил, но вот беда: сил-то у меня мало становится. Во всяком случае, я думаю кончить пьесу в октябре и тогда пришлю ее Вам или сам привезу» *(ПСС, XVI, 116)*.

Работа двигалась очень медленно: «Не от мира сего» — последняя пьеса Островского; он писал ее уже совершенно больной. 14 октября он сообщал Стрепетовой: «Я и теперь еще не совсем оправился и более часу или двух в сутки работать не могу. Через неделю, если силы позволят, я думаю быть в Петербурге, тогда будет видно, к какому времени я в состоянии буду кончить пьесу. Если замедлю, то попрошу отсрочки Вашего бенефиса <...> Пьеса будет в 3-х актах» *(ПСС, XVI, 124)*. Стрепетова спрашивала автора: «Для меня необходимо знать: серьезная или комическая будет Ваша новая пиеса; если она даже у Вас и не окончена, то, во всяком случае, Вы знаете направление ее» *(Стрепетова, стр. 282)*. Островский отвечал: «Пьеса, задуманная мной, драматическая, в 3-х актах, главная роль для Вас. Я предлагал отложить бенефис только в крайнем случае, если болезнь не позволит кончить пьесу числу к 20-му ноября» *(ПСС, XVI, 125)*. Видимо, на каком-то этапе работы у автора изменился замысел: «Пьеса помаленьку подвигается,— писал он Стрепетовой 9 ноября,— первый акт отделал и второй в работе; а она и вся-то будет в 2-х актах» *(ПСС, XVI, 127)*; но в окончательном тексте автор вернулся все же к трехактной пье-

се. А работа по-прежнему шла медленно: «... тщательно работать нет сил, а сделать кое-как я не решусь ни за что на свете» (*ПСС, XVI, 120)*.

15 ноября Стрепетова вновь пишет Островскому: «Умоляю Вас выслать мне пьесу к 22 числу» (*Стрепетова, стр. 285)*, но Островский отвечает: «Пьеса, которую я пишу, вещь очень серьезная, и роль для Вас превосходная. Торопиться я не могу: во-первых, привык к тщательной работе, а во-вторых, я очень нездоров» *(ПСС, XVI, 131)*. И в другом письме: «Поверите ли, как меня измучила моя пьеса! Я ее переделываю в третий раз. Два раза начинал и два раза бросал, чего со мной прежде не бывало <...> И все-таки я пьесу кончу к последнему перед праздниками Комитету, одновременно я пришлю другой экземпляр для цензуры, а третий Вам в руки для считки и переписывания ролей. Я пишу днем и ночью» *(ПСС, XVI, 134)*. Наконец, 18 декабря Островский сообщает Стрепетовой: «Я сижу, окруженный тремя писцами, и мучаюсь страшно: писал больной, карандашом, с помарками, и теперь едва сам разбираю. Переписываю сам набело, по листам, и отдаю переписчикам. Теперь уж я, по крайней мере, покоен, я знаю, что пьеса поспеет к Комитету <...> уж, во всяком случае, в субботу Вам принесут на дом, прямо с поезда, три экземпляра» *(ПСС, XVI, 136—137)*.

22 декабря Театрально-литературный комитет одобрил пьесу, а 24 декабря ее разрешила к представлению драматическая цензура (даты — на копиях *ЛГТБ)*.

Отослав пьесу в Петербург, Островский 24 декабря организовал чтение ее у себя дома. «На всех слушавших она произвела громадное впечатление», — сообщал он Стрепетовой *(ПСС, XVI, 139)*.

В апреле 1884 года цензурой были запрещены «Отечественные записки» — журнал, в котором последние девятнадцать лет почти всегда печатался Островский. В течение двенадцати лет «Отечественные записки» начинали каждый журнальный год публикацией его новой пьесы. Драматург потерял привычное и дорогое ему журнальное пристанище. В связи с этим к Островскому обратился с письмом редактор журнала «Русская мысль» С. А. Юрьев: «Русская мысль», лишенная возможности печатать Ваши произведения, была осуждена ограничиваться посредственностями в области драматической литературы <...> Теперь я открываю драматический отдел исключительно для Ваших работ, и Вами задуманных, и Вами написанных <...> или, в исключительном случае, только для таких, не Вами созданных пиес, которые по достоинству наиближе подойдут к Вашим, если таковые явятся. Позвольте <надеяться>, глубокоуважаемый Александр Николаевич, что Вы не откажетесь сделать честь «Русской мысли» украсить ее Вашими произведениями» *(«Неизд. письма», стр. 649)*. Островский дал согласие на это и 31 декабря 1884 года сообщил Юрьеву об окончании пьесы и о передаче ее в «Русскую мысль», где пьеса и была опубликована.

За пьесу «Не от мира сего» Островскому была присуждена Грибоедовская премия.

Критика иронически отнеслась к новой пьесе: «Название пьесы метко характеризует содержание ее» *(«Бирж. вед.», 1885, 11 января)*; «Пьеса эта действительно не от мира сего» *(«Нов. время», 1885, 10 января)*.

Лишь немногие поняли серьезность пьесы. Некто П. К. писал в статье «Новое произведение А. Н. Островского «Не от мира сего», что тип Ксении Кочуевой — порождение эпохи 80-х годов, когда наряду с людьми, живущими «без определенных идеалов, оживляющих ум и сердце», появлялись новые люди: «Грязь не пристает к их чистой душе, не развращает их мысли, но сбивает с толку, заставляет метаться, искать инстинктивно правды. В результате <...> получается полнейший *душевный недуг*. Физическая слабость мешает им стать героями, бороться. Они способны лишь к *пассивному сопротивлению*. Не мирятся со злом, но и не борются с ним» *(«Театр и жизнь», 1885, 18 января)*. Известный театральный рецензент С. Васильев (С. В. Флеров) в большой статье, занявшей три номера газеты «Московские ведомости», сумел увидеть особенности пьесы. «За успех пиесы, — писал он, — нельзя поручиться. И знаете почему? Потому что это не столько пиеса, сколько драматическая поэма. Потому что в этой пиесе очень много поэзии, а мы слишком отвыкли теперь от нее <...> Вся сила пиесы сосредоточена на нравственности, духовном воздействии одних лиц на другие, сосредоточена на внутренних, духовных процессах, которые находят себе исход не столько в действии, сколько в речах, в исповедях того, что совершается в душе <...> В лице Снафидиной мы встречаемся с совершенно новым типом самодурства, и тип этот косвенным образом освещает все предыдущие <...> Ни в одной из своих пиес не выставлял еще А. Н. Островский с такой яркостью этой смутной идеальной подкладки, на которой зиждется русское «самодурство», взятое не в смысле эксцентрических капризов ломающегося и бахвалящегося богатства, но в смысле семейной тирании» (*1885, 22 января)*. Определение новой пьесы как «поэмы» подхватило и «Новое время»: «Новая пьеса г. Островского <...> довольно резко отличается от всего написанного» им. Она «даже мало подходит к общепринятому названию «драма» и скорее может быть названа «драматическим стихотворением в прозе» *(1885, 10 января)*.

Премьера в Александринском театре состоялась 9 января 1885 года в бенефис П. А. Стрепетовой. Роли исполняли: Кочуев — М. М. Петипа, Ксения — П. А. Стрепетова, Елохов — В. Н. Давыдов, Барбарисов — С. А. Чернов, Хиония Прокофьевна — М. М. Александрова, Муругов — В. П. Далматов, Снафидина — А. И. Шуберт, Капитолина — Н. Е. Хлебникова, Мардарий — В. С. Ремизов.

По первоначальным наметкам Островского распределение ролей было несколько иным: в телеграмме Стрепетовой драматург выразил желание, чтобы роль Кочуева исполнял Н. Ф. Сазонов, а Барбарисова — М. М. Петипа (см. *ПСС, XVI, 138*). Стрепетова сообщила: «Сегодня утром была считка Вашей пьесы. Сазонов отказался от роли Барбарисова, заявив, что это должен быть *молодой* человек. Я ответила ему, что это с его стороны крайне недобросовестно <...> что это назначение А. Н. Островского» (*Стрепетова, стр. 287)* [1].

---

[1] По этому поводу Д. В. Аверкиев заметил, что новая пьеса Островского требует «для своей передачи актеров с литературным образованием, а литературность большинства александринских ис-

Островский не возражал: «Распределение я послал примерное, переделывайте, как хотите» *(ПСС, XVI, 138)*.

В цитированном выше письме Стрепетова писала также: «Мне очень понравилась «Не от мира сего», только страшно боюсь за свою роль, выйдет ли она у меня? Неужели Вы не приедете, и я не услышу Ваше чтение? Напишите указаний побольше об исполнении — и как умирать» (*Стрепетова, стр. 287)*.

Островский отвечал артистке: «Роль Ксении играть не бойтесь, она вся в ваших средствах. Указания, если нужны, то разве только для 3-го действия; 1-е и 2-е ясны сами по себе <...> В 3-ем действии Ксения выходит покойная и счастливая, о своих недостатках говорит равнодушно, но, при докладе о приезде Муругова, очень пугается, и в разговоре с ним конфузится и путается. Беспокойство и волнение остаются в ней и по уходе Муругова — оставшись одна, произносит монолог рассудительно, в лице признаки глубокой и серьезной думы; но говорит медленно и несколько упавшим голосом. После прочтения счетов она вскрикивает от боли в груди и вдруг порывается идти куда-то; но, сделав несколько шагов, останавливается в недоумении и начинает припоминать. Здесь она еще не теряет сознания и, припомнив кой-что, хочет исполнить совет мужа отдохнуть и успокоиться. При взгляде на счет во второй раз она лишается чувств; в разговоре с Хионией у нее является настоящий горячечный бред; слово «спасите!» она произносит с криком и лихорадочной дрожью. При появлении мужа у нее является предсмертное просветление: она смотрит ясно, с кроткой улыбкой, говорит с сознанием, но тихо и с расстановкой; после слова «про-ща-ю» голова ее падает на грудь, руки опускаются, вся она углубляется в кресло. Все это должно быть в одно мгновение, этого момента тянуть нельзя» *(ПСС, XVI, 139—140)*.

Рецензенты отмечали, что актриса превосходно исполнила свою роль, «поняла и передала весь характер героини <...> рельефно выдвинула все малейшие детали и в особенности конец 3-го действия <...> сыграла прекрасно, правдиво, художественно» (*«Нов. время», 1885, 10 января)*. Некто Экс писал: «Бенефициантка провела роль прекрасно» *(«Бирж. вед.», 1885, 11 января)*. Из других актеров отмечались Далматов, Давыдов, Шуберт, Петипа; «Вообще пьеса прошла стройно и смотрелась с интересом» *(там же)*. Но последнее мнение разделяли не все: рецензент «Санкт-петербургских ведомостей» утверждал, что спектакль имел «такой незначительный успех, который очень близок к отрицательному» *(1885, 11 января)*.

Премьера в Малом театре состоялась 16 января 1885 года в бенефис Г. Н. Федотовой. Роли исполняли: Кочуев — А. П. Ленский, Ксения — Г. Н. Федотова, Елохов — В. А. Макшеев, Барбарисов — Н. И. Музиль, Хиония — О. О. Садовская, Муругов — Н. Е. Вильде, Снафидина — Н. М. Медведева, Капитолина — Е. Н. Самойлова, Мардарий — Д. В. Живокини (Живокини 2-й).

Премьера готовилась под руководством самого Островского: им были распределены роли (только роль Капитолины вместо предлагаемой А. Н. Ермоловой-Кречетовой (Ермоловой 2-й) исполняла

полнителей такова, что один из них, вдобавок член литературно-театрального комитета, отказался от роли Барбарисова, вероятно, найдя ее «не симпатичной». «Вот наши строгие ценители и судьи!» *(Д. В. Аверкиев, Дневник писателя. 1885 год. Февраль, Спб., 1885, стр. 69—70)*.

Е. Н. Самойлова) и проведена считка пьесы с актерами на квартире Федотовой (см. *ПСС, XVI, 141)*.

После премьеры рецензент «Русских ведомостей» писал: «Петербургские газеты после исполнения последнего произведения А. Н. Островского на сцене Александринского театра в бенефис г-жи Стрепетовой отозвались весьма неодобрительно об этом произведении, причислив его к слабейшим произведениям маститого драматурга. Москвичи иначе отнеслись к оценке новой пьесы после исполнения ее в бенефис г-жи Федотовой». Он отмечал «превосходную, отделанную до мельчайших деталей» игру актрисы (*1885, 21 января)*. С такой оценкой был согласен и С. Васильев: «Исполнение ее было превосходно. Г-жа Федотова создала в типе Ксении одну из лучших своих ролей, и я лично не могу вполне согласиться лишь с некоторой растянутостью, с какою ведет г. Музиль роль Барбарисова» *(«Моск. вед.», 1885, 26 января)*. В исполнении Федотовой, писал некто Nemo, «перед нами действительно была женщина «не от мира сего», нервная, болезненная, нравственно разбитая, дни которой сочтены. В тех монологах, в которых она высказывала свое миросозерцание и свои убеждения, игра г-жи Федотовой отличалась особенной правдивостью и глубоким чувством; минорный тон ее речи, казавшийся многим натянутым и фальшивым, по нашему мнению, вполне соответствует роли и доказывает, что артистка ее поняла. Особенно удачно был выполнен г-жою Федотовой последний акт — сцена припадка, сопровождавшаяся галлюцинациями и, наконец, смерть от нервного удара» *(«Моск. летоп.», 1885, 23 января)*.

Среди других исполнителей рецензенты особо выделяли игру Медведевой, «замечательно характерно изобразившей роль матери Ксении» *(«Рус. вед.», 1885, 21 января)*. «Ее крупная фигура, — писал Аверкиев,— как нельзя более подходит к роли; туалет ее в бытовом отношении безукоризнен; басовые ноты, являющиеся в те моменты, когда Снафидина подтверждает свое мнение, весьма характерны. Начесы на висках, при открытом в середине до верху лбе, подобранная верхняя губа и надменно опущенная нижняя довершают впечатление» *(Д. В. Аверкиев, Дневник писателя. 1885 год, Март, Спб., 1885, стр. 99—100)*.

При жизни Островского в Москве, в Малом театре, пьеса прошла 13 раз, в Петербурге, в Александринском театре, — 3 раза (последний спектакль в Москве состоялся 15 декабря 1885 г., в Петербурге — 28 января 1885 г.). В театрах провинции состоялось 13 спектаклей.

Стр. 453

Сенат — см. прим. к стр. 361.

... *со всеми онёрами* — со всем, что полагается, со всеми преимуществами (от франц. honneur — честь, почесть, а также — в переносном смысле — старшая козырная карта).

Стр. 467

Филемон и Бавкида — в древнегреческой мифологии — чета скромных стариков супругов, синоним неразлучной пары. Это сказание было обработано Овидием («Метаморфозы», гл. 8, стих 610 и след.).

Афанасий Иваныч и Пульхерия Ивановна — персонажи повести Гоголя «Старосветские помещики».

Окружной суд — первая судебная инстанция по гражданским делам.

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]. Т. 5. Пьесы. 1878—1884. М., «Искусство», 1975.

543 с.; 1 л. портр.

В пятый том настоящего издания вошли пьесы, написанные писателем с 1878 по 1884 год: «Бесприданница», «Сердце не камень», «Невольницы», «Таланты и поклонники», «Красавец-мужчина», «Без вины виноватые», «Не от мира сего». Том снабжен статьей В. Лакшина «Островский (1878—1886)».

О $\frac{70600\text{-}153}{025(01)\text{-}75}$ **подписное** **Р1**

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 5

Редактор З. М. Пекарская

Художественный редактор Л. И. Орлова

Технический редактор Н. С. Еремина

Корректор З. Д. Гинзбург

Сдано в набор 22/I 1975 г. Подписано в печать 3/VII 1975 г. Формат издания 84×108/32. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 28,666. Уч.-изд. л. 29,255. Изд. № 12973. Тираж 80 000 экз. Заказ 2367. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», 103051 Москва, Цветной бульвар, 25.
Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28.

1 р. 60 к.